Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (83)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2026

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 3 (83). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2026. – 338 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
С.А. Судьин – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); О.В. Лебедева – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); И.С. Леонова – д.соц.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Т.Г. Мухина – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); И.Э. Петрова – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); Н.В. Рыбаков – к.соц.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М.Л. Теодорович – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Г. Фролов – к.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); Н.И. Яшина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2026

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK

OF LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 3 (83)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2026

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 3 (83). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2026. – 338 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
S.A. Sudyin – D.Sc. (Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.;
P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.;
M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.;
M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy),
Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.;
L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.;
R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Lebedeva – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof.;
I.S. Leonova – D.Sc. (Sociology), Prof,; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.;
N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.;
I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; T.G. Mukhina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.;
I.E. Petrova – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.;
N.V. Rybakov – Cand. Sc (Sociology), Assoc. Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.;
M.L. Teodorovich – D.Sc. (Sociology), Prof.; Yu.V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.;
O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; V.G. Frolov – Cand. Sc. (Economics), Assoc. Prof.;
A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; N.I. Yashina – D.Sc. (Economics), Prof.;
S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Ангелова О.Ю., Дмитриева Е.М., Шестерикова Н.В. Развитие сектора информационных технологий Нижегородской области: мнение студентов ИТ-направлений подготовки 9
Галимулина Ф.Ф., Барсегян Н.В. Оценка и прогноз замыкания ресурсных циклов в российской промышленности с учетом влияния цифрового инжиниринга 19
Глезман Л.В., Федосеева С.С. Пространственно-отраслевые диспропорции промышленного развития регионов России в условиях структурной трансформации 29
Гордеева М.А. Оценка эффективности инвестиционного портфеля промышленного предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий 38
Камскова И.Д. Сегментация рынка «умных» часов с использованием методов машинного обучения 50
Плехова Ю.О., Перова В.И., Богомолова М.А., Леонтьева А.А. Нейронные сети в анализе инновационной деятельности и технологического лидерства как факторов поступательного социально-экономического развития субъектов России 66
Салмин П.С., Салмина Н.А., Куликова А.В. Маркетинговые решения на основе искусственного интеллекта в среде «1С:Предприятие» 75
Семенихин В.В., Гуськова И.В. Динамическая управленческая экосистема как метод оценки управленческих компетенций 84
Чкалова О.В., Муранова Т.Д. Закономерности инновационного развития торговли в технологических условиях 95
Яшин С.Н., Кошелев Е.В., Иванов А.А. Построение инновационных рейтингов регионов в радиоэлектронной промышленности с применением долгой краткосрочной памяти 104

Социологические науки

Гурко Т.А. Благополучие родителей несовершеннолетних детей: динамика и дифференциация 113
Козырьков В.П. Становление социальной экспертизы как функции социологии и новой формы духовной культуры 124
Лебедева-Несевря Н.А., Барг А.О., Корнилицына М.Д. Установки россиян в отношении изменения климата: кейс крупного промышленного города 133
Малкина М.Ю., Гаранина А.А. Мотивы предпринимательской деятельности в представлении различных социальных групп: сравнительный анализ 144
Саралиева З.Х.-М., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В. Патриотизм в практиках исторического памятования. Часть 2 154
Кульчицкая Е.В., Прихач А.Ю. Анализ концепций лидерства в контексте стрессогенности организации 165
Ахмадуллин И.Р., Фатхуллина Л.З. Конфликты в эпоху социальных сетей: новые триггеры и масштабы 171
Вельмисова Д.В. Трансформация социальных ролей и формирование нового социального порядка в системе инновационных преобразований 181
Кутявина Е.Е., Шинкаренко Е.А., Голубева А.Д. Капиталы и репродуктивный выбор: принятие решения о сохранении беременности 195
Вишнякова Н.А., Курмышкина О.Н., Маторкина Т.Г. Наркопотребление в Республике Мордовия 204
Лебедева Л.Г. Проблема социальности и солидарности в дискурсе социального государства 210
Натсак О.Д., Горина Т.И. Материальное положение, позиции в отношениях власти и уважения в самооценках женщин из неполных семей (по материалам РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.) 218
Парфенова О.А., Петухова И.С. Как сельское пространство формирует границы профессии социального работника 234
Кислов А.И. Противоречия системы социальной работы через призму категории фрагментированности 243

Педагогические науки

Чжао Фэнцай Реализация междисциплинарных программ подготовки специалистов «Русский язык + право» на примере Шанхайского политико-юридического университета 251
Андреева А.А. Оценка эффективности программ дополнительного профессионального образования в условиях интеграции технологий искусственного интеллекта 259
Лю Цзинцзюань, Сун Шэннань, Горылев А.И. Применение технологий искусственного интеллекта для реализации смешанного обучения (на примере курса «История русской литературы») 269
Провоторова Н.В., Приставко Т.М., Прихода И.В., Бойченко П.К. Роль профессиональных ценностей в процессе подготовки будущих медицинских работников в условиях социальной нестабильности 280
Щелина Т.Т., Беганцова И.С., Гусева Н.В., Степанова С.О. Потенциал бережливых технологий в формировании бережного сознания субъектов образования в учебно-воспитательном процессе вуза 287
Мухина Т.Г., Филиппова Т.В. Модель педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России 297
Зиннатуллина Л.М. Прагматические стратегии при обучении презентационным и дискуссионным форматам студентов инженерных специальностей, изучающих английский язык как иностранный 312
Полушкина С.В., Зуборева А.А., Овсецина Т.И., Каткова М.Р. Межпредметная интеграция физики и математики в рамках пропедевтического элективного курса основной школы 319
Байбекова С.Н., Родионов М.А. Возможности применения инструментов искусственного интеллекта в условиях информационной образовательной среды многопрофильного колледжа 325
Орлова Е.С. Перспективное применение теории сложности в изучении языка в высшем образовании 333

CONTENTS

Economic sciences

Angelova O.Yu., Dmitrieva E.M., Shesterikova N.V. Development of the information technology sector in the Nizhny Novgorod Region: the view of IT students....9
Galimulina F.F., Barsegyan N.V. Assessment and forecast of resource cycle closure in Russian industry taking into account the impact of digital engineering....19
Glezman L.V., Fedoseeva S.S. Spatial and sectoral disparities in industrial development of Russian regions under structural transformation....29
Gordeeva M.A. Assessment of the efficiency of the investment portfolio of an industrial enterprise in the field of the creative economy and creative industries....38
Kamskova I.D. Segmentation of the smartwatch market using machine learning methods....50
Plekhova Yu.O., Perova V.I., Bogomolova M.A., Leontieva A.A. Neural networks in the analysis of innovation activity and technological leadership as factors of progressive socio-economic development of Russian regions....66
Salmin P.S., Salmina N.A., Kulikova A.V. Marketing solutions based on artificial intelligence in the 1C:Enterprise environment....75
Semenikhin V.V., Guskova I.V. «Dynamic management ecosystem» as a method of assessing managerial competencies....84
Chkalova O.V., Muranova T.D. Patterns of innovative development of trade in technological conditions....95
Yashin S.N., Koshelev E.V., Ivanov A.A. Constructing innovative regional ratings in the radioelectronics industry using long-short-term memory....104

Sociological sciences

Gurko T.A. Welfare of parents of minor children: dynamics and differentiation....113
Kozyr'kov V.P. The formation of social expertise as a function of sociology and a new form of spiritual culture....124
Lebedeva-Nesevria N.A., Barg A.O., Kornilitsyna M.D. Russian's attitudes towards climate change: case of the big industrial city....133
Malkina M.Yu., Garanina A.A. Entrepreneurial activities motives as viewed by various social groups: a comparative analysis....144
Saralieva Z.H-M., Shirokalova G.S., Shkurin D.V. Patriotism in the practice of historical remembrance. Part 2....154
Kulchitskaya E.V., Prikhach A.Yu. Analysis of leadership concepts in the context of organizational stress....165
Akhmadullin I.R., Fatkhullina L.Z. Conflicts in the age of social media: new triggers and scales....171
Velmisova D.V. Transformation of social roles and the formation of a new social order in the system of innovative transformations....181
Kutyavina E.E., Shinkarenko E.A., Golubeva A.D. Capital and reproductive choice: making a decision to maintain pregnancy....195
Vishnyakova N.A., Kurmyshkina O.N., Matorkina T.G. Drug use in the Republic of Mordovia....204
Lebedeva L.G. The problem of sociality and solidarity in the discourse of the welfare state....210
Natsak O.D., Gorina T.I. Self-esteem of the social status of women from single-parent families (based on the materials of the RLMS–HSE 2004–2023)....218
Parfenova O.A., Petukhova I.S. How rural space shapes the boundaries of a social worker's profession....234
Kislov A.I. Contradictions of the social work system through the prism of the fragmentation category....243

Pedagogical sciences

Zhao Fengcai Implementation of interdisciplinary training programs for «Russian + Law» specialists – a case study of Shanghai University of Political Science and Law....251
Andreeva A.A. Evaluating the effectiveness of continuing professional education programs in the context of artificial intelligence integration....259

Liu Jingjuan, Sun Shengnan, Gorylev A.I. Application of artificial intelligence technologies for implementing blended learning – a case study of the course «History of Russian Literature» 269
Provotorova N.V., Pristavko T.M., Prikhoda I.V., Boichenko P.K. The place of professional values in the training of future medical professionals in conditions of social instability 280
Shchelina T.T., Begantsova I.S., Guseva N.V., Stepanova S.O. The potential of lean technologies in the formation of careful consciousness of subjects of education in the educational process of the university 287
Mukhina T.G., Filippova T.V. Model of pedagogical support for professional self-development of cadets in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia 297
Zinnatullina L.M. Pragmatic strategies for teaching presentation and discussion formats in engineering specialties 312
Polushkina S.V., Zuboreva A.A., Ovsetsina T.I., Katkova M.R. Interdisciplinary integration of physics and mathematics as part of a propaedeutic elective course in secondary school 319
Baibekova S.N., Rodionov M.A. The possibilities of using artificial intelligence tools in the information educational environment of a multidisciplinary college (using the example of training trade specialists) 325
Orlova E.S. Prospective complexity theory applications to language acquisition in higher education 333

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378
DOI 10.52452/18115942_2026_3_9

РАЗВИТИЕ СЕКТОРА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: МНЕНИЕ СТУДЕНТОВ ИТ-НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

© 2026 г.

О.Ю. Ангелова, Е.М. Дмитриева, Н.В. Шестерикова

Ангелова Ольга Юрьевна, к.э.н., доц.; доцент кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
o.y.angelova@iee.unn.ru
Дмитриева Елена Михайловна, преподаватель кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
dmitrieva@iee.unn.ru
Шестерикова Наталия Васильевна, к.э.н., доц.; доцент кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shesterikova@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию 02.07.2026
Статья принята к публикации 31.07.2026

Анализируется развитие ИТ-сектора Нижегородской области с акцентом на кадровый потенциал и мнение студентов ИТ-направлений. Актуальность обусловлена сложной ситуацией на рынке труда ИТ-специалистов в России (сочетание дефицита со структурными изменениями спроса) и необходимостью синхронизации образовательного процесса с запросами рынка. На основе опроса 226 студентов ИТ-специальностей нижегородских вузов (2024–2026 гг.) выявлены ключевые факторы выбора ИТ-профессии: перспективность отрасли (82.8%), личный интерес (77.1%) и уровень оплаты труда (74%). При анализе данных применялись методы частотного анализа, корреляционного анализа и построения тепловой карты корреляции основных числовых переменных, полученных в ходе опроса. Установлено, что лишь 2.1% указали региональный инфраструктурный проект – кампус «Неймарк» как решающий фактор при поступлении на ИТ-специальность. Выявлены значимые разрывы «ожидание – реализация» текущего образовательного процесса: наибольшие – по факторам «наличие современного оборудования» (−1.60), «преподаватели-практики» (−1.48) и «отработка практических навыков» (−1.44), что может быть использовано для формирования направлений повышения качества образования в ИТ-сфере. Сделан вывод, что для удержания молодых кадров необходимы субсидированное жильё, развитие экосистемы стажировок и информационная поддержка инфраструктурных проектов. Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что наличие в Нижегородском регионе развитой инфраструктуры, квалифицированных кадров, ресурсов, институциональных условий, компетенций формирует прочный фундамент для долгосрочного сохранения и наращивания ее потенциала как одного из ключевых центров развития ИТ-отрасли в масштабах страны.

Ключевые слова: ИТ-отрасль, ИТ-кадры, Нижегородская область, региональное развитие, факторы развития, опрос студентов, высшее образование.

Введение

В настоящее время информационные технологии продолжают выступать одним из основных драйверов мирового экономического развития, демонстрируя устойчивый рост – объем мирового ИТ-рынка в 2025 году оценивается аналитиками компании Gartner в 5.54 трлн долларов, специалистами The Business Research Company – почти в 2 раза больше, в 9.61 трлн долларов (но в показатель включены продажи телекоммуникационного оборудования и услуг), годовой прирост составляет около 9% [1]. В основе роста – стремительное развитие искусственного

интеллекта (ИИ), облачных технологий, продолжение цифровой трансформации всех отраслей мировой экономики. Российская ИТ-сфера обнаруживает еще более динамичное развитие, продемонстрировав удвоение за период с 2019 по 2024 год и достигнув в 2025 году значения в 2.5% ВВП [2]. Емкость российского ИТ-рынка оценивается в 1.5 трлн рублей [3]. Рост ИТ-рынка нашей страны, кроме прочего, обусловлен и активной цифровизацией различных отраслей во всех регионах России. Методологической основой для определения векторов развития служит методика Минцифры России, в которой цифровая зрелость регионов оценивается по пяти ключевым отраслям, которые и формируют ведущие направления трансформации [4]:

- здравоохранение, где основная цель – перевод медицинской помощи в дистанционный формат для повышения доступности и качества, снижения нагрузки на медицинский персонал за счет автоматизации процессов;
- образование с ориентацией на персонализацию обучения и создание цифровой образовательной среды для обеспечения равных возможностей для самореализации и развития талантов, повышение эффективности образовательного процесса;
- городское хозяйство и строительство с целью повышения комфорта и безопасности городской среды, прозрачности управления жилым фондом, а также реализации концепции «умного города» с использованием интернета вещей и ИИ;
- общественный транспорт, цель – сделать его более безопасным, удобным и прозрачным для пассажиров, обеспечив повышение мобильности населения;
- государственное управление, призванное повысить эффективность и клиентоцентричность взаимодействия власти с гражданами и бизнесом.

При этом в исследовании [4] показана значительная межрегиональная дифференциация по уровню цифровизации. Выделяются группы регионов: передовые (к которым авторы на основе анализа ключевых показателей относят Сахалинскую, Липецкую области, г. Санкт-Петербург. Сюда же относится и Нижегородская область, которая занимает 20-ю позицию по индексу цифровой зрелости, а по динамике роста – только 75-е место, что, по мнению экспертов, связано с относительно невысокими плановыми темпами роста индекса цифровой зрелости), средневысокие, средненизкие и отстающие (например, Республика Коми, Красноярский и Забайкальский края). Кроме того, можно увидеть и отраслевую несбалансированность в ряде регионов. Развитие ИТ-отрасли России сопровождается ростом числа занятых, оно в 2025 году достигло 1.1 млн человек при средней заработной плате 195.7 тыс. рублей [2]. Нельзя недооценивать влияние ИТ-отрасли, которая способна обеспечить мультипликативный эффект, и на региональном уровне. В 2024 году прирост в ИТ-секторе Нижегородской области составил более 6.5%, обеспечив долю в ВРП в размере 4% [5]. Динамика вклада отрасли связи и информации в ВРП региона представлена на рис. 1.

На конец 2024 г. в ИТ-сфере Нижегородской области и смежных с ней отраслях (телекоммуникация, производство компьютеров и электроники, оптовая торговля компьютерами и электроникой, ремонт компьютеров и издание ПО) насчитывается 2038 компаний (динамика их количества в 2019–2024 гг. отражена на рис. 2) и 3192 индивидуальных предпринимателя (ИП), что обеспечивает региону 3-е место в России (после г. Москвы и Санкт-Петербурга) по уровню развития индустрии разработки программного обеспечения (ПО). Оборот нижегородских ИТ-компаний за первое полугодие 2025 г. увеличился на 17.1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, достигнув 36 млрд рублей. При этом численность специалистов (динамика представлена на рис. 3), непосредственно задействованных в разработке ПО в Нижегородской области, составляет 34% от общей численности трудоустроенных в отрасли. Можно отметить, что современной тенденцией является сочетание ярко выраженного демографического кризиса с отсутствием кадров. По данным Федеральной службы государственной статистики за 2022 г., в России не хватало более миллиона ИТ-специалистов, а к 2027 г., по прогнозам, этот показатель увеличится в два раза, что связано с множеством факторов – релокацией за границу, развитием технологий, проблемами образовательного сектора [6]. При этом одним из факторов, повышающих предложение на мировом и российском рынке труда ИТ-специалистов, является переход в ИТ-отрасль сотрудников из других сфер занятости после прохождения краткосрочных и среднесрочных программ.

С целью привлечения высококвалифицированных кадров в отрасль в нашем регионе проводится политика, ориентированная на развитие мер поддержки, предлагаемых федеральным центром, например с 2024 года действует программа полного возмещения компаниям налога на доходы физических лиц (НДФЛ) за ИТ-специалистов, переехавших в область из других ре-

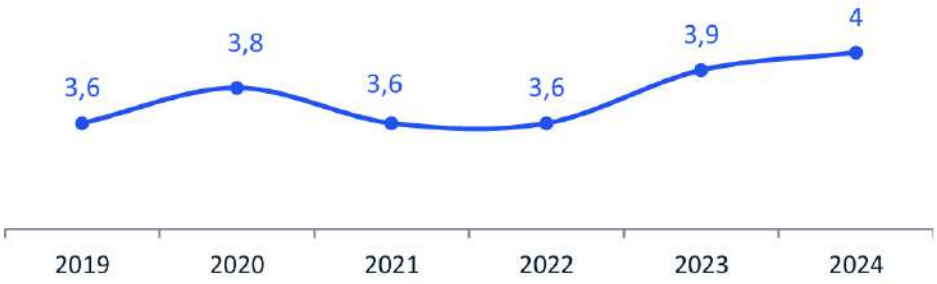

Рис. 1. Динамика доли деятельности в области информации и связи в ВРП Нижегородской области, % [5]

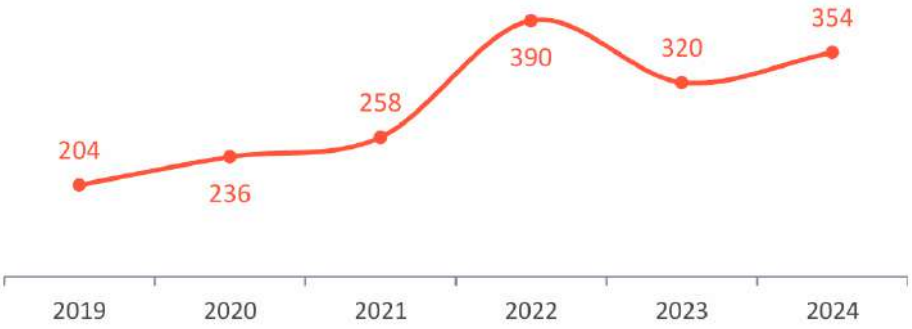

Рис. 2. Число аккредитованных ИТ-компаний Нижегородской области, ед. [5]

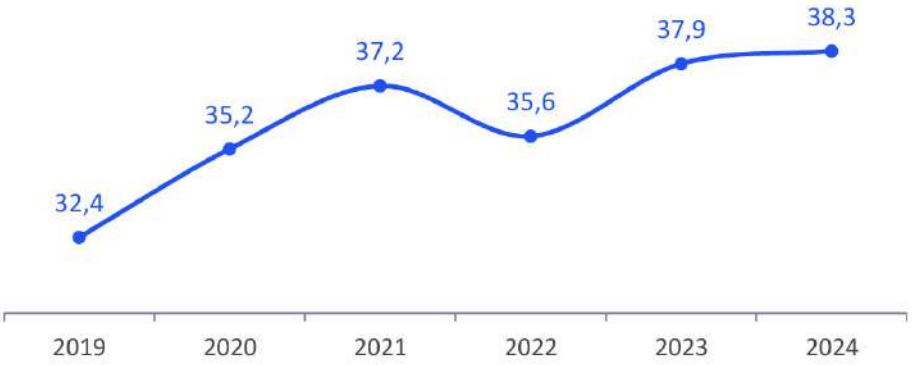

Рис. 3. Среднесписочная численность работников в ИКТ-секторе Нижегородской области, тыс. чел. [5]

гионов или из-за рубежа, что уже обеспечило релокацию 1230 специалистов. Кроме того, к услугам участников программы онлайн-сервис для помощи в переезде в регион. А с 2025 года ИТ-компании могут получить возмещение в размере 50% НДФЛ за ИТ-специалистов, работающих удаленно из других российских регионов [7].

В 2025 году Нижегородская область направила более 1.5 млрд рублей на проекты цифровизации в рамках нацпроекта «Экономика данных». Основной целью стало завершение строительства IT-кампуса «Неймарк» (суммарные инвестиции 40 млрд руб., в том числе средства федерального гранта 19.3 млрд руб. и концессионной инициативы – 21.7 млрд руб.), который станет частью особой территории ИНТЦ «Квантовая долина». Рядом с кампусом планируется создание частными инвесторами ИТ-квартала для размещения офисов компаний, которым будут предоставляться различные льготы, в том числе налоговые [8].

Основой для развития ИТ-отрасли, кроме инфраструктурного компонента, является образовательная сфера, так как именно от качества и масштабов подготовки кадров напрямую зависит способность ИТ-сектора отвечать на вызовы цифровой экономики. В России в 2026 году на

программы подготовки ИТ- и ИИ-специалистов в вузах планируется принять порядка 6.5 тысячи студентов [9], что свидетельствует о системном подходе к формированию кадрового резерва в ИТ-отрасли, чья важность признается на государственном уровне. Кроме количественных показателей, принципиально важным трендом становится трансформация самого подхода к взаимодействию ИТ-образования и бизнеса. С 2026 года вводится обязательное требование для крупных ИТ-компаний (с выручкой от 1 млрд рублей) заключать соглашения с вузами о содействии в подготовке кадров, направляя на эти цели 3% от средств, сэкономленных на налоговых льготах. Такой механизм позволяет синхронизировать академические программы с реальными запросами рынка, минимизируя разрыв между спросом и предложением ИТ-специалистов. Одновременно развивается система ранней профориентации: новый этап проекта «Урок цифры» знакомит школьников с анализом данных и алгоритмами, формируя осознанный выбор ИТ-профессий уже на уровне школьного обучения. Таким образом, образовательная сфера превращается в единую экосистему непрерывной подготовки кадров – от школьных уроков информатики до специализированных магистерских программ, поддерживаемых бизнесом, что создает основу для долгосрочного технологического лидерства страны. Изменения процесса подготовки современных ИТ-специалистов не только касаются высшего образования, но и распространяются на уровень среднего специального образования [10].

Для детального анализа кадрового потенциала отрасли в Нижегородском регионе целесообразно изучить и учесть мнение студентов, выбравших ИТ-отрасль как сферу своей профессиональной деятельности.

Описание исследования

Сфера высшего образования в Нижегородской области представлена 10 государственными и муниципальными вузами, 16 филиалами, а также одним частным университетом и тремя филиалами частных учебных заведений. За последние пять лет число самостоятельных вузов увеличилось. В динамике численности студентов высшей школы в Нижегородской области действуют разнонаправленные тренды: на начало 2022/23 учебного года этот показатель составил 85.8 тыс. человек (прирост к предыдущему периоду на 1.4%), в 2023/24 уч. году – около 96 тыс., в 2024/25 – 90.5 тыс., в 2025/26 уч. году – 91.5 тыс. человек. В 2025 году конкурс в государственные и муниципальные вузы региона достиг 1163 человек на 100 бюджетных мест. Каждый второй студент обучается на платной основе. Самыми популярными направлениями подготовки среди нижегородских студентов стали: инженерное дело, технологии и технические науки – 33% всех зачисленных в вузы; науки об обществе – 25%; здравоохранение и медицинские науки – 13%; образование и педагогические науки – 10%; математические и естественные науки – 10%; гуманитарные науки – 5%. Благодаря тесному взаимодействию нижегородских вузов с производством процент трудоустройства выпускников на предприятиях в регионе постоянно увеличивается, а по техническим направлениям он составляет 98% [11]. Численность студентов по формам обучения в 2025 г. распределилась следующим образом: 65.3% – на очных отделениях; 25.6% – на заочных; 5.6% – на очно-заочных.

Целями проведенного в 2024–2026 гг. исследования стало выявление:

- потенциальных профессиональных траекторий обучения и профессиональной деятельности;
- влияния развитости территориального бренда на привлекательность Нижегородского региона для ИТ-специалистов;
- направлений дальнейшего повышения уровня и качества образования.

Для проведения маркетингового исследования была использована вероятностная выборка без возврата от размера генеральной совокупности. В данном случае рассматривались студенты всех нижегородских вузов. Размер выборки равен 226 студентов при генеральной совокупности 30195 человек (студенты ИТ-направлений подготовки, 33% от общего количества студентов в 2025/26 уч. г.) при уровне значимости 0.05 и доверительном интервале – 95%.

Среди студентов, обучающихся на ИТ-специальностях в разных вузах Н. Новгорода и принявших участие в опросе, преобладают юноши (59.8%). По возрасту наиболее представлены следующие группы: 19-летние молодые люди – 28.2%, 20-летние – 24.7%, 18-летние – 18.5%. Остальные возрастные группы продемонстрировали значения менее 10%. На заочной и очно-заочной формах обучения встречаются студенты в возрасте 24–36 лет, но каждая из этих групп пренебрежимо мала. Тем не менее это свидетельствует о желании получить именно высшее ИТ-образование, несмотря на определенный трудовой стаж и опыт в другой сфере деятельности.

Большинство студентов решили учиться на ИТ-специальности за 1–3 года до поступления в университет, вероятно, под влиянием выбора ЕГЭ или профиля обучения в старших классах школы. Кроме того, влияние на выбор направления обучения оказали родители (29.5% указали на важность их мнения) и другие значимые взрослые и друзья (16.1%).

С учетом заинтересованности государства в подготовке высококвалифицированных ИТ-специалистов в регионе выделяется значительное количество бюджетных мест, что отражается в результатах опроса: на бюджетных местах обучаются 86.3% студентов. Структура выборки по уровням обучения: бакалавриат – 85.9% респондентов, магистратура – 13.2%. Среди обучающихся 42.3% проживают в Н. Новгороде, 16.7% – в Нижегородской области, соответственно, они выбирали вуз для поступления в родном регионе. Целенаправленно (по разным причинам) переехали в Н. Новгород из других регионов для поступления 18.1% респондентов.

В 2022 г. в Нижнем Новгороде начался процесс создания межвузовского кампуса мирового уровня «Неймарк», который является прообразом единого вуза, единым брендом нижегородского ИТ-образования, где будет осуществляться подготовка полного спектра специалистов для ИТ-компаний. Но только у 2.1% студентов этот факт стал решающим при выборе места обучения. На момент определения траектории обучения 72.2% не знали о данном проекте, а еще 25.6% имели достоверную информацию, но она не оказала никакого влияния на принятие решения, что свидетельствует о неэффективности продвижения данного проекта на региональном уровне.

Критерии выбора ИТ-направления для получения образования представлены на рис. 4. Основными стали: перспективность отрасли в мировом масштабе (82.8%), личный интерес к данной сфере (77.1%) и уровень оплаты труда (74%).

В рамках исследования был проведен частотный анализ российских ИТ-центров, названных участниками опроса, результаты которого представлены на рис. 5.

Можно отметить, что присутствует смешение понятий – некоторые респонденты указали в качестве ИТ-центров города, которые, по их мнению, вносят значительный вклад в подготовку ИТ-специалистов в нашей стране, другие – назвали инфраструктурные объекты. Большинство студентов считают Москву главным ИТ-центром в стране, на втором месте оказался Нижний Новгород, среди объектов наиболее популярными оказались Иннополис, «Сколково» и «Яндекс».

В рамках исследования был проведен корреляционный анализ и построена тепловая карта корреляции основных числовых переменных (представлена на рис. 6), полученных в ходе опроса.

Имеется высокая корреляция между формами получения образования в сфере информационных технологий (краткосрочные курсы с трудоустройством и краткосрочные курсы без трудоустройства (0.89), долгосрочные курсы). Респонденты, высоко оценивающие один тип курсов, почти всегда высоко оценивают и другой. Возможными причинами могут быть схожесть форматов (воспринимаются как «быстрый вход в ИТ», независимо от гарантий трудоустройства) и опыт респондентов (те, кто пробовал такие курсы, могли не заметить разницы в качестве, трудоустройство зависит не от курса, а от личных усилий). Неочевидный парадокс – гарантия трудоустройства, которое организаторы курсов позиционируют как ключевое конкурентное преимущество, почти не влияет на оценки. Это может указывать на определенный скепсис к «гарантиям» (студенты не верят, что курсы реально помогут с работой) и приоритет знаний (важнее содержание курса, а не формальные обещания).
Изменения в ИТ-отрасли, которые создает активное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ), имеют значительное влияние на кадровую политику ИТ-компаний. Возможность реализации сценария, когда ИИ-решения заменят специалистов начального уровня в ИТ-отрасли, оценивается участниками опроса поразному. Затруднились с ответом 40.4% респондентов, они не видят значительной угрозы от этого фактора, 32% явно не согласны с этим тезисом, 17.8% признают наличие такого риска в своей будущей карьере. Возможными причинами такого распределения ответов можно назвать наличие на данный момент технологических ограничений из-за низкой эффективности ИИ в нестандартных задачах, командной работе, понимании бизнес-контекста. С экономической точки зрения иногда компаниям пока дешевле нанимать начинающих ИТ-специалистов, чем внедрять сложные ИИ-решения. Интересно отметить, что те, кто реально работал с ИИ (например, в тестировании кода), чаще выбирают ответ «Согласен с тезисом «ИИ-решения заменят специалистов начального уровня». Следовательно, для повышения эффективности образования с учетом сложившихся трендов целесообразно добавить в программы подготовки следующие модули: работу с ИИ-инструментами, разбор кейсов «Как дополнить ИИ, а не конкурировать с ним», развитие soft skills (креативность, комму-

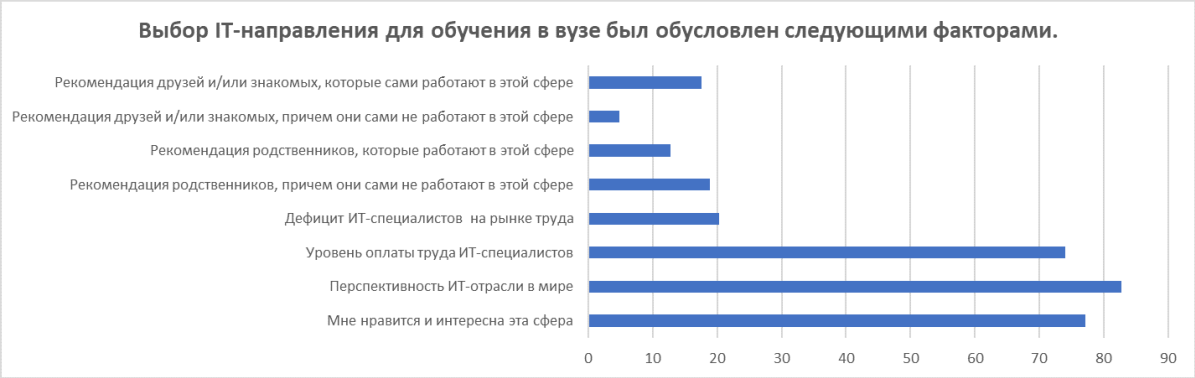

Рис. 4. Факторы, обусловливающие выбор IT-направления для обучения в вузе

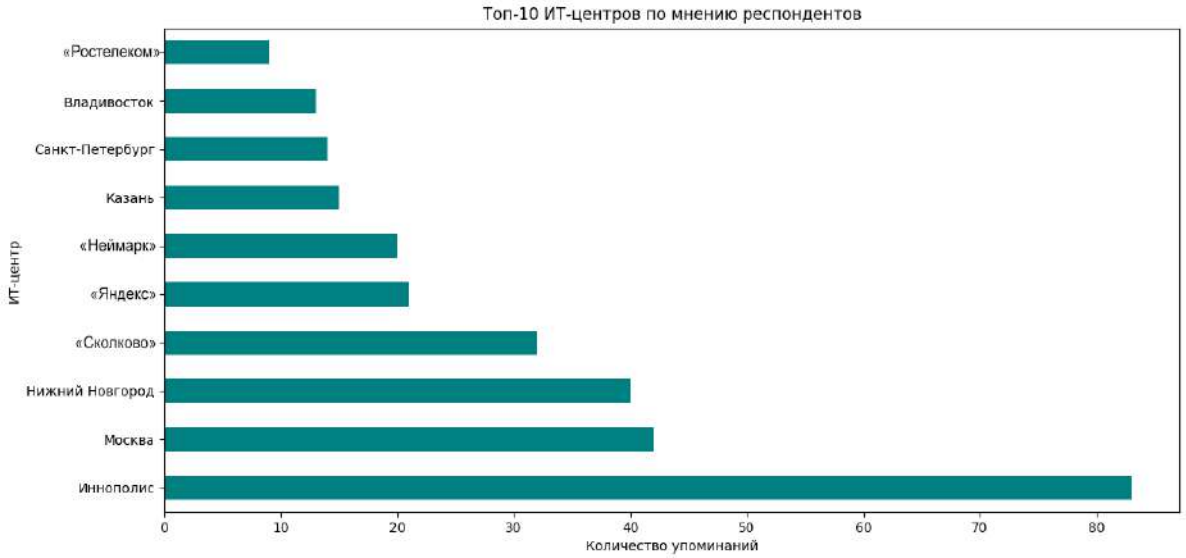

Рис. 5. Топ-10 ИТ-центров по мнению респондентов

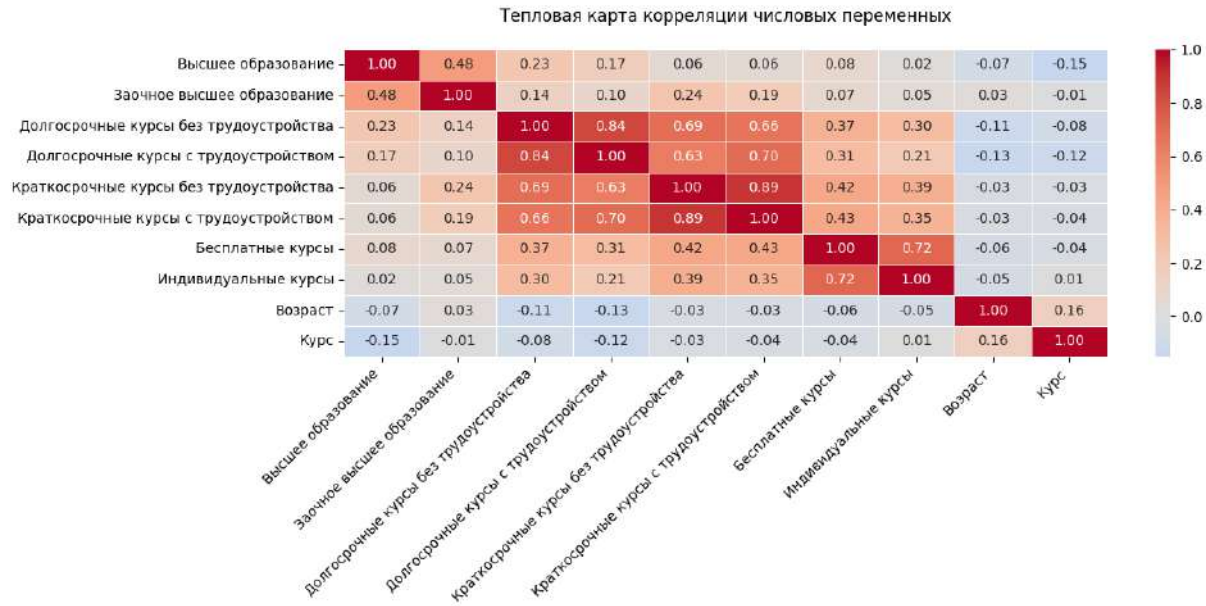

Рис. 6. Тепловая карта корреляции основных числовых переменных, полученных в ходе опроса (составлено авторами)

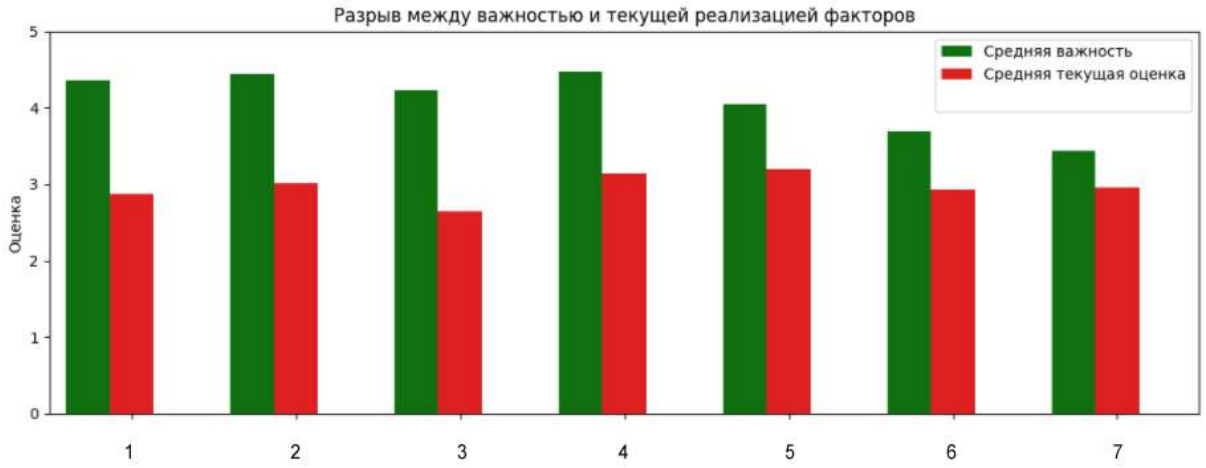

Рис. 7. Разрыв между важностью и текущей реализацией факторов (1 – преподаватели-практики, 2 – практические навыки, 3 – современное оборудование, 4 – современные программные решения, 5 – актуальные курсы, 6 – наличие комьюнити, 7 – наличие инфраструктуры)

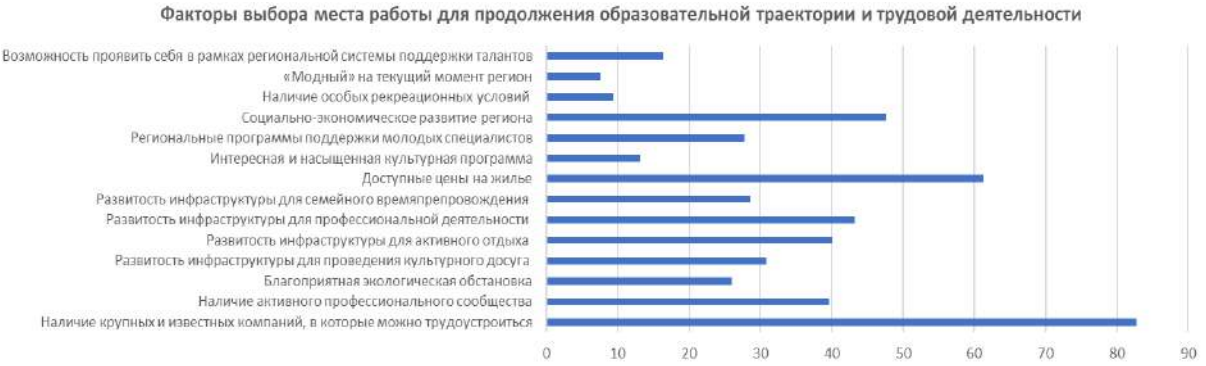

Рис. 8. Факторы выбора места работы для продолжения образовательной траектории и трудовой деятельности, %

никация). Ключевой тренд отрасли – трансформация роли начинающего специалиста, а не ее полное исчезновение.

Для анализа удовлетворенности участников исследования образовательными программами в ИТ-сфере, реализуемыми в вузах региона, исследуем важность и фактическое состояние (по оценкам респондентов) значимых факторов, обеспечивающих высокий образовательный результат. В рамках опроса основной акцент был сделан на факторы, связанные с содержанием и качеством образования, а также с организационными аспектами образовательного процесса. Возможен и иной подход, когда в основу удовлетворенности закладываются только гигиенические факторы [12]. На рис. 7 представлены средние значения по каждому из факторов (по 5-балльной шкале) и разрыв «ожидание – реальность», исходя из ответов респондентов.

Анализ позволил выявить ключевые проблемы текущего ИТ-образования в Нижнем Новгороде. Наибольшие разрывы продемонстрировали категории «Современное оборудование» (–1.60 балла), «Преподаватели-практики» (–1.48) и «Отработка практических навыков» (–1.44). Относительно лучше обстоят дела с наличием инфраструктуры (–0.49), развитостью комьюнити (–0.76) и актуальностью курсов (–0.86). Таким образом, для повышения качества образования целесообразно работать над устранением «разрывов», для чего можно ввести обязательные стажировки с компаниями-партнерами (уже частично реализовано некоторыми вузами региона), обеспечить наличие VR-тренаже-ров и облачных лабораторий, увеличить долю преподавателей из индустрии до 50%, создать клубы по технологиям (AI/Blockchain-клубы).

Следующим, после завершения образования, этапом профессионального становления может стать выбор региона для трудоустройства. Для привлечения молодых талантливых специалистов ИТ-отрасли важно понимать, что́ является для них значимым при выборе места продолжения образовательной и профессиональной траекторий. На рис. 8 представлены ответы студентов. Можно увидеть, что основными являются профессиональные факторы: студенты стремятся попасть в крупные компании с хорошей репута-

цией (82.8%), возможностью карьерного роста и перспективами развития. На втором месте влияния на выбор региона представлены экономические факторы: стоимость жилья (61.2%), уровень зарплат, стабильность экономики (47.6%) и перспективы рынка труда. Важна также развитость инфраструктуры для профессиональной деятельности (43.2%): наличие сообществ разработчиков, конференций, хакатонов, способствующих профессиональному росту и обмену опытом, технопарки, центры компетенций и инновационные площадки. Наравне с наличием активного профессионального сообщества рассматривается развитость инфраструктуры для активного отдыха (40.1%), что совершенно логично для молодых людей в возрасте 20–30 лет.

Обсуждение результатов

Актуальность задачи, связанной с привлечением молодых специалистов – выпускников вузов в ИТ-сферу, обусловлена парадоксальной ситуацией на рынке труда: при общем дефиците ИТ-кадров, который ранее оценивался Минцифры в 500–700 тысяч человек, и росте зарплат в узких высокотехнологичных сегментах, таких как ИИ, «вход» в профессию для начинающих специалистов значительно усложнился. По данным hh.ru и «Яндекс Практикума» на начало 2026 года, на одну вакансию для начинающих приходится в среднем 7.1 резюме, а общее количество вакансий в ИТ сократилось примерно на 20% за год. Компании, столкнувшись с экономической неопределенностью, переходят к точечному найму экспертов уровня middle+, фактически закрывая двери для вчерашних студентов. Если на данный момент не предпринять значительных системных усилий по интеграции молодежи, отрасль рискует столкнуться с «кадровым разрывом», когда через несколько лет некем будет замещать выбывающих специалистов.

Для привлечения талантливых студентов и повышения привлекательности региона необходимо: развитие экосистемы ИТ-компаний с привлечением крупных игроков рынка, предоставление возможностей стажировок и взаимодействия с работодателями (в том числе в рамках федеральных проектов, таких как «Больше чем работа»), субсидированных жилищных программ для молодежи, привлечение внимания к преимуществам переезда в регион. Кроме того, необходима системная работа по информированию потенциальной рабочей силы о значимых инфраструктурных проектах, таких как ИТ-кампус «Неймарк», акцентируя внимание на тех преимуществах, который он принесет как региону, так и отдельным специалистам.

Современные реалии вносят изменения и в структуру человеческого капитала [13], добавляя элементы, связанные со способностью к обучению и адаптации к новым технологиям и методам [14]. Кроме того, подготовку специалистов в ИТ-отрасли целесообразно строить на основе принципа опережающих технологий [15]. Требуется интенсификация государственной политики в сфере STEAM-образования (естественные науки, технологии, инженерия, искусства и математика), так как доля выпускников этих направлений составляет в РФ только 36% (уровень развитых передовых стран – около 45%), а именно эти профессионалы заняты в высокотехнологичных отраслях и креативных индустриях, определяющих будущее и мировой, и региональной экономики [16].

Только системная работа на региональном уровне, интегрированная в общегосударственную политику, способна обеспечить качественный кадровый потенциал ИТ-отрасли. У Нижегородской области есть все предпосылки для сохранения и развития своего потенциала как значимого ИТ-центра Российской Федерации.

Заключение

Интеграция региональной кадровой политики в ИТ-сфере с общегосударственными стратегическими приоритетами гарантирует формирование конкурентоспособного кадрового потенциала, способного отвечать современным цифровым трансформациям в обществе. Повышение привлекательности региона для талантливых студентов требует комплексного подхода. Прежде всего необходимо развивать местную ИТ-экосистему, привлекая крупных игроков рынка, что создаст дополнительные возможности для стажировок и прямого взаимодействия молодежи с работодателем. Не меньшим стимулом станут субсидированные жилищные программы, а также целенаправленная информационная работа, рассказывающая о реализации масштабных проектов, например открытии ИТ-кампуса «Неймарк». Проведенное исследование подтвердило гипотезу, что наличие в Нижегородском регионе развитой инфраструктуры, квалифицированных кадров, ресурсов, институциональных условий, компетенций формирует прочный фундамент для долгосрочного сохранения и наращивания его потенциала как одного из ключевых центров развития ИТ-отрасли в масштабах страны.

Список литературы

1. Прогнозы рынка ИТ: глобальный и локальный, их отличия и проблемы // Новости ИТ-канала. URL: https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=192054 (дата обращения: 26.03.2026).

2. Вклад IT-сектора в ВВП может увеличиться до 2,5% // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/09/18/1140021-vklad-it-sektora (дата обращения: 26.03.2026).

3. Облака стали самым быстрорастущим сегментом IT-рынка в 2025 году // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/02/16/1176519-oblaka-stali-samim-bistrorastuschim-segmentom-it-rinka?from=newsline (дата обращения: 26.03.2026).

4. Абрамов В.И., Андреев В.Д. Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 89–119. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119.

5. Аналитическое исследование сектора ИКТ Нижегородской области – 2024. URL: https://nn-invest.ru/upload/static/pages/17/IT-%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D1%83%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%9D%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%20(2025).pdf?ysclid=mnh7hd513205019403 (дата обращения: 26.03.2026).

6. Надеждина С.Д., Чистякова О.А., Чистяков А.А. Трансформация рынка труда и запрос на новый тип ИТ-специалистов в тренде цифровой экономики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9, № 1 (31). С. 84–94. DOI: 10.21603/2500-3372-2024-9-1-84-94.

7. Бюджет на ИТ-развитие: Нижегородская область компенсирует НДФЛ за привлеченных специалистов // Телеспутник. 23.04.2025. URL: https://telesputnik.ru/materials/hipe/news/byudzet-na-it-razvitie-nizegorodskaya-oblast-kompensiruet-ndfl-za-privlecennyx-specialistov (дата обращения: 26.03.2026).

8. Лядова Е.В. Институциональные механизмы развития кадрового потенциала ИТ-отрасли в Нижегородской области // Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике: Материалы V Международной научной конференции, Нижний Новгород, 15 февраля 2023 года. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 161–165.

9. Почти 6,5 тыс. студентов начнут обучение на IT и ИИ-программах в 2026 году // ТАСС. 23.01.2026. URL: https://rfi.mnr.gov.ru/news/news-rfi/pochti-6-5-tys-studentov-nachnut-obuchenie-na-it-i-ii-programmakh-v-2026-godu (дата обращения: 26.03.2026).

10. Королев В.В. Роль и место движения Worldskills Russia в подготовке ИТ-специалистов на уровне среднего профессионального образования // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 92, № 3. С. 162–168. DOI: 10.18522/2070-1403-2022-92-3-162-168.

11. Нижегородская область. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/vnesneekonomicheskie-svazi-subektov-rossijskoj-federacii/1450762/ (дата обращения: 26.03.2026).

12. Васькина Ю.В., Егорова С.В., Фазульянова С.Н. Методология и результаты изучения удовлетворенности студентов обучением и их лояльности университету // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 3 (79). С. 144–153. DOI: 10.52452/18115942_2025_3_144.

13. Зенькова Л.П., Яшин С.Н., Захарова С.Г., Крицкая Н.В. Перспективы инновационного развития России и стран СНГ с учётом активизации факторов человеческого капитала // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 1 (77). С. 42–48. DOI: 10.52452/18115942_2025_1_42.

14. Катульский Е.Д., Иванов А.А. Человеческий капитал в IT-индустрии, экономическая безопасность и технологический суверенитет // Социально-трудовые исследования. 2023. № 3 (52). С. 130–137. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-130-137.

15. Алтынник Н.И., Чикилева Е.Н. Специфика непрерывной подготовки кадров для IT-отрасли в системе «школа – вуз – предприятие» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2023. № 4 (240). С. 110–117. DOI: 10.25198/1814-6457-240-110.

16. Семенова Р.И., Земцов С.П., Петряева А.В. Развитие STEAM-образования как способ адаптации экономики России к внешним шокам // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2023. № 3. С. 108–136. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-6.

DEVELOPMENT OF THE INFORMATION TECHNOLOGY SECTOR IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION: THE VIEW OF IT STUDENTS

O.Yu. Angelova, E.M. Dmitrieva, N.V. Shesterikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyzes the development of the IT sector in the Nizhny Novgorod Region, focusing on human resources potential and the opinions of IT students. The relevance is driven by the challenging situation in the Russian IT labor market (a combination of shortages and structural changes in demand) and the need to synchronize the educational process with market requirements. Based on a survey of 226 IT students from Nizhny Novgorod universities (2024–2026), key factors for choosing an IT profession were identified: the industry's prospects (82.8%), personal interest (77.1%), and salary level (74%). Data analysis employed frequency analysis, correlation analysis, and the construction

of a correlation heatmap for the main numerical variables obtained from the survey. It was found that only 2.1% of respondents cited the regional infrastructure project – the «Neimark» campus – as a decisive factor when enrolling in an IT specialty. Significant «expectation – reality» gaps in the current educational process were identified: the largest gaps concern «availability of modern equipment» (−1.60), «practitioner instructors» (−1.48), and «practical skills development» (−1.44). These findings can be used to identify directions for improving the quality of IT education. It is concluded that retaining young talent requires subsidized housing, the development of internship ecosystems, and information support for infrastructure projects. The study results confirm the hypothesis that the presence of developed infrastructure, qualified personnel, resources, institutional conditions, and competencies in the Nizhny Novgorod Region forms a solid foundation for the long-term preservation and enhancement of its potential as one of the country's key centers for the development of the IT industry.

Keywords: IT industry, IT personnel, Nizhny Novgorod Region, regional development, development factors, student survey, higher education.

УДК 338.36
DOI 10.52452/18115942_2026_3_19

ОЦЕНКА И ПРОГНОЗ ЗАМЫКАНИЯ РЕСУРСНЫХ ЦИКЛОВ В РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С УЧЕТОМ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВОГО ИНЖИНИРИНГА

© 2026 г.

Ф.Ф. Галимулина, Н.В. Барсегян

Галимулина Фарида Фидаиловна, д.э.н.; доц.; профессор кафедры логистики и управления Казанского национального исследовательского технологического университета
galimulinaff@corp.knrtu.ru
Барсегян Наира Вартовна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры логистики и управления Казанского национального исследовательского технологического университета
barsegyannv@corp.knrtu.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2026
Статья принята к публикации 24.07.2026

Цель исследования – разработка методологических положений оценки и прогнозирования замыкания ресурсных циклов в российской промышленности на основе анализа влияния цифрового инжиниринга. Задачи исследования: построить схему интеграции цифрового инжиниринга в замкнутую производственную систему; разработать методику совокупной оценки замыкания ресурсных циклов; предложить прогностическую модель развития циркулярной экономики в России с учетом влияния цифрового инжиниринга. Научная новизна заключается в развитии методологии исследования закономерностей между цифровой экономикой и экономикой замкнутого цикла путем формулирования методологических аспектов исследования, подкреплённых авторским методическим инструментарием. В процессе исследования применены следующие методы: анализ и синтез, формализация, метод мультипликативной свёртки, статистический анализ, анализ главных компонент, математическое моделирование. В результате исследования предложена концептуальная схема интеграции цифрового инжиниринга в замкнутую производственную систему; разработана методика оценки замыкания ресурсных циклов в виде интегрального показателя замыкания ресурсных циклов; построена модель прогнозирования влияния цифрового инжиниринга на показатели замкнутого производственного цикла. Закономерности, модели, выводы, изложенные в настоящей работе, могут быть использованы при разработке стратегий и программ развития российской экономики в контексте цифровой трансформации производства и устойчивого развития.

Ключевые слова: цифровой инжиниринг, устойчивое развитие, циркулярная экономика, экономика замкнутого цикла, замкнутый производственный цикл, экологический след, модели регрессии.

Введение

Автоматизированные инструменты проектирования производственных систем становятся необходимостью в контексте организации ресурсоэффективного, безопасного и экологичного производства. Цифровая трансформация производственных систем как сквозная интеграция цифровых решений в деятельности предприятия в настоящее время является императивом конкурентоспособного развития, затрагивая все аспекты устойчивого развития. А в условиях импортозамещения приоритеты смещаются в сторону собственных разработок в области производства. Данные тезисы отвечают стратегическим целям развития российской экономики [1, 2].

На стыке автоматизации и цифровизации проектирования возникает понятие цифрового инжиниринга, который представляет собой системный подход к применению вычислительных технологий, методов моделирования и прогнозирования, технологий анализа данных на всех этапах жизненного цикла продукта. Цифровой инжиниринг – это высокотехнологичный подход к созданию интеллектуального высококонкурентного продукта на основе цифровых решений, объектом управления которого является цифровой поток [3, 4].

Отмечается целый ряд преимуществ внедрения цифрового инжиниринга в промышленности: повышение эффективности инвестиционных проектов, сокращение затрат времени и ресурсов на разработку изделия и производство, оптимизация производственных процессов на основе обработки больших массивов данных, сокращение простоев оборудования и времени

ремонтных работ, снижение энергозатрат, потерь материальных ресурсов и пр. [5–7]. Известные цифровые решения (цифровой двойник, цифровая фабрика, искусственный интеллект, аддитивные технологии, блокчейн и др.) позволяют повысить качество процессов и изделий на виртуальном уровне, что обеспечивает социально-экономические и экологические эффекты. Особый акцент необходимо сделать на возможностях реализации принципов циркулярной экономики – вторичном использовании и утилизации ресурсов, отходов производства.

Но существует определенное противоречие – инфраструктурное обеспечение цифрового инжиниринга (центры обработки данных, оборудование, устройства, программное обеспечение) формируют своего рода дополнительную нагрузку на окружающую среду. Речь идет о затратах энергии на обеспечение вычислительных процессов, потребностях в редкоземельных металлах для электроники и т.д. Как следствие, возникает потребность в выявлении характера влияния цифровых технологий на экологические показатели, показатели замкнутого производственного цикла, а также поиске баланса между операционной и экологической эффективностью производства.

В данном контексте в научной литературе представлены исследования, посвященные обоснованию и проектированию энергокомплексов на основе цифровых двойников и учету экологических параметров [8]; отмечается, что цифровое проектирование способствует развитию экологически чистых технологий [9, 10]; lean design, eco-design и принципы «Индустрии 4.0» способны в совокупности улучшить экологические показатели на всех этапах жизненного цикла изделия (ЖЦИ) [11] и др. Вместе с тем мы делаем вывод, что вопрос влияния цифрового проектирования на экологические показатели экономической системы малоизучен.

Вышесказанное лежит в основе определения цели исследования – разработка методологических положений оценки и прогнозирования замыкания ресурсных циклов в российской промышленности на основе анализа влияния цифрового инжиниринга.

Задачи исследования:

1) построить схему интеграции цифрового инжиниринга в замкнутую производственную систему;

2) разработать методику совокупной оценки замыкания ресурсных циклов;

3) предложить прогностическую модель развития циркулярной экономики в России с учетом влияния цифрового инжиниринга.

Научная новизна заключается в развитии методологии исследования закономерностей между цифровой экономикой и экономикой замкнутого цикла путем формулирования методологических аспектов исследования, подкреплённых авторским методическим инструментарием.

В процессе исследования применены следующие методы: анализ и синтез, формализация, метод мультипликативной свёртки, статистический анализ, анализ главных компонент, математическое моделирование.

Методология исследования

Настоящее исследование выполнено в рамках цикла авторских работ, посвященных изучению комплементарности устойчивого развития и цифровой трансформации. Данная проблематика нашла отражение в работах [12–16], исследована через призму кластеризации мезосистем по двум соответствующим интегральным показателям [17], опирается на категории «зеленая цифровая трансформация» [18] и «цифровое устойчивое развитие» [19], включает формирование зеленой ценности на основе использования цифровых двойников [20] и т.д. Обзор научной литературы (российской и зарубежной) позволяет сформулировать основные положения методологии исследования влияния цифрового инжиниринга на формирование экономики замкнутого цикла (таблица 1).

В настоящем исследовании развиваются положения, изложенные в рукописи авторов [21], но целевыми переменными (Y_i) приняты показатели замкнутого производственного цикла (в целом по России):

– Y_1: отношение расхода воды в системах оборотного и повторного (последовательного) водоснабжения к суммарному объему использования воды, коэффициент;

– Y_2: отношение объема использованных (утилизированных) загрязняющих атмосферу веществ, уловленных очистными установками, к суммарному объему загрязняющих веществ, выброшенных в атмосферу, уловленных и обезвреженных, коэффициент;

– Y_3: отношение объемов использованных и обезвреженных отходов производства и потребления к общему объему образованных отходов производства и потребления, коэффициент.

В качестве предикторов приняты показатели цифрового инжиниринга (в целом по России):

– X_1: цифровая активность производств в области разработки передовых производственных

Таблица 1

Методологические аспекты исследования влияния цифрового инжиниринга на формирование экономики замкнутого цикла

Элементы методологии	Содержание
Особенности	– Междисциплинарность: учет знаний из разных областей науки, в т.ч. гуманитарных, естественных, социальных и технических; – Многоуровневость: исследование закономерностей на разных уровнях управления – макро-, мезо-, микроэкономических систем; – Динамичность: учет временных лагов между внедрением цифровых технологий и достижением эффекта
Ключевые принципы	Системность, эффективность, комплементарность, синергия, оцениваемость, прогнозируемость, превентивность, гибкость и адаптивность, обратная связь, соответствие стратегическим целям развития национальной экономики
Объекты	Экономические системы макро-, мезо- и микроуровня управления
Субъекты	Органы государственной власти, производственные предприятия и их объединения
Этапы	1) Формулирование концептуальных положений, 2) диагностический этап, 3) аналитический этап, 4) математическое моделирование, 5) верификация модели, 6) валидация модели, 7) формулирование результатов и рекомендаций
Методы	Анализ и синтез, формализация, математическое моделирование (регрессионный анализ, обучение нейронных сетей), прогнозирование
Показатели	– Экономика замкнутого цикла: вторичное (оборотное) использование воды, загрязняющих атмосферу веществ, отходов; – Цифровой инжиниринг: разработка и использование производственных технологий проектирования и инжиниринга, цифровая активность организаций в области автоматизации проектирования и производства

Составлено авторами.

технологий для проектирования и инжиниринга, единиц технологий;

– X_2: цифровая активность производств в области использования передовых производственных технологий для проектирования и инжиниринга, единиц технологий;

– X_3: цифровая активность организаций в области использования специальных программных средств для проектирования, % организаций;

– X_4: цифровая активность организаций в области использования специальных программных средств для управления автоматизированным производством, % организаций.

Эмпирическая база сформирована по данным Федеральной службы государственной статистики [22] и Государственных докладов Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации [23], период наблюдения – 2005–2024 гг.

Аналитическое исследование базируется на тезисе о том, что три целевые переменные Y_i являются взаимосвязанными и требуется их объединение в единый интегральный показатель для оценки общей тенденции перехода реальной экономики к циркулярной модели. В ходе анализа были рассмотрены альтернативные подходы к формированию такого показателя.

В результате для расчета управленческого индикатора предложено применить метод мультипликативной свертки, где весовые коэффициенты сформированы по результатам анализа главных компонент, а интегральный показатель рассчитывается по формуле (1):

$$Y = \prod_{i=1}^{3} Y_i^w , \qquad (1)$$

где Y – интегральный показатель замыкания ресурсных циклов; i – целевая переменная (Y_1, Y_2, Y_3); w – весовой коэффициент i-й целевой переменной.

Применение метода главных компонент для определения весовых коэффициентов сводится к следующему:

1) формируются главные компоненты;

2) по первой компоненте суммируются факторные нагрузки (абсолютные значения) по трем целевым переменным Y_i;

3) весовой коэффициент рассчитывается как отношение факторной нагрузки i-й переменной к рассчитанной на предыдущем шаге сумме факторных нагрузок, в результате чего сумма весов равна 1.

Для выявления «промахов» (аномально низких или аномально высоких значений в выборке) применяется критерий Ирвина [24]:

$$\lambda_{\text{факт}} = \frac{x_{n+1} - x_n}{\sigma},\ \sigma = \pm\sqrt{\frac{\sum_{i=1}^{n}(x_i - x_{\text{ср}})^2}{n}},\ (2)$$

где x_{n+1} и x_n – наибольшие значения показателя в выборке; σ – стандартное отклонение; $x_{\text{ср}}$ – среднее значение показателя по всей выборке; n – количество наблюдений.

Инструментом анализа данных послужил программный пакет для статистического анализа Statistica.

В ходе исследования статистических зависимостей учтен временной лаг между моментом внедрения технологии и проявлением ожидаемого нелинейного эффекта, в связи с чем в анализ включены как модели синхронного влияния ($ВЛ_0$), так и модели с лагированными переменными. Тогда ряды динамики будут сдвигаться с учетом зависимости (3):

$$Y_{ij} = f(X_{i(j-\Delta)}), \quad (3)$$

где Y_{ij} – фактическое значение i-го показателя за j-й период; Δ – временной лаг.

В целях диагностики альтернативных зависимостей приняты модели с временным лагом 1 и 2 года ($ВЛ_1$ и $ВЛ_2$). Рекомендации в области принятия решений основаны на оценке ошибки MAPE (средняя абсолютная процентная ошибка), рассчитываемой по формуле (4):

$$\text{MAPE} = \frac{1}{n}\sum_{j=1}^{n}\left|\frac{Y_j - Y_j^*}{Y_j}\right| \times 100, \quad (4)$$

где Y_j – фактическое значение; Y_j^* – расчетное значение; n – количество наблюдений (20 лет); j – период.

Валидацию математических моделей (с временным лагом) предложено провести применительно к наблюдениям, не учтенным в силу временного сдвига.

Таким образом в работе формируется целостный аналитический каркас, связывающий параметры цифрового инжиниринга с конкретными метриками циркулярной экономики, учитывающий временные лаги, позволяющий моделировать сценарии развития макроэкономической системы, определяя наиболее эффективные технологические приоритеты для ускорения перехода к экономике замкнутого цикла.

Концептуальная схема интеграции цифрового инжиниринга в замкнутую производственную систему

Роль цифрового инжиниринга проявляется в следующих тезисах [21]:

– повышение инновационной активности за счет сокращения времени цикла и стоимости разработки и проектирования продукции;

– повышение инвестиционной привлекательности производственного предприятия;

– оптимизация технологических процессов как результат детального проектирования, что минимизирует риски возникновения «узких» мест;

– управление большими данными и на этой основе создание высокоточных имитационных моделей процессов, цифровых двойников изделий и процессов;

– моделирование и прогнозирование, в том числе показателей ресурсопотребления, загрязнения окружающей среды (экологический след);

– минимизация человеческих ошибок и вероятности травматизма в результате автоматизации сложных технологических процессов, человекоцентричный подход;

– кооперация, т.е. привлечение специалистов разной направленности (менеджеров, инженеров, программистов и др.) для создания высокотехнологичного экологически чистого изделия, превосходящего по характеристикам зарубежные аналоги;

– развитие компетенций в области проектирования.

С целью отражения взаимосвязи цифрового инжиниринга и циркулярной экономики предложена схема, концептуально описывающая прямые и обратные информационные потоки между цифровым и материальным блоками (рисунок 1).

Цифровой блок представляет собой интеллектуальное ядро производственной системы. В рамках Интернета вещей (IoT) и промышленного Интернета вещей (IIoT) аккумулируются исходные данные (показания сенсоров, датчиков, информация с RFID-меток, QR-кодов, систем компьютерного зрения и др.) и формируется цифровая тень физических активов. Данные потоки информации учитываются в модели цифрового двойника изделия или процесса. Как известно, цифровой двойник представляет собой динамическую модель, которая получает данные в режиме реального времени и способна моделировать реакции на внутренние и внешние возмущения.

Генеративное проектирование (генеративный дизайн) с помощью генеративного искусственного интеллекта позволяет ускорить процесс проектирования деталей и изделий, создавать оптимальные продуктовые решения с меньшей материалоемкостью при сохранении или улучшении качества изделия [25]. Встроенный инструмент анализа жизненного цикла изделия (LCA) позволяет оценить экологические последствия каждого проектируемого решения по за-

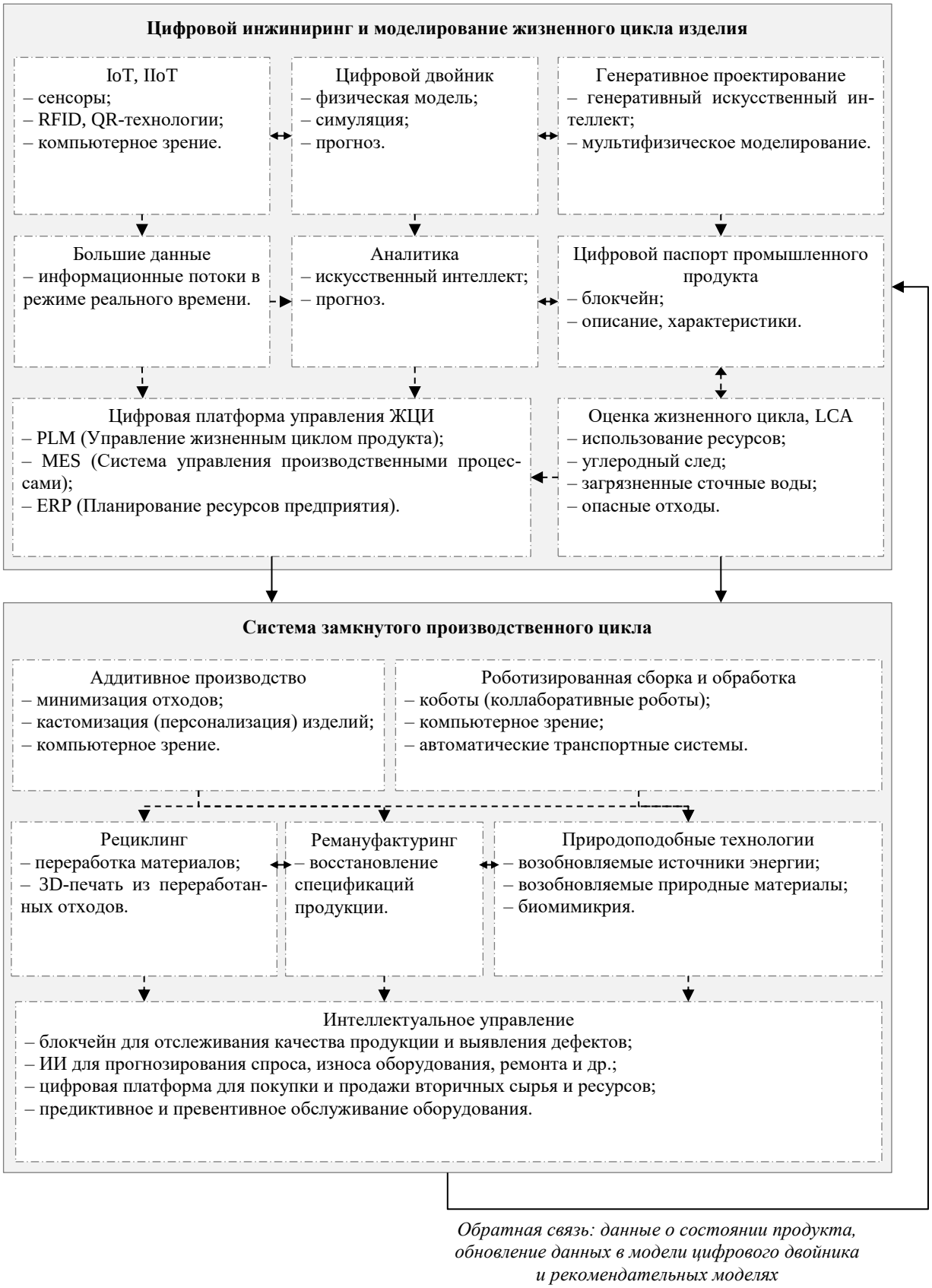

Рис. 1. Место цифрового инжиниринга в цифровой экологически ориентированной производственной системе (построено авторами)

данным параметрам сброса загрязненных сточных вод, выбросов загрязняющих веществ, опасных отходов. Вся информация объединяется в цифровом паспорте продукта (DPP), который хранит ретроспективные данные о сырье, комплектующих, составе используемых материалов, технологическом процессе, ремонтах, эксплуатации и утилизации, а также экологическом воздействии на окружающую среду.

Большие данные из источников фиксирования обрабатываются в режиме реального времени на основе инструментов искусственного интеллекта (машинное обучение, глубокое обучение), что позволяет выявлять закономерности в данных, прогнозировать социально-экономические и технические показатели функционирования производственной системы в целом, ее процессов или производимой продукции с учетом оптимизации затрат и экологического следа. В блоке «Аналитика» возможно создание рекомендательных моделей, в том числе с учетом экологических параметров.

Цифровая платформа управления жизненным циклом изделия представляет собой интегрированный информационный комплекс, охватывающий управление на всех стадиях жизненного цикла – идея, требования, проектирование, производство, отгрузка, эксплуатация, сервисное обслуживание, утилизация.

Рекомендательные модели, проектные решения являются основой создания физической производственной системы, построенной с учетом принципов замкнутого производственного цикла. В контуре циркулярной производственной системы реализуются требования к экологически чистому производству. Учитывая проводимый в виртуальной среде анализ жизненного цикла изделия (LCA), аддитивные технологии позволяют создать изделие с минимальным экологическим следом.

Ключевым элементом высокозамкнутой производственной системы является триада «рециклинг – реманufактуринг – природоподобные технологии». Рециклинг предполагает механическую или химическую переработку отходов, бракованных изделий, вышедших из строя изделий во вторичное сырье [26]. Реманufактуринг представляет собой восстановительное производство, возвращение ценности продукта к первоначальному или повышенному уровню при использовании новых или использованных и восстановленных комплектующих [27, 28]. Природоподобные технологии – это технологии, имитирующие природные процессы; принимают форму материальных объектов или систем, применяются в промышленности в целях повышения энерго- и ресурсоэффективности и экологичности экономической системы [29–31].

Системный анализ и управление сложной материально-информационной сетью реализует блок интеллектуального управления, который генерирует знания о продукте на протяжении всего жизненного цикла и в формате обратной связи передает данные о характеристиках продукта, износе оборудования, технической эффективности производства, экологических показателях и ресурсных показателях замкнутого производственного цикла в цифровой контур, где обновляется модель цифрового двойника, корректируются алгоритмы искусственного интеллекта.

Таким образом, техническая система становится адаптивной, более эффективной и более экологически чистой.

Интегральный показатель замыкания ресурсных циклов

Интегральный показатель рассчитан по формуле (1). Весовые коэффициенты определены по результатам анализа главных компонент в пакете Statistica 10, инструмент – «Анализ главных компонент и классификация». Факторные нагрузки составили:

$$\lambda(Y_1) = -0.8622;$$
$$\lambda(Y_2) = -0.8921;$$
$$\lambda(Y_3) = 0.408.$$

Доля каждой факторной нагрузки в суммарном итоге составила:

$$w(Y_1) = 0.3988;$$
$$w(Y_2) = 0.4126;$$
$$w(Y_3) = 0.1887.$$

Рассчитанные значения интегрального показателя замыкания ресурсных циклов (ИЗЦ) оценены в динамике (рис. 2). Если в абсолютном выражении наблюдается стабильный рост показателей циркулярной экономики, то в относительном выражении сокращается вторичное использование отходов. В целом при существенном росте объемов отгруженной продукции (по всем видам промышленного производства), которые увеличились с 2005 к 2025 году в 9.5 раза [22], рост показателей циркулярной экономики существенно ниже – 1.02 раза. При наличии «промахов» (аномальных значений), обусловленных различием в темпах роста трех показателей Y_i, достоверность аппроксимации линии тренда – средняя (по шкале Чеддока – заметная).

В частном порядке оценены темпы прироста показателей: оборотное использование водных ресурсов – 8.12%; улавливание загрязняющих веществ – 14.83%; вторичное использование отходов – -13.25%.

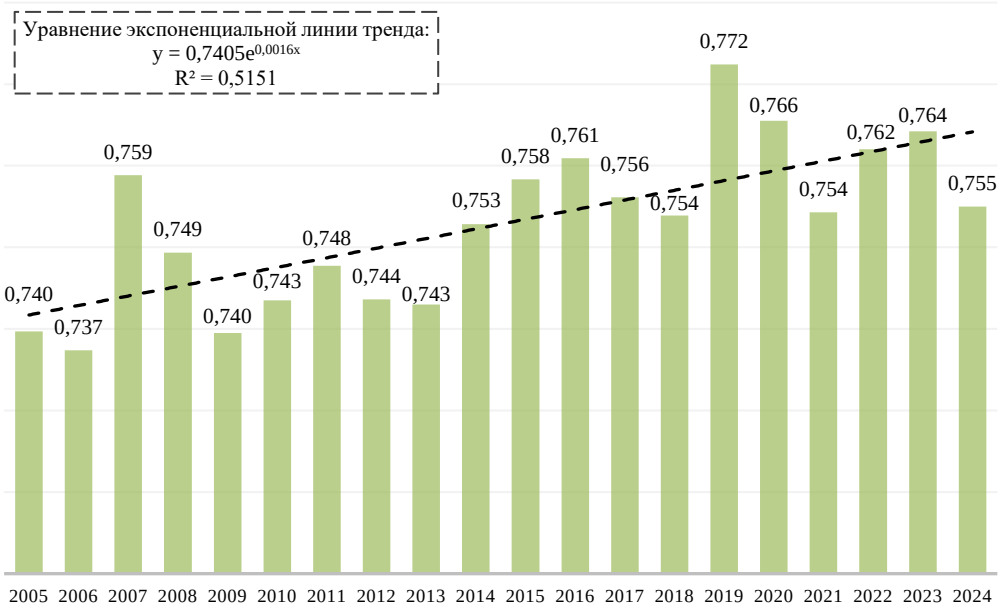

Рис. 2. График изменения ИЗЦ (рассчитано авторами)

Таблица 2

Альтернативные модели регрессии

Лаг	Уравнение регрессии	Качество модели			MAPE, %
		R^2 скоррект.	$p < 0.05$	d Дарбина – Уотсона	
$ВЛ_0$	$ИЗЦ = 0.667 + 0.016*\ln(X_1) – 0.000002*(X_4)^3$	0.6112	0.000126	1.9915	0.568
$ВЛ_1$	$ИЗЦ = 0.7394 + 0.0000001*(X_1)^2$	0.7566	0.000001	1.6481	0.442
$ВЛ_2$	$ИЗЦ = 0.7435 + 0.000055* X_1 – 0.000038*(X_4)^2$	0.7546	0.00001	2.3243	0.406

Составлено авторами.

Моделирование влияния цифрового инжиниринга на показатели замкнутого производственного цикла

Ряды динамики скорректированы с учетом критерия Ирвина (формула (2)). Процесс моделирования охватывает несколько этапов: поиск зависимостей без учета и с учетом временного лага.

На первом этапе проверена гипотеза о существовании качественной модели синхронного влияния предикторов X_i на Y ($ВЛ_0$); на втором этапе – учтен временной лаг, равный 1 году ($ВЛ_1$); на третьем этапе – период воздействия принят равным 2 года ($ВЛ_2$). Модели и оценка их качества представлены в таблице 2.

Судя по значениям R^2 скорректированный (дает более точную оценку модели) и p-значимость, преимущественно все комбинации предикторов и откликов характеризуются хорошей предсказательной способностью. Тест Дарбина – Уотсона показал отсутствие автокорреляции остатков во всех трех моделях. Также все модели показали ошибку менее 1%, более предпочтительна модель $ВЛ_2$. Данный тезис подтверждают также диаграммы рассеяния (рис. 3), где наибольший коэффициент корреляции между фактическими и предсказанными значениями зафиксирован в третьем случае (рис. 3в).

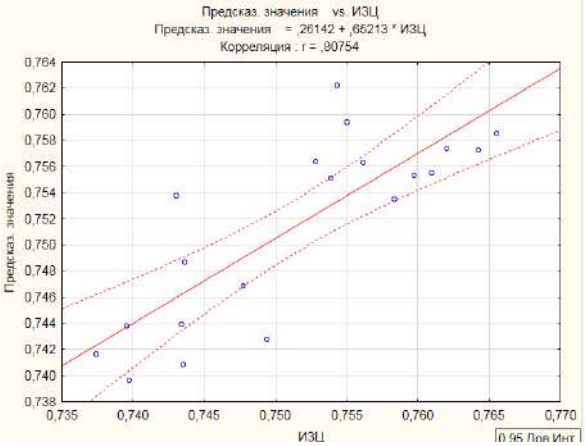
Валидация модели $ВЛ_2$ показала ожидаемые значения интегрального показателя замыкания ресурсных циклов:

– при X_1 = 409 ед., X_4 = 13.6% (фактические данные за 2023 год) значение ИЗЦ по итогам 2025 года составит 0.759 (прирост относительно 2024 года – 0.53%);

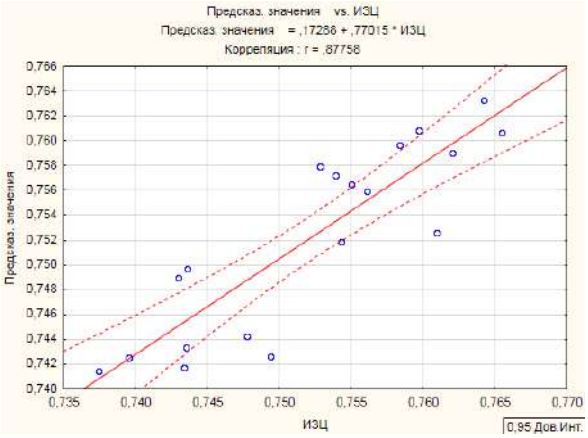
– при X_1 = 414 ед., X_4 = 11.3% ИЗЦ по итогам 2026 года составит 0.717 (прирост относительно 2024 года – –5.03%).

Судя по содержанию включенных во все три модели предикторов, можно резюмировать следующее:

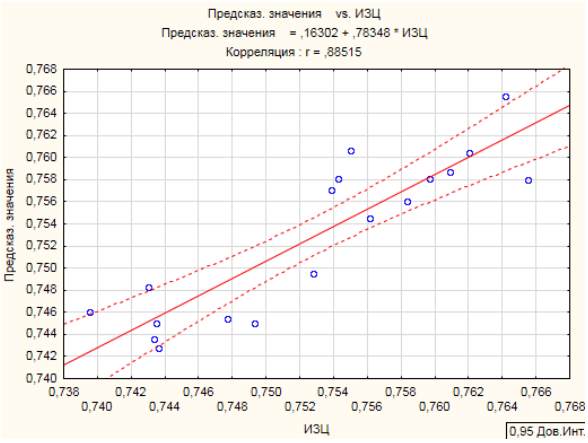
1) ключевыми драйверами циркулярной экономики являются цифровая активность в области разработки инструментов проектирования инжиниринга (также отвечает задачам импортозамещения) и использования программ автома-

а) синхронное влияние предикторов X_i на Y (ВЛ$_0$)

б) модель учитывает временной лаг, равный 1 (ВЛ$_1$)

в) модель учитывает временной лаг, равный 2 (ВЛ$_2$)

Рис. 3. Диаграммы рассеяния: предсказанные и фактические значения ИЗЦ (построено авторами)

тизации производства, т.е. организация замкнутого производственного цикла достигается преимущественно созданием технологий и внедрением систем операционного управления;

2) внедрение цифровых технологий обеспечивает достижение целей экономики замкнутого цикла только тогда, когда она ориентирована на инновации в области проектирования и операционное управление, а не на простое использование готового программного обеспечения.

Заключение

Выявленные причинно-следственные связи носят, прежде всего, косвенный и статистический характер. Влияние технологических факторов на экологические показатели производственной макросистемы проявляется через сложный набор технологических, управленческих и институциональных условий.

В результате исследования сформулированы следующие результаты, характеризуемые научной новизной:

1) предложена концептуальная схема интеграции цифрового инжиниринга в замкнутую производственную систему, объединяющая цифровой и материальный блоки управления производственной системой в единый контур, обеспечивающий сквозное управление ресурсными циклами на основе потока данных в режиме реального времени, позволяющий построить экологически чистое датацентричное производство;

2) разработана методика оценки замыкания ресурсных циклов в виде интегрального показателя замыкания ресурсных циклов (ИЗЦ), который интегрирует три показателя вторичного использования водных ресурсов, загрязняющих атмосферу веществ, отходов, позволяет формировать адресные управленческие решения в области ресурсосбережения и экологизации производства путем внедрения в схему интеграции цифрового инжиниринга в замкнутую производственную систему (блок LCA), применим для сравнительного анализа циркулярности различных производственных систем независимо от отраслевой принадлежности и масштабов производства;

3) построена модель прогнозирования влияния цифрового инжиниринга на показатели замкнутого производственного цикла, построенная на выявленных закономерностях развития реального сектора российской экономики, позволяющая выявлять критические точки влияния технологий цифрового инжиниринга на показатели циркулярной экономики и формировать сценарии развития производственных систем с учётом требований устойчивого развития и импортозамещения технологий.

Закономерности, модели, выводы, изложенные в настоящей работе, могут быть использованы при разработке стратегий и программ развития российской экономики в контексте цифровой трансформации производства и устойчивого развития.

Работа выполнена за счет предоставленного в 2025 году Фондом науки и технологий Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан; соглашение № 21 от 01.12.2025.

Список литературы

1. Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 02.02.2026).

2. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/ (дата обращения: 02.02.2026).

3. Боровков А.И., Кулемин В.Ю. Цифровой инжиниринг для создания изделий высокой степени технологической сложности на основе цифровых двойников // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2024. № 3 (133). С. 98–104. DOI: 10.53816/20753608_2024_3_98.

4. Городнова Н.В. Цифровая трансформация: возможности применения сквозных технологий в проектах цифрового инжиниринга // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 1. С. 173–192. DOI: 10.18334/vinec.13.1.116394.

5. Денисов С.Н. Современные технологии информационной поддержки жизненного цикла высокотехнологичной продукции // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2021. № 3. С. 37–43. DOI: 10.52135/2410-4124_2021_3_37.

6. Литвин И.Ю. Развитие цифровых платформ и организационные методы цифрового инжиниринга в российской промышленности // Инновационное развитие экономики. 2022. № 3–4 (69–70). С. 65–69. DOI: 10.51832/2223798420223-465.

7. Богаткина Ю.Г., Еремин Н.А. Механизмы экономико-рентабельного инжиниринга нефтегазовых ресурсов // Экспозиция Нефть Газ. 2019. № 3 (70). С. 40–45. DOI: 10.24411/2076-6785-2019-10031.

8. Елистратов В.В., Кудряшева И.Г. Цифровые технологии обоснования энергокомплексов в Арктике // Известия Всероссийского научно-исследовательского института гидротехники им. Б.Е. Веденеева. 2025. Т. 315. С. 95–106.

9. Bhatti G., Mohan H., Singh R.R. Towards the future of smart electric vehicles: Digital twin technology // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2021. No. 141. Article no. 110801. https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.110801.

10. Iranshahi K., Brun J., Arnold T. et al. Digital twins: Recent advances and future directions in engineering fields // Intelligent Systems with Applications. 2025. No. 26. Article no. 200516. https://doi.org/10.1016/j.iswa.2025.200516.

11. Dahmani N., Benhida K., Belhadi A. et al. Smart circular product design strategies towards eco-effective production systems: A lean eco-design Industry 4.0 framework // Journal of Cleaner Production. 2021. No. 320. Article no. 128847. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.128847.

12. Рихтер К.К., Пахомова Н.В. Цифровая экономика как инновация XXI века: вызовы и шансы для устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2018. № 2 (66). С. 22–31.

13. Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации России: Монография / Кол. авторов; под ред. М.Ю. Малкиной, В.Я. Захарова. М.: РУСАЙНС, 2022. 268 с.

14. Сучков М.А., Малышева Т.В., Башкирцева С.А. Управление устойчивым развитием экономики в условиях цифровой трансформации // Наука и бизнес: пути развития. 2020. № 5 (107). С. 155–158.

15. Кудрявцева С.С., Барсегян Н.В. Цифровые инновации для устойчивого и инклюзивного развития мезосистем // Финансовый менеджмент. 2025. № 2. С. 58–68.

16. Лубнина А.А., Шинкевич М.В. Прогнозирование тенденций развития высокотехнологичных отраслей промышленности в условиях современных вызовов // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 11. С. 47–52. DOI: 10.17513/snt.40209.

17. Миролюбова Т.В., Радионова М.В. Цифровая трансформация и ее влияние на социально-экономическое развитие российских регионов // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 3. С. 697–710. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-7.

18. Туровец Ю., Проскурякова Л., Стародубцева А., Бьянко В. «Зеленая» цифровая трансформация в электроэнергетике // Форсайт. 2021. Т. 15, № 3. С. 35–51. DOI: 10.17323/2500-2597.2021.3.35.51.

19. Шкарупета Е.В., Дударева О.В., Польщиков Т.И. Организация цифрового устойчивого развития предприятий металлургической отрасли в условиях технологических трансформаций // Цифровая и отраслевая экономика. 2022. № 1 (26). С. 6–12.

20. Журавлева С.В., Толстых Т.О. Подходы к управлению социоэкономическим развитием региона на принципах зеленой ценности // Проблемы теории и практики управления. 2025. № 8. С. 227–245.

21. Galimulina F.F., Shinkevich A.I., Barsegyan N.V. System analysis of environmental effects: a case of sustainable development in the Russian economy based on digital engineering // Systems. 2026. No. 14 (2). Article no. 140. https://doi.org/10.3390/systems14020140.

22. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 02.02.2026).

23. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.mnr.gov.ru/ (дата обращения: 02.02.2026).

24. Третьяк Л.Н., Воробьев А.Л. Обработка экспериментальных данных: основы теории и практики. М.: Издательство «Юрайт», 2026. 212 с.

25. GenAI в промышленности. Тренды. Сценарии. Кейсы. URL: https://progenai.sk.ru/files/110/gen2.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

26. Малышева Т.В., Шинкевич А.И. Экономические аспекты экологизации промышленных производств // Вестник НГИЭИ. 2018. № 8 (87). С. 129–141.

27. Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Ветрова М.А. Формирование современной системы обращения с отходами – от безопасного захоронения к ремануфактурингу // Проблемы современной экономики. 2016. № 4 (60). С. 181–188.

28. Johnson M.R., McCarthy I.P. Product recovery decisions within the context of Extended Producer Responsibility // Journal of Engineering and Technology Management. 2014. Vol. 34. P. 9–28. https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2013.11.002.

29. Barsegyan N.V., Galimulina F.F., Shinkevich A.I. Digital transformation and modeling of nature-inspired systems // Systems. 2025. No. 13. Article no. 793. https://doi.org/10.3390/systems13090793.

30. Naik R.R., Stone M.O. Integrating Biomimetics // Materials Today. 2005. No. 8. P. 18–26. https://doi.org/10.1016/S1369-7021(05)71077-4.

31. Yeom K. Bio-inspired self-organization for supporting dynamic reconfiguration of modular agents // Mathematical and Computer Modelling. 2010. No. 52 (11–12). P. 2097–2117. https://doi.org/10.1016/j.mcm.2010.06.018.

ASSESSMENT AND FORECAST OF RESOURCE CYCLE CLOSURE IN RUSSIAN INDUSTRY TAKING INTO ACCOUNT THE IMPACT OF DIGITAL ENGINEERING

F.F. Galimulina, N.V. Barsegyan

Kazan National Research Technological University

Research aim – to develop methodological provisions for assessing and forecasting resource cycle closure in Russian industry based on the analysis of digital engineering influence. Research objectives: to design a framework for integrating digital engineering into a closed-loop production system; to develop a methodology for comprehensive assessment of resource cycle closure; to propose a predictive model for the development of circular economy in Russia, considering the impact of digital engineering. Scientific novelty of the study lies in advancing the methodology for examining relationships between the digital economy and circular economy by formulating methodological aspects supported by the authors' original methodological toolkit. The following research methods were applied: analysis and synthesis, formalization, multiplicative convolution method, statistical analysis, principal component analysis, and mathematical modeling. Research results: a conceptual framework for integrating digital engineering into a closed-loop production system was proposed; a methodology for assessing resource cycle closure in the form of an integral resource cycle closure indicator was developed; a forecasting model for the impact of digital engineering on closed-loop production cycle indicators was constructed. The patterns, models, and conclusions presented in this paper can be used in developing strategies and programs for the Russian economy's development in the context of production digital transformation and sustainable development.

Keywords: digital engineering, sustainable development, circular economy, closed-loop economy, closed-loop production cycle, environmental footprint, regression models.

УДК 332.1:338.45
DOI 10.52452/18115942_2026_3_29

ПРОСТРАНСТВЕННО-ОТРАСЛЕВЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

© 2026 г.

Л.В. Глезман, С.С. Федосеева

Глезман Людмила Васильевна, к.э.н., доц.; старший научный сотрудник Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук
glezman.lv@uiec.ru
Федосеева Светлана Сергеевна, к.э.н.; научный сотрудник Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук
fedoseeva.ss@uiec.ru

Статья поступила в редакцию 08.06.2026
Статья принята к публикации 31.07.2026

Исследуются пространственно-отраслевые неравномерности промышленного развития регионов Российской Федерации в условиях структурной трансформации экономики. Цель работы заключается в количественной оценке масштабов пространственно-отраслевых диспропорций, выявлении их структуры и определении основных факторов дифференциации промышленного развития субъектов страны. Эмпирической базой исследования послужили данные официальной статистики по субъектам РФ за период 2017–2024 гг. В работе применены методы кластерного анализа, корреляционного анализа, а также типологизация регионов. Проведен анализ динамики доли промышленности в валовом региональном продукте, ее отраслевой структуры (добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства), энерговооруженности труда и инновационной активности. Выделено пять типов регионов по промышленному профилю: сырьевые, старопромышленные, постиндустриальные агломерации, аграрно-промышленные и слаборазвитые промышленные территории. Установлена положительная корреляция между долей обрабатывающих производств в экономике и инновационной активностью, а также отрицательная корреляция между сырьевой специализацией и уровнем инновационного развития. Выявлено, что пространственно-отраслевые диспропорции промышленного развития регионов РФ сохраняются и углубляются на фоне общих процессов индустриализации и импортозамещения. Показано, что рост технологической сложности обрабатывающих производств формирует новый вектор промышленного развития, способный смягчить пространственные диспропорции. Обоснована необходимость смещения акцентов промышленной политики в направлении стимулирования технологической модернизации обрабатывающих производств.

Ключевые слова: региональная экономика, пространственное развитие, промышленность, обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых, инновационная активность, энерговооруженность труда, структурные сдвиги, импортозамещение.

Введение

В условиях структурной трансформации российской экономики, вызванной санкционным давлением и переориентацией экспортных потоков, промышленное развитие регионов приобретает критическое значение. Пространственно-отраслевые неравномерности промышленного развития регионов России представляют собой одну из ключевых проблем современных экономических исследований, обусловленную как исторически сложившейся специализацией субъектов Российской Федерации, так и усилением сырьевой направленности в 1990–2000-е годы национальной экономики. При этом одни регионы демонстрируют высокие темпы промышленного роста за счет добывающих производств, другие – за счет обрабатывающих и инновационных секторов, третьи остаются в состоянии депрессии.

Изучение указанной проблематики на протяжении длительного времени привлекает пристальное внимание зарубежного и отечественного научного сообщества, что находит отражение в теоретических и эмпирических работах, посвященных различным аспектам данного вопроса.

Теоретические основы исследования пространственных неравномерностей экономического развития заложены в трудах классиков региональной экономки. М. Хаммер и Дж. Чампи [1] в своей фундаментальной работе по реинжи-

нирингу корпораций обосновали необходимость процессного подхода к управлению. М. Портер [2] разработал теорию конкурентных преимуществ, применимую к региональным промышленным системам, показав, что пространственная концентрация взаимосвязанных предприятий создает кумулятивный эффект инновационного развития. Современные зарубежные исследования [3–5] также уделяют внимание данной проблематике, раскрывая положительную связь между инновационной активностью, производительностью и отраслевой структурой на региональном уровне.

В отечественной научной литературе проблематика пространственной дифференциации регионов широко представлена исследователями. Так, Е.А. Коломак [6], М.В. Морошкина [7], Е.Л. Плисецкий [8] анализируют пространственное развитие и региональные диспропорции в России, отмечая их устойчивый характер и отсутствие тенденций к естественному сглаживанию, что ставит под вопрос эффективность механизмов выравнивающей региональной политики. О.В. Кузнецова [9], Е.М. Бухвальд [10], Т.Н. Тополева [11] рассматривают эволюцию региональной политики России, выделяя разрыв между декларируемыми приоритетами пространственного развития и фактической концентрацией ресурсов в крупнейших агломерациях. Н.В. Зубаревич [12] исследует межрегиональное неравенство, кризис и модернизацию регионов России.

Т.В. Ускова [13], Е.П. Гармашова и А.М. Дребот [14], М.С. Гусарова [15], Д.В. Шимановский [16] изучают факторы и барьеры инновационного развития регионов, демонстрируя, что инновационная активность концентрируется в регионах с развитым обрабатывающим сектором, тогда как сырьевые территории характеризуются ее систематическим подавлением.

О.А. Романова [17] и В.В. Акбердина [18], Ю.В. Вертакова, Ю.С. Положенцева и А.В. Корхов [19], А.А. Урасова [20], Н.Ю. Ахапкин [21] исследуют структурные изменения в промышленности с региональным аспектом. В работе [22] авторы проводят углубленный анализ уровня индустриализации и инновационной активности национальной экономики и ее регионов.

Вместе с тем комплексный анализ пространственно-отраслевых диспропорций с учетом последних структурных сдвигов 2022–2024 гг. остается недостаточно представленным в научной литературе. Исследователи отмечают, что импортозамещение в российской промышленности имеет как успехи, так и тупики [23, 24], что актуализирует необходимость регионального анализа промышленной динамики.

Цель настоящего исследования – количественно оценить масштабы пространственно-отраслевых диспропорций промышленного развития регионов России, выявить их структуру и определить основные факторы дифференциации в период 2017–2024 гг.

Гипотеза исследования: несмотря на общий тренд индустриализации и импортозамещения, пространственно-отраслевые диспропорции в России в 2017–2024 гг. не только сохраняются, но и углубляются, причем наиболее устойчивым фактором дифференциации выступает не уровень инвестиций, а инновационная активность обрабатывающих производств.

Методология и данные

Эмпирической базой исследования послужили официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) по 85 субъектам РФ за 2017–2024 гг. Использовались следующие показатели: доля промышленности в ВРП (ДП), %; доля добычи полезных ископаемых в ВРП (ДПИ), %; доля обрабатывающих производств в ВРП (ОП), %; удельный вес инновационных товаров, работ, услуг (УВИ), %; электровооруженность труда работников промышленных организаций (ЭВ), кВт·ч на одного занятого; среднегодовая численность занятых в промышленности (СЧЗ), тыс. чел.; объем отгруженных товаров собственного производства (ОПП), млн руб. для расчета производительности труда; индексы промышленного производства (ИПП); затраты на инновационную деятельность (ЗИД), млн руб.; разработанные передовые производственные технологии (РППТ), ед. Совокупность показателей позволяет охарактеризовать как количественные, так и качественные параметры промышленного развития регионов.

Для группировки регионов использовался кластерный анализ по двум признакам: доля ДПИ в ВРП и доля ОП в ВРП (2024 г.). В результате выделены пять типов регионов: сырьевые (ДПИ > 40%), обрабатывающие (ОП > 30%, ДПИ < 10%), постиндустриальные агломерации (ДП < 15%), аграрно-промышленные (ДП 15–25%, преобладание пищевой и легкой отраслей), слаборазвитые (ДП < 10%). Дополнительно рассчитан коэффициент локализации промышленности (по отношению к среднероссийской доле). Корреляционный анализ выполнен методом Пирсона с проверкой статистической значимости на уровнях $p < 0.01$ и $p < 0.05$. Производительность труда определена как отношение объема отгруженной продукции к среднегодовой численности занятых в промышлен-

Таблица 1

Типология регионов РФ по промышленному профилю (2024 г.)

Тип региона	Число регионов	ДП в ВРП, %	ДПИ в ВРП, %	ОП в ВРП, %	УВИ, %	ЭВ, тыс. кВт·ч
Сырьевые	12	60–85	40–85	<10	0.0–1.0	100–550
Обрабатывающие	18	30–50	<5	30–50	4–28	20–50
Постиндустриальные агломерации	4	12–25	0–0.5	10–20	2–10	20–40
Аграрно-промышленные	20	15–20	<2	10–15	0.7–4	30–45
Слаборазвитые	15	<10	<1	<5	0–0.5	<15

ности. Все расчеты проведены с использованием данных Росстата [25, 26] и встроенных функций табличного процессора.

Результаты и их обсуждение

Типология регионов по промышленному профилю. На основе данных за 2024 г. выделены пять устойчивых типов регионов (табл. 1).

Тип 1 – сырьевые регионы (доля ДПИ > 40% ВРП), включает Ненецкий АО (83.9% ДПИ в ВРП), Ханты-Мансийский АО (80.3%), Ямало-Ненецкий АО (72.2%), Республику Коми (49.2%), Сахалинскую область (56.5%), Магаданскую область (59.7%), Республику Саха (Якутия) (58.2%), Оренбургскую область (40.7%) и др. Для них характерна очень высокая доля промышленности в ВРП (от 60 до 85%), но низкая инновационная активность (УВИ < 1%, за исключением Республики Коми – 3.17% и Оренбургской области – 3.16%). Электровооруженность труда максимальна среди всех типов: в ХМАО – 204.8 тыс. кВт·ч на человека, в Ненецком АО – 237.1 тыс. кВт·ч, в Сахалинской области – 107.5 тыс. кВт·ч, что многократно превышает среднероссийский уровень. Это объясняется энергоемкостью добычи нефти, газа и полезных ископаемых, а также использованием энергоемких технологий обогащения и первичной переработки сырья.

Тип 2 – старопромышленные обрабатывающие регионы (доля ОП > 30% ВРП, доля ДПИ < < 10%), типичными представителями являются: Липецкая область (37.7% ОП, 0.5% ДПИ), Тульская область (42.3% ОП, 0.8% ДПИ), Калужская область (38.8% ОП), Владимирская область (35.8% ОП), Чувашская Республика (30.4% ОП), Республика Марий Эл (31.2% ОП), Вологодская область (47.2% ОП) и др. Инновационная активность здесь заметно выше среднероссийской: в Липецкой области УВИ = 4.29%, в Калужской – 4.79%, в Чувашии – 8.88%, в Марий Эл – 7.57%. Производительность труда (отгрузка на одного занятого) в этих регионах в 1.5–2 раза выше, чем в сырьевых (при сравнимой или существенно меньшей электровооруженности), что свидетельствует о более эффективном использовании ресурсов и более высокой технологической сложности производств. Например, в Липецкой области производительность составляет 11.3 млн руб. на человека, в Тульской – 15.1 млн руб., тогда как в ХМАО, несмотря на огромные объемы отгрузки, производительность составляет 28.3 млн руб., что при неизмеримо больших энергозатратах не демонстрирует пропорциональной эффективности.

Тип 3 – постиндустриальные агломерации (ДП в ВРП < 15%, но высокая инновационная активность), в данную группу отнесены: г. Москва (12.9% промышленности в ВРП, УВИ = 2.27%), Московская область (24.4% – выше, но структура смешанная) и г. Санкт-Петербург (13.6% промышленности, УВИ = 9.56%). Несмотря на низкую долю промышленности в ВРП, эти регионы лидируют по абсолютным объемам инновационных товаров и количеству разработанных передовых технологий (г. Москва – 758 единиц разработанных технологий в 2023 г., Санкт-Петербург – 287), а также по объемам затрат на инновационную деятельность. Это обусловлено высокой концентрацией научно-исследовательских организаций, конструкторских бюро и технологических стартапов в данных агломерациях.

Тип 4 – аграрно-промышленные регионы (ДП в ВРП 15–25%, преобладают пищевая, легкая промышленность, машиностроение). Типичными представителями данной группы регионов являются: Ставропольский край (17.0% промышленности, из них 11.6% ОП), Краснодарский край (11.0% – очень низкая), Воронежская область (18.8% промышленности). Инновационная активность средняя или низкая (УВИ в Краснодарском крае – 0.69%, в Воронежской области – 3.94%). Электровооруженность труда – одна из самых низких (37–45 тыс. кВт·ч), что

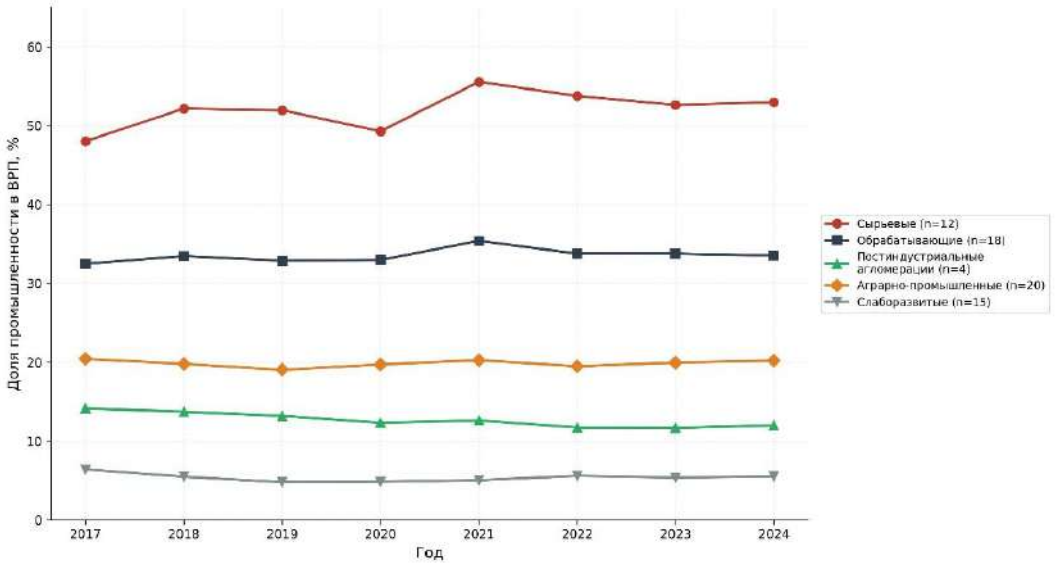

Рис. 1. Динамика доли промышленности в валовом региональном продукте (ВРП) по типам регионов РФ в 2017–2024 гг., %

Таблица 2

Средняя доля промышленности в ВРП по типам регионов РФ (2017–2024 гг., %)

Тип региона	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Сырьевые	48.0	52.1	52.0	49.3	55.6	53.8	52.6	53.0
Обрабатывающие	32.5	33.5	32.9	33.0	35.4	33.8	33.8	33.6
Постиндустриальные агломерации	14.2	13.7	13.2	12.3	12.6	11.7	11.7	12.0
Аграрно-промышленные	20.4	19.8	19.1	19.7	20.3	19.5	20.0	20.2
Слаборазвитые	6.4	5.5	4.8	4.9	5.1	5.6	5.4	5.5

связано с преобладанием трудоемких, а не энергоемких производств.

Тип 5 – слаборазвитые промышленные регионы (доля промышленности в ВРП < 10%). В данную группу включены: Республика Калмыкия (7.95%), Республика Крым (< 0.01%), г. Севастополь (< 0.01%), Республика Дагестан (5.15%), Республика Ингушетия (6.48%). В этих регионах практически отсутствует как добывающая, так и обрабатывающая промышленность, инновационная активность нулевая или близка к нулю. Электровооруженность труда минимальна (10–15 тыс. кВт·ч).

Динамика доли промышленности в ВРП за 2017–2024 гг. (рис. 1) показывает, что в сырьевых регионах она остается стабильно высокой (колебания ±5%), в обрабатывающих – растет (например, в Чувашской Республике с 29.6% в 2017 г. до 33.1% в 2024 г., во Владимирской – с 33.7% до 39.8%).

В агломерациях наблюдается постепенное снижение (г. Москва – с 14.2% до 12.9%). Средние значения по типам регионов (табл. 2) подтверждают устойчивость выявленных закономерностей: сырьевые регионы устойчиво удерживают долю промышленности на уровне 50–58%, обрабатывающие – 33–34%, аграрно-промышленные – 25–26%, постиндустриальные агломерации – 8–9%, слаборазвитые регионы – 16–22%.

Инновационная активность как ключевой фактор дифференциации. В 2024 г. максимальные значения удельного веса инновационных товаров, работ и услуг зафиксированы в Республике Мордовия (28.33%), Хабаровском крае (19.40%), Нижегородской (15.44%), Кировской (15.30%), Челябинской (14.69%) и Новосибирской (10.79%) областях. Особого внимания заслуживает случай Республики Мордовия: при относительно невысокой доле обрабатывающих производств в валовом региональном продукте (26.5%) данный регион демонстрирует устойчиво высокую инновационную. Подобное отклонение от общей закономерности обусловлено, во-первых, целенаправленной региональной политикой стимулирования инноваций, а во-вторых, присутствием нескольких крупных наукоемких предприятий (таких, например, как, кабельный завод «Саранскккабель», оптиковолоконный завод и др.). На противоположном по-

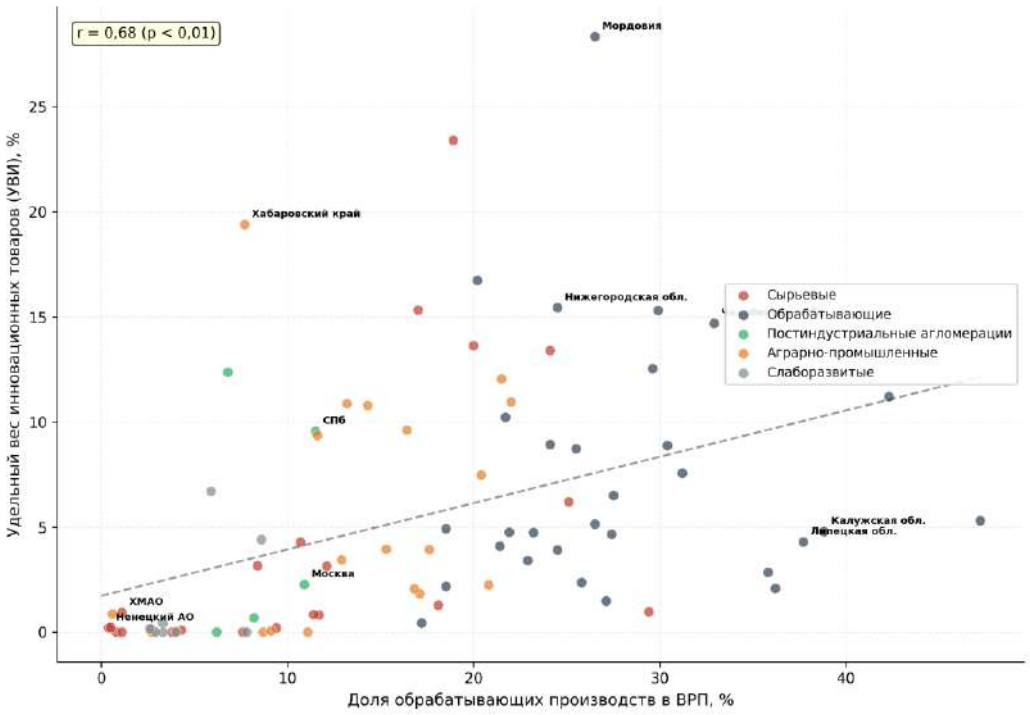

Рис. 2. Зависимость между долей обрабатывающих производств в ВРП (%) и удельным весом инновационных товаров, работ, услуг (УВИ, %) в регионах РФ в 2024 г.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа (коэффициент Пирсона, 2024 г.)

Показатели	r	p-value	Интерпретация
Доля ОП в ВРП ↔ УВИ	0.68	< 0.01	Положительная связь средней силы
Доля ДПИ в ВРП ↔ УВИ	–0.53	< 0.05	Отрицательная связь средней силы
ЭВ ↔ Производительность труда	0.29	> 0.05	Слабая положительная связь

люсе находятся сырьевые регионы (Ненецкий автономный округ – 0.21%, Ханты-Мансийский АО – 0.94%, Ямало-Ненецкий АО – 0.00%) и депрессивные территории (Республики Калмыкия, Крым, Ингушетия и Чеченская Республика), где показатель УВИ приближается к нулю. Выявленный контраст подтверждает наличие глубокой инновационной дифференциации, детерминированной прежде всего отраслевой структурой региональных экономик. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 3. Установлено, что между долей обрабатывающих производств в ВРП и величиной УВИ существует положительная связь средней силы (r = = 0.68, $p < 0.01$).

Данный факт позволяет утверждать, что именно в регионах с преобладанием обрабатывающей промышленности инновации выступают в качестве значимого фактора экономического роста, формируя кумулятивный эффект: высокая концентрация обрабатывающих производств стимулирует приток инновационных инвестиций, что, в свою очередь, повышает конкурентоспособность выпускаемой продукции и закрепляет промышленную специализацию территории (рис. 2).

В противоположность этому, между долей добывающих производств и значением УВИ выявлена отрицательная корреляция (r = –0.53, $p < 0.05$). Сырьевая специализация подавляет инновационную активность, что обусловлено доминированием экстенсивных технологий добычи и ограниченностью стимулов для технологических улучшений в условиях высоких мировых цен на сырье. Данный вывод согласуется с результатами исследований [27, 28], установивших аналогичную закономерность для ресурсоориентированных экономик. Между электровооруженностью труда и производительностью труда (отгрузка на одного занятого) – слабая положительная связь (r = 0.29), что указывает на неэффективное использование энергии в энергоемких производствах и необходимость технологической модернизации [29, 30].

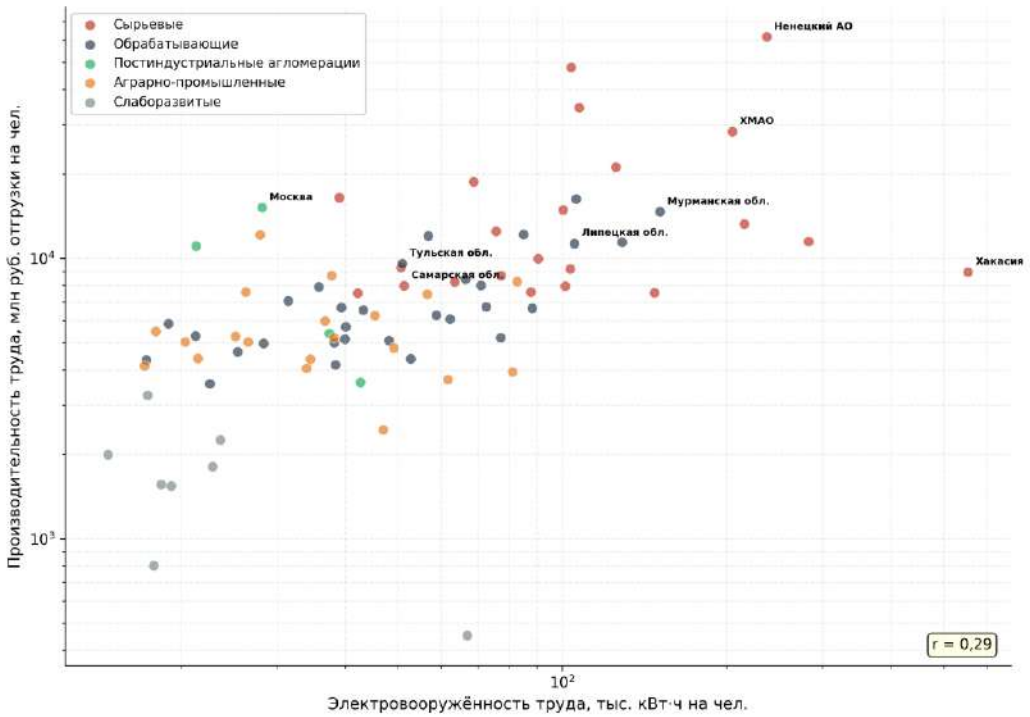

Рис. 3. Взаимосвязь между электровооруженностью труда (тыс. кВт·ч на одного занятого) и производительностью труда (млн руб. на одного занятого) в промышленности регионов РФ, 2024 г.

Энерговооруженность и структурные сдвиги. Самые высокие показатели электровооруженности труда зафиксированы в Республике Хакасия (554.7 тыс. кВт·ч на человека), Ненецком АО (237.1 тыс.), Мурманской области (151.1 тыс.), ХМАО (204.8 тыс.). Однако производительность труда (объем отгруженной продукции на одного занятого) в этих регионах непропорциональна энергозатратам. Например, в Хакасии один занятый потребляет 555 тыс. кВт·ч, а создает продукции на 8.9 млн руб. (396591 млн руб./44.4 тыс. чел.), тогда как в Липецкой области при 105 тыс. кВт·ч на человека производительность составляет 11.3 млн руб. (1429343 млн руб./126.6 тыс. чел.). В Тульской области при электровооруженности около 50 тыс. кВт·ч производительность достигает 15.1 млн руб. на человека (1906059 млн руб./126.0 тыс. чел.), что более чем в 1.5 раза превышает показатели Хакасии при десятикратно меньшей энергоемкости. Это свидетельствует о технологической отсталости энергоемких производств и необходимости их модернизации.

Слабая корреляция между электровооруженностью и производительностью труда (r = 0.29) подтверждает, что высокая энергоемкость не транслируется автоматически в высокую добавленную стоимость. Энергоэффективность и производительность труда в регионах РФ связаны нелинейно и определяются прежде всего технологическим уровнем производств. На рис. 3 видно, что регионы с экстремальной энерговооруженностью (Хакасия, ХМАО) не имеют столь же высокой производительности; наиболее эффективны обрабатывающие регионы (Липецкая, Тульская, Самарская области), формирующие добавленную стоимость за счет технологической сложности производств, а не за счет масштабов энергопотребления.

Регионы-лидеры и аутсайдеры промышленного развития. Сводный рейтинг по трем критериям (доля промышленности в ВРП, доля обрабатывающих производств, УВИ) возглавляют: Ненецкий АО (сырьевой лидер с долей промышленности 85.0% ВРП), Липецкая область (обрабатывающий лидер с долей ОП 37.7% и УВИ 4.29%), Республика Мордовия (инновационный лидер с УВИ 28.33%), г. Москва (инновационно-сервисный лидер с наибольшим абсолютным объемом инновационной продукции). Аутсайдеры: Республика Калмыкия, Республика Крым, Севастополь, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, – здесь промышленность практически отсутствует, а инновационная активность равна нулю или близка к нему.

Динамика за 2017–2024 гг. показывает, что разрыв между лидерами и аутсайдерами увели-

чился: в 2017 г. максимальная доля промышленности в ВРП составляла 73.7% (Ненецкий АО), минимальная – 0.000014% (Крым). В 2024 г. максимум – 85.0% (Ненецкий АО), минимум – около 0.000006% (Крым). Абсолютный разрыв сохраняется на уровне 8–9 порядков. Средняя доля промышленности в структуре ВРП обнаруживает разнонаправленную динамику в различных типологических группах. В группе сырьевых регионов она возросла с 49.9% в 2017 г. до 57.5% в 2024 г., тогда как в группе слаборазвитых регионов снизилась с 21.7% до 17.9% (при этом данное снижение частично обусловлено перегруппировкой регионов между типами). В обрабатывающих регионах наблюдается умеренный рост (с 32.8% до 34.0%), что свидетельствует об усилении их промышленной специализации. В постиндустриальных агломерациях, напротив, доля промышленности сократилась с 9.4% до 8.0% – как следствие опережающего развития сервисного сектора. В аграрно-промышленных регионах показатель остался практически неизменным (с 25.8% против 25.4%). Таким образом, усиление поляризации происходит главным образом за счет противоположных тенденций, присущих сырьевым и постиндустриальным регионам.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о сохранении и углублении пространственно-отраслевых диспропорций в промышленном развитии регионов России. Ключевые выводы могут быть сформулированы следующим образом.

Во-первых, поляризация по отраслевой структуре достигла экстремальных значений: на одном полюсе находятся сырьевые регионы с долей промышленности до 85% ВРП, на другом – территории с практически нулевым уровнем индустриализации. Динамика за период 2017–2024 гг. демонстрирует углубление данного разрыва, что подтверждается ростом средней доли промышленности в ВРП сырьевых регионов (с 49.9% до 57.5%) при одновременном ее снижении в группах слаборазвитых регионов и постиндустриальных агломераций.

Во-вторых, инновационная активность концентрируется преимущественно в обрабатывающих регионах (Липецкая, Калужская и Нижегородская области, Республика Мордовия) и крупных агломерациях (Москва, Санкт-Петербург). Выявленная положительная корреляция средней силы между долей обрабатывающих производств и показателем УВИ ($r = 0.68$, $p < 0.01$) указывает на кумулятивный характер инновационного развития промышленных территорий. При этом Республика Мордовия представляет собой уникальный случай аномально высокой инновационной активности при умеренной доле обрабатывающих производств, что объясняется целенаправленной региональной инновационной политикой.

В-третьих, электровооруженность труда не является прямым драйвером производительности, поскольку сырьевые регионы потребляют в 5–6 раз больше электроэнергии на одного занятого, чем обрабатывающие, однако создают сопоставимую или даже меньшую добавленную стоимость. Слабая корреляция ($r = 0.29$) свидетельствует о неэффективности использования энергии в энергоемких производствах и обосновывает необходимость их технологической модернизации.

В-четвертых, сырьевая специализация подавляет инновационную активность (отрицательная корреляция $r = -0.53$, $p < 0.05$), что ставит под вопрос долгосрочную устойчивость таких регионов и их способность адаптироваться к структурным изменениям мировых рынков и технологическим сдвигам.

Практические рекомендации. Целесообразно сместить акценты промышленной политики с поддержки добывающих отраслей на стимулирование технологической модернизации обрабатывающих производств во всех типах регионов, особенно в депрессивных. Требуется формирование межрегиональных технологических цепочек, позволяющих сырьевым регионам не только добывать, но и перерабатывать ресурсы на месте, повышая тем самым долю добавленной стоимости и наращивая инновационные компетенции. Кроме того, необходимо развивать малые и средние промышленные предприятия в аграрно-промышленных регионах, используя механизмы кластерной политики и создания территориальных кластеров.

В качестве перспектив и приоритетных направлений дальнейших исследований можно выделить оценку влияния санкционных ограничений и процессов импортозамещения на отраслевую структуру региональных промышленных комплексов, а также разработку индекса пространственно-отраслевой сбалансированности, позволяющего количественно измерять степень диспропорциональности промышленного развития.

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Список литературы

1. Хаммер М., Чампи Дж. Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе: Пер. с англ. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1997. 332 с.

2. Портер М.Э. Конкуренция: Пер. с англ. М.: Вильямс, 2005. 608 с.

3. Kijek T., Kijek A., Matras-Bolibok A. Innovation and Regional Development // In book: Innovation and Regional Technological Convergence. 2023. P. 5–23. https://doi.org/10.1007/978-3-031-24531-2_2.

4. Wei L., Zhang H., Zhang Y. The Impact of Technological Innovation and Industrial Structure Upgrading on New Urbanization: An Empirical Analysis Based on Panel Quantile Regression // Modern Economy. 2021. Vol. 12. P. 1463–1485. https://doi.org/10.4236/me.2021.1210075.

5. Fredin S., Miörner J., Jogmark M. Developing and sustaining new regional industrial paths: investigating the role of 'outsiders' and factors shaping long-term trajectories // Industry and Innovation. 2019. Vol. 26 (7). P. 795–819. https://doi.org/10.1080/13662716.2018.1535429.

6. Коломак Е.А. Пространственное развитие современной России: факторы, механизмы, результаты // Регион: экономика и социология. 2025. № 4 (128). С. 27–51. https://doi.org/10.15372/REG20250402.

7. Морошкина М.В. Пространственное развитие России: региональные диспропорции // Регионология. 2018. Т. 26, № 4 (105). С. 638–657. https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.638-657.

8. Плисецкий Е.Л. Структурные изменения в пространственном развитии России: новые реалии // Управленческие науки. 2023. Т. 13, № 3. С. 21–33. https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-3-21-33.

9. Кузнецова О.В. Проблемы выбора приоритетов пространственного развития // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 146–157. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-146-157.

10. Политика регионального развития в современной России: приоритеты, институты и инструменты / Е.М. Бухвальд и др.; отв. ред. Е.М. Бухвальд. М.: Институт экономики РАН, 2018. 250 с.

11. Тополева Т.Н. Приоритеты политики пространственного развития России в условиях новых вызовов: региональный аспект // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 10. С. 2641–2654. https://doi.org/10.18334/epp.12.10.116413.

12. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

13. Ускова Т.В. Социально-экономические и пространственные факторы развития российских территорий // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 6. С. 7–9. https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.1.

14. Гармашова Е.П., Дребот А.М. Факторы инновационного развития региона // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 3. С. 1523–1534. https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110287.

15. Гусарова М.С. Проблемы инновационного развития России: анализ факторов и институциональные решения // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11, № 4. С. 1383–1402. https://doi.org/10.18334/vinec.11.4.113870.

16. Шимановский Д.В. Инновации как фактор экономического роста регионов России: эконометрический анализ // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2022. Т. 17, № 2. С. 145–160. https://doi.org/10.17072/1994-9960-2022-2-145-160.

17. Романова О.А. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы // Экономика региона. 2011. № 2 (26). С. 40–48.

18. Акбердина В.В., Романова О.А. Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 3. С. 714–736. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-1.

19. Вертакова Ю.В., Положенцева Ю.С., Корхов А.В. Оценка структурных трансформаций региональных промышленных комплексов // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 8 (178). С. 816–822. https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-8-816-822.

20. Урасова А.А. Трансформация региональной промышленной структуры в условиях технологической эволюции // Экономика промышленности. 2022. Т. 15, № 2. С. 198–205. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2022-2-198-205.

21. Ахапкин Н.Ю. Динамика промышленного производства в России: эффекты санкционных ограничений и изменений отраслевой структуры // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 6. С. 7–23. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2025_6_7_23.

22. Doroshenko Yu., Starikova M., Riapukhina V. Models of Regional Development in Russia: Level of Industrialisation and Innovative Performance // Engineering Economics. 2021. Vol. 32(3). P. 247–257. https://doi.org/10.5755/j01.ee.32.3.25897.

23. Кузьминов Я.И., Симачев Ю.В., Кузык М.Г. и др. Импортозамещение в российской экономике: вчера и завтра: Аналитический доклад НИУ ВШЭ. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. 272 с. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2755-9.

24. Тюкавкин Н.М., Анисимова В.Ю. Процессы импортозамещения в промышленности России: теоретические и практические аспекты // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14, № 1. С. 43–57. https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.1.43-57.

25. Промышленное производство / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 05.05.2026).

26. Регионы России. Социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 05.05.2026).

27. Эдер Л.В., Саблин К.С., Проворная И.В. Научные подходы к обоснованию приоритетных инновационно-технологических направлений пространственной специализации ресурсных регионов России // Фундаментальные исследования. 2017. № 5. С. 220–224.

28. Нагаева О.С. Модель ресурсно-инновационного развития сырьевого региона // Вопросы иннова-

ционной экономики. 2018. Т. 8, № 4. С. 679–694. https://doi.org/10.18334/vinec.8.4.39541.

29. Корнилова А.Д., Щеголева Е.П. Механизм повышения энергоэффективности российских предприятий // Экономические отношения. 2020. Т. 10, № 2. С. 575–586. https://doi.org/10.18334/eo.10.2.110211.

30. Армашова-Тельник Г.С. Ключевая проблематика энергопотребления российских промышленных регионов // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2022. Т. 84, № 2 (92). С. 368–373. https://doi.org/10.20914/2310-1202-2022-2-368-373.

SPATIAL AND SECTORAL DISPARITIES IN INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS UNDER STRUCTURAL TRANSFORMATION

L.V. Glezman, S.S. Fedoseeva

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm branch

The article explores the spatial and sectoral unevenness of industrial development in the regions of the Russian Federation in the context of structural transformation of the economy. The purpose of the study is to quantify the extent of spatial and sectoral imbalances, identify their structure, and determine the main factors contributing to the differentiation of industrial development in the country's regions. The empirical basis for the study is based on official statistics data for the Russian Federation's regions for the period 2017–2024. The article employs cluster analysis, correlation analysis, and regional typology methods. The analysis of the dynamics of the share of industry in the gross regional product, its sectoral structure (mining and manufacturing), energy intensity of labor and innovation activity. Five types of regions are identified by industrial profile: raw materials, old industrial, post-industrial agglomerations, agrarian-industrial and underdeveloped industrial territories. A positive correlation between the share of manufacturing industries in the economy and innovation activity, as well as a negative correlation between raw materials specialization and the level of innovative development is established. It has been revealed that the spatial and sectoral disproportions in the industrial development of the Russian Federation's regions persist and deepen against the backdrop of general processes of industrialization and import substitution. It has been shown that the growth of technological complexity in manufacturing industries forms a new vector of industrial development that can mitigate spatial disproportions. The need to shift the focus of industrial policy towards stimulating the technological modernization of manufacturing industries has been substantiated.

Keywords: regional economics, spatial development, industry, manufacturing, mining, innovation activity, labour energy intensity, structural shifts, import substitution.

УДК 338
DOI 10.52452/18115942_2026_3_38

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОРТФЕЛЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В ОБЛАСТИ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ И КРЕАТИВНЫХ (ТВОРЧЕСКИХ) ИНДУСТРИЙ

© 2026 г.

М.А. Гордеева

Гордеева Марина Александровна, к.э.н.; доцент кафедры креативных индустрий и медиакоммуникаций Института филологии и журналистики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
gordeeva@unn.ru

Статья поступила в редакцию 10.06.2026
Статья принята к публикации 30.07.2026

Формирование инвестиционного портфеля промышленного предприятия креативных (творческих) индустрий становится все более актуальным вопросом в условиях современного развития креативной экономики и креативных индустрий. Однако данный вопрос недостаточно изучен в современных источниках. Цель статьи – обоснование применения теории многокритериального выбора для оценки эффективности инвестиционного портфеля промышленного предприятия, функционирующего в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий. Методы настоящего исследования: применение теории многокритериального выбора в рамках проведения портфельного анализа; описание порядка оценки эффективности инвестиционного портфеля и основных этапов выбора эффективных решений при портфельном анализе инвестиционного портфеля промышленного предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий, а также формулировка и анализ задач многокритериального выбора для оценки эффективности инвестиционного портфеля, его элементов и набора инвестиционных портфелей с учетом специфики креативных индустрий при помощи различных критериев. Результатами исследования выступают: представленный порядок оценки эффективности инвестиционного портфеля промышленного предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий; определенные этапы выбора эффективных решений при портфельном анализе, а также разработанный подход к оценке эффективности инвестиционного портфеля, его элементов и набора инвестиционных портфелей с помощью различных критериев. Новизна исследования состоит в предложенной к применению теории многокритериального выбора именно для оценки инвестиционных портфелей предприятий в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий, а также в рассмотренных задачах оценки эффективности инвестиционного портфеля, его элементов и набора инвестиционных портфелей с учетом специфики креативной экономики и креативных (творческих) индустрий на основе количественной оценки эффективности стратегических решений, что отличает методику от уже существующих.

Ключевые слова: креативная экономика, креативные индустрии, портфельный анализ, элементы портфеля, оценка эффективности, выбор эффективных решений, стратегические решения, критерии/показатели эффективности, заинтересованные стороны.

Введение

В современном мире активно развивается область креативной экономики и креативных (творческих) индустрий, что сделало ее одним из ключевых направлений стратегического развития предприятий, регионов и страны в целом. Творческие индустрии позволяют предприятиям внедрять новые идеи, технологии и продукты, которые создают ценность за счет уникальности и креативности, в то же время индустрии стимулируют инновационное развитие, создают новые рабочие места и формируют конкурентные преимущества. В условиях конкуренции и глобализации предприятий важное значение приобретает эффективность управления инвестиционным портфелем предприятий в данной области с целью повышения прибыли и формирования инновационного и устойчивого развития.

В настоящее время наблюдается необходимость разработки системных методов оценки эффективности инвестиционных портфелей промышленных предприятий, которые реализуют проекты в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий. Эффективное управление инвестиционным портфелем предприятия позволяет повысить его конкурентоспособность, минимизировать риски и обеспечить долгосрочную рентабельность, а также оптимизировать распределение имеющихся ресурсов и

повысить рентабельность инвестиций. Важную роль в оценке инвестиционного портфеля предприятия играют особенности области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий, в том числе интересы заинтересованных сторон при формировании устойчивого сбалансированного портфеля.

Цель статьи – обоснование применения теории многокритериального выбора для оценки эффективности инвестиционного портфеля промышленного предприятия, функционирующего в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий. Методы настоящего исследования: применение теории многокритериального выбора в рамках проведения портфельного анализа; описание порядка оценки эффективности инвестиционного портфеля и основных этапов выбора эффективных решений при портфельном анализе инвестиционного портфеля промышленного предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий, а также формулировка и анализ задач многокритериального выбора для оценки эффективности инвестиционного портфеля, его элементов и набора инвестиционных портфелей с учетом специфики креативных индустрий при помощи различных критериев.

Результатами исследования выступают: представленный порядок оценки эффективности инвестиционного портфеля промышленного предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий; определенные этапы выбора эффективных решений при портфельном анализе, а также разработанный подход к оценке эффективности инвестиционного портфеля, его элементов и набора инвестиционных портфелей с помощью различных критериев. Новизна исследования состоит в предложенной к применению теории многокритериального выбора именно для оценки инвестиционных портфелей предприятий в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий, а также в рассмотренных задачах оценки эффективности инвестиционного портфеля, его элементов и набора инвестиционных портфелей с учетом специфики креативной экономики и креативных (творческих) индустрий на основе количественной оценки эффективности стратегических решений, что отличает методику от уже существующих.

Теоретико-методологические подходы

Портфельный анализ обладает рядом характерных особенностей.

1. Использование методов сравнительной оценки эффективности инвестиционного портфеля предприятия, действующего в области креативной экономики и творческих индустрий, в целях определения их приоритетности при распределении инвестиционных средств.

2. Главный этап состоит в формировании стратегии развития промышленного предприятия.

3. Цель – оценка инвестиционного портфеля как совокупности независимых или частично независимых инвестиционных проектов.

4. Задача – координация стратегий и рациональное использование имеющихся инвестиционных ресурсов для достижения устойчивого положения предприятия и повышения его финансовых результатов [1–7].

В настоящей статье рассмотрены основные характеристики моделей портфельного анализа и приведены основные этапы многокритериального выбора принимаемых стратегических решений при оценке эффективности инвестиционного портфеля промышленного предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий.

В результате анализа источников, посвященных портфельному анализу, автором была составлена сравнительная таблица, где представлены такие модели портфельного анализа, как матрица БКГ (Бостонской консалтинговой группы); стратегическая модель «Пять сил конкуренции» по М. Портеру; модель жизненного цикла; матрица Ансоффа; стратегическая модель делового анализа PIMS; стратегическая модель Мак-Кинси [1–7].

В результате изучения различных подходов к портфельному анализу можно сказать, что он выступает важным средством стратегического планирования. Однако, несмотря на множество научных работ по данной методике, на современном этапе развития экономики необходимо совершенствование данного инструмента, особенно в части разработки методов количественной оценки эффективности стратегических решений [8–10]. Для выбора эффективных стратегических решений при портфельном анализе предприятия в области креативной экономики и творческих индустрий автор выделяет этапы, представленные на рисунке 1 [8–10].

Предлагаемые автором этапы выбора эффективных решений позволяют заинтересованным сторонам принять оптимальные решения при портфельном анализе промышленного предприятия с учетом специфики креативной экономики и креативных (творческих) индустрий на основе количественной оценки эффективности стратегических решений, что отличает методику от уже существующих. Далее автор рассматривает

Таблица

Сравнительная характеристика моделей портфельного анализа

№ п/п	Наименование модели портфельного анализа	Характеристика модели портфельного анализа
1	Матрица БКГ (Бостонской консалтинговой группы)	Классическая модель портфельного анализа основывается на оценке двух параметров: относительной доли рынка (отношения собственной абсолютной доли к общей рыночной величине) и темпов роста рынка. Квадраты матрицы БКГ показывают позиции, которые могут занять предприятия в различных сферах, включая креативную экономику и креативные (творческие) индустрии, при различных значениях этих показателей: 1) «Дойные коровы»; 2) «Звезды»; 3) «Знаки вопроса»; 4) «Собаки». Недостатком матрицы БКГ является учет только двух показателей эффективности функционирования рынка, в то время как отсутствуют показатели, характеризующие социально-экономическое состояние исследуемых предприятий
2	Стратегическая модель «Пять сил конкуренции» по М. Портеру	Модель используется для анализа конкурентных позиций предприятия, включающего в себя следующие аспекты: 1) текущие конкуренты в отрасли; 2) влияние покупателей; 3) новые участники рынка, входящие в отрасль и предлагающие схожие товары; 4) влияние поставщиков; 5) угрозы со стороны товаров-заменителей
3	Модель жизненного цикла	Эта модель используется для анализа этапов развития рынка и служит ориентиром при выборе наиболее подходящей стратегии. В рамках модели выделяют следующие фазы жизненного цикла: 1) рождение и запуск на рынок; 2) стадия роста; 3) зрелость; 4) спад. В результате анализа каждой из этих фаз соответствуют определённые стратегии: 1) стратегия роста (минимальные затраты, прибыль и объем продаж); 2) стратегия быстрого роста (ускорение прибыли и увеличение спроса); 3) стратегия стабильности (поддержание устойчивого развития и дохода); 4) стратегия сокращения (уменьшение объемов продаж и прибыли). Для каждой стадии жизненного цикла выбирается своя стратегия. Например, первой фазе соответствует первая стратегия, второй – вторая и так далее. Теория жизненного цикла основывается на необходимости анализа текущей деятельности предприятия и прогнозирования его развития в будущем
4	Матрица Ансоффа	В рамках матрицы выделяются четыре возможные стратегии: 1) стратегия углубленного проникновения на рынок – выход компании на уже сформировавшийся рынок с текущими товарами или услугами, благодаря конкуренции, расширению продаж и развитию маркетинга; 2) стратегия выхода на новые рынки – расширение деятельности за счёт создания новых сегментов или освоения новых рынков, что реализуется через сегментирование, внедрение новых применений для существующих продуктов или расширение географии продаж; 3) стратегия разработки продукта – создание абсолютно новых товаров или их модификация для существующих рынков, при этом особое внимание уделяется инновациям и новым решениям; 4) стратегия диверсификации – ввод в ассортимент товаров или услуг, не связанных с основным видом деятельности, с целью расширения и выхода в новые сферы. При использовании стратегии по модели Ансоффа проводится анализ возможности реализации этих стратегий в различных ситуациях: 1) рынок и товар уже существуют; 2) рынок остаётся старым, а продукция новая; 3) рынок новый, товар уже есть; 4) и товар, и рынок – новые

Окончание табл.

№ п/п	Наименование модели портфельного анализа	Характеристика модели портфельного анализа
		Далее сравниваются стратегии в разных комбинациях «рынок – товар», и выбирается наиболее эффективный вариант развития [3]
5	Модель делового анализа PIMS	Модель была разработана компанией General Electric на основе опыта более 3000 предприятий. В рамках стратегической модели PIMS анализируются множество переменных, влияющих на финансовые показатели компании. Эти переменные делятся на три группы: 1) производственная структура предприятия; 2) характеристика рынка и его привлекательность; 3) конкурентная позиция бизнеса. Конкурентная позиция – доля предприятия на рынке, а также его положение относительно лидеров и сравнение качества продукции. Привлекательность рынка оценивается по доле маркетинговых затрат в объёме продаж, объему покупок на рынке, темпам роста и капиталоемкости отрасли. Производственная структура в области креативной экономики характеризуется объёмом продаж, вложенным капиталом, производительностью труда и степенью использования производственных мощностей. При использовании трех групп показателей могут возникнуть противоречия: 1) между показателями, принадлежащими к разным группам; 2) между показателями внутри одной группы. Наличие таких противоречий усложняет выбор оптимальных решений и делает необходимым применение многокритериального подхода при оценке эффективности исследуемых систем
6	Стратегическая модель Мак-Кинси	В данной модели используют два ключевых параметра: конкурентоспособность товара и привлекательность рынка. Каждый из них оценивается по трем уровням: низкий, средний и высокий. Для каждого сочетания этих параметров подбираются соответствующие стратегии предприятия. При применении матрицы Мак-Кинси используются экспертные методы, которые позволяют определить интегральную оценку и конкурентоспособности товаров, и привлекательности рынка. Модель Мак-Кинси «7С» фокусируется на анализе внутренних факторов предприятия, влияющих на его текущие позиции и перспективы развития. В число этих факторов входят стиль руководства, сотрудники, стратегия, системы, общие ценности, навыки и структура организации. При использовании модели «7С» возникают сложности с формированием агрегированных показателей для таких параметров, как конкурентоспособность товара и привлекательность рынка. В большинстве случаев экспертные методы применяются для их оценки, что зачастую сопровождается субъективностью

Источник: разработано автором.

формулировку и анализ задач многокритериального выбора при портфельном анализе инвестиционного портфеля предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий [11].

1) Оценка эффективности инвестиционного портфеля предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий с помощью одной группы показателей (рисунок 2).

В схеме рисунка 2 используются следующие обозначения [11, 12]:

– $X = \{X_i\}$, $i = \overline{1,n}$, – набор управляемых факторов, которые могут иметь экономическое, финансовое, организационное, техническое или иное содержание;

– $Y = \{Y_j\}$, $j = \overline{1,J}$, – набор внешних неуправляемых факторов, которые могут иметь экономическое, финансовое, техническое или иное содержание;

– $K = \{K_m\}$, $m = \overline{1,M}$, – набор показателей эффективности инвестиционного портфеля предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий: выручка, прибыль, рентабельность, чистый дисконтированный доход, индекс доходности, внутренняя норма доходности, срок окупаемости и т.п.;

– $X^0(K) = \{X_i^0(K_i)\}$, $i = \overline{1,n}$, – набор показателей, которые соответствуют каждому из них;

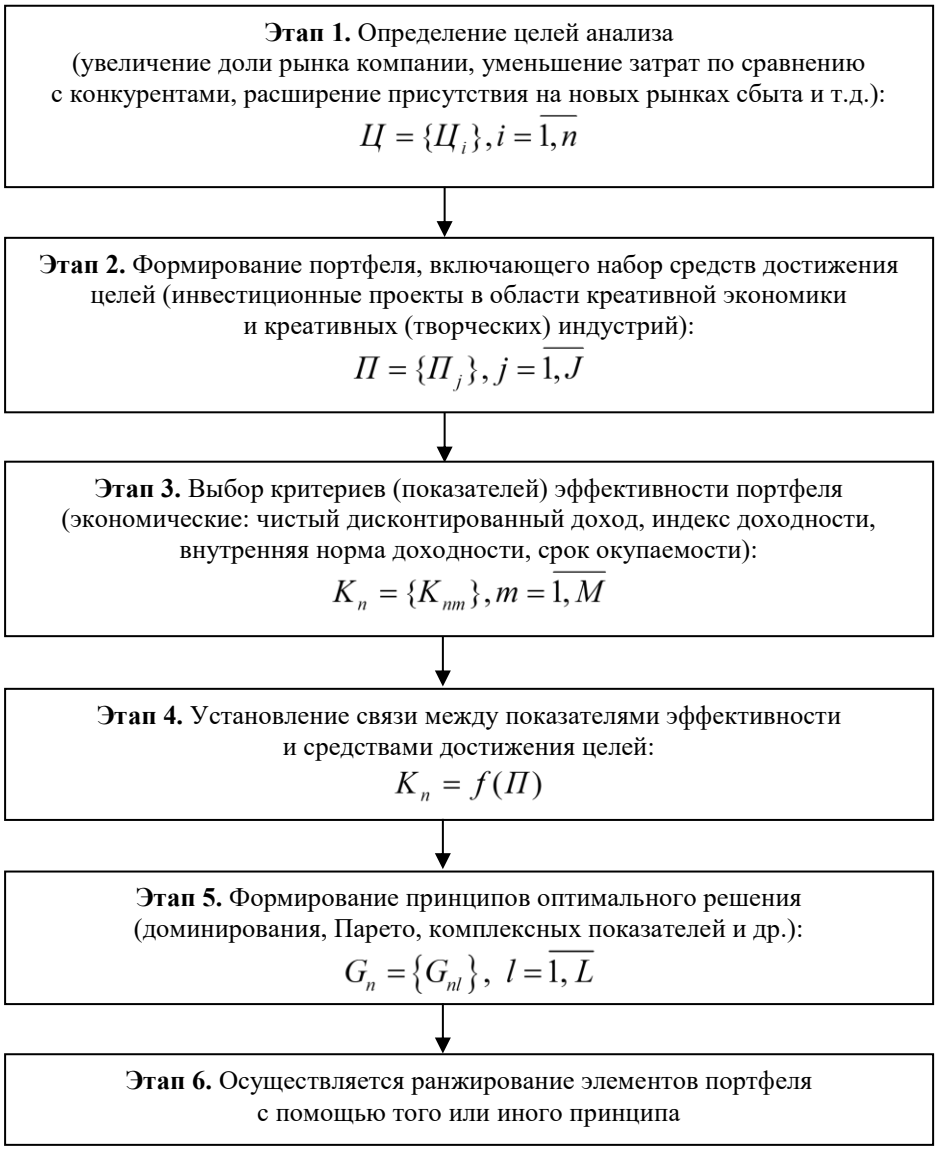

Рис. 1. Этапы выбора эффективных решений при портфельном анализе промышленного предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий
Источник: разработано автором

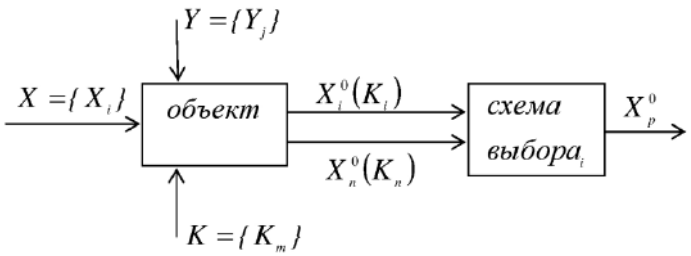

Рис. 2. Схема принятия оптимальных решений при оценке эффективности инвестиционного портфеля предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий с помощью одной группы показателей
Источник: разработано автором

– X_p^0 – итоговое оптимальное решение, выбранное в результате работы схемы принятия оптимальных решений при оценке эффективности инвестиционного портфеля предприятия в области креативной экономики и креативных индустрий с помощью одной группы показателей.

В результате использования схемы принятия оптимальных решений при оценке эффективности инвестиционного портфеля предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий с помощью одной группы показателей возможны ситуации:

– оптимальные решения совпадают (1):

$$x_1^0(k_1) = x_2^0(k_2) = ... = x_n^0(k_n); \quad (1)$$

– оптимальные решения не совпадают (2):

$$x_1^0(k_1) \neq x_2^0(k_2) \neq ... \neq x_n^0(k_n); \quad (2)$$

– одна часть оптимальных решений совпадает (3), другая нет (4):

$$x_1^0(k_1) = x_2^0(k_2) = ... = x_m^0(k_m); \quad (3)$$

$$x_{m+1}^0(k_{m+1}) \neq x_n^0(k_n). \quad (4)$$

Автором рассмотрен пример оценки инвестиционного портфеля предприятия креативных индустрий с учетом его особенностей [13–18].

Положим, проводится оценка эффективности инвестиционного портфеля предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий. На объект (инвестиционный портфель) влияют неуправляемые внешние факторы (*Y*), например факторы макроэкономического характера (изменение ключевой ставки Центрального банка РФ, изменения уровня инфляции и т.д.), нормативно-правового характера (изменение налогового законодательства, изменение государственного регулирования в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий), политического и геополитического характера (различного рода ограничения, в том числе торговые) или природного и форс-мажорного характера (климатические изменения, пандемия, землетрясение и т.д.). Также на инвестиционный портфель оказывают воздействие управляемые факторы (*X*), примерами таких факторов могут быть стратегия формирования портфеля, в том числе диверсификация и распределение активов, секторная и географическая структура (направления области креативной экономики, в которые решено инвестировать денежные средства предприятия), выбор стиля инвестирования и т.д. Критерием эффективности инвестиционного портфеля может выступать чистый дисконтированный доход (*K*), в то время как критерий одновременно зависит от неуправляемых и управляемых факторов. С целью повышения показателя чистого дисконтированного дохода разрабатываются оптимальные решения, которые соответствуют данному показателю $\left(X_i^0(K_i)\right)$.

По схеме выбора$_i$ определяется итоговое оптимальное решение (X_p^0) по результатам использования принципов теории многокритериального выбора.

2) Сравнительная оценка эффективности нескольких инвестиционных портфелей предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий с помощью одной группы показателей (рисунок 3).

В схеме рисунка 3 используются следующие обозначения [11, 12]:

– оптимальное решение по *объект*$_1$ при использовании показателя K_i: $X_{1i}^0(K_i)$;

– оптимальное решение по *объект*$_N$ при использовании показателя K_i: $X_{Ni}^0(K_i)$;

– *схема выбора*$_1$ предназначена для выбора оптимального решения при анализе *объект*$_1$;

– схема *выбора*$_N$ предназначена для выбора оптимального решения *объект*$_N$;

– оптимальное итоговое решение по *объект*$_1$: X_{p1}^0;

– оптимальное итоговое решение по *объект*$_N$: X_{pN}^0;

– *общая схема выбора* используется для сопоставления оптимальных решений X_{p1}^0 и X_{pN}^0, а также для определения итогового оптимального решения X_p^0.

В результате использования описываемой схемы могут быть противоречия между следующими показателями:

– *объект*$_1$;

– *объект*$_N$;

– *объект*$_1$ X_{p1}^0 и *объект*$_N$ X_{pN}^0.

Автором рассмотрен пример оценки инвестиционных портфелей предприятия креативных индустрий с учетом их особенностей [13–18].

Положим, проводится оценка эффективности инвестиционных портфелей предприятия (*объект*$_1$, *объект*$_N$) в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий. На инвестиционные портфели (*объект*$_1$, *объект*$_N$) влияют неуправляемые внешние факторы (Y), например факторы макроэкономического характера (изменение ключевой ставки Центрального банка РФ, изменения уровня инфляции и т.д.), нормативно-правового характера (изменение налогового законодательства, изменение го-

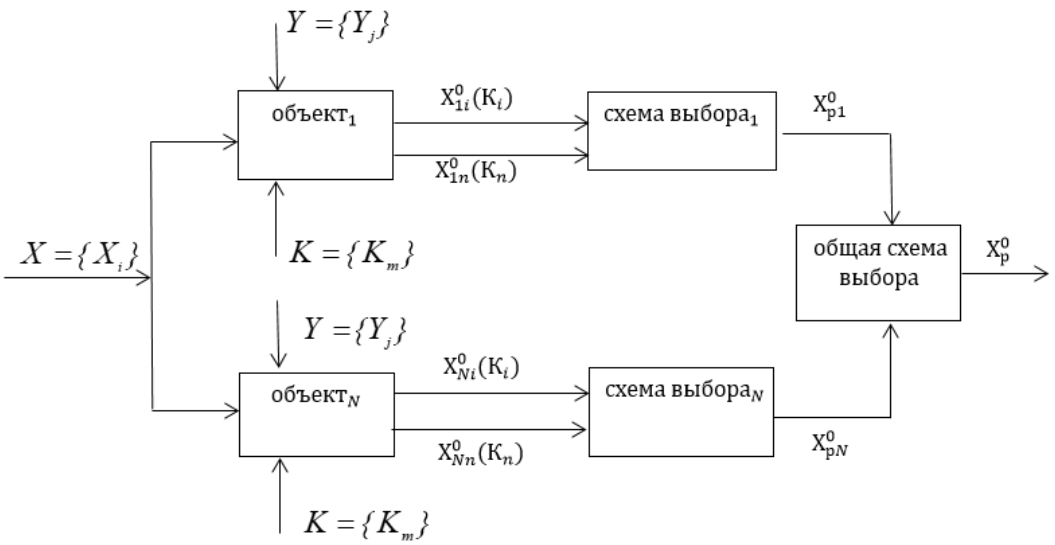

Рис. 3. Схема принятия оптимальных решений при сравнительной оценке эффективности нескольких инвестиционных портфелей предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий с помощью одной группы показателей
Источник: разработано автором

сударственного регулирования в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий), политического и геополитического характера (различного рода ограничения, в том числе торговые) или природного и форс-мажорного характера (климатические изменения, пандемия, землетрясение и т.д.). Также на инвестиционные портфели (*объект*$_1$, *объект*$_N$) оказывают воздействие управляемые факторы (X), примерами таких факторов могут быть стратегия формирования портфеля, в том числе диверсификация и распределение активов, секторная и географическая структура (направления области креативной экономики, в которые решено инвестировать денежные средства предприятия), выбор стиля инвестирования и т.д. Критерием эффективности инвестиционных портфелей может выступать чистый дисконтированный доход (K), в то время как критерий одновременно будет зависеть от неуправляемых и управляемых факторов. В целях повышения показателя чистого дисконтированного дохода разрабатываются оптимальные решения, которые соответствуют данному показателю ($X^0_{1i}(K_i)$, $X^0_{Ni}(K_i)$).

В данной случае по *схема выбора*$_1$ и *схема выбора*$_N$ параллельно определяются оптимальные решения по повышению показателя чистого дисконтированного дохода по результатам анализа *объект*$_1$, *объект*$_N$, после чего выбирается итоговое оптимальное решение по каждому анализируемому инвестиционному портфелю (X^0_{p1}, X^0_{pN}). Провести сравнительный анализ оптимальных решений по каждому объекту позволяет *общая схема выбора*, после чего выделяется итоговое оптимальное решение по всем инвестиционным портфелям промышленного предприятия X^0_p.

3) Определение эффективности инвестиционного портфеля предприятия с использованием нескольких групп показателей (рисунок 4).

В схеме рисунка 4 используются следующие обозначения [11, 12]:

– оптимальное решение по K_i *I-й группы*: $X^0_{1i}(K_{1i})$;

– оптимальное решение по C_i *N-й группы*: $X^0_{Ni}(C_{Ni})$;

– оптимальное решение по *схема выбора*$_1$: X^0_{p1};

– оптимальное решение по *схема выбора*$_N$: X^0_{pN};

– итоговое оптимальное решение: $X^0_{p\Sigma}$.

В результате использования описываемой схемы могут быть противоречия между:

– показателями той или иной группы;

– показателями разных групп.

Автором рассмотрен пример оценки инвестиционного портфеля предприятия креативных индустрий с учетом его особенностей [13–18].

Положим, проводится оценка эффективности инвестиционного портфеля предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий. На объект (инвестиционный портфель) влияют неуправляемые внешние фак-

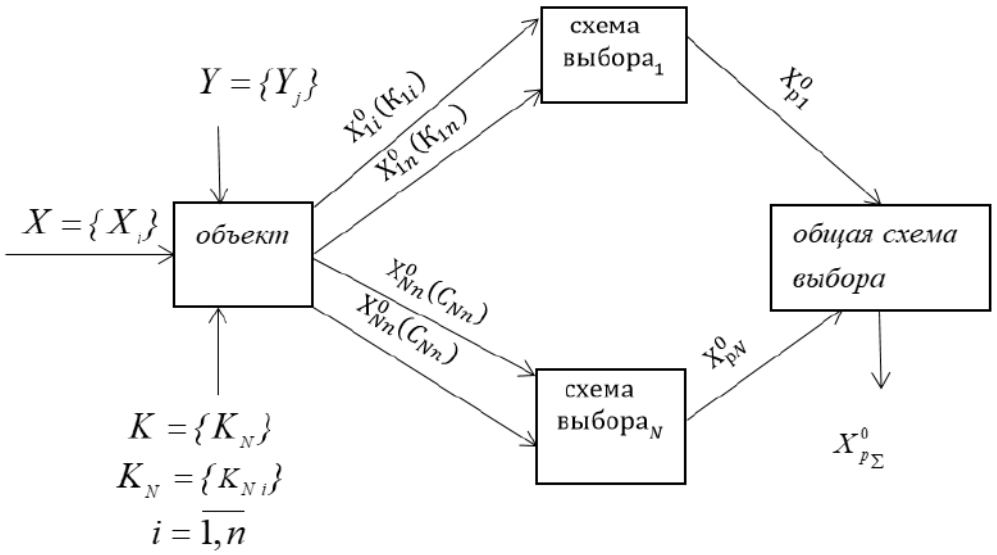

Рис. 4. Схема принятия оптимальных решений при оценке эффективности инвестиционного портфеля предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий с помощью нескольких групп показателей
Источник: разработано автором

торы (Y), например факторы макроэкономического характера (изменение ключевой ставки Центрального банка РФ, изменения уровня инфляции и т.д.), нормативно-правового характера (изменение налогового законодательства, изменение государственного регулирования в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий), политического и геополитического характера (различного рода ограничения, в том числе торговые) или природного и форс-мажорного характера (климатические изменения, пандемия, землетрясение и т.д.). Также на инвестиционный портфель оказывают воздействие управляемые факторы (X), примерами таких факторов могут быть стратегия формирования портфеля, в том числе диверсификация и распределение активов, секторная и географическая структура (направления области креативной экономики, в которые решено инвестировать денежные средства предприятия), выбор стиля инвестирования и т.д.

В качестве критериев (K) эффективности инвестиционного портфеля промышленного предприятия могут выступать группа экономических (чистый дисконтированный доход, внутренняя норма доходности, индекс рентабельности, срок окупаемости инвестиционного проекта) и социальных (социальная эффективность, а именно создание рабочих мест, улучшение качества жизни, развитие культурного наследия и т.д.) показателей, при этом группы показателей находятся в зависимости от неуправляемых и управляемых факторов. Оценка эффективности портфеля проводится по группам показателей (например, экономическим и социальным). В рассматриваемой схеме предлагается параллельная разработка оптимальных решений по группам экономических ($X_{1i}^0\left(K_{1i}\right)$) и социальных ($X_{Ni}^0\left(C_{Ni}\right)$) показателей. Далее по *схеме выбора*$_1$ и *схеме выбора*$_N$ определяется оптимальное решение по экономическим (X_{p1}^0) и социальным (X_{pN}^0) показателям и на основе *общая схема выбора* принимается итоговое оптимальное решение для инвестиционного портфеля предприятия ($X_{p\Sigma}^0$).

4) Сравнительная оценка эффективности нескольких инвестиционных портфелей предприятия по нескольким группам показателей (рисунок 5).

В схеме рисунка 5 используются следующие обозначения [11, 12]:

– по *объект*$_1$ при использовании показателя K_i *I-й* группы: $X_{1i}^0\left(K_{1i}\right)$;

– по *объект*$_1$ при использовании показателя C_i *I-й* группы: $X_{1i}^0\left(C_{1i}\right)$;

– оптимальное решение по *объект*$_n$ при использовании показателя K_i *N-й* группы: $X_{ni}^0\left(K_{ni}\right)$;

– оптимальное решение *схемы выбора*$_i$: $X_{p1_1}^0$, $X_{p1_n}^0$;

– оптимальное решение *схемы выбора*$_N$: $X_{p1_n}^0$, $X_{pN_n}^0$;

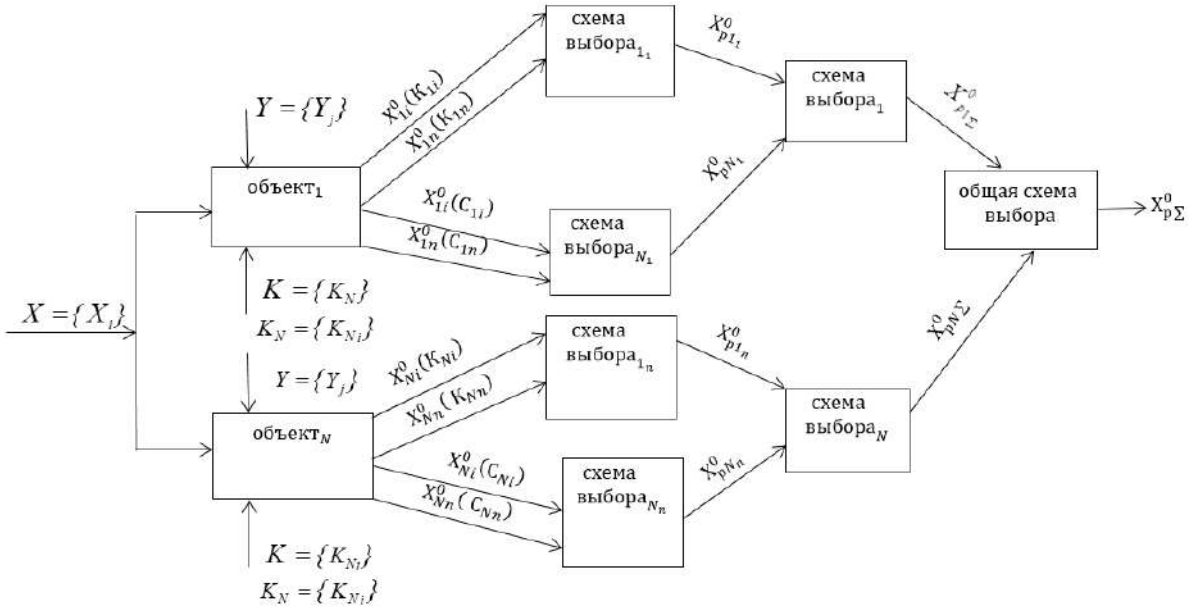

Рис. 5. Схема принятия оптимальных решений при сравнительной оценке эффективности нескольких инвестиционных портфелей предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий по нескольким группам показателей
Источник: разработано автором

– оптимальное итоговое решение по *схема выбора*$_n$: $X^0_{pn_\Sigma}$;

– *общая схема выбора* используется для сопоставления оптимальных решений $X^0_{p1_\Sigma}$ и $X^0_{pn_\Sigma}$, с последующим определением итогового оптимального решения $X^0_{p\Sigma}$.

В результате использования описываемой схемы могут быть противоречия между следующими показателями:

– *объект*$_1$;

– *объект*$_n$;

– *объект*$_1$ $X^0_{p1_\Sigma}$ *и объект*$_n$ $X^0_{pn_\Sigma}$;

– показателями той или иной группы;

– показателями разных групп.

Автором рассмотрен пример оценки инвестиционных портфелей предприятия креативных индустрий с учетом их особенностей [13–18].

Положим, проводится оценка эффективности инвестиционных портфелей предприятия (*объект*$_1$, *объект*$_n$) в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий. На инвестиционные портфели (*объект*$_1$, *объект*$_N$) влияют неуправляемые внешние факторы (*Y*), например факторы макроэкономического характера (изменение ключевой ставки Центрального банка РФ, изменения уровня инфляции и т.д.), нормативно-правового характера (изменение налогового законодательства, изменение государственного регулирования в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий), политического и геополитического характера (различного рода ограничения, в том числе торговые) или природного и форс-мажорного характера (климатические изменения, пандемия, землетрясение и т.д.). Также на инвестиционные портфели (*объект*$_1$, *объект*$_N$) оказывают воздействие управляемые факторы (*X*), примерами таких факторов могут быть стратегия формирования портфеля, в том числе диверсификация и распределение активов, секторная и географическая структура (направления области креативной экономики, в которые решено инвестировать денежные средства предприятия), выбор стиля инвестирования и т.д.

В качестве критериев (*K*) эффективности инвестиционного портфеля промышленного предприятия могут выступать группа экономических (чистый дисконтированный доход, внутренняя норма доходности, индекс рентабельности, срок окупаемости инвестиционного проекта) и социальных (социальная эффективность, а именно создание рабочих мест, улучшение качества жизни, развитие культурного наследия и т.д.) показателей, при этом группы показателей находятся в зависимости от неуправляемых и управляемых факторов. Оценка эффективности портфеля проводится по группам показателей (например, экономическим и социальным).

В рассматриваемой схеме предлагается параллельная разработка оптимальных решений по группам экономических $\left(X_{Ii}^{0}\left(K_{Ii}^{0}\right)\right)$ и социальных $\left(X_{Ii}^{0}\left(C_{Ii}^{0}\right)\right)$ показателей по каждому инвестиционному портфелю предприятия. Далее по *схеме выбора*$_i$ и *схеме выбора*$_n$ определяются оптимальные решения по экономическим ($X_{pI_1}^{0}$, $X_{pI_n}^{0}$) и социальным ($X_{pN_1}^{0}$, $X_{pN_n}^{0}$) показателям относительно каждого анализируемого инвестиционного портфеля. На основе *схема выбора*$_1$ выбирается оптимальное решение по группам экономических и социальных показателей *объект*$_1$ ($X_{p1\Sigma}^{0}$), на основе *схема выбора*$_n$ выбирается оптимальное решение по группам экономических и социальных показателей *объект*$_n$ ($X_{pn\Sigma}^{0}$). Затем на основе *общая схема выбора* принимается итоговое оптимальное решение для всех инвестиционных портфелей предприятия ($X_{p\Sigma}^{0}$).

Представленная автором формулировка и анализ задач многокритериального выбора позволяет провести портфельный анализ инвестиционного портфеля промышленного предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий по различным группам показателей, таким как экономические и социальные, с учетом управляемых и неуправляемых факторов для выбора и принятия оптимальных решений.

Таким образом, в ходе проведенного исследования была представлена комплексная оценка эффективности инвестиционного портфеля промышленного предприятия, функционирующего в сфере креативной экономики и творческих индустрий. Результаты анализа позволили автору установить ключевые показатели (представлены примеры экономических и социальных показателей), которые свидетельствуют о различных аспектах реализации инвестиционных стратегий (вероятность долгосрочного роста, финансовая устойчивость, инновационная активность). Также исследование показало, что грамотное формирование инвестиционных решений с учётом специфики креативных индустрий позволяет значительно повысить инновационный потенциал промышленного предприятия, повысить его финансовую устойчивость и обеспечить долгосрочный рост.

Полученные данные подтвердили эффективную интеграцию креативных и инновационных стратегий в инвестиционную деятельность предприятия, что позволяет протекать процессам диверсификации и повышения конкурентоспособности, а также актуальность и перспективность инвестиционных проектов в креативные (творческие) секторы, что способствует не только повышению конкурентоспособности промышленного предприятия, но и устойчивому развитию региональной экономики и экономики страны в целом. Практическая значимость работы заключается в формулировке этапов оценки эффективности инвестиционного портфеля предприятия с учетом особенностей креативных (творческих) индустрий, ориентированных на повышение его эффективности и минимизацию рисков. Далее перспективным направлением является исследование механизма взаимодействия инвестиций и динамики развития креативных отраслей, в том числе внедрение инновационных методов оценки эффективности инвестиционных проектов в области креативной экономики и креативных (творческих) индустриях.

Заключение

Резюмируя исследование на тему оценки эффективности инвестиционного портфеля промышленного предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий, можно акцентировать внимание на следующих аспектах:

1) Портфельный анализ является эффективным инструментом стратегического планирования;

2) Выявлена необходимость дальнейшего развития теории и практики методов оценки эффективности стратегических решений;

3) Одним из направлений совершенствования данных методов является применение теории многокритериального выбора;

4) Представленная в статье классификация задач по выбору наиболее эффективных стратегических решений может быть использована для оценки результативности инвестиционного портфеля промышленного предприятия в области креативной экономики и креативных (творческих) индустрий с учетом ее специфики;

5) Портфели могут состоять из инвестиционных проектов промышленных предприятий, функционирующих в области креативной экономики и творческих индустрий, научно-производственных организаций и т.п.

Новизна исследования состоит в предложенной к применению теории многокритериального выбора именно для оценки инвестиционных портфелей предприятий в области креативной

экономики и креативных (творческих) индустрий, а также в рассмотренных задачах оценки эффективности инвестиционного портфеля, его элементов и набора инвестиционных портфелей с учетом специфики креативной экономики и креативных (творческих) индустрий на основе количественной оценки эффективности стратегических решений, что отличает методику от уже существующих.

Список литературы

1. Кинг У., Клиланд Д. Стратегическое планирование и хозяйственная политика: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1982.

2. Беляков Н.Ф., Андрианова И.Д., Рябинина Е.В. Формирование и анализ проблем эффективных стратегических решений при портфельном анализе // Финансовая экономика. 2019. № 6. С. 228–231.

3. Исраилова З.Р., Хизриева Р.М. Анализ деятельности (портфельный анализ) и финансового состояния предприятия // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 11. С. 904–910. DOI: 10.34755/IROK.2020.82.46.064.

4. Сомкова М.Ю., Иващенко Н.С. Портфельный анализ деятельности организации: сущность и цели, практика применения // Актуальные проблемы экономики, коммерции и сервиса: Сборник научных трудов кафедры коммерции и сервиса, посвященный Юбилейному году РГУ им. А.Н. Косыгина / Под ред. В.Ю. Мишакова, Л.Е. Зерновой. М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2020. С. 160–166.

5. Ястребов Д.С. Анализ портфельных инвестиций // Экономика и социум. 2023. № 1-2 (104). С. 582–584.

6. Использование методов портфельного анализа для формирования стратегии организации / А.С. Венедиктова, В.Э. Ижевский, В.И. Рясин [и др.] // Инновации в управлении социально-экономическими системами: Сборник докладов, Москва, 26 мая 2022 года. Том 12. М.: ООО «Паблит», 2022. С. 107–115.

7. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия: Пер. с англ. СПб.: Питер Ком, 1999.

8. Платонова М.А. Применение теории многокритериального выбора при оценке эффективности бизнес-единиц промышленных предприятий на основе портфельного анализа // Экономика и предпринимательство. 2019. № 6 (107). С. 808–813.

9. Марамохина Е.В. Использование теории многокритериального выбора при оценке эффективности деятельности промышленных предприятий по экономическим, инновационным и социальным показателям // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. 6 (54). С. 11.

10. Марамохина Е.В., Юрлов Ф.Ф. Использование принципов теории многокритериального выбора при оценке эффективности экономических систем // Молодой ученый. 2014. № 11. С. 216–220.

11. Юрлов Ф.Ф., Платонова М.А. Классификация и анализ задач оценки эффективности принимаемых решений при портфельном анализе // Экономика и предпринимательство. 2013. № 12-4 (41). С. 294–297.

12. Юрлов Ф.Ф., Таскина Л.А., Грачев В.Ю., Галкин Г.Б. Выбор эффективных решений при стратегическом планировании: Монография / Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. Нижний Новгород, 2013.

13. Матвеев Ю.Н., Чернышев Л.О. Введение в теорию принятия решений: Учебное пособие. М.; Вологда: Инфра-Инженерия, 2024. 168 с.

14. Власов Д.А., Карасев П.А., Синчуков А.В. Количественные методы выбора инструментального средства для управления проектами в финансовой сфере // Статистика и экономика. 2023. Т. 20, № 3. С. 14–25.

15. Селезнева Ю.А., Филатова О.С. Креативность как фактор эффективности менеджмента // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2019. № 6 (25). С. 80–84.

16. Гафиятуллина Ю.В., Фазрахманов И.И. Роль инвестиций в деятельности предприятия // Современные проблемы национальной экономики: Сборник трудов Всероссийской научной видеоконференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Уфа, 22 октября 2024 года. Уфа: УНПЦ «Издательство УГНТУ», 2024. С. 84–87.

17. Кернерман М.В., Тараторин Е.В. Бизнес-планирование в сфере культуры: Учебное пособие. М.: Московский государственный институт культуры, 2025. 208 с.

18. Григорьева Е.М., Масленкова А.А., Черноскова А.А. Способы организации финансового обеспечения креативных проектов в кинематографе // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 3, № 6 (159). С. 141–156. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.06.03.016.

ASSESSMENT OF THE EFFICIENCY OF THE INVESTMENT PORTFOLIO OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE IN THE FIELD OF THE CREATIVE ECONOMY AND CREATIVE INDUSTRIES

M.A. Gordeeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Constructing an investment portfolio for an industrial enterprise within the creative industries is becoming an increasingly relevant issue amidst the modern development of the creative economy. However, this topic has not been sufficiently explored in current literature. The aim of this article is to substantiate the application of multi-criteria decision-making theory to evaluate the efficiency of an investment portfolio for an industrial enterprise operating in the creative economy and creative industries. The methods employed in this study include: the application of multi-criteria decision-making theory within the framework of portfolio analysis; a description of the procedure for evaluating investment portfolio performance and the key stages of selecting efficient solutions during the analysis of an industrial enterprise's investment portfolio in the creative economy and creative industries sectors; and the formulation and analysis of multi-criteria decision-making problems-using various criteria-to evaluate the performance of an investment portfolio, its components, and sets of investment portfolios, while taking into account the specific characteristics of the creative industries. The study yields the following results: a procedure for evaluating the investment portfolio efficiency of an industrial enterprise operating in the creative economy and creative industries; defined stages for selecting effective solutions during portfolio analysis; and a developed approach to assessing the efficiency of an investment portfolio, its components, and a set of investment portfolios using various criteria. The novelty of the study lies in the proposed application of multi-criteria decision-making theory specifically to the assessment of investment portfolios for enterprises in the creative economy and creative industries, as well as in the analysis of tasks involving the evaluation of investment portfolio performance-including individual portfolio components and sets of portfolios-while accounting for the specific characteristics of the creative economy and creative industries through the quantitative assessment of strategic decision effectiveness, a feature that distinguishes this methodology from existing ones.

Keywords: performance assessment, strategic decisions, portfolio analysis, selection of effective solutions, portfolio elements, performance criteria/indicators, stakeholders, creative industries, creative economy.

УДК 004.85:339.13
DOI 10.52452/18115942_2026_3_50

СЕГМЕНТАЦИЯ РЫНКА «УМНЫХ» ЧАСОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ

© 2026 г. ***И.Д. Камскова***

Камскова Инна Дмитриевна, к.э.н., доц.; доцент кафедры математического моделирования экономических процессов
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kamskovaid@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2026
Статья принята к публикации 15.07.2026

Рассматривается применение алгоритмов кластеризации для анализа рынка «умных» часов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью структурирования быстрорастущего и разнородного рынка «умных» часов для понимания потребительских предпочтений и конкурентных стратегий производителей. Цель работы – выявление рыночных сегментов целевой аудитории на основе технических характеристик и ценовых параметров устройств. В качестве исходных данных использован датасет из открытого ресурса Kaggle, содержащий информацию о 379 моделях «умных» часов различных брендов. Для достижения поставленной цели были применены методы иерархической кластеризации, спектральной кластеризации, k-means, DBSCAN и GMM (Gaussian Mixture Models). Проведена необходимая предобработка данных, включая энкодинг категориальных признаков. Выполнена визуализация результатов кластеризации. Для подробного анализа и интерпретации результатов была выбрана иерархическая кластеризация, показывающая наиболее четкое разделение данных на кластеры. Выделено и детально охарактеризовано пять кластеров: массовый сегмент недорогих универсальных часов, сегмент для фитнеса и повседневного использования, спортивный сегмент, премиальный (люксовый) сегмент, а также малочисленный сегмент «прочих» «умных» часов. Для каждого сегмента определен ценовой диапазон, ключевые технические характеристики (размер и тип дисплея, время автономной работы, уровень водонепроницаемости), набор коммуникационных технологий (GPS, NFC, Wi-Fi, Cellular) и доминирующие бренды. Результаты исследования могут быть использованы производителями для разработки и позиционирования новых продуктов, маркетологами для разработки стратегий продвижения, аналитиками для мониторинга рыночной конъюнктуры.

Ключевые слова: «умные» часы, smart watch, eWatch, машинное обучение, кластерный анализ, сегментация рынка, иерархическая кластеризация, потребительские предпочтения, носимые устройства.

Введение

Термин «умные часы» (англ. smart watch) начал упоминаться в конце XX века. Название этого популярного в настоящий момент гаджета может звучать по разному, например eWatch: «eWatch – это носимое устройство с датчиками, системой уведомлений и вычислительной платформой, выполненное в форм-факторе наручных часов, что делает его легкодоступным, мгновенно заметным, идеально расположенным для датчиков и незаметным для пользователей. Bluetooth-соединение обеспечивает беспроводную связь с мобильным телефоном или стационарным компьютером» [1], watch-sized computers и пр.

Современные «умные» часы – это наручные часы, способствующие взаимодействию пользователя с цифровыми технологиями посредством небольшого экрана и сенсорного управления. Помимо показа текущего времени современные smart watch оснащены расширенными функциями: подключение по Bluetooth к другим устройствам, доступ к календарю, использование различных приложений, интеграция с экосистемой производителей, поддержка GPS и NFC и пр. [2]. По сути, это носимое устройство, обладающее такими же функциями, как у смартфона, в дополнение к своим основным функциям, как у часов.

В соответствии с этими функциями можно выделить следующие группы населения как Российской Федерации, так и зарубежных стран, которые проявляют наибольший интерес к этим гаджетам и используют в своей личной, общественной и профессиональной жизни [3].

1. Молодежь и активные пользователи современных ИТ проявляют повышенный интерес

к новым гаджетам, облегчающим повседневную личную, профессиональную и общественную жизнь человека. Эту категорию населения привлекают новые удобные функции «умных» часов и общие тенденции и тренды на носимые гаджеты.

2. Спортсмены и любители фитнеса составляют значительную долю пользователей «умных» часов. Современные модели «умных» часов предоставляют обширные функции для отслеживания показателей здоровья человека во время тренировок или прогулок, подсчета калорий, измерения сердечного ритма и синхронизации с различными спортивными приложениями.

3. Путешественники и туристы имеют возможность получать уведомления о сообщениях, письмах и звонках, отслеживать погоду, бронировать билеты и пользоваться картографическими сервисами.

4. Работники офисов и фрилансеры, которые ведут активный образ жизни и работают удалённо, должны постоянно оставаться на связи с коллегами и клиентами. «Умные» часы помогают своевременно реагировать на уведомления, планировать встречи и эффективно распределять своё время.

5. Пенсионеры и пожилые люди тоже проявляют интерес к «умным» часам. Функции контроля давления, пульса и уровня стресса делают эти устройства полезными инструментами для поддержания здоровья. Однако в Российской Федерации доля этой категории граждан значительно ниже, чем в Западной Европе и США.

6. Родители маленьких детей покупают детские версии «умных» часов, которые имеют дополнительные функции безопасности (GPS-трекеры, тревожные кнопки и пр.). Они позволяют следить за местонахождением ребенка и поддерживать контакт с ним. Эти же функции могут использоваться для контроля за престарелыми родственниками.

Анализ рынка «умных» часов может проводиться с разными целями: определить объем рынка региона и темпы его роста, определить «ключевых игроков» рынка и их доли, выявить «технологические тренды» рынка, определить «портрет потребителя» «умных» часов и его предпочтения, выявить «региональную специфику» рынка и пр.

Цель исследования

Целью данного исследования является анализ рынка «умных» часов для определения основных сегментов целевой аудитории (ЦА), а также функционала и технических характеристик «умных» часов, используемых разными сегментами ЦА.

Рынок «умных» часов в России и за рубежом (Западная Европа, США и страны Азиатско-Тихоокеанского региона) имеет общие тренды. Однако в нем присутствуют и различия, обусловленные экономикой, потребительским поведением и политической ситуацией в мире.

У российского и западного потребителя очень сильно различается мотивация к покупке этого гаджета.

Для западного пользователя «умные» часы – это неотъемлемая часть цифровой экосистемы: интеграция со смартфоном, ноутбуком, «умным» домом, удобство бесконтактных платежей (Apple Pay и Google Pay), удобные медицинские функции. Спрос распределен по всем ценовым сегментам с сильным акцентом на премиум [4].

Ключевые игроки рынка – Apple, Google+Samsung, Huawei, Honor, Xiaomi и пр. [5].

На «западном» рынке пользователи получают гарантированные обновления гаджета, полный доступ ко всем сервисам (платежи, музыка, приложения). Западные производители делают ставку на инновации в сфере здравоохранения, постоянно добавляя новые датчики и разрабатывая новые алгоритмы, а также на интеграцию с новыми технологиями, например «умный» автомобиль [6].

В Российской Федерации рынок «умных» часов выглядит несколько иначе. После ухода официальных представительств Apple и Google их долю рынка заняли китайские бренды Huawei, Honor, Amazfit, Xiaomi, которые продолжают официальные продажи. Также представлен российский бренд Dexp. Продажи осуществляются преимущественно на крупных онлайн-маркетплейсах и в сетях магазинов электроники.

В 2026 году продажи «умных» часов в России сократились на 10% по сравнению с таким же периодом прошлого года. Эксперты связывают это сокращение с рядом факторов [7]:

- пользователи смарт-часов стали реже менять устройства, используя их более длительный срок;
- часть покупателей перешли к более бюджетным моделям;
- пользователи «выбирают устройства, закрывающие базовые потребности, – уведомления, шагомер – за минимальную цену» [7].

Материалы и методы

В проведении исследования рынка «умных» часов автор использовал набор данных с открытого ресурса Kaggle [8].

Набор данных (датасет) содержит информацию об особенностях моделей и ценах на попу-

лярные модели смарт-часов различных брендов, представленных на западном рынке. Он представляет собой структурированную таблицу в виде файла формата .scv, содержащую информацию о моделях «умных» часов различных производителей. Датасет включает в себя 379 записей, каждая из которых соответствует продаже конкретной модели устройства. Данные охватывают широкий спектр брендов – от массовых (Apple, Samsung, Xiaomi) до специализированных спортивных и нишевых производителей (Garmin, Suunto, Polar, Fossil, Casio и др.). Временной охват данных является актуальным и включает как устоявшиеся, так и новейшие модели, представленные в 2023–2024 годах.

На рисунке 1 представлены строки из загруженного необработанного датафрейма, содержащего объекты датасета.

В столбцах датафрейма содержатся следующие данные.

1. Brand – бренд-производитель «умных» часов (например, Apple, Samsung, Garmin). Этот атрибут может повторяться, так как у одного бренда может быть несколько моделей и несколько продаж каждой модели. Номинальный признак.

2. Model – конкретная модель «умных» часов (например, Watch Series 7, Galaxy Watch 4). В сочетании с брендом может служить уникальным идентификатором, но возможны редкие повторы, если модель выпускается в разных годах или версиях. Номинальный признак.

3. Operating System – операционная система, на которой работают «умные» часы (например, watchOS, Wear OS, Garmin OS). Повторения возможны, так как одна ОС используется на многих устройствах. Номинальный признак.

4. Connectivity – варианты подключения, поддерживаемые часами (например, Bluetooth, Wi-Fi, Cellular). Повторения часты, так как многие модели имеют схожие функции связи. Данные хранятся в формате списка со строковыми элементами. При использовании алгоритмов машинного обучения данный столбец требует тщательного анализа и преобразования. Номинальный признак.

5. Display Type – тип дисплея (например, AMOLED, Retina, LCD). Повторения возможны, так как технологии экранов используются массово. Номинальный признак.

6. Display Size (inches) – размер экрана в дюймах. Может повторяться у моделей с одинаковыми диагоналями. Номинальный признак.

7. Resolution – разрешение экрана в пикселях (например, 396×484). Может повторяться у моделей с одинаковыми экранами. Хранится в строковом формате. При использовании алгоритмов машинного обучения данный столбец требует анализа и преобразования. Номинальный признак.

8. Water Resistance (meters) – степень водонепроницаемости в метрах. Стандартные значения (например, ‘50’) будут встречаться часто. Хранится в строковом формате. Номинальный признак.

9. Battery Life (days) – заявленное время автономной работы в днях. Может повторяться у моделей с аналогичной ёмкостью аккумулятора. Хранится в строковом формате. Номинальный признак.

10. Heart Rate Monitor – наличие датчика сердечного ритма (Yes – есть, No – нет). Значения данного столбца, так же как и двух следующих – GPS и NFC, представляют собой бинарные категориальные признаки, которые представляют логическую информацию. С точки зрения логики Yes = True/Да/1 (утверждение), No = False/Нет/0 (отрицание). Эти значения можно и нужно рассматривать как логические по смыслу, но технически в pandas они не являются булевым типом данных до тех пор, пока их не преобразовать.

11. GPS – наличие модуля GPS (1 – есть, 0 – нет).

12. NFC – наличие NFC для бесконтактных платежей (1 – есть, 0 – нет).

13. Price (USD) – цена в долларах США. Может повторяться у моделей в одной ценовой категории. Хранится в строковом формате в виде ‘$345’. При использовании алгоритмов машинного обучения данный столбец требует анализа и преобразования. Номинальный признак.

Следует отметить, что данные датасета содержат информацию о характеристиках «умных» часов по западному рынку. Автор попытался, опираясь на характеристики «умных» часов, продаваемых в западных странах, спрогнозировать тенденции российского рынка, учитывая некоторые особенности и ограничения.

В данном датасете отсутствует столбец с количеством продаж каждой модели «умных» часов. Но это количество «зашифровано» в количестве дубликатов строк для одной модели. Целесообразно было бы ввести в датафрейм новый признак «Количество продаж». В следующей статье автор проведет модификацию датафрейма, рассчитав количество продаж и добавив эти значения в новый признак «Количество продаж», а затем проведет сравнение результатов кластерного анализа, полученных в данной статье и в результате нового исследования.

	Brand	Model	Operating System	Connectivity	Display Type	Display Size (inches)	Resolution	Water Resistance (meters)	Battery Life (days)	Heart Rate Monitor	GPS	NFC	Price (USD)
0	Apple	Watch Series 7	watchOS	Bluetooth, Wi-Fi, Cellular	Retina	1.90	396 x 484	50	18	Yes	Yes	Yes	$399
1	Samsung	Galaxy Watch 4	Wear OS	Bluetooth, Wi-Fi, Cellular	AMOLED	1.40	450 x 450	50	40	Yes	Yes	Yes	$249
2	Garmin	Venu 2	Garmin OS	Bluetooth, Wi-Fi	AMOLED	1.30	416 x 416	50	11	Yes	Yes	No	$399
3	Fitbit	Versa 3	Fitbit OS	Bluetooth, Wi-Fi	AMOLED	1.58	336 x 336	50	6	Yes	Yes	Yes	$229
4	Fossil	Gen 6	Wear OS	Bluetooth, Wi-Fi	AMOLED	1.28	416 x 416	30	24	Yes	Yes	Yes	$299
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
374	Withings	ScanWatch	Withings OS	Bluetooth, Wi-Fi	PMOLED	1.38	348 x 442	50	30	Yes	No	Yes	$279
375	Zepp	Z	Zepp OS	Bluetooth, Wi-Fi, Cellular	AMOLED	1.39	454 x 454	50	15	Yes	Yes	Yes	$349
376	Honor	Watch GS Pro	Lite OS	Bluetooth, Wi-Fi	AMOLED	1.39	454 x 454	50	25	Yes	Yes	Yes	$249
377	Oppo	Watch Free	ColorOS	Bluetooth, Wi-Fi	AMOLED	1.64	326 x 326	50	14	Yes	No	Yes	$159
378	TicWatch	Pro 3	Wear OS	Bluetooth, Wi-Fi, Cellular	AMOLED	1.40	454 x 454	50	72	Yes	Yes	Yes	$299

379 rows × 13 columns

Рис. 1. Табличный вид датафрейма

Таким образом, хотелось бы еще раз заострить внимание на том, что данный датасет отражает не просто характеристики моделей продаваемых часов, но и количество продаж каждой модели, которое отражается в дубликатах строк.

Для анализа рынка «умных» часов были применены методы кластеризации для выявления устойчивых рыночных сегментов. Практическая реализация выполнена на языке Python [9] с использованием библиотек pandas [10], plotly.express [11], scikit-learn [12] и matplotlib [13].

Проведение кластерного анализа при помощи методов иерархической кластеризации, спектральной кластеризации, методов k-mean, DBSCAN и GMM

Для проведения кластерного анализа необходимо подготовить данные датафрейма [14, 15], а именно:

- заполнить и/или удалить пропуски в ячейках;
- преобразовать значения некоторых столбцов (например, столбец Connectivity преобразуется в несколько столбцов с названиями, соответствующими значениям элементов столбца Connectivity, столбец Resolution – разрешение экрана – преобразуется в два столбца – ширина и высота экрана и т.п.);
- преобразовать значения всех столбцов к числовому типу. Если это невозможно, например при категориальных данных, то применять различные энкодеры библиотек Scikit-Learn и Pandas, например OneHotEncoding, LabelEncoding и пр.

Следует отметить, что описание технологий, используемых для подготовки данных датафрейма к их использованию в машинном обучении, – это тема отдельной статьи.

После преобразования данных до применения энкодеров датафрейм выглядит следующим образом, представленным на рисунке 2.

Столбцы датафрейма и описание их содержимого после частичного преобразования.

1. Brand – бренд-производитель «умных» часов – номинальный признак.
2. Operating System – операционная система, на которой работают «умные» часы, – номинальный признак.
3. Display Type – тип дисплея – номинальный признак.
4. Display Size (inches) – размер экрана в дюймах – числовой признак.
5. Water Resistance (meters) – степень водонепроницаемости в метрах – числовой признак.
6. Battery Life (days) – заявленное время автономной работы в днях – числовой признак.
7. Heart Rate Monitor – наличие датчика сердечного ритма (1 – есть, 0 – нет) – бинарный числовой признак.
8. GPS – наличие модуля GPS (1 – есть, 0 – нет) – бинарный числовой признак.
9. NFC – наличие NFC для бесконтактных платежей (1 – есть, 0 – нет) – бинарный числовой признак.
10. Price (USD) – цена в долларах США. Может повторяться у моделей в одной ценовой категории, числовой признак.
11. Bluetooth – наличие технологии Bluetooth (1 – есть, 0 – нет) – бинарный числовой признак.
12. Cellular – поддержка сотовой связи (1 – есть, 0 – нет) – бинарный числовой признак.

	Brand	Operating System	Display Type	Display Size (inches)	Water Resistance (meters)	Battery Life (days)	Heart Rate Monitor	GPS	NFC	Price (USD)	Bluetooth	Cellular	Wi-Fi	Width	Height
0	Apple	watchOS	Retina	1.90	50.0	18.0	1	1	1	399.0	1	1	1	396	484
1	Samsung	Wear OS	AMOLED	1.40	50.0	40.0	1	1	1	249.0	1	1	1	450	450
2	Garmin	Garmin OS	AMOLED	1.30	50.0	11.0	1	1	0	399.0	1	0	1	416	416
3	Fitbit	Fitbit OS	AMOLED	1.58	50.0	6.0	1	1	1	229.0	1	0	1	336	336
4	Fossil	Wear OS	AMOLED	1.28	30.0	24.0	1	1	1	299.0	1	0	1	416	416
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
374	Withings	Withings OS	PMOLED	1.38	50.0	30.0	1	0	1	279.0	1	0	1	348	442
375	Zepp	Zepp OS	AMOLED	1.39	50.0	15.0	1	1	1	349.0	1	1	1	454	454
376	Honor	Lite OS	AMOLED	1.39	50.0	25.0	1	1	1	249.0	1	0	1	454	454
377	Oppo	ColorOS	AMOLED	1.64	50.0	14.0	1	0	1	159.0	1	0	1	326	326
378	TicWatch	Wear OS	AMOLED	1.40	50.0	72.0	1	1	1	299.0	1	1	1	454	454

Рис. 2. Датафрейм после частичного преобразования

13. Wi-Fi – наличие технологии Wi-Fi (1 – есть, 0 – нет) – бинарный числовой признак.
14. Width – ширина дисплея часов в пикселях – числовой признак.
15. Height – высота дисплея часов в пикселях – числовой признак.

Завершим преобразование датафрейма, применив к столбцам с номинальными признаками энкодер LabelEncoder и удалив неинформативные столбцы – Heart Rate Monitor и Bluetooth, которые содержат единицы в каждой строке. Получим датафрейм, представленный на рисунке 3.

Рассматриваемые методы кластеризации подразумевают заранее заданное количество кластеров. Существуют разные способы нахождения оптимального количества кластеров. В нашем исследовании мы будем использовать метод «локтя». Результат применения метода представлен на рисунке 4.

По графику оптимальное количество кластеров однозначно не определяется. Но визуально можно выделить 5, 7 или 8 кластеров. Для дальнейшего исследования будем рассматривать кластеризацию с пятью кластерами.

Выполним кластеризацию методами k-mean, DBSCAN, GMM, иерархическую кластеризацию и спектральную кластеризацию и добавим метки кластеризации к исходному датафрейму. Результат таблицы с частью исходных столбцов представлен на рисунке 5.

В табличном виде невозможно оценить качество кластеризации. Для оценки качества кластеризации используют различные метрики, которые выделяют в две группы: внутренние и внешние. Внутренние метрики оценивают кластеры используя только данные и результаты кластеризации. Внешние метрики сравнивают результаты кластеризации с некоторой эталонной группировкой (если таковая имеется) [16].

Коэффициент силуэта определяет, насколько хорошо каждая точка данных вписывается в назначенный ей кластер. Он изменяется от –1 до 1, чем ближе к 1, тем идеальнее кластеризация [16].

Индекс Калински–Харабаша измеряет отношение дисперсии между кластерами к дисперсии внутри кластера. Чем выше значение индекса, тем лучше для кластеризации [16].

Существуют и другие метрики. Расчет метрик для нашей задачи и сравнение результатов разных методов кластеризации – это тема отдельной статьи.

Визуализируем данные, создав точечные диаграммы для каждого метода кластеризации, предварительно уменьшив размерность датафрейма при помощи метода главных компонент Principal Component Analysis – PCA. Это метод снижения размерности данных, который трансформирует сложный набор данных в простое представление, выделяя наиболее значимые направления вариации [17].

На диаграммах, представленных на рисунках 6–10, визуализированы результаты, полученные разными методами кластеризации. Цвет каждой точки соответствует ее метке кластера в датафрейме.

Результаты кластеризации

Кластеризация KMeans

KMeans – это один из самых популярных методов кластеризации, который группирует объекты в кластеры на основе их схожести. В основе работы KMeans лежит принцип минимизации расстояния между объектами внутри одного кластера.

Точечная диаграмма на рисунке 6 показывает, что кластеризация методом KMeans с количеством кластеров 5 разделила все данные на пять групп на основе двух главных компонент.

	Brand	Operating System	Display Type	Display Size (inches)	Water Resistance (meters)	Battery Life (days)	GPS	NFC	Price (USD)	Cellular	Wi-Fi	Width	Height
0	1	34	15	1.90	50.0	18	1	1	399.0	1	1	396	484
1	30	31	0	1.40	50.0	40	1	1	249.0	1	1	450	450
2	8	9	0	1.30	50.0	11	1	0	399.0	0	1	416	416
3	6	7	0	1.58	50.0	6	1	1	229.0	0	1	336	336
4	7	31	0	1.28	30.0	24	1	1	299.0	0	1	416	416
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
373	38	32	14	1.38	50.0	30	0	1	279.0	0	1	348	442
374	41	33	0	1.39	50.0	15	1	1	349.0	1	1	454	454
375	9	12	0	1.39	50.0	25	1	1	249.0	0	1	454	454
376	26	5	0	1.64	50.0	14	0	1	159.0	0	1	326	326
377	35	31	0	1.40	50.0	72	1	1	299.0	1	1	454	454

378 rows × 14 columns

Рис. 3. Датафрейм, полностью подготовленный к применению методов кластеризации, содержащий только числовые данные

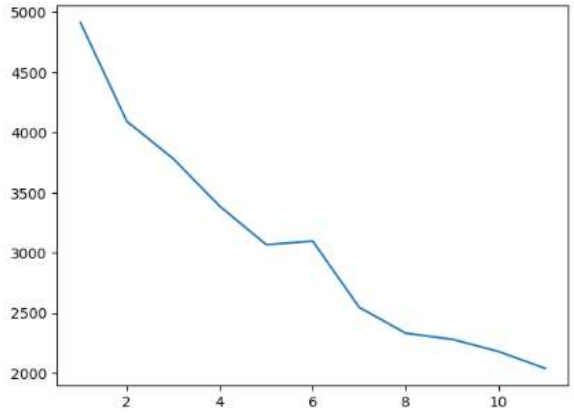

Рис. 4. Визуализация метода «локтя»

	Brand	Operating System	Display Type	Display Size (inches)	Cluster_KMeans	Cluster_DBSCAN	Cluster_AggClustering	Cluster_GMM	Cluster_Spectral
0	1	34	15	1.90	2	0	3	0	0
1	30	31	0	1.40	3	-1	1	0	0
2	8	9	0	1.30	0	-1	1	1	0
3	6	7	0	1.58	2	1	1	1	3
4	7	31	0	1.28	2	2	1	1	0
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
373	38	32	14	1.38	3	-1	0	3	1
374	41	33	0	1.39	3	-1	3	0	0
375	9	12	0	1.39	2	15	1	1	2
376	26	5	0	1.64	2	-1	0	3	1
377	35	31	0	1.40	3	-1	1	0	0

Рис. 5. Датафрейм с метками кластеров, полученных разными методами

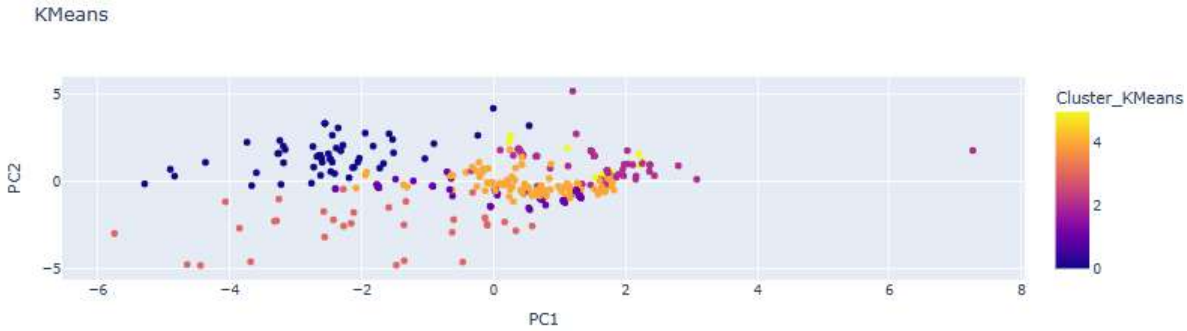

Рис. 6. Визуализация распределения объектов на кластеры методом KMeans

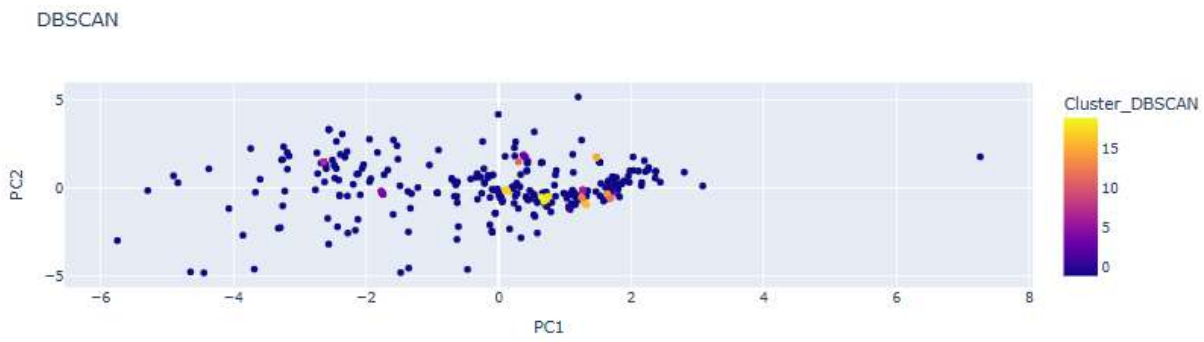

Рис. 7. Визуализация распределения объектов на кластеры методом DBSCAN

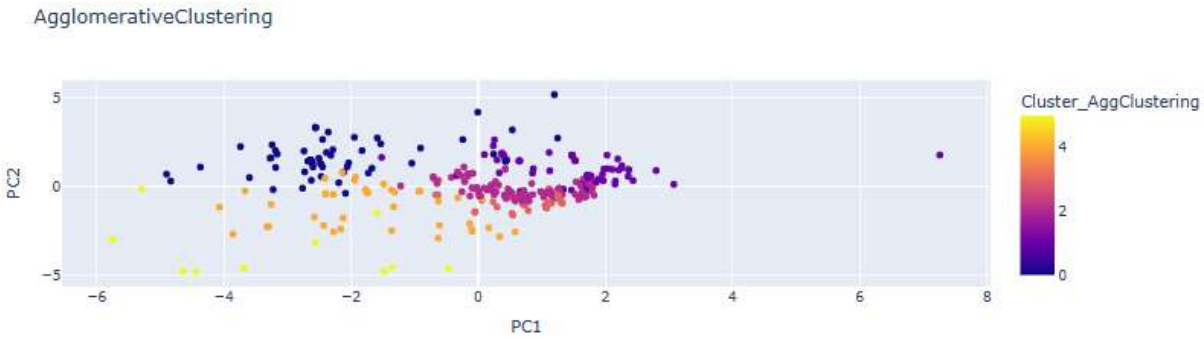

Рис. 8. Визуализация распределения объектов на кластеры
методом иерархической кластеризации (Agglomerative Clustering)

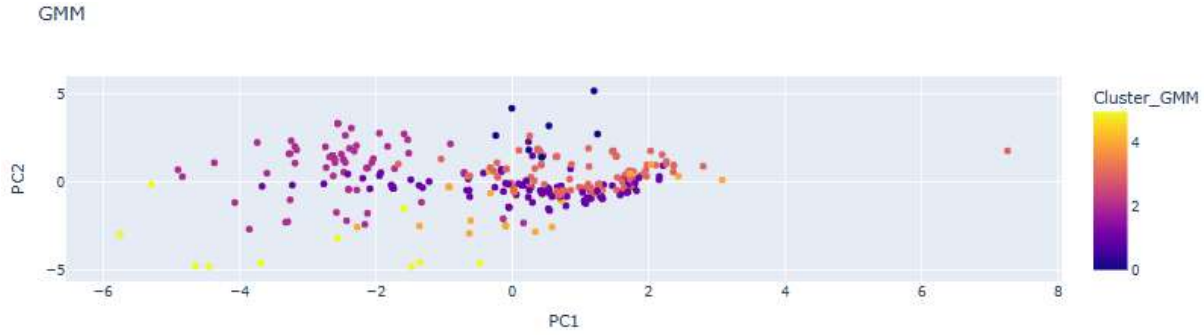

Рис. 9. Визуализация распределения объектов на кластеры
методом GMM – Gaussian Mixture Models

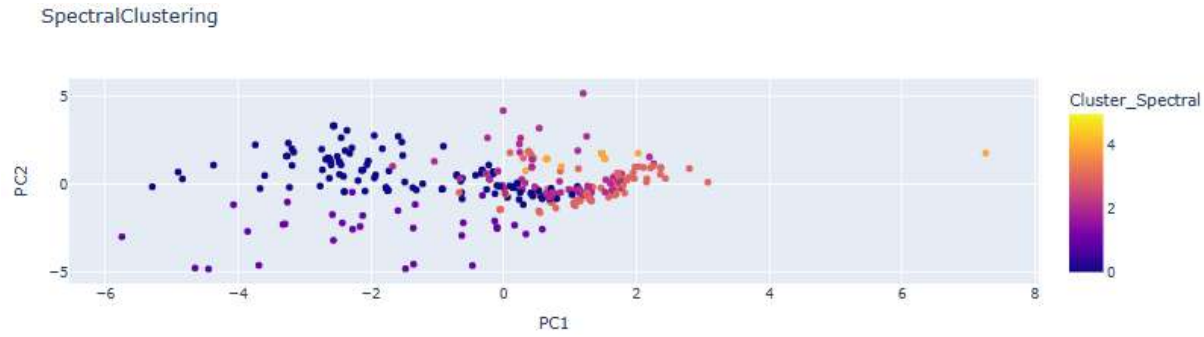

Рис. 10. Визуализация распределения объектов на кластеры
методом спектральной кластеризации

	Brand	Operating System	Display Type	Display Size (inches)	Water Resistance (meters)	Battery Life (days)	GPS	NFC	Price (USD)	Cellular	Wi-Fi	Width	Height	Cluster
0	Apple	watchOS	Retina	1.90	50.0	18	1	1	399.0	1	1	396	484	1
1	Samsung	Wear OS	AMOLED	1.40	50.0	40	1	1	249.0	1	1	450	450	1
2	Garmin	Garmin OS	AMOLED	1.30	50.0	11	1	0	399.0	0	1	416	416	3
3	Fitbit	Fitbit OS	AMOLED	1.58	50.0	6	1	1	229.0	0	1	336	336	4
4	Fossil	Wear OS	AMOLED	1.28	30.0	24	1	1	299.0	0	1	416	416	2
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
373	Withings	Withings OS	PMOLED	1.38	50.0	30	0	1	279.0	0	1	348	442	4
374	Zepp	Zepp OS	AMOLED	1.39	50.0	15	1	1	349.0	1	1	454	454	1
375	Honor	Lite OS	AMOLED	1.39	50.0	25	1	1	249.0	0	1	454	454	3
376	Oppo	ColorOS	AMOLED	1.64	50.0	14	0	1	159.0	0	1	326	326	4
377	TicWatch	Wear OS	AMOLED	1.40	50.0	72	1	1	299.0	1	1	454	454	1

378 rows × 14 columns

Рис. 11. Датафрейм для анализа результатов иерархической кластеризации

На диаграмме пять кластеров визуализируются, но точное распределение объектов по кластерам не отображается. Точно визуализировать можно только два кластера, объекты остальных трех перемешаны.

Кластеризация DBSCAN

DBSCAN (Density-based spatial clustering of applications with noise) – плотностной алгоритм пространственной кластеризации с присутствием шума. На вход алгоритм получает помимо данных два параметра – радиус-окрестности и количество соседей. Кластер в DBSCAN можно определить как максимальное множество плотностно связанных точек, а шум — это все точки, не принадлежащие ни одному кластеру.

Точечная диаграмма на рисунке 7 показывает, что DBSCAN не смог разделить данные на отдельные кластеры, поскольку большинство точек помечены как шумовые (синие).

Иерархическая кластеризация Agglomerative Clustering

Agglomerative Clustering – это алгоритм, который постепенно объединяет отдельные точки данных в кластеры, строя иерархическую структуру, напоминающую дерево.

Точечная диаграмма на рисунке 8 показывает, что иерархическая кластеризация позволила разделить данные на пять групп. Визуально наблюдается некоторая схожесть распределения объектов по кластерам с методом KMeans, но кластеры визуализируются более четко.

Иерархическая кластеризация дает наилучшее, по мнению автора, распределение объектов по кластерам. Можно увидеть цветовую локализацию объектов, но встречаются и выбросы.

Кластеризация GMM

GMM – Gaussian Mixture Models – метод кластеризации, основанный на вероятностной модели, предполагающей, что данные генерируются из смеси конечного числа гауссовых (нормальных) распределений с неизвестными параметрами.

Точечная диаграмма на рисунке 9 показывает, что при кластеризации методом GMM удалось разделить данные на пять кластеров. Однако, как и в методе KMeans, точное распределение объектов по кластерам увидеть достаточно проблематично.

Спектральная кластеризация

Точечная диаграмма показывает, что спектральная кластеризация также позволила разделить данные на пять кластеров. Но распределение объектов на кластеры произошло несколько иначе, чем в предыдущих методах.

Подробно проанализируем результаты кластеризации методом иерархической кластеризации. Определим, объекты с какими характеристиками объединены в кластеры. Для этого целесообразно создать новый датафрейм, который содержит данные до преобразования энкодинг и столбец с кластерами иерархической кластеризации. Результаты представлены на рисунке 11.

Найдем основные статистики и размер для каждого кластера [18, 19]. Всего методом иерархической кластеризации выделено пять кластеров с номерами от 0 до 4. На рисунках 12, 13 представлены табличные выводы значений статистик.

Более подробный вывод наиболее распространенных значений, их количество и процентное содержание номинальных данных по кластерам представлены в таблице.

Визуализация результатов кластерного анализа представлена на рисунках 14–18.

Таблица

Статистика номинальных данных

Кластер 0			Кластер 1			Кластер 2			Кластер 3			Кластер 4		
Значение	**Кол-во**	**%**	**Значение**	**Кол-во**	**%**	**Значение**	**Кол-во**	**%**	**Значение**	**Кол-во**	**%**	**Значение**	**Кол-во**	**%**
Столбец Brand														
Fossil	6	19	Apple	14	20	Garmin	27	39	Fitbit	16	21	Mobvoi	23	18
Timex	5	16	Samsung	14	20	Polar	12	17	Amazfit	16	21	Fossil	16	12
Withings	3	10	TicWatch	7	10	Suunto	9	13	Huawei	15	19	Skagen	15	12
Amazfit	3	10	Oppo	5	7	Fitbit	5	7	Honor	11	14	TicWatch	11	9
Fitbit	3	10	Garmin	4	6	Casio	5	7	Garmin	3	4	Xiaomi	11	9
Столбец Operating System														
Timex OS	4	13	Wear OS	20	29	Garmin OS	27	39	Lite OS	20	26	Wear OS	104	81
Lite OS	4	13	watchOS	14	20	Polar OS	11	16	Fitbit OS	16	21	Tizen OS	4	3
Withings OS	3	10	Tizen OS	10	14	Suunto OS	9	13	Amazfit OS	15	19	Proprietary OS	4	3
Amazfit OS	3	10	Garmin OS	4	6	Fitbit OS	5	7	Wear OS	6	8	Proprietary	3	2
Custom OS	3	10	Tizen	3	4	Casio OS	4	6	LiteOS	4	5	Android Wear	3	2
Столбец Display Type														
AMOLED	13	42	AMOLED	30	43	Transflective	23	33	AMOLED	73	94	AMOLED	91	71
E-Ink	8	26	Retina	14	20	LCD	20	29	IPS LCD	1	1	IPS LCD	9	7
TFT LCD	3	10	Super AMOLED	12	17	TFT LCD	4	6	TFT	1	1	LCD	8	6
PMOLED	3	10	OLED	5	7	MIP	3	4	LCD	1	1	OLED	7	5
Analog	1	3	P-OLED	3	4	PMOLED	3	4	TFT LCD	1	1	Super AMOLED	5	4

	Display Size (inches)			Water Resistance (meters)			Battery Life (days)			Price (USD)			Width			Height		
	min	max	mean	min	max	mean	min	max	mean	min	max	mean	min	max	mean	min	max	mean
Cluster_AggClustering																		
0	1.04	1.65	1.31	30.0	50.0	43.55	1	40	14.58	69.0	279.0	169.58	126	454	287.29	36	456	302.52
1	1.20	4.01	1.54	0.0	100.0	50.31	1	72	18.63	139.0	1800.0	447.81	280	960	400.23	192	484	408.54
2	0.90	1.65	1.24	30.0	200.0	80.71	1	30	10.93	129.0	849.0	409.80	128	360	257.14	128	360	247.97
3	1.00	1.75	1.43	1.5	100.0	49.76	1	45	11.78	129.0	549.0	244.26	240	454	408.28	240	454	413.38
4	1.19	1.60	1.30	30.0	50.0	42.71	1	45	8.91	49.0	549.0	263.19	320	454	393.80	300	454	395.10

Рис. 12. Минимальные, максимальные и средние значения числовых признаков для каждого кластера

	GPS		NFC		Cellular		Wi-Fi	
	count	sum	count	sum	count	sum	count	sum
Cluster_AggClustering								
0	31	1	31	21	31	0	31	22
1	70	70	70	70	70	58	70	70
2	70	70	70	49	70	2	70	69
3	78	78	78	49	78	4	78	78
4	129	129	129	128	129	0	129	129

Рис. 13. Характеристики признаков средств коммуникации для каждого кластера

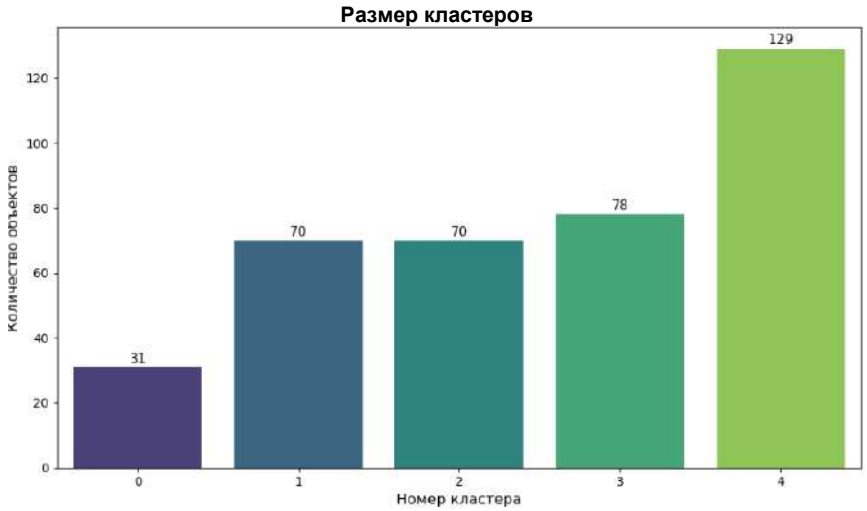

Рис. 14. Размеры кластеров (количество объектов в каждом кластере)

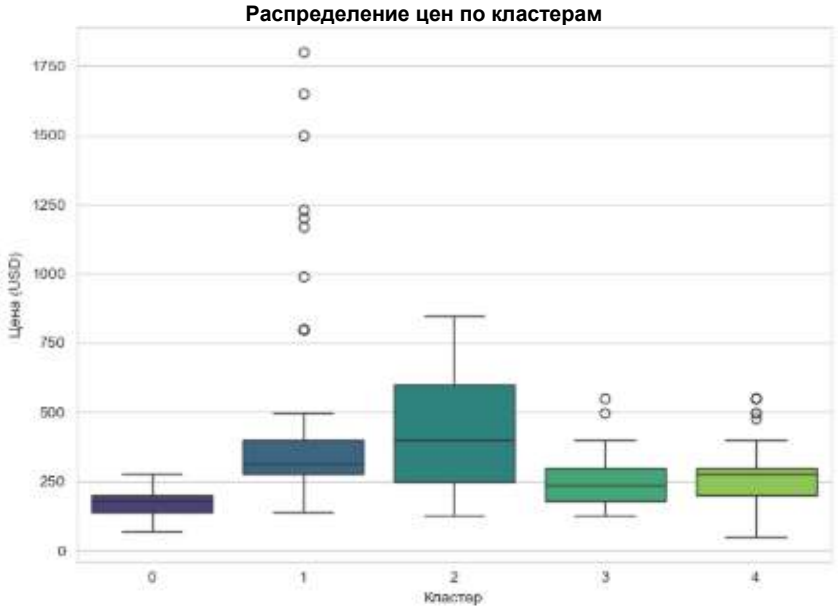

Рис. 151. Бокс-плот для признака Price (USD) (Цена) по всем кластерам

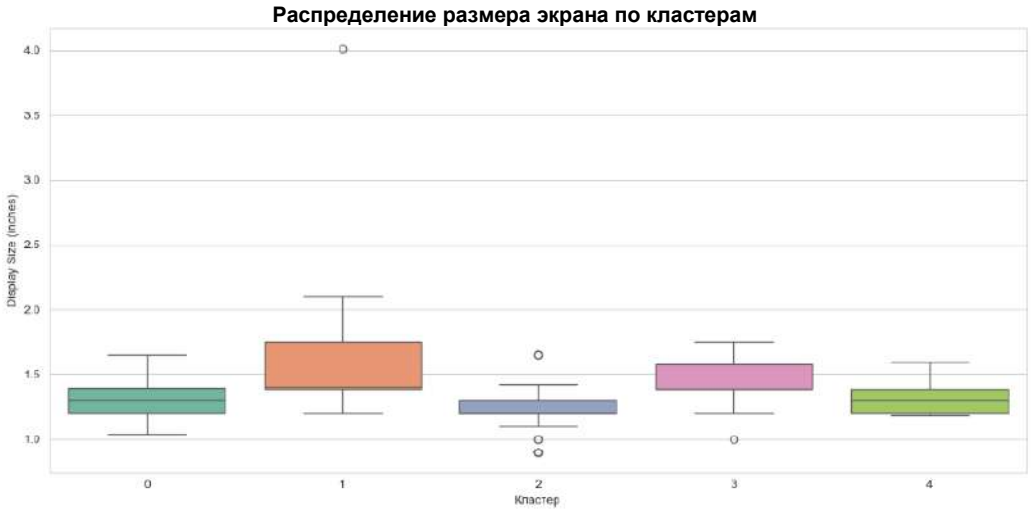

Рис. 16. Бокс-плот для признака Display Size (inches) по всем кластерам

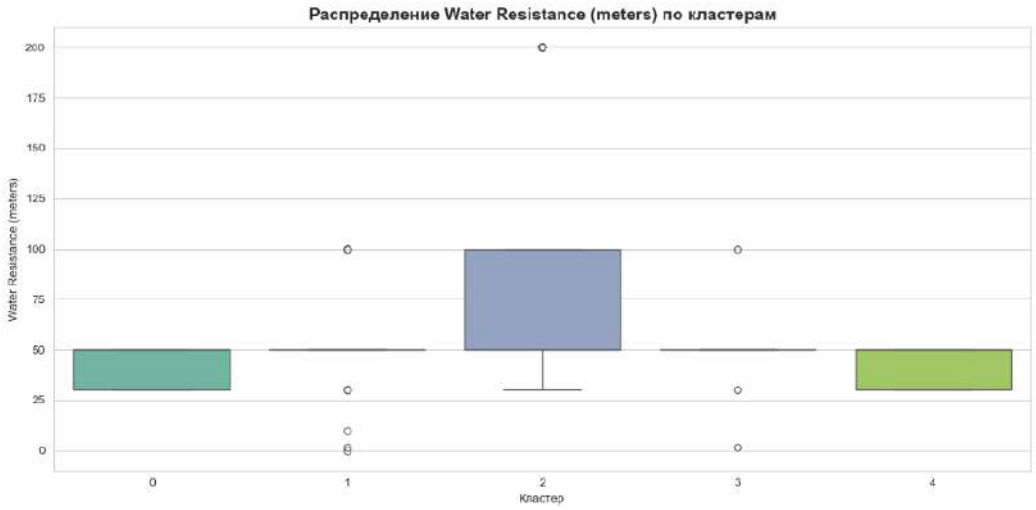

Рис. 17. Бокс-плот для признака Water Resistance (meters) по всем кластерам

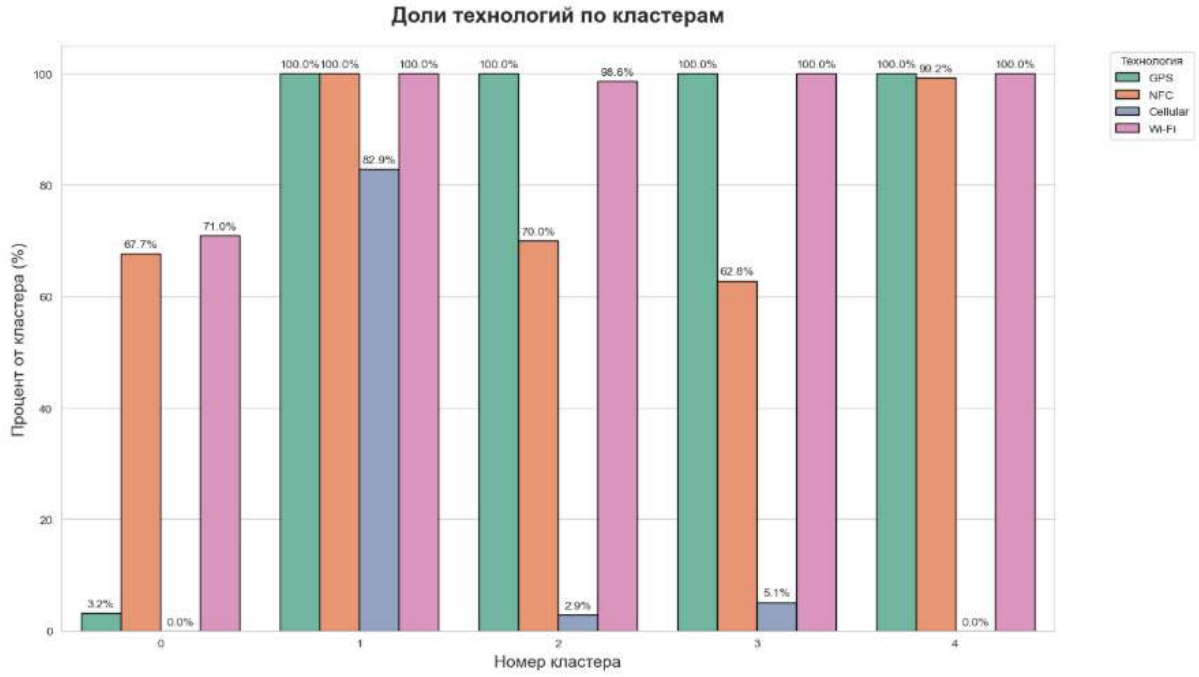

Рис. 18. Доли технологий GPS, NFC, Cellular, Wi-Fi по кластерам

Результаты кластерного анализа

Исходя из результатов анализа можно сделать следующие выводы.

Наибольшее количество продаж представлено в **кластере 4**. Этот кластер характеризуется:

- наибольшим количеством продаж – 129 (34%);
- средним уровнем цен незначительно ниже среднего по выборке (средняя цена по кластеру $263, медиана $279; средняя цена по всей выборке $513, медиана $279);
- небольшим размером дисплея (средний размер 1.3 inches, медиана 1.3 inches), дисплей преимущественно квадратной формы;
- минимальным средним временем работы батареи среди всех моделей (среднее значение 9 дней, медиана 3 дня);
- минимальным средним значением показателя водонепроницаемости (среднее значение 42.71 м, медиана (одинаковая для всех кластеров) 50 м). Присутствуют выбросы;
- все устройства имеют технологии GPS, NFC, Wi-Fi;
- отсутствие технологии Cellular у всех моделей;
- однозначно определенный бренд не выявлен, наиболее распространенные бренды: Mobvoi – 18%, Fossil – 12%, Skagen – 12%;

• наиболее распространенная операционная система, используемая в «умных» часах, – Wear OS: 81%;

• наиболее используемый тип дисплея – AMOLED: 71%.

Общий вывод по кластеру 4: большинство продаж приходится как раз на этот сегмент рынка, это самые популярные часы – массовый сегмент – у населения, которое предпочитает иметь недорогие «умные» часы небольшого размера, у которых минимальное время работы батареи и минимальное среднее значение показателя водонепроницаемости. У часов обязательно наличие технологий GPS, NFC, Wi-Fi и отсутствие технологии Cellular. Бренды часов и, соответственно, операционные системы различные. Тип экрана – преимущественно AMOLED. Этот сегмент можно назвать универсальными недорогими смарт-часами для повседневного использования.

Кластер 3 занимает второе место по популярности. Этот кластер характеризуется:

• вторым по популярности количеством продаж – 78 (21%);

• средним уровнем цен ниже среднего по выборке (средняя цена $244, медиана $239; средняя цена по всей выборке $513, медиана $279);

• небольшим размером дисплея (средний размер 1.43 inches, медиана 1.39 inches), дисплей преимущественно квадратной формы;

• средним временем работы батареи среди всех моделей (среднее значение 11.78 дня, медиана 14 дней);

• средним значением показателя водонепроницаемости (среднее значение 49.76 м, медиана (одинаковая для всех кластеров) 50 м);

• все устройства имеют технологии GPS, Wi-Fi;

• более половины устройств – 63% имеют технологию NFC;

• 5% устройств имеют технологию Cellular;

• однозначно определенный бренд не выявлен, наиболее распространенные бренды: Fitbit – 21%, Amazfit – 21%, Huawei – 19%, Honor – 14%;

• наиболее распространенные операционные системы: Lite OS – 26%, Fitbit OS – 21%, Amazfit OS – 19%;

• наиболее используемый тип дисплея – AMOLED: 94%.

Общий вывод по кластеру 3: второй по популярности сегмент «умных» часов у населения, которое предпочитает иметь недорогие «умные» часы среднего размера, у которых достаточно продолжительное время работы батареи и среднее значение показателя водонепроницаемости. У часов обязательно наличие технологий GPS, Wi-Fi, желательно наличие технологии NFC и возможно наличие технологии Cellular. Концентрация брендов Fitbit, Amazfit, Huawei и Honor превышает 75% от состава кластера. Операционные системы также различные. Тип экрана – преимущественно AMOLED. Этот сегмент можно назвать универсальными смарт-часами для повседневного использования и фитнеса.

Кластер 2 делит 3–4-е место с кластером 1 по популярности среди населения. Этот кластер характеризуется:

• количеством продаж – 70 (19%);

• высоким уровнем цен: максимальным, но с большим разбросом (средняя цена $410, медиана $399; средняя цена по всей выборке $513, медиана $279);

• минимальным по выборке размером дисплея (средний размер 1.24 inches, медиана 1.2 inches), дисплей преимущественно квадратной формы;

• средним временем работы батареи среди всех моделей (среднее значение 10.93 дня, медиана 11 дней);

• максимальным значением показателя водонепроницаемости (среднее значение 80.7 м, медиана (одинаковая для всех кластеров) 50 м);

• все устройства имеют технологии GPS, Wi-Fi;

• 70% устройств имеют технологию NFC ;

• 3% устройств имеют технологию Cellular;

• наиболее распространенные бренды: Garmin – 39% и Polar – 17%, Suunto – 13%;

• наиболее распространенные операционные системы: Garmin OS – 39%, Polar OS – 16% и Suunto OS – 13% – соответствуют брендам;

• однозначно тип дисплея не выявляется. Наиболее используемые типы дисплея: Transflective – 33% и LCD – 29%.

Общий вывод по кластеру 2: сегмент дорогих «умных» часов минимального размера, у которых достаточно продолжительное время работы батареи и максимальное значение показателя водонепроницаемости. У часов обязательно наличие технологий GPS, Wi-Fi, большинство из них имеет технологию NFC. Возможно наличие технологии Cellular. «Умные» часы преимущественно брендов Garmin, Polar и Suunto с их собственными операционными системами. Типы экранов тоже различны, но преимущественно Transflective – энергоэффективный дисплей. Можно назвать этот сегмент – «умные» часы для спорта и фитнеса.

Кластер 1 делит 3–4-е место с кластером 2 по популярности среди населения. Этот кластер характеризуется:

• количеством продаж – 70 (19%);

• максимальным уровнем цен (средняя цена $447.81, медиана $314; средняя цена по всей выборке $513, медиана $279). Присутствует много выбросов с большими значениями;

• максимальным размером дисплея (средний размер 1.54 inches, медиана 1.4 inches), дисплей преимущественно прямоугольной формы;

• максимальным временем работы батареи (среднее значение 18.63 дня, медиана 16 дней);

• средним значением показателя водонепроницаемости (среднее значение 50.31 м, медиана (одинаковая для всех кластеров) 50 м). Присутствуют выбросы;

• все устройства имеют технологии GPS, Wi-Fi, NFC;

• 73% устройств имеют технологию Cellular;

• наиболее распространенные бренды: Apple – 20%, Samsung – 20%, TicWatch – 10%;

• наиболее распространенные операционные системы: Wear OS – 29%, watchOS – 20%, Tizen OS – 14%;

• наиболее используемый тип дисплея – AMOLED: 43%.

Общий вывод по кластеру 1: сегмент дорогих «умных» часов максимального размера, у которых максимальное время работы батареи и среднее значение показателя водонепроницаемости. У часов обязательно наличие практически всех технологий связи GPS, Wi-Fi, NFC – 100%, Cellular – 73%. «Умные» часы преимущественно известных брендов Apple и Samsung с соответствующими операционными системами Wear OS и watchOS. Тип экрана – AMOLED. Этот сегмент можно назвать люксовым или премиальным.

Кластер 0 – самый маленький кластер. Этот кластер характеризуется:

• наименьшим количеством продаж – 31 (8%);

• минимальным уровнем цен (средняя цена по кластеру $169.58, медиана $179; средняя цена по всей выборке $513, медиана $279);

• небольшим размером дисплея (средний размер 1.3 inches, медиана 1.3 inches), дисплей преимущественно прямоугольной формы;

• средним временем работы батареи выше среднего по выборке (среднее значение 14.58 дня, медиана 14 дней);

• средним значением показателя водонепроницаемости (среднее значение 43.55 м, медиана (одинаковая для всех кластеров) 50 м);

• большинство устройств имеют технологии NFC – 68% и Wi-Fi – 71%;

• практически отсутствуют часы с технологией GPS – 3.2%;

• отсутствие технологии Cellular у всех моделей;

• присутствуют часы разных брендов: Fossil – 19%, Timex – 16%, Withings – 10%, Amazfit – 10%, Fitbit – 10%;

• операционные системы также различны: Timex OS – 13%, Lite OS – 13%, Withings OS – 10%, Amazfit OS – 10%, Custom OS – 10%;

• наиболее используемые типы дисплея: AMOLED – 42% и E-Ink – 26%.

Общий вывод по кластеру 0: минимальное количество продаж – это самые непопулярные часы у населения. Самые дешевые часы небольшого размера, но с достаточно продолжительным временем работы батареи и средним значением показателя водонепроницаемости. У трети часов полностью отсутствуют технологии коммуникаций, у двух третей есть технологии NFC, Wi-Fi – это самые простые «умные» часы разнообразных брендов, в которых преимущественно тип дисплея – AMOLED. Данный сегмент выполняет роль «сборной» для устройств, не вписавшихся в четкие рамки других групп. Возможно, что этот кластер объединяет устройства из узких экспериментальных ниш.

Заключение

В рамках данной работы была проведена сегментация рынка «умных» часов с помощью алгоритмов кластеризации машинного обучения: KMeans, DBSCAN, GMM, иерархической и спектральной кластеризации. Исходные данные представляют собой датасет с набором характеристик для 378 объектов. Характеристики объектов представлены разными типами данных. Для использования данного датасета в алгоритмах машинного обучения все данные были приведены к числовому типу, удалены неинформативные столбцы и строки.

В ходе визуализации всех алгоритмов кластеризации для дальнейшего анализа были выбраны результаты, полученные методом иерархической кластеризации. Однако целесообразно было бы подробно проанализировать результаты всех алгоритмов. Это дало бы возможность взглянуть на структуру рынка с различных точек зрения и оценить устойчивость найденных сегментов. Подробный анализ результатов всех методов кластеризации – это тема отдельной статьи.

Главной целью кластерного анализа было выявление скрытой структуры рынка, группировка «умных» часов по схожим параметрам и определение устойчивых сегментов. Это позволяет перейти от рассмотрения отдельных часов к пониманию общих рыночных ниш и стратегий компаний. Результаты, выраженные в виде меток

кластеров (0–4), стали основой для дальнейшей интерпретации и комплексной оценки состояния рынка.

Анализ был сосредоточен не только на средних значениях, но и на медианах и на наиболее часто встречающихся. Это позволило дать более точное и подкрепленное цифрами описание каждому кластеру.

Проведенная кластеризация служит удобным инструментом для понимания того, как устроен и развивается рынок «умных» часов. Выявленные сегменты отражают основные стратегии производителей и модели потребительского спроса.

Рынок делится по цене и целевому назначению. Выделены массовые сегменты (кластеры 3 и 4) – это основная арена конкуренции за обычного покупателя. Здесь лидируют известные технологические компании (Huawei, Honor, Xiaomi), а также бренды, сделавшие ставку на экосистемы и широкое распространение (Huawei, Honor, Xiaomi, Amazfit, Fitbit). Главные факторы конкуренции в этом сегменте – интеграция со смартфоном, дизайн, время работы от батареи и доступность приложений. Наблюдается сближение: фитнес-бренды (Fitbit, Huawei) добавляют смарт-функции, а классические смарт-часы усиливают спортивные возможности, что делает границы менее четкими и усиливает конкуренцию. Остальные бренды (Mobvoi, Fossil, Skagen, Amazfit, TicWatch) являются специализированными производителями часов или модными брендами, которые также производят «умные» часы.

Часы для спорта и фитнеса (кластер 2) – это пример успешной дифференциации. Компании Garmin, Suunto и Polar избегают прямой конкуренции с гигантами в области общих технологий, концентрируясь на создании ценности для конкретной аудитории – спортсменов, туристов, любителей активного отдыха. Их продукция позиционируется как высокоточный инструмент, что оправдывает высокую цену. Устойчивость этого кластера доказывает существование лояльной и платежеспособной группы потребителей, готовых платить за точность данных, надежность и специализированные функции, которые не являются главными в массовых устройствах.

Премиальный сегмент (кластер 1) определяется не только высокой ценой. Бренды, представленные в этом сегменте, объединяет стратегия, направленная на создание премиальных и флагманских моделей. Эти модели служат для демонстрации новейших технологий, использования лучших материалов и укрепления имиджа бренда в верхнем ценовом сегменте [20]. Многие из перечисленных брендов выпускают модели с корпусами из титана и стеклами из сапфирового хрусталя. Некоторые бренды являются продолжателями традиционного часового ремесла (TAG Heuer, Montblanc) или сотрудничают с домами высокой моды (Apple с Hermès) и выпускают специальные версии часов. Они выделяются уникальным дизайном, использованием драгоценных материалов и высокой ценой. Кроме этого, часы этого кластера могут иметь уникальные технологические «суперфункции», которые редко встречаются в более доступных моделях: двухдиапазонный GPS, увеличенное время автономной работы, поддержка быстрой зарядки, поддержка спутниковой связи, специализированных режимов для гольфа и пр. [21].

Анализ также выявляет ключевые технологические тренды. Доминирование AMOLED-экранов в массовом и премиальном сегментах стало стандартом благодаря яркости и энергоэффективности этого типа экранов. Однако в специализированных спортивных часах сохраняются энергоэффективные дисплеи (MIP, transflective), которые жертвуют цветом и углами обзора ради постоянной активности, читаемости на солнце и многодневной автономии.

Параметр водонепроницаемости в 50 метров превратился в базовое ожидание, а 100 метров и выше остаются отличительной чертой для спортивных моделей. Время автономной работы попрежнему остается одной из главных проблем и конкурентных преимуществ, напрямую влияя на позиционирование и тип устройства.

Если говорить о брендах, то на рынке наблюдается поляризация. С одной стороны – универсальные технологические платформы (Apple, Samsung), с другой – узкие эксперты (Garmin, Coros). Между ними расположена плотная группа брендов (Huawei, Xiaomi, Amazfit, Fitbit), которые пытаются занять промежуточную позицию, предлагая доступность, богатый функционал и акцент на здоровье. При этом данные показывают постепенное сокращение разнообразия операционных систем в пользу консолидации вокруг Wear OS и watchOS, что упрощает разработку приложений и улучшает совместимость.

Таким образом, кластерный анализ не только статистически подтвердил существование основных рыночных сегментов, но и позволил подробно описать их особенности, конкурентные стратегии и ценности для потребителей. Рынок «умных» часов вышел из стадии бурного роста и перешел в фазу зрелости, для которой характерны четкое разделение на сегменты, усиление конкуренции внутри них и поиск инноваций. Успех производителей в будущем будет зависеть от ясности позиционирования, глубины интеграции в жизнь пользователя и способности создавать уникальную пользу для своей аудитории.

Список литературы

1. Maurer U., Rowe A., Smailagic A., Siewiorek D.P. eWatch: a wearable sensor and notification platform // International Workshop on Wearable and Implantable Body Sensor Networks (BSN'06), 3–5 April 2006 / IEEE. P. 141–145. URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/1612916/metrics#metrics (дата обращения: 24.12.2025).

2. Перепелкина А. Что такое умные часы, для чего они нужны и какие выбрать // Сетевое издание «Ведомости» (Vedomosti). URL: https://www.vedomosti.ru/spravka/umnie-chasi. (дата обращения: 04.01.2026).

3. Прокудина А.И., Кириллов Н.Н., Николаев А.С. Инновационный ландшафт товара «умные» часы // Экономика. Право. Инновации. 2021. № 3. С. 45–52. DOI: 10.17586/2713-1874-2021-3-45-52.

4. Голуб Д. Улучшение интеграции смарт-часов с другими устройствами: ключ к бесшовному цифровому опыту // Электронный журнал SERENITYTech / ООО «Серенити групп». URL: https://sg-tech.ru/lifehack/36:100. (дата обращения: 25.02.2026).

5. Толпыгин Н., Синцов П. М-Видео назвала самые популярные смарт-часы на рынке России в 2025 году // CNews – издание в сфере высоких технологий в России и странах СНГ. 04.02.2026. URL: https://cnews.ru/link/n674748. (дата обращения: 25.02.2026).

6. Умные часы (мировой рынок) // TAdviser – российский интернет-портал и аналитическое агентство. 26.09.2025. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/ Статья:Умные_часы_(мировой_рынок) (дата обращения: 25.02.2026).

7. Носимая электроника (рынок России) // TAdviser – российский интернет-портал и аналитическое агентство. 04.02.2026. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Носимая_электроника_(рынок_России). (дата обращения: 25.02.2026).

8. Kaggle: Watch Price Prediction Dataset. URL: https://www.kaggle.com/code/jashanmalhotra/watch-price-prediction (дата обращения: 12.12.2025).

9. Документация Python. URL: https://docs.python.org/3.12/index.html. (дата обращения: 12.01.2026).

10. Документация pandas. URL: https://pandas.pydata.org/docs/ (дата обращения: 12.01.2026).

11. Документация plotly.express. URL: https://plotly.com/python-api-reference/plotly.express.html (дата обращения: 12.01.2026).

12. Документация scikit-learn. URL: https://scikit-learn.org/stable/index.html (дата обращения: 12.01.2026).

13. Документация matplotlib. URL: https://matplotlib.org/stable/index.html (дата обращения: 12.01.2026).

14. Маккинни У. Python и анализ данных. 3-е изд. М.: ДМК, 2023. 536 с.

15. Силен Д., Мейсман А., Али М. Основы Data Science и Big Data. Python и наука о данных. СПб.: Питер, 2017. 336 с.

16. Quick Guide to Evaluation Metrics for Supervised and Unsupervised Machine Learning. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.6f33fc13-69a53491-09082af8-74722d776562; https//www.analyticsvidhya.com/blog/2020/10/quick-guide-to-evaluation-metrics-for-supervised-and-unsupervised-machine-learning (дата обращения: 12.01.2026).

17. Жерон О. Прикладное машинное обучение с помощью Scikit-Learn, Keras и TensorFlow. Концепции, инструменты. М.: Изд-во «Диалектика», 2020. 1040 с.

18. Плас Дж.В. Python для сложных задач. Наука о данных и машинное обучение. СПб.: Питер, 2018. 576 с.

19. Smith J., Doe R. Cluster Analysis for Employee Performance Evaluation // Journal of Applied Statistics. 2018. Vol. 45. **2**. P. 123–134.

20. Introducing the TAG Heuer Connected Calibre E5. Press release. URL: https://www.europastar.com/news/1003990503-rolex-launches-its-large-scale-construction/time-keeper/1004115495-introducing-the-tag-heuer-connected-calibre-e5.html (дата обращения: 12.02.2026).

21. Jardinico J.B. This New Smartwatch Does What Apple and Samsung Still Can't. 29.12.2025. URL: https://www.nextpit.com/news/xiaomi-watch-5-launch-key-gesture-neural-tracking-features (дата обращения: 12.02.2026).

SEGMENTATION OF THE SMARTWATCH MARKET USING MACHINE LEARNING METHODS

I.D. Kamskova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article discusses the use of clustering algorithms to analyze the smartwatch market. The relevance of the research is due to the need to structure the fast-growing and diverse smartwatch market in order to understand consumer preferences and competitive strategies of manufacturers. The purpose of the work is to identify market segments of the target audience based on the technical characteristics and price parameters of the devices. A dataset from the Kaggle open platform containing information on 379 models of smart watches of various brands was used as the initial data. To achieve this goal, the methods of hierarchical clustering, spectral clustering, k-means, DBSCAN and GMM (Gaussian Mixture Models) were applied. The necessary data preprocessing has been carried out, including the eneoding of categorical features. As a result of the study, the clustering results were visualized. For detailed analysis and interpretation of the results, hierarchical clustering was chosen, showing the clearest division of data into clusters. Five main

clusters are identified and characterized in detail: the mass segment of inexpensive universal watches, the segment for fitness and everyday use, the sports and utility segment, the premium (luxury) segment, as well as a small cluster of «other» devices. The price range, key technical characteristics (display size and type, battery life, water resistance), a set of communication technologies (GPS, NFC, Wi-Fi, Cellular) and dominant brands are defined for each segment. The research results can be used by manufacturers to position new products, by marketers to develop promotion strategies, and by analysts to monitor market conditions.

Keywords: smart watches, eWatch, machine learning, cluster analysis, market segmentation, hierarchical clustering, consumer preferences, wearable devices.

УДК 004.032.26:332.1
DOI 10.52452/18115942_2026_3_66

НЕЙРОННЫЕ СЕТИ В АНАЛИЗЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА КАК ФАКТОРОВ ПОСТУПАТЕЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИИ

© 2026 г. ***Ю.О. Плехова, В.И. Перова, М.А. Богомолова, А.А. Леонтьева***

Плехова Юлия Олеговна, д.э.н., проф.; директор Института экономики, заведующая кафедрой экономики предприятий и организаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
y.plekhova@unn.ru
Перова Валентина Ивановна, к.ф.-м.н., доц.; доцент кафедры математического моделирования экономических процессов Института экономики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
perova_vi@mail.ru
Богомолова Мария Александровна, к.т.н.; директор Проектного офиса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
bma@unn.ru
Леонтьева Анастасия Александровна, специалист по ведению клиентов компании «Протон», Нижний Новгород
leontiewaaa@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.07.2026
Статья принята к публикации 23.07.2026

Цель научной работы состоит в исследовании устойчивого инновационного развития экономики регионов и технологического лидерства в контексте национальных целей развития Российской Федерации с применением разработанного авторами собственного рационального метода. Основой данного метода являются самоорганизующиеся нейронные сети – значительная составляющая искусственного интеллекта. Авторами построена нейронная сеть на платформе отечественного программного продукта Loginom, которая дифференцировала субъекты РФ на восемь устойчивых групп в соответствии с тринадцатью статистическими региональными индикаторами. Проведен анализ кластерного решения, получено распределение регионов по кластерным формациям с позиций их инновационного развития и состояния технологического лидерства, оценен уровень инновационной экономической деятельности субъектов в масштабе кластеров. Оригинальность исследования состоит в разработке и архитектуре комплекса критериев, которые объединены в два блока. В первый блок вошли семь показателей, которые характеризуют устойчивую инновационную экономику. Второй блок содержит шесть факторов, описывающих технологическое лидерство. Результаты работы могут быть интересны при корректировании управленческих решений по формированию актуальных стратегий инновационного развития экономики регионов Российской Федерации. Это особенно важно в современных конкурентных условиях и вызовах внешних обстоятельств при решении задачи усиления технологического лидерства в ракурсе национальных целей государства.

Ключевые слова: субъекты Российской Федерации, устойчивая инновационная экономика, технологическое лидерство, инновации, цифровая трансформация, кластерный анализ, искусственный интеллект, нейронные сети, Loginom.

Введение

Настоящий исторический период времени с точки зрения поступательного социально-экономического роста регионов Российской Федерации характеризуется инновационной направленностью, проведением цифровой трансформации и применением результатов научных исследований в ориентированных на производство отраслях экономики. Получение положительных результатов при исполнении этих актуальных задач имеет своим основанием Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1]. Следует сказать, что ориентация на интенсификацию и закрепление технологического лидерства – одну из националь-

ных целей – тесно связана с доминированием [2–14]:

- задействования национальных ресурсов;
- подготовленности высококвалифицированных работников в соответствии с требованиями поступательного развития экономики;
- инновационного управления производственной деятельностью в контексте цифровой трансформации социально-экономического развития;
- приоритетного развития высокотехнологичного сектора экономики, дающего наибольший вклад в создание добавленной стоимости;
- активизации инвестиционной составляющей в реальный сектор экономики и подготовку кадров с учетом взаимодействия государства и бизнеса.

Инновационное развитие российской экономической системы сделает возможным обеспечение конкурентоспособности и всего государства, и его регионов. Поэтому исследование инновационной деятельности и технологического лидерства субъектов актуально и будет стимулировать поиски путей умножения их инновационной активности и внедрения в реальный сектор экономики оригинальных перспективных технологий.

Отметим, что далее в статье данные по рассматриваемым показателям приведены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям по причине отсутствия официальных данных на сайте Федеральной службы государственной статистики (Росстата).

На рис. 1 приведен динамический индикатор уровня инновационной активности организаций в России за период 2019–2024 гг.

Параметры на рис. 1 показывают, что в этом периоде наблюдаются незначительные колебания инновационной деятельности, но имеет место повышение уровня инновационной активности в конце рассматриваемого периода по сравнению с его началом в 1.37 раза.

В фокусе возрастания технологического лидерства огромное значение придается внедрению в производственный процесс технологических инноваций. На рис. 2 представлена динамика удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций в 2019–2024 гг.

Результаты на рис. 2 констатируют весомое увеличение данного фактора в 2024 г. Это приведет к повышению производительности труда [9], что в современных условиях необходимо при недостатке квалифицированных кадров трудоспособного возраста.

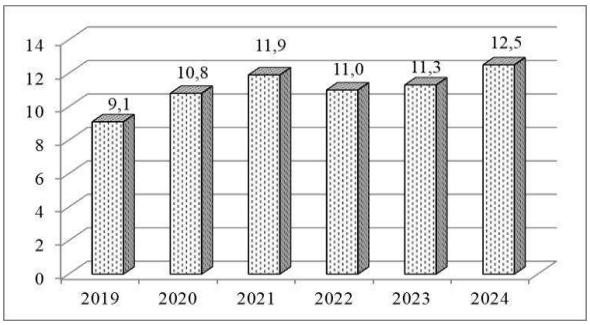

Рис. 1. Уровень инновационной активности организаций РФ за период 2019–2024 гг., %
Источник: построено авторами по данным Росстата [15]

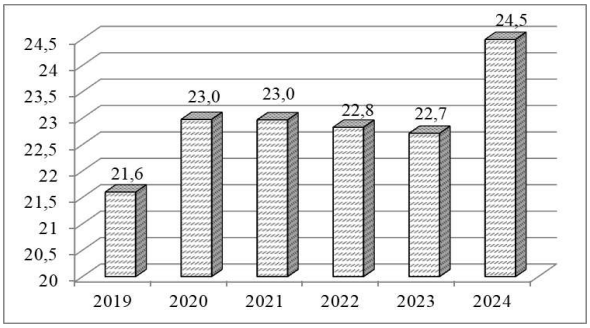

Рис. 2. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, %
Источник: построено авторами по данным Росстата [15]

Большое значение при проведении технологических инноваций имеет обновление основных фондов, относящихся к различным степеням технологичности по коммерческим (без учета субъектов малого предпринимательства) и некоммерческим организациям (по полной учетной стоимости, в смешанных ценах). Эволюцию коэффициента обновления основных фондов по уровню технологичности иллюстрирует рис. 3.

Коэффициент обновления основных фондов для высокотехнологичных видов деятельности значительно возрос в 2024 г., что положительно отразится на повышении добавленной стоимости.

Использование передовых производственных технологий демонстрируют результаты на рис. 4, которые отражают увеличение этого индикатора в 2024 г. в 1.18 раза по отношению к 2020 г.

Следует подчеркнуть, что нарастающее использование передовых производственных технологий не только повлечет за собой увеличение производительности труда и технологического лидерства, но и будет способствовать принципиально новым положительным изменениям в социально-культурной сфере.

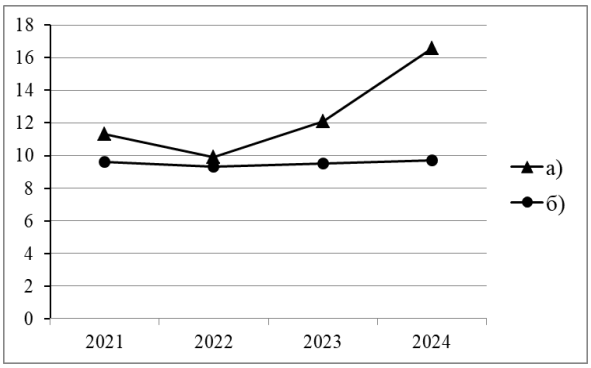

Рис. 3. Коэффициент обновления основных фондов по уровню технологичности, %:
а) высокотехнологичные виды деятельности;
б) низкотехнологичные виды деятельности
Источник: построено авторами по данным Росстата [15]

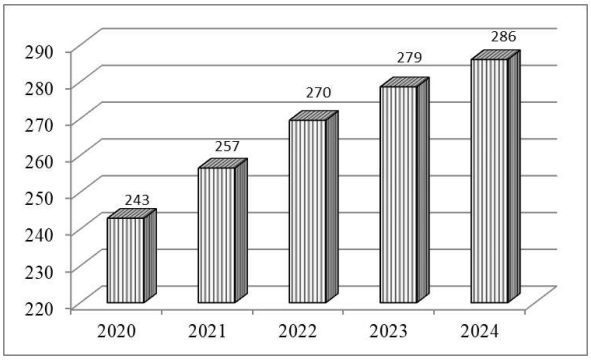

Рис. 4. Используемые передовые производственные технологии, тыс. ед.
Источник: построено авторами по данным Росстата [15]

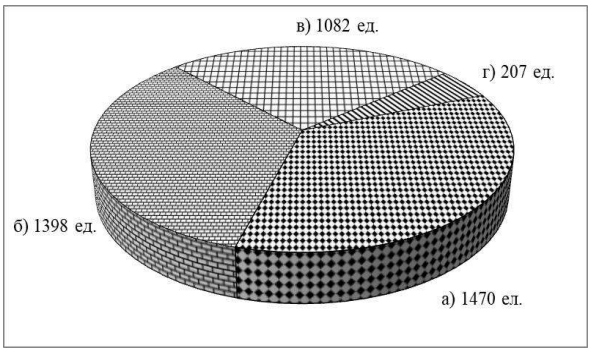

Рис. 5. Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, по секторам деятельности в РФ за 2024 г., ед.:
а) государственный сектор деятельности;
б) предпринимательский сектор деятельности;
в) сектор высшего образования;
г) сектор некоммерческих организаций
Источник: построено авторами по данным Росстата [15]

Как отмечено выше, на современном этапе инновационное поступательное социально-экономическое развитие Российской Федерации тесно связано с развитием цифровой трансформации экономики, представляющей собой один из ключевых компонентов, который влияет на всю хозяйственную систему страны. Кроме того, инновационная деятельность на региональном и национальном уровне зависит от применения результатов научных исследований в реальном секторе экономики. На рис. 5 дано количество организаций, которые выполняли научные исследования и разработки, по секторам деятельности в России за 2024 г.

Как видно из данных на рис. 5, сектор высшего образования на только готовит высококвалифицированных специалистов, но и вносит существенный вклад в научные исследования и разработки.

Отметим, что степень инвестирования в науку, образование, высокотехнологичные виды деятельности производственного сектора экономики [2–4, 11] оказывает огромное влияние на усиление устойчивого инновационного экономического развития государства и его технологического лидерства. Поэтому в контексте национальных целей развития Российской Федерации представляет интерес проведение исследования устойчивого инновационного развития и технологического лидерства в масштабе субъектов РФ.

Материалы и методы

В настоящей работе авторами разработан собственный метод оценки развития устойчивой инновационной экономики и технологического лидерства на региональном уровне Российской Федерации, основанный на нейросетевом моделировании. Научная новизна состоит в архитектуре и определении выборки индикаторов, которые объединены в два блока. Первый блок содержит факторы, аттестующие устойчивую инновационную экономику (комплекс показателей инвестиционной и инновационной деятельности). Второй блок объединяет факторы, характеризующие технологическое лидерство (совокупность показателей технологических инноваций в организациях, наличия высококвалифицированных кадров, использования передовых производственных технологий, цифровой трансформации, внутренних затрат на научные исследования и разработки).

В данном исследовании представлена нейросетевая модель, созданная авторами на основании официальных статистических индикаторов за 2024 г. [15, 16]:

а) *индикаторы, определяющие устойчивую инновационную экономику*:

*I*1 – инвестиции в основной капитал на душу населения (тыс. руб.);

*I*2 – доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в общем объеме инвестиций в основной капитал, направленных на реконструкцию и модернизацию, по субъектам Российской Федерации (%);

*I*3 – оборот розничной торговли на душу населения (индикатор доступности товаров и услуг) (тыс. руб.);

*I*4 – уровень инновационной активности организаций (%);

*I*5 – удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (%);

*I*6 – удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (%);

*I*7 – доля инновационных товаров, работ, услуг, созданных с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям, в общем объеме инновационных товаров, работ, услуг (%);

б) *индикаторы, обусловливающие технологическое лидерство*:

*I*8 – удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации (%);

*I*9 – удельный вес высококвалифицированных работников (%);

*I*10 – используемые передовые производственные технологии по субъектам Российской Федерации (ед.);

*I*11 – использование специальных программных средств в организациях для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами (%);

*I*12 – удельный вес организаций, использовавших Интернет, по субъектам Российской Федерации (в процентах от общего числа обследованных организаций соответствующего субъекта Российской Федерации) (%);

*I*13 – внутренние затраты на научные исследования и разработки (сотни млн руб.).

Эти критерии характеризуют современное состояние инновационно-технологического потенциала региональной экономики России в ракурсе формирования практичных стратегий инновационного развития, которые будут реализовывать условия для умножения технологического лидерства страны. Исследования целесообразны и со стороны применения инновационных методов решения многокритериальных задач, а также с позиции весомого влияния науки и инноваций на производственную деятельность РФ.

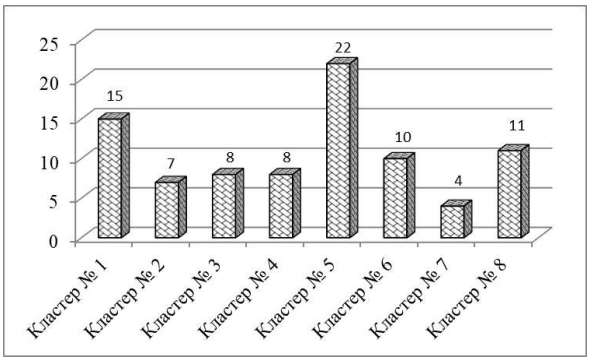

Рис. 6. Объем кластерных образований
Источник: авторская разработка

В настоящее время для реализации нейросетевых концепций существуют специализированные российские и зарубежные программные продукты. В данной работе в качестве инструмента выполнения исследований избраны нейронные сети – самоорганизующиеся карты, которые воплощены на платформе отечественной программной системы Loginom. Выбор такого типа нейронных сетей обусловлен следующими их преимуществами [17–21]: а) самоорганизующиеся нейронные сети специализированы для кластеризации гетерогенных данных; б) эти нейронные сети предусмотрены для решения задач, параметры которых не имеют модельных ограничений; в) нейронные сети позволяют снизить размерность исходного пространства данных, что имеет принципиальное значение для проведения дальнейшего анализа.

На платформе системы Loginom авторами была разработана самоорганизующаяся нейронная сеть, разграничившая 85 объектов – регионов России – на 8 кластеров по совокупности 13 признаков.

Авторами было проанализировано качество кластеризации путем подключения дополнительной программы Silver Kit, в которой задействован индекс силуэта [22]. Анализ качества кластеризации показал, что нет пересечения кластеров, когда наблюдается наличие кластеризуемых объектов, одновременно входящих в разные кластеры. Ввиду этого получена четкая интеграция субъектов РФ по кластерным образованиям.

Численность субъектов РФ в кластерах приведена на рис. 6. Результаты на рис. 6 демонстрируют сильную разнородность объема кластеров, размах изменения которого равен 18.

Развернутое группирование регионов по кластерам отражено в табл. 1.

По итогу нейросетевой кластеризации, показанному в табл.1, имеем, что архитектура кластерных образований включает субъекты, находя-

Таблица 1

Результаты нейросетевой кластеризации субъектов России по критериям, аттестующим устойчивую инновационную экономику и технологическое лидерство за 2024 г.

Номер кластера	Список регионов РФ
1	Брянская область, Республика Карелия, Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Архангельская область без АО, Мурманская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область
2	Костромская область, Рязанская область, Смоленская область, Саратовская область, Красноярский край, Омская область, Забайкальский край
3	Калининградская область, Ленинградская область, Краснодарский край, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область без АО, Иркутская область, Хабаровский край
4	Республика Калмыкия, г. Севастополь, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика
5	Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Калужская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Тамбовская область, Тверская область, Вологодская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Адыгея, Волгоградская область, Ставропольский край, Оренбургская область, Курганская область, Республика Хакасия, Алтайский край, Кемеровская область, Республика Бурятия, Чукотский автономный округ
6	Белгородская область, Тульская область, Ярославская область, Удмуртская Республика, Пермский край, Нижегородская область, Самарская область, Свердловская область, Челябинская область, Новосибирская область
7	Московская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан
8	Республика Крым, Астраханская область, Ростовская область, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская область, Пензенская область, Ульяновская область, Томская область

Источник: авторская разработка.

Таблица 2

Средние индикаторы, оценивающие развитие устойчивой инновационной экономики и технологического лидерства субъектов России в пределах кластерных формаций

Индикатор	Кластеры								Средний индикатор по России
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 8	
*I*1	251.88	314.02	980.60	113.47	191.86	486.89	3225.85	249.87	464.36
*I*2	24.65	41.09	25.22	7.92	37.31	43.51	28.79	23.48	30.02
*I*3	368.51	304.94	401.12	233.65	320.23	357.24	500.64	297.11	336.81
*I*4	6.61	7.67	7.58	4.77	10.06	14.98	20.266	15.96	10.35
*I*5	0.69	1	3.26	0.41	1.10	2.42	4.27	2.56	1.65
*I*6	2.15	4.08	3.18	0.93	3.18	10.25	11.02	8.23	4.71
*I*7	0.44	59.93	3.83	4.68	4.05	31.62	43.48	14.32	14.48
*I*8	13.88	16.11	15.23	16.45	18.44	25.81	36.62	29.87	20.16
*I*9	30.01	30.97	32.47	33.31	27.49	31.76	44.27	29.92	30.84
*I*10	0.97	3.55	2.95	0.36	2.32	8.50	15.11	3.04	3.48
*I*11	8.06	9.81	13.31	11.12	11.63	12.91	12.45	9.42	10.86
*I*12	81.09	80.93	77.06	68.10	83.36	82.38	76.65	78.25	79.64
*I*13	22.67	89.51	96.23	8.51	31.79	385.07	2862.68	94.88	221.75

Источник: авторская разработка.

Таблица 3

Минимальные и максимальные показатели уровня развития устойчивой инновационной экономики и технологического лидерства регионов РФ в масштабе кластеров

Показатель	Минимальное значение в кластере	Максимальное значение в кластере
Показатели, определяющие устойчивую инновационную экономику		
*I*1	Кластер № 4	Кластер № 7
*I*2	Кластер № 4	Кластер № 6
*I*3	Кластер № 4	Кластер № 7
*I*4	Кластер № 4	Кластер № 7
*I*5	Кластер № 4	Кластер № 7
*I*6	Кластер № 4	Кластер № 7
*I*7	Кластер № 1	Кластер № 2
Показатели, обусловливающие технологическое лидерство		
*I*8	Кластер № 1	Кластер № 7
*I*9	Кластер № 5	Кластер № 7
*I*10	Кластер № 4	Кластер № 7
*I*11	Кластер № 1	Кластер № 3
*I*12	Кластер № 4	Кластер № 5
*I*13	Кластер № 4	Кластер № 7

Источник: авторская разработка.

щиеся в составе разных федеральных округов Российской Федерации.

В рамках процесса нейросетевого кластерного анализа на базе указанной выше выборки индикаторов были установлены их средние характеристики по кластерам (табл. 2).

Проведем описание кластерных формаций путем анализа уровня средних критериев развития устойчивой инновационной экономики и технологического лидерства, приведенных в табл. 2.

1. *Сравнение средних показателей в кластерах с общими среднероссийскими критериями*

Лидирующие позиции почти по всем индикаторам, кроме доли инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в общем объеме инвестиций в основной капитал, направленных на реконструкцию и модернизацию (*I*2); удельного веса организаций, использовавших Интернет (*I*12), которые незначительно ниже среднероссийских критериев, и некоторых других, принадлежат субъектам РФ, создавшим кластер № 7.

В кластере № 6 все показатели регионов превышают средние по России факторы.

Субъекты кластеров № 1 и № 4 имеют только по два индикатора, которые выше среднероссийских показателей. В кластере № 1 – это показатели, аттестующие оборот розничной торговли на душу населения (*I*3) и удельный вес организаций, использовавших Интернет (*I*12). В кластере № 4 – индикаторы удельного веса высококвалифицированных работников (*I*9) и использования специальных программных средств в организациях для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами (*I*11).

Субъекты кластера № 5 характеризуются тремя признаками: *I*2, *I*11 и *I*12, преобладающими над среднероссийскими.

В регионах, сформировавших кластер № 2, над соответственными средними индикаторами по РФ доминируют пять индикаторов: *I*2; показатель доли инновационных товаров, работ, услуг, созданных с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям, в общем объеме инновационных товаров, работ, услуг (*I*7); *I*9; показатель используемых передовых производственных технологий по субъектам Российской Федерации (*I*10); *I*12. В кластере № 8 выше среднероссийских четыре индикатора: уровень инновационной активности организаций (*I*4); удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (*I*5); удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (*I*6); удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации (*I*8).

Субъекты, вошедшие в кластер № 3, характеризуются показателями, пять из которых выше средних критериев по России. Это такие показа-

тели: инвестиции в основной капитал на душу населения (*I*1) и показатели *I*3, *I*5, *I*9, *I*11.

2. *Сравнение средних показателей между кластерами*

Данные в табл. 3 отражают минимальные и максимальные значения индикаторов в среднем по кластерам.

Результаты, представленные в табл. 3, показывают, что наибольшие значения индикаторов, определяющих устойчивую инновационную экономику и технологическое лидерство, наблюдаются в регионах кластеров № 2, № 3, № 5, № 6 и № 7, а наименьшие значения индикаторов – в регионах кластеров № 1, № 4 и № 5.

Таким образом, имеем следующие результаты выстраивания кластеров:

а) по количеству минимальных значений показателей первое место занимает кластер № 4, второе место – кластер № 1 и третье место – кластер № 5;

б) по количеству максимальных значений показателей лидирует кластер № 7, на втором месте находятся кластеры № 2, № 3, № 5 и № 6.

Результаты систематизации констатируют, что в субъектах с доминированием низких значений исследуемых индикаторов, аттестующих устойчивую инновационную экономику и технологическое лидерство, необходимо фокусирование управленческой деятельности на повышении инновационно-технологической деятельности в производственном секторе региональной экономики.

Заключение

Данная научная работа сосредоточена на исследовании устойчивого инновационного развития региональной экономики и технологического лидерства в контексте национальных целей развития Российской Федерации [1]. Для проведения исследования авторами статьи разработан собственный метод оценки развития устойчивой инновационной экономики и технологического лидерства на основе предложенных в работе официальных статистических критериев. Этот современный метод базируется на применении самоорганизующихся нейронных сетей – одного из ключевых элементов искусственного интеллекта [23, 24], который широко используется в различных сферах деятельности [7, 25–29]. В работе сгенерирована нейронная сеть на платформе отечественной программной системы Loginom, которая разграничила регионы РФ по кластерам. В результате исследования получены восемь типов устойчивых кластерных формаций.

Анализ нейросетевой кластеризации позволил оценить уровень развития инновационной составляющей экономики и технологического лидерства субъектов России в масштабе кластеров. Результаты работы свидетельствует, что по совокупности исследуемых критериев только 16.5% регионов, сформировавших кластеры № 6 и № 7, аттестуются высоким уровнем инновационной активности и технологического лидерства. При этом необходимо обратить внимание на низкие значения уровней инновационного потенциала и технологического лидерства в субъектах кластеров № 1 и № 5, которые соответственно составляют 17.4% и 25.9% от всех рассматриваемых в работе регионов, а также на самые низкие значения в кластере № 4, интегрирующем 9.4% субъектов.

Полученные результаты говорят о необходимости дифференцированных мер, адресно направляемых на возрастание инновационных возможностей и технологического лидерства субъектов Российской Фелерации в каждом кластерном образовании.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1717715/

2. Никитин Г.С., Скобелев Д.О. Эффективность государственных и корпоративных инвестиций в развитие реального сектора экономики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 4 (68). С. 32–41. https://doi.org/10.52452/18115942_2022_4_32.

3. Трофимов О.В., Фролов В.Г., Климова Е.З. Анализ особенностей развития высокотехнологичных предприятий промышленности в экономике Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. Т. 61. № 1. С. 33–38. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_33.

4. Современные методы и модели экономики предприятия, бухгалтерского учета, анализа и аудита: Коллективная монография / О.В. Трофимов, Ю.О. Плехова, И.Е. Мизиковский [и др.]. Нижний Новгород: ННГУ, 2025. 267 с.

5. Перова В.И., Плехова Ю.О. Методы искусственного интеллекта в исследовании экономической деятельности субъектов Российской Федерации в контексте усиления технологического лидерства страны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 3. С. 42–49.

6. Плехова Ю.О., Семенов А.В., Перова В.И., Панов А.И. Нейросетевой анализ инновационного развития экономики субъектов Российской Федерации

в контексте технологического лидерства страны // На страже экономики. 2025. № 4. С. 45–54.

7. Малкина М.Ю., Плехова Ю.О., Перова В.И., Сочков А.Л. Исследование влияния отраслевой структуры российских регионов на их экономическое развитие с использованием методов искусственного интеллекта // Экономический анализ: теория и практика. 2025. Т. 24. № 2. С. 123–143.

8. Новикова И.В. Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 1. С. 57–65. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-1-57-65.

9. Кузнецов Ю.А. Человеческий капитал, производительность труда и экономический рост // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 43. С. 2–14.

10. Кузнецов В.П., Летягина Е.Н., Перова В.И. Искусственный интеллект в анализе человеческого капитала как основы экономической безопасности регионов Российской Федерации // На страже экономики. 2023. № 3 (26). С. 37–47.

11. Фролов В.Г., Перова В.И. Анализ инновационно-инвестиционной сбалансированности промышленной политики России в условиях цифровой трансформации с применением методов искусственного интеллекта // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 1. С. 127–148.

12. Любушин Н.П., Летягина Е.Н., Перова В.И. Исследование инновационного развития региональной экономики как императива устойчивого социально-экономического роста России с применением нейросетевого моделирования // Экономический анализ: теория и практика. 2021. Т. 20. № 8. С. 1394–1414. https://doi.org/10.24891/ea.20.8.1394

13. Плехова Ю.О., Перова В.И. Инновационный метод анализа управления социально-экономическим развитием регионов России с применением нейросетевого моделирования // Вопросы инновационной экономики. 2025. Т. 15. № 1. С. 125–144.

14. Любушин Н.П., Летягина Е.Н., Перова В.И. Нейросетевое исследование цифровой трансформации промышленности // Экономический анализ: теория и практика. 2026. Т. 25. № 1. С. 4–18.

15. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://gks.ru (дата обращения: 30.03.2026).

16. Государственная статистика. URL: https://fedstat.ru/ ЕМИСС (дата обращения: 30.03.2026).

17. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. М.: Издательский дом «Вильямс», 2006. 1104 с.

18. Kohonen T. The self-organizing map // Proceedings of the IEEE. Sept. 1990. V. 78. № 9. P. 1464–1480.

19. Kohonen T., Oja E., Simula O. et al. Engineering applications of the self-organizing map // Proceedings of the IEEE. Oct. 1996. V. 84. № 10. P. 1358–1384.

20. Кохонен Т. Самоорганизующиеся карты. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2008. 655 с.

21. Chen N., Chen L., Ma Y., Chen A. Regional disaster risk assessment of China based on self-organizing map: Clustering, visualization and ranking // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2019. № 33. P. 196–206.

22. Kaufman L., Rousseeuw P. Finding groups in data: An introduction to cluster analysis. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2005. 342 p. http://dx.doi.org/10.1002/9780470316801.ch1.analysis.

23. Блануца В.И. Стратегия развития искусственного интеллекта в России: потенциальное воздействие на региональную экономику // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 61–66.

24. Земцов С.П. Потенциал создания и внедрения технологий искусственного интеллекта в регионах России // Региональные исследования. 2024. № 1 (83). С. 34–47.

25. Гафаров Ф.М., Галимянов Ф.М. Искусственные нейронные сети и приложения. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 121 с.

26. Болдыревский П.Б., Игошев А.К., Кистанова Л.А. Кластерный анализ и нейросетевое моделирование динамики индекса промышленного производства обрабатывающей промышленности России // Экономический анализ: теория и практика. 2019. Т. 18. № 11. С. 2158–2172.

27. Ильичев В.Ю., Вершинин Е.В., Денисенко М.С. Использование методов нейросетевого анализа для оценки проектных рисков // Нанотехнологии: наука и производство. 2024. № 5. С. 42–48.

28. Никифорова Н.А. Анализ состояния нейросетевых моделей в различных сферах их применения // Экономические науки. 2023. № 221. С. 260–264.

29. Петрова О.А. Применение нейросетевого моделирования для анализа эффективности принятия бизнес-решений // Russian Journal of Management. 2024. V. 12. № 3. P. 323–329.

NEURAL NETWORKS IN THE ANALYSIS OF INNOVATION ACTIVITY AND TECHNOLOGICAL LEADERSHIP AS FACTORS OF PROGRESSIVE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

***Yu.O. Plekhova*[1], *V.I. Perova*[1], *M.A. Bogomolova*[1], *A.A. Leontieva*[2]**

[1] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2] Proton Company, Nizhny Novgorod

The purpose of the scientific work is to study the sustainable innovative development of the regional economy and technological leadership in the context of the national development goals of the Russian Federation using their

own rational method developed by the authors. The basis of this method is self–organizing neural networks, a signifycant component of artificial intelligence. The authors built a neural network on the platform of the domestic Loginom software product, which differentiated the subjects of the Russian Federation into eight stable groups in accordance with thirteen statistical regional indicators. The cluster solution was analyzed, the distribution of regions by cluster formations was obtained from the standpoint of their innovative development and technological leadership, and the level of innovative economic activity of subjects on a cluster scale was assessed. The originality of the research lies in the development and architecture of a set of criteria that are combined into two blocks. The first block includes seven indicators that characterize a sustainable innovative economy. The second block contains six factors describing technological leadership. The results of the work may be of interest in correcting management decisions on the formation of relevant strategies for the innovative development of the economy of the regions of the Russian Federation. This is especially important in modern competitive conditions and the challenges of external circumstances when solving the task of strengthening technological leadership in the context of national goals of the state.

Keywords: subjects of the Russian Federation, sustainable innovative economy, technological leadership, innovation, digital transformation, cluster analysis, artificial intelligence, neural networks, Loginom.

УДК 658.8:004
DOI 10.52452/18115942_2026_3_75

МАРКЕТИНГОВЫЕ РЕШЕНИЯ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СРЕДЕ «1С:ПРЕДПРИЯТИЕ»

© 2026 г. ***П.С. Салмин, Н.А. Салмина, А.В. Куликова***

Салмин Павел Сергеевич, к.э.н., доц.; доцент кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
salmin@bk.ru
Салмина Наталья Александровна, к.э.н., доц.; доцент кафедры менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
salmina_nataly@mail.ru
Куликова Алевтина Валерьевна, к.э.н., доц.; доцент кафедры информационных технологий и инструментальных методов в экономике Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kulal_ch@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.06.2026
Статья принята к публикации 28.07.2026

На основе анализа текущей практики внедрения ИИ в маркетинговую деятельность приведено обоснование необходимости интеграции больших языковых моделей в корпоративные информационные системы. Целью исследования является автоматизация разработки маркетинговых решений с использованием GigaChat, OpenRouter и других нейросетей в качестве внешнего источника информации для заполнения таблиц баз данных в среде «1С:Предприятие». В работе использованы методы объектно-ориентированного программирования в среде «1С:Предприятие», API-интеграции с внешними нейросетевыми сервисами, а также эмпирическое тестирование полученных модулей на данных предприятий общественного питания. Предложен и программно реализован подход к встраиванию генеративных нейросетей непосредственно в бизнес-логику платформы «1С:Предприятие» без использования промежуточного ПО, с сохранением полного контекста учетных данных. Описан процесс программирования подключения к большим языковым моделям непосредственно из конфигурации рассматриваемой платформы. Представлены элементы модулей и программного кода такого подключения и объекты информационной базы, для которых они создавались. Предложенное решение использования ИИ для выполнения маркетинговых функций было впервые разработано и опробовано при помощи расширения для типовой конфигурации «1С:Управление нашей фирмой» для предприятий общественного питания. В результате применение разработанного расширения дает возможность автоматического заполнения отдельных реквизитов справочников при помощи внешних нейросетей, реализации встроенного чат-бота для уточнения пользовательских запросов, что позволяет значительно ускорить рутинные процессы, такие как маркетинговое описание товара, получение рекламных изображений, рыночных цен на товары и т.п., средствами платформы «1С:Предприятие».

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронная сеть, большая языковая модель, маркетинговые решения, платформа «1С:Предприятие», интерфейс программирования приложений, промпт, GigaChat, OpenRouter.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ), как инструмент, облегчающий решение всевозможных задач, уже довольно долго входит в нашу повседневную жизнь [1–12]. В первую очередь, это большие языковые модели (БЯМ, или LLM, Large Language Models), позволяющие осуществить быстрый перевод с одного языка на другой, составить типовой контракт, написать статью или быстро получить описание того или иного предмета и явления. Кроме того, нейросети научили решать и более сложные задачи, такие как транскрибация (распознавание речи), визуальное определение образов, принятие эффективных решений в различных отраслях человеческой деятельности и т.п.

Обучение нейросетей, постановка и формализация нужных запросов к LLM и другим моделям искусственного интеллекта требует все

больше различных ресурсов, а главное – понимания, как всем этим пользоваться, и определенной визуализации таких запросов. Существенным фактором эффективности взаимодействия с LLM становится грамотная постановка и формализация запросов, включая чёткое определение контекста, ограничений и критериев оценки результата [13, 14].

Направления применения ИИ в маркетинговой деятельности

Анализ текущей практики внедрения искусственного интеллекта в российском бизнесе и государственном секторе [1–6, 8–12] наглядно демонстрирует, что маркетинг выступает безусловным лидером по интенсивности использования ИИ. Фактические данные подтверждают этот тезис: в 2024 году свыше половины (51.6%) российских организаций, уже интегрировавших ИИ в операционные процессы, сосредоточили свои усилия именно на маркетинге и продажах [11]. Такой фокус не случаен – он отражает стратегический выбор компаний в пользу решений с наиболее быстрой и измеримой отдачей. Наиболее масштабное внедрение ИИ наблюдается в таком направлении маркетинговой деятельности, как разработка контента: технология стала частью регулярных процессов 40% предприятий, а ещё 51% успешно интегрировали её в отдельные рабочие сценарии [12].

На основе анализа актуальной практики и научной литературы [2–5, 8] можно выделить следующие ключевые направления применения ИИ в маркетинговой деятельности.

– *Сегментация аудитории.* Кластеризация на основе нейросетевых алгоритмов позволяет выявлять скрытые закономерности в поведении аудитории, которые не очевидны при традиционной демографической сегментации. Особое значение приобретает прогнозирование вероятности оттока для своевременного запуска удерживающих мероприятий.

– *Прогнозирование сбыта.* Обрабатывая с помощью ИИ большие массивы данных из CRM-систем и информацию из внешних источников, маркетологи успешно прогнозируют объем продаж на разных сегментах рынка.

– *Генерация идей новых продуктов.* Инструменты ИИ способны анализировать большие массивы неструктурированной информации: отзывы на маркетплейсах, комментарии в социальных сетях, поисковые запросы, обращения в службу поддержки. На основе выявленных неудовлетворенных потребностей клиентов нейросети могут генерировать предложения о характеристиках, функциях и дизайне будущих конкурентоспособных продуктов.

– *Оптимизация ценообразования.* ИИ позволяет эффективнее реализовывать стратегии динамического ценообразования, учитывающие уровень спроса, цены конкурентов, остатки товаров на складе и множество других факторов.

– *Генерация контента.* Это направление связано с созданием текстов, изображений и видеоматериалов, что актуально для осуществления эффективных маркетинговых коммуникаций. Применение генеративных моделей позволяет автоматизировать наполнение карточек товаров, создание постов для социальных сетей и т.п.

– *Персонализация маркетинговых коммуникаций.* Использование нейросетей для анализа цифровых следов пользователя (история покупок, поведение на сайте) дает возможность адаптировать маркетинговый контент к специфическим запросам разных сегментов рынка, персонализировать предложения практически для каждого клиента.

– *Управление имиджем.* Более эффективный и оперативный анализ тональности отзывов и упоминаний в социальных сетях с помощью ИИ позволяет оперативно отслеживать имиджевые риски.

– *Автоматизация клиентского сервиса.* Внедрение чат-ботов и голосовых ассистентов позволяет осуществлять круглосуточную поддержку клиентов. При этом обеспечиваются мгновенные ответы на часто задаваемые вопросы; происходит обработка типовых запросов без участия человека; осуществляется переадресация сложных обращений к операторам с сохранением контекста диалога.

Таким образом, дальнейшее развитие маркетинговой деятельности безусловно связано с применением технологии искусственного интеллекта.

Решение рутинных маркетинговых задач является самым востребованным направлением использования ИИ. Опрос директоров по маркетингу российских организаций [12] показал, что генеративный ИИ используют 93% компаний, однако только треть из них достигли полноценной системной интеграции решения в свои бизнес-процессы. Следовательно, внедрение технологии ИИ в корпоративные информационные системы представляет собой перспективное направление повышения конкурентоспособности бизнеса, требующее дальнейшего научно-практического осмысления. Поэтому рассмотрим некоторое множество решений, связанных с

использованием LLM в экономических управленческих информационных системах (ЭУИС), разработанных на платформе «1С:Предприятие», как наиболее востребованной СУБД в России на данный момент [15].

Задачи написания тех или иных текстов, перевод, поиск контрагентов, цен на те или иные товары, загрузка изображений, карт, адресов и тому подобной информации сегодня вполне успешно осуществляются при помощи различных web-сервисов, реализованных, как правило, в виде интернет-сайтов, информацию с которых, в свою очередь, мы получаем посредством web-браузеров, у многих из которых уже встроен функционал для использования нейросетей в решении перечисленных задач. Но использование браузера зачастую бывает ограничено, как минимум временем на поиск нужной информации и неудобством ее переноса из одной информационной системы в другую. Часто при работе в типовой конфигурации «1С» возникает необходимость в получении маркетингового (рекламного) описания товаров, хранящихся в таблицах информационной базы (ИБ). Как правило, это справочник «Номенклатура», предназначенный для унификации и хранения условно-постоянной (статической) информации о товарах, произведенной продукции, материалах и полуфабрикатах, работах и услугах. Очевидно, что попытки самостоятельно придумать и описать каждую номенклатурную позицию приведут к существенным затратам времени и других ресурсов, даже с использованием нейросетей вне самой ИБ. Поэтому реализуем некоторые подходы и методы [16], позволяющие получать нужную информацию с помощью ИИ, без выхода из интерфейса «1С:Предприятия» для решения этой и подобных задач.

Таким образом, *исследование ставит своей целью замещение рутинных операций по наполнению баз данных «1С:Предприятие» маркетинговой информацией посредством запросов к большим языковым моделям для обеспечения автоматизированной поддержки принятия маркетинговых решений в среде «1С:Предприятие».* В отличие от существующих решений, требующих выгрузки/загрузки данных из разных информационных систем, предлагаемое авторами расширение базируется на нативной интеграции непосредственно в коде конфигурации. Благодаря этому достигается: функционирование в реальном масштабе времени; безусловное соблюдение прав доступа и ролевой модели платформы «1С»; простота тиражирования через механизм расширений без вмешательства в ядро. Разработанный подход применим к любым конфигурациям «1С:Предприятие», где необходима автоматизация наполнения баз данных и принятия маркетинговых решений.

Генерация маркетингового контента с применением ИИ в среде «1С:Предприятие»

Рассмотрим разработку дополнительного функционала для предприятия общественного питания (ресторана, кафе) на базе типовой конфигурации «1С:Управление нашей фирмой» (УНФ). С помощью него можно решить важную маркетинговую задачу – разработку эффективного маркетингового контента.

Для того чтобы не нарушать структуру типовой конфигурации УНФ, воспользуемся механизмом расширений, позволяющим в том числе реализовывать и многие другие задачи [17]. Поскольку в УНФ уже присутствует справочник «Номенклатура», мы его просто заимствуем в расширение и можем полностью использовать функционал, заложенный разработчиком. Аналогичным образом заимствуются другие объекты, доступ к которым потребуется в процессе доработки функционала. Здесь можно было бы в заимствованный справочник просто добавить дополнительный реквизит – «Маркетинговое описание» или любой другой и работать уже с ним. Однако предметная область нашей задачи включает и другие процессы. Поэтому в расширении был создан справочник «Меню», подчиненный другому справочнику «Виды меню».

Забегая вперед, конечный вид элемента разработанного справочника, позволяющего использовать для его заполнения нейросети, выглядит следующим образом (рис. 1).

На этой форме обращение к LLM программируется командами «Сгенерировать описание» и «Нарисовать». Полученные результаты сохраняются в ИБ, и очевидно, что такое описание может потребоваться для всех или отдельно выбранных номенклатурных позиций. Эта задача также реализуется средствами платформы, что, соответственно, может значительно упростить процесс заполнения данного справочника.

В целом обращение к языковым моделям осуществляется через интерфейс программирования приложений (API, application programming interface), то есть описание способов взаимодействия одной компьютерной программы с другими. Поэтому в конфигураторе сразу создадим необходимые константы: Провайдер, Ключ и Модель (рис. 2).

В этом расширении в основном используется бесплатный ресурс GigaChat, на котором предварительно нужно зарегистрироваться и получить ключ модели. Аналогичным образом можно получить доступ и к другим LLM, таким как OpenRouter, OpenAI, Ollama и др.

В приложении значение константы получаем при помощи серверной функции «Получить значение константы» (рис. 3).

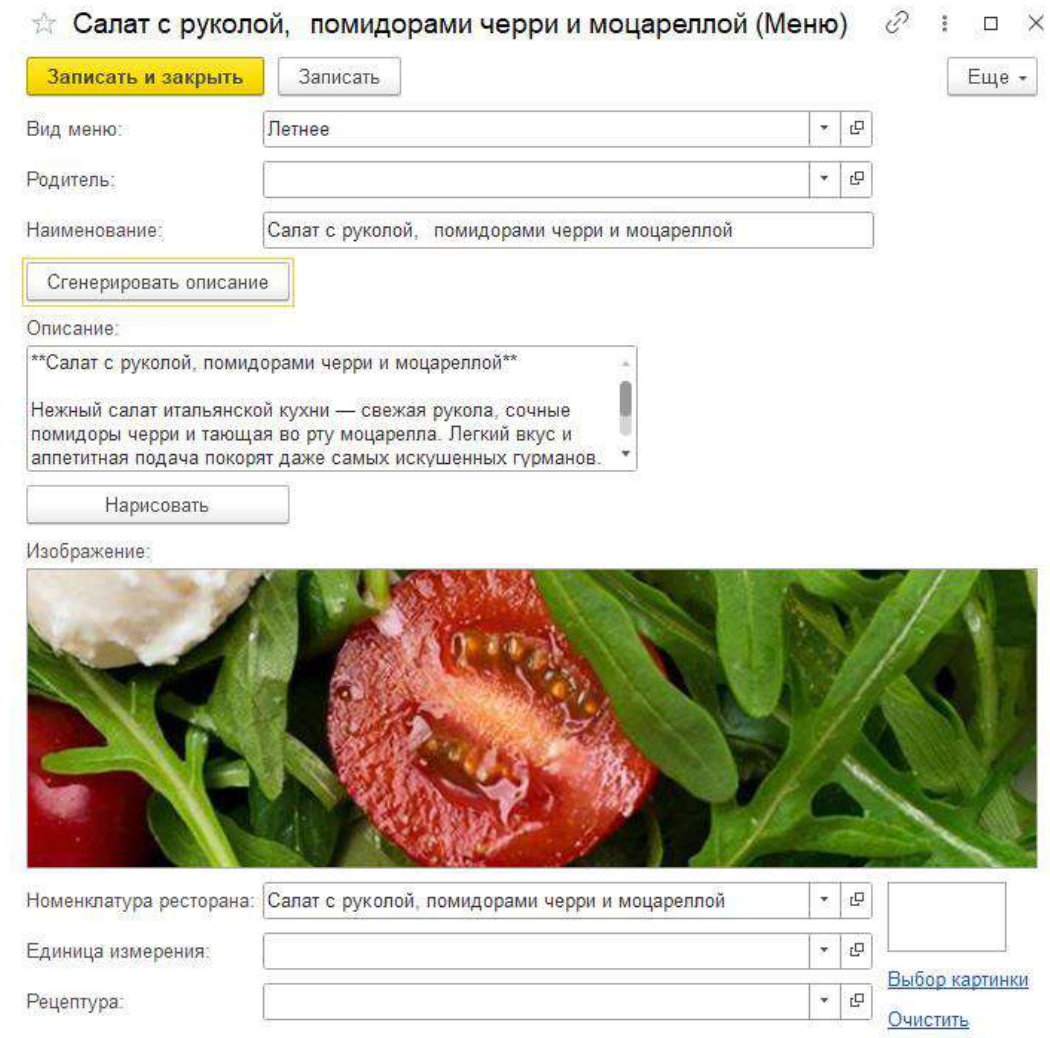

Рис. 1. Пример формы, заполненной с использованием нейросети GigaChat (разработано авторами)

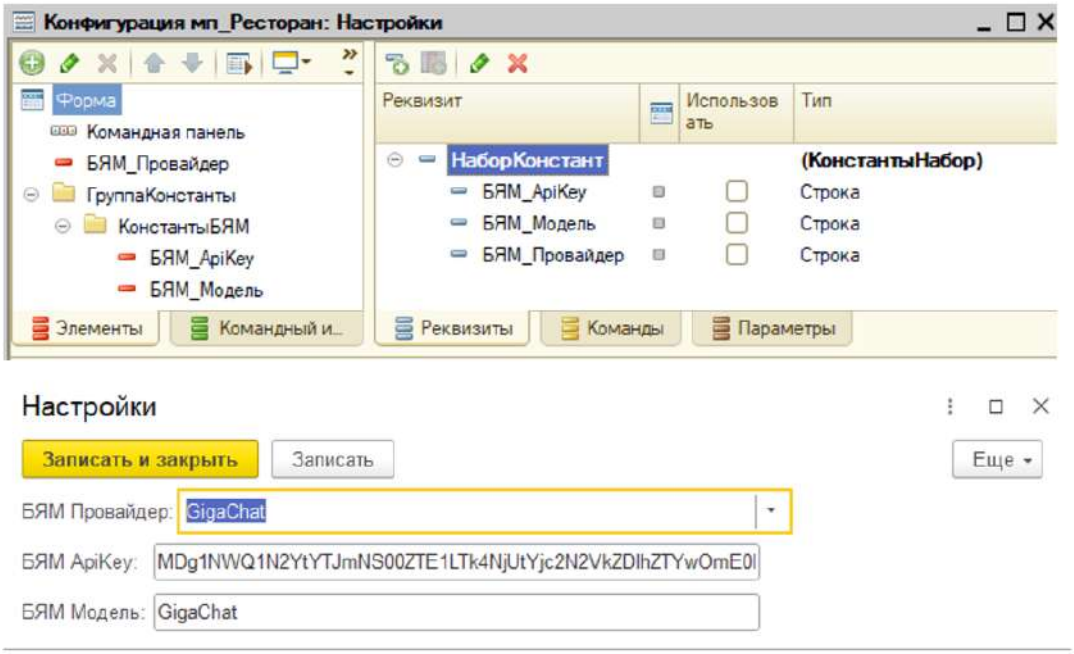

Рис. 2. Общая форма набора констант «Настройки» (разработано авторами)

```
Функция ПолучитьЗначениеКонстанты(ИмяКонстанты)
    Значение = "";

    Если ИмяКонстанты = "БЯМ_ApiKey" Тогда
        Значение = Константы.БЯМ_ApiKey.Получить();
    ИначеЕсли ИмяКонстанты = "БЯМ_Модель" Тогда
        Значение = Константы.БЯМ_Модель.Получить();
    ИначеЕсли ИмяКонстанты = "БЯМ_Провайдер" Тогда
        Значение = Константы.БЯМ_Провайдер.Получить();
    КонецЕсли;
```

Рис. 3. Фрагмент функции «Получить значение константы» (разработано авторами)

```
&НаКлиенте
Процедура СгенерироватьОписание(Команда)
    APIKey = ПолучитьЗначениеКонстанты("БЯМ_ApiKey");
    Модель = ПолучитьЗначениеКонстанты("БЯМ_Модель");
    БЯМ_Провайдер = ПолучитьЗначениеКонстанты("БЯМ_Провайдер");

    Если Не APIKey = "" И Не Модель = "" И Не БЯМ_Провайдер = "" Тогда

        Промт = "Создай краткое (не более 300 символов), маркетинговое описание для блюда национальной кухни: {1}.
        |Исключи из текста специальные символы, не относящиеся к тексту описания";
        Промт = СтрЗаменить(Промт, "{1}",Объект.Наименование);

        СообщениеБЯМ = Новый Структура();
        СообщениеБЯМ.Вставить("role", "user");
        СообщениеБЯМ.Вставить("content", Промт);

        ПараметрыБЯМ = мп_БЯМ.Инициализировать_БЯМ(БЯМ_Провайдер, Модель, APIKey);

        ОтветБЯМ = мп_БЯМ.ВыполнитьЗапрос_БЯМ(ПараметрыБЯМ, СообщениеБЯМ);

        Объект.Описание = ОтветБЯМ.message.content;

    КонецЕсли;

КонецПроцедуры
```

Рис. 4. Листинг процедуры «Сгенерировать описание» (разработано авторами)

Команда «Сгенерировать описание» выполняется на стороне «Клиента» и сначала получает значения констант. Далее формируется текст запроса к модели и подставляется описание в реквизит формы (рис. 4).

Инициализация и получение результата запроса реализуется в общем модуле «мп_БЯМ», где в названии «мп» – это префикс расширения (изначально ставилась задача разработки интерфейса мобильного приложения для мобильного клиента «1С» [18]), а БЯМ – большая языковая модель, о чем было сказано выше.

В функции инициализации задаются параметры большой языковой модели в виде структуры и возвращаются в функцию запроса к LLM. Так как GigaChat при основном запросе использует не ApiKey, а AccessToken, который имеет время жизни 30 минут, перед каждым запросом его необходимо обновлять. В результате код обращения к LLM GigaChat для генерации изображения представляет собой процедуру, отправляющую в общий модуль параметры http-запроса, представленного на рисунке 5.

Сохранение в информационной базе рисунков реализуется стандартными процедурами «Перед записью на сервере» и «При создании на сервере» с функционалом для работы с двоичными данными.

Предложенное решение позволяет понять общий принцип интерфейсных решений работы с большими языковыми моделями. При этом вызывает массу вопросов и формулировку задач, связанных с неопределенностью результатов, получаемых при использовании ИИ. В одном случае нейросеть генерирует изображение 1 (рис. 6), на котором представлен крупный план свежеиспеченного круассана, вызывающего аппетит у потенциального клиента кафе и желание приобрести товар. При повторном запросе нейросеть создает изображение 2 (рис. 6). На картинке также изображен круассан как основной объект запроса. Однако справа от него присутствуют хаотичные текстовые вставки, не несущие смысловой нагрузки. Вместо аппетитного образа покупатель получает визуальный шум, который отвлекает и вызывает раздражение. Визуальные дефекты на втором рисунке делают его малопригодным для коммерческого использования.

Как видно из рисунка 5, основная проблема заключается в формулировке промпта (prompt, запрос) к LLM, который **жестко задан**, «зашит» в программный код. И первое, что нужно сделать,

```
&НаКлиенте
Процедура Нарисовать(Команда)
    APIKey = ПолучитьЗначениеКонстанты("БЯМ_ApiKey");
    Модель = ПолучитьЗначениеКонстанты("БЯМ_Модель");
    БЯМ_Провайдер = ПолучитьЗначениеКонстанты("БЯМ_Провайдер");
    Если Не APIKey = "" И Не Модель = "" И Не БЯМ_Провайдер = "" И НРег(БЯМ_Провайдер) = НРег("GigaChat") Тогда
        ПараметрыБЯМ = мп_БЯМ.Инициализировать_БЯМ(БЯМ_Провайдер, Модель, APIKey);
        ПараметрыБЯМ = мп_БЯМ.ОбновитьТокенДоступаGigaChat(ПараметрыБЯМ);
        // Отправляем запрос на генерацию картинки
        Соединение = Новый HTTPСоединение(ПараметрыБЯМ.хост,ПараметрыБЯМ.порт,,,,ПараметрыБЯМ.безопасное_соединения);
        HTTPЗапрос = Новый HTTPЗапрос(ПараметрыБЯМ.путь);
        HTTPЗапрос.Заголовки = ПараметрыБЯМ.заголовки;
        ТелоЗапроса = Новый Структура();
        ТелоЗапроса.Вставить("function_call", "auto");
        Если ПараметрыБЯМ.Свойство("модель") Тогда
            ТелоЗапроса.Вставить("model", ПараметрыБЯМ.модель);
        КонецЕсли;
        Промт = "Нарисуй небольшую картинку блюда {1} в формате jpeg или png без фона.
        |Рисунок предназначен для интерфейса Такси 1С:Предприятие,
        |для отображения на форме списка справочника Номенклатура.";
        Промт = СтрЗаменить(Промт, "{1}",Объект.Наименование);
        СообщениеБЯМ = Новый Структура();
```

Рис. 5. Фрагмент листинга процедуры «Сгенерировать рисунок» (разработано авторами)

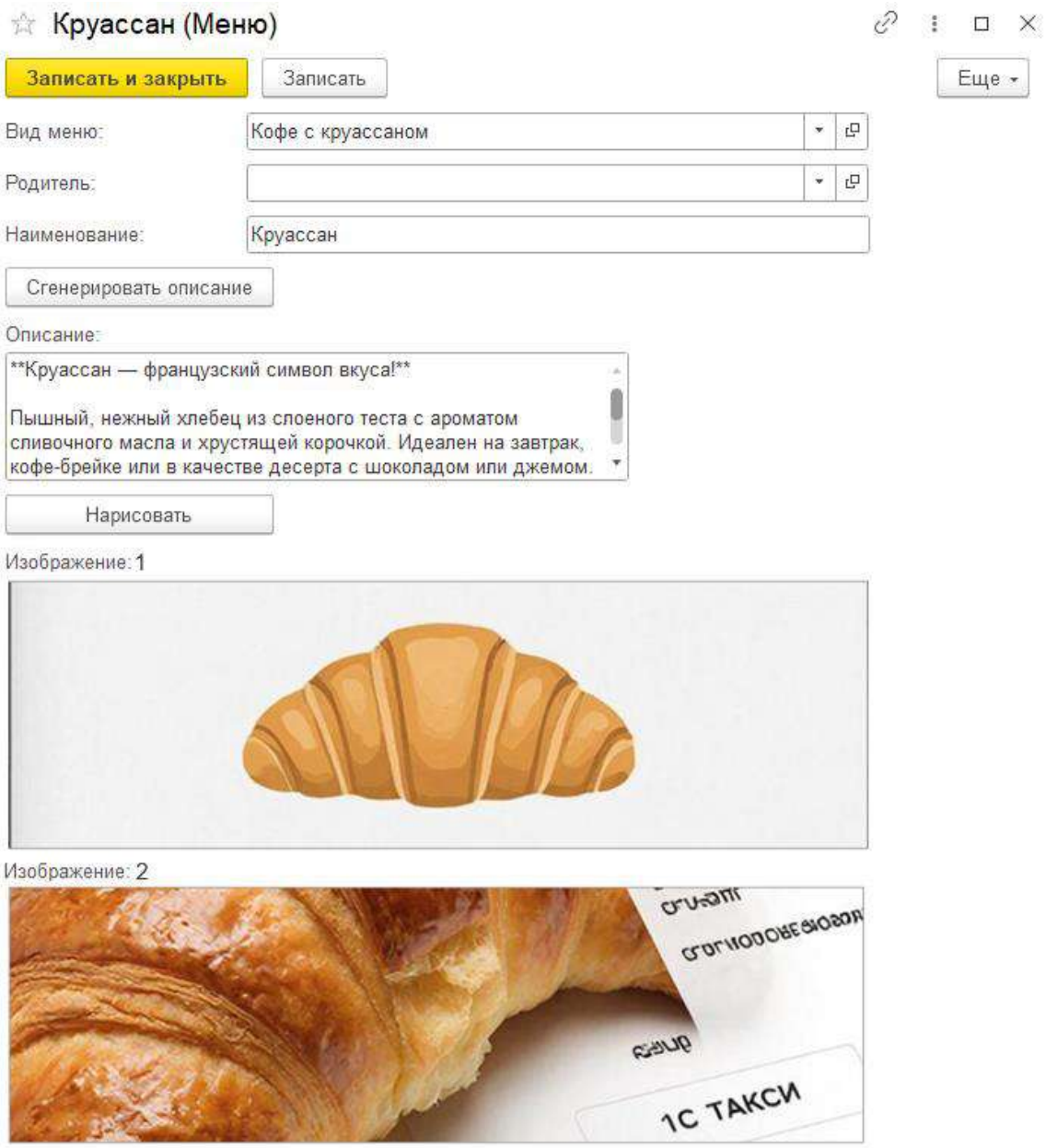

Рис. 6. Примеры формы и вариантов изображений, сгенерированных нейросетью GigaChat (разработано авторами)

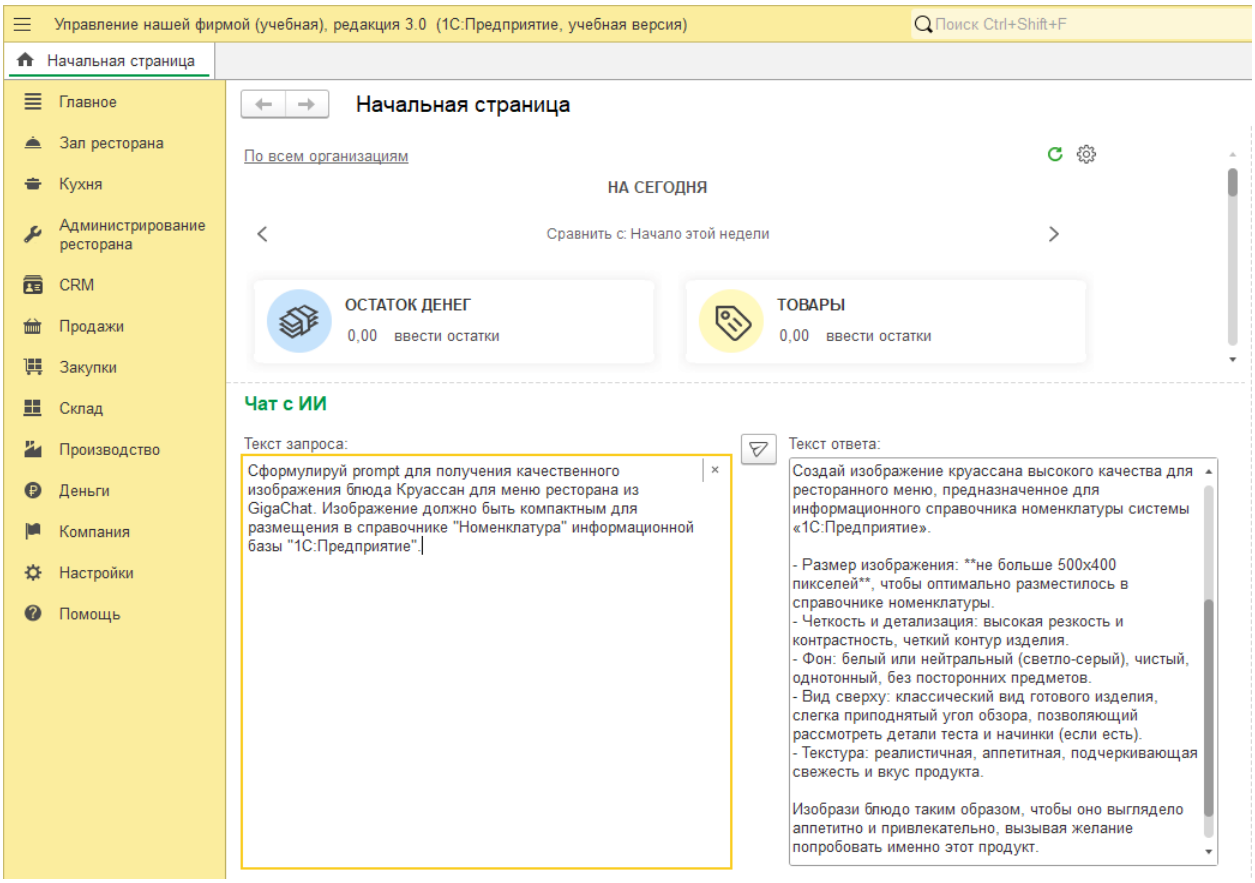

Рис. 7. Чат с искусственным интеллектом в расширении УНФ (разработано авторами)

это создать объект, в самом простом случае справочник, с набором промптов, необходимых для более точной формулировки запросов к ИИ. Эту задачу тоже довольно просто реализовать средствами рассматриваемой платформы. Но сами тексты запросов тоже нужно как-то сформулировать для получения нужного результата. Для решения этой задачи в разрабатываемом расширении реализован функционал чат-бота, позволяющего задавать вопросы и получать ответы непосредственно в управляемом приложении «1С». Результат работы бота приведен на рисунке 7.

Хотя изображение получилось довольно качественным (рис. 8), здесь тоже возникают проблемы формализации описания различных номенклатурных позиций, которые также решаются настройкой реквизитов соответствующих объектов системы.

Если наименование номенклатурной позиции уже формализовано в соответствующем справочнике, то подробная параметризация запроса хуже поддается формализации. Вид, фон и четкость можно использовать в виде констант, а вот описание отдельных элементов изображения формализовать довольно сложно (необходимо использовать рецептуру). Чтобы нивелировать эту проблему, можно использовать текст запроса в качестве формирования запроса, который в свою очередь представляет собой реквизит какого-то объекта (справочника промптов или непосредственно реквизита справочника «Меню»).

Рис. 8. Изображение, сгенерированное нейросетью GigaChat по промпту, сформулированному с помощью той же нейросети (разработано авторами)

Предложенное решение практической задачи автоматизации генерации маркетингового контента для предприятия общественного питания с применением искусственного интеллекта легко адаптируется для других задач:

– генерация описаний для любых справочников (контрагенты, товары, услуги);

– автоматический перевод характеристик на иностранные языки;

– поиск и верификация данных по контрагентам через внешние API.

Заключение

В конечном итоге реализованный проект позволяет формировать актуальное меню в режиме реального времени и экономить время на решение таких задач, как описание, создание изображений и печатных форм, не только в рассматриваемой предметной области общественного питания, но и в любых других ЭУИС. В данном проекте также были решены задачи перевода с одного язык на другой, определения средних цен на номенклатурные позиции в заданном регионе. Разработанное приложение позволяет решать и другие, связанные с описываемыми задачи использования существующих нейросетей непосредственно из приложений, созданных на платформе «1С:Предприятие».

В ходе разработки были выявлены следующие преимущества и недостатки использования больших языковых моделей непосредственно из приложений, такого функционала не имеющих (в данном случае расширения для УНФ). Преимущества общего плана заключаются в увеличении скорости получения качественной информации из внешних источников без использования других приложений (веб-браузеров). Положительным моментом также является возможность выполнения рутинных операций по заполнению справочников, выполнению языковых переводов, получению других данных по «нажатии кнопки», непосредственно в открытой информационной базе. Основным недостатком, по мнению авторов, является неоднозначность результатов запросов к БЯМ, возникающая из-за сложности формулировки промптов и несовершенства самих моделей LLM.

Представленное решение, основанное на механизме расширений, гибком управлении промптами через справочники и встроенном чат-боте для формулировки запросов, не только обеспечивает эффективное наполнение информационной базы качественным текстовым и графическим материалом, но и обладает свойством масштабируемости: её архитектура позволяет адаптировать решение для широкого круга задач экономических управленческих информационных систем – от генерации описаний товаров и услуг до автоматического перевода, поиска данных о контрагентах и загрузки внешней информации, сохраняя при этом единый пользовательский интерфейс и минимизируя ручной труд.

Таким образом, проведенное исследование показало, что ИИ успешно справляется со многими рутинными задачами в маркетинге. Его применение возможно на других платформах, кроме типовых веб-браузеров. Грамотное использование функционала LLM на основе API может значительно расширить функционал приложений, разработанных на платформе «1С:Предприятие», и повысить их эффективность. Следовательно, интеграция технологии ИИ в корпоративные информационные системы, в т.ч. на базе платформы «1С:Предприятие», представляет собой стратегическое направление цифровой трансформации бизнеса. Это не только автоматизирует рутинные процессы, но и позволяет принимать более обоснованные маркетинговые решения, повышая конкурентоспособность российских компаний в динамично меняющихся рыночных условиях.

Список литературы

1. Аббасова Т.С. Особенности регулирования искусственного интеллекта в российской экономике // Вопросы региональной экономики. 2025. № 3 (64). С. 3–10.

2. Берджесс Э. Искусственный интеллект – для вашего бизнеса: Руководство по оценке и применению: практическое руководство. М.: Интеллект. Лит., 2026. 232 с. URL: https://znanium.ru/catalog/product/2235395 (дата обращения: 06.02.2026). Режим доступа: по подписке.

3. Бережной В.В., Балашова Ю.Г. Анализ применения искусственного интеллекта в экономике современной России // Инновационная экономика и общество. 2025. № 4 (50). С. 2–8.

4. Биттиев М.Х., Маянцев В.С., Мурзин С.А. Влияние внедрения искусственного интеллекта на экономику компаний // Прогрессивная экономика. 2025. № 5. С. 106–116.

5. Дейвенпорт Т. Внедрение искусственного интеллекта в бизнес-практику: Преимущества и сложности: практическое руководство. М.: Альпина Паблишер, 2026. 320 с. URL: https://znanium.ru/catalog/product/2235397 (дата обращения: 05.02.2026). Режим доступа: по подписке.

6. Иванов Н.В., Марков С.Н. Искусственный интеллект в разных отраслях экономики / // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 5-1. С. 126–133.

7. Какие страны лидируют по уровню внедрения ИИ. Карта. URL: https://clck.ru/3SfbKK (дата обращения: 18.02.2026).

8. Куликова Е.С. Внедрение искусственного интеллекта в маркетинговые стратегии агропредприятий // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 2-2. С. 204–212.

9. Овсянникова А.В., Иконников А.В. Автоматизация и искусственный интеллект как факторы трансформации бизнес-процессов в условиях платформен-

ной экономики. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88968346 (дата обращения: 16.02.2026).

10. Сибгатуллина Л.М., Раджабов О.Р., Магомедов И.А. Роль искусственного интеллекта в стимулировании инновационного роста и конкурентоспособности национальной экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 6. № 12 (164). С. 193–201.

11. Технологии искусственного интеллекта используют 6% организаций в России. URL: https://clc.li/WqEvq (дата обращения: 14.02.2026).

12. 93% команд в маркетинге используют ИИ: нейросети помогают с контентом – но им почти не доверяют стратегию и бюджеты. URL: https://clck.ru/3SfbF6 (дата обращения: 18.02.2026).

13. Кузьменко О.В. Промптология. Искусство диалога с нейросетями: Научно-популярное издание. М.; Вологда: Инфра-Инженерия, 2025. 224 с. URL: https://znanium.ru/catalog/product/2225347 (дата обращения: 11.02.2026). Режим доступа: по подписке.

14. Халилов Д. ChatGPT на каждый день: 333 промта для бизнеса и маркетинга: практическое руководство. М.: Альпина Паблишер, 2026. 312 с. Текст: электронный. URL: https://znanium.ru/catalog/product/2236888 (дата обращения: 12.02.2026). Режим доступа: по подписке.

15. Рынок «1С»: динамика и драйверы. URL: clck.ru/3SfcqH (дата обращения: 18.02.2026).

16. Возможности интеграции «1С» и нейронных сетей для разработок интеллектуальных систем поддержки принятия решений / В.А. Кваша, Е.В. Ламова, Е.И. Воеводина [и др.] // Мягкие измерения и вычисления: научный журнал. 2023. Т. 73, № 12. С. 82–89.

17. Салмин П.С. Реализация управления отдельными бизнес-процессами при помощи расширений на платформе «1С:Предприятие» // Цифровые технологии и информационная безопасность бизнес-процессов: Сб. науч. ст. Нижний Новгород, 2022. С. 129–134.

18. Салмин П.С. Архитектура мобильных приложений на платформе «1С:Предприятие» // Актуальные проблемы управления: Сб. науч. ст. по итогам IX Всероссийской научно-практической конференции (14 ноября 2022 г.). Электронное издание. Нижний Новгород, 2023. С. 201–203.

MARKETING SOLUTIONS BASED ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE 1C:ENTERPRISE ENVIRONMENT

P.S. Salmin, N.A. Salmina, A.V. Kulikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Based on an analysis of current practices for implementing AI in marketing activities, a rationale is provided for the need to integrate large language models into corporate information systems. The aim of the study is to automate the development of marketing solutions using GigaChat, OpenRouter, and other external sources of information for populating 1C:Enterprise database tables. The paper utilizes object-oriented programming methods in the 1C:Enterprise environment, API integration with external neural network services, and empirical testing of the resulting modules using data from catering establishments. An approach to embedding generative neural networks directly into the business logic of the 1C:Enterprise platform without the use of middleware, while preserving the full context of account data, is proposed and implemented. The process of programming connections to large language models directly from the platform's configuration is described. The elements of the modules and program code for such connections, as well as the database objects for which they were created, are presented. The proposed solution for using AI to perform marketing functions was first developed and tested using an extension for the standard «1C:Managing Our Company» configuration for catering establishments. As a result, the developed extension enables the automatic populating of individual directory details using external neural networks and the implementation of a built-in chatbot for refining user queries. This significantly accelerates routine processes, such as creating product marketing descriptions, obtaining advertising images, obtaining market prices for goods, etc., using the 1C:Enterprise platform.

Keywords: artificial intelligence, neural network, large language model, marketing solutions, 1C:Enterprise platform, application programming interface, prompt, GigaChat, OpenRouter.

УДК 005.95
DOI 10.52452/18115942_2026_3_84

ДИНАМИЧЕСКАЯ УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ЭКОСИСТЕМА КАК МЕТОД ОЦЕНКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

© 2026 г.

В.В. Семенихин, И.В. Гуськова

Семенихин Владимир Викторович, аспирант кафедры управления человеческими ресурсами Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
wheel83@mail.ru
Гуськова Ирина Владимировна, д.э.н., проф.; профессор кафедры управления человеческими ресурсами Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
guskova545@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.06.2026
Статья принята к публикации 31.07.2026

Рассматриваются предложения по созданию и применению метода оценки управленческих компетенций «Динамическая управленческая экосистема». Обоснована актуальность использования данного метода, описана его общая концепция, решаемые задачи, содержание и структура. Цель работы – проанализировать возможность применения данного инструмента оценки управленческих компетенций в составе системы корпоративной подготовки управленческих кадров (далее – СКП), выявить его сильные и слабые стороны. В качестве методов исследования были применены работа с источниками, обобщение информации, сравнительный анализ. Проведены междисциплинарные изыскания в таких областях, как нейроменеджмент и цифровизация бизнес-процессов. Рассмотрены инновационные управленческие инструменты, в частности применение искусственного интеллекта. Информационной основой для сбора эмпирических данных послужила СКП организации оптовой торговли крупного сегмента бизнеса, а также экспертные отраслевые публикации и интервью. В результате исследования выявлена оптимальная структура и содержание описываемого метода, его место в СКП и взаимосвязь с её элементами, дан прогноз эффективности применения. Выводом работы является обоснование целесообразности практического применения данного инструментария оценки управленческих компетенций менеджмента для пополнения методического арсенала, используемого в областях управления знаниями и человеческими ресурсами, а также необходимость дальнейшей теоретической разработки этой области исследования.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, управление знаниями, динамические компетенции, нейроменеджмент, оценка компетенций, управленческая экосистема, управленческая конкурентоспособность, турбулентность экономики, цифровизация бизнеса.

Введение

В настоящее время условия, сложившиеся в мировом хозяйствовании, предъявляют повышенные требования к управлению человеческими ресурсами. Это обусловлено наличием факторов неопределённости и кризисогенности, которые оказывают влияние на деятельность хозяйствующих субъектов, в том числе и в отраслях отечественной экономики, создавая т.н. турбулентную среду [1, с. 31]. Для обеспечения вектора стабильного развития Российской Федерацией был взят курс на экономическую суверенизацию, технологическое лидерство и подготовку качественно нового управленческого аппарата для различных уровней власти и бизнеса [2].

Базовые знания и умения будущие управленцы получают в процессе освоения программ бакалавриата и магистратуры соответствующих специальностей вузов, ориентированных в первую очередь на фундаментальное «академическое образование». Несмотря на наметившуюся в последнее время тенденцию к практико-ориентированности высшего профессионального образования (проектные методы подготовки, кластерный подход и т.д.), введение управленца в специальность, должность и формирование управленческих компетенций, обеспечивающих его конкурентоспособность, являются прерогативой работодателя. Для этого хозяйствующими субъектами разрабатываются как отдельные программы обучения персонала, так и целые системы корпоративной подготовки, которые являются уже стратегическим инструментом управления человеческими ресурсами [3, с. 79].

Одним из главных принципов СКП является индивидуализация, т.е. формирование ин-

дивидуальных треков подготовки с учётом выявленных компетентностных дефицитов, что, в свою очередь, обусловливает наличие соответствующих инструментов оценки [4, с. 45]. По мнению экспертного сообщества, в условиях изменчивой среды современному управленцу важно обладать широким набором профессиональных компетенций, а его главной парадигмой развития как специалиста должна являться способность к быстрому обучению новому [5]. Данный подход позволит рационально распределять свою профессиональную деятельность и адаптироваться к новым вызовам деловой среды. Также эксперты рынка труда фиксируют возрастание значимости т.н. навыкоцентричности – выбор кандидата не по формальному признаку, отраженному в дипломе об образовании, а по наличию актуальных компетенций. По данным портала hh.ru, в РФ у 30% населения есть диплома вуза и ещё у 45% – диплом СПО, но это не спасает от стремительного устаревания знаний и навыков [6]. Около 60% работодателей отбирают кандидатов на управленческие должности по кейсу компетенций, а 93% организаций отмечают нехватку нужных навыков, даже при высокой конкуренции среди претендентов. В целом рынок труда управленческого персонала, по данным на 2025 – начало 2026 г., характеризуется как высококонкурентный, в связи с его сокращением в 6–7 раз по сравнению с 2024 годом [7].

Таким образом, при формировании профессиональных компетенций в процессе корпоративной подготовки управленческих кадров, с учётом быстро меняющейся экономической среды, возникает потребность в т.н. динамических компетенциях, способных быстро формироваться под запросы текущей ситуации, повышая эффективность руководителя и ключевые компетенции организации на стратегическом уровне. Согласно исследованию А.В. Тебекина [8, с. 77], экономическая динамика порождает проблему организационного развития, что, в свою очередь, приводит к актуализации ключевых компетенций организации как стратегического ресурса (рис. 1).

Подобный подход требует такого же динамического и как можно более всестороннего инструмента оценки. Соответственно, возникает предпосылка к формулированию концепции нового комплексного адаптивного метода оценки управленческих компетенций (динамической управленческой экосистемы, ДУЭ), что и является целью исследования.

Теоретико-методологические подходы

В связи с многоаспектностью вопроса корпоративной подготовки управленческих кадров, и в частности самой ДУЭ, теоретической и методологической основой исследования послужили следующие труды отечественных и зарубежных авторов.

В части теории управления персоналом и человеческими ресурсами:

– теория управления персоналом А.Я. Кибанова [9];

– теории человеческих отношений Э. Мэйо [10] и К. Арджириса [11].

В части формирования набора актуальных компетенций:

– теория компетенций Л. Спенсера и С. Спенсера [12].

В части теории корпоративной подготовки и андрагогики:

– теоретические исследования Ф.Ш. Мухаметзяновой [13], С.И. Змеева [14] и других;

– теория профессионального развития А.А. Деркача [15].

В части особенностей современной подготовки управленческих кадров:

– отраслевые исследования В.В. Семенихина и Ю.А. Крупнова [16].

В части формирования концепции корпоративного обучения и развития:

– идеи системного подхода к обучению персонала и модульных программ Д. Киркпатрика [17], Дж. Филлипса [18], Р. Бринкерхофа [19] и других исследователей.

В части теории нейроменеджмента и нейробиологии:

– теоретические исследования Ю.В. Бабановой [20], А. Енина [21].

В части методологии исследование опирается на системный, компетентностный, процессный, акмеологический и личностно-деятельностные подходы.

Информационно-эмпирическую базу исследования составили материалы профильных научных конференций, научные статьи по тематике исследования, экспертные интервью, а также данные первичного исследования по реализации СКП на базе корпоративных учебных центров и центров компетенций торговой организации, относящейся к крупному сегменту бизнеса оптовых продаж автокомпонентов, её филиальной сети и компаний-партнёров.

При выполнении исследования, несмотря на наличие множества отдельных теоретических подходов к освещению вопросов подготовки персонала, авторами была выявлена низкая сте-

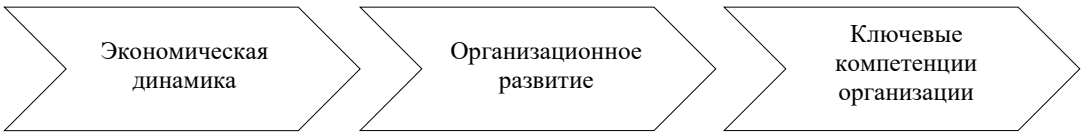

Рис. 1. Динамическое развитие организационных способностей
Источник: составлено авторами на основе [8]

пень проработки проблемы создания современного комплексного инструмента оценки управленческих компетенций в связи с потребностью проведения междисциплинарных изысканий в таких областях, как менеджмент, цифровизация, физиология, психология, педагогика и т.д., что является подтверждением актуальности данной работы.

Результаты

Авторами предлагается к разработке концептуальный метод комплексной оценки управленческих компетенций «Динамическая управленческая экосистема», объединяющий в себе лучшие практики и инновационный подход. Отличительная особенность ДУЭ – в моделировании живой экосистемы управленческих решений с элементами геймификации, нейрофидбэка и предиктивной аналитики. Суть метода заключается в создании динамической среды, где тестируемый (кандидат в руководители, действующий руководитель и т.д.) принимает последовательность взаимосвязанных решений в условиях нарастающей сложности и неопределённости. В ходе испытаний отслеживается не только результат, но и процесс принятия решений, шаблоны поведения и восприимчивость к изменениям.

Рассмотрим структуру метода. ДУЭ состоит из следующих компонентов (рис. 2).

Содержание данных компонентов представляет собой сочетание следующих элементов и действий.

1. *Цифровая симуляция бизнес-среды:*

- виртуальный «двойник» отрасли с реалистичными экономическими, социальными и технологическими параметрами;
- динамически изменяющиеся условия (кризисы, рыночные тренды, регуляторные изменения);
- взаимодействие с ИИ-агентами, имитирующими поведение подчинённых, партнёров, конкурентов.

Назначение данного содержательного блока включает в себя развитие креативного и дизайн-мышления, то есть поэтапный приход к глубинному пониманию сути ситуации, через эмпатию, идентификацию проблемы, рождение идей, моделирование и апробирование путей решения [22, с. 776]. Кроме того, применение ИИ-агентов в целях симуляции социальных ролей является инновационным инструментом подготовки управленцев, т.к. на данный момент основной функционал ИИ в области менеджмента – это анализ, оптимизация и агрегация бизнес-процессов посредством ERP-систем (Enterprise Resource Planning – планирование ресурсов предприятия), CRM-систем (Customer Relationship Management – управление взаимоотношениями с клиентами), СППР (системы поддержки принятия управленческих решений) и т.д. [23, с. 11].

2. *Нейрофизиологический мониторинг:*

- использование носимых устройств (ЭЭГ-гарнитуры, датчики сердечного ритма, трекинг движения глаз);
- фиксация стрессовых реакций, когнитивной нагрузки, эмоциональной вовлечённости в моменты принятия решений.

Данный блок – один из основополагающих, т.к. применение анализа физиологической активности как инструмента оценки управленческих компетенций – главная отличительная черта ДУЭ от схожих методов. Данное решение основывается на нейроменеджменте – перспективной междисциплинарной области знаний на стыке нейробиологии, психологии и менеджмента, изучающей активность головного мозга, функционирование нейронных связей, нервной системы человека в целом и его когнитивные особенности поведения применительно к повышению эффективности управленческой деятельности [24, с. 28; 25, с. 86]. Определяющим успешность управленца является преобладание гемодинамики и нейронной активности префронтальной коры головного мозга (лат. cortex praefrontalis) – т.н. «центра логики» – над его лимбической системой (от лат. limbus – «край») – «центром удовольствий» [26, с. 12]. Удобный для всех участников процесса и достоверный способ нейрофизиологического мониторинга в данном случае – это инновационная разработка отечественных конструкторов, а именно очки с ЭЭГ-датчиками мозговой активности и встроенной нейросетью, позволяющие регистрировать мозговые волны и обрабатывать их в режиме реального времени [27, с. 28].

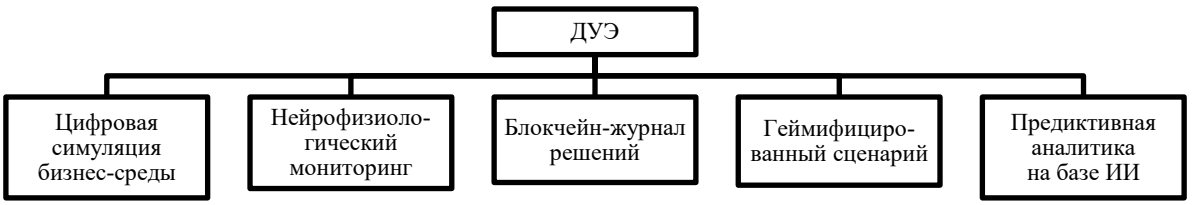

Рис. 2. Компоненты метода ДУЭ
Источник: составлено авторами

3. *Блокчейн-журнал решений:*

- запись каждого управленческого действия в защищённый реестр с метками времени;
- анализ цепочки решений: как ранние выборы влияют на поздние результаты.

4. *Геймифицированный сценарий:*

- сюжетная линия с развитием персонажа-руководителя;
- рейтинговая система за проявление конкретных компетенций;
- «тёмные паттерны» – специально заложенные ловушки для проявления устойчивости к манипуляциям.

При реализации данного блока важно придерживаться следующих условий, желательных для такого процесса, как геймификация, с целью повышения вовлечённости участника [28, с. 68]:

– чёткое и достижимое целеполагание для осознания значимости испытуемым;

– фиксация прогресса и достижений для стимуляции участников;

– внедрение соревновательных элементов для повышения конкурентоспособности;

– информативная обратная связь и прогностичность для прозрачности процесса;

– внедрение иммерсивных механизмов для создания насыщенной эмоциональной среды.

5. *Предиктивная аналитика на базе ИИ:*

- прогнозирование эффективности руководителя в реальных условиях на основе поведенческих паттернов;
- сравнение с эталонными моделями успешных лидеров в аналогичных ситуациях.

В этом блоке важной особенностью является проактивная аналитическая составляющая, позволяющая выстраивать индивидуальные треки подготовки управленца на основе выявленных компетентностных дефицитов.

Исходя из структуры, ДЭУ можно охарактеризовать как гетерогенную киберсоциофизическую систему, основное назначение которой – динамическое ситуационное моделирование для оценки управленческих компетенций (рис. 3).

Важная особенность ДЭУ – моделирование кризисных ситуаций не как нерешаемых задач

Рис. 3. Гетерогенность среды ДЭУ
Источник: составлено авторами

с необратимыми последствиями, а как управляемого события. Контроль за ситуативными изменениями в ходе проверки испытуемого целесообразно осуществлять посредством дашбордов на основе Power BI, где будут отображаться полученные и обобщённые данные связки ИИ-агент – человек. По мнению исследователей, в подобной системе оценки важен не статический анализ какого-либо отрезка, а именно мониторинг динамики данных как ключевое значение, определяющее возможность адаптации к условиям неопределённости. В целом ИИ-аналитические системы и системы т.н. цифровых двойников имеют важное технологическое и инновационное значение для развития российской экономики, что подтверждается рыночными данными (объём отечественного рынка цифровых аналитических продуктов превышает 55 млрд руб.) и выводами Всемирного экономического форума [29, с. 250–254; 30, с. 69; 31, с. 51; 32, с. 233].

Концепция метода, его наполнение и последовательность реализации были разработаны авторами с учётом особенностей внедрения СКП торговой организации, относящейся к крупному бизнесу, на базе ранее проведённого исследова-

ния [33, с. 139]. Алгоритм проведения представляет собой сессию, состоящую из следующих этапов (табл. 1).

При проведении вышеуказанной сессии выявляется степень развитости следующих компетенций (табл. 2).

По итогам сессии производится оценка уровня управленческих компетенций и на её основе выстраиваются дальнейшие индивидуальные треки подготовки, учитывающие выявленные компетентностные дефициты. Дифференциация подготовки возможна по следующим уровням:

– начинающий специалист;
– линейный руководитель (исполнитель);
– опытный профессионал (средний и высший менеджмент);
– лидер (стратег).

Треки подготовки имеют следующее содержание (табл. 3).

Один из вариантов оценки потенциала применения данного метода – при помощи анализа структуры рабочей силы на предмет наличия молодых руководителей и тех, кому в ближайшее время предстоит ими стать (табл. 4).

Таким образом, потенциальная ёмкость целевой аудитории данного метода составляет более 900 тыс. человек только будущих и действующих молодых руководителей. Помимо того, в отечественном народном хозяйстве существует большой административно-управленческий аппарат опытных руководителей, которым так же необходимо повышать квалификацию и поддерживать управленческие компетенции на высоком уровне в рамках программ корпоративной подготовки управленческих кадров. Доказательством этого может служить наличие такого государственного цифрового ресурса, как Президентская платформа «Россия – страна возможностей», в рамках функционирования которой также применяются комплексные цифровые инструменты оценки динамических управленческих компетенций в условиях неопределённости с интегрированными алгоритмами ИИ [34].

Метод ДУЭ планируется использовать как один из элементов системы корпоративной подготовки управленческих кадров для оценки динамики уровня формируемых компетенций у подготавливаемых. Предполагается, что оценка управленческих компетенций будет осуществляться (рис. 4):

– перед началом программы подготовки (определение уровня и, соответственно, трека развития);
– в середине программы (оценка эффективности подготовки и при необходимости её корректировка);
– в конце программы (итоговая аттестация и определение достигнутого уровня управленческих компетенций для перемещения на соответствующую управленческую позицию).

К преимуществам данного метода оценки управленческих компетенций как составной части системы корпоративной подготовки управленческих кадров можно отнести следующее:

– объективность оценки вследствие сочетания нейрофизиологических, когнитивных и цифровых данных;
– прогностический эффект, который достигается при помощи ИИ-симуляции и сценарного моделирования кризисных управленческих ситуаций;
– высокую погруженность и степень участия в процессе оценки самого испытуемого благодаря элементам геймификации;
– адаптивность и индивидуализацию системы оценки для каждого участника метода согласно его специфике и уровню компетенций;
– многоаспектный подход вследствие охвата когнитивных, эмоциональных, поведенческих и этических нюансов управления.

В качестве сложностей реализации данного метода можно отметить:

– значительную прогнозируемую стоимость реализации (для снижения стоимости рекомендуется поэтапное внедрение и концентрация на отдельных блоках/способах оценки);
– техническую сложность метода (при невозможности разработки необходимого программного обеспечения собственными силами предлагается использовать услуги сторонних поставщиков цифровых ресурсов бизнес-симуляции и ИИ-аналитики данных);
– возможность негативного эффекта со стороны потенциальных испытуемых вследствие интерпретации данного метода как инструмента контроля за их деятельностью (рекомендуется снятие возражений путём освещения развивающей функции метода).

Основная целевая аудитория данного метода – руководители, действующие в деловой среде с высокими факторами неопределённости. Наиболее подходящей ДУЭ является для кандидатов с высоким управленческим потенциалом, руководителей проектных групп, высшего менеджмента, т.к. главная особенность метода – не просто фиксация результатов, а способность к прогнозированию развития управленца с длительным горизонтом планирования.

Такой многоаспектный метод, как ДУЭ, требует, в свою очередь, соответствующих инструментов оценки эффективности. Так как в составе метода присутствуют разнородные

Таблица 1

Этапы проведения оценки посредством ДУЭ

Название этапа	Содержание
Этап 1. Базовый замер	• Психометрические тесты (когнитивные способности, эмоциональный интеллект) • Анкетирование ценностей и мотивационных драйверов • Фиксация нейрофизиологического «базового профиля»
Этап 2. Погружение в симуляцию	• День 1. Стабильный режим: решение рутинных задач, делегирование, планирование • День 2. Внезапный кризис: падение продаж, скандал в СМИ, уход ключевого сотрудника • День 3. Долгосрочное стратегическое планирование с учётом макроэкономических трендов • День 4. Переговорный марафон с жёсткими условиями • День 5. Внедрение радикальных инноваций с сопротивлением команды
Этап 3. Анализ данных	• Количественные метрики: выполнение KPI, скорость реакции, точность прогнозов • Качественные паттерны: стиль коммуникации, методы мотивации, гибкость стратегий • Нейромаркеры: уровень стресса, когнитивная нагрузка, эмоциональная устойчивость
Этап 4. Обратная связь и развитие	• Персональный отчёт с визуализацией траектории решений • Видеоразбор критических моментов с комментариями экспертов • Индивидуальный план развития с приоритетными зонами роста • Прогноз эффективности на 1–3 года с учётом выявленных компетентностных дефицитов

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Оцениваемые компетенции по методу ДУЭ

Компетенция	Индикаторы оценки
Стратегическое мышление	• Глубина анализа трендов • Учёт долгосрочных последствий • Диверсификация рисков
Операционное управление	• Оптимизация процессов • Контроль исполнения • Эффективное распределение ресурсов
Эмоциональный интеллект	• Распознавание эмоций подчинённых • Управление конфликтами • Эмпатичная коммуникация
Адаптивность	• Скорость перестройки стратегии • Готовность к экспериментам • Обучение на ошибках
Влияние и убеждение	• Успешность переговоров • Вовлечение команды • Преодоление сопротивления
Этичность решений	• Баланс интересов стейкхолдеров • Прозрачность действий • Устойчивость к коррупции

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Содержание треков подготовки по уровням управленческих компетенций

Уровень компетенций	Основные характеристики деятельности	Направления развития
Начинающий специалист (стажёр или молодой специалист, впервые назначенный на должность)	• Овладение бизнес-процессами • Изучение нормативной документации • Способность к обучению • Самоорганизация • Коммуникативные навыки	• Формирование культуры стандартизации • Увеличение степени ответственности задач по принципу «от простого к сложному» • Анализ проделанной работы • Формирование умения самостоятельно принимать решения
Линейный руководитель (начальники отдела, подразделения, направления и т.п.)	• Самостоятельность в принятии решений • Поиск наиболее эффективных путей решения проблем • Базовая аналитика • Повышенный уровень коммуникации • Работа с отчётами	• Развитие творческого подхода к решению задач • Повышение уровня инициативы • Формирование прогностического навыка в среднем горизонте планирования • Привлечение к обсуждению проблем на более высоком уровне руководства
Руководитель среднего/высшего звена (глава департамента, филиала и т.п.)	• Свобода в выборе путей решения • Организация работы на всех вышеуказанных уровнях • Наличие ответственности за вышеуказанные уровни исполнителей • Способность к наставнической деятельности • Делегирование полномочий • Основы стратегического планирования	• Формирование лидерских качеств • Формирование навыков стратегического и проектного управления • Развитие культуры наставничества • Формирование навыка анализа, оптимизации и создания бизнес-процессов
Лидер (владелец компании, генеральный директор, глава совета директоров и т.п.)	• Стратегическое видение • Управление изменениями • Формирование ресурсов • Взаимодействие с внешней средой организации • Ответственность за общие показатели деятельности	• Обмен опытом с другими лидерами («лидеры учат лидеров») • Формирование навыка поиска новых путей развития организации • Формирование навыка долгосрочного планирования и способности к противодействию факторам неопределённости и кризисогенности

Источник: составлено авторами на основе [20].

Таблица 4

Потенциал применения метода ДУЭ на основе распределения по видам деятельности занятых в РФ за 2022–2024 гг.

Показатель	Численность занятых, тыс. человек	Доля в общей численности, %
Общая численность занятых в России	72693.9	–
В т.ч. в сфере государственного управления	3401.6	4.68
В т.ч. в сфере административной деятельности и сопутствующих дополнительных услуг	2296.6	3.16
Итого потенциал внутри общей численности занятых	5698.2	7.84
Из них молодых специалистов – выпускников вузов 2022–2024 гг.		
Общая численность занятых в России молодых специалистов	1498.9	–
В т.ч. руководители	43.1	2.87
В т.ч. специалисты высшего уровня квалификации в сфере бизнеса и делового администрирования	195.9	13.07

Окончание табл. 4

Показатель	Численность занятых, тыс. человек	Доля в общей численности, %
В т.ч. специалисты высшего уровня квалификации прочие	721.9	48.16
Итого потенциал внутри общей численности занятых молодых специалистов	960.9	64.1

Источник: составлено авторами на основе [22, 23].

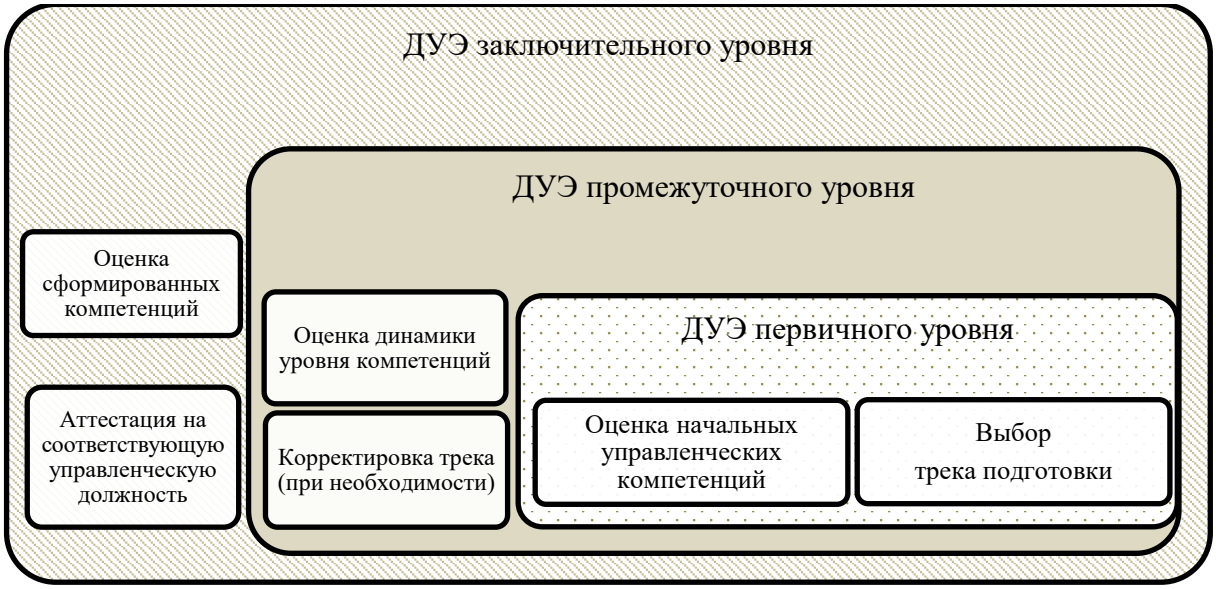

Рис. 4. Структура ДУЭ в составе СКП
Источник: составлено авторами

факторы, которые могут оказывать как прямое, так и неявное воздействия на результат, требуется комбинированный подход в части выявления критериев эффективности ДУЭ. Подобным инструментом может служить метод структурного моделирования (SEM – Structural Equation Modeling) – статистический метод анализа эмпирических данных, исследующий сложные взаимосвязи между наблюдаемыми и скрытыми переменными. Сочетание в составе SEM таких элементов, как факторный анализ, множественная регрессия, дисперсионный и ковариационный анализ, позволяет проверять теоретические модели, содержащие прямые и косвенные факторы, на наличие причинно-следственных связей [35, с. 6]. Два главных компонента SEM (измерительная модель и структурная модель) позволят проверить гипотетическую структуру факторов, а также гипотезу о причинно-следственных отношениях [36]. SEM-анализ может быть проведён при помощи соответствующего программного обеспечения (IBM SPSS Amos, SmartPLS, Stata и пр.) Этапы проведения SEM-анализа [35, с. 8–12]:

1) построение априорной модели;
2) сбор данных;
3) оценка модели;
4) интерпретация результатов;
5) коррекция модели.

Подобным образом, в части системы оценки управленческих компетенций, при помощи SEM можно осуществить следующее:

- проверить валидность метода (оценка качества измерения инструментов в части отражения скрытых компетенций и проверка соответствия наблюдаемых данных теоретической структуре компетенций, в частности знаниям, умениям, навыкам, мотивации, саморегуляции и т.д.);
- исследовать причинно-следственные связи (оценка влияния прямых и косвенных эффектов развиваемых компетенций на ключевые финансовые и экономические показатели деятельности);
- учесть скрытые переменные и ошибки измерения (моделирование влияния ошибок измерения и других ненаблюдаемых факторов);
- сравнить несколько гипотез (анализ нескольких моделей и выбор наиболее адекватной с помощью статистических критериев).

Таким образом, SEM – мощный инструмент для комплексного анализа сложных взаимосвязей, включая оценку методов измерения компетенций. Он позволяет не только проверить валидность инструментов, но и глубже понять механизмы, лежащие в основе управленческих процессов.

Заключение

Подводя итог формирования вышеописанной концепции, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, сформировавшаяся благодаря наличию факторов неопределённости и кризисогенности динамическая система «экономическая среда – организационное развитие – ключевые компетенции организации – управленческие кадры» требует соответствующих динамических и комплексных инструментов оценки, обладающих не только «замеряющей» функцией, но и прогностической аналитикой дальнейшего пути управления человеческим потенциалом и знаниями как стратегическими ресурсами.

Во-вторых, рассмотренный метод ДУЭ соответствует вышеуказанному требованию, т.к. содержит в своей основе комплексный подход к оценке и прогнозированию развития управленческого потенциала сотрудников, включая различные способы оценки, такие как нейрофизиологический мониторинг, симуляция бизнес-среды, ИИ-аналитика и т.д., по сути представляя собой динамическую гетерогенную среду.

В-третьих, ДУЭ целесообразно использовать в качестве инструмента оценки в составе систем корпоративной подготовки на различных её этапах, что позволит получить объективную картину формирования и развития управленческих компетенций, а также поможет вносить коррективы в индивидуальные треки подготовки сотрудников.

В-четвёртых, описанная концепция требует дальнейшей детальной разработки, например в части оптимизации финансовых затрат на внедрение, создания тестов, сценарных моделей и соответствующих алгоритмов ИИ, формирования необходимого математического аппарата проверки критериев эффективности метода (надёжности, валидности, чувствительности и т.д.).

В целом концептуальный метод ДУЭ может быть рассмотрен как универсальный инструмент оценки в составе программ корпоративной подготовки кадров для различных отраслей народного хозяйства РФ, что соответствует декларированным государством приоритетам развития в области технологической и экономической суверенизации страны.

Список литературы

1. Крупнов Ю.А., Сильвестров С.Н. Кризисогенность глобальных рисков: факторы роста и направления антикризисной политики // Проблемы анализа риска. 2025. Т. 22, № 1. С. 24–33.

2. Сайт Комиссии Президентской программы по подготовке управленческих кадров. URL: https://www.pprog.ru/gosudarstvennyy-plan-podgotovki/o-programme/ (дата обращения: 03.04.2026).

3. Семенихин В.В., Крупнов Ю.А. Развитие корпоративной системы подготовки управленческих кадров в Российской Федерации // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2025. № 1. С. 78–89. DOI: 10.18384/2949-5024-2025-1-78-89.

4. Герасименко О.В., Лайхо М.К. Компетентностный подход в оценке персонала как фактор повышения ее эффективности // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2024. № 2 (14). С. 44–50. DOI: 10.24412/1994-3776-2024-2-44-50.

5. Сайт «РБК Тренды». Мультикомпетенции и резерв: почему бизнес развивает корпуниверситеты. URL: https://trends.rbc.ru/trends/education/cmrm/6749ab9d9a7947627c450945 (дата обращения: 04.04.2026).

6. Сайт hh.ru. Как меняется рынок труда в эпоху навыкоцентричности. URL: https://hh.ru/article/kak-menyaetsya-rynok-truda-v-ehpohu-navykocentrichnosti?hhtmFrom=article_labour-market_list (дата обращения: 04.04.2026).

7. Сайт «Коммерсантъ». Карьера. Запрос бизнеса на топ-уровне заметно изменился. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8381109 (дата обращения: 04.04.2026).

8. Тебекин А.В. Развитие ключевых компетенций как составляющая динамического подхода к развитию организационных способностей в управлении компанией // Транспортное дело России. 2025. № 5. С. 71–79.

9. Управление персоналом в России: история и современность: Монография / А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова, Н.И. Шаталова [и др.]; под ред. д.э.н., проф. А.Я. Кибанова. М.: Издательский дом «Инфра-М», 2020. 240 с. (Научная мысль. Книга первая).

10. Мэйо Э. Социальные проблемы индустриальной цивилизации. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2025. 296 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-4198-2.

11. Арджирис К. Организационное научение. М.: Инфра-М, 2004. 562 с. (Менеджмент для лидера).

12. Спенсер Л.М. (мл.), Спенсер С.М. Компетенции на работе. Модели максимальной эффективности работы / Пер. с англ. А. Яковенко. М.: ГИППО, 2009. 371 с. (Фундаментальные исследования).

13. Формирование моделей компетенций в дополнительном профессиональном образовании: вопросы теории и инновационная практика / Ф.Ш. Мухаметзянова, Т.М. Трегубова, Г.А. Шайхутдинова [и др.]. Казань: Изд-во «Данис» ИПП ПО РАО, 2015. 144 с.

14. Змеев С.И. Андрагогика. Основы теории, истории и технологии обучения взрослых: Монография. М.: Пер Сэ, 2012. 272 с.

15. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала / Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. М., Воронеж: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2004. (Психологи Отечества).

16. Семенихин В.В., Крупнов Ю.А. Корпоративное обучение менеджеров оптовой торговли автокомпонентами: единство теории и практики // Экономические науки. 2025. № 243. С. 609–616. DOI: 10.14451/1.243.609.

17. Kirkpatrick D.L., Kirkpatrick J.D. Evaluating Training Programs: The Four Levels. 3rd ed. San Francisco, CA: Berrett-Koehler Publ., Inc., 2006.

18. Phillips J. PgMP Program Management Professional All-in-One Exam Guide. McGraw-Hill Osborne Media, 2008.

19. Brinkerhoff R.O., Montesino M.U. Partnerships for training transfer: Lessons from a corporate study // Human Res. Development Quarterly. 1995. Vol. 6. Iss. 3. P. 263–274.

20. Бабанова Ю.В., Долинская А.Ю. Роль нейроменеджмента в управлении современными компаниями // Актуальные вопросы теории, методологии и практики современного менеджмента: Коллективная монография. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2017. С. 20–37.

21. Енин А. Нейроменеджмент. Как управлять людьми с помощью нейробиологии. Бомбора, 2026.

22. Турдукулов Ф.З., Амеркулова Ж.Д. Игры разума: бизнес-симуляции как инструмент развития креативности и лидерства у будущих менеджеров // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. 2024. № 4-2. С. 773–781. DOI: 10.33514/1694-7851-2024-4/2-773-781.

23. Интеграция ИИ-агентов в бизнес-процессы: новый вектор в трансформации корпоративных систем / Ю.М. Климина, Н.А. Стопочев [и др.] // Modern Economy Success. 2025. № 4. С. 7–13.

24. Киреева А.А., Шиманаев С.П., Халимон Е.А. Нейронаука: внедрение и развитие нейроменеджмента в Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 6. С. 26–35. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-6-26-35.

25. Синицына К.И. Влияние нейроменеджмента на процесс принятия управленческих решений и лидерство // Вестник Донецкого национального университета. Серия В: Экономика и право. 2024. № 1. С. 84–92. DOI: 10.5281/zenodo.14191032.

26. Способ повышения успеваемости студентов СГМУ через повышение контроля префронтальной коры над лимбической системой / А.Д. Азизова, П.А. Павлюченко, Ю.С. Силкина [и др.] // Смоленский медицинский альманах. 2023. № 2. С. 11–13. DOI: 10.37903/SMA.2023.2.3.

27. Гарафутдинов А.А., Хакимзянова С.И. Интеграция нейросетевых технологий в очках с ЭЭГ-датчиками для анализа мозговой активности и управления внешними устройствами // Вопросы защиты информации. 2024. № 3 (146). С. 28–31. DOI: 10.52190/2073-2600_2024_3_28.

28. Багаутдинова Ю.В., Комаров С.С. Внедрение геймификации на предприятиях: эффективный подход к мотивации и повышению производительности // Журнал прикладных исследований. 2023. № 7. С. 66–73. DOI: 10.47576/2949-1878_2023_7_66.

29. Лофиченко А.А. Киберсоциофизические системы и сети цифровых двойников: взгляд на будущие экосистемы цифровых двойников // Вестник Луганского государственного университета им. Владимира Даля. 2025. № 2 (92). С. 250–256.

30. Сулейманова Л.О., Тавбулатова З.К., Магомаева Л.Р. Инновационные системы поддержки принятия управленческих решений: анализ существующих систем и их применение // Общество, экономика, управление. 2023. Т. 8, № 3. С. 68–74. DOI: 10.47475/2618-9852-2023-8-3-68-74.

31. Нигай Е.А. Концептуальная модель динамического анализа экосистемы конкуренции в условиях трансформационных изменений рыночной среды // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2025. № 2. С. 50–67. DOI: 10.24412/2071-6435-2025-2-50-67.

32. Балинов Л.Н. Цифровая экосистема антикризисного управления: архитектура, цифровой двойник и сценарная апробация на открытых данных // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2025. № 5 (114). С. 229–236. DOI: 10.21295/2223-5639-2025-5-229-236.

33. Семенихин В.В., Крупнов Ю.А. Внедрение инновационной системы подготовки управленческих кадров торговой организации // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 7 (73). С. 134–141. DOI: 10.47581/2023/IE-07/Semenixin-Krupnov-01.

34. Сайт «Россия – страна возможностей». Способность к адаптации в условиях неопределённости: в России появился тест для оценки динамической обучаемости у молодёжи и управленцев. URL: https://softskills.rsv.ru/tpost/7ak440eny1-sposobnost-k-adaptatsii-v-usloviyah-neop?ysclid=mmytoduz1t665917094 (дата обращения: 10.04.2026).

35. Наследов А.Д., Есикова Т.В. Структурная модель влияния моральной нормативности и правового сознания на производственную интернальность молодых специалистов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 1. С. 5–19.

36. A Renewal of Dyadic Structural Equation Modeling With Latent Variables: Clarifications, Methodological Advantages, and New Directions / J.K. Sakaluk, S. Joel, Ch. Quinn-Nilas [et al.] // Social and Personality Psychology Compass. 2025. Vol. 19, No. 3. DOI: 10.1111/spc3.70045.

37. Сайт vc.ru. Управленческие компетенции и критерии оценки, просто о главном. URL: https://vc.ru/id1068531/1682780-upravlencheskie-kompetencii-i-kriterii-ocenki-prosto-o-glavnom (дата обращения: 10.04.2026).

38. Сайт Федеральной службы государственной статистики. Трудовые ресурсы, занятость и безработица. Трудоустройство выпускников образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования. URL: https://www.rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 10.04.2026).

39. Сайт Федеральной службы государственной статистики. Трудовые ресурсы, занятость и безработица. Баланс трудовых ресурсов. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 14.04.2026).

«DYNAMIC MANAGEMENT ECOSYSTEM» AS A METHOD OF ASSESSING MANAGERIAL COMPETENCIES

V.V. Semenikhin, I.V. Guskova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article discusses proposals for the creation and application of the method of assessing managerial competencies «Dynamic management ecosystem» (hereinafter – DME). The relevance of using this method is substantiated, its general concept, tasks to be solved, content and structure are described. The purpose of the work is to analyze the possibility of using this management competence assessment tool as part of the corporate management training system (hereinafter – CTS), to identify its strengths and weaknesses. The research methods used were working with sources, summarizing information, and comparative analysis. Interdisciplinary research has been conducted in such areas as neuromanagement and digitalization of business processes. Innovative management tools are considered, in particular, the use of artificial intelligence. The information basis for collecting empirical data was the CTS of the organization of wholesale trade of a large business segment, as well as expert industry publications and interviews. The study revealed the optimal structure and content of the described method, its place in the CTS and the relationship with its elements, and a forecast of the effectiveness of its application. The conclusion of the work is to substantiate the expediency of practical application of this toolkit for assessing management competencies in order to replenish the methodological arsenal used in the fields of knowledge management and human resources, as well as the need for further theoretical development of this area of research.

Keywords: human resource management, knowledge management, dynamic competencies, neuromanagement, competence assessment, management ecosystem, managerial competitiveness, economic turbulence, digitalization of business.

УДК 338
DOI 10.52452/18115942_2026_3_95

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

© 2026 г.

О.В. Чкалова, Т.Д. Муранова

Чкалова Ольга Владимировна, д.э.н., проф.; заведующая кафедрой торгового дела Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ochkalova@iee.unn.ru
Муранова Татьяна Дмитриевна, старший преподаватель кафедры торгового дела Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
muranova@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2026
Статья принята к публикации 17.06.2026

Цель настоящего исследования – выявление и систематизация закономерностей инновационного развития торговли как системообразующих факторов, влияющих на формирование инновационного результата – ценности торговой услуги, инфраструктурных и инвестиционных компонентов. Методология исследования включает контент-анализ современной базы материалов Федеральной службы государственной статистики РФ, научных публикаций, отчетов ведущих консалтинговых компаний и аналитических агентств и публичной отчётности крупнейших российских торговых операторов. Использованы такие методы, как анализ и синтез, группировка, сравнение, индукция, дедукция, описание, обобщение и др. *Основные результаты*. Выявлены и определены закономерности инновационного развития торговли: цифровизация, платформизация, экосистемизация, омниканальность, персонализация торговой услуги, автоматизация и роботизация торговых процессов, развитие логистической инфраструктуры и фулфилмента, регионализация торговли, импортозамещение и поддержка российских производителей, стейкхолдерская интеграция в инвестировании. Раскрыто влияние закономерностей на ценность торговой услуги, изменения организационной структуры и инвестиционной деятельности. Проведена периодизация в трансформациях субъектного состава инвесторов. Показано, что традиционные участники: федеральные и региональные торговые сети, независимые ретейлеры, рынки – дополнились качественно новыми субъектами, формирующими самостоятельный и наиболее быстро растущий сегмент.

Ключевые слова: розничная торговля, инновационное развитие, инвестиции, стейкхолдеры, ценность, цифровизация, экосистемность, ESG.

Введение

Концепция технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. содержит установку на разработку инновационно-инвестиционных механизмов развития ключевых отраслей экономики. Торговля – одна из значимых и наиболее открытых к внедрению технологических инноваций отраслей – является важной подсистемой в достижении технологического лидерства страны [1, 2].

Инновационное развитие торговли находится в центре внимания отечественных исследователей: Е.А. Антинескул, И.А. Красюк, Ю.Ю. Медведевой, Л.П. Наговицыной, Д.К. Попенковой, И.Б. Стукаловой, В.П. Чеглова, Ж.П. Шнорр [3–5]. В этих работах обосновается цифровизация как фундамент инновационного развития торговли, проанализированы предпосылки цифровизации, выявлены тенденции и тренды развития, обобщены цифровые технологии [6, 7].

Вместе с тем направления инновационного развития торговли в современных условиях сформировались в устойчивые, объективно обусловленные и воспроизводимые причинно-следственные связи между изменениями условий функционирования торговли (технологическими, институциональными) и системными сдвигами в её структуре, в организационных формах, бизнес-моделях и инвестиционном поведении субъектов. В этом контексте их следует рассматривать как сформировавшиеся закономерности инновационного развития торговли.

В этой связи *цель статьи* – выявление и систематизация закономерностей инновационного развития торговли как системообразующих факторов, оказывающих влияние на изменение цен-

ности торговой услуги, образование новых организационных форм торговли, изменение субъектов инвестирования.

Результаты исследования

Концепция технико-экономических парадигм (технологических укладов) сопряжена не только с переходом к иным производственным технологиям, но и с перестройкой отраслевых структур, трансформацией конкурентных моделей, появлением новых форм инвестиционного поведения и механизмов финансирования инновационной деятельности. Переход к технологическому укладу в торговле выражается в ускоренном проникновении искусственного интеллекта, технологий работы с большими данными и платформенных бизнес-моделей в торговые процессы. Как указывают О.Н. Мороз, Д.А. Медведский и А.М. Волкова, эволюция розничной торговли осуществляет переход «от традиционной к цифро-интегрированной модели», что представляет собой прямое отраслевое проявление смены технологического уклада [8].

Диффузия цифровизации проникла прежде всего в классическую стационарную торговлю. Цифровизацией охвачены все бизнес-процессы классической торговли. Особенно активно они развиваются в торговых сетях, которые детерминируют эти процессы вследствие масштабности своего бизнеса в сотнях магазинов [9–11]. Топ-3 ведущих отечественных торговых сетей в цифровизации бизнеса в 2024 году, по версии Фонда «Сколково», составляют: «ВкусВилл», X5 Group, «Лента». Цифровизацией в них охвачены такие направления, как работа с клиентами, управление данными, логистика, ESG (технологии «зеленого портфеля)[1].

Важнейшей системообразующей закономерностью развития торговли является становление принципиально новой цифровой бизнес-модели в торговле – маркетплейсов [12, 13]. Их товарооборот за последние 5 лет увеличился в 7 раз[2]. Продажи растут во всех товарных категориях. Но особенный рост (в 2024 г. почти на 40%) наблюдается в продовольственных товарах повседневного спроса. Лидер по итогам года по товарообороту – «Самокат» (прирост товарооборота составил 50.5%), на втором месте X5 Digital (217.3 млрд руб., прирост 61%), на третьем – «ВкусВилл» (189.5 млрд руб., прирост 35.4%). Маркетплейсы остаются главным драйвером онлайн-торговли. Самыми быстрорастущими маркетплейсами являются: Ozon (прирост продаж 44.3%), Wildberries (прирост продаж 33.6%), «Яндекс Маркет» (прирост продаж 17.6%). Совокупный оборот четырёх ведущих маркетплейсов превысил 11.2 трлн руб., что соответствует около одной пятой суммарного розничного товарооборота страны[3].

Позиционирование маркетплейсов в качестве доминирующей бизнес-модели электронной торговли сопровождается возникновением качественно нового типа платформенной ценности (platform value), механизм формирования которой принципиально отличается от механизма традиционного торгового посредника. Платформа извлекает ценность не за счёт торговой наценки, а посредством сетевых эффектов (прирост числа продавцов привлекает новых покупателей и наоборот), монетизации данных о потребительском поведении, а также взимания платы за вспомогательные сервисы – рекламу, логистику, финансовые услуги.

Платформизация и развитие маркетплейсов явились вызовами для развития новых торговых организационных структур в электронной торговле: распределительных складов, сортировочных центров, постаматов, сети пунктов выдачи заказов (ПВЗ), фулфилмент-центров. Фулфилмент-центр – это специализированный логистический комплекс, который берет на себя весь цикл обработки заказов для интернет-магазинов и продавцов маркетплейсов (Wildberries, Ozon и др.). Он включает приемку товаров, хранение, упаковку, маркировку, сборку и доставку конечному покупателю. Это позволяет бизнесу делегировать складскую логистику и сосредоточиться на продажах. Оборот рынка фулфилмента в России за 2025 год вырос на 37%, достигнув 129 млрд руб. Количество пунктов выдачи заказов составило 226400 единиц, что почти на 45% выше предыдущего года[4]. Это привлекло новый тип инвесторов – операторов складской и логистической недвижимости, специализированных девелоперов, а также финансовые структуры, инвестирующие в складские и паевые фонды недвижимости.

Торговля, как одна из ключевых отраслей экономики в достижении технологического лидерства, оказалась в центре экосистемных трансформаций. В.П. Чеглов в своих работах впервые достаточно подробно изучил вопросы трансформации торговли вследствие экосистематизации [14, 15]. В научной публикации В.В. Никишкина и Т.Н. Самариной вопросы экосистематизации нашли продолжение. Авторы акцентируют внимание на вопросах теоретической и практической реализации экосистемных трансформаций для торговли [16]. По данным исследования НИУ ВШЭ, в 2024 г. платформенная экономика обеспечила производство допол-

нительных товаров и услуг на сумму 6.3 трлн руб. – около одной пятой суммарного розничного товарооборота страны[5]. По итогам 2024 года пятёрку лидеров российского рынка цифровых экосистем составили «Сбер», «Яндекс», VK, МТС и «Т-Банк», при этом торговля в каждой из перечисленных экосистем выступает одним из ключевых сервисных сегментов: «Яндекс Маркет», «СберМаркет» («Мегамаркет»), «МТС Маркетплейс», «ВкусВилл» (через экосистему VK Food) [6].

Важной закономерностью развития современной торговли является региональная организационная структура торговли. На это повлияли прежде всего интеграционные процессы, обусловленные концентрацией капитала и территориальной концентрацией торговых площадей. Среди горизонтальных торговых интеграций особо распространенными являются торговые сети и торговые объединения. Среди вертикальных структур наиболее распространены фирменные дома (связь производителя с торговлей), торгово-финансовые объединения; межотраслевые объединения, холдинги. Так, вертикальная интеграция «Магнита» включает 11 пищевых и 4 агропромышленных производства, создаёт устойчивую бизнес-модель, не зависящую от волатильности поставщиков. Многие региональные и федеральные сети сочетают розничную торговлю с сельхозпроизводством, реализуя модель вертикальной интеграции «с поля на полку» (агропромышленный холдинг «Мираторг», ОАО «Группа Черкизово» и др.).

В сегменте торговых центров и моллов, прочно занявших свою позицию, меняется концепция развития: переход от классических торговых центров к мультифункциональным комьюнити-центрам с фудхоллами, wellness-зонами и развлекательными форматами. За 2024–2025 годы уже более 30 торговых центров выбрали стратегию реновации и перепрофилируются под офисы и склады онлайн-торговли, мультифункциональные пространства.

В условиях усиливающейся конкуренции и насыщенности потребительского рынка экологические стратегии (ESG (Environmental, Social, Governance)) становятся важной закономерностью устойчивого развития торговли. Формирование ESG-практик ответственного потребления, ресурсосбережения, стандартов «зелёной» логистики и корпоративной социальной ответственности привело к активизации институциональных инвесторов (пенсионных фондов, страховых компаний, банков с ESG-приоритетами), для которых наличие ESG-стратегии у ретейлера становится одним из критериев инвестиционной привлекательности [17].

Импортозамещение и технологический суверенитет – еще одна важная закономерность инновационного развития торговли последних трех лет [18]. Импортозамещение в торговле проявляется в двух основных направлениях.

1. Ассортиментное импортозамещение: рост доли российских брендов в FMCG-категориях. По данным Nielsen, 27% покупателей в России стараются приобретать исключительно отечественные марки, ещё 35% выбирают их в большинстве случаев. Таким образом, почти две трети потребителей отдают предпочтение локальной продукции. В отдельных категориях доля российских брендов достигла 60–70% (табачная продукция – 88.3%, детское питание)[7].

2. Технологическое импортозамещение: переход на российское программное обеспечение. По данным участников рынка и аналитики TAdviser (2025), доля отечественного программного обеспечения в торговле достигла около 65%[8]. Внедрение систем обязательной маркировки «Честный ЗНАК» охватило все ключевые товарные категории: детские игрушки, строительные материалы, кондитерские изделия; спортивное питание, цемент; бритвы и лезвия.

Выявленные в ходе проведенного исследования закономерности инновационного развития торговли показаны в таблице.

В таблице обобщены и систематизированы одиннадцать ключевых закономерностей современного развития торговли в Российской Федерации, раскрыто их влияние на ценность торговой услуги, изменение организационной структуры торговли, состав инвесторов. Важной особенностью каждой из закономерностей является то, что она не только описывает наблюдаемую тенденцию в торговле, но задаёт устойчивую причинно-следственную связь: технологический или институциональный фактор → структурные изменения в торговой деятельности → инновационный результат в торговой услуге → потребность в инвестиционном проектировании для его достижения. В этой связи для управления инновационным развитием торговли необходимы новые подходы, учитывающие новые практические реалии [19, 20].

Проведем периодизацию трансформаций торговли в увязке с трансформациями в инвестиционной деятельности (рисунок).

Первый этап охватывает период 2000–2010 гг., когда отрасль расширялась преимущественно экстенсивно за счет консолидации торговых сетей (X5 Group, «Магнит», «Лента»), строительства торговых центров, торговых ком-

Таблица

Закономерности инновационного развития торговли в инновационных условиях, 2020–2025 гг.

№	Закономерность	Содержание	Инновационный результат (ценность) в торговой услуге	Новые структуры в торговле	Влияние на инвестиционную деятельность
1	Цифровизация	Системный перевод процессов предоставления торговой услуги из аналоговой в цифровую среду: онлайн-заказы, электронные чеки, мобильные приложения, цифровые системы управления торговлей	Новый цифровой канал торговой услуги; снижение транзакционных издержек покупателя, повышение прозрачности и управляемости операционной деятельности	Гибридные офлайн-форматы с цифровыми сервисами (self-checkout, scan&go), цифровые витрины, «умные» магазины, интегрированные в CRM (Customer Relationship Management) и CDP (Customer Data Platform); платформы ретейлеров	Цифровизация торговли требует инвестиций в IT-инфраструктуру, аналитические платформы и омниканальные решения, что расширяет круг инвесторов за счёт IT-компаний, интеграторов и поставщиков цифровых решений, а также стимулирует переход к проектному и лизинговому финансированию
2	Платформизация торговли	Формирование цифровых торговых платформ (маркетплейсов) как доминирующей модели организации торговли, обеспечивающей агрегацию продавцов, покупателей и сервисов	Платформенная экономическая ценность как новый тип добавленной стоимости, генерируемой торговыми платформами	Крупные маркетплейсы (Wildberries, Ozon, «Яндекс Маркет», MegaMarket), ретейл-медиаплатформы	Появление новых каналов продаж и торгово-технологических решений требует специфических технологических инвестиций, формируется самостоятельный инвестиционный сегмент торговли с характеристиками технологической отрасли, привлекая инвесторов нового типа
3	Экосистемизация торговли	Встраивание торговой услуги в многофункциональную цифровую экосистему, объединяющую торговлю, финтех, медиа, логистику, платформенные сервисы	Интеграция торговых услуг в единый потребительский опыт; лояльность	Коллаборации ретейлеров и IT-компаний; цифровые торговые сервисы; технологические экосистемы	Экосистемизация меняет природу инвестиций в торговлю: инвестор вкладывает не в отдельный торговый актив, а в многофункциональную платформу с синергетическими эффектами между бизнес-линиями
4	Омниканальность	Формирование бесшовного клиентского опыта за счёт интеграции онлайн- и офлайн-каналов торговой услуги единого ассортимента, ценообразования и программ лояльности	Доступность торговой услуги в любом канале и в любое время, рост показателей удовлетворённости и NPS, сокращение потерь продаж	CDP-платформы; BOPIS/BORIS-сервисы (Buy Online Pick-up In Store / Buy Online Return In Store); системы управления заказами (OMS); единая CRM-система; омниканальные фулфилмент-центры	Комплексные инвестиции в переоснащение магазинов, интеграцию IT-систем и перестройку логистики, что приводит к участию в финансировании телеком-операторов, логистических компаний и специализированных фондов недвижимости, ориентированных на объекты, поддерживающие омниканальные форматы
5	Персонализация торговой услуги	Использование искусственного интеллекта (ИИ), больших данных и CRM-систем	Рост качества и ценности торговой услуги за счёт релевантности предложения,	AI-лаборатории: подразделение компании, занимающееся разработкой и внедре-	Персонализация основана на инвестициях в платформы сбора, хранения и обработки данных, алгоритмы ИИ и аналитическую

		для индивидуализации ассортимента, ценообразования и коммуникации с каждым покупателем в режиме реального времени	увеличение частоты покупок и среднего чека	нием передовых технологий на основе генеративного ИИ; подразделения Data Science; рекомендательные системы на базе машинного обучения; динамические системы ценообразования; CDP-платформы; системы предиктивной аналитики спроса	инфраструктуру, что создаёт спрос на проекты, привлекательные для венчурных фондов, корпоративных венчурных подразделений ретейлеров и ИТ-компаний, а также стимулирует появление новых форм стратегических партнёрств и совместных инвестиций
6	Автоматизация и роботизация торговых процессов	Замещение ручного труда в складской логистике, кассовом обслуживании, управлении запасами автоматизированными и роботизированными системами, включая WMS, TMS, роботизированные склады, автоматические кассы	Операционная эффективность торговой услуги; снижение уровня Out-of-Stock и операционных затрат, повышение качества сервисного обслуживания	Автоматизированные системы хранения и комплектации (AS/RS, Automated Storage and Retrieval System); мобильные роботы (AGV, AMR); роботизированные распределительные центры; системы самообслуживания (self-checkout, checkout-free); системы автоматического управления запасами	Высокая капиталоёмкость автоматизации и роботизации формирует спрос на долгосрочные инвестиции со стороны банков, лизинговых компаний, производителей оборудования и специализированных инфраструктурных фондов; усиливается роль проектного финансирования и лизинга технологического оборудования
7	Развитие логистической инфраструктуры и фулфилмента	Масштабное развитие логистической инфраструктуры, специализированных фулфилмент-центров, сортировочных хабов, постаматов и сетей пунктов выдачи заказов, поддерживающих рост электронной торговли	Новый уровень доступности торговой услуги и скорости доставки; возможность предлагать услугу «день-в-день» и «последняя миля»	Фулфилмент-центры; распределительные склады; сортировочные центры; постаматы; сети пунктов выдачи заказов	Рост электронной торговли создаёт устойчивый инвестиционный спрос на складскую и логистическую инфраструктуру, привлекая специализированных инвесторов вне торговой отрасли
8	Регионализация торговли	Развитие региональных торговых сетей, локальных форматов торговых услуг, ориентированных на специфику региональных рынков, в отличие от унифицированных федеральных форматов	Территориальная доступность, комплексность торговой услуги, адаптация форматов к локальным потребительским предпочтениям	Торговые сети регионального уровня, торгово-развлекательные центры, торговые комплексы, моллы, торговые дома; фирменные магазины, торгово-финансовые объединения, межотраслевые холдинги	Девелоперы коммерческой недвижимости, строительные компании, инвестиционные фонды недвижимости, закрытые паевые инвестиционные фонды (ЗПИФ) недвижимости; государство обеспечивает инфраструктурные условия (земельные участки, разрешения); межотраслевое перемещение капитала из смежных секторов экономики (промышленность, АПК, финансы)

Окончание табл.

№	Закономерность	Содержание	Инновационный результат (ценность) в торговой услуге	Новые структуры в торговле	Влияние на инвестиционную деятельность
9	ESG-трансформация торговли	Внедрение стандартов экологической, социальной и управленческой ответственности в деятельность торговых организаций	Повышение социального и экологического качества торговой услуги, формирование устойчивых практик взаимодействия с потребителями и поставщиками, рост устойчивости бизнеса	Отраслевые ESG-сообщества ретейлеров, «зелёные» логистические цепочки, магазины и ТЦ с «зелёной» сертификацией, продукты и форматы ответственного потребления	Соответствие ESG-стандартам повышает инвестиционную привлекательность ретейлеров для институциональных инвесторов (пенсионные фонды, страховые компании, ESG-фонды); формируются специальные ESG-инструменты финансирования («зелёные» облигации, устойчивые кредиты), расширяющие спектр финансовых источников
10	Импортозамещение и поддержка российских производителей	Целенаправленная переориентация торговых процессов на российских производителей и отечественные технологические решения в условиях геополитических ограничений	Технологический суверенитет торговой услуги; устойчивость к санкционным рискам; расширение доли российских брендов в ассортименте	Торговые форматы с акцентом на российские бренды, специализированные площадки поддержки локальных производителей, маркировочные и контрольные системы	Государственная политика импортозамещения переориентирует торговые сети на российских поставщиков и обусловливает государственное участие в инвестициях
11	Стейкхолдерская интеграция в инвестировании	Расширение и диверсификация состава субъектов инвестирования в торговлю: к традиционным торговым инвесторам присоединяются цифровые платформы, государство, венчурный капитал, производители, ESG-инвесторы и потребительские сообщества	Расширение ресурсной базы объектов экономики торговли и модернизации торговой услуги; диверсификация источников финансирования инвестиционных проектов	Корпоративные венчурные фонды торговых сетей (X5 Innovations, «Магнит Тех»); стратегические партнёрства торговых сетей и технологических компаний; SPV (Special Purpose Vehicle) для совместных проектов; отраслевые технологические консорциумы	Стейкхолдерская интеграция расширяет доступные источники финансирования за счёт привлечения партнёров с комплементарными ресурсами, формируя кооперативные инвестиционные модели и обусловливая необходимость координирующего организационно-экономического механизма

Источник: разработано авторами

Период I. 2000–2010. Традиционная торговля и интернет-магазины. Доминирующая закономерность: ограниченный состав инвесторов, основной инвестор – торговый капитал		
Торговый инвестор	Девелоперы торговой недвижимости (торговые центры, моллы, торговые комплексы)	Банки и частные инвесторы

Период II. 2011–2020. Цифровизация и появление маркетплейсов. Доминирующая закономерность: расширение состава инвесторов			
Маркетплейсы (Wildberries, Ozon)	ИТ-компании («Яндекс», «Сбер»)	Логистические девелоперы (PNK Group, «Эспро»)	Торговый инвестор

Период III. 2021–2025. Экосистемизация, платформизация, ESG-трансформация торговли. Доминирующая закономерность: обширный и разнородный состав инвесторов					
Технологические платформы («Яндекс», «Сбер», VK, МТС)	Логистические девелоперы	Производители товаров и агрохолдинги	Институциональные инвесторы (ЗПИФы, пенсионные фонды, страховые компании)	Государство и институты развития (ФРП, «Сколково»)	ESG-инвесторы (портфель «зеленых инвестиций»)

Рис. Трансформация субъектного состава инвесторов в условиях инновационного развития торговли
Источник: разработано авторами

плексов и моллов. В этот период развиваются интернет-магазины. Субъектами инвестирования выступали преимущественно крупные торговые сети, осуществлявшие самостоятельные вложения в автоматизацию торгово-технологических процессов: внедрение ERP-систем, систем управления цепочками поставок (SCM), кассовой инфраструктуры и систем лояльности. Торговый капитал оставался основным и фактически единственным активным инвестором в цифровую модернизацию отрасли. В инвестировании начали участвовать девелоперы, которые возводили торговые центры и торгово-развлекательные комплексы. Банковский и частный капитал также стал финансировать эти процессы через кредитные механизмы.

Второй этап охватывает 2011–2020 гг. В этот период происходит расширение инвесторов. Маркетплейсы (Wildberries, Ozon) превратились в самостоятельных и крупных участников инвестиционной деятельности. Образовались ИТ-компании: «Яндекс», «Сбер», для которых торговля является не профильным бизнесом, а инфраструктурным компонентом цифровой экосистемы. Параллельно резко возрос спрос на логистическую инфраструктуру, в результате чего стали развиваться новые субъекты инвестирования: девелоперы складской недвижимости (PNK Group, «Эспро»).

К 2021–2025 гг. состав инвесторов не только расширился, но и стал достаточно разнородным. Платформизация создала предпосылки к развитию принципиально нового типа инвесторов в торговле: технологических платформ, осуществляющих крупные инвестиции в логистическую и цифровую инфраструктуру. При этом они являются операторами торгово-технологических процессов и одновременно инфраструктурными инвесторами. Технологические платформы («Яндекс», «Сбер», VK, МТС) инвестируют в торговлю как в канал привлечения пользователей; логистические девелоперы («Эспро», PNK Group) – как в высоколиквидный актив; ЗПИФы недвижимости – как в инструмент институциональных вложений; производственные структуры – через механизмы вертикальной интеграции и СТМ; государство через ФРП и Фонд «Сколково» формирует отдельный институциональный инвестиционный субъект. Появляются ESG-инвесторы – институциональные инвесторы (НПФ, банки с «зелёным» портфелем), для которых ESG-позиционирование ретейлера является ключевым критерием.

В современных реалиях торговля представляет не просто звено в цепи товародвижения, соединяющей производство с потреблением, но и самостоятельную технологическую платформу, которая генерирует цифровые эко-

системы, инфраструктурные сети и принципиально новые конфигурации взаимодействия стейкхолдеров.

Эти закономерности коренным образом меняют механизм инвестиционного проектирования. Традиционная торговля осуществляла инвестирование в свой профильный бизнес в целях повышения эффективности развития. В условиях экосистемизации инвестирования в торговлю осуществляются как в инфраструктурный элемент разветвлённой цифровой экосистемы, обеспечивающей удержание клиентов и наращивание транзакционного потока, синергетический эффект всем стейкхолдерам. Таким образом, эволюционные преобразования в развитии торговли требуют новых механизмов управления. Прежде всего это требует совершенствования механизмов управления инвестиционными проектами, без которых инновационное развитие невозможно, что явится продолжением нашего настоящего исследования.

Примечания

1. Рейтинг инновационности в ретейле. Аналитическое исследование 2025. URL: https://ict.moscow/projects/ai/research/reiting-innovatsionnosti-v-riteile/

2. АКИТ: объем интернет-торговли в России в 2025 году вырос на 28% // ComNews. 2026. 19 февр. URL: https://www.comnews.ru/content/243883/2026-02-19/2026-w08/1009/akit-obem-internet-torgovli-rossii-2025-godu-vyros-28 (дата обращения: 09.03.2026).

3. Цифровая торговля России: тренды и статистика 2024–2025. URL: https://wtcmoscow.ru/company/news/7133/ (дата обращения: 09.03.2026).

4. Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/business/news/2026/01/19/1170105-chislo-pvz-v-rossii?from= copy_text (дата обращения: 09.03.2026).

5. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Инновационно активные отрасли сферы услуг. М.: НИУ ВШЭ, 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1101019884.html (дата обращения: 09.03.2026).

6. Крупнейшие российские цифровые экосистемы в 2024–2025 годах / ABIResearch. 2025. 21 апр. URL: https://abireg.ru/newsitem/106771/ (дата обращения: 12.03.2026).

7. «Нильсен»: главные покупательские тренды 2025 года. URL: https://www.retail.ru/tovar_na_polku/nilsen-glavnye-pokupatelskie-trendy-2025-goda/

8. Российский рынок ИТ-услуг URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0_TAdviser

Список литературы

1. Веремеенко О.С., Яброва О.А., Филиппова В.С. Цифровизация ритейла как фактор достижения технологического лидерства в сфере торговли // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 11. С. 7373–7386. DOI: 10.18334/epp.15.11.124116.

2. Чкалова О.В., Ефремова М.В., Бердникова О.А. Инновационные преобразования в торговле как императив национальной безопасности России // Экономический анализ: теория и практика. 2025. Т. 24. № 11. С. 144–157. DOI: 10.24891/asdash.

3. Попенкова Д.К., Стукалова И.Б. Трансформация розничной торговли в условиях цифровизации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 2. С. 89–99.

4. Стукалова И.Б. Перспективы развития электронной торговли: возможности и угрозы // Теоретическая и прикладная экономика. 2021. № 4. С. 29–40. DOI: 10.25136/2409-8647.2021.4.36909.

5. Шнорр Ж.П. Нейросети в экономике розничной торговли: преимущества, ограничения, практика внедрения // Потребительский рынок: устойчивое развитие в условиях новых вызовов: Сборник материалов II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Новосибирск, 26 октября 2023 года. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2023. С. 113–118.

6. Красюк И.А., Сапегина К.З. Влияние нейромаркетинга на формирование спроса в торговых сетях формата DIY // Экономический анализ: теория и практика. 2024. Т. 23. № 6 (549). С. 1090–1108.

7. Бостоганашвили Е.Р. Перспективы развития российских компаний розничной торговли в условиях цифровой трансформации бизнеса // Международный бизнес. 2024. № 2 (8). С. 13–21.

8. Мороз О.Н., Медведский Д.А., Волкова А.М. Эволюция розничной торговли как отрасли сферы услуг: от традиционной к цифро-интегрированной модели // Креативная экономика. 2026. Т. 20. № 2. С. 403–426. DOI: 10.18334/ce.20.2.124632.

9. Медведева Ю.Ю., Красюк И.А. Направления развития инновационных бизнес-технологий в торгово-технологических системах // Практический маркетинг. 2018. № 9 (259). С. 18–25.

10. Антинескул Е.А. Проект цифровизации ритейла: как эффективно управлять бизнес-процессами // Россия – Евразия – мир: Материалы XIV Евразийского экономического форума молодёжи. Екатеринбург: УрГЭУ, 2024. С. 25–29.

11. Наговицына Л.П., Шнорр Ж.П. Развитие цифровых технологий в современном ритейле // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2018. № 5 (72). С. 9–25.

12. Чкалова О.В., Большакова И.В., Копасовская Н.Г. Электронные маркетплейсы как драйвер развития рынка продуктового ритейла // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. Т. 66. № 2. С. 38–47.

13. Писарева Е.В. Трансформация торгового сектора в регионе в результате интенсивного развития маркетплейсов // BENEFICIUM. 2024. № 2 (51). С. 80–87. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2024.2(51).80-87.

14. Чеглов В.П. Экосистемы в ритейле: новый этап в системообразовании или крах традиционной торговли // Маркетинг в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 3–11.

15. Чеглов В.П., Чеглов А.В. Экосистемы в ретейле или ретейл в экосистемах. М.: Общество с

ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2024. 187 с. DOI: 10.12737/2082654.

16. Никишкин В.В., Самарина Т.Н. Формирование экосистемы в розничной торговле: практика и перспективы (маркетинговые аспекты) // Инновации и инвестиции. 2022. № 9. С. 83–88.

17. Едемская В.А., Давыдова Е.Д., Сухов Ф.И. Развитие ESG-трансформации ритейла в России // Вестник университета. 2022. № 9. С. 72–80.

18. Лазутина А.Л., Мартынов И.С. Импортозамещение в российской промышленности: вызовы и возможности // ЕГИ. 2025. № 3 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/importozameschenie-v-rossiyskoy-promyshlennosti-vyzovy-i-vozmozhnosti (дата обращения: 31.03.2026).

19. Бондаренко В.А., Денисов О.Е. Современный подход к классификации маркетинговых инноваций: обоснованность инвестирования в обновления, ориентированные на потребителя // Финансовые исследования. 2020. № 3 (68). С. 130–143.

20. Груднева А.А. Инвестиции как фактор конкурентоспособности компаний розничной торговли // Современная конкуренция. 2022. Т. 16. № 1 (85). С. 79–89. DOI: 10.37791/2687-0657-2022-16-1-79-89.

PATTERNS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF TRADE IN TECHNOLOGICAL CONDITIONS

O.V. Chkalova, T.D. Muranova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of this study is to identify and systematize the patterns of innovative trade development as system-forming factors influencing the formation of innovative results – the value of trade services, infrastructure, and investment components.

The research methodology includes a content analysis of the current database of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation, scientific publications, reports from leading consulting companies and analytical agencies, and public reports from Russia's largest retail operators. The following methods were used: analysis and synthesis, grouping, comparison, induction, deduction, description, generalization, and others.

Key results. Patterns of innovative trade development were identified and defined: digitalization, platformization, ecosystemization, omnichannelization, personalization of trade services, automation and robotization of trade processes, development of logistics infrastructure and fulfillment, regionalization of trade, import substitution and support for Russian manufacturers, and stakeholder integration in investment. The influence of these patterns on the value of trade services, changes in organizational structure, and investment activity were revealed. A periodization of the transformations in the investor base was conducted.

It turns out that traditional players-federal and regional retail chains, independent retailers, and markets-have been supplemented by qualitatively new entities, forming an independent and rapidly growing segment.

Keywords: retail, innovative development, investment, stakeholders, value, digitalization, ecosystem, ESG.

УДК 332.142.2
DOI 10.52452/18115942_2026_3_104

ПОСТРОЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ РЕЙТИНГОВ РЕГИОНОВ В РАДИОЭЛЕКТРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДОЛГОЙ КРАТКОСРОЧНОЙ ПАМЯТИ

© 2026 г.

С.Н. Яшин, Е.В. Кошелев, А.А. Иванов

Яшин Сергей Николаевич, д.э.н., проф.; заместитель директора
Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
jashinsn@yandex.ru
Кошелев Егор Викторович, к.э.н., доц.; доцент кафедры менеджмента и государственного управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ekoshelev@yandex.ru
Иванов Алексей Андреевич, к.э.н., доц.; доцент кафедры менеджмента и государственного управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
alexey.iff@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.06.2026
Статья принята к публикации 150.07.2026

Целью исследования является построение инновационных рейтингов регионов в радиоэлектронной промышленности (РЭП). Для этого применяется нейронная сеть долгой краткосрочной памяти (LSTM) как один из методов машинного обучения. Исследуются следующие инновационные рейтинги регионов в отрасли РЭП: 1) рейтинг A – регионы-лидеры; 2) рейтинг B – регионы со средним уровнем инновационного развития; 3) рейтинг C – регионы со слабым уровнем инновационного развития; 4) рейтинг D – депрессивные регионы. Вся обучающая выборка разделяется на 5 датасетов, где в каждом будут присутствовать данные по двум переменным из 10. Порядок обучения датасетов устанавливаем так, чтобы обучались сначала наиболее шумящие датасеты, а затем наименее шумящие. Это позволяет более качественно обучать сеть LSTM. В результате построена географическая карта рейтингов инновационного счета (I-score) регионов и на ней сравниваются их прогнозные и фактические значения. Процент совпадений прогнозов и фактов принимается за меру точности (Accuracy) обученной сети LSTM на верификации. Она составила 85.54% против точности использования «точного гауссовского SVM», которая составила 81.93%. Это говорит о преимуществе применения нейронной сети с долгой краткосрочной памятью.

Ключевые слова: радиоэлектронная промышленность, инновационные рейтинги регионов, машинное обучение, долгая краткосрочная память.

Введение

Техническое обеспечение цифровых технологий и систем искусственного интеллекта требует инновационного развития радиоэлектроники в стране. По этой причине построение инновационных рейтингов регионов в радиоэлектронной промышленности (РЭП) становится важным, чтобы спланировать поддержку наиболее развитых территорий со стороны государства и инвестирование со стороны бизнеса.

Промышленная электроника является важным аспектом современного производства, обеспечивая автоматизацию, управление, мониторинг и связь в промышленных процессах. Последние тенденции в области промышленной электроники, такие как IIoT и Industry 4.0, еще больше повышают эффективность и снижают издержки, делая обрабатывающую промышленность более конкурентоспособной и устойчивой [1].

В настоящее время особая роль в применении продукции РЭП отводится оборонно-промышленному комплексу как инструменту обеспечения вооруженных сил современным и качественным вооружением, военной и специальной техникой. Вместе с тем очевидным трендом является все большая ориентированность РЭП на гражданскую сферу [2].

Стратегическая система мониторинга, поиска и трансфера технологий призвана своевременно обнаружить и использовать инновационные разработки для обеспечения повышения всех аспектов качества жизни населения (материальных, интеллектуальных, эмоциональных) [3].

Подобные стратегические задачи требуют применения наиболее современного и точного инструментария для построения инновационного рейтинга регионов в отрасли РЭП. В настоящей работе мы будем применять долгую краткосрочную память (LSTM) как один из методов машинного обучения.

LSTM является одним из методов обучения рекуррентной нейронной сети (RNN), которая является архитектурой глубокого обучения, широко используемой для обработки временных рядов и последовательных данных. Так, в работе А. Хикма и М. Салистиёно [4] путем комбинирования всех значений параметров было проведено 162 эксперимента по решению задачи классификации обращений в службу поддержки на индонезийском языке с распределением по четырем категориям. Результаты исследования показали, что использование одной и той же архитектуры сети, но с различными комбинациями параметров, приводит к существенным различиям в уровне точности. Минимальная точность, зафиксированная во всех экспериментах, составила 32.874%, а максимальная достигнутая точность – 84.369%.

Изначально разработанные для преодоления ограничений традиционных RNN, сети LSTM эффективно улавливают долгосрочные зависимости в последовательностях, что делает их пригодными для решения широкого спектра задач. Но, несмотря на свои сильные стороны, сети LSTM сталкиваются с рядом проблем, включая высокую вычислительную сложность, значительные требования к объему данных и трудности в процессе обучения [5].

Сети типа «последовательность – последовательность» с частичной обусловленностью превосходят другие подходы, такие как двунаправленные или ассоциативные сети, и лучше всего подходят для выполнения этих требований [6].

Использование LSTM позволяет находить точные и эффективные решения для задач прогнозирования в различных сферах, особенно в таких прикладных областях, как бизнес, здравоохранение и транспорт [7].

Опишем тогда некоторые полезные последние достижения в области LSTM.

В статье М. Гхислиери и др. [8] проведена валидация высокоэффективного подхода к детектированию интервалов мышечной активации на основе sEMG-сигналов, использующего рекуррентные нейронные сети с долгой краткосрочной памятью (LSTM).

Трансплантация предварительно напряженных согласованных с памятью параметров затвора в модель LSTM частично смягчает ухудшение производительности, вызванное несоответствиями памяти, предполагая, что стратегии увеличения памяти могут преодолеть эту проблему. В качестве такого метода увеличения памяти Дж. Хонг и Й.М. Хванг [9] предложили модель Gate-of-Gates (GoG), которая расширяет емкость логических элементов LSTM и демонстрирует, что она может смягчить дополнительные ошибки, возникающие из-за несоответствий памяти.

К. Лиу [10] использовал однонаправленные и двунаправленные сети глубокого обучения типа LSTM для классификации новостей на китайском языке. При этом он проанализировал влияние контекстной информации на процесс классификации текста и достиг высокого уровня точности.

К.В. Чау [11] рассмотрел два типа моделей на основе машинного обучения – сети LSTM и вентильные рекуррентные блоки (GRU), применяя их для моделирования гидрологических характеристик зеленых кровель с использованием двух архитектур: с последовательным входом и одиночным выходом (SISO) и с синхронизированными последовательными входом и выходом (SSIO). Результаты исследования свидетельствуют о том, что как LSTM, так и GRU являются эффективными инструментами для моделирования зеленых кровель.

М.К.М. Рабби [12] провел сравнительный анализ моделей LSTM, предназначенных для распознавания эпилептических припадков на основе сигналов ЭЭГ. Для выявления эпилептических припадков в необработанных сигналах ЭЭГ рассматриваются следующие архитектуры LSTM: Vanilla (базовая), Stacked (многослойная) и Bi-directional (двунаправленная). Полученные результаты свидетельствуют о том, что двунаправленная модель LSTM демонстрирует более высокую эффективность по сравнению с остальными.

Несмотря на улучшения, достигнутые благодаря сетям LSTM, их механизм вентилей приводит к экспоненциальному затуханию информации, что ограничивает способность этих сетей улавливать долгосрочные зависимости. Ш. Чиен и др. [13] представили вентиль забывания, действующий по степенному закону, который, напротив, обеспечивает более медленную скорость затухания информации.

Ж. Феng, Дж. Жанг и В. Ниу [14] обозначили существующие проблемы и предложили перспективные направления дальнейших исследований в области LSTM-моделирования. К числу таких направлений относятся: интеграция LSTM с дополнительными методами для повышения эффективности работы; оптимизация гиперпара-

метров с целью улучшения точности и производительности моделей; а также повышение интерпретируемости моделей для получения более глубоких аналитических выводов.

З. Янг и др. [15] перенесли нейробиологические механизмы обучения и памяти на уровень интеллектуальных агентов, что позволило наделить машины функциями обучения, запоминания, когнитивной обработки информации и принятия решений, аналогичными человеческим.

Чтобы превзойти классификацию или прогнозы обычной модели LSTM за счет минимизации потерь, «stranded LSTM» поддерживает три различные стратегии на основе весов, которые могут быть произвольно выбраны до обучения модели, а именно наименьшие потери, взвешенные наименьшие потери и нечеткие наименьшие потери в процессе выбора модели LSTM и вывода [16].

М. Кричен и А. Михауб [5] исследовали ряд примечательных вариантов и усовершенствований стандартной архитектуры LSTM, таких как двунаправленные LSTM (Bidirectional LSTMs), улучшающие понимание контекста, и многослойные LSTM (Stacked LSTMs), повышающие емкость модели. Авторы также обсудили интеграцию механизмов внимания (Attention Mechanisms) с сетями LSTM, что позволило еще больше повысить их эффективность в различных задачах.

Дж. Дуан и др. [17] предложили новую архитектуру, основанную на сетях, специально адаптированную для задач последовательного ранжирования. Эта архитектура получила название LSTeM (Long Short-Term enhanced Memory – «LSTM с расширенной памятью») и позволяет усовершенствовать механизм памяти базовых сетей LSTM.

Методология

Этапы построения инновационных рейтингов регионов в отрасли РЭП, использующие технологию LSTM, представлены на рис. 1. Далее опишем их подробнее.

Этап 1. Сначала с сайта Федеральной службы государственной статистики (https://rosstat.gov.ru) собираются данные по 83 регионам России за период с 2010 по 2024 год. То есть собираются данные по 3 прямым (отрасль «Информатизация и связь») и 7 косвенным переменным, влияющим на инновационное развитие отрасли РЭП. Получается матрица данных размерности 1245×10 (табл.).

Этап 2. Затем те данные, которые выражены в рублях, корректируем на инфляцию, т.е. вычисляем их в ценах последнего 2024 года. Это необходимо в целях сравнимости данных по всем годам.

Этап 3. Разделяемые данные на обучающую выборку (2010–2023 гг.) и выборку для верификации (2024 год).

Этап 4. Обучаем карты Кохонена [18] для каждой из 10 переменных. В результате получаются следующие инновационные рейтинги регионов в отрасли РЭП:

1) рейтинг *A* – регионы-лидеры;

2) рейтинг *B* – регионы со средним уровнем инновационного развития;

3) рейтинг *C* – регионы со слабым уровнем инновационного развития;

4) рейтинг *D* – депрессивные регионы.

Этап 5. По обученным картам Кохонена на выборке для верификации прогнозируем рейтинги регионов. Их принимаем в дальнейшем как фактические значения в 2024 году.

Этап 6. Для дальнейшего анализа проводим нормализацию данных, чтобы все они были в одной размерности. Это делаем по формуле

$$\tilde{x} = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}, \qquad (1)$$

где $\tilde{x}$ – новое значение старой переменной x; $x_{\min}$ – минимальное значение x; $x_{\max}$ – максимальное значение x.

Также проводим линеаризацию данных, чтобы разнести данные по оси x. Это позволит сети LSTM более качественно обучаться на входных данных. Для этого берем натуральный логарифм от нормализованных данных.

Этап 7. Чтобы в дальнейшем при обучении воспользоваться долгой краткосрочной памятью (LSTM), следует разделить обучающую выборку с 2010 по 2023 год на отдельные датасеты. В течение каждой эпохи обучения нейронная сеть будет последовательно обучаться на каждом датасете, корректируя таким образом веса входных переменных.

Будем разбивать всю обучающую выборку на 5 датасетов, где в каждом из них будут присутствовать данные по двум переменным из 10.

Этап 8. Порядок обучения датасетов можно установить слева направо или справа налево по переменным таблицы. Его устанавливаем так, чтобы обучались сначала наиболее шумящие датасеты, а затем наименее шумящие. Это позволит более качественно обучить сеть LSTM.

Этап 9. Здесь происходит обучение сети LSTM согласно выбранному порядку отдельных датасетов.

Этап 10. На выборке для верификации (2024 год) прогнозируем рейтинги регионов по обу-

Таблица

Скорректированные на инфляцию, а также нормализованные и линеаризованные данные (фрагмент)

Регионы	Вход 1 Стоимость ОФ (информатизация и связь) (млн руб.)	Вход 2 Ввод в действие ОФ (информатизация и связь) (млн руб.)	Вход 3 Оборот организаций (информатизация и связь) (млрд руб.)	Вход 4 Затраты на внедрение и использование цифровых технологий (всего) (млн руб.)	Вход 5 Внутренние текущие затраты на НИР (фундаментальные исследования) (млн руб.)	Вход 6 Внутренние текущие затраты на НИР (прикладные исследования) (млн руб.)	Вход 7 Внутренние текущие затраты на НИР (разработки) (млн руб.)	Вход 8 Затраты на инновационную деятельность (всего) (млн руб.)	Вход 9 Используемые передовые производственные технологии (всего) (ед.)	Вход 10 Объем инновационных товаров (всего) (млн руб.)
2010 год										
1. Белгородская область	17617.473 –5.445526	1093.5404 –6.425259	5.7551042 –7.093403	8617.7858 –5.862244	488.73225 –5.5597234	793.07198 –5.1781479	1022.9708 –5.80733	8081.4429 –5.149708	1215 –2.832923	24703.863 –4.1077192
2. Брянская область	35353.688 –4.741391	2714.4276 –5.508789	24.645387 –5.638901	4883.1138 –6.435646	126.52326 –6.911112	101.53426 –7.2336656	303.5506 –7.022248	2445.5026 –6.345028	1021 –3.006884	11664.34 –4.8581426
…										
83. Чукотский автоном. округ	1747.0961 –7.905614	2041.4049 –5.795353	1.4895564 –8.445012	2551.5085 –7.096135	0 –13.81551	0 –13.81551	84.436519 –8.301796	37.35198 –10.52665	0 –13.81551	491.62571 –8.0247165
…										

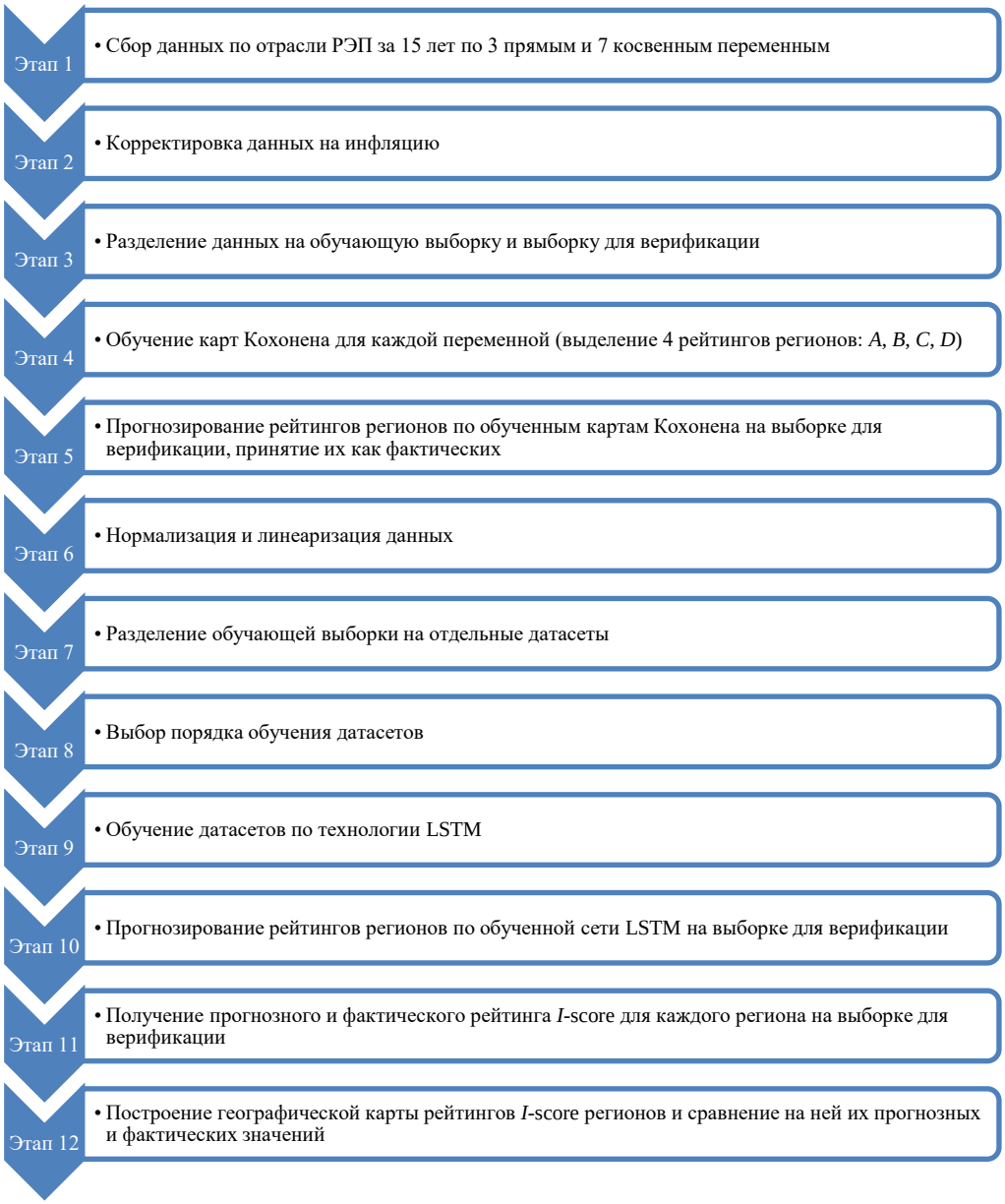

Рис. 1. Этапы построения инновационных рейтингов регионов в отрасли РЭП с применением LSTM

ченной сети LSTM. Здесь уже не важно, как мы подгружаем выборку для верификации – слева направо или справа налево, потому что это один-единственный датасет.

Этап 11. Прогнозную и фактическую выборку для верификации выстраиваем обратно по всем 10 переменным. Это позволяет получить средний рейтинг по 10 переменным для каждого из 83 регионов – для прогнозных и фактических рейтингов по отдельности. Эти средние значения рейтингов называем *I*-score, т.е. инновационный счет (в данном случае в отрасли РЭП).

Этап 12. Наконец, строим географическую карту рейтингов *I*-score регионов и сравниваем на ней их прогнозные и фактические значения. Процент совпадений прогнозов и фактов принимаем за меру точности (Accuracy) обученной сети LSTM на верификации.

Результаты

Согласно изложенной методологии построим инновационные рейтинги регионов России в отрасли РЭП, применяя для этого сеть LSTM.

Этап 1. С сайта Федеральной службы государственной статистики (https://rosstat.gov.ru) собраны данные по 83 регионам России за период с 2010 по 2024 год по 3 прямым и 7 косвенным переменным, влияющим на инновационное развитие отрасли РЭП.

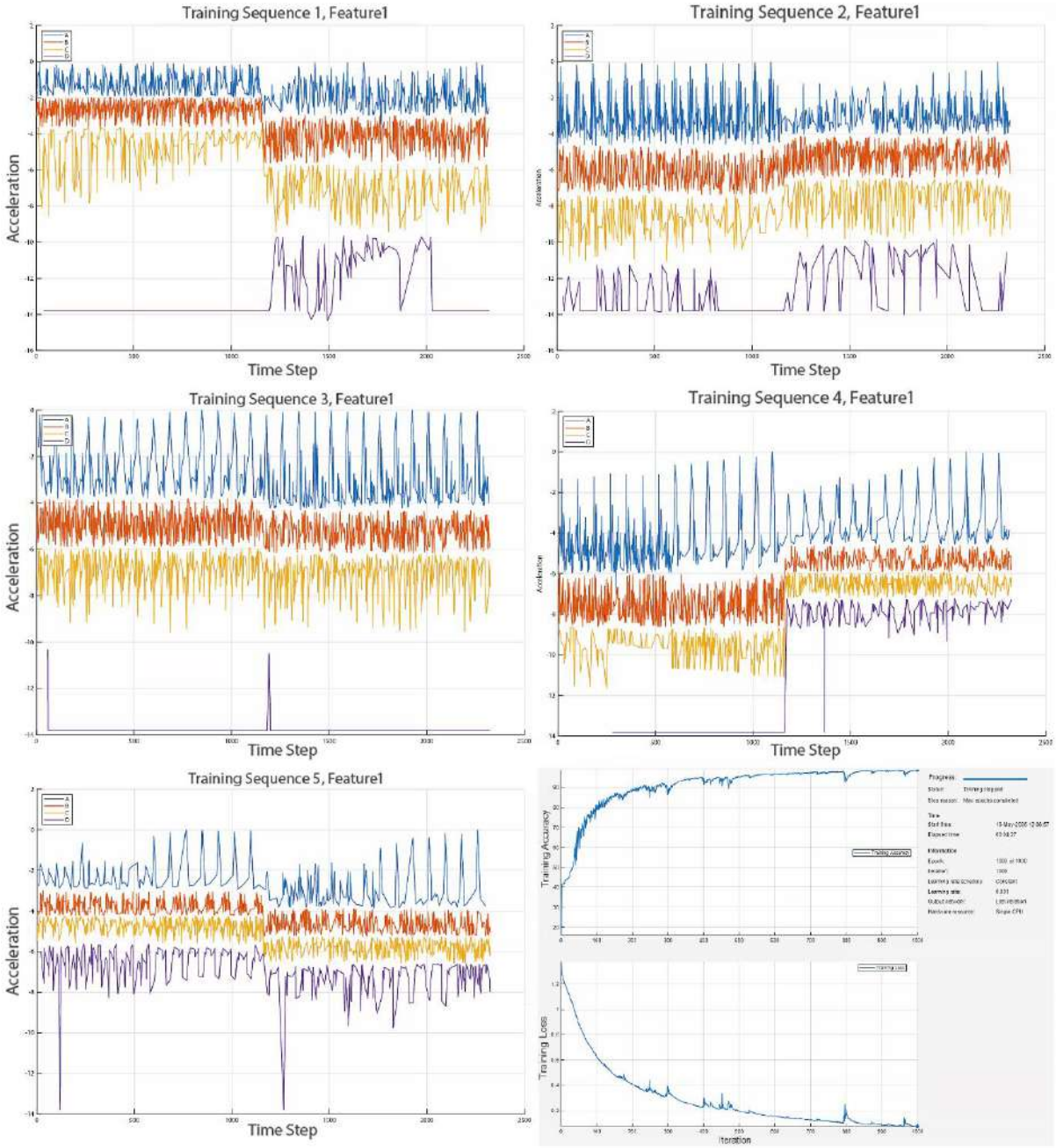

Рис. 2. Обучающие датасеты и график обучения сети LSTM

Этап 2. Данные, скорректированные на инфляцию, т. е. в ценах последнего 2024 года, представлены первыми в каждой ячейке таблицы.

Этап 3. Затем разделяем данные таблицы на обучающую выборку (2010–2023 гг.) и выборку для верификации (2024 год). Обучающая выборка представляет собой матрицу размерности 1162×10.

Этап 4. Далее обучаем карты Кохонена для каждой из 10 переменных. В результате получаются инновационные рейтинги регионов: *A, B, C, D*.

Этап 5. По обученным картам Кохонена прогнозируем рейтинги регионов в 2024 году. Они принимаются в дальнейшем как фактические значения в этом году.

Этап 6. Проводим нормализацию данных обучающей выборки 2010–2023 гг. по формуле (1), а затем их линеаризацию. Полученные значения представлены вторыми в каждой ячейке таблицы.

Этап 7. Делим обучающую выборку на 5 датасетов, где в каждом из них будут присутствовать данные по двум переменным из 10. В результате каждый датасет представляет собой вектор-столбец ($\vec{x}$), состоящий из 2324 элементов. Так поступаем с линеаризованными данными таблицы. Им ставим в соответствие 5 дата-

	1 Регионы	2 Вход 1	3 Predict 1	4 Вход 2	5 Predict 2	6 Вход 3	7 Predict 3	8 Вход 4	9 Predict 4	10 Вход 5	11 Predict 5	12 Вход 6	13 Predict 6	14 Вход 7	15 Predict 7	16 Вход 8	17 Predict 8	18 Вход 9	19 Predict 9	20 Вход 10	21 Predict 10	22 I-score Факт	23 I-score Predict
1	Белгородская область	C	D	C	C	B	C	B	A	B	B	B	B	B	B	B	A	A	A	A	A	B	B
2	Брянская область	C	C	C	C	D	D	B	A	C	C	C	C	B	B	B	B	B	A	B	B	B	C
3	Владимирская область	C	B	B	C	B	C	B	A	B	B	B	B	A	A	B	A	A	A	A	B	B	B
4	Воронежская область	B	B	B	C	B	C	B	A	B	B	A	A	A	A	A	A	A	A	A	B	A	B
5	Ивановская область	C	C	C	C	D	D	C	B	B	B	C	C	B	B	C	B	B	A	B	B	C	B
6	Калужская область	C	B	B	B	B	C	B	B	B	B	B	B	A	A	A	A	A	A	A	B	B	B
7	Костромская область	C	C	C	C	B	C	B	A	C	C	C	D	D	D	C	C	B	A	B	C	C	C
8	Курская область	C	C	C	C	C	D	C	B	B	B	C	C	A	A	B	A	B	A	B	B	B	B
9	Липецкая область	C	C	C	C	B	C	B	A	C	C	C	C	B	B	A	A	A	A	A	A	B	B
10	Московская область	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A
11	Орловская область	C	C	C	C	C	C	C	B	B	B	B	B	D	D	C	B	B	A	B	B	C	B
12	Рязанская область	C	C	B	C	C	C	B	A	C	B	B	B	B	B	B	A	B	A	B	B	B	B
13	Смоленская область	C	C	C	C	C	C	C	B	B	B	B	B	B	B	B	B	B	A	B	B	B	B
14	Тамбовская область	C	C	C	C	C	C	C	B	B	B	B	B	D	C	B	A	B	A	B	B	C	B
15	Тверская область	C	C	B	B	B	C	B	B	C	C	B	B	A	B	B	A	A	A	A	B	B	B
16	Тульская область	C	C	C	C	B	C	B	B	C	B	B	B	A	A	A	A	A	A	A	A	B	B
17	Ярославская область	B	B	B	B	A	B	B	B	B	B	B	B	A	A	A	A	A	A	A	B	A	B
18	г. Москва	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A

Рис. 3. Прогнозные и фактические рейтинги в отрасли РЭП для каждого региона в 2024 году (фрагмент)

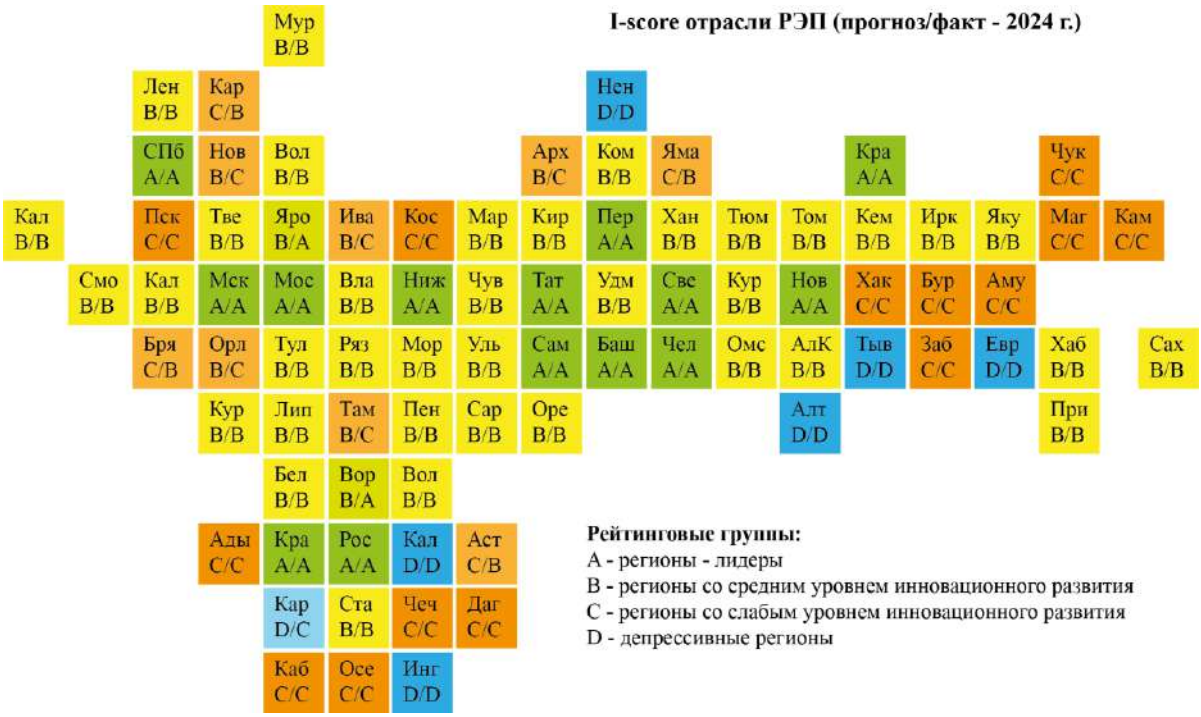

Рис. 4. Географическая карта рейтингов *I*-score регионов в отрасли РЭП

сетов такой же размерности с рейтингами регионов ($\vec{y}$).

Этап 8. Совмещая соответствующие датасеты по $\vec{x}$ и $\vec{y}$, получаем новую обучающую выборку, с которой в дальнейшем работаем. Порядок обучения датасетов устанавливаем так, чтобы обучались сначала наиболее шумящие датасеты, а затем наименее шумящие. Это получается справа налево по переменным таблицы. Полученные датасеты представлены на первых пяти графиках рис. 2. Как видно, датасет, расположенный вверху слева на рисунке, один из наиболее шумящих. Поэтому сеть LSTM начинаем обучать с него, переходя постепенно к датасету, расположенному внизу слева на рис. 2. Таким образом, мы обучаем входящие переменные в следующем порядке: 1) входы 9–10, 2) входы 7–8, 3) входы 5–6, 4) входы 3–4, 5) входы 1–2 (см. табл.).

Этап 9. График обучения сети LSTM согласно выбранному порядку отдельных датасетов представлен на рис. 2 внизу справа. На нем представлена точность обучения (Training Accuracy) и ошибка обучения (Training Loss). Как видно на рисунке, после 1000 эпох обучения точность сети LSTM составила более 95%, а ее ошибка – менее 10%.

Этап 10. Выборку для верификации (2024 год) формируем таким образом, чтобы характеристики обучающей выборки (2010–2023 гг.) не

повлияли на характеристики выборки для верификации. То есть выборка для верификации не должна зависеть от обучающей выборки. Для этого данные 2024 года в таблице, скорректированные на инфляцию, нормализуем отдельно согласно x_{min} и x_{max}, которые были получены для обучающей выборки, а затем полученные значения линеаризуем.

На выборке для верификации (2024 год) прогнозируем рейтинги регионов по обученной сети LSTM. Получаются данные, отмеченные красным цветом на рис. 3. При этом точность (Accuracy) обученной сети LSTM на верификации составляет 82.29%. Если же сеть обучать слева направо по переменным таблицы, то эта же точность составит 80%. Это подтверждает правильность выбора порядка обучения датасетов справа налево по переменным таблицы.

Этап 11. По данным рис. 3 можно получить средний рейтинг по 10 переменным для каждого из 83 регионов – для прогнозных и фактических рейтингов по отдельности. Эти средние значения рейтингов называем *I*-score, т.е. инновационный счет (в данном случае в отрасли РЭП). При совпадении прогнозных и фактических рейтингов *I*-score регионов отмечаем данные рейтинги синим цветом на рис. 3.

Этап 12. В результате на рис. 4 строим географическую карту рейтингов *I*-score регионов и сравниваем на ней их прогнозные и фактические значения. Процент совпадений прогнозов и фактов принимаем за меру точности (Accuracy) обученной сети LSTM на верификации. Она составляет 85.54%.

Если сравнить данную точность сети LSTM на верификации с точностью подобного исследования с использованием «точного гауссовского SVM» в работе [19], которая составила 81.93% при выделении в работе [19] лишь трех рейтингов *A, B, C*, получается, что представленная здесь нами модель гораздо более совершенна.

Заключение

В заключении обозначим основные полученные выводы.

1. Построение инновационных рейтингов регионов в радиоэлектронной промышленности (РЭП) становится важным, чтобы спланировать поддержку наиболее развитых территорий со стороны государства и инвестирование со стороны бизнеса. Эта задача требует применения наиболее современного и точного инструментария. Для этого применяется долгая краткосрочная память (LSTM) как один из методов машинного обучения.

2. Исследуются следующие инновационные рейтинги регионов в отрасли РЭП:

1) рейтинг *A* – регионы-лидеры;

2) рейтинг *B* – регионы со средним уровнем инновационного развития;

3) рейтинг *C* – регионы со слабым уровнем инновационного развития;

4) рейтинг *D* – депрессивные регионы.

3. Вся обучающая выборка разделяется на 5 датасетов, где в каждом из них будут присутствовать данные по двум переменным из 10. Порядок обучения датасетов устанавливаем так, чтобы обучались сначала наиболее шумящие датасеты, а затем наименее шумящие. Это позволит более качественно обучить сеть LSTM.

4. В результате построена географическая карта рейтингов инновационного счета (*I*-score) регионов и на ней сравниваются их прогнозные и фактические значения. Процент совпадений прогнозов и фактов принимается за меру точности (Accuracy) обученной сети LSTM на верификации. Она составила 85.54% против точности использования «точного гауссовского SVM», которая составила 81.93%. Это говорит о преимуществе применения нейронной сети с долгой краткосрочной памятью (LSTM).

Список литературы

1. Shi W.L. Industrial Electronics: Its Importance in the Manufacturing Industries // J. Ind. Electron. Appl. 2023. Vol. 7 (1). https://doi.org/10.4172/JIEA.1000016.

2. Доброва К.Б., Сахненко С.С. Предприятия радиоэлектронной промышленности в структуре высокотехнологичного сектора экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 12 (10А). С. 240–246. https://doi.org/10.34670/AR.2022.91.63.054.

3. Квинт В.Л., Хворостяная А.С., Сасаев Н.И. Авангардные технологии в процессе стратегирования // Экономика и управление. 2020. № 26 (11). С. 1170–1179. https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-11-1170-1179.

4. Hikmah A., Sulistiyono M. The Best Parameter Tuning on RNN Layers for Indonesian Text Classification // 2020 3rd International Seminar on Research of Information Technology and Intelligent Systems. 2021. P. 94–99. https://doi.org/10.1109/ISRITI51436.2020.9315425.

5. Krichen M., Mihoub A. Long Short-Term Memory Networks: A Comprehensive Survey // AI. 2025. Vol. 6 (9). https://doi.org/10.3390/ai6090215.

6. Lindemann B., Müller T., Vietz H. et al. A Survey on Long Short-term Memory Networks for Time Series Prediction // Procedia CIRP. 2021. Vol. 99. P. 650–655. https://doi.org/10.1016/j.procir.2021.03.088.

7. Arifin S., Wijaya A., Nariswari R. et al. Long Short-Term Memory (LSTM): Trends and Future Research Po-tential // International Journal of Emerging

Technology and Advanced Engineering. 2023. Vol. 13. P. 24–35. https://doi.org/10.46338/ijetae0523_04.

8. Ghislieri M., Cerone G.L., Knaflitz M., Agostini V. Long Short-term Memory (LSTM) Recurrent Neural Network for Muscle Activity Detection // J. NeuroEngineering Rehabil. 2021. Vol. 18. https://doi.org/10.1186/s12984-021-00945-w.

9. Hong J., Hwang Y.M. Long Short-term Memory Networks in Learning Memory Inconsistencies of Stock Markets // Financ. Innov. 2025. Vol. 11. https://doi.org/10.1186/s40854-025-00875-9.

10. Liu C. Long Short-term Memory (LSTM)-based News Classification Model // PLoS ONE. 2024. Vol. 19 (5). https://doi.org/10.1371/journal.pone.0301835.

11. Chau K.W. Green Roof Hydrological Modelling with GRU and LSTM Networks // Water Resources Management. 2022. Vol. 36 (3). P. 1107–1122. https://doi.org/10.1007/S11269-022-03076-6.

12. Rabby M.K.M. Epileptic Seizure Detection Using EEG Signal Based LSTM Models // IEEE International Conference on Artificial Intelligence and Knowledge Engineering (AIKE). 2021. P. 133–134. https://doi.org/10.1109/AIKE52691.2021.00028.

13. Chien Sh., Turek J., Beckage N. et al. Long Short-Term Memory with Slower Information Decay // LatinX in AI at International Conference on Machine Learning 2021. https://doi.org/10.52591/2021072418.

14. Feng Zh., Zhang J., Niu W. A State-of-the-art Review of Long Short-Term Memory Models with Applications in Hydrology and Water Resources // Applied Soft Computing. 2024. Vol. 167. Part B. https://doi.org/10.1016/j.asoc.2024.112352.

15. Yang Z., Khairuddin A., Chuah J. et al. A Review of Short-Term, Long-Term, and Memory Consolidation Mechanisms in the Hippocampus and Cerebral Cortex // IEEE Access. 2025. Vol. 13. P. 63248–63283. https://doi.org/10.1109/ACCESS.2025.3555539.

16. Kontogiannis S., Kokkonis G., Pikridas C. Proposed Long Short-Term Memory Model Utilizing Multiple Strands for Enhanced Forecasting and Classification of Sensory Measurements // Mathematics. 2025. Vol. 13 (8). https://doi.org/10.3390/math13081263.

17. Duan J., Zhang P.-F., Qiu R., Huang Z. Long Short-term Enhanced Memory for Sequential Recommendation // World Wide Web. 2023. Vol. 26. P. 561–583. https://doi.org/10.1007/s11280-022-01056-9.

18. Kohonen T. Self-Organizing Feature Maps // In: Self-Organization and Associative Memory. Springer Series in Information Sciences. 1989. Vol. 8. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-88163-3_5.

19. Яшин С.Н., Зенькова Л.П., Кошелев Е.В., Иванов А.А. Инновационный рейтинг регионов в радиоэлектронной промышленности: построение и верификация с использованием машинного обучения // Регионология. 2025. Vol. 33 (4). С. 678–696. https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202504.678-696.

CONSTRUCTING INNOVATIVE REGIONAL RATINGS IN THE RADIOELECTRONICS INDUSTRY USING LONG-SHORT-TERM MEMORY

***S.N. Yashin*[1], *E.V. Koshelev*[2], *A.A. Ivanov*[2]**

[1] Nizhny Novgorod branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
[2] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of this study is to construct innovation ratings of regions in the radio-electronic industry (REI). A long short-term memory (LSTM) neural network is used as a machine learning method. The following innovation ratings of regions in the REI are examined: 1) rating *A* – leading regions; 2) rating *B* – regions with an average level of innovation development; 3) rating *C* – regions with a weak level of innovation development; 4) rating *D* – depressed regions. The entire training sample is divided into 5 datasets, each containing data on two variables out of 10. The training order of the datasets is set so that the most noisy datasets are trained first, followed by the least noisy ones. This allows for more efficient training of the LSTM network. As a result, a geographic map of the innovation score (I-score) ratings of the regions is constructed, and their predicted and actual values are compared. The percentage of matches between forecasts and actual data is used as a measure of the accuracy of the trained LSTM network during verification. It was 85.54%, compared to 81.93% using the «exact Gaussian SVM». This demonstrates the advantage of using a neural network with long short-term memory (LSTM).

Keywords: radioelectronic industry, innovative region rankings, machine learning, long short-term memory.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2026_3_113

БЛАГОПОЛУЧИЕ РОДИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ: ДИНАМИКА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

© 2026 г.

Т.А. Гурко

Гурко Татьяна Александровна, д.соц.н.; главный научный сотрудник
Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва
tgurko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.05.2026
Статья принята к публикации 16.07.2026

Одним из показателей эффективности семейной политики может служить динамика благополучия родителей несовершеннолетних детей. Эмпирической основой статьи являются базы данных репрезентативных выборок по индивидам Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ «ВШЭ» (RLMS-HSE) 2004, 2014, 2024 гг. и Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) 2014 и 2024 г., которое проводится Федеральной службой государственной статистики. Показано, что за период 2004–2014–2024 гг. увеличилась доля и отцов, и матерей несовершеннолетних детей, которые удовлетворены работой в целом, временем, которое тратится на дорогу до работы, оплатой и условиями труда, возможностями для профессионального роста. Становится больше отцов и матерей, основная работа которых соответствует или близка полученной специальности. Улучшились условия жизни родителей. Значительно сократилась доля отцов и матерей, отметивших плохую организацию работы жилищно-коммунальных служб, недоступность дошкольного и школьного образования, медицинских услуг, загрязненность окружающей среды, а также проблемы с состоянием дорог, безопасностью дорожного движения. Увеличилась доля отцов и матерей, которые удовлетворены жизнью, оценивают здоровье как хорошее, полагающих, что они пользуются уважением. Сократилась доля родителей, считающих себя бесправными, употребляющих алкоголь, а также курящих отцов. Необходимость увеличивать семейный доход сказывается на недостатке времени для занятий спортом, гражданской активности, алкогольных застолий и курения. Состояние в браке повышает вероятность удовлетворенности жизнью родителей несовершеннолетних детей. Среди женатых отцов и замужних матерей также меньше курящих, больше полагающих, что их уважают, и меньше считающих себя бесправными. В возрасте 50–60 лет среди бездетных мужчин и женщин в сравнении с отцами и матерями меньше удовлетворенных жизнью, меньше бездетных мужчин оценивают здоровье как хорошее и считают, что их уважают.

Ключевые слова: благополучие, родители, дети, брачно-партнерский статус, уровень образования, городская/сельская местность.

Введение

Повышение рождаемости и поддержка семей с детьми являются приоритетными целями государственной российской политики. Естественный прирост населения замедлился, в 2017 г. этот показатель составил –1%, в 2023 г. уже –3% [1]. Суммарный коэффициент рождаемости варьировал от 1.34 в 2004 г., 1.74 в 2014 г. и 1.40 в 2024 г. [2, с. 96]. В паспорте Национального проекта «Семья» в качестве основных целей выделены увеличение числа семей с детьми, в том числе многодетных, укрепление семейных ценностей, повышение суммарного коэффициента рождаемости, доступность дошкольного образования для детей в возрасте от 1.5 до 3 лет [3]. Правительством утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, в которой определены основные цели и задачи [4], разработан план мероприятий по реализации Стратегии, включающий конкретные меры и ожидаемые результаты [5].

Одним из показателей эффективности семейной политики может служить благополучие родителей несовершеннолетних детей. Согласно обзору зарубежных результатов исследований предыдущих десятилетий, благополучие родителей влияет на репродуктивные

намерения и благополучие детей [6, p. 198]. Более поздние данные это подтверждают. В лонгитюдном исследовании хорватских матерей установлено, что их удовлетворенность жизнью прямо связана с долгосрочными показателями благополучия их детей, такими как удовлетворенность жизнью и счастье [7, p. 851]. На лонгитюдной выборке корейских родителей было показано, что субъективное благополучие отцов и матерей, которое измерялось уровнем родительского счастья, способствовало развитию когнитивных навыков детей школьного возраста [8, p. 210]. В исследовании венгерских отцов и матерей установлено, что субъективное благополучие транслируется из поколения в поколение, по крайней мере от родителей к подросткам, и в значительной мере опосредовано количеством времени, которое родители и дети проводят вместе [9, p. 17].

В этой связи актуален анализ динамики благополучия родителей несовершеннолетних детей. Для реализации этой цели и надежности выводов об устойчивости тенденций используются две репрезентативные базы данных. Стояла задача операционализировать и проанализировать динамику индикаторов субъективного и объективного благополучия родителей в последние два десятилетия. Согласно основной гипотезе происходит увеличение доли благополучных родителей с несовершеннолетними детьми. Ряд индикаторов благополучия различаются среди отцов и матерей с разным брачно-партнерским статусом, уровнем образования, среди городских и сельских жителей.

Методологические аспекты

Для изучения благополучия разработано множество подходов и, соответственно, эмпирических верификаций этого понятия. Авторы предлагают различные определения и индикаторы для измерения благополучия [10–13]. Разработаны основные показатели благополучия для международных сравнений: 1. Субъективное благополучие; 2. Материальные условия жизни; 3. Работа и досуг; 4. Жилье; 5. Здоровье; 6. Знания и навыки; 7. Физическая безопасность; 8. Социальные связи; 9. Гражданская активность; 10. Условия окружающей среды, а также соответствующие субъективные и объективные индикаторы. Субъективное благополучие основано на восприятии и оценке собственной жизни, достижений, а также на эмоциональных реакциях других людей на свой опыт [14, p. 12]. Объективные индикаторы, в свою очередь, – это условия жизни людей, независимо от восприятия своего поведения в разных сферах жизни [15].

Для разных возрастных и социальных групп (дети, пожилые, супруги, бомжи, домохозяйки, бизнесмены и т.д.) и теоретически, и методически необходимы разные подходы. Так, например, обобщались российские и зарубежные исследования, в которых использовались разные индикаторы для анализа благополучия детей и подростков [16; 17, с. 120–121]. Показатель субъективного благополучия подростков операционализирован на основе двух составляющих: гедонистической ситуативной и эвдемонистической. Гедонистической составляющей считалась удовлетворенность жизнью, эвдемонистическая измерялась на основе методик локуса контроля и самооценки [17, с. 129].

В процессе совершенствования семейной политики особую значимость приобретает анализ динамики и факторов благополучия родителей. Важно различать субъективное благополучие родителей, объективные индикаторы благополучия и родительское благополучие как удовлетворенность выполнением своей родительской роли. Рассматривались основные направления изучения родительства за рубежом и динамика отдельных индикаторов благополучия российских родителей [18]. Анализ ряда исследований благополучия родителей опубликован в кратком обзоре уральских ученых [19].

В данной статье для операционализации субъективного благополучия используются имеющиеся в обеих базах данных индикаторы удовлетворенности работой, жизнью, материальным положением, оценки здоровья, уважения со стороны окружающих, своего бесправия, а в качестве объективных – индикаторы условий жизни, досуга, физической активности, вредных привычек. В подвыборке КОУЖ родители моложе, нежели в РМЭЗ, за счет возраста детей, есть некоторые отличия и в формулировках вопросов в двух исследованиях. Тем не менее такие различия могут влиять в какой-то мере на значения индикаторов благополучия, но не на выявленные тенденции в целом.

Зарубежные результаты

В англоязычной литературе представлены различные эмпирические подходы к изучению благополучия родителей. Анализ данных из тридцати стран Европейского социального исследования (European Social Survey) выявил устойчивую положительную связь между родительскими обязанностями, смыслом и удовлетворенностью

жизнью отцов и матерей, независимо от социального и странового контекста [20, p. 1963]. Бездетные мужчины и женщины были удовлетворены жизнью так же, как и родители, в то же время статистически значимо больше матерей и отцов видели смысл в своей жизни в сравнении с неимеющими детей. Однако авторы подчеркивают, что не проводилось различия между вынужденно и сознательно бездетными [20, p. 1974]. На данных лонгитюдного исследования в Англии (UK Household Longitudinal Study) было установлено, что после рождения ребенка улучшается субъективное благополучие родителей, при потере беременности ухудшается самочувствие женщин и в меньшей мере их партнеров. Социальные нормы, касающиеся мужественности, считают авторы, не позволяют мужчинам открыто выражать горе, вынуждая их подавлять эмоции после потери беременности партнершей [21, p. 1161].

В американском исследовании использования времени (American Time Use Survey Well-Being Module) было установлено, что родители, имеющие подростков, менее счастливы по сравнению с родителями дошкольников, матери подростков, независимо от брачно-партнерского статуса, чаще испытывают стрессы в сравнении с отцами [22, p. 997]. Несколько иной вывод сделали ученые из других стран. Дошкольный возраст – наиболее сложный этап в восприятии японских женщин, но их самочувствие улучшается по мере взросления ребенка вне зависимости от поддержки со стороны супруга, своих родителей и/или супруга, субъективное благополучие отцов не зависит от возраста детей [23, p. 1447]. В исследовании сельских женщин провинции Газа, Мозамбик, было показано, что наличие маленьких детей отрицательно связано с удовлетворенностью жизнью, а детей старшего возраста, в том числе живущих за пределами страны, – положительно. В сельской местности с высоким уровнем рождаемости ожидается, что дети будут оказывать материальную поддержку своим родителям [24].

В исследовании израильских родителей дошкольников установлено, что вовлеченность в родительство отцов и матерей связана с высоким уровнем субъективного благополучия, вовлеченность отцов положительно влияет на самочувствие матерей, но не наоборот [25, p. 15]. Систематический поиск на онлайн-платформах и в базах научных публикаций позволил румынским ученым получить результаты восьмидесяти шести исследований родителей несовершеннолетних детей в разных странах. Метаанализ данных подтвердил зависимость между субъективным благополучием и уровнем родительского стресса вне зависимости от социально-демографических характеристик детей и родителей, наличия у детей особых потребностей [26, p. 255, 269].

В исследовании на Филиппинах изучалось влияние чрезмерного количества онлайн-запросов о здоровье (киберхондрии) на благополучие родителей. Было показано, что, независимо от возраста, уровня образования, социально-экономического статуса и структуры семьи, киберхондрия усиливает тревожность, понижает жизнестойкость и субъективное благополучие родителей в целом [27]. Анализ дневниковых записей родителей в Канаде выявил положительную связь между уединением, то есть количеством времени для себя, и субъективным благополучием родителей. Значения статистической связи наиболее высокие для родителей с высоким уровнем невротизма [28]. В исследовании польских матерей было установлено, что забота о себе, в качестве основных индикаторов которой рассматривались позитивная оценка себя и своей жизни, устойчивость к пагубным искушениям, готовность противостоять жизненным вызовам, уверенность в поддержке близких и друзей, способность успокаивать себя, предотвращает родительское выгорание. Статистически значимо больше матерей с высшим образованием, проживающих в крупных городах, переживали эмоциональное выгорание в сравнении с сельскими матерями без высшего образования [29].

На удовлетворенность жизнью матерей и отцов положительно сказывается интенсивный стиль воспитания (concerted cultivation), который распространен среди образованных родителей – представителей среднего класса. Такой стиль предполагает активное участие родителей во внешкольных и школьных мероприятиях, целенаправленное формирование навыков и развитие способностей детей [30, p. 1249]. В квазиэкспериментальном исследовании китайских родителей изучалось влияние двух методов воспитания детей – авторитарного и позитивного, сочетающего как мягкий, так и строгий стиль, который, по мнению авторов, в большей мере соответствует китайской культуре. Подтвердилась гипотеза о положительной связи позитивного метода воспитания и субъективного благополучия китайских родителей [31].

На данных американского исследования использования времени было показано, что у отцов и матерей более низкие показатели субъективного благополучия при воспитании девочек

и детей обоих полов по сравнению с воспитанием только мальчиков [32, p. 834]. Изучались также связи между образовательной мобильностью детей и благополучием родителей. На выборке немецких подростков и их отцов и матерей установлено, что у родителей с высшим образованием низкий уровень удовлетворенности жизнью и психологического благополучия в тех случаях, когда подростки не стремятся учиться, имеют плохую успеваемость и не планируют продолжать образование после окончания школы [33, p. 250].

Обзор результатов исследований молодых работающих матерей в Индии свидетельствует, что они сталкиваются с проблемой совмещения ролей и в отсутствие оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, поддержки на рабочих местах, таких, например, как гибкий график, помощи со стороны отцов, из-за высоких требований к выполнению материнской роли испытывают постоянные стрессы. В итоге среди них распространяются психические расстройства [34]. В лонгитюдном исследовании хорватских матерей показано, что поддержка со стороны социальных служб позитивно сказывается на их субъективном благополучии и, в свою очередь, на удовлетворенности жизнью и счастье детей вне зависимости от пола и возраста детей [7, p. 861]. Китайские социологи установили, что в условиях распространения карьерных устремлений женщин наличие социального капитала (сообщества соседей, родителей, в том числе виртуальные) и гибкого графика на работе положительно связано с субъективным благополучием и отсутствием симптомов депрессии у работающих матерей [35]. По данным немецких социологов, больше удовлетворенных жизнью матерей среди работающих менее двадцати пяти часов в неделю в сравнении с неработающими. В Восточной Германии эта связь значительнее, нежели в Западной. Судя по результатам, сказываются последствия социал-демократического режима в сравнении с консервативным. Состоящие в браке матери и отцы с примерно одинаковой продолжительностью рабочего времени в равной мере удовлетворены жизнью. Показано также, что множественность ролей приводит к успешному выполнению каждой роли и повышает субъективное благополучие и отцов, и матерей в противовес утверждению, что ролевое многообразие связано с ролевой перегрузкой [36, p. 304]. Этот вывод согласуется с результатами когортного исследования американских отцов с детьми в возрасте до 2 лет. Установлена положительная связь между удовлетворенностью отцов работой, вовлеченностью в уход за детьми и социально-эмоциональными навыками детей. По мнению авторов, полученные данные подтверждают гипотезу интенсификации ролей [37, p. 2595].

В предыдущие десятилетия исследователи установили факт позитивного влияния отцовской вовлеченности на благополучие матерей и детей. По мере возрастания участия отцов в уходе за детьми и их воспитании стали проводиться исследования о влиянии вовлеченности в отцовство на благополучие самих отцов. На данных лонгитюдного американского исследования «Семьи сожителей и благополучие детей» (Fragile Families and Child Wellbeing Study) показано, что больше отцов, имеющих задолженность по алиментам и не общающихся с детьми, переживают депрессию и неудовлетворенность жизнью в сравнении с отцами, не имеющими задолженности и встречающимися с детьми [38, p. 1366]. Польские исследователи выявили, что статистически значимо больше непьющих молодых отцов удовлетворены жизнью по сравнению с зависимыми от алкоголя отцами. В то же время зависимые отцы, активно участвующие в воспитании детей, удовлетворены жизнью в большей мере в сравнении с не вовлеченными в родительство [39, p. 111]. В анонимном онлайн-опросе отцов в немецкоговорящих странах Центральной Европы выявлено, что раздельное проживание биологических отцов с детьми неблагоприятно сказывается на их субъективном благополучии, которое улучшается при поддержании регулярных контактов с детьми, в том числе при создании отцами новой семьи. Наиболее уязвимы отцы, проживающие без партнерши, они часто ощущают некомпетентность, отсутствие контроля над принятием решений, неудовлетворенность графиком посещений детей [40, p. 11]. Установлено, что наличие детей позитивно влияет на физическое, психическое здоровье, субъективное благополучие, а также продолжительность жизни мужчин, вне зависимости от брачно-партнерского статуса [41, p. 69, 83].

Результаты исследований условий и факторов благополучия родителей в разных странах не всегда совпадают. Различия обусловлены социокультурным контекстом, уровнем экономического развития, занятостью женщин, поддержкой со стороны государства и на рабочих местах, помощью со стороны ближайшего социального окружения, принятием норм отцовского участия в уходе и воспитании детей и справедливого распределения родительских обязанностей. Выводы, которые получены в отдельных странах, можно рассматривать, скорее, как гипотезы для будущих межстрановых сравнительных проектов.

Результаты эмпирического анализа

Для анализа динамики благополучия родителей были сформированы подвыборки родителей по критерию наличия у них несовершеннолетних детей по репрезентативным выборкам индивидов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ «ВШЭ» (RLMS-HSE)[1]. В 2004 г. эта подвыборка составила 2270 родителей, в 2014 г. – 2973 и в 2024 г. – 2612. Благополучие родителей анализировалось и по сходным индикаторам баз данных индивидов Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ) 2014 и 2024 г., подвыборка родителей, проживающих с детьми до 15 лет, в 2014 г. составила 27090 и в 2024 г. – 22329 [42].

Динамика индикаторов субъективного благополучия. Согласно данным RLMS-HSE, в 2004 г. 29.7% матерей с несовершеннолетними детьми не работали, в 2014 г. – 24.0% и в 2024 г. – 22.7% без учета пребывающих в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребёнком до 3 лет. То есть доля матерей-домохозяек уменьшилась за двадцатилетний период незначительно. В то же время больше удовлетворенных жизнью матерей среди тех, кто находится в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребёнком до 3 лет (77.4%), среди работающих (63.1%) в сравнении с неработающими (54.0%). В 2024 г. доля неработающих матерей не зависела от брачно-партнерского статуса и была более чем в два раза выше среди матерей со средним общим образованием (33.9%) в сравнении с имеющими среднее специальное (22.3%) и высшее образование (14.3%). Больше работающих матерей в городах (81.3%) в сравнении с сельской местностью (64.6%).

Судя по данным RLMS-HSE, увеличилась доля и отцов, и матерей, которые удовлетворены работой в целом, оплатой труда, условиями труда и возможностями для профессионального роста (табл. 1). По данным КОУЖ, увеличилась доля отцов, которые удовлетворены временем, которое приходится тратить, чтобы добраться до работы, – 69.8% в 2014 г. и 81.1% в 2024 г., оплатой труда – 39.7% и 63.8%, условиями труда – 66.7% и 80.1%, возможностями для профессионального роста – 65% и 78.6% соответственно. Увеличилась и доля матерей, которые удовлетворены временем, которое они тратят, чтобы добраться до работы, – 74.6% в 2014 г. и 84.3% в 2024 г., оплатой труда – 31.8% и 58.7%, условиями труда – 67.4% и 78.7%, возможностями для профессионального роста – 62.1% и 73.1% соответственно. Увеличилась доля родителей, основная работа которых соответствует или близка полученной специальности, – 54.1% отцов в 2014 г. и 64.1% в 2024 г., 59.1% и 73.9% матерей соответственно. В 2024 г. 14.3% отцов и 19.0% матерей указали, что у них есть возможность выполнения своей работы дистанционно, с помощью сети Интернет.

По данным RLMS-HSE, в период 2004–2024 гг. стало больше и отцов, и матерей, которые полностью или скорее удовлетворены жизнью, оценивают здоровье как очень хорошее и хорошее. Становится меньше отцов и матерей, считающих себя бесправными; стабильна, независимо от пола, доля родителей, которые считают, что пользуются уважением. Незначительно увеличилась доля удовлетворенных материальным положением матерей и отцов, и сократилась тех, которые очень беспокоятся, что не смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев (рис. 1, 2). По данным КОУЖ, также несколько увеличилась доля отцов, которые оценивают здоровье как очень хорошее и хорошее: с 63.2% в 2014 г. до 70.9% в 2024 г., и соответственно доля матерей – с 61.6% до 71.8%.

Таблица 1

Динамика удовлетворенности работой отцов и матерей, RLMS-HSE, 2004, 2014, 2024 гг.

Индикаторы	Отцы, 2004, *n*=794	Отцы, 2014, *n*=1129	Отцы, 2024, *n*=1057	Матери, 2004, *n*=915	Матери, 2014, *n*=1260	Матери, 2024, *n*=1119
Удовлетворены работой в целом	46.4	67.1	**79.0**	41.3	57.2	**80.7**
Удовлетворены оплатой труда	22.4	43.7	**47.9**	18.7	35.6	**47.1**
Удовлетворены возможностями для профессионального роста	31.4	49.8	**63.7**	27.7	46.2	**66.3**
Удовлетворены условиями труда	38.3	64.7	**74.5**	42.1	67.0	**82.0**

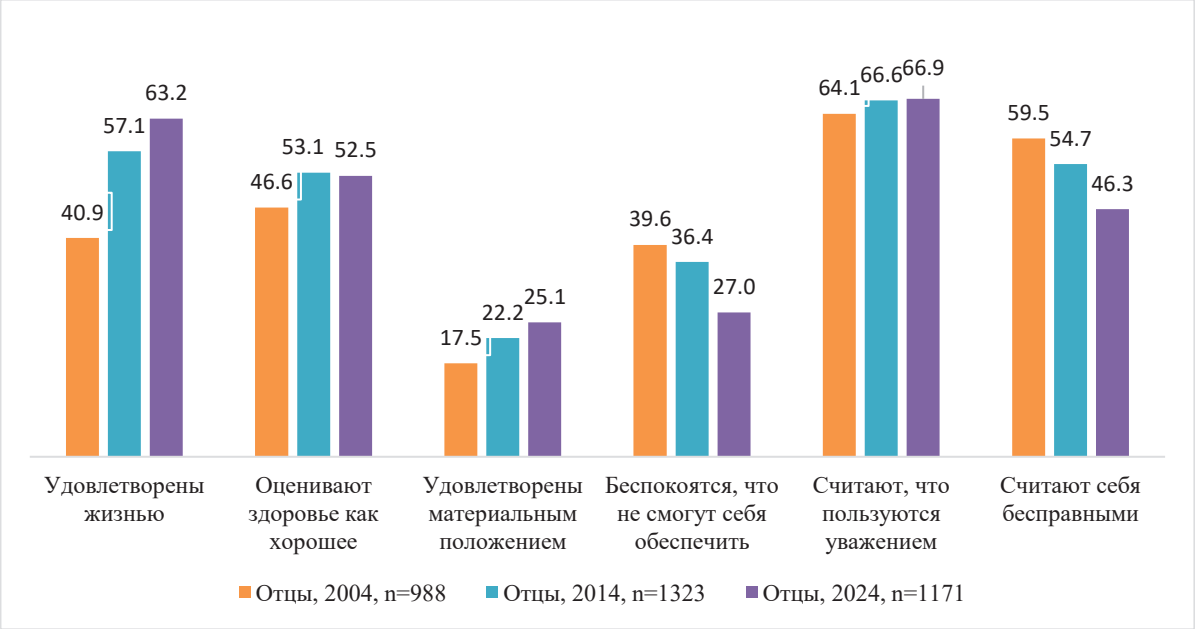

Рис. 1. Динамика индикаторов субъективного благополучия отцов, RLMS-HSE, 2004, 2014, 2024 гг., %

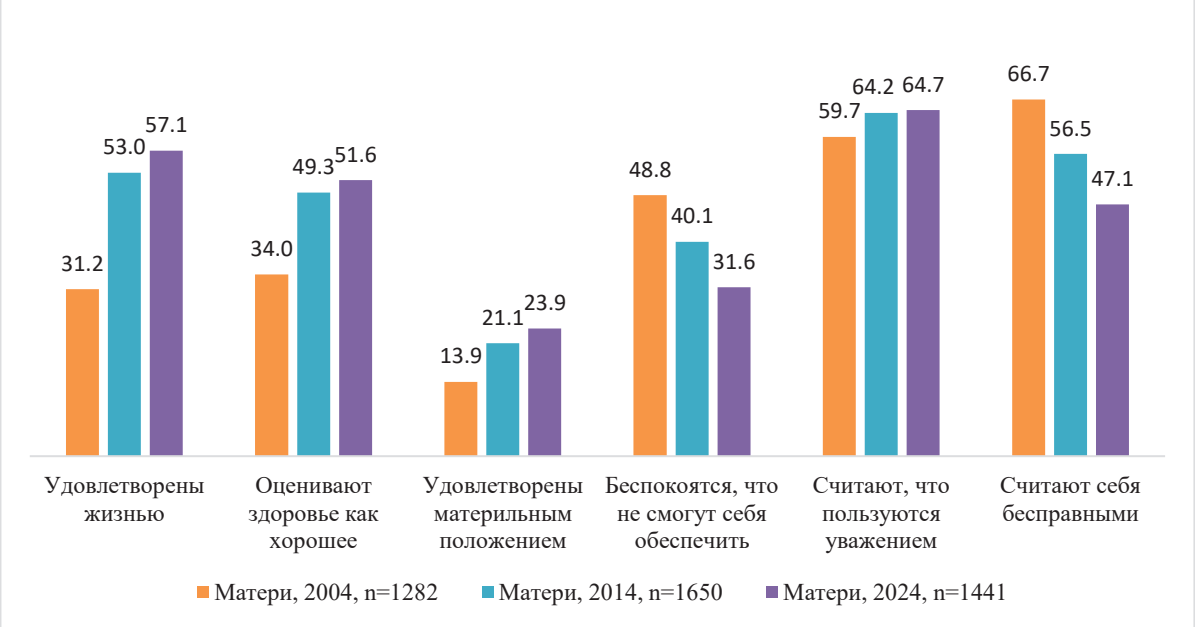

Рис. 2. Динамика индикаторов субъективного благополучия матерей, RLMS-HSE, 2004, 2014, 2024 гг., %

Динамика объективных индикаторов благополучия. Согласно данным RLMS-HSE, уменьшилась доля курящих отцов с 68.8% в 2004 г. до 59.0% в 2014 г. и 46.9% в 2024 г. Доля курящих матерей в пределах 20% стабильна по обеим базам данных. Употребляли алкоголь в последние 30 дней в 2004 г. 67.2% отцов, в 2014 г. – 73.8% и в 2024 г. – 49.7%, соответственно 52.7%, 59.3% и 34.8% матерей. По данным КОУЖ 2014, 2024 гг., существенно уменьшилась доля курящих и употребляющих алкоголь отцов. Доля матерей, употребляющих алкоголь, стабильна и несколько меньше, нежели отцов (рис. 3, 4).

Улучшились условия жизни родителей. Уменьшилась доля отметивших, что им недоступно дошкольное и школьное образование, медицинские услуги, а также считающих, что по месту их жительства есть проблемы с экологией (рис. 3, 4). Сократилась доля родителей, отметивших плохую организацию работы жилищно-

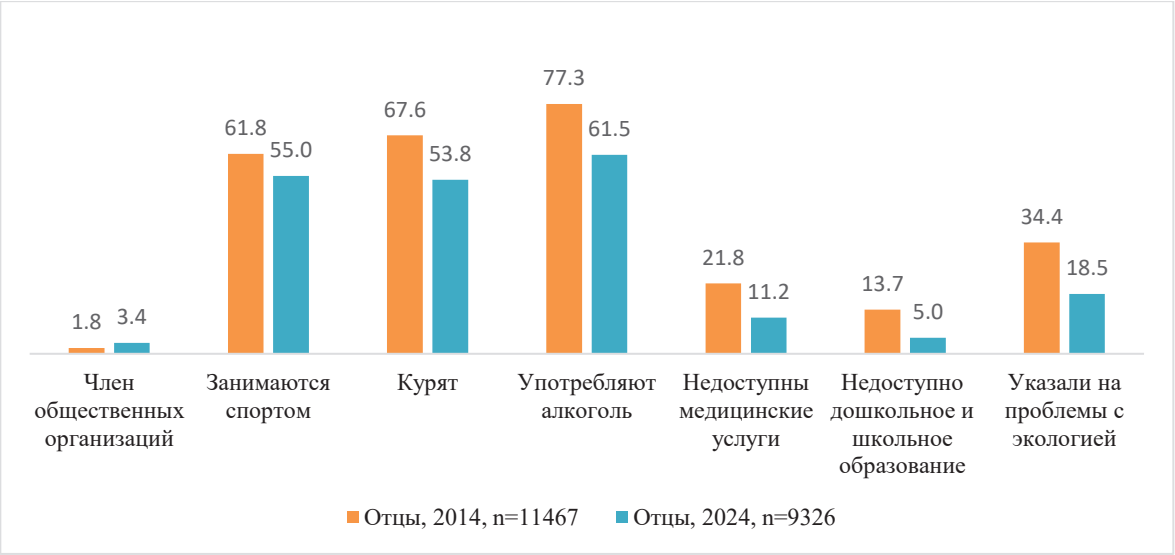

Рис. 3. Динамика индикаторов благополучия отцов, КОУЖ, 2014, 2024 гг., %

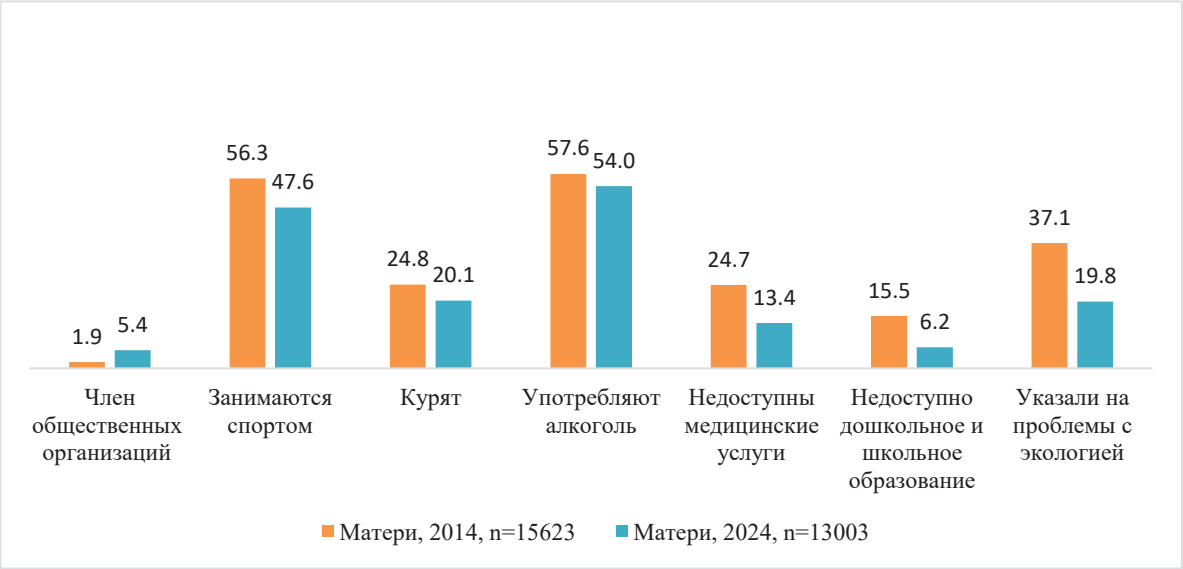

Рис. 4. Динамика индикаторов благополучия матерей, КОУЖ, 2014, 2024 гг., %

коммунальных служб, – 37.8% отцов и 40.0% матерей в 2014 г., 18.7% отцов и 20.6% матерей в 2024 г., а также проблемы с состоянием дорог, безопасностью дорожного движения – 60.6% отцов и 58.7% матерей в 2014 г. и 43.3% и 40.9% соответственно в 2024 г.

По данным RLMS-HSE, не занимались физкультурой в 2004 г. 81.8% отцов и 82.4% матерей, в 2014 г. – 77.3% и 77.8%, в 2024 г. – 74.6% и 77.4% соответственно. То есть доля родителей, которые занимаются физкультурой, практически не изменилась. По данным КОУЖ, незначительно сократилась доля отцов и матерей, которые занимаются какими-то активными видами отдыха (рис. 3 и 4). Родители не занимаются спортом преимущественно из-за «нехватки времени», и в 2014 г., и в 2024 г. около двух третьих отцов и матерей указали такую причину.

Несколько увеличилась доля членов профсоюзных, общественных, добровольных или благотворительных организаций, принимающих участие в общественных движениях, инициативах или в иных самодеятельных объединениях (рис. 3, 4). Увеличилась доля отцов и матерей, которые совершают туристические поездки. В течение последнего года совершали одну или несколько поездок с туристской или экскурсионной целью в 2014 г. 27.1% отцов и 28.1% матерей, в 2024 г. – 43.0% отцов и 41.3% матерей. Родители путешествуют, поскольку современные условия позволяют брать с собой детей даже

Таблица 2

Индикаторы благополучия родителей в зависимости от брачно-партнерского статуса, RLMS-HSE 2024, *n*=2612, %

Индикаторы	Мужья *n*=952	Сожители *n*=120	Разведенные *n*=68	Жены *n*=1021	Сожительницы *n*=155	Разведенные *n*=125	Незамужние *n*=85	Вдовы *n*=44
Удовлетворены жизнью	**67.6**	50.8	35.0	**67.7**	55.5	53.6	41.2	31.1
Удовлетворены материальным положением	26.2	22.5	**13.2**	26.2	22.6	19.2	**12.9**	15.9
Очень беспокоится, что не сможет обеспечить себя	27.1	26.7	25.0	**29.6**	39.4	35.2	38.2	**50.0**
Оценивают здоровье как хорошее	53.3	54.2	45.6	52.3	52.3	50.4	51.8	**31.8**
Считают, что их уважают	**69.3**	62.5	52.9	**65.4**	60.0	64.9	63.5	54.5
Считают себя бесправными	**42.9**	60.8	61.8	**44.7**	58.1	47.2	56.5	45.5
Курят	**42.5**	67.5	64.7	**14.6**	37.4	28.5	17.6	31.8
Употребляли алкоголь в последний месяц	49.1	57.5	48.5	33.8	38.1	41.6	**27.1**	40.9

Таблица 3

Индикаторы благополучия родителей в зависимости от уровня образования, RLMS-HSE 2024, *n*=2612, %

Индикаторы	Отцы со средним *n*=516	Отцы со средним специальным *n*=279	Отцы с высшим *n*=376	Матери со средним *n*=477	Матери со специальным *n*=341	Матери с высшим *n*=623
Удовлетворены жизнью	56.8	65.2	**70.5**	53.9	61.3	**68.9**
Удовлетворены материальным положением	21.7	26.5	28.7	21.2	23.8	26.0
Оценивают здоровье как хорошее	47.3	56.3	56.9	49.1	45.7	56.7
Считают, что их уважают	57.9	64.9	**80.6**	53.7	62.2	**74.5**
Считают себя бесправными	**53.5**	47.7	35.4	**55.6**	44.3	42.1
Курят	**56.8**	49.1	31.6	**28.9**	19.1	11.6
Употребляли алкоголь в последний месяц	47.1	51.6	51.9	36.1	31.7	37.1

в дальние поездки. Российские авиакомпании предоставляют для детей в возрасте до 12 лет скидки на внутренних и международных воздушных линиях над территорией РФ [43].

Вовлеченность и отцов, и матерей в родительство и необходимость увеличивать семейный доход, выплачивать ипотечные кредиты сказывается на недостатке времени для занятий спортом, гражданской активности, алкогольных застолий и курения.

По данным RLMS-HSE 2024, больше состоящих в браке отцов и матерей удовлетворены жизнью, полагают, что их уважают, среди них меньше считающих себя бесправными, курящих. Меньше замужних матерей беспокоятся, что не смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайший год. Доля родителей, употреблявших алкоголь в последний месяц, мало различается. Меньше вдов оценивают здоровье как хорошее и очень хорошее. Меньше удовлетворенных материальным положением среди разведенных отцов и никогда не состоявших в браке матерей (табл. 2).

Больше родителей, имеющих высшее образование, удовлетворены жизнью, считают, что их уважают, в сравнении с родителями со средним образованием. Больше родителей, имеющих среднее образование, курят и считают себя бесправными (табл. 3).

Значительны различия между городскими и сельскими родителями по условиям жизни. В 2024 г. в два раза больше сельских отцов и матерей отметили, что им недоступно дошкольное и школьное образование, – 17.3% и 21.1% в сравнении с городскими – 8.6% и 10.3%, медицинские услуги – соответственно 8.8% и 11.1% городских

Таблица 4

Индикаторы благополучия бездетных мужчин и женщин в сравнении с родителями в возрасте 50–60 лет, RLMS-HSE 2024, *n*=1671, %

Индикаторы	Отцы *n*=583	Бездетные мужчины *n*=83	Матери *n*=906	Бездетные женщины *n*=97
Удовлетворены жизнью	56.1	**34.9**	55.6	**40.2**
Оценивают здоровье как хорошее	31.2	**21.7**	24.8	20.6
Считают, что их уважают	63.6	**53.0**	65.8	58.8
Курят	47.0	53.0	18.3	15.5
Употребляли алкоголь в последний месяц	49.7	45.8	34.7	30.9

и 3.3% и 4.3% сельских родителей. Указали на загрязненность окружающей среды в два раза больше городских отцов и матерей – 22.0% и 23.1% в сравнении с сельскими – 10.5% и 11.6%, проблемы с состоянием дорог, безопасностью дорожного движения – 17.2% сельских и 28.6% городских матерей. При всех преимуществах экологической обстановки благополучие сельских родителей и реализация их репродуктивного потенциала во многом зависит от социальной инфраструктуры. Согласно данным RLMS-HSE 2024, меньше сельских матерей удовлетворены работой (52.0%) в сравнении с городскими (66.0%), а также условиями труда – 52.3% и 67.3%. Вопреки гипотезе, несколько больше городских родителей в сравнении с сельскими употребляют алкоголь – в последний месяц до опроса 37.4% сельских и 53.7% городских отцов и соответственно 25.0% и 37.8% матерей. По данным КОУЖ 2024, 61.4% сельских отцов и 43.6% матерей в сравнении с 72.9% городских отцов и 56.5% матерей употребляют алкоголь.

Заключение

С точки зрения формирования семейных ценностей и качества родительства важно формирование позитивного образа нормативной семьи с детьми, основанной на браке. Необходимо пропагандировать в ходе информационно-коммуникационных кампаний результаты о преимуществе родителей, состоящих в браке, о том, что наличие детей положительно влияет на продолжительность жизни, физическое, психическое здоровье и субъективное благополучие мужчин. Популяризация практик включенности мужчин в процесс течения беременности и родов, равноправного участия в уходе и воспитании детей будет способствовать благополучию матерей и их желанию иметь больше детей.

В целях поддержки семей с детьми было бы эффективно создание семейных судов. Такие суды – или для начала семейные судьи – необходимы для решения проблем разводящихся родителей, включая определение места жительства детей и порядка общения ребёнка с отдельно проживающим родителем, бабушками/дедушками, урегулирования алиментных обязательств и установления совместной физической опеки, лишения (ограничения) родительских прав.

Позитивные тенденции динамики индикаторов субъективного и объективного благополучия родителей внушают оптимизм в отношении перспектив рождаемости и качества родительства. По крайней мере, анализ результатов зарубежных исследований свидетельствует о влиянии субъективного благополучия родителей на их репродуктивные планы. Открытым остается вопрос, влияет ли субъективное благополучие родителей на их репродуктивные намерения в российских условиях. Нужен специальный анализ репрезентативных баз данных и дальнейшие исследования.

Примечание

1. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ «ВШЭ» (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS HSE: http://www.hse.ru/rlms; https://rlms-hse.cpc.unc.edu (дата обращения: 12.04.2026).

Список литературы

1. Демография. Естественное движение населения // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 07.05.2026).

2. Российский статистический ежегодник. 2025: Стат. сб. / Росстат. М., 2025. 621 с.

3. Паспорт национального проекта «Семья» // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501336/?ysclid=mo4jigk5aa4306991 (дата обращения: 21.07.2025).

4. Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р (ред. от 30.04.2026) // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501543/ (дата обращения: 27.08.2025).

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 3999-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 г.» // Сайт «Гарант.ру.» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413277476/?ysclid=motyt2uzzt76530975 (дата обращения: 29.01.2026).

6. Nomaguchi K., Milkie M.A. Parenthood and well-being: A decade in review // Journal of Marriage and Family. 2020. Vol. 82 (1). P. 198–223.

7. Vujčić M.T., Žganec A.B., Džida M. Mothers' life satisfaction and children's well-being: examining the role of social support in a two-wave multi-source study // Journal of Child and Family Studies. 2025. Vol. 34. P. 851–866.

8. Oh S., Kim J., Lee N., Jang J. The impact of parents' subjective happiness on children's executive functions: A longitudinal study // Journal of Associated Medical Sciences. 2026. Vol. 59 (1). P. 210–217.

9. Nagy B., Róbert P. and Geszler N. Like parent, like child? The intergenerational transmission of subjective well-being in Hungary // Journal of Family Studies. 2023. Vol. 29 (4). P. 1645–1665.

10. Бенко Е.В. Обзор зарубежных публикаций, посвященных исследованию благополучия // Психология. Психофизиология. 2015. № 2. С. 5–13.

11. Кученкова А.В., Татарова Г.Г. Субъективное благополучие: проблема анализа качественной (не)однородности населения (часть 1) // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 14–25.

12. Социологические подходы к изучению социального благополучия: Монография / Е.А. Авдеев, Э. Аллардт, Л.А. Беляева [и др.]; отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с.

13. Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типообразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.

14. OECD Guidelines on measuring subjective well-being (2025 Update) Paris: OECD Publishing, 2025. 92 p.

15. Guidelines on measurement of well-being. UNECE. 2025. URL: https://w3.unece.org/Stories/2025/09/wellbeing/webpage4.html#1882748698 (дата обращения: 28.04.2026).

16. Гурко Т.А. Благополучие детей в различных семейных структурах: обзор результатов зарубежных исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 1 (61). С. 45–53.

17. Гурко Т.А. Динамика жизнедеятельности и факторы благополучия подростков // Мир России. 2023. Т. 32. № 4. С. 119–137.

18. Гурко Т.А. Динамика благополучия отцов и матерей, имеющих несовершеннолетних детей // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 3. С. 59–72.

19. Маркова Т.Л., Акулова П.Е. Родительское благополучие в контексте социологических исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 4 (849). С. 127–136.

20. Hudde A., Jacob M. Parenthood in Europe: Not more life satisfaction, but more meaning in life // Journal of Marriage and Family. 2025. Vol. 87 (5). P. 1963–1978.

21. Di Nallo A. Couples' subjective well-being around live birth and pregnancy loss // Population and Development Review. 2025. Vol. 51 (3). P. 1141–1169.

22. Meier A., Musick K., Fischer J., Flood S. Mothers' and fathers' well-being in parenting across the arch of child development // Journal of Marriage and Family. 2018. Vol. 80 (4). P. 992–1004.

23. Minagawa Y. Age composition of young children and parental well-being in Japan // Journal of Family Studies. 2023. Vol. 29 (3). P. 1447–1464.

24. Hayford S.R., Badolato L., Agadjanian V. Parenthood and women's subjective well-being in a low-income, high-fertility context: A case study from rural Gaza province, Mozambique // Population Research and Policy Review. 2025. Vol. 44 (57). P. 1–21.

25. Aram D., Sagi L., Hazan H. Parenting young children: The interplay between mothers' and fathers' daily behaviors and well-being // Behavior Sciences. 2026. Vol. 16 (2):230.

26. Rusu P.P., Candel O.S., Bogdan I. et al. Parental stress and well-being: A meta-analysis // Clinical Child and Family Psychology Review. 2025. Vol. 28. P. 255–274.

27. Alba A., Alcantara M., Casabar C. et al. Impact of excessive online health searches on parental well-being // Nurse Education and Practitioner Journal. 2025. Vol. 1. Iss. 2. P. 114–122.

28. Pauly T. No time for myself: Personality moderates associations between solitude and parental well-being // Innovation in Aging. 2025. Vol. 9 (Issue Supplement_29).

29. Pilarska N., Liberska H., Larionow P. Self-care behaviours and parental burnout in a large sample of Polish mothers // Annals of Agricultural and Environmental Medicine. 2026. DOI: 10.26444/aaem/215286.

30. Weinshenker M., Kim S. Concerted cultivation and parental satisfaction: a profile analysis via principal component analysis // Journal of Family Studies. 2023. Vol. 29 (30). P. 1249–1269.

31. Wu M. A study on the intervention of positive discipline on parenting self-efficacy and subjective well-being among Chinese parents // Ricerche Di Psicologia. 2026. DOI: 10.3280/rip2025oa21742.

32. Negraia D.V., Yavorsky J.E., Dukhovnov D. Mothers' and fathers' well-being: Does the gender

composition of children matter? // Journal of Marriage and Family. 2021. Vol. 83 (1). P. 820–844.

33. Pollmann-Schult M. Downward educational mobility and the life satisfaction of adolescents and parents // Family Relations. 2023. Vol. 72 (1). P. 234–252.

34. Srivastava K., Kumari S., Verma K., Kumari P. Mental well-being of working mothers with infants // Humanities Journal. 2025. Vol. 3 (2). DOI: 10.31893/humanitj.2026011.

35. He L., Mai Z., Guan X., et al. The moderating role of social capital between parenting stress and mental health and well-being among working mothers in China // Healthcare. 2025. Vol. 13 (2). P. 1–18.

36. Heyne S., Wolbring T. Do mothers and fathers in Germany really prefer a traditional division of labor? The Impact of working hours on life satisfaction reconsidered // Zeitschrift für Soziologie. 2022. Vol. 51 (3). P. 298–306.

37. Gong Q., Ju S., Kramer K.Z. Children's socioemotional skills and fathers' work satisfaction: Mediation of fathers' parenting // Family Relations. 2024. Vol. 73 (4). P. 2582–2601.

38. Robbins N. L., Waller M. R., Nepomnyaschy L., Miller D. P. Child support debt and the well-being of disadvantaged fathers of color // Journal of Marriage and Family. 2022. Vol. 84 (5). P. 1366–1386.

39. Farnicka Marzanna & Herod Alicja & Kolańska-Stronka Magdalena. Parental involvement and life satisfaction in alcohol-dependent and non-alcohol-dependent fathers // Alcoholism and Drug Addiction. 2024. **37.** P. 111–126.

40. Waldvogel P., Ehlert U. Contemporary fatherhood and its consequences for paternal psychological well-being: A cross-sectional study of fathers in Central Europe // Frontiers Public Health. 2016. Vol. 4. DOI: 10.3389/fpubh.2016.00199.

41. Kotelchuck M. The impact of fatherhood on men's health and development // In: Engaged Fatherhood for Men, Families and Gender Equality: Healthcare, Social Policy, and Work Perspectives / M. Grau-Grau, M. Las Heras and H. Bowles, eds. Barcelona: Springer, 2022. P. 63–92.

42. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2014, 2024 // Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html; https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2024/index.html (дата обращения: 12.08.2025).

43. Письмо Федерального агентства воздушного транспорта от 17 февраля 2025 г. № Исх-743/09-ОГ «Об особенностях предоставления скидки 50% на проезд при перевозке детей до 12 лет» // Сайт «Гарант.ру». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411401591/?ysclid=motxmz9ek6513881120 (дата обращения: 20.02.2026).

WELFARE OF PARENTS OF MINOR CHILDREN: DYNAMICS AND DIFFERENTIATION

T.A. Gurko

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

One of the indicators of the effectiveness of family policy can be the dynamics of the well-being of parents of minor children. The empirical basis of the article is the databases of representative samples of the Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE 2004, 2014, 2024 years) and Comprehensive monitoring of living conditions (2014, 2024 years), which is conducted by the Federal State Statistics Service. It is shown that over the period 2004–2014–2024 years, the proportion of both fathers and mothers who are satisfied with their work in general, the time spent commuting to work, salary, working conditions and opportunities for professional growth has increased. There are more fathers and mothers whose main job corresponds to or is close to their profession. The living conditions of the parents have improved. The share of fathers and mothers who noted poor organization of housing and communal services, unavailability of preschool and school education, medical services, environmental pollution, as well as problems with road conditions and road safety has significantly decreased. The proportion of fathers and mothers who are satisfied with life, assess their health as good, and believe that they are respected by others has increased. The proportion of parents who drink alcohol and fathers who smoke has decreased. The need to increase family income affects the lack of time for sports, civic engagement, alcoholic feasts and smoking. Being married increases the likelihood of life satisfaction for fathers and mothers of minor children. There are also fewer smokers among married fathers and mothers, more who believe that they are respected. At the age of 50–60, among childless men and women, compared with fathers and mothers, there are fewer satisfied with life, fewer childless men rate their health as good and believe that they are respected by others.

Keywords: well-being; parents; children; marital status; level of education; urban-rural area.

УДК 316.7
DOI 10.52452/18115942_2026_3_124

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ФУНКЦИИ СОЦИОЛОГИИ И НОВОЙ ФОРМЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2026 г.

В.П. Козырьков

Козырьков Владимир Павлович, д.соц.н., проф.; профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kozir3@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.04.2026
Статья принята к публикации 29.07.2026

Анализируется становление социальной экспертизы как комплексной социально-гуманитарной дисциплины и формы духовной культуры, имеющей практическое значение. Диалектически развиваются понятия «эксперт» и «социальная экспертиза». Выявляются особенности экспертного знания, основывающегося на оценках, а не на абстракциях, как в науке, и не образах, как в искусстве. Рассматривается становление понятия экспертократии. Раскрывается формирование социальной экспертизы, особенности ее конституирования как особой когнитивной дисциплины в контексте духовной культуры. Аргументируется идея, что социальная экспертиза есть взаимодействие не только научных, духовных и практических, но и особых, экспертных знаний. Делается вывод, что сейчас можно говорить об экспертной культуре, развитие которой находится еще в самом начале.

Ключевые слова: социальная экспертиза, социология, духовная культура, оценка, экспертное знание, экспертная культура.

Введение

В обществе люди всегда оценивают друг друга. Одни части общества оценивают другие, превращая социальные оценки в инструмент повседневной социальной практики, которая вызывает сравнения, противоречия и конфликты.

Возникли многочисленные цифровые технологии проведения оценки. Даже успехи в научных исследованиях оцениваются в количественных показателях, и проводятся рейтинги научных работников. Цифровые показатели введены для оценки произведений искусства, преподавателей, учителей, руководителей и т.д. Рейтингомании покорились все сферы жизни. Одновременно кто-то из оценщиков превратил оценивание в профессию и приобрел статус эксперта.

Но есть другая сторона актуальности оценивания, а теперь уже и экспертизы как деятельности экспертов. К экспертам обращаются все, кто что-либо *не понимает* в какой-то области жизни. Это вызвано тем, что все стало сложно и противоречиво: экономика, техника, политика, коммерция и т.д. Возможно потому, что этого захотели эксперты. Им выгодно, что шкала оценок в процессе обучения имеет неопределенный характер. Значит, и знания будут складываться неопределенные, и все будут обращаться к экспертам. Кроме того, если обучение не «монтируется» с воспитанием, которое необходимо для социализации личности, то воспитание убирают из школы или заменяют чем-то другим. Например, мероприятиями, которые под жестким контролем должны проводить учителя и которые легко подсчитываются в компьютерах. В школе ввели оценку за *поведение*, а не оценку результатов *воспитания*, что далеко не одно и то же. За поведение оценку ставят школьные учителя, а результаты воспитания требуют комплекса критериев с участием школьников и родителей. Практика проведения ЕГЭ привела к тому, что выпускники школы стали иметь фрагментарные знания, которые не способствуют развитию творческого мышления. И тут на помощь приходят эксперты в виде репетиторов, организаторов олимпиад и конкурсов.

В итоге общество, общественное сознание, повседневность оказались пространством власти экспертов. Рядом с политической властью – господство советников, помощников, консультантов, выполняющих функцию экспертов.

Следовательно, на самом деле мы живем не в обществе знаний, как уже привыкли считать, а в

обществе экспертов. Царствуют не знания, а оценки экспертов, которые используют знания. Оценка как наиболее древняя форма суждения в отношениях к миру и между людьми господствует над понятиями и образами, которые являются интеллектуальными орудиями философии, науки и практики.

Возникла теоретическая проблема раскрытия сущности социальной экспертизы, ее места и роли в современной социальной практике и духовной культуре. Поддерживаю вывод, что «назрела потребность в целевых, специальных социологических исследованиях места и роли экспертизы, экспертов и экспертных групп в деятельности различных структур, организаций, компаний и пр. (экономических, административных, отраслевых, региональных, местных и т.д.). В отсутствие таковых разговор по-прежнему будет недостаточно доказательным, раскачиваясь между недооценкой проблемы и разного рода «страшилками» [1, с. 7].

Цель статьи – представить опыт диалектического развития понятия социальной экспертизы в ее взаимосвязи с развитием духовного аспекта социологии в современном обществе.

Метод – социокультурный анализ диалектического характера.

Эмпирическая база – опыт участия в проведении социальной экспертизы и чтение учебного курса на основе самостоятельно разработанной программы для социологов всех уровней обучения.

Генезис общего социального понятия «эксперт»

Противоречивость значения понятия «эксперт» зафиксирована в языке, сохраняется и в социально-гуманитарной науке.

Фиксацию противоречивости понятия эксперта в языке ограничим распространенными словарями. В толковом словаре С.И. Ожегова эксперт определяется как «специалист, дающий заключение при рассмотрении какого-нибудь вопроса» [2, с. 805]. Однако этимологически слово «эксперт» производно от латинского «экспертус» – опытный и определяется как «специалист в какой-либо области, проводящий экспертизу» [3, с. 588]. Это уже более широкое толкование, так как акцент делается на том, что эксперт – это специалист. А то, что он проводит экспертизу – это уже тавтология.

Анализ существующей литературы по экспертизе, в том числе учебной, показывает, что терминологическая определенность словосочетания «социальная экспертиза» однозначно тоже еще не сложилась. Что касается социологии, то в учебниках по социологии раздел «Социальная экспертиза» не включается.

Например, в учебнике Э. Гидденса, изданным под научной реакцией В.А. Ядова, утверждается, что «бюрократия предполагает правление экспертов, чьи решения принимаются без каких-либо консультаций с теми, кого эти решения затронут» [4, с. 643].

В распространенном учебном пособии Ж.Т. Тощенко понятие эксперта используется как тождественное понятию «компетентный специалист» [5, с. 58] и специалистам, которые способны «дать взвешенную оценку по интересующим исследователя вопросам» [5, с. 66].

Два этих примера в использовании понятия эксперта в социологии показывают оценку роли эксперта в обществе, но толкования значения не совпадают: у нас в стране – это специалист высокого уровня, а в западных странах он не только подсказывает «взвешенные оценки», но и управляет в союзе с бюрократией, является ее частью.

Таким образом, есть два толкования слова «эксперт», что в словарях, что в известных учебниках. В первом случае акцент делается на праве эксперта делать *решающее заключение* по определенному вопросу, а во втором случае – на том, что эксперт лучше всех других знает какое-то явление, он *специалист*. Следовательно, если их соединить, то буквально слово «эксперт» означает право на окончательную оценку определенного общественного явления опытным человеком, специалистом, который дает заключение по рассматриваемому вопросу.

Но если значение понятия эксперта, данное в словарях, совпадает с тем, которое используется в авторитетных учебниках, то, это, скорее всего, означает, что в социальной науке, которая оперирует все же терминами и абстрактными понятиями, такое отождествление может быть только рабочим, чего недостаточно для теоретического анализа социальной экспертизы. Оно остается обыденным и не дает развития теории социальной экспертизы.

Это видно хотя бы из того, что словосочетание «социальная экспертиза» в научных исследованиях еще не стало научным термином. На это мы уже обращали внимание в одной из статей об экспертизе: «…Поэтому нет ничего удивительного в том, что мы в век экспертной культуры все еще путаемся в терминологии и в понятиях из области экспертизы. В частности, мы еще не различаем понятий “эксперт” и “специалист”, “эксперт” и “знаток”, “эксперт” и “критик” и т.д. За экспертизу мы можем принять консультацию, диагноз, мониторинг или что-то другое, в чем

есть определенная *оценка»* [6, с. 310–311]. А поскольку оценок может быть много и они различаются по сферам, включая социальную, то отсюда и наличие разных видов социальных экспертиз: психологическая, судебно-медицинская, техническая, общественная и т.д. Социальная экспертиза видится в этом случае лишь как собирательное понятие, а не теоретически обоснованное.

Но если обобщить, то многообразие значений термина «эксперт», используемых в практике социальной экспертизы, объединяет то, что они выражают процесс *оценки*. Но эксперты не просто *оценщики*, как преподаватели в вузе, а такие, которые могут выдать *окончательный* ответ, то есть дать *заключение*. Следовательно, есть эксперты разных уровней: просто дающие оценку, обладая для этого соответствующей компетентностью, и дающие оценку с заключением о судьбе того или иного явления. Это звучит банально, но это факт. Эксперт – фигура в социальном процессе противоречивая.

Казалось бы, тот, кто имеет право на *заключительную оценку*, тот и социальный эксперт. Казалось бы, в настоящее время оценивают все, но экспертом является тот, кто это делает решающим образом и в разных отношениях. Например, традиционно преподаватель оценивает знания учащегося, но ученик имеет право на оценку учительского мастерства, что является одной из причин конфликтов; электорат оценивает и выбирает претендентов на государственный пост, а сформированное государство оценивает все население на соответствие его действий принятым законам и уровень доходов для обложения налогами; работодатель оценивает уровень компетентности для приема на работу, а работник оценивает условия будущей работы и уровень зарплаты; в искусстве оценивают критики и потребители художественной продукции, но критики сейчас превратились в экспертов, так как их оценки оказывают решающее воздействие на потребителей, поскольку они ориентируются на оценки критиков, которые находят в СМИ [7].

Таким образом, все оценивают, но в разных отношениях, и социальным экспертом считается тот, кто дает заключительную оценку: учитель, государство, работодатель, критик. Здесь же отметим, что оценщики в социальном взаимодействии бывают профессиональные и обыденные. Соответственно, и экспертиза существует на двух уровнях: профессиональном и обыденном. Особенно это стало заметно с возникновением сетевых сообществ [8], в которых каждый участник презентует себя большим знатоком в различных областях жизни и с апломбом судит обо всем и обо всех, нередко унижая других (буллинг).

В социологии возникла потребность в теоретическом обосновании статуса профессионального эксперта и социальной экспертизы: специфики его деятельности, требования к компетенциям, особенности экспертного знания. Научное знание потесняется экспертным, и не обязательно экспертное знание базируется на научном знании, что дало основание в экспертизе использовать понятие постправды [9]. В этом случае оценка отрывается от знания, экспертиза – от научного познания. Главное – сохранить власть, источником которой становится право давать заключительные оценки и тем самым управлять массовым сознанием [10].

В решении этой проблемы тории экспертизы в литературе сложились две точки зрения. Одни считают, что экспертиза вырабатывает особый вид знаний, *экспертное знание*, основанием которого является *оценка, а не понятие*. Эксперт не исследует, а *оценивает*, используя свой опыт, имеющиеся в литературе авторитетные знания, взаимодействие знаний из разных социально-гуманитарных дисциплин. Поэтому социальная экспертиза по своему субъекту всегда имеет *комплексный* характер. В этом случае роли научного работника, эксперта и экспертного сообщества различаются. Задача теории состоит в том, чтобы определить границы между ними и осмыслить статус эксперта [11].

Другие считают, что экспертные знания не нуждаются в особой теории, а имеют практически направленное социологами взаимодействие представителей разных социально-гуманитарных наук для решения острой проблемы. Экспертные знания предназначены не для публикации, а для заказчика, который на их основе принимает ответственные решения. Поэтому и ответственность эксперт несет не перед читателями и коллегами, а перед заказчиком. А заказчику все равно, к какой дисциплине относится то или иное знание. Сам он его оценивает с позиции здравого смысла, а не научных критериев.

Следовательно, сам заказчик не может избежать роли эксперта, но только на обыденном уровне познания. Субъектом оценки острой проблемной ситуации является эксперт, но вот субъектом оценки самого приглашенного эксперта – заказчик. Кроме того, субъектом оценки результата применения экспертных данных является тоже заказчик, имеющий право на это. Как и право на повторное обращение к экспертам, если в этом появится необходимость. На

этом цикл экспертизы заканчивается, хотя у экспертов мотивация выступать в роли социальных экспертов остается.

Диалектика взаимосвязи экспертократа и специалиста

Таким образом, не в обществе знаний, а в обществе экспертов оценка и право на оценку стала прерогативой власти. Если хочешь приобрести власть, объяви себя экспертом или собственником экспертов. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением, что «человек, выступающий в юридической роли эксперта, принципиально не может принимать участия в принятии решения (быть лицом, принимающим властные решения (ЛПВР)), а тем более – юридического решения. На роль эксперта может быть назначен не любой человек, а только соответствующий определенным требованиям, и он никогда не получит властных полномочий, так как именно властные лица назначают его на эту роль» [12, с. 287]. Казалось бы, все верно с точки зрения здравого смысла и понимания эксперта как знатока. Если кто-то назначен быть экспертом, то им не является заказчик экспертизы, иначе он не обращался бы к эксперту. Но не так все просто.

Изначально заказчик, например орган одной из ветвей власти, тоже выступает в роли своеобразного эксперта, так как оценивает остроту проблемы и способность выбранного им субъекта экспертизы решить поставленную перед ним задачу в оценке ситуации.

Приходится заказчику быть экспертом и тогда, когда он принимает экспертный отчет с заключением назначенного им компетентного эксперта. Но его оценка происходит по другим критериям, отличающимся от критериев специалиста-эксперта. Критерии внешние, и оценка основана на опыте социального взаимодействия с объектом экспертизы в ряду других объектов, поэтому он своего рода «половинчатый» эксперт. Его оценки не являются профессиональными: не основаны на научных знаниях и не учитывают многоаспектность объекта экспертизы, включенного в различные социокультурные взаимосвязи.

В свою очередь, назначенный им эксперт должен опираться на научные знания, раскрывающие сущность объекта экспертизы, и предоставлять заказчику разные варианты решения проблемы с определенной точки зрения, выбранной методологии и различных оснований оценки, включая духовные.

Наконец, объективно нуждающийся в социальной экспертизе может и не заказывать ее профессионалу, а сам выступать в двух ролях: и в роли специалиста-эксперта, и в роли эксперта в принятии решающего заключения, экспертократа.

Современные проблемы социальной экспертизы приобрели крайне сложный и противоречивый характер, поэтому необходима многоуровневая социальная экспертиза, которая проводится уже не «половинчатым» экспертом, кто принимает властные решения, а целым сообществом разнопрофильных экспертов.

Уже в 70-е годы в западной науке зафиксировали доминирование экспертов. Заговорили об экспертократии, управлении силами экспертов: «Government by experts» [13]. В нашей стране этот социокультурный феномен получил развитие в 90-е годы, уже в постсоветское время. Причем понятие технократизма и сциентизма в новых условиях стало использоваться в мягком варианте – как «общество знаний». И далеко не случайно. В советское время прерогатива осуществления оценки относилась к КПСС, ее центральным органам и научным организациям. В 90-е годы начался поиск и выстраивание новой системы субъектов и организаций экспертов на основе развития идеи гражданского общества и подчеркивания решающей роли знаний. Вот тут и была поддержана западная идея экспертократии.

Но сразу же возникли новые противоречия в становлении социальной экспертизы. Главная проблема – определение субъекта социальной экспертизы и роли в этом процессе социальной науки.

Соотношение социологии и социальной экспертизы

В постсоветских условиях становления экспертократии экспертное знание стало теснить социальную науку и отделяться от нее. Отнюдь не социологи выступили в роли лидеров социальных экспертов, хотя и были попытки это сделать [14].

Но любая социальная экспертиза – это *оценка значимости* того или иного общественного явления, события, процесса в определенной сфере деятельности в соответствии с определенным основанием: ценностями, социальными нормами, практической потребностью, уровнем культуры. В то время как социальная наука стремится к получению объективных и достоверных знаний, выраженных в *понятиях, законах и теориях*.

Выбор объекта социальной экспертизы определяется не самим экспертом, а заказчиком, но, зная высокую остроту проблемы, объект он может выбрать и сам. Тем более что в стране еще нет закона о социальной экспертизе. Темы для социальной экспертизы «подбрасывают» общественные организации, СМИ, но бывает и так, что важные темы не обсуждаются, так как их обходят по той или иной причине стороной. Тогда социолог и берется самостоятельно за социальную экспертизу, побуждаемый мотивацией, которая была в классической форме выражена в русской культуре Л.Н. Толстым, заявившим «Не могу молчать!» [15], и М. Горьким, выступившим со статьей «С кем вы, мастера культуры?» [16]. Справедливо утверждается об истоках русской социологии: «социология в России – наука публицистическая» [17, с. 126]. Это объясняется тем, что русская социология формировалась в контексте духовной культуры, в которой на первое место выдвигались оценки особо острых общественных явлений и процессов, а не теоретические построения. В этом случае социология выступает уже в функции экспертизы, становясь гуманитарной и социокультурной.

Такая ситуация принципиально изменяет условия не только в развитии социальной науки, но и духовной культуры, поскольку социальная экспертиза в своих оценках опирается на комплекс социальных норм, принципов и ценностей, важных для решения фундаментальных проблем развития духовной культуры. И как было уже отмечено в нашем учебном пособии, «при этом социально-гуманитарные науки в деятельности многопрофильной группы экспертов все более *интегрируются*, создавая в экспертных целях свою методологию оценки» [18]. Но ценности как базовый элемент культуры лишь косвенно определяются оценкой. Более развитыми, чем оценка, интеллектуальными орудиями являются понятия и образы, которыми формируется духовная культура высокого уровня.

Становление социальной экспертизы как особой когнитивной дисциплины и новой духовной культуры

Отметим еще раз, что в России социальная экспертиза как особая социальная дисциплина профессионально стала формироваться только с конца прошлого века. Вначале она возникала в фарватере западных идей и теорий. И на этом этапе социальная экспертиза чуждалась оценки факторов культуры в качестве элемента социальных объектов, как и в западноевропейской традиции. Акцент делался на социально-экономических и политических явлениях и процессах. «Государственное управление в большей степени опирается, – делает вывод один из отечественных исследователей, – на однобокое экономико-центричное целеполагание (индикативное планирование) и ресурсы органов власти, в меньшей степени – на запросы разных категорий населения и их социально-профессиональный потенциал» [19, с. 700]. Но уже на этом этапе было высказано немало важных идей в толковании сущности социальной экспертизы в социокультурном аспекте. Выходит философская и научная литература, в которой раскрываются основные понятия экспертизы [20, 21], исследуются проблемы ее конституирования [22, 23]. Утверждается идея, что социальная экспертиза всегда имеет комплексный, социокультурный характер [24].

С 2000-х годов активно издается учебная литература [25–28], поскольку данную дисциплину начинают преподавать в отдельных вузах. Рассматриваются вопросы методологии и практики проведения социальной экспертизы и ее отличие от методологии научного исследования [29, 30].

К тому же социально-гуманитарные науки дифференцированы по степени их экспертной способности. Например, на Западе уже давно есть психоаналитики с разработанными методиками, а у нас психоанализ не стал элементом духовной культуры. Во-вторых, не учитываются оценки обществом научных работников и социальных экспертов, тем более что не проводятся различия между ними. Хотя еще в 50-е годы Э. Фромм пришел к выводу, что «психология способна показать нам, чем человек не является. Но она не может сказать нам, что такое человек» [31, с. 162]. Человек есть общественное, социокультурное существо, а не психофизиологическая структура. Однако предостережение Э. Фромма было проигнорировано в постсоветской практикующей психологии. Она взяла на себя роль главного гуманитарного эксперта. Социология сдала ей свои потенциальные лидерские позиции, о которых она заявляла на этапе возрождения в 80–90-е годы (Т. Заславская, Н. Покровский, В. Ядов, А. Овсянников и др.). Социологи расколоты на ряд профессиональных сообществ: на социологов столичных и провинциальных; на тех, кто лидирует по индексу Хирша, и на тех, кто вынашивает идеи, которые не может опубликовать в центральных журналах, и не может найти сторонников в силу сложившейся «внутренней цензуры» и политической конъюнктуры. Но в процессе

возрождения социологии в российском обществе увеличился блок ее отраслей, в том числе ориентированных на исследование духовной культуры, повседневной жизни, частной жизни. Утвердившая себя мультипарадигмальность, позволяющая использовать и метамодернистские идеи в социологии, расширяет условия для творческого подхода к проведению социальной экспертизы, так как произведения метамодернистов являются по характеру оценочными и в этом смысле экспертными.

И все же это особая экспертиза, поскольку теоретики метамодернизма [32], сменившие привычных уже постмодернистов, в экспертизе отказываются от социологии как интегратора социально-гуманитарных наук. Например, Ж. Бодрийяр, получив социологическое образование, «презрительно» отзывался о социологии [33, с. 11]. Но именно в постмодернистской социальной мысли понятия были заменены метафорами, инициированными из разных областей жизни как основание оценки. Так, популярны метафоры «симулякры», «травма», «ризома», «паутина» и др. Метамодернизм вообще провозгласил себя как «самая мощная идеология, существующая сегодня в мире, и вы должны быть идиотом, чтобы не захотеть узнать о ней. Нравится вам это или нет, поддерживаете вы это или нет, вам лучше обратить на это внимание» [34]. Это означает, что в метамодернизме открыто объявляется, что основанием оценки является идеология, как это было в советское время.

Кроме того, экспертные знания в виде оценок привлекательны еще тем, что они предоставляют знания оперативно. Но такая динамика знаний возможна при двух условиях: во-первых, когда с целью быстрого решения острой проблемы экспертное знание есть уже осуществленная интеграция необходимого социально-гуманитарного научного знания, включая социологическое; во-вторых, эксперт берет на себя ответственность за принятое заключение и рекомендации, то есть его знание является предельно ответственным, так как используется для принятия важного решения.

Таким образом, происходит становление новой формы знания и новой профессиональной культуры, которая по характеру является духовной. Однако этот процесс, при наличии определенной динамики, не завершён, как это было и 20 лет назад, когда был сделан вывод: «до сих пор в практике научных исследований мы резко отделяем друг от друга *когнитивную* область культуры (область знания) и *сенситивную* (*эмоциональную*), аксиологическую (ценностную) и нормативную, обыденную и профессиональную. Между тем как в социальной экспертизе все эти элементы духовной культуры становятся неотделимыми друг от друга» [6, с. 311]. И в настоящее время социальная экспертиза слабо взаимодействует с общей духовной культурой.

Это важно подчеркнуть, так как объектом социальной экспертизы выступают долго не решаемые проблемы, поскольку требуют комплексного интегрального подхода, возможного только на основе принципов социальной экспертизы с социологической и духовной составляющей. Особенно когда речь идет о культуре мегаполиса. Это проявилось, в частности, при обсуждении ремонта парка Нижнего Новгорода «Швейцария» [35], планирования автобусных маршрутов в Н. Новгороде [36], сбора мусора по городу [37]. К сожалению, профессиональные многопрофильные социальные эксперты городской властью не были приглашены, обсуждения проходили в сетевых сообществах или в узком административном кругу. По сути дела, социальная экспертиза в полной мере не проводилась. Такой режим обсуждения сохраняется до сих пор, поэтому адекватного решения проблемы, которая важна для всего города, до сих пор не найдено, о чем говорят оценки, данные в медиасети, на которые указано в ссылках.

Но когда острые социальные проблемы приводят к необходимости их решения в судебных инстанциях, тогда часто, но не всегда, заказывается профессиональная социальная экспертиза. Например, часто проводились экспертизы, в которых участвовал автор статьи, по социальной дискриминации, по разжиганию социальной розни между социальными группами, экспертиза оскорбления словом и экстремистские проявления среди молодежи, нарушения закона о СМИ в социальной сети, распространение литературы экстремистского характера. Профессиональными экспертами выступали преподаватели университета, объединенные в многопрофильную группу – филологи, политологи, психологи, социологи и др. специалисты в зависимости от характера проблемы. Это уже была социальная экспертиза острых явлений на уровне особых сфер общества, оценка которых в каждом конкретном случае требовала привлечения более широкого круга элементов духовной культуры.

Один из выводов анализа экспертных эмпирических материалов по городу и полученных в опыте личного участия в проведении социальной экспертизы заключается в том, что она носит пока что неупорядоченный, нерегулируемый характер, так как в стране нет специальных

правовых норм по социальной экспертизе и эксперты не защищены законодательно. Нет и массовых социальных заказов на социальную экспертизу, хотя и много острых социальных проблем. Не сформировался и высокий уровень культуры в ее проведении. И все же такая культура, хотя стихийно и медленно, складывается. Только для одних это выглядит как новая «окраска» общественного самосознания в виде экспертократии, а для других – как один из элементов становящейся новой духовной культуры.

Особенность конституирования социальной экспертизы в связи с социологией

Анализ литературы и практического опыта в проведении социальной экспертизы позволяет прийти и к более общему выводу: социальная экспертиза – это не особая наука, а *интеграция* социально-гуманитарных дисциплин для *оценки* возможности решения какой-либо жгучей, актуальной социальной проблемы на основе выбранной методологии [29].

Но если это не особая наука, а взаимодействие ряда из них, то, казалось бы, какая-то, даже *особая*, *дисциплина* по экспертизе тоже не нужна. Можно просто складывать знания каждой из наук под крышей решаемой острой проблемы, и этот сборник знаний назвать экспертизой. Так часто делали и делают сейчас, называя экспертизу комплексной.

Долгое время социальная экспертиза как *когнитивная и учебная дисциплина* не выделялась. Обходились просто: социология считалась и считается видом экспертизы сама по себе, а социологи – экспертами. Экспертиза рассматривается просто *функцией* социологии, которая осуществляется социологом путем синтеза знаний ряда социально-гуманитарных дисциплин, близких социологии. Такая потребность вызвала появление термина «междисциплинарность». Получается, что социологические знания сами по себе являются экспертными знаниями, поэтому какое-то особое знание, наряду с социологическим, дисциплинарно выделять уже не нужно. Наличие какого-то особого *экспертного знания* отвергается.

Редко выделяются и особые практические знания для проведения социальной экспертизы, так как они считаются ограниченными и недостоверными. Более того, утверждается, что их использование является одной из причин необходимости обращения к научным данным для получения адекватной оценки возникшей острой ситуации.

Однако научные знания не могут быть реализованы, если их не связать с практическими знаниями работников в той или иной сфере. Для успешного достижения конечной цели научного исследования важен опыт практического эксперта в выборе методологии, конструировании выборки, обработке и анализе полученных данных. Следовательно, научное знание тоже имеет ограниченный характер в отдельности от практического знания.

Кроме того, получение научного знания требует *тщательного исследования*, экспертизы в социологическом сообществе (рецензирования) и публикации в научных изданиях. Только после этой длительной процедуры социологические и родственные с ними знания других дисциплин могут быть использованы для проведения социальной экспертизы.

Таким образом, для экспертизы нужны не новые социологические знания, а знания уже опробованные, полученные ранее научным сообществом, в том числе социологическим. В проводимой социальной экспертизе еще раз проходит проверка достоверности научных и практических знаний, но время проведения социальной экспертизы ограничено, так как необходимо оперативно решить острую социальную проблему.

Но это не значит, что нужно отсекать культурные факторы, которые непосредственно могут и не обнаруживаться при определении объекта экспертизы. Социальная экспертиза, чтобы быть целостной, а не односторонней, должна проводиться не только на основе имеющихся научных и практических знаний, но и ценностных знаний (моральных, эстетических, религиозных), которые раскрываются в самом процессе проведения экспертизы и при выборе варианта решения социальной проблемы.

Таким образом, эксперт не проводит самостоятельного научного исследования, а довольствуется теми знаниями, которые уже есть. Этим самым социальная экспертиза отличается от социологии. Эксперт оценивает предмет экспертизы через существующие уже знания, поэтому процедура социальной экспертизы является одновременно оценкой результатов развития социально-гуманитарных наук.

Если мы будем исходить из положения, что социология может выполнять лишь функцию экспертизы, то необходимо показать, как реализуется эта функция, какой механизм при этом действует и что происходит с самим социологическим знанием, когда оно выполняет свою роль при проведении экспертизы. То есть понять, каким образом социологическое знание

становится экспертным как особым знанием. В логике нашего исследования социология становится социальной экспертизой тогда, когда она оценивает общество в целом, его характер, культуру и социальную структуру. Сейчас это чаще делают политологи, называя российское общество постсоветским, олигархическим, феодально-сословным и т.д. Для социологов оно остается анонимным или общество оценивается метафорами: «общество травмы», «общество риска» и др. Но без решения этой общей проблемы все эмпирические исследования теряют смысл. Они становятся технологиями для социального маркетинга, предвыборных кампаний, определения рейтинга. Без решения этого общего вопроса нельзя даже сконструировать адекватную выборку.

Таким образом, смысл понятия социальной экспертизы определяется его диалектическим развитием и переходами частного, особенного и общего. Она предназначена не только для управленческой сферы, а для всех других сфер общества и различных социальных субъектов. В рамках статьи не все удается аргументировать должным образом, но для нас важно высказать определенные соображения и новые идеи. Поэтому подчеркнем еще раз, что социальная экспертиза – это особое, оценочное знание, а не понятийное. Это когнитивная дисциплина, так как вырабатывает комплексное знание, но не особая наука, которая давала бы новое научное знание.

Заключение

Понятие эксперта за последние полвека трансформируется, выражая процесс противоречивого развития социальной практики. Эксперт – это тот, кто лучше всех знает, специалист, и тот, кто дает заключительные оценки.

С диалектической точки зрения понятие социальной экспертизы приобретает многообразные смыслы в разных аспектах взаимодействия социологии и духовной культуры, социальной науки и практики. Экспертное знание – это комплексное знание и развивающееся, складывается как соотношение частного, особенного и общего. Доминирование экспертизы в обществе привело к экспертократии, с диалектической взаимосвязью с компетентностью специалиста.

Итогом развития социологии как рационального общественного самосознания является ее становление как духовной культуры. В российском обществе статус социальной экспертизы, как правовой, так и дисциплинарный, окончательно не определился, и ослабилась роль социологии в проведении социальной экспертизы. Экспертная культура только складывается, поэтому представлена как в своих позитивных, так и деструктивных формах. Становление социальной экспертизы происходит как особой когнитивной дисциплины и как новой духовной культуры, в которой социология прирастает новыми отраслями, ориентированными на исследование и адекватную оценку противоречивой социальной реальности.

Список литературы

1. Егоров В.К. «Экспертократия»: об институциональной сути явления // Социология власти. 2012. № 3. С. 5-12.

2. Ожегов С.Н. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 816 с.

3. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. 624 с.

4. Гидденс Э. Социология / Научн. ред. В.А. Ядов. М.: Едиториал УРСС, 1999. 704 с.

5. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Прометей: Юрайт-М, 2001. 511 с.

6. Козырьков В.П. Гуманитарная экспертиза в контексте культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 2. С. 310–314.

7. Щербинина Ю. Поиски скакуна (об экспертизе литературного творчества) // Знамя. 2014. № 12. С. 182–191.

8. Ясвин В.А., Котов Р.И. Формирование сетевого экспертного сообщества «Русской школы за рубежом» // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 6 (129). С. 8–16.

9. Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 368 с.

10. Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Малышева О.П. Модели и практики управления политическим контентом в online-пространстве современных государств в эпоху постправды. М.: Изд-во «Флинта», 2021. 340 с.

11. Филиппов А.Ф. Участь эксперта // Отечественные записки. 2003. № 1. С. 7–15.

12. Нестеров А. Экспертократия в России // The Soviet and Post-Soviet Review. 2014. № 41. С. 281–295. DOI: 10.1163/18763324-04103003.

13. Beckwith B.P. Government by experts. New York: Exposition Press, 1972. 166 p. URL: https://books.google.ru/books/about/Government_by_experts.html?id=jK8UAQAAIAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 16.04.2026).

14. Иванов В.Н. Социология в СССР. Записки директора института. Изд. 2-е, доп. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. 400 с.

15. Толстой Л.Н. Не могу молчать // Полн. собр. соч. Т. 37. М.: Художественная литература, 1956. С. 83–96.

16. Горький А.М. Собр. соч. в 30 т. Т. 26. М.: Художественная литература, 1953. С. 248–269.

17. Кукушкина А.Е. Социология и публицистика // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 126–134.

18. Козырьков В.П. Социальная и социально-гуманитарная экспертиза: Учебное пособие (по материалам лекций). Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2017. 182 с. URL: http://www.unn.ru/books/met_files/Kozyrkov.docx (дата обращения: 16.04.2026).

19. Богданов В.С., Почестнев А.А. Дистанционная социальная экспертиза национальных проектов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. № 3 (24). С. 699–714.

20. Ионин Л.Г. Понимание и экспертиза // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 48–57.

21. Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г.В. Иванченко, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. 454 с.

22. Тульчинский Г.Л. Социальный аудит и гуманитарная экспертиза: Проблема институционализации // Социум и власть. 2007. № 2 (1-4). С. 92–94.

23. Сунгуров А. Экспертное сообщество: в поисках себя // Гражданский форум – Санкт-Петербург № 3. СПб., 2003. С. 190–198.

24. Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза. М.: Изд-во «Смысл», 2008. 133 с.

25. Жарова М.В., Пашкус Н.А., Петровская Е.Н. и др. Технологии гуманитарной экспертизы и социального аудита: Учебно-методический комплекс. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 228 с.

26. Луков В.А., Тихомиров Д.А. Социальная экспертиза: Учебное пособие. М.: Московский гуманитарный университет, 2012. 170 с.

27. Волков Ю.Г. Социальная диагностика и социологическая экспертиза: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся в бакалавриате по направлению «Социология». М.: КНОРУС, 2015. 240 с.

28. Сущинская М.Д., Власова Т.В. Социальная экспертиза: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2026. 144 с.

29. Масленников Е.В. Экспертное знание: интеграционный подход и его приложение в социологическом исследовании. М.: Изд-во «Наука», 2001. 228 с.

30. Черненкова Е.И. Феномен общественной экспертизы в фокусе полидисциплинарных исследований // Современные научные исследования и разработки. 2017. Т. 2. № 1 (9). С. 246–251.

31. Фромм Э. О пределах и опасностях психологии // Фромм Э. Догмат о Христе. М.: Олимп, ООО «Изд-во АДЛТД», 1998. С. 159–167.

32. Павлов А. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. № 6 (28). С. 1–19.

33. Дьяков А.В. Жак Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 357 с.

34. Freinacht H. The Listening Society: A Guide to Metamodern Politics. Part One. Metamoderna, 2017. 404 p. URL: https://oceanofpdf.com/authors/hanzi-freinacht/pdf-epub-the-listening-society-a-metamodern-guide-to-politics-book-one-metamodern-guides-1-download/ (дата обращения: 16.04.2026).

35. Попечительский совет парка «Швейцария». URL: https://vk.com/park.shveitsaria (дата обращения: 10.04.2026).

36. И вот опять! Маршруты автобусов изменятся в Нижнем Новгороде в 2026 году. URL: https://www.gipernn.ru/zhurnal/razvitie-regiona/stati/i-vot-opyat-marshruty-avtobusov-izmenyatsya-v-nizhnem-novgorode-v-2026-godu (дата обращения: 10.04.2026).

37. Мусорная проблема: разделение объединяет. URL: https://www.nnov.kp.ru/daily/26970/4026470/ (дата обращения: 10.04.2026).

THE FORMATION OF SOCIAL EXPERTISE AS A FUNCTION OF SOCIOLOGY AND A NEW FORM OF SPIRITUAL CULTURE

V.P. Kozyr'kov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The development of social expertise as a complex social and humanitarian discipline and a form of spiritual culture of practical significance is analyzed. The concepts of «expert» and «social expertise» are developed dialectically. The characteristics of expert knowledge, based on assessments rather than abstractions, as in science, and not images, as in art, are revealed. The development of the concept of expertocracy is examined. The formation of social expertise and the specific features of its formation as a distinct cognitive discipline within the context of spiritual culture are explored. The idea that social expertise is an interaction of not only scientific, spiritual, and practical knowledge, but also specific expert knowledge is argued for. It is concluded that we can now speak of an expert culture, the development of which is still in its infancy.

Keywords: social expertise, sociology, spiritual culture, assessment, expert knowledge, expert subculture.

УДК 316.65+551.583
DOI 10.52452/18115942_2026_3_133

УСТАНОВКИ РОССИЯН В ОТНОШЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА: КЕЙС КРУПНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА

© 2026 г.

Н.А. Лебедева-Несевря, А.О. Барг, М.Д. Корнилицына

Лебедева-Несевря Наталья Александровна, д.соц.н., проф.; ведущий научный сотрудник
ФНЦ медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь
natnes@list.ru
Барг Анастасия Олеговна, к.соц.н.; старший научный сотрудник
ФНЦ медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь
an-bg@yandex.ru
Корнилицына Мария Дмитриевна, ассистент кафедры социологии
Пермского государственного национального исследовательского университета
maruromanova27@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.06.2026
Статья принята к публикации 29.07.2026

На примере промышленно развитого российского города, характеризующегося сочетанным действием внешнесредовых факторов риска здоровью населения, раскрываются когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты социальных установок в отношении изменения климата. На материалах 57 глубинных интервью с жителями показано, что для населения характерны сложные, внутренне противоречивые климатические установки, основанные на различных стратегиях каузальной атрибуции. Выявлены четыре когнитивные стратегии формирования представлений об изменении климата (стратегии «естественного цикла», «научной интерпретации», «бытовой интерпретации», «адаптивного дистанцирования»), показана их связь с эмоциональными реакциями на проблему. Разработана матрица аффективных состояний, раскрывающая эмоциональные состояния информантов в рамках климатической повестки. Несмотря на различия в когнитивных стратегиях, используемых информантами для объяснения природы климатических изменений, описание последствий изменений для здоровья практически универсально и связано с индивидуальным телесным опытом. Продемонстрировано наличие разрыва между когницией, аффектом и поведением в отношении изменения климата («attitude-behavior gap»), являющегося следствием сложности проблемы климатических изменений, когнитивной перегрузки, возникающей в ответ на многофакторную природу рисков в промышленно развитом мегаполисе, отсутствия механизмов участия и слабой коллективной самоэффективности.

Ключевые слова: изменение климата, социальные установки, восприятие риска, климатическая грамотность.

Введение

Одной из глобальных целей устойчивого развития, принятых в 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН, является борьба с изменениями климата и их последствиями [1]. Парижское соглашение по климату, принятое в декабре 2015 г. и подписанное Российской Федерацией в апреле 2016 г., декларирует сдерживание глобального потепления как коллективную цель [2]. Рамочная конвенция ООН об изменении климата определяет в качестве обязательств «просвещение и информирование общественности по проблемам изменения климата» и «участие общественности в рассмотрении вопросов изменения климата и его последствий и в разработке соответствующих мер реагирования» [3]. Утвержденная в 2023 г. Климатическая доктрина РФ, называющая изменение климата одним из наиболее серьезных вызовов XXI века и комплексной междисциплинарной проблемой, также предусматривает необходимость широкого общественного обсуждения климатической политики, делает акцент на важности пополнения знаний населения о происходящем и будущем изменении климата для обеспечения эффективной адаптации к нему; домашние хозяйства и граждане признаются субъектами реализации климатической политики [4]. Национальные планы мероприятий первого и второго этапов адаптации к изменениям климата (на период 2020–2022 гг. и 2023–2025 гг.) предусматривали регулярное проведение информационно-просветительских и иных мероприятий для населения, направленных на

повышение осведомленности о мерах адаптации к изменениям климата [5, 6]. Информированность населения о климатических проблемах и заинтересованность в реализации адаптационных мер называются в докладе Центра стратегических разработок значимыми факторами эффективности климатической политики [7].

Общественное участие и вовлеченность населения в климатическую повестку существенно различается в странах мира и определяется на макроуровне социокультурными (доминирующие ценности [8], уровень образования и климатической грамотности населения [9], сформированность культуры гражданского участия [10]), институциональными (выстроенность системы риск-коммуникации [11], наличие механизмов гражданского участия [12]) и политическими (интегрированность климатических целей в государственную политику [13]) факторами, а на индивидуальном – социальными установками [14].

Социальные установки в отношении изменения климата («attitudes to climate change») анализируются в трех измерениях – когнитивном (индивидуальные знания о факторах и последствиях климатических изменений, объективных показателях климатической динамики, возможных решениях проблемы), аффективном (эмоциональное восприятие и обеспокоенность климатическими проблемами) и поведенческом (готовность предпринимать действия по снижению негативного влияния климатических изменений на повседневную жизнь, активно адаптироваться к изменению климата) [15; 16]. На эмпирическом уровне социальные установки в отношении изменений климата исследуются в рамках теорий восприятия риска [17; 18], климатической настороженности [19; 20], климатического скептицизма [21; 22]; связываются со степенью проникновения «научного климатического консенсуса» в массовое сознание [23]. Ценностные и поведенческие установки в отношении климатических изменений являются отражением экологической культуры [24].

Трехкомпонентная структура социальной установки в количественных эмпирических исследованиях климатических установок практически не представлена, во многом в силу необходимости включения в инструментарий большого числа индикаторов [25]. При этом отдельные компоненты социальной установки – информированность, отношение (восприятие), обеспокоенность, субъективная оценка значимости – попадают в фокус исследовательского интереса довольно часто. Климатические установки и особенности восприятия населением изменений климата широко изучаются на примере «зон климатической опасности» – Тихоокеанского региона (особенно малых островных государств) [26], Африки [27], Южной и Центральной Европы [28], северных территорий (в первую очередь Арктической зоны Российской Федерации [29]), что обусловлено масштабностью и необратимостью происходящих там климатических трансформаций [30]. Климатический кризис в сочетании с интенсивной урбанизацией, концентрацией промышленного производства и автомобилизацией формирует еще одну важную «точку климатической уязвимости» – крупные города, мегаполисы, являющиеся не только «жертвами», но и «виновниками» изменений климата [31]. Климатическая динамика в крупных городах (рост числа экстремально жарких дней, увеличение длительности волн жары, изменение режима осадков) в комплексе с высокой антропогенной нагрузкой на окружающую природную среду (загрязнение атмосферного воздуха, водных ресурсов, почвы) формирует сочетанные риски для здоровья населения [32], нагружая климатическую повестку дополнительными смыслами [33].

Материалы и методы исследования

Оценка климатических рисков в субъектах РФ, реализуемая как составная часть региональных планов адаптации к изменениям климата, позволяет говорить о наличии в регионах «катастрофических», «весьма опасных», «опасных» и «умеренно опасных» рисков [34]. На территории ряда субъектов РФ, характеризующихся «катастрофическими» и «весьма опасными» климатическими рисками, расположены крупные (с населением свыше 1 млн чел.) промышленно развитые города. Для Пермского края (административный центр – г. Пермь, население 1.087 млн чел., центр нефтедобывающей, химической, металлургической и машиностроительной промышленности) «весьма опасными рисками» являются а) ураганы, смерчи и сильный ветер, б) сильные атмосферные осадки, в) пожарная опасность в лесах, г) жара и д) засуха [35]. Согласно исследованию НИУ «ВШЭ» и РАН, Пермский край входит в число регионов, отличающихся высоким уровнем влияния экстремальных осадков на население и инфраструктуру [36]. При этом г. Пермь не является территорией с источниками климатических рисков,

имеющими «катастрофический» уровень опасности. Более того, результаты оценки динамики биоклиматических индексов за период с 1991 по 2000 г. демонстрируют увеличение комфортности климата в Перми [37]. В то же время химическое загрязнение атмосферного воздуха, модифицируемое метеорологическими факторами (в частности, увеличением температуры в рамках волн тепла), формирует повышенные риски для здоровья городского населения [38; 39, с. 179]. Отсюда, г. Пермь как объект исследования обладает рядом специфических черт: а) в отличие от многих промышленно развитых мегаполисов, где изменение климата ассоциируется с прямыми угрозами здоровью и образу жизни населения, в Перми наблюдается увеличение «биоклиматической комфортности». Эта «фоновая реальность» может формировать позитивное восприятие климатической динамики и снижать уровень озабоченности населения проблемой; б) высокий уровень опасности отдельных источников климатических рисков (атмосферные осадки, жара) определяет существование параллельной «событийной реальности», задающей более настороженное отношение жителей к проблеме изменения климата; в) высокий уровень антропогенного загрязнения среды обитания в сочетании с меняющимися климатическими условиями формирует интегральные риски для здоровья, однако «привычность» химического загрязнения атмосферного воздуха, воды и почвы для населения промышленного мегаполиса может «смягчать» социальные установки в отношении климата, формируя восприятие климатических изменений как «далеких» и «абстрактных».

Цель исследования – выявить и описать структуру и смысловое наполнение климатических установок жителей промышленно развитого мегаполиса (г. Пермь), характеризующегося сочетанными рисками для здоровья населения. Гипотезой исследования выступает предположение, что для населения г. Перми характерны гетерогенные и внутренне противоречивые климатические установки, основанные на различных стратегиях каузальной атрибуции.

Эмпирической базой исследования выступили полуструктурированные интервью, проведенные с жителями г. Перми в возрасте 20 лет и старше в октябре 2025 г. (объем выборочной совокупности – 57 человек, критериальный отбор). Критериями включения информантов в выборку являлись место проживания (г. Пермь), стаж проживания (не менее 5 лет). В выборку вошли как мужчины, так и женщины, представляющие три возрастные группы – «молодежь» (от 18 до 29 лет), «средний возраст» (от 30 до 49 лет) и «старший возраст» (50 лет и старше). Стаж проживания не менее 5 лет выбран как минимальный порог, позволяющий зафиксировать в повседневном опыте локальные климатические изменения (аномалии); включение в выборку представителей разных возрастных групп дало возможность интеграции различных нарративов, определяемых жизненным опытом и предпочитаемыми источниками информации (согласно работам по поколенческой дифференциации в восприятии климата [40; 41]). Путеводитель интервью включал три блока вопросов в соответствии со структурой установки по отношению к изменению климата: когнитивный компонент установки раскрывался с помощью вопросов: *Что значит для вас «изменение климата»? Как вы понимаете это выражение? Знаете ли вы что-то про изменение климата в городе вашего проживания? Считаете ли вы, что климатические изменения угрожают вашему здоровью или безопасности? Как именно?*; аффективный – с помощью вопросов: *Насколько важно для вас лично, что климат меняется? Какие последствия климатических изменений вы считаете наиболее серьёзными для вашего города, региона, страны?*; поведенческий – с помощью вопросов: *Что, по вашему мнению, можно сделать, чтобы смягчить последствия изменений климата? Готовы ли вы лично что-то менять?* Интервью были транскрибированы, осуществлен индуктивный тематический анализ текстов (темы формулировались на основе эмпирических данных, без их предварительного определения; логика группировки осуществлялась от первичных кодов через семейства кодов к темам).

Результаты

Представления об изменении климата носят довольно противоречивый и разнонаправленный характер. В зависимости от того, как информанты конструируют смыслы обсуждаемых явлений, они прибегают к разным когнитивным стратегиям [42] (назовем их условно стратегии «естественного цикла», «научной интерпретации», «бытовой интерпретации», «адаптивного дистанцирования»).

Для первой стратегии «естественного цикла» характерно сосуществование в сознании информантов стереотипов, научных мифов, остаточных знаний из школьных курсов и теорий заговоров. Ее принцип заключается в поиске объяснений глобальных феноменов через внешние

факторы, что позволяет переложить ответственность на «других» или на «природную неизбежность» в стремлении снизить неопределенность, заменив сложные научные данные понятными категориями. В качестве основных причин проблемы изменения климата называются озоновые дыры (*«уже появляются озоновые дыры»* (ж., 19); *«истощение озонового слоя»* (м., 27); *«озоновые дыры на севере, на полюсе»* (ж., 46)), смена магнитных или географических полюсов (*«из-за того, что начали меняться полюса»* (ж., 21)), внутренний жар Земли (*«Земля, в принципе, потихонечку сама нагревается»* (ж., 22)). Также в рамках данной стратегии транслируется мнение о естественной цикличности в природе, с опорой на историю планеты, геологию или авторитетные имена (*«это глобальные процессы, необратимые <…> по Льву Гумилеву»* (м., 40); *«Земля меняет свой цикл»* (ж., 58)). Причины климатической трансформации переносятся на внешние источники, которые воспринимаются как глобальные враги: *«Из-за самых крупных производств в мире и самых развитых стран: Китай, США»* (ж., 21). Существует представление о Природе как мстительнице, которая путем изменения климата наказывает человечество за вероломство по отношению к ней: *«…мы сами раскачали систему и теперь вот она отвечает нам таким образом»* (м., 23).

Последователи стратегии «научной интерпретации» в силу потребности в интеллектуально целостной картине мира, где каждое действие человека имеет измеримый эффект, опираются на причинно-следственную связь климатических сдвигов с деятельностью человека (производство, транспорт). Информанты относительно грамотно оперируют такими понятиями, как парниковый эффект (*«срабатывает парниковый эффект»* (м., 21); *«Из-за парниковых газов средняя температура на планете растет»* (ж., 20)), выбросы CO_2 (*«CO_2, который как раз и является главным парниковым газом»* (ж., 20)), углеродный след (*«…много углеродного следа»* (м., 30)), видят связь между вырубкой лесов и потеплением (*«…из-за деятельности человека. Заводы, выхлопы машин, вырубка лесов»* (м., 24)).

Использующие стратегию «бытовой интерпретации» следуют принципу проекции, перенося свои непосредственные телесные ощущения (запахи, влажность) и локальные визуальные наблюдения (грязь, мусор) на глобальные процессы. Информанты не игнорируют глобальный дискурс, а переопределяют его через призму повседневности, интегрируя научные термины («глобальное потепление», «климатические изменения») в логику локальных экологических проблем. Так, одна из информанток (ж., 21) строит причинно-следственные связи между наблюдаемыми городскими условиями и таянием ледников: *«… ледники действительно тают, так как у нас больше пыли, которая оседает на этих ледниках и заставляет поглощать больше излучения, из-за чего, собственно, таяние и происходит»*.

Для тех, кто использует стратегию «адаптивного дистанцирования», определяющим является принцип отчуждения (признают проблему как факт, но сознательно ограничивают свою когнитивную вовлеченность). Стратегия срабатывает как психологическая защита. Происходит либо избегание проблемы (*«у нас никаких таких природных катаклизмов особых нет. То есть, ну да, у нас иногда зимой бывает довольно холодно, морозно, а летом довольно жарко или там тоже дожди какие-то, но это все такое как бы ситуативное и ожидаемое в наших широтах»* (ж., 25)), либо фиксация ее наличия, но отказ от оценок в силу признания собственной ограниченности компетенций, либо прямое отсутствие интереса к ней (*«размышления лучше оставить людям, которые разбираются в этой теме… <…>… мы этого не видим, мы этого не понимаем»* (ж., 25)).

Интересен тот факт, что, несмотря на устойчивую доминанту одной из стратегий, люди иногда прибегают одновременно к нескольким, «перескакивая» с одной на другую в зависимости от уровня рассуждений. Например, одна из информанток (ж., 52) в теме об изменениях последних 10 лет рассказывает о том, что город стал красивый и зеленый, тем самым проявляя применение «стратегии бытовой интерпретации», но в момент перехода темы интервью к глобальным причинам изменения климата использует «стратегию естественного цикла», говоря: *«всё циклично, поэтому это очередной, возможно, очередной цикл»*.

Важным результатом анализа текстов интервью стало выявление частой подмены понятий «климат» и «погода». Людям сложно оперировать категорией «климат» и рассуждать о среднегодовой температуре, среднем уровне влажности или осадков за последние 30–50 лет, они склонны определять климат посредством наблюдаемых погодных явлений. Можно утверждать, что есть общее сформированное представление о климате как о чем-то протяженном во времени, но все-таки для многих (хотя и не для всех) разница между климатом и погодой не очевидна.

Информанты, использующие стратегию «рационального анализа», чаще демонстрируют грамотное разделение этих категорий; рассуждая о климате, они обращаются к своей памяти или опыту старших родственников/знакомых и говорят именно о тенденциях (*«я слышала от старшего поколения, что <…> сейчас климат выравнивается, ну, имею в виду по временному году, что раньше лето было теплее, а зима намного холоднее»* (ж., 21)). Также люди из этой категории отмечают необычные природные явления, которые для региона их проживания не типичны, но теперь наблюдаются, что является косвенным признаком климатических изменений (*«…несколько лет назад был ураган, который повалил несколько деревьев в городе, сорвал крыши. Для Перми это было что-то невероятное»* (ж., 20)).

Прибегающие к стратегии «адаптивного дистанцирования», напротив, чаще ориентируются на то, что происходит за окном прямо сейчас, или интерпретируют аномальные температуры как норму, транслируя суждения типа: *«Ну, когда –30 в Новый год, не сказал бы <…> зима и зима»* (м., 35); *«климат, как обычно, у нас аномально холодная зима, которая аномально обычная»* (ж., 20). При ответе на вопрос об изменении климата они лексически заменяют его погодой: *«Всё равно плохая погода на человека действует»* (ж., 63); *«Нужно любую погоду принимать как есть»* (ж., 59); *«…изменение климата – это когда происходят какие-то резкие перемены погоды»* (ж., 54).

В рамках стратегии «бытовой интерпретации» наиболее вероятным становится не только подмена климата погодой (чаще всего это происходит, когда информанты рассуждают о влиянии климата на здоровье), но и перенос всех оценок на сиюминутные наблюдения негативных проявлений человеческой жизнедеятельности (мусор на улицах, грязный снег) и телесные ощущения (запахи, першение в горле, резь в глазах). Именно через эти явления информанты пытаются объяснить изменение климата, для них категория «климат» слишком абстрактна (*«Изменение климата, оно формирует все загрязнения, то есть условно выбросили мусор зимой. <…> когда приходит весна <…> все окурки лежат на тротуарах <…> один из примеров»* (м., 20); *«Изменение климата – это глобальная проблема... <…> я себя хорошо чувствую, когда вокруг чисто <…> моё настроение депрессивное, когда я вижу вокруг кучу мусора»* (ж., 20); *«Потому что я метеозависимый, голова болит от изменений погоды»* (м., 20); *«…я поставил климат, так как в жаркую погоду мне вообще тяжело что-либо делать, у меня болит голова»* (м., 24)).

Для информантов, использующих стратегию «естественного цикла», проблема климатических изменений является несомненной, они не пытаются ее игнорировать или относиться к ней скептически, они не говорят, что им всё равно, но поскольку причины проблемы они видят либо во внешних врагах, либо в естественном развитии планеты, либо в представлениях о Природе как действующем субъекте, способном на чувство мести, то резкие погодные аномалии используются в качестве подтверждения собственных предустановок о глобальных природных процессах (*«лето вообще стало непредсказуемое, то неистовая жара, то ливни бесконечные»* (ж., 44); *«лето* [стало] *просто неадекватным, аномально жарким»* (ж., 22)).

Несмотря на различия в когнитивных стратегиях, используемых информантами для объяснения природы климатических изменений, описание последствий изменений для здоровья практически универсально. Если речь заходит об этом, то информанты, которые фиксируют такое воздействие, в основном опираются на опыт «проживания» климата через погоду. Данный феномен свидетельствует о том, что для жителя крупного промышленного города категория «климат» трансформируется из абстрактной глобальной проблемы в конкретный телесный опыт. В этом процессе физиологические реакции становятся индикаторами и доказательствами климатических изменений для самого информанта.

Обозначаются последствия для сердечно-сосудистой системы (*«При таких явлениях у меня «скачет» давление»* (ж., 49); *«Давление может повышаться и понижаться в зависимости от резких изменений погоды»* (м.); *«резкие перепады жары и холода <…> может вызывать <…> даже сердечные приступы»* (ж., 29)); неврологические симптомы (головная боль, головокружение, физическое истощение) (*«когда зимой нет мороза, а стоит серая погода с туманом, и в этом тумане перемешиваются все выбросы. Воздух становится густым и противным. В такие дни я чувствую себя особенно плохо, вялость, апатия, головная боль, желание закрыться дома»* (ж., 20); *«жара и смог <…> начинает кружиться голова и болеть»* (м., 25); *«когда жара и смог вместе вообще тяжело дышать, голова болит»* (м., 24)); психоэмоциональные последствия – фиксируются нарушения нейродинамических процессов: повышенная утомляемость, снижение когнитивных функций (сложно сосредоточиться),

астенические состояния (апатия) – *«Бывает ухудшение настроения, снижается продуктивность, появляется слабость, апатия»* (ж., 49); *«иногда апатия появляется, раздражительность, упадок сил»* (ж., 44). Особо информанты останавливаются на таком симптомокомплексе, как метеочувствительность, которая отягощается климатическими изменениями, так как из-за них существуют резкие перепады температуры и разнообразные погодные аномалии, на которые люди, страдающие такого рода чувствительностью, подверженные перечисленным выше рискам здоровью больше, чем другие, реагируют сильнее (*«Я очень метеозависимый человек... любое изменение погоды, будь то жара или мороз, очень сильно влияют и на мое самочувствие»* (ж., 21); *«Для меня, как для метеозависимого человека, резкие изменения погодных условий сильно сказываются на здоровье...»* (ж., 20)).

Отдельно рассмотрим тех, кто отрицает влияние климатических изменений на здоровье или минимизирует их значение. В этом случае прослеживается связь с когнитивной стратегией «адаптивного дистанцирования». Приведем примеры высказываний информантов: *«я в целом спокойно к этому* [изменениям климата] *отношусь.* [Влияет ли на самочувствие?] *Никак. Сильно не влияет на меня это»* (м., 20); *«Я их* [изменения климата] *принимаю, но я не думаю, что они опасны для моего здоровья. Я лично на себе ничего такого не ощущаю»* (ж., 20); *«Если говорить о популистских заявлениях, то это различные таяния ледников, подъем на планете средней температуры <...> Особых изменений* [климата] *я отметить не могу.* [Влияет ли на самочувствие?] *Практически не влияет»* (м., 20). В последнем примере видна попытка обесценить саму проблему, но при этом информант использует не полное отрицание и проблемы, и ее влияния, употребляя такие слова, как *«особых», «практически»*, что оставляет некоторую вероятность их наличия.

Переживания и эмоции (аффективный компонент установки), связанные с климатической повесткой, представляют собой довольно широкий спектр, укладывающийся в определенную матрицу состояний (рисунок). Матрица состоит из двух координатных осей – ось фокуса внимания (внутренний фокус означает, что человек вербализирует свои чувства, когда говорит о личном/телесном/бытовом опыте переживания последствий изменения климата; внешний – когда говорит о проблеме в общем, как о чем-то внешнем/планетарном/системном) и ось эмоциональной окраски (отрицательная и положительная). Таким образом образуются четыре плоскости состояний: сверху слева плоскость «Спокойствие» – внутренний фокус внимания и положительная эмоциональная окраска (*«Всё стабильно»* (м., 20); *«Спокойно реагирую»* (ж., 52); *«это все настолько уже привычно»* (м., 30); *«я привык»* (м., 19); *«Я реагирую нейтрально»* (ж., 18); *«мне все равно – будет жарко или холодно»* (ж., 20)); сверху справа плоскость «Социальное доверие» – внешний фокус и положительная окраска (*«я очень надеюсь, что их сохранят»* (ж., 46); *«Я искренне надеюсь, что Всемирная организация здравоохранения поможет нам дать соответствующие рекомендации в связи с изменением климата»* (м., 20); *«Я очень надеюсь, что становится лучше, потому что городские власти следят сейчас за этим»* (ж., 52); *«мне кажется, что всё-таки власть это как-то замечает и старается оптимизировать. Ну, по крайней мере, я надеюсь на это»* (ж.)); снизу слева «Тревожность» – внутренний фокус и отрицательная окраска (*«накапливается какая-то тревога, апатия»* (ж., 20); *«полная апатия»* (м., 24); *«ты просто ожидаешь, что это всё скоро закончится»* (ж., 21); *«страх»* (м., 20); *«чувствуешь раздражение»* (ж., 20); *«появляется раздражительность»* (ж., 44)); снизу справа «Экзистенциальное беспокойство» – внешний фокус и отрицательная окраска (*«это пугает и заставляет всерьез задумываться»* (ж., 20); *«Иногда даже страшно подумать, каким будет климат, когда мне будет лет 40 или 50»* (м., 23); *«для меня это страшно»* (ж., 19); *«какое-то ощущение безысходности»* (ж., 20); *«Чувствую себя потерянно»* (ж., 20); *«Грустно и обидно»* (ж., 23); *«климат меняется не просто на глазах. Ты понимаешь, что ты просто маленький человек в этой системе»* (ж., 20)). Внутри каждой плоскости эмоции располагаются по степени интенсивности по радиальной оси от центра к периферии, где центр обозначен 0 и показывает слабую интенсивность.

Матрица аффективных состояний – это условная модель, которая дает возможность рассматривать высказывания информантов в разных контекстуальных рамках беседы. Было обнаружено, что один и тот же человек может идти по различным эмоциональным сценариям, например, когда говорит о своем здоровье, описывает страх и/или раздражение (плоскость «Тревожность»), а когда переходит к общим рассуждениям о проблеме, начинает чувствовать надежду и оптимизм (плоскость «Социальное доверие»). Переживания информантов связаны с теми когнитивными стратегиями, которые они используют при конструировании представлений о проблеме изменения климата. Например,

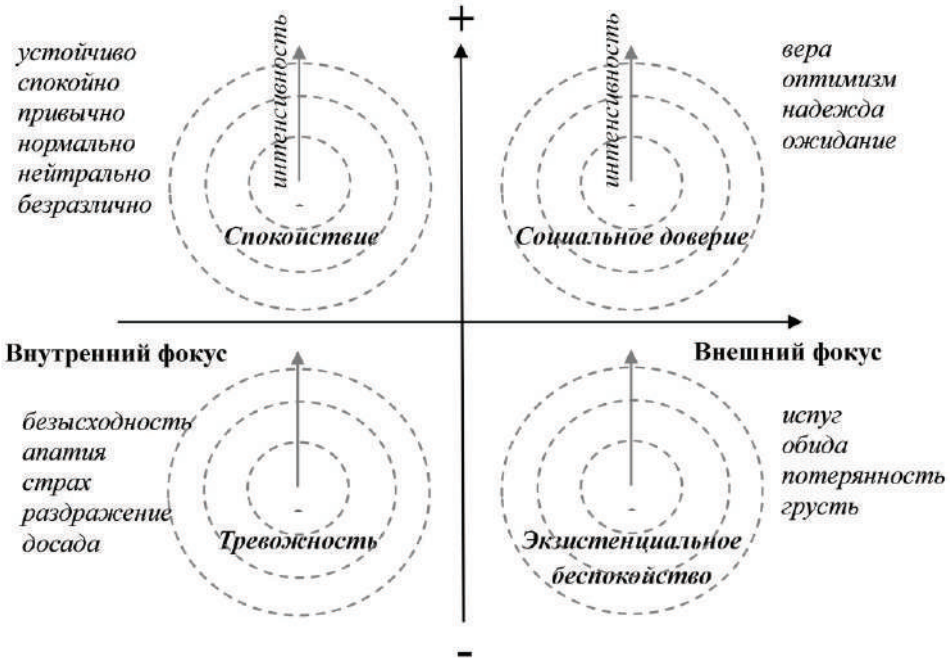

Рис. Матрица аффективных состояний информантов

человек, использующий «стратегию бытовой интерпретации» или «естественного цикла», склонен к минимизации личных тревог: при внутреннем фокусе – за счет позитивного взгляда – *«город озеленился»* (ж., 52), при внешнем фокусе – за счет переноса ответственности вовне, передачи ее государственным институтам и международным организациям. Таким образом выстраивается эмоциональная защита, сохраняется эмоциональное равновесие.

Наблюдаются и другие эмоциональные сценарии, когда на уровне личности/телесности человек чувствует себя подавленным, в ловушке и на глобальном уровне называет себя *«маленьким человеком»* (ж., 20). Или при внутреннем фокусе ситуация принимается как привычная (*«На меня они* [климатические факторы] *почти не влияют... я их принимаю как данность»*), а на внешнем – человек испытывает грусть о прошлом (*«...грустно ... раньше было лучше, а сейчас все меняется»* (ж., 20)).

Проведенный анализ говорит о том, что эмоциональные состояния человека относительно проблем климатических изменений динамичны, зависят от вектора внимания, когда переключение фокуса может запускать процесс эмоциональной трансформации, и сопряжены с когнитивными стратегиями.

Поведенческий компонент установки по отношению к изменению климата исследовался по двум основаниям. Во-первых, по способам адаптации к изменениям климата, применяемым информантами (готовность/неготовность к действию), во-вторых, по субъектам ответственности за управление проблемой и ее последствиями.

Анализ текстов интервью показал, что способы адаптации разделяются на две группы: бытовые и системные.

Первые (бытовые), как правило, носят индивидуальный, защитный характер и связаны с использованием техники (вентилятор, кондиционер, увлажнитель воздуха, фильтры для воды), средств индивидуальной защиты (маски, солнцезащитный крем), отказа от выхода из дома, когда на улице смог и жара *(«Если возможность есть, то остаться дома, никуда не ходить»* (ж., 59); *«могу просидеть весь день дома»* (ж., 21); *«я стараюсь не выходить из дома вообще»* (ж., 22)), покупки чистой бутилированной воды. Это конкретные действия информантов, направленные на улучшение локальной среды обитания и минимизацию ее вредного воздействия на их здоровье и самочувствие. Как обсуждалось выше, «проживание» климатических изменений происходит через погоду, поэтому когда люди говорят о своих адаптационных действиях, рассказывают именно о способах защиты от экстремальных погодных явлений или переключаются на общую неблагоприятную экологическую ситуацию и меры борьбы с ней.

Вторые (системные) – не становятся действием, а остаются на уровне рассуждений о волонтерстве (*«Есть у меня мечта, но не знаю, кто её поддержит из моих знакомых, это пойти в свой лес и пособирать мусор»* (ж.)), трансляции ценностей (*«я очень рада, что у нас есть люди, которые осознанно подходят к этому»* (ж.); *«привить людям осознанность»* (ж., 20)), вербализации предложений по возможным действиям властей (*«поднять штрафы на заводы различные, производства... штрафы на потребителей...»* (м., 30); *«*[властям] *нужно с младших возрастов, со школьного периода прививать детям то, насколько важно и нужно соблюдать экологические меры»* (ж., 19); *«Штрафы должны быть настолько огромными, чтобы загрязнять было попросту невыгодно»* (ж., 20)) и рассмотрения возможности направления организованных жалоб (*«…на жалобы горожан приходят проверки заводов»* (ж., 20)).

В целом на вопрос о том, как оценивается адаптационный процесс, информанты чаще всего говорят о своем привыкании и смирении с существующим положением вещей: *«Скорее, смирилась и приспособилась»* (ж., 20); *«человек привыкает к таким вещам»* (м., 30); *«ко всему можно привыкнуть»* (м., 20); *«Не сказал бы, что привык, скорее всего, смирился»* (м., 24).

Таким образом, можно зафиксировать, что в своем поведении информанты, которые принимают какие-либо меры, остаются в рамках «бытовой» адаптации, а на системном уровне осознание проблемы изменения климата не конвертируется в общественное действие, замыкаясь на требованиях к властям. Следовательно, ответственность за ситуацию накладывается на властные структуры и только в редких случаях на каждого индивидуально, но если информант и говорит об этом, то во вторую очередь, так как проблема изменения климата представляется глобальной, не всегда понятной и потому неподвластной для разрешения отдельному человеку (*«Государство и сам человек»* (ж., 59); *«это вопрос из одного из подразделений мэрии … высшие органы власти в стране»* (ж., 21); *«Разумеется, власти, определенные органы»* (м., 20); *«Предприятия, администрация, то есть какие-то власти … сами граждане нашего города должны иметь осознанное отношение»* (ж., 46); *«чтобы как-то власти повлияли на заводы»* (ж., 52)).

Заключение

Установки жителей обследованного промышленного мегаполиса (г. Перми) в отношении климатических изменений представляют собой сложную динамическую систему, в которой когнитивный и аффективный компоненты находятся в циклической связи. Если на эмоциональном уровне информант испытывает неопределенную тревогу или на телесном уровне чувствует дискомфорт, он интерпретирует их через доступную ему когнитивную стратегию. Как только эти чувства переведены в слова, объясняющие причину (*«парниковый эффект»*, *«глобальное потепление»*, *«аномально/нормально»*), когнитивная конструкция может усилить или ослабить аффект, фиксируя внимание человека на угрозе или направляя внимание в более оптимистичное русло. Таким образом, когниция и аффект замыкаются в петлю обратной связи. Подобная связь личного опыта, восприятия риска и эмоциональной реакции, обоснованная ранее на выборке населения Великобритании [43], задает выбор определенных инструментов повышения климатической грамотности и стимулирования проэкологического поведения населения – например, положительной экологической (климатической) коммуникации или нормализации негативных эмоций в связи с климатическим кризисом [44].

Несмотря на разнообразие когнитивных стратегий и эмоций, их сочетаний и взаимосвязи, динамики, зависящей от фокуса внимания (внутренний или внешний), переход к действию среди жителей промышленного мегаполиса либо не происходит, либо происходит исключительно на «бытовом» уровне, человек остается в рамках поддержания субъективного благополучия. Подобное расхождение между отношением населения к изменению климата и реальным поведением («attitude-behavior gap» [45]) может объясняться а) спецификой изменения климата как угрозы (риска) – абстрактностью, отложенностью во времени, системностью, б) потребностью в контроле и переносом действий в зону компетентности, в) сложностью осознания проблемы в условиях многофакторной внешнесредовой нагрузки в промышленном мегаполисе и, как следствие, «когнитивной перегрузки» [46]. Тем не менее на системном уровне практически все информанты продемонстрировали так называемую «субъектность в высказывании» (артикуляция системных требований к властным структурам), что может объясняться патернализмом и отсутствием реальных механизмов, позволяющих индивидам осуществлять коллективное действие, – информанты привыкли рассматривать климатические (и экологические) проблемы исключительно как зону ответственности государства. В результате, «субъектность в высказывании» становится единственным

доступным пространством участия, в то время как поведенческий уровень выражен только в частной жизни информантов.

Список литературы

1. Цели в области устойчивого развития // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (дата обращения: 20.03.2026).

2. Парижское соглашение, принятое 12 декабря 2015 г. 21-й сессией Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата // Официальный сайт Минэкономразвития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/04a533fab96b645ac4c038913623653c/parizhskoe_soglashenie.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

3. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (Принята 9 мая 1992 года) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

4. Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Официальный сайт Администрации Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910 (дата обращения: 20.03.2026).

5. Национальный план мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303130019 (дата обращения: 20.03.2026).

6. Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001040016 (дата обращения: 20.03.2026).

7. Подходы к информированию общества о смягчении последствий изменения климата и адаптации к ним // Официальный сайт Центра стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/ru/review/podkhody-k-informirovaniyu-obshchestva-o-smyagchenii-posledstviy-izmeneniya-klimata-i-adaptatsii-k-nim/ (дата обращения: 20.03.2026).

8. Corner A., Markowitz E., Pidgeon N. Public engagement with climate change: the role of human values // Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change. 2014. Vol. 5. No. 3. P. 411–422. DOI: 10.1002/wcc.269.

9. Pytlikzillig L.M., Steffensmeier T., Hibbs A.C. et al. Fostering climate change education in the Central Great Plains: A public engagement approach // The International Journal of Sustainability Education. 2013. Vol. 8. No. 1. P. 161–177. DOI: 10.18848/2325-1212/cgp/v08i01/55269.

10. Lee T., Markowitz E., Howe P. et al. Predictors of public climate change awareness and risk perception around the world // Nature Clim. Change. 2015. Vol. 5. P. 1014–1020. DOI: 10.1038/nclimate2728.

11. Ndubuisi O.G., Obiorah C.A., Ugah Th.A. et al. Effective climate communication and public engagement: Critical components in addressing global challenges of climate change // International Journal of Innovative Development and Policy Studies 1. 2025. Vol. 3. No. 3. P. 129–141. DOI: 10.5281/zenodo.17013945.

12. Wanjiku S.M. Youth engagement in climate action: why we need a systematic review of effective practices // Journal of Environmental Studies and Sciences. 2025. Online First. DOI: 10.1007/s13412-025-01059-8.

13. Lejano R.P., Tavares-Reager J., Berkes F. Climate and narrative: Environmental knowledge in everyday life // Environmental Science & Policy. 2013. Vol. 31. P. 61–70. DOI: 10.1016/j.envsci.2013.02.009.

14. Khatibi F.S., Dedekorkut-Howes A., Howes M. et al. Can public awareness, knowledge and engagement improve climate change adaptation policies? // Discover Sustainability. 2021. Vol. 2. No. 1. DOI: 10.1007/s43621-021-00024-z.

15. Lorenzoni I., Nicholson-Cole S., Whitmarsh L. Barriers perceived to engaging with climate change among the UK public and their policy implications // Global Environmental Change. 2007. Vol. 17. No. 3–4. P. 445–459. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2007.01.004.

16. Sutton S.G., Tobin R.C. Constraints on community engagement with Great Barrier Reef climate change reduction and mitigation // Global Environmental Change. 2011. Vol. 21. No. 3. P. 894–905. DOI: 0.1016/j.gloenvcha.2011.05.006.

17. Sikder M., Mozumder P. Risk perceptions and adaptation to climate change and sea-level rise: Insights from general public opinion survey in Florida // Journal of Water Resources Planning and Management. 2019. Vol. 146. No. 3. DOI: 10.1061/(ASCE)WR.1943-5452.0001156.

18. Alcantara L.B., Creencia L.A., Madarcos J.R.V., et al. Climate change awareness and risk perceptions in the coastal marine ecosystem of Palawan, Philippines // UCL Open Environ. 2023. Vol. 5. P. e054. DOI: 10.14324/111.444/ucloe.000054.

19. Lo A.Y., Chow A.T. The relationship between climate change concern and national wealth // Climatic Change. 2015. Vol. 131. P. 335–348. DOI: 10.1007/s10584-015-1378-2.

20. Hickman C., Marks E., Pihkala P., et al. Climate anxiety in children and young people and their beliefs about government responses to climate change: a global survey // Lancet Planet Health. 2021. Vol. 5. No. 12. P. e863–e873. DOI: 10.1016/S2542-5196(21)00278-3.

21. Jylhä K.M., Tam K.P., Milfont T.L. Acceptance of group-based dominance and climate change denial: a cross-cultural study in Hong Kong, New Zealand, and Sweden // Asian Journal of Social Psychology. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 198–207. DOI: 10.1111/ajsp.12444.

22. Stoetzer L.S., Zimmermann F. A representative survey experiment of motivated climate change denial // Nature Climate Change. 2024. Vol. 14. P. 198–204. DOI: 10.1038/s41558-023-01910-2.

23. Većkalov B., Geiger S.J., Bartoš F. et al. A 27-country test of communicating the scientific consensus on climate change // Nature Human Behaviour. 2024. Vol. 8. P. 1892–1905. DOI: 10.1038/s41562-024-01928-2.

24. Курбанов А.Р., Прохода В.А. Экологическая культура: эмпирическая проекция (отношение россиян к изменению климата) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 347–370. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.17.

25. Истомин В.И. Влияние социально-демографических факторов на установки по отношению к изменению климата среди жителей европейских стран: межстрановой анализ // KANT: SS&H. 2021. № 2 (6). С. 30–48. DOI: 10.64923/2305-8757.2021-6.3.

26. Barbara J., Mudaliar C., Leach M. et al. Popular attitudes to climate change in the Pacific: the case of Samoa // Regional Environmental Change. 2023. Vol. 23. No. 81. DOI: 10.1007/s10113-023-02065-8.

27. González J.B., Sánchez A. Multilevel predictors of climate change beliefs in Africa // Public Library of Science ONE. 2022. Vol. 17. No. 4. P. e0266387. DOI: 10.1371/journal.pone.0266387.

28. Alrhmoun M., Mattalia G., Romano C., et al. Climate change perceptions across four ecological regions in Italy and Austria // Scientific Reports. 2025. Vol. 15. No. 1. P. 37574. DOI: 10.1038/s41598-025-10611-z.

29. Жегусов Ю.И., Максимов Т.Х. Восприятие населением влияния изменений климата на условия жизни в холодном регионе (на примере Республики Саха (Якутия)) // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 145–151. DOI: 10.31857/S0132162524090139.

30. Влад И.В., Шароватов А.А. Вопросы предотвращения последствий глобального изменения климата в Арктике // Инновации и инвестиции. 2023. № 1. С. 52–57.

31. Города и меры по борьбе с изменением климата. Глобальный доклад о состоянии городов мира 2024 года // Официальный сайт ООН-ХАБИТАТ. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2025/04/wcr_2024_-_executive_summary_rus.pdf (дата обращения: 21.03.2026).

32. Зайцева Н.В., Шур П.З., Хасанова А.А., Чигвинцев В.М. Оценка риска для здоровья населения Пермского края, обусловленного болезнями органов дыхания, при воздействии загрязнения атмосферного воздуха в условиях волн жары // Гигиена и санитария. 2025. Т. 104. № 12. С. 1757–1763. DOI: 10.47470/0016-9900-2025-104-12-1757-1763.

33. Rayhan A. Urbanization and climate change: Challenges and opportunities for sustainable cities. 2024. DOI: 10.13140/RG.2.2.12958.14402.

34. Приказ Минэкономразвития России от 13.05.2021 № 267 (ред. от 29.12.2025) «Об утверждении методических рекомендаций и показателей по вопросам адаптации к изменениям климата» // Официальный сайт Минэкономразвития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_13_maya_2021_g_267.html (дата обращения: 22.03.2026).

35. Адаптация к изменению климата в России – 2025. С атласом опасных климатических рисков в регионах России // Официальный сайт Центра стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/f42/lgp0sbzzehiygmfw4wu5wwjdqgksdcqj.pdf (дата обращения: 22.03.2026).

36. Chernokulsky A.V., Makarov I.A., Aniskina T.A., et al. Heuristic relative assessment of climate risks in Russian regions // Science of The Total Environment. 2025. Vol. 987. P. 179721. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2025.179721.

37. Калинин Н.А., Ветров А.Л. Особенности изменений индексов комфортности климата в Перми и городах-миллионниках Сибири в холодный и теплый периоды года // Географический вестник. 2024. № 3 (70). С. 83–94. DOI: 10.17072/2079-7877-2024-3-83-94.

38. Шур П.З., Хасанова А.А., Цинкер М.Ю., Зайцева Н.В. Методические подходы к оценке риска здоровью населения в условиях сочетанного воздействия климатических факторов и обусловленного ими химического загрязнения атмосферы // Анализ риска здоровью. 2023. № 2. С. 58–68. DOI: 10.21668/health.risk/2023.2.05.

39. Хасанова А.А. Оценка интегральных уровней риска здоровью населения, формируемых в условиях совместного влияния метеорологических факторов и обусловленного ими химического загрязнения атмосферного воздуха // Фундаментальные и прикладные аспекты анализа риска здоровью населения – 2025: Материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции молодых ученых и специалистов Роспотребнадзора. Пермь, 2025. С. 173–181.

40. Poortinga W., Demski C. and Steentjes K. Generational differences in climate-related beliefs, risk perceptions and emotions in the UK // Commun. Earth Environ. 2023. **4.** P. 229. DOI: 10.1038/s43247-023-00870-x.

41. Divasson-J.A., Aguayo-Mendoza A., Quesada C., et al. Climate change from B to Z: a cross-generational perception study in Spain // Front. Environ. Sci. 2025. **13.** P. 1511398. DOI: 10.3389/fenvs.2025.1511398.

42. Нарциссова С.Ю. Когнитивная модель и когнитивные стратегии // Наука и современность. 2010. № 6-1. С. 393–397.

43. van der Linden S. On the relationship between personal experience, affect and risk perception: The case of climate change // European Journal of Social Psychology. 2014. Vol. 44. No. 5. P. 430–440. DOI: 10.1002/ejsp.2008.

44. Schneider C.R., van der Linden S. An emotional road to sustainability: How affective science can support pro-climate action // Emotion Review. 2023. Vol. 15. No. 4. P. 284–288. DOI: 10.1177/17540739231193742.

45. Vieira J., Castro S.L., Souza A.S. Psychological barriers moderate the attitude-behavior gap for climate change // Public Library of Science ONE. 2023. Vol. 18. No. 7. P. e0287404. DOI: 10.1371/journal.pone.0287404.

46. Mori E., Di Lorenzo T., Viviano A. et al. Under pressure: Environmental stressors in urban ecosystems and their ecological and social consequences on biodiversity and human well-being // Stresses. 2025. Vol. 5. No. 4. P. 66. DOI: 10.3390/stresses5040066.

RUSSIAN'S ATTITUDES TOWARDS CLIMATE CHANGE: CASE OF THE BIG INDUSTRIAL CITY

***N.A. Lebedeva-Nesevria*[1], *A.O. Barg*[1], *M.D. Kornilitsyna*[2]**

[1] Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies
[2] Perm State National Research University

Using the example of an industrialized Russian city characterized by the combined effects of environmental health risk factors, this article explores the cognitive, affective, and behavioral aspects of attitudes towards climate change. The study is based on 57 in-depth interviews with residents. Complex, internally contradictory climate attitudes based on different causal attribution strategies were characterized. Four cognitive strategies for forming ideas about climate change (strategies of «natural cycle», «scientific interpretation», «everyday interpretation», and «adaptive distancing») are identified, and their relationship with emotional reactions to the problem is demonstrated. A matrix of affective states is developed, revealing the emotional states of informants within the framework of the climate agenda. Despite differences in the ways individuals explain the causes of climate change, descriptions of the health consequences of these changes are almost universal and are linked to individual bodily experience. There is a gap between cognition, affect, and behavior regarding climate change has been demonstrated. This gap is interpreted by the authors as a possible consequence of the complexity of the climate change problem, the cognitive overload that arises in response to the multifactorial nature of risks in an industrialized metropolis, the lack of participation mechanisms, and weak collective self-efficacy.

Keywords: climate change, social attitudes, risk perception, climate literacy.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2026_3_144

МОТИВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2026 г.

М.Ю. Малкина, А.А. Гаранина

Малкина Марина Юрьевна, д.э.н., проф.; профессор кафедры экономической теории и методологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mmuri@iee.unn.ru
Гаранина Алёна Александровна, аспирант Института экономики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
garanina@unn.ru

Статья поступила в редакцию 23.03.2026
Статья принята к публикации 16.07.2026

Исследование мотивации является важнейшим инструментом анализа социально-экономических предпочтений и психологических барьеров, возникающих для начинающих и действующих бизнесменов. Выявление и понимание истинных мотивов предпринимательства позволяет разработать эффективные меры поддержки бизнеса, создать оптимальные условия для роста числа успешных предпринимателей и повышения конкурентоспособности российской экономики. Целью статьи является анализ и оценка мотивов предпринимательской деятельности в современной России на основе результатов авторского социологического опроса, проведенного с 995 респондентами в декабре 2025 г. – феврале 2026 г. В результате исследования проанализировано распределение ответов по десяти ключевым мотивам (стремление создать собственный продукт/бренд; возможность реализации идей и инноваций; желание достичь финансовой свободы; потребность в саморазвитии и самореализации; улучшение качества жизни своей семьи; признание и статус в обществе; социальная значимость проекта (создание рабочих мест, развитие региона, улучшение качества жизни других людей); пример успешного предпринимательства других людей; реализация амбиций и мечты; привлекательность риска и динамики предпринимательства). На основе преобразования качественных шкал оценивания в количественные рассчитаны средние оценки по каждому мотиву для разных гендерных, статусных (предприниматели/непредприниматели), возрастных и доходных групп. Ключевыми мотивами по степени значимости для всех социальных групп оказались эгоцентрические мотивы: материальные (желание достичь финансовой свободы, улучшение качества жизни своей семьи) и достижительные (реализация амбиций и мечты). Наименьший интерес вызвали социоцентрические мотивы, а также мотив подражания и мотив риска и динамичности бизнеса. Исследование выявило значительное количество предпринимателей, которые оценивают занятие предпринимательской деятельностью как вынужденную реакцию на современные экономические реалии. Полученные выводы представляют собой ценную основу для разработки региональных экономических стратегий, улучшения условий ведения бизнеса и могут быть использованы при разработке программ обучения предпринимательству, тренингов по психологии предпринимательства, в агитационных материалах по программам поддержки предпринимательства, корректировке программ поддержки.

Ключевые слова: предпринимательство, мотивы предпринимательской деятельности, предпринимательская мотивация.

Введение

В настоящее время российская экономика сталкивается с новыми вызовами и возможностями, связанными с глобализацией, цифровизацией, изменением поведения экономических субъектов в разных сферах. Эти изменения требуют новых подходов к управлению экономическими процессами. Один из ключевых элементов – это создание благоприятной предпринимательской среды и особой предпринимательской культуры.

Для управления этим процессом требуется, в частности, всесторонний анализ мотивов предпринимательской деятельности. Для эффективного управления развитием экономики различных территориальных образований необходимо глубокое изучение факторов, влияющих на поведение потенциальных и действующих предпринимателей. Одним из важнейших аспектов диагностики являются мотивы занятия предпринимательской деятельностью разных групп населения, что позволит выявить предпочтения

предпринимателей и потенциальные препятствия на пути развития бизнеса.

Целью настоящего исследования является оценка, анализ и сопоставление степени значимости мотивов предпринимательской деятельности в представлении различных социальных групп на основе обобщения данных авторского формализованного социологического опроса, проведенного в декабре 2025 г. – феврале 2026 г. в ряде регионов России.

Степень научной разработанности проблемы

Мотивации в разных сферах экономической жизни посвящен целый ряд научных исследований, среди которых предпринимательская мотивация занимает особое место. Ученые разработали множество подходов к систематизации и классификации мотивов и стимулов социально-экономической деятельности. Рассмотрим некоторые из них.

Немецкий социолог М. Вебер в работе «Основные социологические понятия» (1919) выделял четыре типа социального действия по степени рациональности: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное, традиционное [1]. Для предпринимателя свойственно в основном целерациональное поведение (ориентация на прибыль, эффективность), но в условиях влияния идеологических, морально-этических и прочих установок этот тип поведения может в той или иной степени сочетаться с ценностно-рациональным. Помимо стремления к экономическим выгодам, предприниматели могут учитывать ценности, принципы и нормы, которые формируют их решения и действия. Немецкий философ и социолог Ю. Хабермас в «Теории коммуникативного действия» (1981) предложил свою типологию, осмыслив концепцию М. Вебера: стратегическое действие (достижение целей с учетом поведения других индивидов), нормативное действие (следование нормам и ценностям), драматургическое действие (создание имиджа, самовыражение), коммуникативное действие (достижение взаимопонимания и согласия) [2].

Ученые, экономисты и социологи, изучали влияние эгоцентрических и социотропных мотивов на экономическое поведение людей, исследовали роль морально-этических основ бизнеса. Английский писатель и журналист Б. Мандевиль в своем известном труде «Басня о пчелах» (1714) развивал идею о том, что человеческие пороки могут быть драйвером роста общественного благосостояния, а умеренность и воздержание приводят к упадку и деградации [3]. Основатель классической экономии, шотландский экономист А. Смит ответил на брошенный Б. Мандевилем вызов своим трудом «Теория нравственных чувств» (1759), представив совершенно противоположную точку зрения на влияние моральных основ на экономическое поведение людей, к которым отнес симпатию и сопереживание, общественное одобрение, рациональность и разум [4]. Если Б. Мандевиль подчеркивал важность личного интереса и конкуренции, то А. Смит делал упор на солидарность, сотрудничество и общественный порядок.

Позднее в своем всемирно известном труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) А. Смит обосновывал, что рыночные законы работают лучше, когда частный интерес стоит выше общественного. Он ввел понятия «экономический человек» и «невидимая рука». Согласно А. Смиту, в основе всеобщего богатства лежат способности каждого индивидуума и разделение труда [5].

В рамках современного ценностно ориентированного подхода особое внимание уделяется этическим аспектам предпринимательства. Например, в книге немецкого экономиста и философа П. Козловски «Принципы этической экономии» (1999) исследуется взаимосвязь экономики и морали, изучаются вопросы этического измерения экономики, социальной ответственности бизнеса, справедливого распределения ресурсов, экологической устойчивости [6]. В объемном труде американского экономиста Р.Т. Де Джорджа «Деловая этика» (2003) всесторонне исследуются этические основы бизнеса. Автор обосновывает важность применения этического подхода в принятии решений и управлении бизнесом, подчеркивая, что успешная организация должна сочетать экономические цели с уважением к социальным и экологическим нормам [7].

Австрийский и американский экономист Й. Шумпетер (1912) выделял три группы неэкономических мотивов предпринимательства: стремление иметь «свою империю» – предприниматель сам все конструирует и строит, что в итоге полностью отвечает его запросам, ценностям, ожиданиям; воля к победе – возможность доказать свою состоятельность, реализовать себя как личность в условиях конкурентной борьбы и других внешних факторов; радость творчества – любимое дело соответствует индивидуальным интересам и установкам, возможность видеть результаты собственных усилий (доход, статус, признание) [8].

Необходимо выделить специальные модели и подходы в отношении мотивов. Теория американского психолога Ф. Герцберга (1959) выделяет гигиенические факторы (условия труда, зарплата) и мотивирующие факторы (достижение, ответственность) [9]. В теории ожиданий канадского психолога В. Врума (1964) выделяются мотивы, связанные с ожидаемой ценностью результата и с верой в возможность его достижения [10]. Теория справедливости (равенства) американского юриста Дж.С. Адамса (1963) основана на мотиве равенства/справедливости вознаграждения относительно усилий и результатов других [11].

Современный российский психолог Е.П. Ильин в учебном пособии «Мотивация и мотивы» (2002) предлагает концепцию, базирующуюся на критическом рассмотрении и синтезе имеющихся в психологии взглядов на эту проблему. Он предлагает несколько вариантов классификации мотивов: в зависимости от различных видов потребностей (биологические, самоуважения, самоактуализации), по принадлежности стимулов (внешние, внутренние), по социальным установкам и направленности личности (личностные и общественные, эгоистические и общественно значимые), по ведущему мотиватору (однозначные, многозначные), по видам активности (мотивы общения, спортивной, профессиональной и общественной деятельности), с учетом временны*х* характеристик (ситуативные, постоянно действующие, кратковременные и устойчивые), на основании структуры мотивов (первичные, вторичные) [12].

Проблемам мотивации, в том числе предпринимательской, посвящены работы ряда российских социологов. В.В. Радаев (1993) исследовал мотивацию отечественных предпринимателей, в результате чего ведущими мотивами были признаны потребности в выживании и социальном самоутверждении [13]. В.И. Герчиков разработал мотивационную модель (2005), которая предполагает деление индивидов на пять групп по типу мотивации: инструментальные, профессиональные, патриотические, хозяйские, люмпенизированные (избегательные) [14]. Г.Б. Кошарная изучала мотивацию современных российских предпринимателей, мотивационным ядром которых являются потребности высшего уровня, прежде всего потребности в независимости и в достижении успеха [15]. М.Ю. Малкина и Д.Ю. Рогачев связали мотивацию экономических агентов с их ценностными ориентирами, объединив все ценности в три группы: нравственные, коммуникативные и достижительные. На основе анализа данных социологического опроса студенческой молодежи России в 2020 г. авторами установлена связь ценностных ориентаций молодых людей с предпочитаемыми способами получения дохода [16].

Важную роль в изучении относительной значимости и эволюции мотивов предпринимательства в конкретно-исторических условиях и меняющейся институциональной среде играют социологические опросы.

Например, аналитическим центром ВЦИОМ в 2025 г. опрошены 923 молодых предпринимателя в возрасте от 18 до 35 лет из 75 регионов Российской Федерации. Ключевые мотивы обращения к предпринимательской деятельности, согласно проведенному опросу, – желание зарабатывать тем, что нравится (63%), проявлять самостоятельность (55%). Главные качества предпринимателя: упорство и трудолюбие (56%), способность к выстраиванию отношений с людьми (51%), умение принимать решения в условиях неопределенности (43%), оригинальное мышление (40%). А условия успешного предпринимательства — высокая квалификация и глубокие знания отрасли (58%), стартовый капитал (43%), уникальная бизнес-идея и опыт ведения бизнеса (по 42%), наличие команды единомышленников (35%) [17].

В 2023 г. исследователи Центра стратегического предпринимательства НИУ «ВШЭ» в Санкт-Петербурге провели опрос 4600 студентов-предпринимателей из вузов России в рамках проекта «Глобальное исследование предпринимательского духа студентов» (GUESSS). Для большинства респондентов наиболее важными стимулами оказались возможность быть независимым и иметь высокий уровень дохода. 59% респондентов подчеркнули, что для них ключевыми стимулами заняться предпринимательством являются организация стажировок для молодых предпринимателей и тренингов, направленных на развитие предпринимательских навыков. Опрос также выявил, что в России наблюдается тенденция сокращения доли студентов, рассматривающих карьеру предпринимателя сразу же после учебы [18].

В 2023 г. международная команда ученых при участии исследователей Центра стратегического предпринимательства НИУ «ВШЭ» изучили особенности влияния нарциссизма на успех молодых предпринимателей из 43 стран мира. Согласно полученным результатам, трудоголизм усиливает связь между нарциссизмом основателя компании и ее бизнес-показателями [19].

В 2024 г. «Сбер», Фонд «Общественное мнение» и Минэкономразвития в рамках проекта

«ПРИМ» (Предприниматели России: исследовательский мониторинг) изучали мнение представителей малого и микробизнеса по различным вопросам. Опрос выявил: 68% респондентов убеждены, что бизнес должен вносить вклад в улучшение жизни людей [20].

Таким образом, в работах предшествующих исследователей и в социологических опросах поднимались такие важные вопросы, как типы социального действия предпринимателей, важность этического подхода; рассмотрены типологии, модели и классификации мотивов, ключевые стимулы к предпринимательству. Несмотря на большой пласт работ в изучаемой предметной области, отмечается явный дефицит современных исследований, касающихся сравнительной оценки понимания разными социальными группами населения мотивов и целей предпринимательской деятельности в современной России. Проведение подобного исследования позволит как установить адекватность восприятия мотивов предпринимательства разными группами населения, что может влиять на отношение к нему, так и выявить, какие группы наиболее склонны к определенному типу предпринимательства.

Данные и методы

Для реализации цели и задач исследования с декабря 2025 г. по февраль 2026 г. проводился разработанный лично авторами формализованный опрос, посвященный мотивам предпринимательской деятельности. В опросе приняли участие 995 респондентов из следующих регионов России: Нижегородская область, Ульяновская область, Оренбургская область, Республика Башкортостан, Кировская область, Пермский край, Саратовская область и другие. Количество опрошенных предпринимателей и непредпринимателей отражает соотношение групп в исследуемых регионах России.

Распределение респондентов-предпринимателей, принявших участие в опросе: 1) пол: мужской – 65.9%, женский – 34.1%; 2) семейное положение: холост (не замужем) – 38.5%, в зарегистрированном браке – 47.2%, в незарегистрированном браке – 14.3%; 3) финансовое обеспечение: полностью обеспечивают себя и свою семью – 50.5%, обеспечивают себя – 34.1%, частично обеспечивают родители/родственники – 12.1%, полностью обеспечивают родители/родственники – 3.3%.

Распределение респондентов-непредпринимателей, принявших участие в опросе: 1) пол: мужской – 31.1%, женский – 68.9%; 2) семейное положение: холост (не замужем) – 81.3%, в зарегистрированном браке – 10.7%, в незарегистрированном браке – 8%; 3) финансовое обеспечение: обеспечивают себя и свою семью – 7.2%, полностью обеспечивают себя – 15.1%, частично обеспечивают родители/родственники – 47.8%, полностью обеспечивают родители/родственники – 29.9%.

Простое сравнение двух групп приводит к выводу, что предприниматели отличаются от непредпринимателей бо́льшим представительством мужчин, как правило, имеющих семью, финансово самостоятельных.

В опросе выделено 10 взаимодополняющих мотивов предпринимательской деятельности: стремление создать собственный продукт/бренд; возможность реализации идей и инноваций; желание достичь финансовой свободы; потребность в саморазвитии и самореализации; улучшение качества жизни своей семьи; признание и статус в обществе; социальная значимость проекта (создание рабочих мест, развитие региона, улучшение качества жизни других людей); пример успешного предпринимательства других людей; реализация амбиций и мечты; привлекательность риска и динамики предпринимательства. Для ответа на вопросы анкеты использовалась пятибалльная качественная шкала (от «абсолютно незначимо» до «очень значимо»), оценивающая относительную степень важности того или иного мотива в представлении респондента.

На основе распределения ответов респондентов и приведения качественной шкалы к количественной рассчитывались средние оценки значимости каждого мотива:

$$I = \sum_{i=1}^{N} a_i \,/N, \qquad (1)$$

$$I = \sum_{k=1}^{5} a_k \cdot x_k, \qquad (2)$$

где $a_i \in a_k = \{1, 2, 3, 4, 5\}$ – оценка i-го респондента, приобретающая значение a_k от 1 (незначимый фактор) до 5 (очень значимый фактор); N – общее количество респондентов; $x_k = \frac{N_k}{N}$ – доля респондентов, выбравших вариант ответа, которому присвоена оценка a_k, N_k – количество таких респондентов.

Результаты

На рисунке представлено распределение мнений респондентов относительно важности десяти мотивов, влияющих на решение заниматься предпринимательской деятельностью. Ключевыми по степени значимости оказались материальные мотивы: желание достичь финансовой свободы,

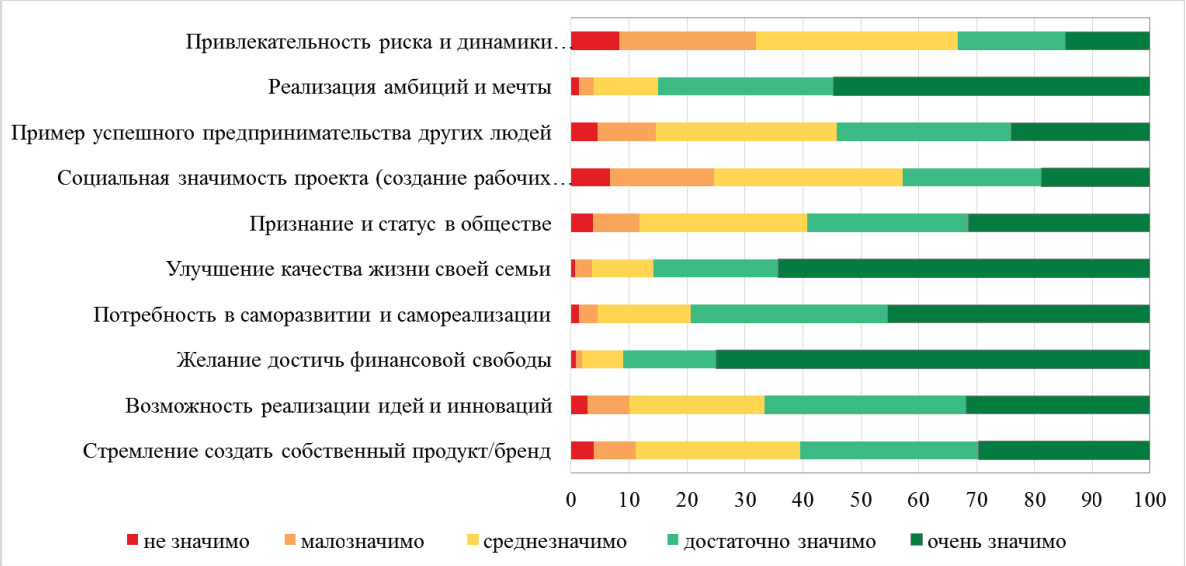

Рис. Распределение мнений респондентов о мотивах предпринимательской деятельности
Источник: результаты авторского социологического опроса

улучшение качества жизни своей семьи. Данные мотивы имеют высокий уровень важности для респондентов всех социальных групп. Они отражают стремление обеспечить материальное благополучие себе и своим близким.

Финансовая свобода является важным драйвером предпринимательства. Люди стараются уйти от экономической неопределенности, зависимости от работодателя, стремятся контролировать свои доходы, ищут долгосрочные инвестиционные перспективы, ценят свободное распоряжение своим временем. Второй по значимости мотив «улучшение качества жизни своей семьи» означает, что семья остается важнейшим социальным институтом, определяющим жизненные стратегии и установки большинства людей. Кроме того, повышение качества жизни семьи включает не только увеличение доходов, но и возможность больше времени проводить вместе, улучшать жилищные условия, обеспечивать качественное образование и поддержание здоровья свое и членов своей семьи, в том числе детей.

Необходимо отметить двунаправленную связь между главными мотивами предпринимательства: финансовая свобода становится инструментом достижения лучшего качества жизни семьи, а стремление к повышению качества семейной жизни мотивирует к достижению финансового благополучия и финансовой свободы. Семья служит важным источником внутренней мотивации к активной экономической деятельности.

Другими важными мотивами, по мнению респондентов, являются мотивы достижения, успеха и самовыражения: реализация амбиций и мечты, саморазвитие и самореализация, возможность реализации идей и инноваций, признание и статус в обществе, стремление создать собственный продукт/бренд. Предпринимателям важно раскрыть свой внутренний потенциал, постоянно двигаться вперед, экспериментировать и внедрять инновации, получить общественное признание.

Наименее востребованными мотивами оказались социально ориентированные мотивы, такие как «социальная значимость проекта (создание рабочих мест, развитие региона, улучшение качества жизни других людей)». Менее привлекательными также оказались риск и динамика предпринимательства и мотив подражания («пример успешного предпринимательства других людей»).

В таблице представлены средние оценки по каждому мотиву для разных гендерных, статусных (предприниматель/непредприниматель), возрастных и доходных групп респондентов, рассчитанные на основе формул (1) и (2). Кроме того, в нижних строках каждой ячейки на сером фоне представлены ранги значимости мотивов внутри каждой группы.

Проанализируем различия в мотивации у разных социальных групп.

1. *Предприниматели и непредприниматели.* Прежде всего, для непредпринимателей характерно в целом несколько более позитивное отношение к мотивам предпринимательства, чем для самих предпринимателей, что может быть результатом меньшей осведомленности, отсутствия опыта и некоторой идеализации предпринимательской деятельности. Ранги значимости

Таблица

Средние оценки и ранги значимости мотивов предпринимательской деятельности для разных социальных групп

Мотив	Все	М	Ж	Предприниматели	Непредприниматели	14–21 лет	22–29 лет	30–45 лет	46–65 лет	Низкий уровень дохода	Средний уровень дохода	Высокий уровень дохода
Стремление создать собственный продукт/бренд	3.75	3.55	3.86	3.46	3.78	3.83	3.73	3.54	3.11	3.70	3.75	3.79
	6	7/8	6	7	6	6	5	7	8	6	6	6
Возможность реализации идей и инноваций	3.86	3.72	3.93	3.77	3.87	3.90	3.72	3.84	3.73	3.87	3.88	3.78
	5	5	5	5	5	5	6	6	5	5	5	7
Желание достичь финансовой свободы	4.63	4.57	4.66	4.57	4.64	4.63	4.60	4.69	4.64	4.63	4.67	4.49
	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Потребность в саморазвитии и самореализации	4.19	4.02	4.27	4.14	4.19	4.21	4.07	4.26	4.18	4.12	4.19	4.20
	4	4	4	4	4	4	4	3	3	4	4	4
Улучшение качества жизни своей семьи	4.46	4.45	4.46	4.36	4.47	4.46	4.35	4.55	4.56	4.45	4.46	4.45
	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Признание и статус в обществе	3.75	3.66	3.80	3.57	3.77	3.77	3.63	3.90	3.53	3.60	3.74	3.85
	7	6	7	6	7	7	7	5	6	7	7	5
Социальная значимость проекта (создание рабочих мест, развитие региона, улучшение качества жизни других людей)	3.30	3.18	3.36	3.02	3.33	3.40	3.02	3.10	3.09	3.13	3.31	3.34
	9	9	9	10	9	9	9	9	9	9	9	9
Пример успешного предпринимательства других людей	3.59	3.55	3.61	3.15	3.63	3.67	3.39	3.45	3.36	3.50	3.61	3.55
	8	7/8	8	8	8	8	8	8	7	8	8	8
Реализация амбиций и мечты	4.34	4.30	4.37	4.16	4.36	4.44	4.18	4.15	3.91	4.40	4.35	4.32
	3	3	3	3	3	3	3	4	4	3	3	3
Привлекательность риска и динамики предпринимательства	3.08	3.14	3.05	3.04	3.08	3.17	2.90	2.87	2.67	2.91	3.05	3.23
	10	10	10	9	10	10	10	10	10	10	10	10

Источник: расчеты авторов.

мотивов у этих двух групп в основном совпадают, при двух исключениях. Для предпринимателей мотив «признание и статус в обществе» оказывается на одну позицию выше, чем мотив «стремление создать собственный продукт/бренд», у непредпринимателей – наоборот. Предприниматели понимают, что создание продукта – это сложный процесс, связанный с рисками и неопределенностью. Их опыт показывает, что созданный продукт – не самоцель, а скорее средство достижения стратегических целей, связанных с долгосрочным развитием бизнеса. Непредприниматели ассоциируют создание собственного продукта со свободой, успехом, недооценивая реальные сложности и риски.

Аналогично, предприниматели, в отличие от непредпринимателей, ставят мотив «привлекательность риска и динамики бизнеса» выше мотива «социальная значимость проекта». Предприниматели понимают, что без склонности к риску и готовности постоянно и оперативно реагировать на перемены сложно добиться успеха в бизнесе. В то же время непредприниматели ждут от бизнеса большей социальной ответственности.

2. *Мужчины и женщины.* Женщины в среднем дают более высокие оценки почти всем мотивам предпринимательской деятельности, чем мужчины. Исключением является мотив «привлекательность риска и динамики предпринимательства», для которого оценки мужчин оказываются в среднем выше. Женщины более идеалистичны, мужчины более прагматичны. При этом ранги значимости мотивов для мужчин и женщин в основном совпадают, при двух исключениях, когда происходит ротация рангов. Мужчины придают большее значение внешней мотивации: «признанию и статусу в обществе», женщины – внутренней мотивации: «стремлению создать собственный продукт/бренд».

3. *Возрастные группы населения*. Самой молодой группе (14–21 год) в среднем свойственны наиболее высокие оценки мотивов предпринимательства, самой старшей группе (46–65 лет) – наиболее низкие оценки. Это может объясняться как отсутствием опыта у молодых, недооценкой сложностей и рисков предпринимательства, так и большей энергичностью и открытостью новому. Для ряда мотивов отмечаются ярко выраженные возрастные тенденции. С увеличением возраста снижается привлекательность мотивов достижения: создания собственного продукта/бренда, реализации идей и инноваций, реализации амбиций и мечты, а также привлекательности риска и динамики бизнеса. При этом с возрастом увеличивается значимость улучшения качества жизни своей семьи. Как и для других социальных групп, для всех возрастных групп этот мотив устойчиво стоит на втором месте, после мотива достижения финансовой свободы, находящегося на первом месте. Молодые группы оценивают «реализацию амбиций и мечты» выше «потребности в самореализации и саморазвитии», более старшие группы – наоборот. В представлениях молодых людей в возрасте 14–21 лет в предпринимательстве относительно более важна реализация идей и инноваций, 20–29 лет – создание собственного продукта/бренда, а 30–45 лет – достижение признания и статуса в обществе, что свидетельствует о смещении приоритетов по мере взросления и профессионального становления (от активности к результату и его признанию).

4. *Доходные группы населения*. Люди со средними и высокими доходами более высоко оценивают значимость мотивов к предпринимательской деятельности, чем представители низкодоходных групп населения. С ростом дохода увеличивается понимание важности как некоторых достижительных мотивов (создания собственного продукта/бренда, получения признания и статуса в обществе), так и социальной значимости проекта, а также привлекательности риска и динамики предпринимательства. Ранги значимости мотивов для трех доходных групп в основном совпадают. Исключение составляет относительно более высокая значимость мотива «возможность реализации идей и инноваций» для низкодоходных и среднедоходных групп и «признания и статуса в обществе» для высокодоходных групп (различие на две позиции в ранге).

Еще один вопрос анкеты был сформулирован в виде тезиса. Респондентам предлагалось выразить свое отношение к утверждению «Большинство современных российских предпринимателей являются вынужденными (их побудила заниматься предпринимательством нужда, необходимость содержать семью и пр.)». Концепция вынужденного предпринимательства получила широкое распространение в исследованиях российских ученых-экономистов, занимающихся изучением особенностей малого и среднего бизнеса в современной России. Среди наиболее значимых работ, развивающих данную концепцию, следует выделить труды А.Ю. Чепуренко, В.В. Радаева и С.П. Земцова [21–23]. Если рассматривать результаты проведенного опроса, то ответы предпринимателей относительно вынужденности предпринимательства в современ-

ной России распределились следующим образом: 9.9% – полностью согласны с данным утверждением, 27.5% – скорее согласны, 27.5% – скорее не согласны, 5.5% – категорически не согласны, 29.7% – затрудняются ответить. Ответы непредпринимателей: 4.8% – полностью согласны, 25.9% – скорее согласны, 28.3% – скорее не согласны, 3.9% – категорически не согласны, 37.1% – затрудняются ответить. Полученные данные были тоже переведены в порядковую шкалу, на основе которой посчитаны средние оценки. Средние оценки таковы: для предпринимателей – 3.088, для непредпринимателей – 2.993.

Таким образом, в целом предприниматели в большей степени (37.4% согласны в той или иной степени), чем непредприниматели (30.7%), считают бизнес вынужденным занятием. В то же время существует значительная группа как предпринимателей (26%), так и непредпринимателей (28.3%), которая скорее не согласна с данной точкой зрения. Полученный разброс мнений подтверждает существование разных типов предпринимателей: одни занимаются бизнесом осознанно, другие же из-за обстоятельств, ограничивающих альтернативные возможности заработка. У всех разный социальный опыт и разное социальное окружение, на основе которых они выносят суждения. Среди как предпринимателей, так и непредпринимателей значительна группа не определившихся с ответом, но среди непредпринимателей таковых больше на 7.4%. Внушительная доля затруднившихся с ответом свидетельствует о недостаточной ясности вопроса для широкой общественности. В целом можно сделать вывод, что тенденция вынужденного предпринимательства в России существует, но она далеко не абсолютна, и полученные результаты опроса свидетельствуют о наличии и более сильных мотивов для занятия предпринимательской деятельностью.

Выводы

Данное исследование вносит вклад в изучение мотивов предпринимательской деятельности современного российского населения. Предприниматели, начиная свое дело, руководствуются разными мотивами. В работе проведен анализ десяти мотивов – в результате выявлены ключевые, дополнительные, менее значимые мотивы. Посчитаны средние оценки по каждому мотиву в зависимости от гендера, материального положения, возраста, принадлежности к социальной группе (предприниматели/непредприниматели). В целом предприниматели и непредприниматели сходятся во мнении относительно степени значимости различных мотивов занятия бизнесом, различия в оценках этих групп незначительны.

Исследование выявило превалирование эгоцентрических (материальных и достижительных) над социоцентрическими мотивами предпринимательской деятельности в восприятии опрошенных. Желание достичь финансовой свободы и улучшение качества жизни своей семьи являются наиболее важными мотивами предпринимательства в представлении всех категорий респондентов. В то же время такие мотивы, как социальная значимость проекта и пример других предпринимателей, получили одни из наиболее низких оценок. Все группы респондентов наиболее низко оценивают привлекательность риска и динамики предпринимательства, хотя молодые мужчины оценивают этот мотив несколько выше, чем другие группы.

Женщины, молодые респонденты и непредприниматели в среднем выше оценивают мотивы предпринимательства, тогда как наибольший скепсис проявляют мужчины, самая старшая группа населения и сами предприниматели. Женщины чаще мужчин судят о бизнесе в контексте возможности реализации идей и инноваций, создания нового бренда, саморазвития и самореализации. Мужчины больше ориентированы на риск. Люди в возрасте 30–45 лет и с высоким доходом больше других ориентированы на признание и статус в обществе. Низкодоходные и среднедоходные группы чаще рассматривают бизнес как способ достижения финансовой свободы.

Опрос выявил значительное количество предпринимателей, которые оценивают занятие бизнесом как вынужденную реакцию на экономические реалии современной России. Вместе с тем существует значительный разброс мнений внутри группы самих предпринимателей, что отражает неоднородность современного бизнеса в России.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ обучения предпринимательству, тренингов по психологии предпринимательства, в агитационных материалах по программам поддержки предпринимательства, корректировке программ поддержки предпринимателей (направленных на создание благоприятной среды) для разных групп населения. Применение полученных результатов позволит обеспечить более точное целеполагание при разработке мер государственной поддержки

бизнеса, повысить эффективность взаимодействия государства и бизнеса в современной России.

Список литературы

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–633.

2. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / Пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Весь мир, 2022. 878 с.

3. Мандевиль Б. Басня о пчёлах / Пер. с англ. Е.С. Лагутина; общ. ред. авт. вступ. ст. Б.В. Мееровский; Акад. наук СССР, Ин-т философии. М.: Мысль, 1974. 373 с.

4. Смит А. Теория нравственных чувств / Пер. с англ. П. Бибикова. СПб.: Издание книгопродавца-типографа В.Г. Авсеевой, 1868. 444 с.

5. Смит А. Иследование о природе и причинах богатства народов: в 2 т. / Ин-т К. Маркса и Ф. Энгельса. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. Т.1. VII. 436 с.

6. Козловски П. Принципы этической экономии / Пер. с нем. под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 1999. 340 с.

7. Де Джордж Р.Т. Деловая этика: Учеб. курс для колледжей и ун-тов. М.: РИПОЛ Классик: Прогресс, 2023. 734 с.

8. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

9. Герцберг Ф., Моснер Б., Снидерман Б.Б. Мотивация в работе / Под общ. ред. Е.А. Борисовой. М.: Вершина, 2006. 238 с.

10. Врум В. Труд и мотивация. М., 1964. 331 с.

11. Adams J.S. Inequity in social exchange // Advances in Experimental Social Psychology. 1965. Vol. 2. P. 267–299.

12. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.

13. Радаев В.В. Внеэкономические мотивы предпринимательской деятельности // Вопросы экономики. 1994. № 7. С. 85–98.

14. Герчиков В.И. Типологическая концепция трудовой мотивации // Мотивация и оплата труда. 2005. №2. С. 53–62.

15. Кошарная Г.Б. Мотивация современных российских предпринимателей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. №4. С. 146–154.

16. Малкина М.Ю., Рогачев Д.Ю. Влияние ценностей на финансовое поведение студенческой молодежи // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 3. С. 165–179.

17. ВЦИОМ. Я в предприниматели пошел! Что мотивирует молодых россиян открывать свой бизнес. 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ja-b-v-predprinimateli-poshel (дата обращения: 18.02.2026).

18. Широкова Г.В., Карпинская Э.О., Векслер К.А., Дворкина Д.В. Глобальное исследование предпринимательского духа студентов. Национальный отчет. Россия 2023. URL: https://spb.hse.ru/data/2024/06/04/2130333367/GUESSS%20Russia%202023_Rus.pdf (дата обращения: 19.02.2026).

19. Shirokova G., Galieva N., White J., Doktorova D. Narcissism, workaholism, family support and new venture performance: a moderated mediation model // Small Business Economics. 2024. Vol. 63. P. 379–419.

20. ПРИМ: стабильность и социальное предпринимательство («Предприниматели России: исследовательский мониторинг»). 2024. URL: https://sber-business.live/publications/prim-stabilnost-i-sotsialnoe-predprinimatelstvo (дата обращения: 20.02.2026).

21. Чепуренко А.Ю. Малое предпринимательство в социальном контексте. М.: Наука, 2004.

22. Радаев В.В. Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории // Мир России. 1995. № 1. С. 159–179.

23. Земцов С.П. Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 46. № 2. С. 168–180.

ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES MOTIVES AS VIEWED BY VARIOUS SOCIAL GROUPS: A COMPARATIVE ANALYSIS

M.Yu. Malkina, A.A. Garanina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Motivation research is a crucial tool for analyzing the socioeconomic preferences and psychological barriers facing aspiring and existing entrepreneurs. Identifying and understanding the true motives behind entrepreneurship enables us to develop effective business support measures, create optimal conditions for increasing the number of successful entrepreneurs, and enhance the competitiveness of the Russian economy. This article aims to analyze and evaluate the motives for entrepreneurial activity in modern Russia based on the results of a sociological survey conducted with 995 respondents in December 2025 – February 2026. The study analyzed the distribution of responses across ten key motives (the desire to create one's own product/brand, the opportunity to realize ideas and innovations, the desire to achieve financial freedom, the need for self-development and self-realization, improving the quality of life of one's family, recognition and status in society, the social significance of the project (job creation, regional development, improving the quality of life of others), an example of successful entrepreneurship by others, the realization of ambitions and dreams, the attractiveness of risk and the dynamics of entrepreneurship). By transforming qualitative assessment scales into quantitative ones, average scores for each motive were calculated for different gender, status

(entrepreneurs/non-entrepreneurs), age, and income groups. The key motivations, in order of importance for all social groups, were egocentric material motivations (the desire to achieve financial freedom, improve the quality of life for one's family) and achievement-oriented motivations (realizing ambitions and dreams). Socially oriented motivations, motivations for imitation, risk, and business dynamism evoked the least interest. The study revealed a significant number of entrepreneurs who view entrepreneurship as a necessary response to current economic realities. The findings provide a valuable basis for developing regional economic strategies to improve the business environment and can be used in developing entrepreneurship training programs, training in the psychology of entrepreneurship, in promotional materials for entrepreneurship support programs, and in adjusting support programs.

Keywords: entrepreneurship, entrepreneurial motives, entrepreneurial motivation.

УДК 316.37
DOI 10.52452/18115942_2026_3_154

ПАТРИОТИЗМ В ПРАКТИКАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПАМЯТОВАНИЯ
Часть 2

© 2026 г. ***З.Х.-М. Саралиева, Г.С. Широкалова, Д.В. Шкурин***

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна, д.и.н.; проф.; профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zara@fsn.unn.ru
Широкалова Галина Сергеевна, д.соц.н., проф.; ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва
shirokalova@list.ru
Шкурин Денис Вадимович, к.соц.н.; доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
coursepo@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2026
Статья принята к публикации 15.07.2026

В периоды глобальных трансформаций закономерны мировоззренческие поиски «жизненного якоря» во всех социальных группах. Динамичность «общества риска» требует исследований этих процессов как информационного источника, необходимого для корректировки экономической, политической и социальной политики государства. Представлены результаты пятого этапа мониторингового исследования «Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне». Амбивалентность исторической памяти в периоды кризиса проявляется в самых разных формах, среди которых гражданская самоидентификация по шкале «патриот – непатриот». В процессе реструктуризации СССР/России изменялись источники получения информации об истории, в том числе о Великой Отечественной войне, знания о ней, поведенческие практики и прожективные намерения, что отражалось в самооценках степени патриотизма молодежи. Авторы выделяют основные факторы, обусловившие возвращение Победы в Отечественной войне в качестве символа для объединения российских народов на событиях прошлого в условиях поляризации общества по экономическим и ценностным основаниям в настоящем. Эмпирической базой исследования стали ответы студентов нижегородских вузов, заполнивших онлайн-анкеты в 2025 г.

Ключевые слова: патриотизм, дифференциация и интеграция исторической памяти, Великая Отечественная война, нижегородские студенты.

Введение

80-летие Победы актуализировало изучение истории Советского Союза середины XX века, результаты которого представлены на конгрессах, конференциях, страницах журналов. Актуальность исследований студентов не только в том, что они – будущие руководители организаций разного уровня, мировоззренческая идентификация которых в большей/меньшей степени определяет социальное поведение работников. Молодежь уже сейчас через социальные сети формирует информационное пространство, модные тренды, стили/образы/образцы поведения, трансформирующие отношение к жизни всех поколений в самых разных координатах: от гипертрофированного чувства долга до отказа от каких-либо обязательств, от приоритетности карьеры до ориентации на многодетную семью.

Взаимосвязь жизненных стратегий и патриотизма не однозначна: как факторы, формирующие друг друга, они могут быть и стимулами для развития, и причинами его сдерживания. Корректируется она и смыслами, которые вкладывает актор в понятие патриотизма. Данный вывод основывается на характеристиках студентов, идентифицировавших себя по шкале «патриот – непатриот» в мониторинговом исследовании «Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне», проведенном ННГУ, ФНИСЦ РАН, УрФУ и РОС в 2025 г.

С этой целью в инструментарий было заложено пять групп вопросов, которые задают структуру данной статьи.

1. Самоидентификация по шкале «патриот – непатриот».

2. Источники информации о Великой Отечественной войне.

3. Глубина исторической памяти.
4. Патриотизм повседневности.
5. Прожективные намерения.

Результаты и их обсуждение

1. *Самоидентификация по шкале «патриот – непатриот»*

Идентифицируя себя по шкале «патриот – непатриот», респонденты вкладывают в это понятие свое личное понимание. Каково его семантическое/символическое содержание и от каких факторов оно зависит, постараемся определить, сопоставляя ответы на вопросы анкеты в соответствии с выделенной выше структурой. Напомним, что онлайн-опрос студентов – граждан России проводился во всех федеральных округах, но, поскольку участие в нем было добровольным, параметры общероссийской выборки не соблюдены, и из-за ее нерепрезентативности возможен анализ только по отдельным территориальным локациям. Для определения типичности процессов сопоставим данные по трем европейским федеральным округам РФ, на территории которых проходили сражения Великой Отечественной войны: ЦФО, ПФО и ЮФО (табл. 1).

Заметим, что отличия по наиболее широко представленным в выборке федеральным округам колеблются в рамках статистической погрешности, что, на первый взгляд, дает основания для объединения округов, расположенных в европейской части России. Но сравнивая глубину исторической памяти в оккупированных во время войны городах (гг. Волгоград, Краснодар), близкой к фронту Москве и тыловой Уфе, приходим к выводу, что наиболее погружены в военную тематику студенты Волгограда, а менее всего – в Уфе. Это обосновывает отказ от анализа обобщенных данных в тех случаях, когда информация важна/нужна для конкретизации работы по патриотическому воспитанию и оценки ее успешности в отдельных субъектах даже федеральных округов. Такая установка подтверждается исследованиями и других авторов. В монографии «Российское студенчество: проблемы и направления формирования ценностей и смыслов» приводятся следующие данные: отвечая на вопрос «Ощущаете ли Вы себя патриотом России», положительный ответ дали из «луганских студентов 70.1%, тогда как среди дончан данный процент составил 79.0%, а по России в целом, по данным исследования Фонда общественного мнения (ФОМ) «Патриоты и патриотизм», проведённого в мае 2024 г. в 53 субъектах РФ (n=1 500), – 86.0%» [1, с. 101]. Распределение ответов доказывает методологическую/методическую обоснованность как регионального анализа распределения ответов респондентов, так и влияния инструментария и методики исследования: ФОМ проводит личные формализованные интервью. Напомним – наше исследование проводилось онлайн.

Для данной статьи нами взяты данные по Нижегородской области как наиболее представительные в общероссийской выборке (N=2651). 66.5% респондентов родились в Нижнем Новгороде. Большая выборка позволяет более адекватно анализировать социальные группы, выделенные по показателю отношения к патриотизму: патриотами себя назвали 802 человека, выбрали ответы «Скорее да, чем нет» – 1168, «Скорее нет, чем да» – 137, «Нет» – 49, затруднились с самоидентификацией – 185. Из девушек отнесли себя к «Патриотам» и «Скорее патриотам» – 84.8%, у юношей – 80.2%; затруднившихся с ответом соответственно 7.3% и 10.3%. Разница не столь существенна, что позволяет отказаться от учета гендерного признака.

Доля «Непатриотов» и сомневающихся в самоидентификации (табл. 1), на первый взгляд, невелика и нет возможности ее подробной характеристики. Но напомним: явно противопоставить себя какому-либо провозглашенному

Таблица 1

Вы можете себя назвать патриотом?
(% от числа опрошенных)

Субъекты РФ	Вы можете себя назвать патриотом?					
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить	ИТОГО
Нижегородская область (ПФО)	34.3	49.9	5.8	2.1	7.9	100.0
ПФО	36.3	48.0	5.9	2.4	7.4	100.0
ЦФО	38.3	45.9	5.9	2.9	7.0	100.0
ЮФО	37.8	46.0	4.9	3.5	7.8	100.0

тренду решаются далеко не все, уходя от ответа в близкие по позиции группы, даже если это анонимное исследование онлайн. В данном случае это «Скорее нет, чем да» и «Затрудняюсь ответить». В сумме они составляют у нижегородцев 15.8%, что свидетельствует о процессе «выхолащивания» гражданской идентичности. Эта группа «колеблющихся» в первую очередь подвержена воздействиям со стороны, поэтому важно знать, каковы их характеристики и информационное пространство, формирующее гражданскую позицию. Малая представительность респондентов «Нет» и «Скорее нет» не дает возможности их детального анализа, но позволяет через сопоставление с другими группами определить «поле риска».

Факторы патриотической самоидентификации возможно выявить по нескольким группам показателей: глубина памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, источники ее формирования, отношение к памяти о войне в семье студентов, оценка событий, связанных со Второй мировой войной, представление о патриотизме, миграционные настроения студенчества. Предположение о взаимозависимости между профилем обучения и самоидентификацией по показателю патриотизма оправдалось не в полной степени: различия на грани статистической погрешности, кроме одного случая: например, если у гуманитариев доля объединенной группы «Патриот» и «Скорее патриот» 88.1%, то у студентов, получающих образование по математике и интернет-технологиям, – 76.8%.

Сторонники позиции «увеличение в школах и вузах часов по истории воспитает патриотов» увидят в этом доказательство своей правоты: часть гуманитариев сдавала ЕГЭ по истории и это повлияло на их приоритеты. Мы не разделяем этого оптимизма. Знания, полученные в школе/вузе, корректируются повседневностью. Напомним, в популярной в 1960-х годах песне были такие строки: «А ты давай-давай-давай меня перевоспитывай», свидетельствующие, что и в более справедливом обществе единые учебники истории были не всесильны. Современный пример: эмиграция после начала СВО специалистов информационных технологий показала не только приоритетность стратегических установок молодежи на международный рынок труда, но и опасения призыва в армию.

2. *Источники информации о Великой Отечественной войне*

В анкете было предложено 20 источников знаний об Отечественной войне. На всех предыдущих этапах мониторингового исследования на первом месте были школа и учителя, что зафиксировано и в 2025 г. во всех пяти группах (табл. 2).

В среднем на одного респондента из группы «Патриот» приходится 8.6 источника информации, в группе «Нет» – 5.3, что подтверждает наличие иных склонностей. Советские художественные фильмы более популярны, чем современные, но уже с них отмечается резкое падение интереса к теме: с 71.9% в группе первой до 45.7% в пятой. Приоритетность советских фильмов по сравнению с современными – признак того, что режиссерам/актерам не удается передать атмосферу/характеры и даже внешний облик людей тех лет.

После введения «Пушкинской карты» в воспитательной работе учителя стало чаще использоваться коллективное посещение музеев, что повысило их информационную значимость. Но «Пушкинская карта» выдается в 14 лет, когда уже сформирован круг интересов, и мало у кого он включает посещение музеев и театров. Не раз приходилось наблюдать, как группа старших школьников «отбывает повинность», равнодушно слушая экскурсовода, и бессилие учителя изменить ситуацию. С семи лет, когда мир начинает открываться ребенку, родители уже должны покупать ему билеты. Не правильнее ли, чтобы карта выдавалась с семи лет на те же десять лет, что поможет сформировать общие культурные интересы не со сверстниками, а с родными? Ребенка надо воспитывать, пока он лежит поперек лавки, – гласит народная пословица.

С 2023 г. в вузах был увеличен курс истории, но роль преподавателей вуза оценивается гораздо ниже, чем школьных учителей. И это объяснимо: количество часов заставляет преподавателей «напоминать» об известных со школы событиях, а недостаточность нагрузки на ставку – вести несколько дисциплин, превращая в «многостаночника», не имеющего возможности изучить современное информационное поле, в котором живут студенты, что необходимо для содержательного диалога.

2025 г. был посвящен в России 80-летию Победы, что должно было сформировать повестку внеучебной работы в системе образования, но сайты вузов, судя по ответам, не стали инструментом памятования. Недостаточно известны студентам проекты «Дорога памяти», «Память народа». По нашему убеждению, старшеклассников надо включать в поисковую работу в них. Но для этого надо изменить не только количество часов на историю, но структуру общей нагрузки учителя и оплаты его труда.

Таблица 2

Источники получения информации об Отечественной войне (количество ответов не ограничивалось)*

Из каких источников Вы получили знания о Великой Отечественной войне?	Вы можете себя назвать патриотом?				
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить
Учителя	85.4	86.7	81.9	85.7	72.2
Школьные учебники	84.2	83.8	76.9	74.6	73.5
Советские художественные фильмы	71.9	65.9	56.9	47.6	45.7
Рассказы родных	70.7	62.2	40.6	38.1	44.3
Исторические музеи	59.8	55.9	38.1	34.9	43.8
Советские документальные фильмы	53.4	43.6	25.6	30.2	26.9
Художественная литература	52.5	52.5	44.4	27.0	42.0
Современные художественные фильмы	50.4	44.4	31.2	22.2	29.7
Экскурсии по историческим местам, связанным с историей ВОВ	47.0	46.4	31.9	22.2	32.9
Социальные сети в Интернете	46.8	45.1	38.8	23.8	33.8
Телепередачи	42.2	37.5	21.2	22.2	21.9
Преподаватели вуза	41.8	33.3	26.9	27.0	21.5
Современные документальные фильмы	41.1	34.2	28.8	20.63	21.0
Общение с ветеранами, знакомство с их воспоминаниями	37.0	26.1	11.9	9.2	16.0
Стенды, сайты учебного заведения	19.0	13.9	13.8	7.9	10.0
Сайты «Дорога памяти», «Память народа» и др.	15.4	9.2	6.2	6.4	4.1
Научные исследования	15.1	9.3	10.0	12.7	8.7
Мемуары полководцев	12.7	7.6	3.8	4.8	4.6
Радиопередачи	9.1	4.77	5.00	4.8	4.6
Другое	3.6	3.24	3.13	4.76	8.2
ИТОГО	859.4	765.7	596.9	527.0	565.3

* % здесь и далее от идентифицировавших себя по шкале патриотизма. Пропуски 0 из 2651 (0.000%)

Например, «улицы памяти» есть в каждом городе. Так, в Н. Новгороде есть улица, школа, детская библиотека им. Героя Советского Союза Е.А. Никонова – токаря завода № 92 «Новое Сормово», призванного в армию летом 1941 г. Раненым он захвачен в плен, его пытали, выкололи глаза и сожгли, привязав к дереву, эстонские националисты отряда «Эрна-I». В 1991 г. памятник ему в Таллине был уничтожен, прах вывезли на его родину в Россию, в Самарскую область, где тоже есть школа, названная его именем [2]. В нашей анкете была просьба написать имена Героев Советского Союза. Из 10 тысяч опрошенных в РФ только один написал фамилию «Никонов» без указания инициалов, притом что Героев Советского Союза Никоновых – 8 человек. Напомним: респондентов из Нижнего Новгорода – 2651 человек. Мы не можем определить, кого имел в виду студент, написавший фамилию «Никонов», но очевидно, что информации о Героях, входящих в городскую топонимику, в образовательном пространстве Нижнего Новгорода недостаточно.

Этот вывод подтверждает и отсутствие фамилии Ю.В. Смирнова в списке Героев: призван с Автозавода, раненым попал в плен, истерзанным распят фашистами на кресте. Его именем названы улицы в Нижнем Новгороде и еще в 15 городах России [3].

Таблица 3

Информированность студентов об участии родных в Отечественной войне*, %

Насколько хорошо Вы знаете об участии Ваших родственников в Великой Отечественной войне?	Вы можете себя назвать патриотом?				
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить
Хорошо знаю	44.2	24.1	16.2	15.9	19.2
Знаю о некоторых эпизодах	47.5	61.5	59.4	50.8	53.4
Мои родственники в ВОВ не участвовали	2.8	4.3	9.4	11.1	4.1
Не знаю	5.5	10.1	15.0	22.2	23.3
ИТОГО	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

* Пропуски: 0 из 2651 (0.00%).

Социальную генетическую память, эмоциональное отношение к событиям в большей степени формирует семья. Рассказы родных о войне слушали 70.7% «Патриотов» и 38.1% студентов из противоположной группы, и вполне вероятно, что контекст их был ценностно различен: реабилитация коллаборационистов, начавшаяся со времен Н.С. Хрущева, кому-то дала возможность и личностной самореабилитации, а следовательно, формированию иных, в том числе апологетических, нарративов об участии в войне; кто-то сохранил «табу» на эту тему.

По критерию патриотической самоидентификации фиксируется и значимое отличие интереса к истории семьи в годы войны (табл. 3).

О степени межпоколенной солидарности можно судить по тому, что из «Патриотов» 44.2% дают высокую оценку своим знаниям об участии родных в военных действиях; у 8.3% либо родственники не были участниками, либо студенты ничего не знают об этом. В группах «Скорее нет…» и «Нет» таковых от четверти до трети.

Среди «Патриотов» 56% отметили, что в их семье есть погибшие и пропавшие без вести; в группе «Нет» – 38%; не имеют информации соответственно 14% и 38%. Налицо процесс забвения: сакральность социального и сакральность индивидуального – две стороны одной медали.

Коммуникативная память живет 2–3 поколения; потом сохранять память о событиях середины XX века помогают рассказы детей/внуков участников событий и реликвии военных лет как элементы «поведенческой» памяти, но их содержательное/эмоциональное/оценочное наполнение будут уже иными.

Во всех группах на первом месте фотографии (от 61% до 24%), награды (от 51.2% до 20.6%), письма (от 30% до 12.7%), документы (от 22.8% до 12.8%). «Семейный музей» богаче у «Патриотов», назвавших по 2.5 предмета на каждого. В группе «Нет» 1.7 предмета.

Итак, интерес молодежи к прошлому формируется прежде всего через институты образования и семью. Но насколько глубоки их знания?

3. *Глубина исторической памяти*

Оценить глубину своих знаний о Великой Отечественной войне респондентам предлагалось после серии открытых вопросов, в которых их просили назвать имена маршалов СССР, Героев Советского Союза, прославившихся партизан, летчиков, художественные произведения. Такая последовательность вопросов позволяла студентам критически оценить интерес и глубину погружения в события середины XX века (табл. 4).

Угасание интереса к прошлому – объективный процесс, когда оно не «вплетено» в настоящее, поэтому ожидаемо снижение интереса к истории войны от группы «Патриотов» к группе «Нет»: по показателю «очень интересует» в 5 раз и, наоборот, рост «неинтересующихся» более чем в 20 раз. Можно ли считать свидетельством качества преподавания предмета и воспитательной работы то, что каждый пятый либо совсем, либо частично безразличен к событиям Отечественной войны? В определенной степени – да.

Не будем повторять критические оценки программ и учебников по истории из многих публикаций [4]. Назовем главную, на наш взгляд, причину – коммерциализация образования, переведшая профессию служения в разряд услуг. Оплата труда учителей, зависящая от количества учеников в школе, а следовательно, стремление удержать их любой ценой до выпуска из

Таблица 4

Самооценка знаний о Великой Отечественной войне*, %

Достаточно ли у Вас знаний о Великой Отечественной войне?	Вы можете себя назвать патриотом?				
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить
Да	33.3	18.0	11.9	14.3	13.7
Не совсем, надо бы больше, но…	30.4	31.0	17.5	6.4	11.9
Не совсем, но мне хватает	23.8	34.5	43.7	39.6	44.7
Нет	12.5	16.5	26.9	39.7	29.7
ИТОГО	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

* Пропуски: 0 из 2651 (0.00%).

Таблица 5

Ответы студентов на вопрос о подписании акта о капитуляции войск вермахта*, %

Кто от Советского Союза подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии?	Вы можете себя назвать патриотом?				
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить
Не знаю	10.4	13.8	23.1	23.8	32.4
Жуков	64.0	58.8	40.0	50.8	39.3
Рокоссовский	1.5	2.3	3.1	3.2	2.3
Сталин	13.8	12.3	20.0	12.7	16.4
Ворошилов	0.6	1.7	4.4	0.0	0. 5
Молотов	9.7	11.1	9.4	9.5	9.1
ИТОГО	100.0	100.0	100.0	100.00	100.0

* Пропуски: 0 из 2651 (0.00%).

9-го класса с минимальными оценками/знаниями превращает ученические коллективы в «разноуровневые по интеллекту» сообщества, снижая мотивацию к учебе и у остающихся в средней школе, что усугубляется ориентацией не на знания, а на сдачу профильных ОГЭ и ЕГЭ.

Приведем несколько характеристик о ситуации в школах Нижегородской области. Согласно сайтам поиска работы, заработная плата учителя в несколько раз ниже, чем у курьера (40.4 тыс. руб. и 143.3 тыс. соответственно) и чуть выше, чем у уборщика (34.6 тыс. руб.) [5]. В области не хватает около тысячи учителей, в Н. Новгороде в 2025 г. было 285 вакансий [6], но это «лукавые цифры»: педагоги добровольно/вынужденно работают на нескольких ставках из-за маленьких зарплат, это одна из причин того, что средняя зарплата в школах весной 2025 г. составляла 64332.73 руб. Добавим к этому, что, несмотря на отсутствие учителей, в школы не принимают на работу тех, кто отказывается брать нагрузку более ставки. Причина: зарплата учителя должна быть не ниже средней по региону. Качество преподавания – вопрос третьестепенный? Вторая причина: зарплата директора школы и учителя на ставку отличается в несколько раз, что преподаватели считают несправедливым уходя из школ.

В школах распространяется принципиально новое явление: учитель/прислуга все чаще подвергается буллингу со стороны учеников/родителей, что тоже ведет к росту незаполненных вакансий в школах и даже в вузах. Приведем признание нижегородки, филолога по образованию: «На педпрактике я впервые зашла в класс. Сидит на первой парте подросток. Ноги положил на стол. Я вышла. И больше никогда не заходила». Можно сколько угодно читать нотации о долге, педагогическом мастерстве и т.д. в условиях незащищенности учителя от подросткового хамства, но это не вернет в школу тех, кто хотел стать Учителем, а не обслугой. Особенно тяжело работать учителям, преподающим предметы, не связанные с ЕГЭ.

После многолетнего сопротивления Министерства просвещения РФ введению оценок за поведение с 1 сентября 2025 г. начался эксперимент в шести регионах России [7], а с 1 сентября 2026 г. в 10 школах каждого региона будут оценивать поведение школьников со второго класса по шкале «образцовое», «допустимое» и «недопустимое».

Таблица 6

Мнение студентов об ответственности СССР и Германии за начало Второй мировой войны*, %

Есть много мнений о событиях, связанных со Второй мировой войной. Согласны ли Вы, что в войне виновны и Германия, и СССР?	Вы можете себя назвать патриотом?				
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить
Отвергаю	55.6	45.8	33.1	27.0	37.0
Спорно, но обсуждаемо	31.6	39.4	41.9	30.2	31.1
Можно согласиться	6.8	7.8	9.4	17.5	7.3
Мне все равно	6.0	7.0	15.6	25.4	24.7
ИТОГО	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

* Пропуски: 0 из 2651 (0.00%).

Справедливость самооценки интереса/знания знаковых эпизодов Второй мировой войны проверим через ответы студентов. Выберем из анкеты два вопроса: 1) Кто подписал акт о капитуляции войск вермахта? 2) Как вели себя фашисты на оккупированных территориях по отношению к мирным жителям?

Студентам было предложено несколько фамилий ключевых фигур Второй мировой войны, поэтому для некоторых ответ на вопрос был из разряда «угадай», но и «подсказка» не помогла почти половине респондентов правильно ответить на вопрос (табл. 5). Большинство опрошенных в марте – мае 2025 г. составили студенты первого/второго курса, если и не сдававшие историю через ЕГЭ, то вновь изучавшие ее на первом курсе вуза. Выбравшие ЕГЭ по истории в 2024 г., т.е. в основу подготовки брали задания 2022/23 года. По официальным данным, в 2024 г. ЕГЭ сдавали 689 тысяч выпускников, из них историю выбрали 117 тысяч как профильный и по выбору один из 9 предметов. Минимально допустимый балл – 35 [8]. Если судить о содержании экзамена по выставленным в Интернете демоверсиям, то по сравнению с 2020 годом увеличилось число заданий по Великой Отечественной войне. В 2022 г. один вопрос о Доме Павлова в Сталинграде, в 2023 г. – о битве под Прохоровкой, Кишиневской операции, Зееловских высотах, в 2024 г. – о битве под Прохоровкой, Флаге Победы над Берлином, Доме Павлова. В 2025 г. – пять заданий. Происходит и их усложнение, например, за счет анализа карты военных действий [9]. Вопроса о подписании акта о капитуляции в ЕГЭ не было, что в какой-то степени объясняет распределение ответов даже у «Патриотов».

Согласимся, что тема Отечественной войны слишком обширна, чтобы отразить все факты/аспекты, еще сложнее это сделать при их отборе применительно ко всей истории России. К тому же выбор вопросов для ЕГЭ конъюнктурен, например, неотъемлемой частью исторического знания авторы посчитали включение в список из 21 вопроса «Собачье сердце» М.А. Булгакова и церковную архитектуру. По сути, это продолжение популяризации позиции почитателя Гитлера И.А. Ильина: «Духъ національ-соціализма не сводится къ «расизму». Онъ не сводится и къ отрицанію. Онъ выдвигаетъ положительныя и творческія задачи. И эти творческія задачи стоятъ передъ всѣми народами» [10], желавшего уничтожения СССР, поскольку «революция 1917 г. есть катастрофа въ исторіи Россіи, величайшее государственно-политическое и національно-духовное крушеніе… …она ломала русскому человѣку и народу его нравственный и государственный «костякъ» и нарочно невѣрно и уродливо сращивала переломы» [11].

Знание о событиях не гарантирует положительного отношения к ним. Война смыслов скорректировала мнение студентов о характеристиках войны.

Покажем это на нескольких примерах (табл. 6).

Доля однозначно отвергающих ответственность СССР за развязывание Второй мировой войны немногим больше половины даже среди «Патриотов». Знаково эмоциональное отстранение в той или иной форме (от «спорно» до «все равно») от событий почти столетней давности. Рациональное поколение не склонно тратить время на поиск причинно-следственных связей для объяснения событий, которые, по его мнению, не влияют на повседневность бытия. Не случайно появление выражения о «массовой ложной памяти», основанной на наиболее тиражируемых шаблонах.

Значимость исторической памяти в формировании тактической и стратегической повестки дня закрепляется в документах всех стран и по-

Таблица 7

Мнение студентов о причинах разрушения и осквернения памятников в зарубежных странах*, %

Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран – это декоммунизация (борьба с наследием СССР)	Вы можете себя назвать патриотом?				
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить
Отвергаю	26.1	23.3	16.9	9.5	16.0
Спорно, но обсуждаемо	18.0	19.5	21.2	30.2	22.4
Можно согласиться	47.2	48.9	40.6	23.8	34.7
Мне все равно	8.7	8.3	21.3	36.5	26.9
ИТОГО	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

* Пропуски: 0 из 2651 (0.00%).

литических союзов. В сентябре 2019 г. Европейский парламент принял резолюцию «О влиянии исторической памяти на будущее Европы» (Importance of European remembrance for the future of Europe) № 2019/2819 (RSP), в которой приводится список из 9 ранее принятых антироссийских и антисоветских нормативных правовых актов, на основе которых переписывается история XX века. В координатах этой политики понятно, почему в 2017 г. сроки рассекречивания документов о переговорах Германии с Англией весной 1941 г. были отодвинуты еще на 30 лет. В решениях резолюции утверждается, что «дальнейшее существование в общественных местах, в некоторых государствах-членах памятников и мемориалов (парки, скверы, улицы и т. д.), прославляющих тоталитарные режимы, которое прокладывает путь к искажению исторических фактов о последствиях Второй мировой войны, и для распространения тоталитарной политической системы невозможно» [12]. Резолюция освещалась в российских СМИ, и в какой-то степени это должно быть известно студентам, но даже она «прошла мимо», широкое информирование о «памятникопаде» за рубежом должно было бы привести студентов к правильному выводу. Однако приведем пример, доказывающий, что отрицательное отношение к какому-либо событию может дать ложную оценку его причин (табл. 7).

На круглом столе «Историческая память как ядро культурного суверенитета» председатель комиссии СФ России по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ А.А. Климов отметил: «В 1990-е годы в России было засилье НКО и НПО, многие из которых сейчас признали иноагентами. Они почти постоянно вели борьбу с исторической памятью России. Вместо нашей исторической памяти предлагался лукавый симбиоз из различных фейков, задачей которого было подменить подлинную летопись ВОВ на русофобские фейки относительно событий 1939–1945 гг. Это еще и объект основных на сегодняшний день атак наших недругов» [13].

Начавшаяся в 1980-х гг. массированная антисоветская пропаганда, в том числе в форме психоисторической войны, которая шла и в СССР, в настоящее время приняла более скрытые формы, но поколение, родившееся в начале 2000-х гг., социализируется в условиях информационного шума, вызывающего идеологический синкретизм.

История – наука с «вкраплениями» нужного тому или иному актору «исторического мифа, который определяет скрепы самоидентификации следующих поколений либо с прошлым, либо с настоящим, либо с будущим. Почему миф? Потому что всегда происходит отбор событий для передачи информации о них следующим поколениям, который игнорирует частности, к которым относятся и факты, и причинно-следственные связи. Открытие архивов дает новую волну исследований. Акценты меняются местами. Это естественный процесс, но для сохранения стабильности и единства общества информация дополняет одну систему координат, для его разрушения – другую» [14, с. 216].

4. *Патриотизм повседневности*

Деятельностную характеристику патриотизма представим через помощь студентов участникам СВО. Признаем очевидный факт: историческая память важна, но недостаточна для воспитания патриотического сознания: новые поколения обосновывают выбор своих жизненных целей не прошлым, каким бы уважаемым оно ни было, а возможностями настоящего. Приведем данные о включенности респондентов в помощь участникам СВО, что подтвердит или поставит под сомнение их самоидентификацию. Как видим, группа «патриотов» почти в три раза активнее помогает участникам СВО в сравнении с противоположной группой (табл. 8).

Таблица 8

Помощь студентов участникам специальной военной операции (% от идентифицировавших себя по шкале патриотизма)

Какую помощь Вы лично оказывали участникам СВО?	Вы можете себя назвать патриотом?				
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить
Писал письма бойцам	32.3	25.7	11.9	14.3	15.5
Собирал продуктовые наборы	31.1	23.5	14.4	7.9	12.3
Собирал вещи	28.1	19.1	11.9	6.4	11.4
Сдавал деньги в фонды	24.9	15.7	6.2	3.2	8.7
Молюсь за них	24.2	16.9	6.9	7.9	12.3
Делал свечи	12.5	6.4	5.0	3.2	7.3
Помогал семьям, чьи родственники на СВО	11.5	5.5	3.8	6.4	4.1
Плел маскировочные сети	10.6	9.1	7.5	6.4	7.8
Выступал с концертами в госпиталях, больницах	3.6	1.0	0.6	1.6	1.8
Другое	2.8	2.6	1.9	4.8	3.2
ИТОГО	**181.6**	**125.5**	**70.1**	**62.1**	**84.4**
Не оказывал /пока не доводилось	25.3	37.7	63.1	61.9	58.4

В Нижегородской области было принято решение о включении школьников в акцию по написанию писем бойцам СВО и сбор вещей для беженцев с Украины. Налицо взаимозависимость помощи и самоидентификации: «Патриоты» значительно активнее противоположной группы: каждый из них дал в среднем по 1.8 положительных ответа, против 0.6. Кроме перечисленного в таблице «Патриоты» собирали, сортировали, доставляли гуманитарную помощь, сдавали кровь, помогали транспортом.

Во всех регионах России с 2024 г. по инициативе Российского общества «Знание» и Государственного фонда «Защитники Отечества» проводится Всероссийская просветительская акция «Служу Отечеству» в Дни ВДВ, Военно-воздушных сил, Военно-морского флота, Государственного флага участники СВО и ветераны встречаются с молодежью. Есть и региональные акции, например в 2025 г. в рамках патриотического проекта нижегородского Дома народного единства «Истории СВОих» прошли встречи со студентами колледжей, на которых после показа документальных фильмов, посвященных событиям в ДНР и ЛНР, и выступления ветерана СВО М. Петелина участники задавали вопросы, примеряли военные бронежилеты, тактические пояса со снаряженными подсумками, писали письма на фронт, делали блиндажные свечи [15]. На официальном сайте о встрече не упомянули ни отчество М. Петелина, ни его награды, что не позволяет его идентифицировать от других Петелиных, в том числе участников СВО. В результате информация утрачивает свою воспитательную функцию. Очевидно и другое – разовые мероприятия, корректируя патриотическую идентификацию, могут активизировать лишь часть молодежи.

Член СФ РФ Е.А. Афанасьева на круглом столе «Историческая память как ядро культурного суверенитета» в апреле 2025 г. поддержала «идею создания государственной межведомственной комиссии по сохранению исторической памяти об СВО и ее героях. Поручается Российской академии наук и другим профильным организациям создание энциклопедии героев СВО, сборников интервью и мемуаров участников СВО. Правительству необходимо направить усилия на создание масштабного культурного и исторического нарратива о победах героев и целях СВО, привлекая художников и писателей-документалистов» [16]. И вновь вопрос (риторический?): почему только на четвертый год СВО ставится вопрос о создании такой комиссии?

Патриотическая самоидентификация предполагает, что «дым Отечества нам сладок и приятен», но и ставит вопрос о своей сопричастности к его судьбе (табл. 9).

Разница намерений в диаметральных группах существенна: по показателю «планирую уехать за рубеж» – в 12 раз. На аналогичный вопрос в нашем исследовании весной 2022 г. доля студентов, отметивших, что останутся в своей стране, была 43%, делавших акцент на возможности получения хорошей работы – 33.8%, однозначно планировали уехать за рубеж – 7.3%, затруднившихся с ответом – 10.3% [17]. Не будем поддаваться соблазну делать вывод о росте

Таблица 9

Миграционные планы студентов после окончания вуза*, %

После получения образования Вы планируете жить и работать у себя на Родине или постараетесь уехать за рубеж?	Вы можете себя назвать патриотом?					
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затрудняюсь ответить	В целом
В своей стране	82.8	66.1	35.0	20.6	37.9	66.4
За рубежом	1.9	2.5	11.9	23.8	5.9	3.7
Все зависит от того, где предложат хорошую работу	9.4	20.5	40.0	31.8	27.4	18.9
Затрудняюсь ответить	5.9	10.9	13.1	23.8	28.8	11.0
ИТОГО	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

* Пропуски: 0 из 2651 (0.00%).

патриотизма, нивелируя тем самым влияние «россиефобии» на Западе: ведь именно туда планировали переехать студенты в 2022 г.

Потеря Россией выпускников вузов была одной из целей внедрения поздних советских и постсоветских реформ, в том числе перехода на Болонскую систему обучения, предполагавшую массовую миграцию детей из семей среднего класса, экономически не способных дать образование детям за рубежом, но передающую им общекультурный капитал, что помогало «укоренению» в других странах. В последние годы в РФ не раз объявлялось об отказе от Болонской системы под предлогом понижения уровня образования специалистов, нужных для суверенизации РФ. Но главная причина была озвучена ректором СПбГЭУ И.А. Максимцевым: «Поскольку европейские страны не смогли обеспечить наших студентов всеми правами, заявленными Болонской декларацией, наша страна приняла решение выйти из Болонского процесса» [18]. Показательное признание.

Вопрос о жизненных планах, конечно, будет не раз корректироваться многими обстоятельствами, но и в условиях СВО Запад остается притягательным для молодежи.

Заключение

Подводя итоги исследования исторической памяти студентов об Отечественной войне в 2020 г., одна из авторов этой статьи отмечала: «…поколения участников событий и очевидцев уходят, а пораженные информационной войной поколения остаются… Надежды на «Бессмертный полк» и сайты о Великой Отечественной войне, на которых собираются сведения об ее участниках, как на звено, цементирующее связь государства и народа, преувеличены. Самоидентификация человека как члена большой семьи (культ предков) не тождественна самоидентификации его же как гражданина страны, в которой он родился. Наглядное подтверждение этого — шествие «Бессмертного полка» в странах с многочисленными диаспорами мигрантов из СССР и России» [19, с. 241]. После начала специальной военной операции в РФ много сделано для воспитания патриотизма, такая работа может иметь начало, но не имеет конца, если страна стремится сохранить суверенитет в самом широком смысле слова. Сегодня единого информационного поля в России нет, и создать его в условиях новых технологий невозможно. Сохраняется запрос на мониторинговое социологическое изучение факторов влияния, формирующих жизненные смыслы молодежи с целью ментальной корректировки сознания, поскольку «познание общества, познание человека, закономерностей» дает возможность «отвечать на вызовы и решать самые сложные вопросы» [20].

Список литературы

1. Российское студенчество: проблемы и направления формирования ценностей и смыслов в условиях глобальных перемен: Монография / Под общ. ред. В.И. Филоненко; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2025. 282 с.

2. Евгений Никонов. История Одного Подвига – Видео от Детский морской центр им. Е.А. Никонова – смотреть онлайн в поиске Яндекса по Видео. URL: https://yandex.ru/video/preview/17233613644720774115 (дата обращения: 29.12.2025).

3. Смирнов Юрий Васильевич, биография военного – РУВИКИ. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Смирнов,_Юрий_Васильевич_(Герой_Советского_Союза) (дата обращения: 24.10.2025).

4. Устинкин С.В., Куконков П.И. Роль учебников по истории в воспитании молодежи // Обозреватель. 2020. № 8 (367). С. 113–122.

5. В Нижнем Новгороде курьеры обошли по доходам даже айтишников. URL: https://mt.ru/bez_cenz_nn/46786633009 (дата обращения: 24.11.2025).

6. 285 учителей не хватает школам Нижнего Новгорода. Новости Нижнего Новгорода. URL: https://www.niann.ru/?id=618898 (дата обращения: 24.11.2025).

7. Минпросвещения определит модель оценки за поведение до конца года. URL: https://tass.ru/obschestvo/24876137 (дата обращения: 24.11.2025).

8. Обязательные предметы для ЕГЭ в 2024 – ИМЭС. URL: https://imes.su/press-tsentr/stati/ege-2023-obyazatelnye-predmety/ (дата обращения: 15.11.2025).

9. ЕГЭ-2025, история: задания, ответы, решения. URL: https://hist-ege.sdamgia.ru/test?id=4863851 (дата обращения: 04.01.2026).

10. Иван Ильин – Национал-социализм: 1. Новый дух. Читать онлайн бесплатно. URL: https://libking.ru/books/sci-/sci-politics/1073182-3-ivan-ilin-nacional-socializm-1-novyj-duh.html#book (дата обращения: 04.01.2026).

11. Ильин И.А. «Наши задачи». Том 1-й. Выпуск 48-й. Русская революция была катастрофой (Париж, 1956) // РуссПортал. Историческая библиотека русской цивилизации. URL: https://russportal.ru/index.php?id=church_writing.ilyin_ia1956_01_048 (дата обращения: 04.01.2026).

12. Ефимов Д. Историческая память ЕС умерла: «Собибора» не было, главный враг – Россия. URL: https://regnum.ru/article/2732641 (дата обращения: 04.01.2026).

13. Историческую память положили в основу суверенитета. 16.04.2025. URL: https://actualcomment.ru/istoricheskuyu-pamyat-polozhili-v-osnovu-suvereniteta-2504160918.html/. (дата обращения: 07.01.2026).

14. Широкалова Г.С. Чей пепел «стучит в сердце»? // Русская цивилизация, Великая Победа и новые вызовы XXI века: Сборник материалов научной конференции, прошедшей 12 ноября 2020 г., организованной РИИИ и Институтом Наследия (Из цикла «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе») [Электронное сетевое издание]. М.: Институт Наследия, 2022. С. 210–226.

15. Встречи с участником СВО прошли в нижегородских колледжах в рамках проекта Дома народного единства «Истории СВОих» // Официальный сайт Правительства Нижегородской области. URL: https://nobl.ru/novosti-nizhegorodskoj-oblasti-za-vse-vremya/vstrechi-s-uchastnikom-svo-proshli-v-nizhegorodskikh-kolledzhakh-v-ramkakh-proekta-doma-narodnogo-ed (дата обращения: 04.01.2026).

16. В Музее современной истории России прошёл круглый стол «Историческая память как ядро культурного суверенитета» – ГЦМСИР. URL: https://sovrhistory.ru/data/news/2025/04/krugliy_stol/index.php.15.04.2025 (дата обращения: 07.01.2026).

17. Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Юрьев П.С. Нижегородские студенты о времени и о себе // Primo Aspectu. 2022. № 4 (52). С. 9–18.

18. Вострикова И. СПбГЭУ готовит лидеров // Экономист (газета СПбГЭУ). 2023. **35 (1151).** С. 5.

19. Широкалова Г.С. Историческая правда о СССР: от кого и для кого? // Философия хозяйства. 2022. № 3. С. 238–252.

20. Фальков рассказал о важности гуманитарных наук – смотреть онлайн в поиске Яндекса по Видео. 30.10.2026. URL: https://yandex.ru/video/preview/18606157388698674 85. (дата обращения: 09.01.2026).

PATRIOTISM IN THE PRACTICE OF HISTORICAL REMEMBRANCE
Part 2

***Z.H.-M. Saralieva*[1], *G.S. Shirokalova*[2], *D.V. Shkurin*[3]**

[1] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2] Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
[3] Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

During periods of global transformations, ideological searches for a «life anchor» in all social groups are natural. The dynamism of the «risk society» requires research on these processes as an information source necessary to adjust the economic, political and social policies of the state. The article presents the results of the fifth stage of the monitoring study «Historical memory of youth about the Great Patriotic War». The ambivalence of historical memory in times of crisis manifests itself in a variety of forms, including civic self–identification on the scale of «patriot – not patriot». In the process of restructuring the USSR/In Russia, the sources of information about its history, including the Great Patriotic War, knowledge about it, behavioral practices and design intentions were changing, which was reflected in the self-assessments of the degree of patriotism of young people. The authors identify the main factors that led to the return of Victory in the Patriotic War as a symbol for uniting Russian peoples based on the events of the past in the context of the polarization of society on economic and value grounds in the present. The empirical basis of the study was the responses of Nizhny Novgorod university students who filled out online questionnaires in 2025.

Keywords: patriotism, differentiation and integration of historical memory, the Great Patriotic War, Nizhny Novgorod students.

УДК 316.46
DOI 10.52452/18115942_2026_3_165

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ЛИДЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ СТРЕССОГЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

© 2026 г.

Е.В. Кульчицкая, А.Ю. Прихач

Кульчицкая Елена Валерьевна, к.э.н.; доцент экономического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
e.kulchitskaya@spbu.ru
Прихач Александр Юрьевич, д.э.н.; профессор кафедры управления
и планирования социально-экономических процессов Северо-Западного института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург
aprihach@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 26.02.2026
Статья принята к публикации 22.07.2026

Исследуется взаимосвязь между стилем руководства и уровнем стрессогенности в организационном коллективе. Последовательно анализируются 28 концепций лидерства с точки зрения их потенциала в управлении стрессовыми ситуациями и формировании стрессоустойчивой рабочей среды. Представлены как классические подходы (концепция личностных черт, поведенческое лидерство К. Левина, управленческая «решётка» Р. Блейка и Дж. Моутон), так и современные модели (эмоциональный интеллект Д. Голмана, трансформационное и вдохновляющее лидерство, концепция распределённого лидерства). В каждой концепции раскрываются ключевые положения, механизмы влияния на стрессогенность организации, ограничения применения и практические рекомендации по снижению напряжения в коллективе. Особое внимание уделяется факторам, провоцирующим стресс: неопределённость ролей, рабочая среда, межличностные конфликты, культурные различия. Систематизируются методы оценки стрессогенности (стресс-мониторинг, анализ объективных показателей) и стратегии управления стрессом (когнитивный рефрейминг, стратегическая декомпозиция, техника предварительных сценариев). В заключительной части проведён сравнительный анализ концепций. Выявлено, что наибольший потенциал для преодоления стрессовых ситуаций демонстрируют трансформационное лидерство, вдохновляющее лидерство, ситуационное лидерство и концепция эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: концепции лидерства, стрессоустойчивость, стрессогенность организации, карта теорий лидерства.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что управленческие решения в современных организациях всё чаще принимаются в условиях неопределённости, высокой информационной нагрузки и ускоренных изменений. В этих условиях стиль лидерства становится не только инструментом координации деятельности, но и фактором, способным как усиливать, так и снижать стрессогенность организационной среды [1; 2].

Степень разработанности темы характеризуется значительным массивом работ, посвящённых теориям лидерства, организационному поведению и организационному стрессу. Вместе с тем в имеющихся исследованиях концепции лидерства чаще рассматриваются как самостоятельные управленческие модели, тогда как их антистрессовый потенциал и применимость к снижению организационной напряжённости систематизированы недостаточно полно.

Объектом исследования выступают концепции лидерства в управлении организацией. Предметом исследования является влияние различных моделей лидерства на стрессогенность организационной среды и стрессоустойчивость участников коллектива.

Цель исследования – выявить, какие концепции лидерства в наибольшей степени ориентированы на снижение стрессогенности организации и формирование стрессоустойчивого управленческого поведения. Для достижения цели решаются следующие задачи: обобщить основные положения классических и современных концепций лидерства; определить факторы органи-

зационного стресса, которые выделяет в качестве основных каждая концепция; сопоставить антистрессовый потенциал рассмотренных моделей; сформулировать практические ориентиры для выбора лидерского подхода в стрессогенных ситуациях.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации концепций лидерства через единый критерий – их способность снижать организационную стрессогенность. Практическая значимость заключается в возможности использовать полученные выводы при выборе управленческого стиля, разработке программ профилактики организационного стресса и подготовке руководителей к работе в кризисных и неопределённых ситуациях.

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретическое исследование базируется на системном анализе 28 концепций лидерства, рассматриваемых как ключевой фактор детерминации психологического климата. В основу положен компаративный анализ, позволяющий сопоставить классические подходы (К. Левин, Р. Блейк, Дж. Моутон) и современные модели (Д. Голман, трансформационное и распределенное лидерство) по единому критерию — их способности минимизировать организационную стрессогенность.

Методологический аппарат исследования базируется на комплексном подходе к диагностике и коррекции организационной среды. Систематизируются методы оценки стрессогенности, включающие стресс-мониторинг и анализ объективных показателей функционирования организации, что позволяет верифицировать субъективные данные. Практический контур методологии формируют стратегии управления стрессом, среди которых ключевое значение имеют когнитивный рефрейминг, стратегическая декомпозиция и техника предварительных сценариев, направленные на минимизацию фактора неопределенности и превентивную подготовку управленческих решений.

Для устранения описательности анализа каждая концепция рассматривается по единой логике: 1) какой источник стрессогенности она позволяет выявить; 2) какой управленческий механизм предлагает лидер; 3) какой ожидаемый антистрессовый эффект может быть получен; 4) какие ограничения возникают при применении модели. Такой подход позволяет сопоставлять концепции не как перечень теорий, а как набор управленческих инструментов, различающихся по сфере применения и глубине воздействия на организационную напряжённость.

Сравнительный анализ концепций лидерства

Представлены все вышеназванные концепции с рассмотрением их основных положений, касающихся стрессоустойчивости лидера и, соответственно, стрессогенности организации.

1. Концепция личностных черт (качеств). Основные черты личности, определяющие устойчивость к стрессам:
   – уровень самооценки;
   – уровень субъективного контроля;
   – уровень личностной тревожности [3; 4].
2. Концепция среды. Для оценки уровня стрессогенности организационной среды используется стресс-мониторинг, а именно:
   – регулярные опросы персонала;
   – изучение результатов тренингов;
   – обязательный систематический учёт стрессогенных факторов;
   – анализ полученных данных [5; 6].
3. Концепция поведенческого лидерства К. Левина. Авторитарный стиль часто приводит к напряжённости и агрессии членов группы, что связано с тем, что лидер не учитывает точку зрения других членов группы [7].
4. Управленческая «решетка» Р. Блейка и Дж. Моутон позволяет менеджерам выбирать подходящий стиль в зависимости от конкретной задачи или ситуации. В случае кризисной ситуации может быть эффективно использован авторитарный стиль руководства для быстрого принятия решительных действий.
5. Концепция ситуационного лидерства П. Херси и К. Бланшара значима в условиях стрессогенности организации благодаря гибкости подхода к управлению. Не существует единственно правильного стиля руководства, который был бы универсально эффективен во всех ситуациях. Лидер должен адаптировать свой подход в зависимости от конкретных обстоятельств, задач и людей, с которыми он работает; такая адаптация снижает стресс, возникающий из-за несоответствия управленческих требований зрелости и готовности сотрудников [8; 9].
6. Трехмерная концепция У. Реддина. Для снижения стрессогенности:
   – лидер должен учитывать характерные особенности различных ситуаций и выбирать соответствующие подходы;

– создавать оптимальную рабочую среду, при этом лидеры, которые балансируют между тремя измерениями концепции, могут мотивировать и расширять потенциал членов команды [1; 10].

7. Концепция лидерских качеств Ф. Фидлера учитывает стрессогенность организации через анализ степени «благоприятности» ситуации для лидера. Эффективность лидера зависит от сочетания личных качеств лидера и специфики ситуации, в которой он действует. В стрессовой ситуации руководитель склоняется к более авторитарному стилю для принятия быстрых и решительных действий. В стабильной ситуации лидер предпочитает демократический подход [11].

8. Концепция «путь – цель» Р. Хауза. В контексте стрессогенности организации полезен поощряющий стиль руководства, особенно при значительном объёме рутинной и неинтересной работы, в ситуациях стрессовой нагрузки. Снижение напряжения достигается за счёт прояснения целей, устранения препятствий и поддержки сотрудника на пути к результату [12].

9. Процессная концепция В. Врума и Ф. Йеттона непосредственно не связана с концепцией стрессогенности организации, но помогает лидерам выбирать подходящий стиль принятия решений в зависимости от ситуации [13].

10. Концепция обмена Дж. Грэна непосредственно не связана со стрессогенностью организации, но изучает динамику взаимодействия между лидером и последователями. В антистрессовом аспекте её значение состоит в том, что качество обмена между руководителем и сотрудником влияет на доверие, доступность поддержки и предсказуемость управленческих ожиданий [14].

11. Концепция многосторонней связи Г. Юкла. Факторы, которые могут провоцировать стресс в организации: рабочая среда, содержание работы, межличностные факторы, неопределённость ролей. Методы оценки стрессогенности: стресс-мониторинг, объективные показатели (заболеваемость, распространённость нарушений, конфликтность). Меры по снижению уровня стрессогенности организационной среды:

– разработка и внедрение корпоративных программ управления стрессом;

– создание культуры поддержки и взаимопомощи;

– чёткое распределение функционала и нагрузки;

– предоставление членам коллектива большего объёма ответственности за результаты своей деятельности [15].

12. Концепция заменяющего лидерства С. Керра и Дж. Джермиера напрямую не связана со стрессогенностью организации, но описывает ситуации, в которых влияние лидера незначительно или отсутствует вовсе, при этом рабочие группы или организации могут быть успешными [16, 17].

13. Концепция когнитивных ресурсов фокусируется на влиянии интеллекта и опыта лидера на его реакцию на стресс. Опыт и интеллект могут уменьшить влияние стресса на действия лидера: интеллект – основной фактор в ситуациях с низким уровнем стресса, опыт – большее значение в моменты сильного стресса. В ситуациях стресса когнитивные способности не ориентированы на выполнение задачи, а фокусируются на факторах, вызванных стрессом. Интеллект лидера коррелирует с производительностью в той степени, в какой задача требует интеллектуальных усилий [18].

14. Концепция «распределенного» лидерства. Концепция актуальна в контексте стрессогенности организации из-за необходимости адаптации к скорости изменений и сложности задач, при которых централизованная модель принятия решений становится тормозом. Распределённое лидерство необходимо в ситуациях, где есть взаимозависимость участников и необходимость решать сложные творческие задачи в ограниченный промежуток времени [19].

15. Концепция эмоционального интеллекта (EQ) Д. Голмана. EQ помогает:

– эффективно общаться с людьми – способность распознавать эмоции окружающих позволяет адаптировать свой подход к общению;

– управлять конфликтами – люди с развитым EQ умеют слушать, проявлять эмпатию и идти на компромиссы;

– сохранять стрессоустойчивость – высокий EQ помогает сохранять спокойствие в любых кризисных ситуациях [20].

16. Концепция «первичного» лидерства. Для лидеров, стремящихся следовать концепции в условиях стрессогенности организации, важно:

– развивать эмоциональный интеллект и эмпатию при взаимодействии с командой;

– учитывать потребности подчиненных;

– использовать адаптивное планирование, то есть гибкие планы с возможностью быстро корректировать цели;

– отмечать даже небольшие достижения коллег для поддержания мотивации членов команды [21].

17. Концепция «внутреннего стимулирования» лидерства К. Кэшмана непосредственно не связана со стрессогенностью организации, но направлена на развитие лидерских качеств «изнутри». Авторы предлагают меры, способствующие этому:

– семинары и тренинги для развития лидерских навыков «изнутри»;

– коучинг – не учить, как делать правильно, а стимулировать сотрудников к самостоятельному поиску верных решений, самообучению и инициативе [22].

18. Концепция опосредованного лидерства Р. Фишера и А. Шарпа непосредственно не рассматривает стрессогенность организации, но акцентирует внимание на приоритетности между результатами и процессом, в котором участвует лидер. Авторы ставят во главу угла проблему мотивации к лидерскому поведению: что важнее для человека – позиция или результат. При высоком уровне стресса на первый план выступает опыт, при низком – интеллектуальный потенциал [23].

19. Концепция «двигателя лидерства» Н. Тичи тоже непосредственно не связана со стрессогенностью организации, но предлагает подход к формированию лидеров на всех уровнях управления, что необходимо для долгосрочного успеха организации [24].

20. Концепция «трубопровода» лидерства помогает определить, какие изменения должны произойти в приоритетах, навыках и распределении времени менеджеров на каждом этапе их карьеры. Переход от одного уровня к другому требует переосмысления роли лидера и развития новых компетенций. Безусловно, их развитие подразумевает совершенствование разнообразных качеств лидера, повышающих его стрессоустойчивость [15].

21. Концепция связующего лидерства Дж. Липман-Блюмен снижает уровень стрессогенности в организации, так как:

– создаёт атмосферу, способствующую раскрытию потенциала каждого сотрудника, что снижает тревожность членов коллектива;

– усиливает мотивацию – сотрудники чувствуют, что их цели совпадают с целями лидера, а это, в свою очередь, снижает напряжённость в коллективе [25].

22. Концепция управления парадоксами. В организационных системах возникают парадоксы, которые требуют балансирования противоположных конструкций, например:

– забота о результатах против заботы о людях – решение заключается в достижении высоких уровней того и другого;

– изменение против стабильности – чем больше происходит изменений, тем больше определённых факторов должно оставаться стабильными (например, ценности);

– централизация против децентрализации – чем больше организация децентрализована, тем больше процессов необходимо применять для обеспечения сплочённости коллектива [12].

23. Концепция макроуровней лидерства. На уровень стрессогенности организации влияют, например:

– неопределённость и непредсказуемое развитие событий;

– нечёткие ролевые обязанности – лидер не имеет чётких регламентов и инструкций по поводу своих действий в той или иной ситуации и не представляет, где находятся границы его ответственности;

– особенности взаимодействия с вышестоящими руководителями и с коллегами по горизонтали – лидер ограничен в возможности обсудить профессиональные проблемы с руководством или с коллегами и получить обратную связь.

Для снижения уровня стрессогенности в организации лидеры должны дифференцированно применять стратегии управления стрессом:

– когнитивный рефрейминг – переоценка стрессовых ситуаций с акцентом на возможности развития;

– стратегическая декомпозиция – разбиение комплексных проблем на элементы, которыми можно управлять;

– приоритизация на основе матрицы влияния/контроля – фокусировка на контролируемых областях;

– техника предварительных сценариев – мысленное моделирование потенциально стрессовых ситуаций [26,13].

24. Национальная и кросс-культурная концепции лидерства предполагают разные подходы к управлению в условиях стрессогенности организации, связанные с особенностями национальных культур и межкультурными различиями. Основные подходы в этих концепциях:

– умение управлять конфликтами: кросс-культурные лидеры способны выявлять источники трудовых конфликтов и эффективно их разрешать;

– гибкость и адаптивность: умение менять стиль общения и управления в зависимости от культурных предпочтений членов команды;

– эмоциональный интеллект помогает избегать конфликтов, управлять различными проявлениями стресса и улучшать взаимодействие в команде [27].

25. Концепция трансформационного лидерства может снижать уровень стресса сотрудников за счёт:

– поощрения преодоления стрессогенных факторов – постановка сложных целей, предоставление большой ответственности в работе;

– создания вдохновляющей среды – лидер чётко формулирует долгосрочные цели и видение будущего и при этом эффективно доносит его до всех коллег.

Однако при этом существуют и риски:

– риск выгорания — у трансформационных лидеров часто отмечаются слишком высокие ожидания, что может приводить подчинённых к стрессу;

– не каждая команда готова к активным переменам – когда сотрудники не понимают идей лидера или не согласны с ним, могут возникнуть конфликты и сопротивление трансформациям [28].

26. Концепция аутентичного лидерства предполагает:

– лидер действует в соответствии со своими ценностями и убеждениями;

– лидер открыто выражает мысли и эмоции;

– лидер строит доверительные отношения с командой.

Все перечисленное помогает снизить стресс [11].

27. Из концепции совместного лидерства следует ряд практических рекомендаций, в том числе:

– использование кризиса как точки сплочения, то есть вовлечение коллег в совместные решения, поощрение инициативы на всех уровнях;

– не подавление конфликтов, а перевод их в рабочее русло (чаще задавать себе и коллегам вопросы, например «Что мешает нам двигаться вперёд?», и искать компромиссы в диалоге) [9].

28. Принципы концепции лидерства, основанного на видении будущего:

– устойчивость к стрессу – способность лидера сохранять ясность мышления и действовать продуктивно даже в условиях стрессогенной ситуации;

– гибкость – готовность быстро менять стратегию и тактику в ответ на развитие стрессоопасной ситуации;

– лидерство через пример — демонстрация личной готовности к преодолению кризисов с принятием на себя возможных рисков [29].

Если оценивать рассмотренные концепции лидерства в контексте стрессогенности организации, можно выделить три группы моделей. Первая группа непосредственно снижает стресс за счёт эмоциональной поддержки, доверия и прояснения отношений в коллективе (эмоциональный интеллект, первичное, аутентичное и связующее лидерство). Вторая группа уменьшает стресс через адаптацию управленческого стиля к ситуации, распределение ответственности и декомпозицию сложных задач (ситуационное, распределённое, совместное лидерство, концепция когнитивных ресурсов). Третья группа воздействует на стресс косвенно, задавая общие рамки управленческого поведения, развития лидеров и организационной культуры. Наиболее выраженный потенциал для преодоления стрессовых ситуаций и воспитания стрессоустойчивости демонстрируют трансформационное лидерство, вдохновляющее лидерство, ситуационное лидерство и концепция эмоционального интеллекта лидера.

Заключение

В результате исследования рассмотрены современные концепции лидерства и определён их потенциал в снижении стрессогенности организации. Показано, что разные модели предполагают воздействие на организационный стресс через различные механизмы: эмоциональную поддержку, адаптацию стиля управления, распределение ответственности, повышение ясности целей, развитие доверия и формирование культуры взаимопомощи. Основной результат работы состоит в выделении концепций, наиболее пригодных для антистрессового управления: трансформационного, вдохновляющего, ситуационного лидерства и лидерства, основанного на эмоциональном интеллекте. Теоретический характер исследования определяет его ограничение: выводы требуют дальнейшей эмпирической проверки на материалах конкретных организаций и управленческих кейсов. Вместе с тем предложенная систематизация может использоваться как основа для выбора лидерского подхода в стрессогенных ситуациях и для разработки программ развития управленческих компетенций.

Список литературы

1. Беляева А.А., Сагиндыкова Ю.А. Теории лидерства на современном этапе // Вестник КАСУ. 2008. № 4-2. С. 33–41.

2. Лютенс Ф. Организационное поведение. ИНФРА-М, 1999. 691 с.

3. Модель У. Реддина. Текст: электронный // StudFile: [сайт]. URL: studfile.net (дата обращения: 16.01.2026).

4. Проненко Е.А. Смысловые аспекты феномена совместного лидерства в команде // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2019. Т. 2, № 1. С. 6–12.

5. Филонович С.Р. Теории лидерства в менеджменте: история и перспективы // Российский журнал менеджмента. 2003. Т. 1, № 2. С. 3–24.

6. Микадзе А. Управленческая решётка Блейка–Моутон: какой вы лидер? Текст: электронный // TenChat: [сайт]. URL: tenchat.ru (дата обращения: 27.03.2026).

7. Атабиева А.Х., Сабанова М.М. Стили лидерства: принципы управления для российского менеджмента // Цифровая наука. 2021. № 4–2. С. 33–41.

8. Петрушихина Е.Б. К вопросу об аутентичном лидерстве // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2016. № 2 (4). С. 45–52.

9. Трансформационное лидерство. Текст: электронный // Gant BPM: [сайт]. URL: gantbpm.ru (дата обращения: 27.03.2026).

10. Bradford D.L., Cohen A.R. Power Up: Transforming Organizations Through Shared Leadership. Jossey-Burrow, 1998. 352 p.

11. Мульфейт Я., Кости М. Вдохновляющий лидер. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.

12. Charan R., Drotter S., Noel J. The Leadership Pipeline: How to Build the Leadership-Powered Company. Jossey-Bass, 2001. 256 p.

13. Fiedler F.E., Garcia J.E. New Approaches to Effective Leadership: Cognitive Resources and Performance. John Wiley & Sons, 1987. 256 p.

14. Goleman D. What Makes a Leader // Harvard Business Review. 1998. Vol. 76. № 6. P. 92–105.

15. Ясько Б.А. Современные теоретические и методологические подходы к исследованию организационного стресса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. № 3 (123). С. 163–167.

16. Lipman-Blumen J. Connective Leadership: A New Paradigm // Drucker Magazine. 1997. № 1. P. 12–19.

17. Fisher R., Sharp A. Lateral Leadership: Gone When You Are Not the Boss. HarperCollins Business, 1998. 240 p.

18. Стили управления руководителя: разновидности и советы по выбору эффективного стиля руководства // Teamly: [сайт]. URL: teamly.ru (дата обращения: 27.03.2026).

19. Штроо А. Современные теории лидерства. Лидерство в XXI веке. Кто такой лидер и что такое лидерство? URL: grans.hse.ru (дата обращения: 27.03.2026).

20. Goleman D., Boyatzis R., McKee A. Primal Leadership: The Hidden Driver of Great Performance // Harvard Business Review. 2001. Vol. 79. № 12. P. 42–51.

21. Шутова Н.С. Возможность реализации трансформационного лидерства на предприятиях // Гуманитарный научный журнал. 2018. № 1-1. С. 26.

22. Fiedler F.E. A Theory of Leadership Effectiveness. McGraw-Hill, 1967. 310 p.

23. Hersey P., Blanchard K.H. So You Want to Know Your Leadership Style // Training and Development. 1974. № 2. P. 1–15.

24. Kerr S., Jermier J.M. Substitute for Leadership: Their Meaning and Measurement // Organizational Behavior and Human Performance. 1978. № 23 (3). P. 375–403.

25. House R.J. A Path-Goal Theory of Leadership Effectiveness // Administrative Science Quarterly. 1971. № 16 (3). P. 321–338.

26. Cashman K. Leadership from the Inside Out. Executive Excellence Publishing, 2001. 216 p.

27. Dansereau F. et al. Instrumentality Theory and Equity Theory as Complementary Approaches in Predicting the Relationship of Leadership and Turnover Among Managers // Organizational Behavior and Human Performance. 1973. № 8. № 5. P. 184–200.

28. Lewin K. et al. Patterns of Aggressive Behaviour in Experimentally Created «Social Climates» // Journal of Social Psychology. 1939. № 10.

29. Капица С.И. Социологический анализ процесса формирования основных навыков и инструментов эффективного лидерства, основанного на видении будущего // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 103. С. 190–198.

ANALYSIS OF LEADERSHIP CONCEPTS IN THE CONTEXT OF ORGANIZATIONAL STRESS

***E.V. Kulchitskaya*[1], *A.Yu. Prikhach*[2]**

[1] St. Petersburg State University
[2] RANEPA St. Petersburg

This article examines the relationship between leadership style and the level of stress in an organizational team. The author sequentially analyzes 28 leadership concepts, assessing their potential for managing stressful situations and creating a stress-resistant work environment. The work presents both classical approaches (the concept of personality traits, K. Lewin's behavioral leadership, R. Blake and J. Mouton's managerial «grid») and modern models (D. Goleman's emotional intelligence, transformational and inspirational leadership, the concept of distributed leadership). For each concept, the following are revealed: key provisions; mechanisms of influence on the stress level of an organization; practical recommendations for reducing tension in the team. Particular attention is paid to factors that provoke stress: role ambiguity, work environment, interpersonal conflicts, and cultural differences. The author systematizes methods for assessing stress (stress monitoring, analysis of objective indicators) and stress management strategies (cognitive reframing, strategic decomposition, and pre-scenario techniques). The final section provides a comparative analysis of concepts. It is revealed that the following demonstrate the greatest potential for overcoming stressful situations: transformational leadership; inspirational leadership; situational leadership; and the concept of emotional intelligence.

Keywords: leadership concept, stress tolerance, stress tolerance, map of leadership theories.

УДК 316.48
DOI 10.52452/18115942_2026_3_171

КОНФЛИКТЫ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: НОВЫЕ ТРИГГЕРЫ И МАСШТАБЫ

© 2026 г.

И.Р. Ахмадуллин, Л.З. Фатхуллина

Ахмадуллин Ильдар Равильевич, к.соц.н., доц., доцент кафедры
управления человеческими ресурсами
Казанского национального исследовательского технологического университета
ahm77@mail.ru
Фатхуллина Лилия Зинуровна, к.соц.н., доц., доцент кафедры
управления человеческими ресурсами
Казанского национального исследовательского технологического университета
lialfa@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 18.02.2026
Статья принята к публикации 22.07.2026

Актуальность статьи обусловлена тем, что конфликты в социальных сетях детерминируются совокупностью факторов, психологических, когнитивных и социокультурных, среди которых ключевую роль играют триггеры, активирующие эмоциональные и поведенческие реакции пользователей. Предполагается, что высокий уровень анонимности, эффект социальной поляризации, когнитивные искажения и особенности цифрового общения способствуют усилению конфликтности, снижению эмпатии и росту агрессии. Проведенное исследование позволило углубить научные представления о социальных сетях как факторе формирования конфликтного поведения и уточнить психологическую природу триггеров, провоцирующих конфликты в виртуальной среде. Раскрыта структура когнитивных, эмоциональных и поведенческих механизмов, лежащих в основе сетевой агрессии и эскалации противостояний. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов специалистами в области психологии, конфликтологии, педагогики и медиакоммуникации для разработки профилактических и коррекционных программ, направленных на снижение уровня конфликтности в социальных сетях. Полученные данные могут быть применены при организации тренингов по развитию эмоционального интеллекта, формированию медиаграмотности и навыков конструктивного взаимодействия в цифровой среде, а также в образовательных и просветительских проектах, посвященных культуре общения в Интернете.

Ключевые слова: социальная сеть, конфликты, триггеры, медиапространство, коммуникации, цифровое общество, сетевое пространство.

Введение

Современная медиареальность характеризуется высокой динамикой информационных потоков, отсутствием эффективных механизмов верификации данных и усилением процессов эмоциональной поляризации аудитории, что формирует основу возникновения конфликтов. Коммуникация в социальных сетях носит преимущественно аффективный характер, в результате чего слова, визуальные образы или символы могут выполнять функцию психологических триггеров, активирующих агрессию, раздражение и враждебность. Анонимность и децентрализация цифрового пространства способствуют снижению уровня самоконтроля и социальной ответственности, что проявляется в росте вербальной агрессии, хейта и кибербуллинга. Социальные сети формируют модель виртуальной коммуникации, в которой нивелируются пространственно-временные границы, но усиливаются механизмы социальной категоризации и групповой идентичности, порождающие конфликты внутри цифровых сообществ. В совокупности данные тенденции свидетельствуют о трансформации традиционных форм межличностного взаимодействия и актуализируют необходимость научного анализа социальных сетей как значимого триггера конфликтов в современном обществе.

Характеристика проблемы

Современная эпоха представляет собой этап в истории человеческой цивилизации, когда коммуникационные технологии становятся определяющим фактором социального развития. Согласно статистике, по состоянию на

начало 2025 г. более 5.35 млрд человек, или около 66% населения, активно пользуются Интернетом, а 4.95 млрд имеют учётные записи в социальных сетях. Среднее время, проводимое пользователем в виртуальной среде, составляет 2 часа 28 минут в день, а наибольшую активность демонстрирует возрастная категория от 16 до 34 лет [1]. Эти показатели подтверждают, что цифровые коммуникации стали неотъемлемым элементом социальной структуры и важнейшим механизмом интеграции личности в современное общество [2].

Интернет и мобильные технологии не только ускорили обмен информацией, но и создали новую модель социальных взаимодействий, в которой коммуникация перестала быть ограниченной пространством и временем. В России, по данным статистики за 2024 г., доступ к Интернету имеют свыше 97 млн пользователей, что составляет 83% населения страны, а ежедневная аудитория социальных сетей превышает 76 млн человек [3]. Такая степень вовлечённости свидетельствует о формировании «цифрового общества», в котором коммуникация становится не просто средством обмена сведениями, а фундаментальной формой социальной жизни, определяющей структуру мышления, поведения и самоидентификации современного человека.

Переход от традиционных способов коммуникации к виртуальным обусловил формирование особой среды – сетевого пространства, в котором человек реализует свои коммуникативные, когнитивные и эмоциональные потребности. Социальная сеть как форма коммуникации сочетает элементы межличностного и массового общения. С одной стороны, она обеспечивает прямое взаимодействие между отдельными пользователями, создавая иллюзию личного диалога, а с другой – позволяет обращаться к неограниченной аудитории, выступая каналом массовой информации [4, с. 42]. Такая двойственность превращает социальные сети в уникальную форму индивидуального и общественного общения, где каждый пользователь одновременно является и адресатом, и коммуникатором. Открытость и демократичность сетевой среды делают социальные сети средством коммуникации людей разных возрастов, профессий и культурных традиций [5; 6]. В отличие от элитарных или профессиональных каналов общения, социальные платформы стирают барьеры между пользователями, формируя единое информационное пространство, в котором возможно равноправное участие всех субъектов. В этом проявляется новая парадигма общественного взаимодействия – горизонтальная коммуникация, основанная на принципах равенства и доступности. Как отмечает А.Л. Свенцицкий, цифровая среда способствует «демократизации коммуникационного процесса», когда каждый пользователь получает возможность влиять на информационную повестку, становясь источником новостей и идей [7, с. 122]. Однако такая открытость порождает и новую уязвимость: распространение недостоверных сведений, манипуляция общественным мнением и рост дезинформации становятся неизбежными следствиями неограниченной свободы публикации. Многоканальность социальных сетей придаёт современному общению особую эмоциональную насыщенность. Пользователь взаимодействует не только через текст, но и посредством изображений, аудио- и видеоматериалов, графических символов, мемов и эмодзи, формируя сложную систему визуально-знаковых кодов [8]. Такая гибридизация форм коммуникации превращает социальные сети в синкретическую медиасреду, где происходит слияние слова, звука и образа. По данным статистики, в 2025 г. 92% контента в социальных сетях включают визуальные элементы, а 74% пользователей отмечали, что именно изображения и короткие видео влияют на их восприятие информации [9]. Таким образом, социальные сети способствуют формированию визуально-коммуникативного типа мышления, при котором эмоции и образы начинают играть ведущую роль.

Особое место в характеристике социальных сетей занимает феномен анонимности. Он создаёт ощущение свободы и раскованности в выражении мыслей, снижая барьеры самопрезентации и социального контроля. Однако, как отмечает В.П. Ступницкий, анонимность имеет двойственную природу: она способствует самораскрытию, но одновременно снижает уровень моральной ответственности и этической рефлексии [10, с. 125]. В анонимном пространстве чаще происходит агрессия, сарказм или провокация, что способствует распространению кибербуллинга, троллинга и других девиантных форм поведения. Анонимная коммуникация формирует новую этику цифрового взаимодействия. Виртуальная среда вырабатывает собственные нормы и символические формы выражения эмоций – от «культуры эмодзи» и лайков до сложных систем визуальных меток, мемов и реакций. Эмоциональная отзывчивость всё чаще проявляется не через эмпатию и диалог, а через мгновенные знаковые ответы, создающие иллюзию участия. С.В. Феоктистова характеризует этот процесс как становление новой эмоциональной экосистемы, где традиционные

формы сопереживания заменяются символическими реакциями – лайками, комментариями и репостами [11, с. 105]. В результате происходит не просто изменение способов выражения эмоций, но и их восприятия: внимание к содержанию уступает место количеству реакций, а глубина чувств – скорости отклика. То есть особенности социальных сетей как феномена современной коммуникации проявляются в их интерактивности, открытости, визуально-знаковой насыщенности, глобальности и анонимности.

Важной стороной социальных сетей как феномена коммуникации является формирование «цифровой идентичности». Личность выстраивает образ себя посредством аватара, фотографий, публикаций, тем самым создавая публичную проекцию, которая нередко отличается от реального образа. Такое расхождение между «реальным» и «виртуальным» Я может вызывать когнитивный диссонанс, внутреннюю неустойчивость и зависимость от сетевого образа. Как подчёркивает Е.Г. Белякова, виртуальная самопрезентация становится способом конструирования новой социальной реальности, в которой признание и самооценка напрямую зависят от сетевого одобрения [12, с. 110]. В этом контексте человек начинает воспринимать собственную личность через призму реакции аудитории: лайков, комментариев и количества подписчиков, что приводит к смещению акцентов от внутренней самоценности к внешнему социальному признанию. Несмотря на присущие противоречия, социальные сети прочно интегрировались в структуру современной культуры, выступая важнейшим механизмом формирования новых форм коллективной идентичности и социальных связей. Современный человек не просто пребывает в информационном пространстве, но активно конструирует через него собственную социальную реальность, определяет свое место в системе общественных отношений и взаимодействует с окружающими посредством языка символов, визуальных образов и эмоциональных кодов [13, с. 88]. Таким образом, социальные сети в современном обществе выступают ключевым феноменом коммуникации, радикально изменившим формы взаимодействия людей, способы восприятия информации и механизмы самоидентификации личности. Они превратились в универсальную платформу обмена знаниями, мнениями и эмоциями, где каждый пользователь становится активным участником информационного процесса.

Конфликты в социальных сетях представляют собой особую форму социальной напряжённости, возникающей на пересечении индивидуальных и групповых интересов, а также личностных, когнитивных и эмоциональных особенностей участников общения. Они отличаются высокой скоростью развития, широтой вовлечения аудитории, а также неограниченностью во времени и пространстве. Основу большинства сетевых конфликтов составляют психологические триггеры – стимулы, запускающие процессы эмоционального возбуждения, обострения противоречий и перехода взаимодействия в фазу противостояния. Понятие триггера (или конфликтогена) в психологии используется для обозначения внутреннего или внешнего фактора, способного вызвать у человека реакцию напряжения, раздражения или агрессии. Конфликтоген в контексте социальных сетей – это слово, образ, действие, бездействие или информационный стимул, которые провоцируют эмоциональный отклик и формируют установку на противостояние. О.А. Гулевич подчёркивает, что в виртуальной среде конфликтогенность усиливается спецификой цифрового общения: анонимностью, искажением смыслов, отсутствием невербальной обратной связи и эффектом «социального заражения», мгновенного распространения эмоций и мнений через сетевые механизмы [14, с. 174]. По мнению В.А. Светлова, триггер представляет собой событие или раздражитель, который возвращает человека к переживанию прошлой психологической травмы и вызывает повторное проживание негативных эмоций [15, с. 216]. Г.Р. Чернова отмечает, что триггер определяется как внешний стимул, активирующий автоматическую реакцию организма, связанную с неосознанным воспроизведением прошлых, чаще всего травматичных, переживаний [16, с. 185]. Таким образом, триггер – это внутренний или внешний стимул, вызывающий сильную эмоциональную или поведенческую реакцию, связанную с прошлым, нередко травматическим, опытом. Он может проявляться в виде слова, образа или ситуации, провоцирующей чувство тревоги, раздражения или агрессии. В условиях социальных сетей триггер становится элементом массовой коммуникации, вызывая не только индивидуальные, но и коллективные эмоциональные реакции, ведущие к эскалации конфликтов.

Механизмы действия триггеров представляют собой многоуровневый процесс, включающий когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты, которые взаимно усиливают друг друга.

На когнитивном уровне триггер активирует селективное восприятие и интерпретацию информации в соответствии с существующими установками и предубеждениями пользователя, что вызывает искажение сообщения [17, с. 68].

Эмоциональный компонент проявляется в быстрой активации аффективных реакций – гнева, раздражения, возмущения или страха, которые снижают способность к рациональной оценке происходящего.

На поведенческом уровне это выражается в импульсивных ответных действиях: публикации агрессивных комментариев, распространении провокационного контента, формировании коалиций поддержки или вражды. В результате триггер запускает реакцию взаимных раздражителей, усиливающую конфликтное взаимодействие и приводящую к его эскалации [18, с. 70].

Психологические предпосылки триггеров в социальных сетях имеют многокомпонентный характер. Одним из центральных факторов является феномен анонимности, снижающий уровень самоконтроля, эмпатии и ответственности [19]. В отличие от личной коммуникации виртуальная среда лишена прямой эмоциональной и поведенческой обратной связи, человек не видит реакции собеседника, его выражения лица, жестов и интонаций. Это приводит к эффекту деиндивидуализации – ослаблению ощущения собственной индивидуальности и включенности в социальные нормы. Пользователь, скрытый за ником, легче позволяет себе оскорбительные, агрессивные или провокационные высказывания. По данным исследований, ощущение анонимности создаёт у индивида иллюзию безнаказанности, что приводит к росту агрессивных комментариев. Анонимность является одним из первичных триггеров сетевых конфликтов, создавая психологические условия для обострения противоречий.

Немаловажную роль играет когнитивный компонент конфликтного поведения. Пользователи склонны переоценивать достоверность информации, соответствующей их убеждениям, и отрицать противоположные точки зрения (эффект подтверждения) [20, с. 52]. Алгоритмы цифровых платформ усиливают данный процесс, способствуя формированию замкнутых информационных сообществ. В подобных коммуникационных средах проявляется эффект групповой поляризации, выражающийся в усилении первоначальных идеологических позиций участников и в снижении толерантности к альтернативным мнениям. Любое отклонение от доминирующей точки зрения начинает восприниматься как угроза стабильности групповых установок, что приводит к мгновенной эмоциональной реакции и обострению взаимодействия. Даже нейтральное высказывание может функционировать как триггер конфликта, если воспринимается участниками как посягательство на коллективный консенсус. Психологический механизм когнитивной избирательности и подтверждения ожиданий выступает базовой детерминантой формирования конфликтных динамик в виртуальной среде [17, с. 72].

Следующим важным фактором является эмоциональная дисрегуляция – нарушение способности человека управлять своими эмоциональными реакциями. Виртуальная коммуникация отличается высокой скоростью обмена сообщениями, мгновенным откликом и постоянным стимулом к самовыражению. Это создаёт условия для импульсивных реакций, особенно на раздражающие или противоречивые высказывания. Социальные сети функционируют как эмоциональные резонаторы: лайки, комментарии, эмодзи, репосты усиливают переживаемые чувства и закрепляют эмоциональные паттерны поведения. В результате любая ситуация может мгновенно перерасти в конфликт. Особенно остро это проявляется в подростковой среде, где механизмы самоконтроля и эмоционального интеллекта ещё не сформированы. Исследования показывают, что у подростков киберагрессия часто выступает формой компенсации чувства неуверенности или социальной незначимости [21, с. 18].

Социальная идентичность и стереотипизация тоже играют значительную роль в возникновении триггеров. Теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера утверждает, что человек стремится к положительной самооценке через принадлежность к определённой группе. В виртуальной среде это проявляется в формировании сообществ по интересам, политическим взглядам или культурным предпочтениям. Когда позиция одной группы сталкивается с противоположной, активируются механизмы «мы – они», что порождает межгрупповую агрессию. Усиление групповой идентичности сопровождается дискриминацией и негативным восприятием чужих позиций. Конфликтогенными триггерами в таких случаях становятся любые реплики, символы или даже образы, ассоциированные с «чужой» группой. Так формируются идеологические конфликты, усиливающиеся эффектом массового заражения и взаимного одобрения агрессивных действий внутри группы.

Особое место среди триггеров занимает феномен цифровой агрессии и кибербуллинга. Цифровая агрессия – это намеренное причинение

психологического вреда через интернет-коммуникацию. Она может выражаться в виде насмешек, угроз, унижений или распространения дезинформации [22, с. 59]. Психологический механизм этой агрессии базируется на снижении эмпатии и усилении проекции, человек переносит собственное напряжение или недовольство на другого участника общения. Кибербуллинг, в свою очередь, часто приобретает групповую форму, превращаясь в «коллективную травлю». Триггерами таких конфликтов становятся внешность, социальный статус, мировоззрение или публичные высказывания.

Таким образом, триггеры конфликтов в социальных сетях представляют собой психологические, когнитивные и социально-коммуникативные стимулы, вызывающие эмоциональные реакции и обострение взаимодействия между пользователями. Ключевыми триггерами выступают анонимность, когнитивные искажения, эффект групповой поляризации, эмоциональная дисрегуляция и социальная идентичность. Виртуальная среда усиливает действие конфликтогенов из-за отсутствия невербальной обратной связи и чувства ответственности, что снижает эмпатию и повышает уровень агрессии. Идеологические, информационные, межличностные и эмоциональные триггеры – от фейковых новостей до саркастических комментариев – провоцируют мгновенные импульсивные реакции, формируя цепную эскалацию противостояния. То есть триггеры в сетевом пространстве становятся механизмом цифровой конфронтации, отражающим закономерности психического и социального поведения личности в условиях виртуальной коммуникации.

Методы исследования

Эмпирическое исследование было направлено на выявление особенностей конфликтного поведения подростков в социальных сетях и определение факторов-триггеров, способствующих возникновению онлайн-конфликтов.

В исследовании участвовали 144 подростка в возрасте 12–14 лет (78 девушек и 66 юношей). Участникам был предложен диагностический пакет, включающий методики «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина и П.А. Ковалева и тест К. Томаса, позволяющий определить предпочитаемые стратегии реагирования в конфликтных ситуациях. Методики были объединены в единую Yandex-форму и разосланы участникам. Инструкция подчеркивала важность ответов и гарантировала полную конфиденциальность данных. Выстроенная методология исследования позволила обеспечить комплексный и системный подход к изучению сложного феномена конфликтного поведения подростков в цифровой среде, создав эффективную эмпирическую базу для последующих выводов и обобщений.

Результаты исследования

Диагностика агрессивности с использованием методики «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина и П.А. Ковалева позволила получить количественно обоснованное представление о структуре деструктивных тенденций, характерных для подростковой выборки. Анализ средних групповых показателей выявил наиболее высокие значения по шкалам, отражающим вербальные формы агрессии. Как прямая вербальная агрессия (оскорбления, резкие высказывания, словесное давление), так и косвенная вербальная агрессия (ирония, сплетни, намёки, саркастические комментарии) демонстрируют уровни, заметно превышающие нормы для данной возрастной категории. Такая конфигурация профиля является предсказуемой, поскольку онлайн-коммуникация, в силу отсутствия физического контакта, предоставляет именно словесные средства как основной канал выражения негативных эмоций. Одновременно показатели по шкалам прямой и косвенной физической агрессии оказались низкими, что закономерно для виртуальной среды, в которой физические проявления агрессии невозможны и, как следствие, не получают динамического подкрепления. Совокупность данных свидетельствует о преобладании словесно-эмоциональных форм реагирования, что отражает специфику цифрового взаимодействия и указывает на наличие устойчивых вербально-агрессивных стратегий у подростков. Результаты представлены на рисунке 1.

Анализ распределения уровней агрессивного поведения по методике Е.П. Ильина и П.А. Ковалева выявил ярко выраженную дифференциацию проявлений агрессии подростков. Наиболее интенсивно представлены вербальные формы агрессии: как прямая, так и косвенная демонстрируют высокий уровень выраженности у большинства участников (56.2% и 60.4% соответственно), что согласуется с высокими средними значениями (7.8 и 8.1 балла) и отражает характер коммуникации в цифровой среде, где словесные средства выражения доминируют над физическими. Напротив, показатели по физическим формам агрессии стабильно низкие: у

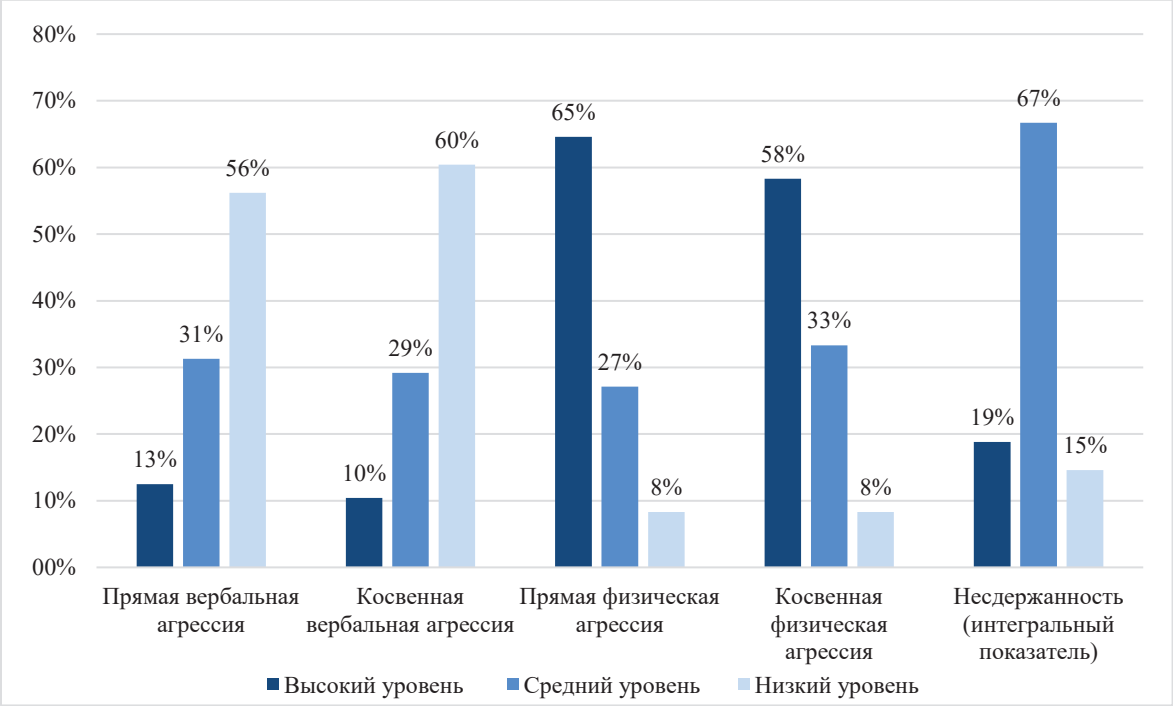

Рис. 1. Распределение уровней по шкалам методики «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина и П.А. Ковалева

64.6% (прямая) и 58.3% (косвенная) респондентов зафиксирован низкий уровень, что указывает на отсутствие выраженной склонности к физическим действиям и подтверждает специфику онлайн-взаимодействий, ограниченных вербальными каналами. Интегральный показатель несдержанности демонстрирует преимущественно средний уровень (66.7%), что свидетельствует о наличии эмоциональной реактивности при отсутствии выраженной склонности к импульсивным или разрушительным действиям. В совокупности данные результаты отражают преобладание вербально-эмоциональных, а не поведенческо-физических форм агрессии в подростковой выборке.

Следующий этап анализа был сфокусирован на данных, полученных с помощью теста К. Томаса, который позволил выявить доминирующие стратегии поведения в конфликте. Было зафиксировано преобладание двух поведенческих моделей − соперничество и избегание (рис. 2).

Как видим, наиболее распространёнными оказались стратегии соперничества и избегания, демонстрирующие значительную долю респондентов с высоким уровнем выраженности (37.5% и 31.3% соответственно), что отражает склонность либо к прямой конфронтации, либо к уходу от разрешения проблемной ситуации. Конструктивные стратегии, такие как сотрудничество и частично компромисс, представлены заметно слабее: сотрудничество у большинства участников имеет низкий уровень выраженности (58.3%), а компромисс, несмотря на доминирование среднего уровня (60.4%), редко достигает высокой выраженности. Приспособление тоже характеризуется смещением в сторону низкого уровня (43.8%), что указывает на недостаточную сформированность гибких и социально ориентированных способов поведения. В целом результаты демонстрируют, что подростки чаще используют либо напористо-конфронтационные, либо избегающе-уходящие стратегии, в то время как зрелые и конструктивные модели разрешения конфликтов развиты в меньшей степени.

Завершающим и наиболее значимым этапом анализа стало проведение корреляционного исследования по методу Спирмена с целью выявления статистически значимых взаимосвязей между изученными переменными. Этот метод позволил синтезировать данные, полученные из разных источников, и проверить ключевые гипотезы. Результаты представлены в таблице.

Интерпретация корреляционной матрицы позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, была обнаружена статистически значимая положительная корреляция средней силы между временем, проводимым в социальных сетях, и уровнем как вербальной ($\rho = 0.48$, $p < 0.01$), так и косвенной агрессии ($\rho = 0.41$, $p < 0.01$). Это означает, что чем больше времени подросток проводит в онлайн-пространстве, тем выше его склонность к проявлению агрессивного поведения. Данная

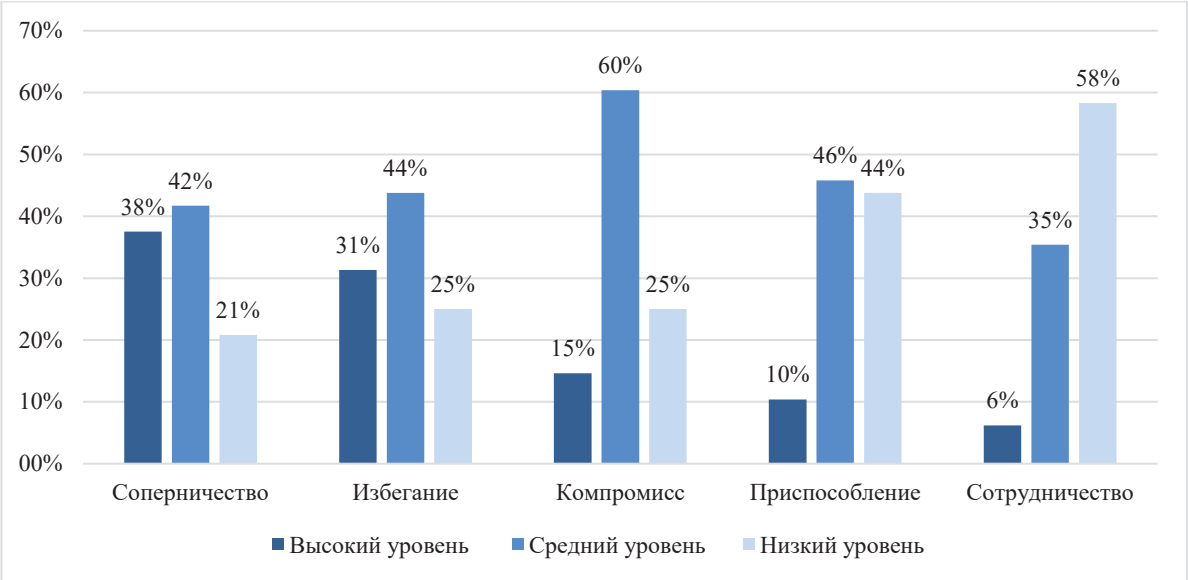

Рис. 2. Уровни выраженности стратегий поведения в конфликте

Таблица

Матрица корреляций между интенсивностью онлайн-активности, стратегиями поведения и формами агрессии (коэффициент ρ Спирмена)

Переменные	Вербальная агрессия	Косвенная агрессия
Время в социальных сетях	0.48**	0.41**
Стратегия «Соперничество»	0.65**	0.35*
Стратегия «Избегание»	–0.32*	0.44**
Стратегия «Сотрудничество»	–0.51**	–0.46**

Примечание: ** – корреляция значима на уровне $p < 0.01$;
* – корреляция значима на уровне $p < 0.05$.

связь может быть объяснена кумулятивным эффектом: длительное пребывание в потенциально токсичной среде, наблюдение за агрессивными моделями поведения и участие в них могут приводить к нормализации деструктивных интеракций и снижению порога чувствительности к ним.

Во-вторых, наиболее сильная взаимосвязь была зафиксирована между стратегией «Соперничество» и уровнем вербальной агрессии ($\rho = 0.65$, $p < 0.01$). Данная положительная корреляция указывает, что установка на победу в споре практически всегда сопряжена с использованием вербальных атак. Для подростков с доминирующей стратегией соперничества оскорбления и унижения оппонента становятся не просто эмоциональной реакцией, а вполне осознанным инструментом для достижения цели − утверждения своей правоты и социального статуса.

В-третьих, анализ обнаружил комплексный характер взаим освязей между агрессивностью и стратегией «Избегание». Эта стратегия продемонстрировала отрицательную корреляцию с показателями прямой вербальной агрессии ($\rho = –0.32$, $p <0.05$), что вполне закономерно: склонность уходить от конфликтной ситуации снижает вероятность вступления в открытые словесные противостояния. Однако одновременно выявлена положительная связь между избеганием и косвенными формами агрессии ($\rho = 0.44$, $p < 0.01$). Данный аспект указывает на специфический психологический механизм: подросток, предпочитающий избегать открытой конфронтации, не устраняет внутреннее напряжение, а перераспределяет его в область скрытых, опосредованных способов выражения негативных эмоций – сплетен, косвенных уколов, манипуляций или социальной инактивации оппонента в цифровой среде.

Наконец, стратегия «Сотрудничество» закономерно выступила статистическим противником агрессивности, продемонстрировав выраженные отрицательные корреляции как с вербальной ($\rho = –0.51$, $p < 0.01$), так и с косвенной агрессией ($\rho = –0.46$, $p < 0.01$). Это свидетельствует о том, что ориентация на совместное

конструктивное решение проблемы функционально несовместима с агрессивными тенденциями и играет защитную, стабилизирующую роль в конфликтном взаимодействии. Таким образом, развитие кооперативных навыков выступает важным направлением профилактики деструктивного поведения и формирования эмоциональной саморегуляции у подростков.

На основании комплексного анализа данных выявлены ключевые психологические и поведенческие аспекты, которые необходимо учитывать при разработке рекомендаций и программ психопрофилактики. Прежде всего, установлена высокая цифровая вовлечённость подростков и регулярное столкновение с конфликтами, что формирует устойчивый риск эмоционального перенапряжения и способствует закреплению агрессивных моделей реагирования. Значимую роль играют факторы, связанные с самооценкой и идентичностью: несовпадение мнений, критика внешности и творчества выступают основными триггерами конфликтов. Эмоциональные реакции подростков преимущественно негативны, что свидетельствует о недостаточном уровне эмоциональной регуляции. Анализ агрессивности показал доминирование вербальных форм агрессии и средний уровень несдержанности, а результаты теста К. Томаса – преобладание стратегий соперничества и избегания при низкой выраженности сотрудничества. Эти данные указывают на дефицит конструктивных коммуникативных навыков, недостаток устойчивых стратегий мирного урегулирования и слабую способность к кооперации. Корреляционные связи подтвердили влияние длительного пребывания в сети и конфликтных стратегий на агрессивность, что подчёркивает необходимость работы как с содержанием цифрового поведения, так и с эмоционально-поведенческими механизмами. Все эти аспекты создают основу для разработки рекомендаций, направленных на снижение конфликтогенности онлайн-взаимодействий, развитие навыков конструктивного общения и формирование эмоциональной саморегуляции у подростков.

Выводы

Разработка рекомендаций по снижению конфликтов в социальных сетях должна основываться на комплексном понимании факторов, определяющих конфликтность подросткового онлайн-взаимодействия. Проведённое исследование позволило выявить ключевые психологические и поведенческие особенности, которые формируют склонность подростков к агрессивным проявлениям, а также определить характерные стили конфликтного поведения и механизмы эмоционального реагирования. Для построения эффективной системы профилактики необходимо учитывать выявленные закономерности и трансформировать их в практические, ориентированные на реальную цифровую среду меры. Прежде всего, результаты исследования указывают на высокую степень цифровой загруженности подростков, которая сопровождается регулярным столкновением с конфликтными ситуациями. Это делает социальные сети пространством повышенного риска эмоционального перенапряжения и формирования хронических деструктивных моделей общения. В связи с этим рекомендации должны включать как индивидуальные инструменты регулирования цифровой активности, так и системные меры, направленные на изменение характера цифровой среды. С учётом преобладания вербальных форм агрессии важно обучать подростков навыкам конструктивного выражения несогласия, распознаванию собственных эмоциональных реакций и использованию техник саморегуляции. Однако такие меры должны быть интегрированы в более широкую структуру профилактики, включающую образовательную работу, психологическую поддержку, участие родителей и педагогов, а также изменения в политике цифровых платформ.

Не менее значимой является работа с цифровой средой как фактором риска. Подросткам необходимо предоставлять инструменты контроля онлайн-активности, включая возможность ограничения экранного времени, настройки приватности, блокировки агрессивных пользователей и фильтрации нежелательного контента. Целесообразно обучать подростков осознанному управлению уведомлениями, выбору безопасного цифрового окружения, умению очищать информационное поле от источников напряжения. Подобные навыки важно формировать в рамках школьных программ и родительского сопровождения. Важным направлением являются изменения в политике и дизайне цифровых платформ. Создание безопасной цифровой среды предполагает внедрение более прозрачных алгоритмов, улучшение модерации, расширение инструментов защиты пользователей, а также повышение доступности психологической поддержки. Платформы могут внедрять механизмы предупреждения при попытке отправить агрессивное сообщение, функции паузы, системы автоматического выявления эскалации. Целесообразно разрабатывать обучающие материалы и памятки, встроенные в интерфейс, которые

побуждают подростка оценивать свои действия и выбирать конструктивное решение.

Комплекс предложенных мер охватывает несколько ключевых направлений: развитие цифровой грамотности и навыков этичного общения, формирование эмоциональной устойчивости через техники саморегуляции и когнитивной переоценки, изменение поведенческих стратегий посредством медиативных и кооперативных практик, создание безопасной цифровой среды через настройки приватности, фильтры контента и механизмы замедления агрессии, а также активное вовлечение родителей и педагогов в сопровождение онлайн-поведения подростков. Использование структурированных тренингов, медиативных занятий, групповых проектов, программ цифровой гигиены и платформенных инструментов защиты позволяет одновременно воздействовать на индивидуальные, межличностные и средовые факторы конфликтности. В совокупности данные меры создают условия для формирования у подростков более конструктивных форм реагирования, снижения эмоциональной импульсивности, уменьшения воздействия токсичного контента и укрепления культуры безопасного взаимодействия в цифровом пространстве.

Список литературы

1. Статистика интернета и социальных сетей России на 2025 год: главные тренды и цифры. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socialnyh-setej-rossii-na-2025-god-glavnye-trendy-i-cifry/?ysclid=mhp6y4g2ob410926018&utm_referrer=https%3a%2f%2f (дата обращения: 20.02.2026).

2. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина Л.З. Социальная активность поколения Z в интернет-пространстве // В сб.: Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Пермь, 2021. С. 75–80.

3. Цифровая Россия 2024: интернет и социальные сети в цифрах. URL: https://blog.manufact.pro/2024/07/01/digital-russia-2024/ (дата обращения: 20.02.2026).

4. Романова И.В. [и др.] Влияние социальных сетей на язык и коммуникацию // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 3 (51).

5. Ахмадуллин И.Р., Низамова А.Х. Конфликт поколений через призму социальных сетей // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 90–92.

6. Зинурова Р.И., Фатхуллина Л.З. Использование социальных сетей в рекрутинге иностранных студентов // Управление устойчивым развитием. 2018. № 4. С. 70–74.

7. Свенцицкий А.Л. Социальная психология: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2025.

8. Ягудина А.Р., Анохина С.А., Хабиров А.Р. Социальные сети как источник конфликтов // Журнал прикладных исследований. 2023. № 10. С. 162–169.

9. Статистика интернета и социальных сетей России на 2025 год: главные тренды и цифры. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socialnyh-setej-rossii-na-2025-god-glavnye-trendy-i-cifry/?ysclid=mhp6y4g2ob410926018&utm_referrer=https%3a%2f%2fya.ru%2f (дата обращения: 20.10.2025).

10. Ступницкий В.П. [и др.] Психология: Учебник. 5-е изд., стер. М.: Дашков и К, 2023.

11. Феоктистова С.В. Психология: Учебник для среднего профессионального образования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2025.

12. Белякова Е.Г. Психология: Учебник и практикум для вузов. М.: Издательство «Юрайт», 2022.

13. Катович Н.С. Влияние социальных сетей на межличностные отношения // Актуальные исследования. 2024. №4 (186). С. 87–89.

14. Гулевич О.А. Психология массовой коммуникации: от газет до интернета: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2025.

15. Светлов В.А. Конфликтология: Учебник для вузов. М.: Издательство «Юрайт», 2022.

16. Чернова Г.Р. Конфликтология: Учебное пособие для вузов. М.: Издательство «Юрайт», 2024.

17. Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С., Волченко С.Ю. Курок конфликта. Триггер: опыт концептуализации и категоризации // Общество и безопасность. 2022. Т. 5. № 3. С. 66–86.

18. Тармаева В.И., Нарчук В.С. О конфликтных речевых ситуациях в социальных сетях // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1. № 2.

19. Конфликтология сфер социальной жизни / С.А. Сергеев, А.Л. Салагаев, Л.З. Фатхуллина [и др.]. Учебное пособие. Казань, 2014. 158 с.

20. Шагидуллин М.Т. Конфликты в социальных сетях и пути их разрешения // Наука и перспективы. 2025. № 1.

21. Каспаров А.Р. Социальный конфликт в современном российском обществе: теоретические и эмпирические аспекты // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. 2022. Т. 8 (74). № 3.

22. Надточий Ю.Б. Конфликтология: Учебно-методическое пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2024.

CONFLICTS IN THE AGE OF SOCIAL MEDIA: NEW TRIGGERS AND SCALES

I.R. Akhmadullin, L.Z. Fatkhullina

Kazan National Research Technological University

The relevance of this article lies in the fact that conflicts on social media are determined by a combination of psychological, cognitive, and sociocultural factors, among which triggers that activate users' emotional and behavioral reactions play a key role. It is believed that high levels of anonymity, social polarization, cognitive biases, and the characteristics of digital communication contribute to increased conflict, decreased empathy, and increased aggression. This study deepened scientific understanding of social media as a factor in the formation of conflict behavior and clarified the psychological nature of the triggers that provoke conflicts in the virtual environment. The article reveals the structure of the cognitive, emotional, and behavioral mechanisms underlying online aggression and the escalation of confrontations. The practical significance of this study lies in the potential for its findings to be used by specialists in psychology, conflictology, pedagogy, and media communications to develop preventive and corrective programs aimed at reducing conflict on social media. The findings can be used in training programs to develop emotional intelligence, media literacy, and skills for constructive interaction in the digital environment, as well as in educational and awareness-raising projects dedicated to online communication culture.

Keywords: social media, conflicts, triggers, media space, communications, digital society, online space.

УДК 316.48
DOI 10.52452/18115942_2026_3_181

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В СИСТЕМЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

© 2026 г.

Д.В. Вельмисова

Вельмисова Дарья Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета
daria-babiy@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.02.2026
Статья принята к публикации 17.07.2026

Рассматривается проблема формирования нового социального порядка и трансформации социальных ролей в процессе инновационных преобразований на предприятиях. Многие современные предприятия инновационного типа сталкиваются с низкой вовлеченностью, сопротивлением персонала, что связывается нами со структурой ценностно-мотивационных смыслов, наполняющих профессиональную деятельность субъективной значимостью для работника. Представленные результаты основаны на многолетнем теоретико-эмпирическом исследовании, проведенном с использованием методов опроса работников предприятий ($N = 290$, $N = 700$), глубинных интервью с работниками ($N = 45$), контент-анализа интервью с руководителями, статистической верификации данных. Теоретико-методологической основой исследования послужили теории М. Вебера, А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Роджерса. Выявлено, что ценностно-мотивационные смыслы инновационной деятельности характеризуются как периферийные, уступая место стабильности, безопасности и комфорту, т.е. не играют существенной роли в создании значимости выполняемой деятельности. Удовлетворенность работников возможностями реализации данных смыслов также характеризуется как низкая, работники не связывают рост своей жизнеобеспеченности с реализацией данных смыслов в деятельности. Выявлен смысловой разрыв, состоящий в том, что активное поведение в инновационном контексте не воспринимается как путь достижения значимых терминальных смыслов. Проблема усугубляется также тем, что руководители (по данным интервью) уделяют наименьшее внимание применению социальных инструментов управления в пользу узкоэкономических подходов. Автором сформулирован вывод о необходимости социального проектирования новой реальности и трансформации социальных ролей, что обеспечивается легитимацией изменений работниками на уровне смыслов деятельности в контексте роста их жизнеобеспеченности, жизнеспособности и качества жизнедеятельности.

Ключевые слова: смыслы деятельности, ценностно-мотивационные смыслы, инновационные преобразования, жизнеспособность, жизнедеятельность, жизнеобеспеченность, предприятия инновационного типа, социальные роли, социальный порядок.

Введение

В современный период развитие предприятий ориентировано на внедрение инноваций, т.е. принятие высокой степени неопределенности и риска в пользу применения более прогрессивных и экспериментальных решений. *Перманентная инновация* становится единственным реальным способом обеспечения устойчивого конкурентного преимущества для большинства компаний [1], поэтому она может интерпретироваться не как единичное событие, а скорее как *траектория*, предопределенная комбинацией множества факторов. Вместе с тем при декларируемой важности внедрения инноваций социальный фактор часто остается второстепенным, что порождает сопротивление работников и низкий уровень вовлеченности.

Задачей социального управления становится преодоление противоречия, при котором социальные действия работников ограничивают инновационное развитие. Инновация, как отмечает Ж.Т. Тощенко, это результат творчества различных групп работников [2, с. 223], при этом, по оценкам экспертов, лишь 2.5% людей являются инициаторами инноваций [3], «креативными инноваторами» [4]. В конечном счете успех преобразований зависит как от «фанатиков идеи (активных сторонников)» [1], так и от осмысленного участия всего коллектива. Сопротивление на уровне рядовых исполнителей и нежелание переосмысливать свою роль могут стать критическим ограничителем. Это связано с тем, что инновационный процесс как совокупность трудовых функций реализуется в определенной технологической и организационной последовательности, требующей

освоения новых компетенций, знаний, переосмысления своей роли и сложившихся практик. Именно в трудовой деятельности раскрывается отношение работников к задачам, проявляющееся в их включенности в трансформирующуюся систему социально-трудовых отношений и в содержании социальных действий, направленных на совместную реализацию смыслов в процессе взаимодействия.

Работник выступает не пассивным исполнителем, а активным носителем многогранных смыслов, которые играют значимую роль в саморегуляции поведения. В этих смыслах фокусируются ключевые аспекты его существования: жизнедеятельность, жизнеспособность и жизнеобеспеченность. Следовательно, труд в инновационном процессе является для работника не механической функцией, а личностно переработанной и осмысленной деятельностью. Именно эта связь между трудом и личностными смыслами оказывается упущенной из контекста управления в практике современных инновационных преобразований.

Цель статьи – выявление механизмов трансформации социальных ролей и обоснование необходимости социального проектирования нового социального порядка на предприятиях, основанного на интеграции ценностно-мотивационных смыслов работников в систему инновационных преобразований.

Постановка проблемы

Проведенный теоретический анализ свидетельствует о доминировании экономического подхода в управлении инновационными преобразованиями, в рамках которого упускаются из внимания *социальный контекст* их осуществления и *субъект деятельности* с присущими ему смыслами. Игнорирование социального измерения приводит к кризисной ситуации, подтверждаемой эмпирически: молодые специалисты – выпускники вузов, с запозданием включенные в инновационную деятельность и используемые на рутинных видах труда и устаревших технологиях, отмечают преобладание апатии, пассивности, ожидания изменений – 37.0%, 8.0% – мысли о смене работы [5]; ожидания молодежи от труда лишь в 13.8% случаев полностью реализовались, скорее реализовались – 46.3%, скорее не реализовались – 25.4%, не реализовались – 7.6% [6]. Ситуация усугубляется тем, что на предприятиях отсутствуют условия для роста профессиональных компетенций (68.0%), центры инновационного развития, создающие предпосылки для применения новых знаний, опыта и компетенций (34.0%); экспериментальные работы не фиксируются в стратегии развития (72.0%) [7].

Альтернативой выступает человекоориентированная парадигма [8], основанная на понимании новой роли личности работника в инновационном процессе. Она предполагает учет широкого спектра смыслов, которые человек стремится реализовать в деятельности, включая смыслы жизнеспособности и жизнеобеспечения. Понимание жизненного мира работника, как отмечается, возможно лишь посредством «выявления его ключевых смыслов», которые структурируют целеполагание и восприятие своей роли в коллективном трудовом процессе – «основой конструирования образа труда является понимание его смысла» [6]. Смысл, превращаясь в «жизненную необходимость, без реализации которой человек не представляет свое дальнейшее развитие и функционирование», становится центральным элементом самоуправления, детерминирующим готовность человека к инновационным преобразованиям [9].

Теоретико-методологические основания исследования

Методологическим фундаментом нашего подхода выступает интерпретация трудовой деятельности в контексте инновационного процесса через призму *ценностно-мотивационных смыслов,* фокусирующихся на жизнеобеспечении, жизнедеятельности и жизнеспособности [10]. Как справедливо отмечает В.К. Потемкин, профессиональная деятельность человека неизбежно затрагивает систему норм, преобладающих в складывающихся общественно-профессиональных отношениях [11], что и позволяет рассматривать указанные измерения, в рамках которых смысл труда раскрывается как многоуровневое явление, связывающее личностное развитие, социальную адаптацию и материально-бытовые условиях существования [12]. Включенность работника в инновации возможна тогда, когда он осознает смысл своего участия – понимает свою роль в преобразованиях, их влияние на организацию и на характеристики собственной жизнедеятельности, жизнеобеспеченности, жизнеспособности.

Жизнедеятельность как совокупность социальных действий отражает содержание важных для работника смыслов в различных сферах: работа, семья, досуг и др. Детерминированная многочисленными факторами, в современном контексте жизнедеятельность характеризуется

интенсификацией трудовых процессов. *Жизнеспособность* отражается в адаптационных возможностях, обеспечивая применение работником новых знаний, компетенций, опыта работы. Как интегральная характеристика она связана с ценностными ориентациями, личностными установками, способностями, позволяющими человеку успешно функционировать и гармонично развиваться в изменяющемся социуме [13]. Жизнеспособный человек способен к адаптации, жизнеосмысленному существованию, саморегуляции и развитию [14]. *Жизнеобеспеченность* характеризует уровень обеспечения работников комфортной средой обитания, которая способствует качеству трудовой жизни и быстрому восстановлению энергетических и моральных сил.

Включенность человека в инновационную деятельность нами исследуется с учетом системы ценностно-мотивационных смыслов, связывающих ее с контекстами жизнедеятельности, жизнеобеспечения и жизнеспособности и аккумулирующих социальные ожидания от ее реализации. *Ценностно-мотивационный смысл* представляет собой внутреннее значение, содержание, которое личность вкладывает в реализацию социального действия. Смыслы деятельности предопределяют интерпретацию человеком окружающей действительности, отношение к ней. Содержание деятельности раскрывается для действующего субъекта через смысл: как на уровне деятельности в целом, так и на уровне отдельных социальных действий. Это формирует переживание *осмысленности работы* – восприятие труда как значимой, ценной и стоящей деятельности. Ценностно-мотивационные смыслы образуют многоуровневую систему, включающую смыслы, имеющие индивидный характер; личностные смыслы; смысложизненные ориентации, согласно классификации А.В. Серого [15], и воплощаются в повседневных социальных практиках. Смысл может рассматриваться как основной индикатор реализации ценностей и мотивов жизнедеятельности, жизнеспособности и жизнеобеспечения человека.

Проведенный наукометрический [16] и теоретический анализ выявил направления в исследованиях смысла в трудовой деятельности: исследования взаимосвязей смысла, осмысленности и воспринимаемой значимости; исследования осмысленности деятельности и поиска призвания; исследования проблематики организационного смыслообразования. В рамках этих направлений обоснована роль труда как источника смысла, выявлены психологические механизмы смыслообразования [17] и формирования осмысленности [18; 19], определено влияние смысла на эффективность труда [20], вовлеченность, лояльность, уровень мотивации [21], однако смысл рассматривается преимущественно на микроуровне. Теории организационного смыслообразования инструментализируют смысл, рассматривая его как фактор достижения целей организации. При этом недооцениваются социальные риски смысловых противоречий и этические аспекты: труд может быть как источником смысла, так и причиной профессионального выгорания ввиду невозможности реализации значимых смыслов.

В своем исследовании мы предлагаем социологический взгляд на конструирование смысла в деятельности, т.е. создание условий, способствующих формированию опыта работы, который отражает ключевые смыслы жизнедеятельности, жизнеспособности и жизнеобеспечения человека. Применительно к инновационной деятельности это означает необходимость обеспечения для каждого работника видимой связи между участием в преобразованиях и реализацией ценностей и мотивов, индикатором которой и будет выступать значимый *ценностно-мотивационный смысл*.

Теоретическое осмысление механизмов конструирования этого социального порядка основывается на идеях понимающей социологии М. Вебера [22] (смысл как атрибут социального действия); теории А. Шюца [23] (интерсубъективное согласование мотивов и смыслов); концепции П. Бергера и Т. Лукмана (легимитация социальных институтов через смыслы, необходимость управления на основе легитимации новой реальности, а не формального внедрения изменений) [24]. Данные подходы позволяют рассмотреть проблему в контексте социального управления и сместить фокус с диагностики личностных переживаний смысла на социальное проектирование, включая трансформацию социальных ролей и формирование нового социального порядка в системе инновационных преобразований.

Согласно М. Веберу смыслы являются атрибутом социального действия, причем их интерпретация осложняется различиями в интерпретации действующего и наблюдателя [22]. А. Шюц обращает внимание на «идеализацию взаимности мотивов» в повседневности, предполагающую их сходность. Однако модель повседневного мышления предлагает лишь шанс понять действия другого человека в ограниченной мере, достаточной для текущих нужд. Поэтому А. Шюц призывает постоянно обращаться к субъективным смыслам действующего человека, чьи

дела и чувства составляют фундамент всей этой системы [23] и раскрываются через анализ «мотивов-для» и «потому-что», предполагающий понимание смысла, который индивид вкладывал в свои действия.

Это позволяет утверждать наличие системных проблем социального управления, возникающих в процессе интерсубъективного согласования мотивов. Они проявляются как смысловое несоответствие «мотивов-для» и «мотивов-потому-что» инициаторов и исполнителей. В результате разрыва мотивационных контекстов возникает смысловой конфликт, который блокирует возможность конструктивного диалога об инновациях.

В своем исследовании мы также опирались на идеи П.Л. Бергера и Т. Лукмана о легитимации – смысловой объективации «второго порядка», которая представляет собой процесс объяснения и оправдания существующего институционального порядка. «Институциональный порядок во всей своей целостности должен иметь смысл для всех участников различных институциональных процессов» и «вся жизнь индивида, последовательно проходящего различные ступени институционального порядка, должна быть субъективно осмысленной» [24]. Легитимация придает порядку когнитивную обоснованность и субъективную значимость, отвечая на вопрос – почему индивид должен совершить то или иное действие в соответствии с ним. Поэтому инновационные преобразования требуют ресоциализации – легитимации новой реальности и пересмотра прежних установок. На основе этого мы формулируем ряд теоретических выводов применительно к социальному управлению предприятиями в процессе инновационных преобразований: 1) *легитимация изменений* работниками посредством совместного конструирования новой реальности, обоснования целесообразности социальных действий (через диалог, в процессе которого не просто вводятся новые практики и нормы, а происходит их когнитивное и аффективное принятие); 2) *объективация инноваций* – их интеграция в повседневные практики как естественной части жизнедеятельности, поскольку социальный порядок как продукт человеческой деятельности воспроизводится через рутинные практики и роли; 3) *поддержка ресоциализации* через интернализацию измененных ролей (от роли «исполнителя» к роли «соавтора инноваций»), трансформацию идентичности и освоение новых способов деятельности. Инновационные преобразования генерируют для работников качественно новый опыт, превращая привычные ролевые модели в нерелевантные, и в процессе ресоциализации происходит подлинная легитимация новой реальности. Данный процесс мы связываем с ростом жизнеспособности работника и реализацией связанных с ней смыслов, когда работники видят в изменениях не угрозу, а возможности для развития. В результате они становятся не пассивными объектами преобразований, а включаются в конструирование нового социального порядка.

Социальное проектирование инновационных преобразований ориентировано на легитимацию и институционализацию изменений, обеспечивающих интеграцию инноваций в повседневность и рост жизнеспособности и жизнеобеспеченности работников.

Для анализа практических аспектов данного процесса мы осуществили адаптацию идей Э. Роджерса, позволяющих детально исследовать принятие инновационных решений на предприятиях. Выделяется три вида инновационных решений: 1) *властные* – принимаются руководителями и связаны со стратегией развития организации; 2) *коллективные* – принимаются на уровне групп и зависят от согласованных действий всех работников; 3) *индивидуальные* – носят необязательный характер и отражают добровольный выбор отдельного работника. Анализ показывает, что смыслы становятся ключевым фактором принятия решений на всех уровнях: от стратегических замыслов руководителей до повседневного выбора исполнителей. Особую значимость имеет индивидуальный уровень, где, по Э. Роджерсу, выделяется пять стадий: знание, убеждение, решение, внедрение, подтверждение. Нами был проведен анализ перечисленных стадий через призму ценностно-мотивационных смыслов жизнедеятельности, жизнеспособности и жизнеобеспечения, что отражено на рисунке 1. На каждом этапе работник оценивает потенциал проекта для реализации значимых смыслов своей жизнедеятельности, жизнеобеспечения и жизнеспособности. И конструируемая социальная реальность предопределяет цели на трех уровнях: индивидуальном, коллективном, общественном [25], достижение которых формирует благоприятный инновационный климат. Обратная ситуация возникает, когда инновационный проект противоречит ключевым смыслам работника, порождая дисбаланс между значимыми целями и выполняемыми задачами.

На организационном уровне процесс принятия инновационных решений требует учета не только стратегических целей предприятия, но и

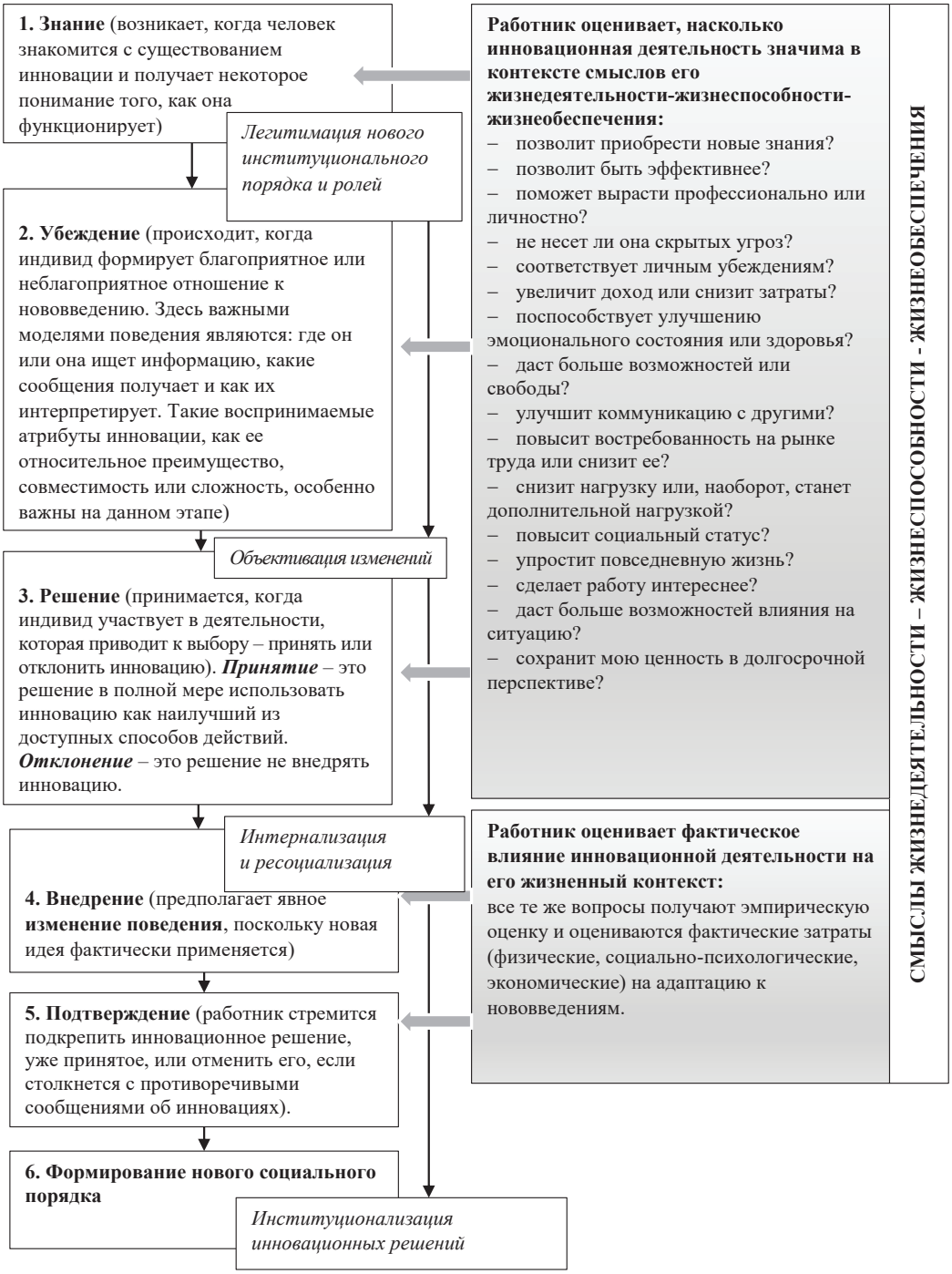

Рис. 1. Процесс принятия индивидуального инновационного решения работником через призму социального конструирования реальности (по Э. Роджерсу, с дополнениями автора)

личных целей членов коллектива. Этот процесс существенно сложнее индивидуального принятия инновационных решений, поскольку подразумевает согласованные действия различных социальных групп. На рисунке 2 представлена адаптированная схема инновационного процесса по Э. Роджерсу, дополненная нами с позиций теории ценностно-мотивационных смыслов.

Инновационный процесс представляет собой *совокупность трудовых функций*, выполняемых в определенной технологической и организационной последовательности и связанных с освоением новых компетенций и ролей. На каждом его этапе необходимо обеспечить реализацию личностно значимых смыслов для каждого участника в контексте триады «жизнедеятельность–жизнеспособность–жизнеобеспечение»

Рис. 2. Этапы инновационного процесса в организациях (Э. Роджерс, с дополнениями автора)

(см. рис. 2). Ключевым фактором выступает воспринимаемая возможность реализации значимых смыслов, которая запускает саморегуляцию поведения, предопределяя уровень активности в инновационном процессе. Следовательно, вовлечение работников в инновационный процесс требует, прежде всего, управления динамикой ценностно-мотивационных смыслов.

Ценностно-мотивационные смыслы выражают отношение работника к двум аспектам: 1) к содержанию инновационной деятельности – предметно-функциональной направленности действий по разработке и внедрению новшеств; 2) к инновационному процессу как системе управления, обеспечивающей жизнедеятельность, жизнеспособность и жизнеобеспечение человека по мере его вовлечения в реализацию инновационной политики. Поэтому невозможность реализации смыслов или их несоответствие направленности преобразований влияет на уровень участия работника в инновационной деятельности и, как следствие, смыслы выступают либо катализатором, либо ограничителем инновационного развития.

Эмпирическая база исследования

Под предприятием инновационного типа нами понимается организация любой отраслевой принадлежности, реализующая свою деятельность на основе системного замещения рутинных практик инновационными (в том числе управленческими). Для проведения опросов и анализа интервью нами были обоснованно выбраны предприятия и организации, принадлежащие не к традиционным «инновационным» направлениям, поскольку исследование направлено не на узкий сектор «предприятий-инноваторов», а на социальную проблему инновационного развития в реальной экономике

Российской Федерации. В современных условиях инновационные преобразования, которые могут реализовываться с различной интенсивностью, становятся повседневной необходимостью тех предприятий, которые традиционно были ориентированы на более консервативную стратегию развития. Поэтому сформированная в исследовании выборка является репрезентативной для различных отраслей экономики Российской Федерации, а не только наукоемких направлений.

Методы

Представленные данные основаны на результатах многолетнего исследования (2016–2025 гг.), включающего данные опросов работников предприятий и контент-анализа интервью с руководителями предприятий: 1) опрос работников финансово-кредитной сферы (*N*=290) и фармацевтических предприятий (*N*=700) Санкт-Петербурга, имеющих региональные подразделения, с использованием стратифицированной выборки; 2) глубинные интервью с работниками фармацевтических предприятий, репрезентирующими различные статусные и профессионально-квалификационные группы (*N*=45); 3) контент-анализ интервью с руководителями (вторичные данные) за три временных периода (*N*=16, 1980–1985 гг.; *N*=54, 1995–2005 гг.; *N*=35, 2022–2024 гг.).

Респонденты

В опросе приняли участие различные профессионально-квалификационные и статусные группы работников: руководители и рядовые работники фронт-офиса, бэк-офиса, мидл-офиса финансово-кредитных организаций; руководители и рядовые работники ИТР, служащие, производственный и непроизводственный персонал фармацевтических предприятий. Для проведения контент-анализа использовались вторичные данные [32, 33]. Руководители, интервью с которыми были подвергнуты анализу, представляют различные отрасли: финансово-кредитная сфера, предприятия – цифровые платформы (сфера услуг для бизнеса), производство товаров повседневного спроса, организации здравоохранения, судостроительная отрасль, предприятия розничной торговли, авиаприборостроение, автомобилестроение, промышленные предприятия, нефтегазовой отрасли, предприятия общественного питания.

Для проведения опроса использовался разработанный автором инструментарий (опросник), который включал на 1-м этапе (финансово-кредитные организации) 21 терминальный смысл, на 2-м этапе (фармацевтические предприятия) 25 терминальных смыслов, отражающих характеристики жизнедеятельности, жизнеспособности и жизнеобеспечения. На этапе опроса работников фармацевтических предприятий опросник был дополнен блоком вопросом об уровне удовлетворенности возможностями реализации смыслов деятельности в организации.

Мы исходили из предпосылки, что смысловая структура включает не только материальные аспекты, но и развитие интеллектуального потенциала, социальное признание, социальную интеграцию, влияние на управленческие решения и др. Для проведения опроса каждый смысл был операционализирован двумя индикаторами. Респонденты оценивали степень значимости для них каждого смысла при выборе места работы (по шкале Лайкерта), а на втором этапе оценивали также степень удовлетворенности возможностями реализации смыслов на текущем месте работы.

В опросник вошли смыслы, направленность которых соотносится с современными представлениями об инновационности личности [2, 3, 26–30]: 1) *активная, деятельная жизнь* (эмоциональная и интеллектуальная самореализация, динамичность выполняемых функциональных задач); 2) *познание* (расширение профессиональных знаний благодаря работе в компании); 3) *продуктивность* (*результативность*) (достижение сложных целей, решение нестандартных задач и поощрение организацией максимально продуктивных работников); 4) *развитие* (возможности профессионального развития); 5) *творчество* (наличие творческих задач; возможность реализации новых идей в работе); 6) *инновации* (возможность применения в работе передовых разработок; возможность работы в новаторской команде).

Ценностно-мотивационные смыслы деятельности как основа формирования отношения к содержанию инновационной деятельности и инновационному процессу

Результаты исследования демонстрируют (см. табл. 1, 2), второстепенное положение смыслов инновационной деятельности, которые *оказались в группах нейтральных и периферийных смыслов* (ранги 7–8 и ниже)*, не войдя в число наиболее актуальных, за редкими единичными исключениями*. Это говорит об отсутствии ориентации работников на преобразующую деятельность. Верхние же позиции в ранговом распределении принадлежат смыслам, не

Таблица 1

Ранговое распределение терминальных ценностно-мотивационных смыслов по профессионально-квалификационным и статусным группам респондентов (финансово-кредитные организации)

Ценностно-мотивационные смыслы	Фронт-офис		Бэк-офис		Сопровождающие нефинансовые подразделения	
	руководители	специалисты	руководители	специалисты	руководители	специалисты
Счастливая семейная жизнь	1	6.5	6.5	8	12	8.5
Безопасность	2	3	1.5	1	1.5	11
Интересная работа	3	1	3.5	4	1.5	2
Свобода	4	10	9	6	3	6
Материально обеспеченная жизнь	5	2	1.5	3	5.5	1
Социальные контакты	7	6.5	15.5	7	5.5	4.5
Активная деятельная жизнь	**7**	**9**	**10**	**9**	**10**	**15.5**
Власть	7	11	11	11	4	14
Наличие хороших и верных друзей	9.5	5	6.5	5	8.5	13
Продуктивная жизнь	**9.5**	**12**	**5**	**12**	**12**	**11**
Бытовой комфорт, удобство	12	4	3.5	2	14.5	7
Развитие	**12**	**8**	**8**	**10**	**7**	**4.5**
Общественное признание	12	16	13.5	15.5	14.5	19
Жизненная мудрость	14	14.5	17	13	16.5	17
Познание	**15**	**13**	**13.5**	**14**	**12**	**3**
Творчество	**16**	**17**	**19**	**18**	**8.5**	**8.5**
Развлечения	17	14.5	12	15.5	16.5	11
Счастье других	18	18	18	17	18	18
Принадлежность к социальной группе	19	21	20	21	21	20
Здоровье	20	19	15.5	19	20	21
Познание красоты природы и искусства	21	20	21	20	19	15.5

Источник: составлено автором.

связанным с инновациями: материальная обеспеченность, безопасность, бытовой комфорт.

В финансово-кредитном секторе наблюдается большая согласованность оценок смыслов инновационной деятельности между руководителями и рядовыми работниками, чем в фармацевтических предприятиях, где статусные различия более заметны. Второстепенное значение смыслов инновационной деятельности характерно для всех статусных групп.

Удовлетворенность работников возможностями реализации смыслов инновационной деятельности. Анализ данных опроса работников фармацевтических предприятий выявил противоречивую ситуацию в удовлетворенности работников реализацией смыслов: удовлетворенность таких смыслов, как «активная, деятельная жизнь», «познание, изучение нового», «продуктивность», «профессиональное развитие», находится ниже медианы, а смыслов «инновации», «творчество» – на уровне медианы или несколько выше (кроме группы «руководители на производстве»), что следует рассматривать с учетом их относительно низкой значимости для работников (см. рис. 3). Для верификации выводов нами были проведены глубинные *интервью с работниками фармацевтических предприятий* (*N*=45), репрезентирующими различные статусные и профессионально-квалификационные группы. Результаты интервью подтвердили наличие системных барьеров в коммуникации и реализации инновационных идей, свидетельствующих о *несбалансированности функциональной деятельности* в условиях инновационных преобразований. Ввиду ряда

Таблица 2

Ранговое распределение терминальных ценностно-мотивационных смыслов деятельности (фармацевтические предприятия)

Ценностно-мотивационные смыслы	Производственный персонал		ИТР		Служащие		Непроизводственный персонал	
	рядовые работники	руководители	рядовые работники	руководители	рядовые работники	руководители	рядовые работники	руководители
Гарантии финансовой стабильности	1	4	1	3	3	2.5	2	3
Бытовой комфорт, удобство	2	10	4	9	22	23	23	23
Взаимодействие с руководителем	3	1.5	2	2	8	5	6	5
Инновации	**4**	**19**	**10**	**8.5**	**14.5**	**12**	**15.5**	**13**
Социальные гарантии	4	1.5	7	8	12	17	24	24
Наличие хороших и верных друзей	5	15	14	10	6	8.5	5	4
Поддержка семейных ценностей организацией	6	17	13	13.5	9	6	11	10
Материально обеспеченная жизнь	7	3	3	4	16	16	12	10
Профессиональное развитие	**8**	**5.5**	**5**	**1**	**18**	**18**	**21**	**19**
Баланс времени	9	12.5	9	13.5	17	20	19	10
Результативность (продуктивность)	**10**	**7**	**15**	**18**	**24**	**24**	**22**	**20**
Социальные контакты	11	17	17	19	1	1	3	1.5
Социальная польза выполняемой работы	12	22	21	21	19	19	13	18
Участие в управлении	13	8	12	6	14	10	15	12.5
Уважение к профессионализму	14	17	16	11	4	7	8	7
Интересная работа	15	9	6	5	7	8.5	4	8
Свобода	16	11	11	7	2	2.5	1	1.5
Активная деятельная жизнь	**17**	**14**	**10**	**12**	**13**	**14**	**16**	**15**
Познание, изучение нового	**18**	**5.5**	**8**	**16**	**11**	**14**	**10**	**12.5**
Власть	19	12.5	18	16	21	21.5	14	22
Расширение кругозора	20	20	20	22	20	14	18	14
Забота о здоровье	21	23	22	20	15	12	9	16
Творчество, инновации	**22**	**19**	**19**	**16**	**10**	**4**	**7**	**6**
Принадлежность (к социальной группе)	23	24	23	24	23	21.5	20	21
Общественное признание	24	21	24	23	5	11	17	17

Источник: составлено автором.

структурно-функциональных и социально-психологических ограничений многие работники лишены возможности приобретения опыта участия в инновационных процессах в рамках своих должностей. Рядовые специалисты не вовлечены в процессы, их идеи подвергаются сомнению: *«Наши идеи могут быть предложены, но реализованы вряд ли, потому что там тоже люди более опытные сидят. И я 100% знаю, что предложить можно все что угодно, но реально предложить что-то такое, что будет реализовано, я пока не в состоянии»; «Интересен был бы механизм трансляции идей руководству организации по оптимизации бизнес-процессов», «Инициатива поощряется, но «если через голову прыгнешь, то могут быть проблемы»* и др.

Эти данные подтверждают ситуацию нелегитимированности новой реальности на уровне смыслов. Работниками не интернализирована роль «соавторов инноваций», что приводит к отчуждению и сопротивлению, а не совместному конструированию новой реальности.

Обнаруженные нами тенденции свидетельствуют о смысловом кризисе, т.к. смыслы инновационной деятельности не только перифе-

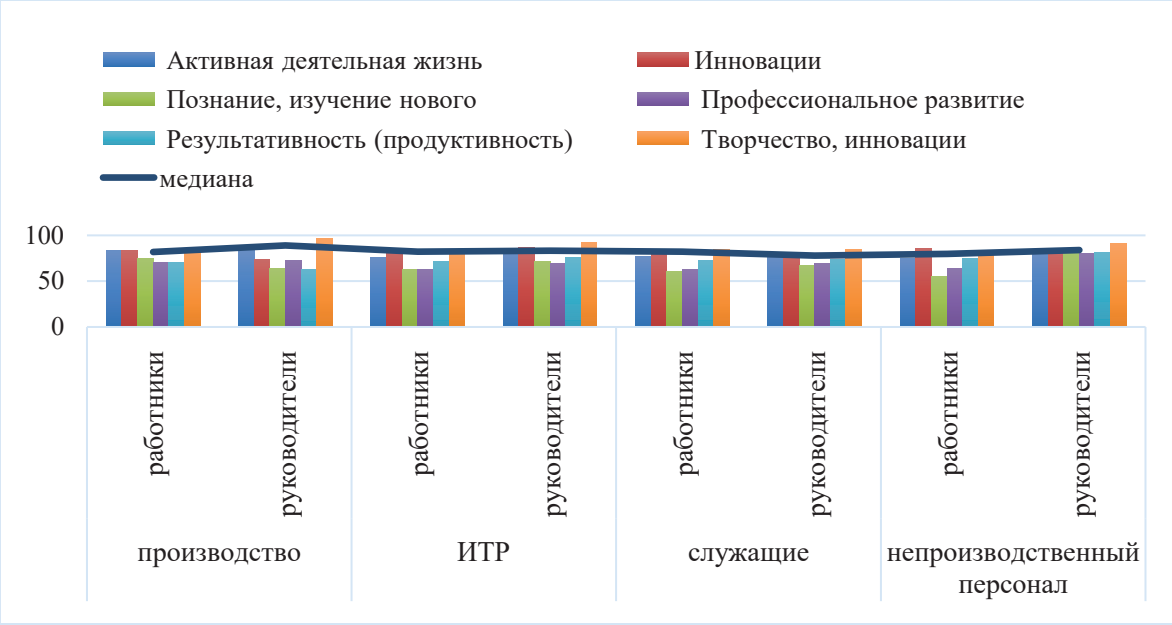

Рис. 3. Удовлетворенность смыслов инновационной деятельности в сопоставлении с медианным значением (производственные предприятия)

рийны, но и не реализованы в практической деятельности, новаторский потенциал работников блокируется.

Взаимосвязь терминальных и инструментальных смыслов (корреляционный анализ)

Помимо терминальных смыслов-целей, нами исследовались инструментальные смыслы – представления работников о типах поведения, способствующих достижению значимых смыслов-целей. Инструментальные смыслы предопределяют выбор поведения в ситуациях жизнедеятельности, поскольку, даже обладая определенными компетенциями и знаниями, работник в каждой конкретной ситуации определяет целесообразность их применения. Например, «инициативность» может не находить реализации в трудовой деятельности, если работник не видит смысла демонстрировать этот тип поведения. Значимость инструментальных смыслов в опроснике также оценивалась по шкале Лайкерта. Корреляционный анализ взаимосвязей между терминальными и инструментальными смыслами выявил статистически значимые положительные связи (см. табл. 3).

Терминальные смыслы с наивысшим рангом значимости (материально обеспеченная жизнь, безопасность, бытовой комфорт и удобство, свобода) не имеют сильных взаимосвязей с инструментальными смыслами. Это указывает, что они выступают в качестве пассивных ожиданий работника, не связанных с определенными моделями поведения.

Наиболее показателен анализ инструментального смысла «инициативность», который демонстрирует статистически значимые положительные корреляционные связи с терминальными смыслами «активная деятельная жизнь» ($r = 0.370$; $p = 0.000153$), «продуктивная жизнь» ($r = 0.428$; $p = 0.000008$), «счастливая семейная жизнь» ($r = 0.360$; $p = 0.00023$); «творчество» ($r = 0.404$; $p = 0.0000304$); «счастье других» ($r = 0.389$; $p = 0.0000639$); «развитие» ($r = 0.402$; $p = 0.000033$); «познание» ($r = 0.395$; $p = 0.000046$), «принадлежность к социальной группе ($r = 0.351$; $p = 0.000337$). Однако отсутствуют значимые связи со смыслами «материально обеспеченная жизнь», «здоровье», «интересная работа», «безопасность». Отсутствие взаимосвязей «материального благополучия» выявлено и по отношению к другим инструментальным смыслам: «эффективность в делах», «толерантность к ситуации неопределенности», «твердая воля», «широта взглядов». Это доказывает, что в сознании работников активная и рискованная деятельность в направлении инноваций не воспринимается как надежный путь к достижению главных жизненных целей. Инновационное поведение лишено инструментальной ценности для повышения уровня жизнеобеспеченности.

Это подтверждает тезисы В.С. Магуна о противоречии между стремлением к успеху и неготовностью к действиям, «выходящим за рамки исполнительской рутины и требующим повышенных энергетических и эмоциональных затрат» [31].

Таблица 3

Корреляционные связи терминальных и инструментальных ценностно-мотивационных смыслов (финансово-кредитные организации)

Терминальные ценностно-мотивационные смыслы инновационной деятельности	Инструментальные ценностно-мотивационные смыслы, с которыми выявлена значимая корреляция	Коэффициент корреляции Спирмена, знач. двусторонняя
Активная деятельная жизнь	жизнерадостность (позитивный взгляд на жизнь, чувство юмора)	r=0.34; p=0.0004
	исполнительность (дисциплинированность)	r=0.37; p=0.0001
	ответственность (чувство долга, умение держать слово)	r=0.41; p=0.00002
	самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	r=0.39; p=0.00004
	твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	r=0.33; p=0.0006
	широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)	r=0.37; p=0.0001
	эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	r=0.36; p=0.0002
	инициативность (энергичность, готовность работать с энтузиазмом)	r=0.37; p=0.0001
Интересная работа	воспитанность (хорошие манеры)	r=0.40; p=0.00002
	жизнерадостность (позитивный взгляд на жизнь, чувство юмора)	r=0.35; p=0.0004
	образованность (широта знаний, высокая общая культура)	r=0.42; p=0.00001
	самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	r=0.35; p=0.0003
	смелость в отстаивании своего мнения, взглядов	r=0.34; p=0.0005
	эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	r=0.37; p=0.0001
Продуктивная жизнь	жизнерадостность (позитивный взгляд на жизнь, чувство юмора)	r=0.38; p=0.00009
	ответственность (чувство долга, умение держать слово)	r=0.37; p=0.0001
	самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	r=0.45; p=0.00005
	твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	r=0.42; p=0.00001
	эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	r=0.44; p=0.0001
	чуткость (заботливость)	r=0.39; p=0.00007
	инициативность (энергичность, готовность работать с энтузиазмом)	r=0.43; p=0.00002
	толерантность к ситуации неопределенности (способность конструктивно действовать в ситуации постоянных перемен)	r=0.34; p=0.0006
Развитие	воспитанность (хорошие манеры)	r=0.389; p=0.00006
	исполнительность (дисциплинированность)	r=0.41; p=0.00002
	непримиримость к недостаткам в себе и других	r=0.33; p=0.0007
	ответственность (чувство долга, умение держать слово)	r=0.40; p=0.00004
	самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	r=0.45; p=0.00002
	твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	r=0.42; p=0.00001
	широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)	r=0.35; p=0.0003
	эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	r=0.43; p=0.0002
	чуткость (заботливость)	r=0.36; p=0.0002
	инициативность (энергичность, готовность работать с энтузиазмом)	r=0.40; p=0.00003
Познание	образованность (широта знаний, высокая общая культура)	r=0.39; p=0.00005
	самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	r=0.43; p=0.0002
	инициативность (энергичность, готовность работать с энтузиазмом)	r=0.40; p=0.00004
	толерантность к ситуации неопределенности	r=0.49; p=0.0002

Источник: составлено автором.

Факторы и ограничения формирования смыслов инновационной деятельности в инновационной среде предприятий. Проведенное нами исследование выявило, что *«инновационный работник»* не является ролевой моделью современных предприятий. Этот вывод сопоставим с данными исследований о доминировании габитуса предсказуемости над спонтанностью и риском и сравнительно более низкой приверженности габитусу изменений в выборе жизненной стратегии по сравнению с габитусом постоянства: габитус «спонтанности и риска» в выборе модели поведения демонстрируют 31.8% молодежи в возрасте 18–24 года, 22.0% – в возрасте 25–29 лет, 21.6% – в возрасте 30–35 лет [28, с. 49].

На основе анализа эмпирических данных и контент-анализа интервью с руководителями, посвященных вопросам инновационного развития (1980–2024 гг., N=105) мы выявили факторы и ограничения формирования смыслов инновационной деятельности в среде предприятий. Сравнительный анализ трех периодов (1980-е гг.,

Рис. 4. Снижение внимания к социальным и организационным инструментам инновационных преобразований руководителями за период 1985–2024 гг. (по данным контент-анализа интервью с руководителями, *N*=105)

1995–2005 гг., 2022–2024 гг.) показал существенную эволюцию.

Анализ интервью 2022–2024 гг. (*N*=35, различные отрасли) продемонстрировал позитивные оценки социальных и организационных инструментов инноваций менее чем в половине интервью (15 из 35). В остальных интервью фокус смещен на технологические, экономические и другие аспекты развития. Период 1980-х гг. (интервью с руководителями производства – организаторами перестройки на промышленных предприятиях (*N*=16 [32])) характеризуется применением широкого спектра социальных инструментов: мотивация и стимулирование, развитие организационной культуры, обучение, социальный мониторинг, профессиональное и межпрофессиональное взаимодействие, самоуправление и программно-целевой подход. Особое внимание уделялось созданию условий жизнеобеспеченности – качественное жилье, развитая социальная инфраструктура, организация досуга и поддержка семьи. Период 1995–2005 гг. (интервью с руководителями производственных предприятий и торговых организаций (*N*=54) [33] демонстрирует трансформацию приоритетов: руководители дистанцируются от рядовых работников, персонал воспринимается как издержки, фиксируется стремление снизить затраты на персонал (отказ от социального обеспечения), интерес к развитию работников замещается практикой «покупки» готовых специалистов, их интеграции с минимальными затратами, полностью игнорируются вопросы жизнеобеспечения.

Фактически, только в группе руководителей 1980–1985 гг. демонстрируется приоритетное внимание в контексте инновационного развития к обеспечению возможностей для реализации базовых смыслов, таких как забота о здоровье, бытовой комфорт и удобство, гарантии финансовой стабильности, социальные гарантии, поддержка семейных ценностей, материально обеспеченная жизнь. Значимо, что именно эти смыслы занимают первые ранги в 2016–2024 гг., однако их реализация остается недостаточной: материально обеспеченная жизнь – 60–69%, поддержка семейных ценностей – 59–76%, социальные гарантии – 66–80%. Исключение составляет бытовой комфорт и удобство на рабочих местах – 73–95%.

Данные (рис. 4) свидетельствуют о системном дефиците внимания современных руководителей к социальному мониторингу, формированию активной позиции работников, созданию условий для реализации смыслов жизнедеятельности и жизнеобеспечения. Сложилось ограничительное восприятие возможностей вовлечения работников в инновации, а руководители *отказались от своей ключевой роли в процессе легитимации изменений*, что привело к кризису смысла инновационной деятельности.

Выводы и заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, теоретический и эмпирический анализ подтвердил доминирование узкоэкономического подхода в управлении инновациями, при котором социальный фактор остается второ-

степенным. Это становится причиной несоответствия между декларируемыми целями инновационного развития и их социальной основой.

Во-вторых, зафиксирован кризис смыслов в осуществлении инновационных преобразований, который проявляется на трех уровнях: периферийное положение смыслов инновационной деятельности; отсутствие корреляций между смыслами жизнеобеспечения и инструментами их реализации в инновационной деятельности; нелегитимированность новой роли «соавтора инноваций» и отказ руководителей от социального проектирования изменений. В ситуации, когда предприятия внедряют инновации без социального мониторинга и предоставления ресурсов для роста жизнеспособности и жизнеобеспеченности работников, участие в инновационном процессе лишается жизненно важных смыслов. Как следствие, инновационная деятельность воспринимается как интенсификация труда, не влияющая положительно на качество, уровень жизни и профессиональные перспективы.

В-третьих, обосновано, что для успешного внедрения инноваций недостаточно формальный административных решений, необходим процесс легитимации новой реальности и принятия работниками новых ролей. На предприятиях сохраняется социальный порядок, где «инновационный работник» не воспринимается как эффективная ролевая модель, а инновации остаются за пределами деятельности, наполненной смыслом. Такие ограничения, как доступ к новым знаниям и компетенциям, распределению дохода, невозможность самореализации, ставят работников перед вопросом: если существует ограничение, то какой смысл участвовать в инновационном процессе? Формируется негативное или нейтральное отношение к инновационным преобразованиям.

Решение проблемы требует социального проектирования инновационных преобразований, направленного на создание условий, обеспечивающих взаимосвязь между реализацией значимых смыслов и участием в инновационных преобразованиях. Тогда участие в инновационных преобразованиях будет интерпретироваться как наполненная смыслом деятельность. В контексте теории ценностно-мотивационных смыслов «жизнедеятельности–жизнеспособности–жизнеобеспеченности» это подразумевает гарантирование работникам, что при наличии ключевых навыков, умений, компетенций, включенности в инновационные преобразования они достигнут безопасности в сфере самореализации, занятости, дохода, уровня и качества жизни. По мере того, как смысл инновационных преобразований станет очевидным и легитимируется членами организации, инновация будет находить все более широкое применение и поддержку, тем самым затрагивая не только лидеров инновационных преобразований и ранних последователей, но также позднее «большинство» и запаздывающих.

Список литературы

1. Янсен Ф. Эпоха инноваций: Пер. с англ. М.: Инфра-М, 2002. 308 с.

2. Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда: Учебник для вузов. М.: ЦСПиМ, 2012. 462 с.

3. Rogers E. M. Diffusion of innovations. 3d ed. NY: The Free Press, 1983. 453 p.

4. Захарова Л.Н. Креативность и инновативность субъекта труда в новых социально-экономических условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23. № 3. С. 308–312.

5. Потемкин В.К. Самонаблюдение и самооценивание работников в деятельности современных предприятий // Известия СПбГЭУ. 2025. № 1 (151). С. 109–113.

6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 243–259.

7. Потемкин В.К. Самоопределение и адаптация работников к деятельности инновационных предприятий // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2024. Вып. 20. С. 88–94.

8. Потемкин В.К. Социальные проблемы человекоориентированного управления предприятиями и организациями: Сборник избранных научных статей. СПб.: Инфо-Да, 2021. 320 с.

9. Тощенко Ж.Т. Главные смыслы жизненного мира россиянина // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – ЦСПиМ, 2015. С. 33–50.

10. Потемкин В.К. Развитие человеческого потенциала: жизнедеятельность, жизнеспособность и жизнеобеспеченность // Телескоп. 2025. №1 (17). С. 6–17.

11. Потемкин В.К. Социальные стандарты жизнедеятельности и жизнеобеспечения работников предприятий // Стандарты и качество. 2018. № 7. С. 32–35.

12. Потемкин В.К., Вельмисова Д.В., Потемкин М.С. Социальные измерения стратегии развития современных предприятий // Известия СПбГЭУ. 2024. № 2 (146). С. 115–122.

13. Гурьянова М.П. Воспитание жизнеспособной личности в условиях дисгармоничного социума // Педагогика. 2004. № 1. С. 12–18.

14. Рыльская Е.А. Жизнеспособность человека: понятие и концептуальные основы исследования // Сибирский психологический журнал. 2009. № 31. С. 6–11.

15. Серый А.В. Структурно-содержательные характеристики системы личностных смыслов // Сибирская психология сегодня: Сборник научных трудов /

Кемеровский государственный университет. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. С. 4–13.

16. Вельмисова Д.В. Анализ научного дискурса о феномене человеческого потенциала: ценностно-смысловые составляющие // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2024. № 1 (13). С. 35–43.

17. Martela F., Pessi A.B. Significant work is about self-realization and broader purpose: Defining the key dimensions of meaningful work // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Art. 363.

18. Lepisto D.A., Pratt M.G. Meaningful work as realization and justification: Toward a dual conceptualization // Organizational Psychology Review. 2016. **7 (2)**. P. 99–121.

19. Rosso B.D., Dekas K.H., Wrzesniewski A. On the meaning of work: A theoretical integration and review // Research in Organizational Behavior. 2010. Vol. 30. P. 91–127.

20. Hasan H., Nikmah F., Wahyu E.E. The impact of meaningful work and work engagement on bank employees' performance // International Journal of Research in Business and Social Science. 2022. Vol. 11. № 3. P. 161–167.

21. Allan B.A., Batz-Barbarich C., Sterling H.M., Tay L. Outcomes of meaningful work: A meta-analysis // Journal of Management Studies. 2019. Vol. 56. № 3. P. 500–528.

22. Вебер М. Основные социологические понятия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 5–42.

23. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.

24. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. 322 с.

25. Потемкин В.К., Парсаданян С.А. Новая социальная реальность в организации инновационной деятельности в коллективе современных предприятий // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2024. № 1 (13). С. 6–12.

26. Коптяева О.Н. Мотивационная готовность педагогов к инновационной деятельности: Автореф. дис. … канд. психол. наук. Ярославль, 2009. 25 с.

27. Лебедева Н.М., Осипова Е.В. Взаимосвязь индивидуальных ценностей, показателей социального капитала и отношения к инновациям // Вестник Государственного университета управления. 2013. № 1. С. 288–295.

28. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирования: Монография / Ю.А. Зубок, О.А. Александрова, М.Б. Буланова [и др.]; под общ. ред. Ю.А. Зубок; ФНИСЦ РАН. Белгород: Эпицентр, 2022. 360 с.

29. Темницкий А.Л. Потенциал инновативности работающего населения России в динамике трех десятилетий реформ // Социальное пространство. 2023. Т. 9. № 3. С. 2–14.

30. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 781 с.

31. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности – 2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами: Препринт WP6/2010/03. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 52 с.

32. Доверено руководить: очерки, беседы, интервью с руководителями производства – организаторами перестройки на промышленных предприятиях / Сост. А.В. Чепурнов. Донецк: Донбасс, 1989. 88 с.

33. Интервью с топ-менеджерами. М.: Вершина, 2006. 304 с. (Российский бизнес в лицах).

TRANSFORMATION OF SOCIAL ROLES AND THE FORMATION OF A NEW SOCIAL ORDER IN THE SYSTEM OF INNOVATIVE TRANSFORMATIONS

D.V. Velmisova

St. Petersburg State University of Economics

The article examines the problem of forming a new social order and transforming social roles in the process of innovative transformations at enterprises. Many modern innovative enterprises face low employee engagement and resistance, which we attribute to the structure of value-motivational meanings that imbue professional activity with subjective significance for employees. The presented results are based on a long-term theoretical and empirical study conducted using survey methods (*N*=290, *N*=700), in-depth interviews (*N*=45), content analysis of interviews with managers, and statistical data verification. The theoretical and methodological basis of the study was the theories of M. Weber, A. Schutz, P. Berger, T. Luckmann, and E. Rogers. The study revealed that the value-motivational meanings of innovative activity are characterized as peripheral, giving way to stability, security, and comfort, i.e., they do not play a significant role in creating the significance of the performed activity. Employees' satisfaction with the opportunities to realize these meanings is also characterized as low; employees do not associate an increase in their livelihoods with the implementation of these meanings in their activities. A semantic gap was identified, consisting in the fact that active behavior in the innovative context is not perceived as a path to achieving significant terminal meanings. The problem is further exacerbated by the fact that managers (according to interview data) pay less attention to the use of social management tools, favoring narrowly economic approaches. The author concludes that social design of the new reality and the transformation of social roles are necessary, which is ensured by legitimizing changes by employees at the level of their work purpose in the context of increasing their livelihood, viability, and quality of life.

Keywords: work purpose, value-motivational meanings, innovative transformations, viability, life activity, life security, innovative enterprises.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2026_3_195

КАПИТАЛЫ И РЕПРОДУКТИВНЫЙ ВЫБОР: ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О СОХРАНЕНИИ БЕРЕМЕННОСТИ

© 2026 г. ***Е.Е. Кутявина, Е.А. Шинкаренко, А.Д. Голубева***

Кутявина Елена Евгеньевна, к.соц.н., доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kutyavina@fsn.unn.ru
Шинкаренко Елена Александровна, к.соц.н., доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
elenashinkarenko@fsn.unn.ru
Голубева Алина Дмитриевна, студентка факультета социальных наук
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
golubevaalina444@gmail.com

Статья поступила в редакцию 03.06.2026
Статья принята к публикации 31.07.2026

Представлены результаты качественного исследования факторов репродуктивного выбора женщин, принявших решение о сохранении беременности. На основе теории капиталов П. Бурдье определяются ключевые характеристики социального окружения женщины. П. Бурдье выделял культурную, социальную, экономическую и символическую формы капиталов. В результате контент-анализа с привлечением специализированного компьютерного пакета «Лекта» транскриптов полуформализованных биографических интервью женщин в возрасте от 18 до 45 лет, сохранивших беременность после доабортного консультирования, получен 21 фактор. Были выявлены факторы, которые соотносятся с разными типами капитала в теории П. Бурдье. Социальный капитал включает агентов, которые могут оказать поддержку (муж, родители, подруги). Объем капитала зависит от наличия/отсутствия и количества агентов поддержки. Эмоциональный капитал как особый тип социального капитала включает объем поддержки от основных агентов. Социальный капитал рассматривается авторами как ключевой тип капитала при принятии решения о сохранении беременности.

Культурный капитал – информация в офлайн- и онлайн-источниках о здоровье, беременности, родах, уходе за детьми. Экономический капитал включает два подтипа: непосредственно финансы (изменение структуры семейного бюджета, выплаты и пособия) и бытовой капитал как элемент домашней экономики. Важность финансовой составляющей варьируется в зависимости от благосостояния семьи, ожидающей ребенка. Государство выступает как один из агентов финансовой поддержки. Символический капитал выражен в ценностных характеристиках образа материнства, символическом признании материнской роли. Зафиксирован недостаток положительного символизма многодетности. Для одних типов капитала возможны разные источники получения, для других источники ограничены. Доступность капитала осознается женщинами как аргумент в пользу сохранения беременности, недоступность или малый объем – как риск, ограничение.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что важен не только объем каждого типа капитала, но и способы консолидации и конвертации капиталов в конкретной семье.

Ключевые слова: родительство, материнство, рождаемость, репродуктивный выбор, капиталы, П. Бурдье.

Введение

Актуальные демографические тенденции России реализуются в контексте второго демографического перехода, проявляющемся в увеличении возраста заключения брака и материнства, увеличении вариативности интервалов между родами, повышении роли рождаемости вне официального брака, увеличении доли людей, никогда не вступавших в зарегистрированный брак и не имевших ни одного ребенка, а также разделении сексуального, матримониального и репродуктивного поведения [1, с. 6].

Снижение рождаемости осознается как проблема как государством, так и исследователями. Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года содержит цель – суммарный коэффициент рождаемости к 2030 году не менее 1.6, к 2036 году – не менее 1.8. В перечне мер, обеспечивающих достижение этой цели, – «разработка и внедрение новых подходов

к консультированию женщин в состоянии репродуктивного выбора, в том числе путем информирования о мерах социальной поддержки, обеспечения межведомственного взаимодействия при предоставлении адресной помощи женщинам с учетом различных жизненных ситуаций»[1].

Социальные факторы микро- и макроуровня формируют контекст, в котором женщина принимает одно из самых значимых решений в жизни. Социальное окружение, экономические условия, культурные и религиозные нормы, поддержка или давление со стороны семьи и общества – всё это может существенно влиять на выбор. *Цель нашего исследования* – оценка вклада социальных факторов (на основе теории капиталов П. Бурдье) в принятие решения о сохранении беременности. *Гипотеза* – наличие капиталов (социального, культурного, экономического, символического) способствует принятию решения о сохранении беременности, дефицит – препятствует.

Обзор научной литературы

Актуальность проблемы низкого уровня рождаемости обусловил интерес исследователей к мотивации деторождения и факторам, влияющим на рождаемость. Проведено много исследований мотивации деторождения и его ценностных аспектов [2; 3; 4]. Результаты исследований показывают, что родительство, деторождение сохраняют важное место в системе ценностей россиян, но среднее число детей в семье неуклонно уменьшается. Экономические и статусные мотивы деторождения, характерные для аграрного общества, теряют актуальность, более значимыми становятся эмоциональные мотивы, самореализация в качестве родителей.

Данные статистики и результаты социологических исследований показывают, что репродуктивные намерения и реальное поведение россиян расходятся, желаемое число детей больше, чем реально планируемое. По данным ВЦИОМ, в идеальных условиях 53% россиян хотели бы иметь трёх и более детей, однако с учётом реальных жизненных обстоятельств большинство респондентов планируют одного (25%) или двух (18%) детей[2]. Это свидетельствует о сохраняющемся разрыве между репродуктивными идеалами и практическими планами, который во многом обусловлен внешними барьерами (финансовыми, бытовыми, социальными). На основе результатов исследований, которые показывают бо́льшую в среднем близость желаемого и ожидаемого числа детей у тех, кто выше оценивает уровень жизни, высоко оцениваются меры демографической политики, направленные на повышение доходов семей, уровня жизни, как способствующие росту рождаемости [5].

Развивающиеся медицинские технологии создают основу для осознанного, целерационального репродуктивного поведения. Беременеть или нет, когда и как планировать беременность, сохранять ли беременность – всё это становится вопросом выбора. Возможности планировать время деторождения, с одной стороны, позволяют выбрать или заблаговременно создать оптимальные условия рождения ребенка, а с другой – зачастую приводят к откладыванию беременности с риском «не уложиться» в репродуктивный возраст. Для изучения этих тенденций используется термин «репродуктивный выбор». Репродуктивный выбор изучают с медицинской точки зрения [6–8], с точки зрения социальных условий и последствий [9; 10], а также в юридическом контексте [11].

Во многих исследованиях, особенно медицинских, репродуктивный выбор рассматривается в узком смысле – выбор между деторождением или абортом в ситуации незапланированной беременности. Н.Е. Русанова, И.Б. Назарова предлагают более широкую трактовку – выбор на разных этапах репродуктивного поведения и в различных ситуациях [10]. Второй, более широкий вариант трактовки представляется нам более продуктивным, однако в настоящем исследовании мы сосредоточим внимание именно на проблеме сохранения беременности, рассматривая его в общем контексте репродуктивного поведения и социально-экономических условий его реализации.

Методология и методы исследования

В январе – марте 2026 г. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского и кризисным центром «Ярослава» было реализовано социологическое исследование «Роль окружения в принятии решения о сохранении беременности». Метод сбора информации – полуформализованное биографическое интервью. В исследовании приняли участие женщины в возрасте от 18 до 45 лет, сохранившие беременность после доабортного консультирования. Для части респонденток это первая беременность, часть уже имеет детей (одного, двух, трех, четырех). Объём выборки составил 10 человек (n=10). Продолжительность интервью составила от 30 минут до 1 часа. Для обработки полученных данных был применен метод контент-

анализа с привлечением специализированного компьютерного пакета «Лекта». Базовый словарь составил 10 743 слова. Объем рабочего словаря – 83 семантические цепочки. В результате был получен 21 фактор. Объясняющая способность модели составила 53%.

В ходе обработки и анализа мы соотнесли теоретические постулаты П. Бурдье и его последователей с выявленными факторами. В этом материале представлен анализ факторов, которые соотносятся с разными типами капитала. Социальный капитал выступает одной из главных форм капитала при принятии решения о сохранении беременности. Этот тип капитала отражен в факторах «агенты поддержки». Эмоциональный капитал как особая форма социального капитала представлен факторами «потребность во внимании и поддержке» и «сформированные опоры в прошлом». Экономический капитал представлен факторами «финансовый вопрос», «источники финансовой помощи», «быт». Фактор «использование различных источников» связан с культурной формой капитала. Символический капитал иллюстрируют факторы «символический смысл материнства» и «символизм многодетности».

Результаты

Социальный капитал в интерпретации П. Бурдье представляет собой сеть связей, которые может мобилизовать данный агент [12]. Фактор «агенты поддержки» сформирован лексемами «слушать, подруга, поддержка, позвонить». Если очертить сеть агентов, к которым обращается женщина в ситуации незапланированной беременности, то среди них будут отец ребенка (муж), мать, сестра, подруги.

Муж (или отец ребенка, если союз не зарегистрирован) – это, как правило, первый человек, которому женщина сообщает о беременности. В этой ситуации очень важны его поддержка и уверенность: *«Моральная поддержка была важна, и я её получила от мужа. Его фраза "мы справимся" работала лучше любого успокоительного»* (Ж, 32, вторая беременность). **Заботливое отношение со стороны мужа занимает особое место. Его внимание сочетает в себе и эмоциональную, и символическую поддержку – подтверждение того, что женщина не одна в своих переживаниях:** *«Мне кажется, без этой поддержки от близких я бы сошла с ума от тревоги. Муж каждый день спрашивал, как я себя чувствую. Да, такая поддержка была, она есть и сейчас. Я чувствовала и чувствую, что я не одна, что меня любят и принимают»* (Ж, 38, четвертая беременность).

Если рассматривать других агентов, то здесь можно выделить два измерения: наличие/отсутствие агента и объем оказываемой поддержки. В некоторых жизненных ситуациях женщина лишена такой формы социального капитала, как контакт с матерью: *«Мама умерла полгода назад. Поэтому я понимала, что эта беременность будет сложнее морально. Я не могу ей позвонить, поделиться новостью… В предыдущие беременности она всегда была на связи и помогала мне»* (Ж, 33, четвертая беременность). В случае утраты материнскую фигуру может заменить сестра: *«Мама умерла, внутри была пустота. Но моя сестра спасла меня. Звонила каждый день, спрашивала, как я, приезжала, помогала с детьми, готовила еду»* (Ж, 33, четвертая беременность). Сестра может выступать не только заместительным, но и самостоятельным агентом поддержки: *«Я сразу позвонила сестре, потому что она всегда меня понимает. Я знала, что она меня поддержит. Мы с ней очень близки… Она единственная, кто может просто выслушать и поддержать»* (Ж, 33, четвертая беременность).

Социальный капитал связан не только с масштабами агентской сети, но и с объемом поддержки, который ожидает беременная женщина. М. Зембилас в качестве особой формы социального капитала рассматривает *эмоциональный капитал*, который может быть выражен в поддержке и эмпатии [13]. Информантки говорили об эмоциональном капитале в двух ипостасях. Во-первых, текущая потребность во внимании и поддержке (лексемы «чувствовала, внимание»), во-вторых, сформированные опоры в прошлом (лексемы «человек, доверие, проблемы, любовь, уверенность, забота»).

На этапе принятия решения о сохранении беременности женщина может получить от окружения достаточный или недостаточный объем эмоционального капитала. Один тип ситуации, когда женщина получает достаточную поддержку: *«Мама пообещала помогать и быть рядом. Потом перезванивала, спрашивала, как я себя чувствую, говорила, чтобы я не переживала»* (Ж, 38, четвертая беременность). Другая ситуация, когда женщина ожидает большего, но не получает достаточной поддержки. В этом контексте достаточно высоки ожидания от мамы, а ее холодность воспринимается как отвержение: *«Мама отреагировала безразлично. Когда я ей сказала, она просто промолчала. Ду-*

мала, может, хоть она поддержит, обнадёжит. Сказала ей, что беременна. Она молчала» (Ж, 31, вторая беременность). Как подчеркивает М. Зембилас, практики в той или ситуации строятся с учетом ожиданий окружения [13]. Если окружение воспринимается как дружелюбное, то это может стать одним из аргументов в сохранении беременности, если же женщина ощущает себя покинутой, это будет умножать сомнения: *«Мама отнеслась очень буднично. Без особого вдохновения, без поддержки. Я ждала совсем другого. Мне было обидно, я чувствовала, что осталась одна со своими сомнениями»* (Ж, 34, вторая беременность).

Подруги чаще упоминаются в контексте регулярной связи и видеозвонков: *«Когда я чувствовала, что силы на исходе, я звонила подругам. Они находили слова, чтобы успокоить»* (Ж, 31, вторая беременность); *«Подруги присылали смешные картинки про беременность и даже спорили между собой, кто должен стать крёстной. Я не ощущала дефицита внимания или помощи. Это было приятно, такого ресурса хватало с лихвой»* (Ж, 24, вторая беременность).

В контексте эмоциональной поддержки упоминаются сформированные в прошлом опоры: *«Я выросла в атмосфере, где меня любили и заботились, где мои родители ждали меня, где я была желанной. Поэтому для меня материнство не было чем-то пугающим или чуждым»* (Ж, 32, вторая беременность). Доверие к миру и к себе вырастает из ощущения собственной желанности. Недостаток этого типа капитала вносит вклад в самоощущения при принятии решения о незапланированной беременности: *«Оба родителя почти не уделяли мне времени. По моему мнению, мною никто не занимался. Меня никто не спрашивал обычные вещи, которые спрашивают у детей. Например, как дела, как в школе, не болит ли что и так далее. Я была сама по себе»* (Ж, 39, пятая беременность).

В ситуации незапланированной беременности большое значение имеет использование различных источников информации. Соответствующий фактор образован лексемами «интернет, врач, изучать, вопрос». В терминологии П. Бурдье это инкорпорированный (воплощенный) культурный капитал. Другие исследователи, продолжающие методологические традиции П. Бурдье, называют этот тип капитала коммуникативным [14]. Коммуникативный капитал приобретается в ходе различных коммуникаций и выражен в наличии знаний о том, какие источники информации можно привлечь для решения проблемной ситуации.

Одним из основных источников информации о здоровье в период беременности выступает врач, то есть носитель экспертного знания: *«Я сразу обратилась к врачу. Мне нужно было получить надежную информацию. Я не могла долго оттягивать. Я позвонила в клинику и записалась к гинекологу на следующий день. Мне нужно было услышать ответы на мои вопросы»* (Ж, 39, пятая беременность). Как замечает М. Фуко, функция врача – «герменевтическая» [15], поскольку доктор не просто фиксирует факты, он истолковывает их. Его суждение для женщины часто становится решающим, особенно в ситуации неожиданной и нежелательной беременности, когда внутренняя тревога и неуверенность очень высоки.

Помимо общения с врачами, женщины активно ищут информацию в сети интернет. Такая форма культурного капитала отражает освоение цифровой культуры [16; 17]. Тематика поисков варьируется, женщины хотят получить информацию об особенностях второй и последующих беременностях, почитать об опыте других женщин на специализированных форумах, узнать информацию о выплатах и пособиях: *«Сразу начала искать информацию в интернете, читала советы врачей. Мне нужны были факты и инструкции. Я сидела с телефоном и читала статьи про вторые беременности, про риски, про то, как справляться с токсикозом, когда дома уже есть ребенок»* (Ж, 31, вторая беременность).

Существует и противоположная стратегия – намеренный отказ от интернета и внешних советов, то есть отказ от использования культурного капитала. Некоторые женщины сознательно избегают информационного шума в первые дни после известия о беременности, считая, что чужие мнения и непроверенные данные только усилят тревогу: *«Первые пару дней я ходила сама не своя. Я специально не брала телефон, не лезла в интернет и не звонила подругам, потому что боялась. Не нужны были чужие непрошеные советы. Я хотела довериться себе. Потому что мне вынашивать эту беременность, а не другим»* (Ж, 34, вторая беременность).

Ж.В. Чернова и Л.Л. Шпаковская описывают процесс профессионализации родительства [18], выражающийся в увеличении требований к исполнению родительской роли, усложнении правил и стандартов родительской заботы. И.С. Клецина, Е.В. Иоффе отмечают, что идеализация материнской роли в совокупности с ростом сложности ролевых предписаний приводят многих женщин к страху материнства [19], опасениям не справиться и быть «плохой матерью».

Описанное противоречие выражается в этих противоположных стратегиях.

Отметим закономерность, выявленную Т.Л. Журавлевой, Я.А. Гавриловой на основе анализа данных РМЭЗ НИУ ВШЭ: наличие высшего образования у женщины повышает вероятность рождения ребенка. Исследователи призывают с осторожностью интерпретировать данную статистическую связь с учетом того, что образование также повышает возраст родов, особенно женщин более старших возрастов [20]. Можно предположить положительное влияние культурного капитала на репродуктивные намерения.

П. Бурдье подчеркивает, что социальная и культурная формы капитала неотделимы от капитала *экономического,* соответствующий фактор образован лексемами «повлияло, работа, деньги, аргумент». Восприятие экономической стороны воспитания еще одного ребенка перекликается с текущим финансовым состоянием. В ситуации финансовых сложностей и нестабильности экономический капитал выступает как один из ключевых при принятии решения о сохранении беременности (особенно в ситуации многодетности): *«Конечно, мы не могли не думать о деньгах. Я не работаю, муж один тянет всю семью. Лишних денег нет, а тут ещё новый член семьи. Поэтому да, очень повлияло и было весомым аргументом»* (Ж, 38, четвертая беременность).

Звучало также стремление рационализировать и распланировать возможные расходы: *«Мы расписали всё на листочке: сколько уходит в месяц сейчас, сколько прибавится с новым ребёнком. Памперсы, смеси, одежда, обувь, потом школа, кружки и секции. Деньги не были единственной причиной, но они были очень весомым аргументом»* (Ж, 39, пятая беременность). И даже когда решение уже принято, финансовая тревога остаётся: *«Я думала о деньгах. Я работаю воспитателем в садике, зарплата небольшая. Трое детей – это постоянные траты. А тут скоро четвёртый. И всё, что нужно для родов и младенца, стоит сейчас больших денег»* (Ж, 33, четвертая беременность).

Однако финансовый фактор действует неодинаково: для женщин с ограниченными доходами он выступает критическим аргументом, тогда как при устойчивом материальном положении его влияние минимально: *«Мы с мужем оба работаем, доход у нас стабильный, на всё хватает, не бедствуем. Квартира своя, машина есть. Конечно, второй ребёнок – это дополнительные траты, но мы понимали, что не обеднеем и с голоду не умрём. Поэтому финансы никак не повлияли на мои размышления. Это не было аргументом ни "за", ни "против"»* (Ж, 34, вторая беременность).

Финансовая помощь со стороны государства выступает как один из способов регулирования рождаемости. Российские исследователи отмечают позитивное влияние государственных программ по стимулированию рождаемости, в частности материнского капитала [21]. Ф. Слонимчик, А. Юрко на основе анализа данных приходят к выводу, что введенная программа увеличила рождаемость в среднем на 0.15 ребенка на женщину, при этом наибольший эффект программы состоял в сдвиге календаря рождений, нежели в увеличении суммарного коэффициента рождаемости [22, 23]. Другие авторы оценивают вклад материнского капитала в повышение рождаемости скромнее, но также признают его положительное влияние [1].

Фактор, характеризующий источники финансовой помощи, образован лексемами «муж, родители, помощь, доход, государство». Многие респондентки говорили о том, что в обеспечении семьи рассчитывают главным образом на мужа: *«В первую очередь я рассчитывала на поддержку мужа. Несмотря на некоторые выплаты от государства, муж является главным добытчиком в семье, и полагаться я могу только на него. Работает он много, иногда сутками, чтобы мы ни в чём не нуждались»* (Ж, 39, пятая беременность). В некоторых семьях родители воспринимаются как прочная опора: *«Я знала, что даже в трудной ситуации мои родители и родители мужа помогли бы нам»* (Ж, 24, вторая беременность). Но в то же время некоторые респондентки признаются, что не хотели бы «садиться на шею» родителям.

Государственная поддержка (выплаты, пособия, материнский капитал, льготная ипотека) играет значительную роль, особенно для семей с низкими доходами. Женщины активно изучают доступные меры помощи и встраивают их в свои финансовые планы: *«Мы полезли в интернет изучать, какие выплаты положены, как оформить материнский капитал, какие выплаты на второго есть сейчас. Это стало для нас приятным дополнением и некоторой подушкой безопасности»* (Ж, 32, вторая беременность).

Государство воспринимается и как источник текущей помощи, и как инструмент долгосрочного планирования, например для решения жилищного вопроса: *«Я надеюсь, что сбудется наша мечта по поводу своего жилья, так как мы сейчас живём на съёмной квартире. Государство в этом плане поддерживает и льготной ипотекой, и материнским капиталом»* (Ж, 33, третья беременность).

Другая респондентка рассуждает о долгосрочном использовании средств: *«Думаю, что эти деньги будут полезны, например, для оплаты высшего образования для ребёнка»* (Ж, 24, вторая беременность). Однако не все женщины одинаково рассчитывают на государство. Некоторые воспринимают выплаты лишь как незначительное дополнение: *«На помощь от государства мы особо не рассчитывали. Пособия, конечно, оформлю, но это скорее дополнение, а не серьёзная поддержка»* (Ж, 34, вторая беременность).

Еще одной стороной экономического капитала можно считать капитал бытовой (фактор образован лексемами «быт, усталость, отец»). Зарубежные и отечественные исследователи рассматривают домашний труд как часть экономики [24; 25]. Они исходят из того, что в производственной и домашней экономике занято взрослое население страны, время мужчин и женщин распределяется между оплачиваемой работой, бытом и воспитанием детей.

Респондентки говорят о важности помощи в бытовых делах, поскольку во время беременности становится сложнее вести быт: *«Это было очень важно. Я чувствовала и моральную поддержку, и помощь в быту. Могу сказать, что у меня этот ресурс был в достатке. Не было ощущения, что чего-то не хватает. Каждый вечер чувствовалась забота: освобождение от домашних дел, возможность отдохнуть»* (Ж, 29, четвёртая беременность). В то же время отсутствие поддержки усугубляет трудности: *«Поддержка, конечно, важна, но в достатке её не было и нет, потому что мы живём далеко от близких родственников, мы, по сути, здесь одни. Это самое трудное. Муж постоянно на работе, я в основном с детьми одна, и физическая поддержка мне бы очень-очень помогла»* (Ж, 33, третья беременность). В контексте бытовой помощи упоминаются не только родственники, но и подруги: *«Подруга, которая живет ближе всех, забирала моего старшего погулять»* (Ж, 31, вторая беременность).

В современных брачных и семейных отношениях исследователи фиксируют смешанную модель гендерных взаимодействий, когда акторы придерживаются и традиционалистских, и эгалитарных установок [26]. В ситуации беременности партнерство может стать значимым символом и ресурсом для принятия решения о появлении ребенка. Партнерские отношения в семье (как в родительской, так и в нынешней) можно считать символической формой капитала. Отсутствие четкого разграничения обязанностей на мужские и женские сглаживает чувство изолированности, которое неминуемо приходит в период декретного отпуска: *«Я выросла в атмосфере, где не было разделения на "женские" и "мужские" дела. Когда я выходила замуж, я искала такого же партнёра. Важно быть не одной со всеми заботами. Когда встал вопрос о четвёртом ребёнке, я знала, что не буду одна, муж всегда поможет. Это придавало уверенности»* (Ж, 29, четвёртая беременность). Те женщины, у которых перед глазами был образец партнёрской семьи, описывают его с теплотой и видят в нём источник уверенности: *«У меня перед глазами был пример здоровых отношений между мужчиной и женщиной. Папа мог запросто остаться со мной на целый день, пока мама уходила по делам, и я никогда не чувствовала себя обделённой. Он играл со мной, гулял, делал уроки. Мама никогда не была единственной, кто занимался бытом и детьми. Если она уставала или плохо себя чувствовала, она говорила об этом прямо, и они с папой договаривались»* (Ж, 32, вторая беременность).

Еще один аспект капитала связан с символическим смыслом материнства (фактор образован лексемами «женщина, семья, мама, бабушка, дети, говорить»). Согласно концепции Нэнси Чодороу, материнство является социальной ролью, которая воспроизводится через гендерную социализацию в семье. Идентифицируя себя с матерью, девочки усваивают материнство как естественную и обязательную жизненную траекторию, что впоследствии формирует у них внутреннее ощущение долга родить детей [27].

Этот механизм хорошо прослеживается в интервью: для многих женщин материнство выступало естественной и ожидаемой перспективой. Одна из респонденток (Ж, 24, вторая беременность) описывает это так: *«В моей семье, как и, наверное, во многих других, существовало вполне ощутимое ожидание, что женщина естественным образом должна и в итоге придет к материнству. Это не было жестким требованием, а скорее частью обыденной жизни всех женщин»*. В некоторых семьях давление было более явным, женщинам прямо говорили, что они должны родить: *«Да, я чувствовала что-то такое, начиная с подросткового возраста. Мне часто говорили, что раз я девочка, то обязательно должна выйти замуж и родить ребёнка. Это было фоново, но очень надоедало. Я выросла с ощущением того, что да, я обязана родить. И, наверное, я не могу сказать, что все эти беременности были только моим выбором. Где-то, может быть, было и давление со стороны»* (Ж, 39, пятая беременность).

Таблица

Типы капиталов и их источники в ситуации репродуктивного выбора

Агент / источник поддержки	**Социальный капитал**	**Экономический капитал**		**Символический капитал**	**Культурный капитал**
		Финансы	Быт		
Муж (отец ребенка)	V	V	V	V	
Родители	V	V	V		
Сестра	V				
Подруги	V		V		
Государство		V			V
Врач					V
Интернет					V

Одной из символических сторон материнства становится осознание зарождения новой жизни (лексемы «малыш, радость, осуждать»). Женщина может пережить момент, когда страх перед будущим отступает перед осознанием, что речь идёт о жизни конкретного ребёнка: *«Я както вообще о себе не думала, мне было не до себя. На тот момент я думала только о том, что этот маленький человечек, что это мой ребёнок, которого я могу убить. Эта мысль была самой страшной»* (Ж, 33, третья беременность). Радость от осознания новой жизни оказывается опорой, которая удерживает женщину от отчаяния даже в одиночестве и без внешней поддержки: *«Я осталась одна с тремя детьми и беременная. Но, наверное, где-то внутри я понимала, что внутри меня мой малыш, новая маленькая жизнь»* (Ж, 33, четвёртая беременность).

Особо можно выделить ситуации, когда женщина узнает о повторной беременности и появление ребенка делает семью многодетной (лексемы «второй, новость, узнать, важно»). В этом случае существует недостаток положительного символизма многодетности. Респондентки, сохранившие четвертую и пятую беременность, говорили о страхах: *«Я боялась осуждения. Я представляла косые взгляды и осуждающие вопросы. Мне вообще не хотелось слышать такое»* (Ж, 39, пятая беременность); *«Я боялась осуждения, вопроса "зачем вам ещё один"»* (Ж, 38, четвертая беременность).

Г.А. Банных, Е.В. Зайцева, С.Н. Костина, А.И. Кузьмин, исследуя образы многодетных матерей в СМИ и социальных сетях, обнаруживают противоречивые образы – идеализированные образы женщин, сосредоточенных исключительно на материнской роли, и негативные образы асоциальных многодетных матерей [28]. И.В. Лескова, Д.Г. Володина также обнаруживают противоречивость образов многодетных матерей [29].

Заключение

Наличие/отсутствие или достаточность/нехватка того или иного типа капитала может стать фактором сохранения или прерывания беременности. Сочетание различных капиталов семьи не только вносит вклад в принятие решения о сохранении беременности, но и способствует формированию семейной солидарности: *«Не было одиночества и чувства, что меня бросили. Наоборот – все как-то сплотились вокруг. И это придавало сил»* (Ж, 29, четвертая беременность). По мнению П. Бурдье, обмен услугами, помощью, визитами, вниманием ложится в основу особого семейного чувства, которое превращает семью в структуру, построенную на принципах эмоциональной сплоченности [30]. Результаты исследования показывают, что семья (как супружеская, так и расширенная) играет решающую роль в формировании уникального сочетания капиталов. Именно члены семьи являются основными агентами поддержки, формирующими социальный капитал матери (см. табл.). Муж (отец ребенка) большинством женщин рассматривается как ключевой агент поддержки и источник почти всех типов капитала (за исключением культурного).

Можно заметить, что социальный и экономический капиталы женщины получают из разных источников, которые могут обеспечивать возможность выбора, а могут дополнять друг друга (например, для женщин с невысоким доходом особенно значимы государственные выплаты).

В поисках символического капитала женщины опираются только на мужа (отца ребенка), реже – на близких родственников. Это можно рассматривать как свидетельство дефицита капитала, но, возможно, источники символического капитала в данном контексте определить сложно, так как он затрагивает ценностные аспекты материнской роли и не связан с конкретными субъектами.

Следующим этапом исследования может стать построение регрессионной или факторной модели для анализа вклада каждого типа капитала в решение о сохранении беременности. Перспективным направлением также представляется анализ репродуктивного выбора на основе теории риска (выбор в ситуации неопределенности, стратегии совладания с рисками).

Статья подготовлена в рамках государственного задания по проекту FSWR-2026-0014 «Социально-медицинские и поведенческие факторы демографического развития России».

Примечания

1. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Сайт Правительства РФ. URL: http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7pmN4.pdf (дата обращения: 22.05.2026).

2. Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? Аналитический обзор. ВЦИОМ Новости. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pishem-tri-v-ume. (дата обращения: 29.05.2026).

Список литературы

1. Захаров С.В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 1. С. 4–43. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17259.

2. Балабанов С.С., Наук Б., Саралиева З.Х. Типология мотивов иметь или не иметь детей // Социологические исследования. 2009. № 3 (299). С. 129–135.

3. Назарова И.Б., Зеленская М.П. Репродуктивные установки студенческой молодежи: ценностный аспект (обзор эмпирических исследований) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4. С. 555–567. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567.

4. Безрукова О.Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. № 3 (383). С. 118–127.

5. Архангельский В.Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2021. № S. С. 3–24. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.1.

6. Ратманов М.А., Бенян А.С., Тезиков Ю.В. [и др.] Проблема репродуктивного выбора: стратегические направления в условиях демографической ситуации и системный подход к профилактике медицинских абортов // Вопросы гинекологии, акушерства и перинатологии. 2020. Т. 19. № 3. С. 124–132. DOI: 10.20953/1726-1678-2020-3-124-132.

7. Ткаченко Л.В., Гриценко И.А., Тихаева К.Ю. [и др.] Аборт: репродуктивный выбор или потеря репродукции? // Медицинский алфавит. 2021. № 8. С. 44–48. DOI: 10.33667/2078-5631-2021-8-44-48.

8. Захарова Е.С., Германович И.А., Руденко Н.В., Калантай А.В. Искусственное прерывание беременности: факторы, влияющие на репродуктивный выбор // Научный вестник здравоохранения Кубани. 2024. № 1(85). С. 1–5.

9. Русанова Н.Е., Ерофеева Л.В. Репродуктивное здоровье и репродуктивный выбор российской молодежи // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5. № 2. С. 6–21. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.1.

10. Русанова Н.Е., Назарова И.Б. Эмоциональные проблемы на этапах репродуктивного выбора: от планирования до послеродовой депрессии // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 1. С. 40–50. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-40-50.

11. Усачева Е.А. Репродуктивный выбор при естественной и вспомогательной репродукции // Российский юридический журнал. 2021. № 3 (138). С. 139–149. DOI: 10.34076/20713797_2021_139.

12. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

13. Zembylas M. Emotional capital and education: Theoretical insights from Bourdieu // British Journal of Educational Studies. 2007. Vol. 55. No. 4. P. 443–463. DOI: 10.1111/j.1467-8527.2007.00390.x.

14. Barone C. Cultural capital, ambition and the explanation of inequalities in learning outcomes: A comparative analysis // Sociology. 2006. № 40 (6). P. 1039–1058. DOI: 10.1177/0038038506069843.

15. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М.: Касталь: Магистериум, 1996. 448 с.

16. Елькина Е.Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. № 2. С. 195–203. DOI: 10.17586/2587-8557-2018-2-195-203.

17. Набок О.А. Цифровая культура. Механизмы формирования цифровой культуры // Digital. 2021. № 2. С. 6.

18. Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 521–534.

19. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72–90. DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6.

20. Журавлева Т.Л., Гаврилова Я.А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 1. С. 145–187.

21. Гурко Т.А., Орлова Н.А. Влияние федеральной программы материнский капитал на планы супругов иметь второго ребенка // Актуальные проблемы родительства в России. М., 2013. С. 103–118.

22. Slonimczyk F., Yurko A. Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia // Labour Economics. 2014. Vol. 30. P. 265–281. DOI: 10.1016/j.labeco.2014.03.004.

23. Слонимчик Ф., Юрко А.В. Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 30–68.

24. Хокшилд А., Мачун Э. Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020. 368 с.

25. Хоткина З.А. Видимые последствия невидимой домашней экономики // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: Материалы XVI Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 05–08 октября 2023 года. Кострома: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2023. С. 207–209.

26. Клецина И.С., Векилова С.А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 78–91. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.7.

27. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 496 с.

28. Банных Г.А., Зайцева Е.В., Костина С.Н., Кузьмин А.И. Образ многодетной матери в пространстве российского Интернета // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 42–52.

29. Лескова И.В., Володина Д.Г. Образ многодетной матери в социальных сетях // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 2 (139). С. 155–164. DOI: 10.17922/2071-36652021-20-2-155-164.

30. Bourdieu P. On the Family as a Realized Category // Theory Culture Society. 1996. **13 (3)**. P. 19–26. DOI: 10.1177/026327696013003002.

CAPITAL AND REPRODUCTIVE CHOICE: MAKING A DECISION TO MAINTAIN PREGNANCY

E.E. Kutyavina, E.A. Shinkarenko, A.D. Golubeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article presents the results of a qualitative study of the factors of reproductive choice of women who have decided to stay pregnant. On the basis of P. Bourdieu's theory of capital, the key characteristics of a woman's social environment are determined. P. Bourdieu distinguished cultural, social, economic and symbolic forms of capital. As a result of content analysis using a specialized computer package of transcripts of semi-formalized biographical interviews of women aged 18 to 45 years who retained pregnancy after pre-abortion counseling, 21 factors were obtained. The factors that correlate with different types of capital in P. Bourdieu's theory have been identified. Social capital includes agents who can provide support (husband, parents, girlfriends). The amount of capital depends on the presence/absence and number of support agents. Emotional capital as a special type of social capital includes the amount of support from the main agents. Social capital is considered by the authors as a key type of capital when making a decision on maintaining pregnancy. Cultural capital – information in offline and online sources about health, pregnancy, childbirth, and child care. Economic capital includes two subtypes: finance itself (changes in the structure of the family budget, payments and benefits) and household capital as an element of the home economy. The importance of the financial component varies depending on the welfare of the family expecting a child. The state acts as one of the agents of financial support. Symbolic capital is expressed in the value characteristics of the image of motherhood, the symbolic recognition of the maternal role. There is a lack of positive symbolism of having many children. For some types of capital, different sources of income are possible, while for others the sources are limited. The availability of capital is perceived by women as an argument in favor of maintaining pregnancy, while unavailability or low volume is perceived as a risk or limitation. The results of the study allow us to conclude that not only the volume of each type of capital is important, but also the ways of consolidating and converting capital in a particular family.

Keywords: parenthood, motherhood, fertility, reproductive choice, capital, P. Bourdieu.

УДК 316.758
DOI 10.52452/18115942_2026_3_204

НАРКОПОТРЕБЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

© 2026 г. ***Н.А. Вишнякова, О.Н. Курмышкина, Т.Г. Маторкина***

Вишнякова Наталья Анатольевна, научный сотрудник отдела – социопарка «Регионология»
Научного центра социально-экономического мониторинга, Саранск
vishnyakova33390@mail.ru
Курмышкина Оксана Николаевна, старший научный сотрудник отдела – социопарка «Регионология»
Научного центра социально-экономического мониторинга, Саранск
mad-oksana@yandex.ru
Маторкина Татьяна Геннадьевна, научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов
Научного центра социально-экономического мониторинга;
аспирант кафедры социологии и социальной работы
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, Саранск
matorkinat@bk.ru

Статья поступила в редакцию 02.12.2025
Статья принята к публикации 21.07.2026

Наркопотребление остается актуальной проблемой современного общества, оказывая негативное влияние на здоровье населения и социально-экономическую стабильность. Цель статьи – выявить факторы, способствующие потреблению наркотиков, и оценить наркоситуацию в Республике Мордовия. В научных публикациях выделяют следующие ключевые факторы и аспекты наркотизации населения: демографический, социально-экономические, фактор позитивного имиджа наркопотребления, семейный и межличностный, психологические и личностные особенности, социальный фактор и окружение. На основе статистической информации и данных социологического исследования (N=1000) проанализирована ситуация в Республике Мордовия: масштабы проблемы и особенности ее проявления в регионе. Полученные результаты свидетельствуют, что уровень наркотизации можно квалифицировать как относительно низкий, а ситуацию – стабильной, но требующей внимания к динамике и структуре наркопотребления. Уровень немедицинского потребления наркотиков составляет 0.2% от общей численности населения. Большинство жителей региона никогда не получали предложений попробовать наркотики и заявили, что отказались бы от такого предложения. Анализ факторов риска показывает, что раннее начало употребления наркотических веществ, низкий уровень образования и дохода, семейные дисфункции, психологические проблемы и влияние окружения способствуют развитию наркозависимости в целом. Несмотря на относительно низкий текущий уровень наркотизации в обществе, систематический мониторинг и профилактические меры остаются важными для предотвращения эскалации наркоситуации и обеспечения своевременного реагирования на возможные проблемы.

Ключевые слова: наркоситуация, наркомания, наркопотребление, факторы наркотизации, социальная среда, уровень наркопотребления, структура наркопотребления, масштабы потребления наркотиков, уровень наркотизации.

Введение

Исследование наркопотребления в регионах, изучение структуры потребителей наркотиков актуализируется негативным воздействием на здоровье населения, социальную и экономическую стабильность общества и является важной областью в современной науке. Практическая значимость темы обусловлена необходимостью понимания причин, механизмов и последствий наркозависимости для разработки эффективных стратегий профилактики, терапии и реабилитации. Анализ демографических, социально-экономических, психологических и межличностных характеристик позволяет выявить факторы риска и особенности группы наркопотребителей.

В научных публикациях, рассматривающих демографические, социально-экономические, психологические и межличностные характеристики, проводится всесторонний анализ, позволяющий идентифицировать ключевые факторы риска и специфические особенности исследуемой группы. Большинство исследований посвящены рассмотрению следующих факторов и аспектов наркотизации населения.

Демографические особенности. Раннее начало употребления наркотиков, особенно в подростковом и юношеском возрасте, связано с формированием стойкой зависимости, проблемами в обучении, социальной дезадаптацией и повышенным риском совершения преступлений [1]. Такие потребители часто сталкиваются с трудностями в адаптации и имеют склонность к асоциальному поведению. Таким образом, демографическая особенность выражается в возрасте приобщения к наркотикам.

Социально-экономические факторы. Анализ данных социологических исследований и официальной статистики показывает, что потребители наркотиков зачастую имеют низкий уровень образования и дохода. Безработица, низкий уровень жизни и социальная изоляция выступают факторами риска, способствуют формированию уязвимости и склонности к употреблению психоактивных веществ. Современные социально-экономические вызовы, «связанные с ростом цен, безработицей, низким уровнем зарплат, выступают триггерами распространения эскапистских форм поведения», в том числе наркомании [2]. Социальные проблемы: потеря работы, снижение уровня доходов – создают благоприятную почву для формирования наркотической зависимости, особенно среди уязвимых групп населения [3].

Позитивный имидж наркопотребления. Структура наркопотребления во многом определяется «позитивным имиджем» наркотиков, который формируется через информационные ресурсы, мифы о безвредности и критическое отношение к антинаркотической рекламе [4]. В условиях доступности информации в интернете и распространения мифов молодежь воспринимает наркотики как способ легко и быстро получить удовольствие. Для борьбы с этим необходимо менять отношение молодежи к эпизодическому употреблению.

Особенности отношения к жизни и досугу, в частности в подростковой и молодежной среде, оказывают значительное влияние на дестигматизацию наркотиков: отсутствие негативного образа наркопотребителя. Молодежь, склонная к употреблению наркотиков, характеризуется желанием жить легко, наслаждаться и искать новые ощущения. Интернет способствует распространению информации о наркотиках и формированию соответствующего образа жизни [5]. Так, «в современных российских условиях употребление наркотиков включено в общий социальный контекст человеческой жизни. «Новые» наркотики актуализируют тенденцию к любопытству и рискованному поведению», при этом отсутствует научно обоснованная информация о вреде подобных наркотических веществ [6].

Семейные факторы. Семейные дисфункции – одна из наиболее распространенных причин развития наркозависимости. Это проявляется в отсутствии родительского контроля, жестоком обращении, алкоголизме или наркомании родителей, разводах и частых конфликтах [7; 8]. Трудности в формировании здоровых семейных отношений, низкая самооценка, отсутствие поддержки в семье способствуют началу употребления наркотиков.

Психологические и личностные особенности. Многие потребители наркотиков демонстрируют признаки депрессии, тревожных расстройств и низкой самооценки. Исследования показывают, что психологические проблемы часто предшествуют началу употребления и способствуют развитию зависимости. Потребление алкоголя и наркотиков связано с экзистенциальными проблемами человека, его неспособностью реализовать жизненную миссию и услышать голос совести, что препятствует личностным изменениям [9]. Важны и склонность к риску, импульсивность и потребность в новых ощущениях, а также желание избавиться от боли – как физической, так и эмоциональной. Личностные характеристики создают предпосылки для формирования наркозависимости [10].

Значимыми мотивами употребления наркотических средств и психотропных веществ вне медицинских показаний является дефицит уверенности в собственных силах и возможностях, а также ослабление духовно-нравственных основ личности [11].

Социальные факторы и окружение. Социальная дезадаптация, отчуждение от традиционных институтов (семьи, школы, работы), а также влияние окружения и сверстников играют ключевую роль. Исследования показывают, что потребители наркотиков часто находятся в среде, где употребление считается нормой или социально приемлемым. Влияние референтных групп, доступность наркотиков и любопытство – основные причины первого употребления [12]. «Социальное давление… может провоцировать употребление наркотиков как способ «вписаться» в определенную группу» [13].

Отчуждение от общества – следствие употребления наркотиков и фактор, закрепляющий практики потребления. Это приводит к формированию собственной, зачастую асоциальной, субкультуры. Употребление наркотиков часто

связано с преступной деятельностью как для получения средств на наркотики, так и в результате воздействия психоактивных веществ. Это приводит к криминализации и маргинализации данной группы населения.

Важность социального окружения подчеркивается в работе О.Н. Курмышкиной, В.Н. Мотькина [14]. На основе данных социологического исследования выделяются два основных кластера респондентов – тех, кто не сталкивался с предложением попробовать наркотики, и тех, кто имел подобный опыт, знаком с наркопотребителями и пользовался интернетом для получения информации о наркотиках. Авторы подчеркивают, что именно социальное окружение, влияние интернета и доступность наркотиков являются ключевыми факторами, способствующими приобщению к употреблению наркотических веществ [14].

Региональные исследования также вносят значимый вклад в понимание специфики проблемы. Исследования показывают, что структура наркопотребления и социальный портрет потребителей несколько различаются в зависимости от региона. Кроме того, сама проблема наркомании анализируется исследователями с разных позиций. Так, например, в Республике Северная Осетия – Алания наркомания рассматривается как катализатор других социальных и экономических проблем, таких как преступность, снижение трудоспособности и ухудшение качества жизни населения [15].

Региональные исследования, например в Мордовии, подтверждают, что население осознает распространенность наркомании и воспринимает ее как важную проблему, однако субъективные оценки показывают относительно низкий уровень вовлеченности в наркотические практики [16].

Мониторинг наркоситуации в Псковской области показал, что последние восемь лет средства массовой информации играют ключевую роль в формировании общественного мнения о проблеме наркомании. Несмотря на проведение профилактических мероприятий – встречи, беседы, лекции и социальная реклама, значительная часть населения по-прежнему имеет слабое представление или вообще не осведомлена о законодательных санкциях за употребление, хранение и распространение наркотических веществ [17]. Повышение информированности населения о последствиях потребления наркотиков является одним из сдерживающих факторов наркопотребления.

В исследованиях наркоситуации в Красноярском крае подчеркивается важность антинаркотической работы как неотъемлемого элемента системы общественной безопасности, обеспечивающей устойчивость и стабильность современного социума [11]. Проблема наркомании связана не только с низким уровнем осведомленности населения о вреде наркотиков, но и с доступностью наркотических средств и психотропных веществ на черном рынке. Однако, при наличии ряда проблем, анализ результатов позволяет говорить об относительной стабильности состояния проблемы для региона.

В целом региональные особенности наркопотребления обусловлены сочетанием социально-экономических условий, уровня информированности населения, доступности наркотиков и культурными факторами. Эти данные позволяют разрабатывать более целенаправленные профилактические меры, учитывать региональные различия в стратегии борьбы с наркоманией и повышать эффективность реабилитационных программ.

Методы

В основе анализа наркоситуации в регионе лежат статистические материалы и информационно-аналитические сведения министерств и ведомств Республики Мордовия, а также данные социологического исследования «Наркоситуация в Республике Мордовия в 2024 году», проведенного ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга». Общий объем выборочной совокупности составил 1 000 респондентов в возрасте от 14 до 60 лет, признаками репрезентативности выступили пол, возраст, место проживания (город/село) респондента, статистическая погрешность не превышает 3.1%.

Результаты и обсуждение

В Республике Мордовия уровень немедицинского потребления наркотиков остается стабильным и составляет 0.2% от общей численности населения, что ниже среднероссийского показателя (0.3% в 2023 г.). В 2024 г. в наркологических учреждениях региона зарегистрировано 1 643 человека – потребителя наркотических средств. Среди них преобладают мужчины. Женщин зарегистрировано 95 (5.8% от общего числа потребителей), а подростков – 12 (0.7%).

Среди наркопотребителей в 2024 г. в Республике Мордовия зарегистрировано 716 человек с

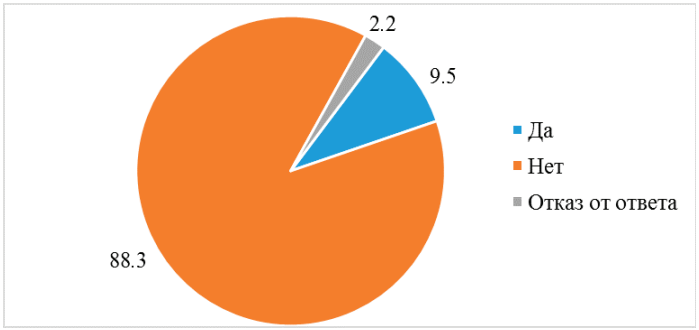

Рис. Распределение ответов на вопрос о предложении попробовать наркотики, %

диагнозом «синдром зависимости от наркотических средств» (наркомания). Существенные различия в количестве зарегистрированных больных наркоманией между муниципальными районами и столицей республики – городским округом Саранск – сохраняются. Наибольшее число больных наркоманией в 2024 г. зафиксировано именно в ГО Саранск – 554 человека, что составляет 77.4% от общего их числа.

По данным Министерства здравоохранения Республики Мордовия, в 2024 г. зарегистрировано 927 человек с диагнозом «пагубное употребление наркотиков». Показатель общей заболеваемости пагубным употреблением наркотиков составил 121 случай на 100 тысяч человек населения, что превышает аналогичный показатель по России (в 2023 г. – 108.9). В структуре потребления наркотических средств больными наркоманией преобладает сочетанное потребление наркотиков (полинаркомания) – 49.9%.

По сведениям Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Мордовия, в 2024 г. в регионе зарегистрировано 5 случаев острого отравления наркотиками и психодислептиками, из которых 1 случай произошел среди несовершеннолетних. Количество смертельных отравлений от действия наркотических средств составило 1 случай. Показатель смертности от наркотических средств в расчете на 100 тыс. чел. населения в 2024 г. составил 0.13.

По информации УФСИН России по Республике Мордовия, в учреждениях уголовно-исполнительной системы находятся 435 человек, употребляющих наркотические средства. Анализ гендерного распределения среди данной категории осужденных показал, что доля женщин составляет 9.7%, что свидетельствует о существенном преобладании мужского населения в данной группе наркопотребителей.

Результаты проведенного исследования показывают, что население Республики Мордовия демонстрирует низкий уровень наркотизации. Почти половина респондентов (45%) признает наличие наркомании в своем населенном пункте, в их числе лишь 3.6% участников опроса отметили ее широкое распространение. Шестая часть информантов (18%) уверена, что в месте их проживания нет такой проблемы. Больше трети (37.0%) затруднились оценить степень распространенности наркомании по месту жительства. При этом население не считает наркоманию острой на фоне других социальных проблем (13.5%).

Согласно полученным данным, представления населения о наркомании в основном складываются из информации, которая распространяется через СМИ и с помощью сети интернет (87%). Мнения формируются на основе опыта друзей и знакомых у 8.9% респондентов. На личный опыт опираются 4.1% респондентов.

Только 6.7% участников опроса признали наличие в своем окружении наркопотребителей. Основная же часть населения (93.3%) не имеет в кругу общения людей, употребляющих наркотики, что косвенно свидетельствует о невысокой степени распространенности наркомании в регионе. Подобный показатель по России значительно ниже и составляет 67% [18]. Таким образом, в непосредственном социальном окружении у абсолютного большинства жителей Мордовии отсутствуют наркопотребители, что является позитивным фактором.

Большинство жителей региона (88.3%) никогда не получали предложений попробовать наркотики (рис.). Подавляющее большинство респондентов (94.8%), включая 93.3% среди мужчин и 96.2% среди женщин, заявили, что отказались бы от такого предложения.

Полученные данные показывают, что подавляющее большинство населения региона (98.1%) никогда не имели опыта употребления наркотических веществ. В то же время 2 человека из 100 имеют соответствующий опыт, или в прошлом, или в настоящий момент: на это

чаще указывали мужчины, респонденты из ГО Саранск, респонденты с высшим образованием. Первичное употребление наркотиков преимущественно приходится на возрастной интервал 18–20 лет (57.9% среди тех, кто пробовал). Каждый третий потребитель наркотиков впервые пробует их «на природе» (35.3%), а каждый четвертый – в армии (23.5%). На такой опыт указывают респонденты старше 40 лет.

Среди населения в возрасте от 14 до 60 лет доля тех, кто употребляет наркотики в настоящее время, составляет 0.7%, что в пересчете на общую численность населения составляет 3 273 человека, и может быть рассмотрена как латентная численность наркопотребителей.

Комплексный анализ социологических данных и официальной статистической информации свидетельствует о наличии проблемы наркомании в регионе. Однако на основании представленных данных уровень наркотизации можно квалифицировать как относительно низкий, что позволяет сделать вывод о стабильности ситуации в контексте исследуемого вопроса.

Заключение

Анализ факторов риска показывает, что раннее начало употребления наркотических веществ, низкий уровень образования и дохода, семейные дисфункции, психологические проблемы и влияние окружения способствуют развитию наркозависимости в целом.

Региональные особенности, такие как уровень информированности населения и доступность наркотиков, существенно влияют на структуру и распространенность наркопотребления, в том числе и в Мордовии.

В 2024 г. в регионе зарегистрирован относительно низкий уровень наркопотребления, что свидетельствует о стабильной ситуации, однако наличие латентных потребителей и факторов риска требует постоянного внимания и профилактических мер.

Согласно исследованию, большинство населения региона осознает проблему наркомании и отвергает предложения попробовать наркотики, что свидетельствует о высокой информированности и низком уровне склонности к употреблению. Основные причины начала употребления связаны с бездельем, безрассудностью и влиянием окружения, что подчеркивает необходимость профилактических программ, ориентированных на молодежь и социальные группы риска.

Региональные данные подтверждают, что большинство зарегистрированных наркопотребителей – мужчины, а уровень наркомании среди женщин и подростков значительно ниже, что важно учитывать при разработке целевых мер.

Несмотря на низкий текущий уровень наркотизации, постоянный мониторинг и профилактическая работа остаются необходимыми для предотвращения роста наркоситуации и своевременного реагирования на возможные изменения.

Список литературы

1. Даче А.А. Причины появления зависимостей (курение, алкоголизм, наркомания) в молодежной среде: особенности и способы профилактики // Наука XXI века: проблемы, перспективы и актуальные вопросы развития общества, образования и науки: Сборник материалов и докладов. Яблоновский, 30 мая 2025 года. Майкоп: ИП Кучеренко В.О., 2025. С. 127–132.

2. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимов М.Б. [и др.] Социально-экономические факторы распространения наркопотребления как социальной болезни: по материалам официальной статистики и социологических исследований // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2014. № 7 (117). С. 180–186.

3. Шинкевич В.Е., Бен Е.Н., Молоков В.В. Оценка факторов наркотизации социальной среды: по результатам ежегодного мониторинга наркоситуации в Красноярском крае // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4 (41). С. 171–181.

4. Бартенев А.Г. Наркотизм в молодежной среде: идеологическая база наркопотребления, дифференцированность наркотических практик // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 2. С. 77–84.

5. Радченко С.В., Якушина Н.В. Социальные риски приобщения молодежи к немедицинскому потреблению наркотиков (на примере Орловской области) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 79–97.

6. Позднякова М.Е. Особенности современной наркоситуации в России // Россия реформирующаяся. 2016. № 14. С. 201–227.

7. Дубинин С.Н. Особенности семьи, способствующие возникновению наркотической зависимости у детей и подростков // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 6. С. 175–180.

8. Гасанова Д.А. Анализ проблемы изучения детско-родительских отношений в семье подростка, склонного к девиантному поведению // Технологические инновации и научные открытия: Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции, Уфа, 14 ноября 2024 года. Уфа: ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2024. С. 308–311.

9. Лукина В.С., Федотов А.А. Психологические причины потребления алкоголя и наркотиков: от социального взгляда к экзистенциальному // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 7-2 (94). С. 153–158.

10. Чурсин Н.С., Офицерова С.В. Индивидуально-психологические особенности личности страдающих алкогольной и наркотической зависимостью // Объединяя знания: Материалы Всероссийской конференции социальных, гуманитарных, экономических и общественных наук в медицине (Ставрополь, 12 декабря 2024 года). Ставрополь: Ставропольский государственный медицинский университет, 2025. С. 144–147.

11. Шинкевич В.Е. Оценка наиболее значимых факторов, детерминирующих состояние и уровень наркобезопасности, как предмет социологического анализа в ходе ежегодного мониторинга: на примере Красноярского края // Society and Security Insights. 2024. № 2. С. 104–120.

12. Иудин А.А., Шпилев Д.А., Кутявина Е.Е. Отношение населения Нижегородской области к проблемам наркотизации общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 69–81.

13. Акматова А.Т. Социальные и психологические факторы, влияющие на употребление наркотиков среди молодежи: анализ современного общества // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. № 11. С. 367–373.

14. Курмышкина О.Н., Мотькин В.Н. Проблема наркотизации регионального социума (на примере Республики Мордовия) // Общественное здоровье. 2023. Т. 3. № 4. С. 16–24.

15. Федосова Е. Социальные причины и тенденции распространения наркомании в молодежной среде (на примере Республики Северная Осетия – Алания, РФ) // Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University. 2021. № 1 (33). С. 61–70.

16. Вишнякова Н.А., Курмышкина О.Н. Распространенность наркомании: субъективные оценки населения региона // Человек. Общество. Инклюзия. 2021. № 3(47). С. 26–31.

17. Пушилин Р.В. Отношение населения Псковской области к проблеме наркомании // Закон и право. 2021. № 9. С. 120–122.

18. Наркотическая зависимость: мониторинг / ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narkoticheskaja-zavisimost-monitoring-2?ysclid=mniuizzgp1116619144 (дата обращения: 10.12.2025).

DRUG USE IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

***N.A. Vishnyakova*[1], *O.N. Kurmyshkina*[1], *T.G. Matorkina*[1,2]**

[1] State Institution of the Republic of Mordovia «Scientific Center for Socio-Economic Monitoring»
[2] N.P. Ogarev Mordovia State University

Drug use remains an urgent problem in modern society, having a negative impact on public health and socio-economic stability. This article presents various aspects that affect the structure and characteristics of drug users in the regions. Scientific publications identify the following key factors and aspects of population narcosis: demographic, socio-economic, positive image of drug use, family and interpersonal, psychological and personal characteristics, social factor and environment. Based on statistical information and sociological research data, the situation in the Republic of Mordovia is analyzed: the scale of the problem and the specifics of its manifestation in the region. According to the data obtained, the level of drug addiction can be classified as relatively low, and the situation is stable, but it requires attention to the dynamics and structure of drug use. The level of non-medical drug use is 0.2% of the total population. Most residents of the region have never received offers to try drugs and said they would refuse such an offer. An analysis of risk factors shows that early onset of necrotic substance use, low levels of education and income, family dysfunctions, psychological problems, and environmental influences contribute to the development of drug addiction in general. Despite the relatively low current level of drug addiction in society, systematic monitoring and preventive measures remain important to prevent the escalation of the drug situation and ensure timely response to possible problems.

Keywords: drug situation, drug addiction, factors of drug addiction, social environment, level of drug use, structure of drug use, scale of drug use, level of drug addiction.

УДК 316.34/.443
DOI 10.52452/18115942_2026_3_210

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОСТИ И СОЛИДАРНОСТИ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

© 2026 г.

Л.Г. Лебедева

Лебедева Людмила Геннадьевна, к.соц.н.; доцент Института менеджмента
Самарского государственного экономического университета
ludleb@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.12.2025
Статья принята к публикации 16.07.2026

Целью статьи является анализ общесоциологической проблемы социальности в связке с важными и актуальными, в том числе дискуссионными, аспектами развития социального государства в России. Гуманистические ценности справедливости и солидарности, наряду с социальной защищенностью, стали критериями «социальности» государства. Признаками социального государства можно считать не только ведущую роль социальной функции в системе внутренних функций государства, но и преобладание в составе населения среднего класса. Всё больше актуализируется общий вопрос о состоянии (развитости, уровне) солидарности в российском обществе, степени его консолидированности, сплочённости в качестве «отклика» на его социальность. Социальная справедливость является своеобразным «узловым пунктом» социальности и солидарности в российском обществе. Однако исторически идея социального государства была первоначально связана не с проблемой социальной справедливости и не с ведущей ролью социальной функции, а с проблемой социальной стабильности (и классового мира). И поскольку в обществе, как правило, нет абсолютного единства, а складываются некое большинство и некое меньшинство, можно говорить о двух основных принципах солидарности: конфронтационном и консолидационном, которые могут проявляться и реализоваться одновременно (параллельно) в соответствующих исторических условиях. Факторы солидарности и солидаризации (как и то, что препятствует им) можно разделить на «животрепещущие повседневные» (касающиеся повседневной жизнедеятельности людей) и «глобальные перспективные» (определяющие преимущественно будущее общества и государства). Солидарность практически неотделима от социальной активности, одним из важных и наглядных проявлений которой является движение добровольчества (волонтёрства), и не только в связи со специальной военной операцией России. В гражданском обществе (в том числе и в научной среде) неизбежно возникают и будут возникать те или иные идеи и запросы в отношении устройства общества и государства, путей решения тех или иных социальных проблем. Но основной вектор определился – развитие и укрепление социальности российского государства.

Ключевые слова: социальность, солидарность, справедливость, солидарность поколений, консолидация, солидаризация, социальное государство.

Введение

По своей программе и конституционным требованиям российское государство – социальное государство [1, ст. 7, 17–64]. В статьях Конституции РФ содержатся и общее понимание, и конкретное содержание сути социальности социального государства. Однако это обстоятельство не означает отсутствия дискуссионности по поводу некоторых аспектов в понимании и толковании проблемы «социальности социального государства». Более того, главное – в какой мере уже реализованы и продолжают реализоваться конституционные требования к социальности (принципы социальности) российского государства?!

Целью статьи является анализ общесоциологической проблемы социальности в связке с важными и актуальными, в том числе дискуссионными, аспектами развития социального государства в России. Основные вопросы, обсуждаемые в статье:

– *социальная справедливость как «узловой пункт» социальности и солидарности в российском обществе;*

– *конфронтационный и консолидационный принципы солидарности;*

– *актуальные проблемы социального государства в России;*

– *социальное государство и гражданское общество.*

Научная разработанность и дискуссионные аспекты темы

Важно учитывать, что «формирование социального государства является способом успешной эволюции общества» [2]. Но «многое в реальном положении дел, в практике государства в России вызывает весьма критические замечания» [3, с. 43].

Необходимо учитывать сущность государства «как формы и инструмента организации общественной жизни и разрешения социальных проблем» [4, с. 314]. При этом гуманистические ценности справедливости и солидарности, наряду с социальной защищенностью, стали критериями «социальности» государства [5, с. 148]. И принципиально важно, что объективно ценности социального государства – основа «социально-политического единства российского общества – его разных слоев, классов и поколений» [5, с. 147].

Есть и практические аспекты поставленных вопросов в связи с жизнедеятельностью российского общества и государства. В.В. Путин отметил: «Россия – социальное государство. Мы имеем гораздо более высокий уровень социальных гарантий, чем страны с сопоставимым уровнем производительности труда и доходами на душу населения. <...> Но наши граждане отнюдь не удовлетворены существующим положением, и их неудовлетворенность справедлива» [6].

Актуализируется общий вопрос о состоянии (развитости, уровне) солидарности в российском обществе, степени его консолидированности, сплочённости в качестве «отклика» на его социальность. Проблемы социальности и солидарности в социальном государстве объективно связаны и с проблемой социальной справедливости.

Социальная справедливость как «узловой пункт» социальности и солидарности в российском обществе. По Программе ООН в индекс человеческого развития включены три компонента, один из которых – «справедливость». Понятие «справедливость» используется в связке с правами человека, в том числе на достойный уровень жизни в целом [7]. То есть проблема справедливости относится к числу актуальных не только для российского общества, но и для мирового сообщества [8, с. 153–154]. Социальная справедливость является своеобразным «узловым пунктом» социальности и солидарности в российском обществе.

«Статус социального приобретает исключительно то государство, в системе внутренних функций которого социальная функция играет ведущую роль» [9, с. 59–60; 10, с. 133]. Об этом, как правило, свидетельствуют соответствующие декларации и правовые положения, прежде всего конституции государства.

Достаточно обоснованными являются утверждения, что признаками социального государства можно считать не только ведущую роль социальной функции в системе внутренних функций государства [9, с. 59–60], но и преобладание в составе населения среднего класса [11]. На современном этапе развития России до такого состояния пока ещё далеко, хотя заметно движение именно в этом направлении.

Исторически идея социального государства была первоначально связана с проблемой социальной стабильности (и классового мира – своеобразного аналога социальной солидарности). Такая идея была предложена и обоснована в XIX в. Лоренцем фон Штейном (1815–1890) [12].

В настоящее время все развитые страны мира фактически являются, в большей или меньшей степени, социальными государствами; и СССР, с некоторыми оговорками, тоже был одним из ведущих социальных государств мира [13, с. 223–224]. При этом в Советском Союзе речь шла о социалистическом государстве, которое идейно связывалось с социальной справедливостью и социальным (социалистическим) равенством (речь об основном принципе социализма: «от каждого по способностям, каждому по труду»).

Понятие «социальное государство» было закреплено в конституциях многих стран. Например, «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством» [14]; «Франция является неделимой, светской, социальной, демократической Республикой» [15]. При этом социальное государство («государство благосостояния») в западноевропейских странах изначально стало связываться с общей идеей социальной демократии (и классового мира) – в духе идеи Л. фон Штейна.

Современные западноевропейские исследователи и пропагандисты социального государства обращают внимание и на проблему справедливости, однако в том плане, что «теории справедливости, разработанные для нашего мира, должны быть в первую очередь связаны с демократией» [16, p. 177].

В любом случае, «социальные по своей природе государства в лице их властных элит и структур сознательно берут на себя определенные обязательства социального характера»

[5, с. 155]. По оценке, например, Л.Н. Кочетковой, «главная отличительная черта социального государства – *это признание и закрепление со стороны государства своих обязанностей перед гражданами.* Именно этим социальное государство отличается от патерналистского государства, тоже заботящегося о своих гражданах» [17, с. 75]. Не вдаваясь в тонкости различения понятий «социальное государство» и «патерналистское государство», подчеркнём, что в любом случае государство должно обладать определёнными материальными ресурсами для осуществления реальной материальной заботы о своих гражданах.

В связи с указанной проблемой (обеспеченности социального государства, его социальных программ материальными ресурсами) обращает внимание заявление канцлера ФРГ Фридриха Мерца в августе 2025 г., в котором он объявляет немецкое социальное государство неплатежеспособным и «более не подлежащим финансированию» [18, S. 1]. Что же тогда останется от социальности «социального государства» («государства благосостояния») в Германии?! В сложившейся ситуации власти ФРГ оказались перед проблемой – сокращать помощь нуждающимся или повышать налоги для богатых. Известная проблема: как сделать, чтобы были «и волки сыты, и овцы целы»? И возникает ряд вопросов. О какой солидарности внутри общества может идти речь в подобной (очевидно, что не кратковременной) ситуации? Или же социальная солидарность не так уж зависит от подобной дилеммы?! Или в определённых странах для определённых политиков социальная солидарность вообще не имеет существенного значения?

Однако для российского общества социальная солидарность (и в определённом смысле – «соборность») традиционно имела и имеет существенное, даже «судьбоносное» значение.

Теоретико-методологические основы исследования

Исследование солидарности в обществе в классическом социологическом варианте связано, как известно, с трудами Э. Дюркгейма, его идеями о механической и органической солидарности. К настоящему времени исследование солидарности в разных аспектах обогатилось многими трудами зарубежных и отечественных учёных. В качестве важнейшего и актуального аспекта социальной солидарности выделяются консолидация, сплочение как социальный процесс и консолидация (консолидированность), сплочённость как результат и состояние общества.

Определились весьма различные подходы к пониманию самой сути солидарности в современном обществе. Например, М. Гехтер (Michael Hechter) – исследователь из университета штата Аризона выявил и сравнил подходы к солидарности: 1) структурный (Карл Маркс) связывает солидарность с экономическими интересами (классовая солидарность); 2) нормативный (Толкотт Парсонс) связывает солидарность с общностью ценностей и правил, формируемых в процессе социализации; 3) рациональный (Майкл Гехтер) видит основу солидарности во взаимной зависимости индивидов, стремящихся извлечь выгоду [19; 20; 21, с. 93].

Конфронтационный и консолидационный принципы солидарности. Наряду с теми или иными подходами можно выделить и два основных принципа солидарности: конфронтационный и консолидационный. Речь о том, что на первом плане может быть:

– сплочение, консолидация социальных сил и групп против каких-то противоположных, конкурентных социальных сил и групп – классовых противников. Так, в условиях «аномии, социальных расколов» [21, с. 95] происходит обострение классовой борьбы, в таком случае сплочение происходит по отдельности в разных социальных лагерях, частях общества. При этом в каждом социальном лагере солидарность основывается на общности её ценностей и правил (по Т. Парсонсу). Наиболее полно и радикально этот принцип выражает теория классов и классовой борьбы К. Маркса;

– консолидация, сплочение социальных сил и групп – соратников вокруг какой-то созидательной цели, задачи, представляющей общий интерес. Таким путём достигается «базовый ценностный консенсус» [21, с. 95], и в таком случае возможна консолидация максимально большой части общества. При этом солидарность основывается на общности ценностей и правил большинства (по Т. Парсонсу). Наиболее полно этот принцип выражает теория органической солидарности Э. Дюркгейма.

Конфронтационный и консолидационный принципы солидарности могут действовать одновременно (параллельно). Это сочетание (одновременность) проявления конфронтационного и консолидационного принципов солидарности можно объяснить тем, что в обществе, как правило, нет абсолютного единства, а складываются некое большинство и некое меньшинство (например, господствующие и оппозиционные силы), расходящиеся по каким-то коренным вопросам общественного устройства и путях

движения общества в будущее. Эта проблема относится и к современному состоянию российского общества.

Результаты и их обсуждение

Об актуальных проблемах социального государства в России. В современных условиях «вопрос об укреплении паттернов солидаризации становится все более значимым» [22, с. 74]. В этой связи закономерен вопрос о наиболее важных факторах солидарности и солидаризации в обществе, а также и о препятствиях, трудностях на этом пути.

Думается, что факторы солидарности и солидаризации, как и то, что препятствует им, можно разделить на «животрепещущие повседневные» (касающиеся повседневной жизнедеятельности людей, волнующие большинство населения «здесь и сейчас») и «глобальные перспективные» (определяющие преимущественно будущее общества и государства, а вместе с этим волнующие массы людей).

Среди «животрепещущих повседневных» факторов (и вопросов) – материальные проблемы и заботы большинства людей, особенно перманентно испытывающих повседневные финансово-экономические трудности. Что сможет или не сможет сделать российское социальное государство для улучшения благосостояния различных социальных групп населения для удовлетворения их насущных потребностей? При этом речь не только об определённых финансово-экономических проблемах для самого государства, но и о трудностях, связанных с явлениями бюрократизма, с бюрократическими извращениями государственного аппарата, с некоторыми другими проблемами, ограничивающими материальные и организационно-управленческие возможности реализации социальной политики в духе социального государства.

Среди «глобальных перспективных» факторов (и вопросов) – проблема путей и перспектив развития общества и государства, сегодня и в связи с проходящей специальной операцией (СВО) России на Украине; вопрос о перспективах «социальности социального государства» в условиях обострения борьбы России за свой суверенитет и безопасность против «коллективного Запада». Возникла и долговременная (по характеру – «глобальная перспективная») проблема обеспечения «социальной стабильности в условиях цифровой трансформации» [23, с. 200]. И в этой связи особое значение приобрела проблема информационной безопасности, включая не только технические, но и аксиологические аспекты, системы ценностей, которая поддерживала бы социокультурные институты (тем самым обеспечивая и стабильность общества), а не противостояла бы им, не разрушала бы их оказывая дестабилизирующее влияние на общество [24, с. 443].

Солидарность практически неотделима от социальной активности, одним из важных и наглядных проявлений которой является движение добровольчества (волонтёрства). В частности, и солидарность, и социальная активность нацелены не только на решение актуальных и важных вопросов, но и «на позитивные изменения социальной реальности» [25, с. 102]. И позитивная социальная активность естественным образом способствует процессу солидаризации – как и преодолению препятствий на этом пути для солидаризации общества.

Можно сказать, что позитивная социальная активность увеличивает «консолидационный потенциал» различных общностей «как возможности добровольного объединения социальных субъектов для реализации общих ценностей» [26, с. 263]. Относительно высокий уровень «консолидационного потенциала» способствует сравнительно высокой степени развитости гражданского общества.

Социальное государство и гражданское общество. Отметим, что в отношении «гражданского общества» как научного понятия и научной проблемы существуют неоднозначные и дискуссионные подходы, вплоть до крайностей – от возвышения гражданского общества над государством до приниженной и подчинённой роли гражданского общества по отношению к государству и даже до полного отрицания гражданского общества. Например, Я.А. Никифоров в статье с названием «Теория гражданского общества: а был ли мальчик?» попытался обосновать именно крайне отрицательный вариант: «отвечая на вопрос, вынесенный в заглавие, вполне оправданно продолжить фразу: мальчика-то и не было» [27, с. 140].

На наш взгляд, для подобного полного отрицания гражданского общества всё же нет ни исторических, ни теоретических оснований. Но есть основания вести речь о социальном государстве и гражданском обществе, в частности, в аспекте социальности и солидарности. Другое дело, дискутировать о том, каково состояние или исторический этап развития конкретного гражданского общества (в сопоставлении с соответствующим государством).

На наш взгляд, можно считать, что в условиях и под влиянием СВО российское «квазигражданское общество» [28, с. 129] ускоренными темпами стало трансформироваться в оригинальную цивилизационно-российскую модель гражданского общества. При этом происходит освобождение общественного сознания от неких «западнических моделей» и представлений («идеализированных» и «лакированных» и, как правило, не соблюдаемых на практике в самих западных странах) о сути гражданского общества в современных исторических условиях. В этой связи актуальна позиция, что «требуется еще более заметное продвижение ценностей суверенитета, позитивной национально-государственной идентичности и ценностного консенсуса в потоках российского сегмента социальных медиа» [21, с. 99]; а также, что государство «должно обладать суверенитетом для полноценного выполнения своих социальных функций – как государство "вообще" и как государство социальное, в частности» [29, с. 67].

Гражданское общество и государство формируются внутри общества в различных исторически обусловленных формах. При этом «в социальности государства отражается определенный характер взаимоотношений между государством и гражданским обществом как частями социума, в чем-то сотрудничающими и дополняющими друг друга, в чем-то противостоящими и ограничивающими друг друга» [30, с. 95].

Вряд ли следует оспаривать взаимосвязанные положения: 1) «конечной целью развития социальной сферы социального государства должно стать утверждение принципа социальной справедливости»; 2) главный функционал социального государства – обеспечивать «высокий уровень социальной защищенности всех граждан» [31]. И в таком дискурсе концепция социального государства не противоречит существованию в обществе социальных неравенств (как это фактически имеет место в России, в Китае, в Западной Европе). Хотя и при таком концептуальном подходе остаётся дискуссионным вопрос о допустимой, приемлемой в современных условиях (и в отношении именно социального по сути государства) разнице (разрыве) в уровнях доходов бедных и богатых слоёв населения.

Обратим внимание на динамику соответствующих статистических показателей в России. «Разница в зарплатах между богатыми и бедными сократилась до 12.7 раза – это минимальный показатель с 2000 года, когда разрыв был почти 30-кратным, <...> В 2025 году 10% сотрудников с самыми низкими зарплатами получают около 25 тыс. рублей, тогда как 10% наиболее высокооплачиваемых – более 315 тыс. Тем не менее разрыв остается значительным» [32]. Поэтому объективно «важнейшая задача – уменьшение материального неравенства, как за счет более адресной и эффективной социальной политики, так и – в первую очередь – за счет возможности каждому зарабатывать, обеспечить себе достаточный уровень доходов» [6].

Идущий процесс сокращения разрыва в уровнях доходов бедных и богатых слоёв населения (идущий не так быстро, но всё же идущий процесс) отвечает исторической логике, отмеченной выше, перерастанию российского квазигражданского общества в оригинальную цивилизационно-российскую модель гражданского общества. При этом можно считать аксиомой утверждение, что «всё многообразие взглядов на социальную повестку в целом, как и на меры социальной поддержки в частности, является отражением цивилизационной многомерности нашего мира» [33, с. 40].

В гражданском обществе (и в научной среде, в частности) неизбежно возникают и будут возникать те или иные идеи и запросы в отношении устройства общества и государства, в отношении путей решения тех или иных социальных проблем. Следует учитывать, что «поиски справедливости в ее социальном измерении входят в российский социокультурный код» [34, с. 28]. Арсенал идей в гражданском обществе неисчерпаем и пополняется всё новыми и новыми идеями по мере трансформаций общества и государства. Но основной вектор определился – развитие и укрепление социальности российского государства.

Заключение

Гуманистические ценности справедливости и солидарности наряду с социальной защищенностью стали критериями социальности государства. Признаками социального государства можно считать не только ведущую роль социальной функции в системе внутренних функций государства, но и преобладание в составе населения среднего класса.

Социальная справедливость является своеобразным «узловым пунктом» социальности и солидарности в российском обществе. Однако исторически идея социального государства была первоначально связана не с проблемой социальной справедливости и не с ведущей ролью соци-

альной функции, а с проблемой социальной стабильности (и классового мира). Это предполагает определённую заботу государства о менее обеспеченных слоях общества. И государство должно обладать определёнными материальными ресурсами для осуществления реальной материальной заботы о своих гражданах.

По многим (если не по всем) аспектам проблемы социальности и солидарности в дискурсе социального государства (включая понимание и толкование самих этих терминов) имеются те или иные дискуссионные вопросы. Непосредственно в связи с темой статьи можно выделить работы, например, В.П. Бабинцева и его соавторов [35], работы О.В. Головашиной [36], И.С. Голубева [37], Г.А. Дудина [29], В.Л. Римского [38; 39]. Соответственно, необходимы дальнейшие исследования, особенно комплексного характера и с использованием конкретных социологических исследований, в отношении «животрепещущих» вопросов состояния и реализации социальности социального государства.

Среди «животрепещущих повседневных» вопросов – материальные проблемы и заботы большинства людей, особенно перманентно испытывающих повседневные финансово-экономические трудности. Что сможет или не сможет сделать российское социальное государство для улучшения благосостояния различных социальных групп населения, для удовлетворения их насущных потребностей? Речь не только об определённых финансово-экономических проблемах для самого государства, но также и о трудностях, связанных с явлениями бюрократизма, с бюрократическими извращениями государственного аппарата, с некоторыми другими проблемами, ограничивающими материальные и организационно-управленческие возможности реализации социальной политики в духе социального государства.

Среди «глобальных перспективных» вопросов – проблема путей и перспектив развития общества и государства, особенно в связи с проходящей специальной операцией (СВО) России на Украине. В том числе и вопрос о перспективах «социальности социального государства» в условиях обострения борьбы России за свой суверенитет и безопасность против «коллективного Запада» (и эта борьба не ограничена только временем СВО). Возникла и долговременная (по характеру – «глобальная перспективная») проблема обеспечения социальной стабильности в условиях цифровой трансформации. И особую важность приобрела проблема информационной безопасности, включая не только технические, но и аксиологические аспекты.

В гражданском обществе (и в научной среде) неизбежны различные идеи по поводу устройства общества и государства и путей решения тех или иных социальных проблем. Но основной вектор определился – развитие и укрепление социальности российского государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013?index=1 (дата обращения: 19.11.2025).

2. Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250000758-6.

3. Лебедева Л.Г. Отношение разных поколений россиян к государству (социологический аспект) // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 1. С. 42–50. DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-1-42-50.

4. Тавокин Е.П. Российская Федерация – социальное государство? // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83. № 4. С. 313–319. DOI: https://doi.org/10.7868/S0869587313040245.

5. Лебедева Л.Г. Социальное государство как императив гармоничной преемственности поколений в России // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. № 2. С. 147–157.

6. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html (дата обращения: 19.11.2025).

7. Рейтинг стран мира по Индексу человеческого развития // Human Development Report. URL: https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index (дата обращения: 17.12.2025).

8. Лебедева Л.Г. К дискуссии о бедности, благосостоянии и справедливости в поколенческом аспекте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2 (74). С. 153–160. DOI: 10.52452/18115942_2024_2_153.

9. Олейникова С.С. Становление социальной функции государства в системе его внутренних функций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 2 (15). С. 59–64.

10. Лебедева Л.Г. Преемственность поколений в дискурсе менеджмента проблем социального государства в России // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. № 3. С. 132–138.

11. Горшков М.К. Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели современного развития России // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 35–44.

12. Штейн Л. История социального движения Франции с 1789 г.: Пер. со 2-го нем. изд.: Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. А.М. Котомина, 1872. [4], IV, CXXVI, 305 с.

13. Гончаров П.К. Государство социальное // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд; руков. научного проекта Г.Ю. Семигин; под общ. ред. В.Н. Иванова. М.: Мысль, 2003. С. 222–224.

14. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Основной закон Федеративной Республики Германии] [Электронный ресурс] / Bundeszentrale für politische Bildung. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/Grundgesetz%20Russisch.%20WEB_Zum%20Download.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

15. Конституция Франции 1958 года [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного совета Французской Республики на 19 августа 2009 г. URL: https://yurist-online.org/laws/foreign/const_FRA/konstitucija_francii.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

16. Valentini L. Justice, Disagreement and Democracy // British Journal of Political Science. Vol. 43 (1). P. 177–199. DOI: 10.1017/S0007123412000294.

17. Кочеткова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3. С. 69–79.

18. Stemmler K. Kanzler der Schmerzen // Die Tageszeitung junge Welt. 25.08.2025. Sozialstaatsdebatte. S. 1. URL: https://www.jungewelt.de/loginFailed.php?ref=/artikel/506815.sozialstaatsdebatte-kanzler-der-schmerzen.html (дата обращения: 19.11.2025).

19. Hechter M. Solidarity, Sociology of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / Ed. by N.J. Smelser, P.B. Baltes. Amsterdam: Elsevier, 2001. Vol. 21. P. 14588–14591.

20. Hechter M. Sociology of Solidarity // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / Ed. by J.D. Wright. 2nd ed. Elsevier, 2015. P. 6–9. DOI: https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.32147-X.

21. Бродовская Е.В. Солидарность, ценностный консенсус, консолидация: интерпретация понятий и анализ тенденций в контексте национальных задач РФ // Власть. 2024. Т. 32, № 4. С. 92–100. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-4-92-100.

22. Домбровская А.Ю., Бродовская Е.В. Масштаб, контексты и социальные эффекты информационных потоков солидарности в российских социальных медиа (2023–2024 гг.) // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 1. С. 71–90. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-5.

23. Каира Ю.В., Лю Ц., Журавлёва А.С. Социальная стабильность в условиях цифровизации современного информационного общества // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 1. С. 198–211. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-3.

24. Арутюнян К.С. Проблема управления сознанием в информационном обществе: социально-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 3. С. 438–447. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-438-447.

25. Ильиных С.А., Мельникова А.С. Социальная активность населения: оценка практик (по материалам экспертного опроса) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 3 (79). С. 101–109. DOI: 10.52452/18115942_2025_3_101.

26. Волегов В.С., Сомхишвили К.О. Всемирный обзор ценностей: возможности и ограничения при анализе консолидационного потенциала территории // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 2. С. 262–273. DOI: 10.17072/2078-7898/2025-2-262-273.

27. Никифоров Я.А. Теория гражданского общества: а был ли мальчик? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 134–141. DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-2-134-141.

28. Рассадина Т.А. Гражданское общество в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 129–133. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-129-133.

29. Дудин Г.А. Социальное государство и солидарность поколений // Экономика. Социология. Право. 2025. № 2 (38). С. 64–70. DOI: 10.22281/2542-1697-2025-04-02-64-70.

30. Лебедева Л.Г. О взаимодействии государства и гражданского общества в аспекте социальности // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 93–107. DOI: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-10.

31. Гончаров П.К. Социальное государство // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. [Электронный ресурс] М.: Мысль, 2010. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHad66b0624897b321e87aad (дата обращения: 15.11.2025).

32. Рабочие обороты: разрыв зарплат богатых и бедных достиг минимума за четверть века [Электронный ресурс] // Известия. 01.12.2025. URL: https://finance.mail.ru/article/rabochie-oboroty-razryv-zarplat-bogatyh-i-bednyh-dostig-minimuma-za-chetvert-veka-68916451/ (дата обращения: 06.12.2025).

33. Алиев Д.Ф. Современная российская социальность: предпосылки, задачи, риски ESG-концепции // Вестник современных цифровых технологий. 2024. № 18. С. 39–48.

34. Волков Ю.Г. Социальная справедливость как ценность: в поисках новой теоретической оптики // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250021512-6.

35. Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Серкина Я.И., Шаповал Ж.А. Проблемы консолидации региональных сообществ: позиция социального реализма // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 48–73. DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.3.

36. Головашина О.В. Отменяем вместе: канселлинг и социальная солидарность // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 60–68. DOI: 10.17223/15617793/501/7.

37. Голубев И.С. Социальное государство как современный тип социально-политической организации общества // Философия и общество. 2024. № 2 (111). С. 83–94. DOI: 10.30884/jfio/2024.02.05.

38. Римский В.Л. Справедливое социальное государство как ценность и как реальность для российских граждан (Часть 1. Социальное государство) // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 4 (25). С. 175–196. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_175_196.

39. Римский В.Л. Справедливое социальное государство как ценность и как реальность для российских граждан (Часть 2. Принципы справедливости в социальном государстве) // Вопросы теоретической экономики. 2025. № 1 (26). С. 127–146. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_127_146.

THE PROBLEM OF SOCIALITY AND SOLIDARITY IN THE DISCOURSE OF THE WELFARE STATE

L.G. Lebedeva

Samara State University of Economics

The purpose of the article is to analyze the general sociological problem of sociality in conjunction with important and relevant, including controversial, aspects of the development of the welfare state in Russia. The humanistic values of justice and solidarity, along with social protection, have become criteria for the «sociality» of the state. The signs of a welfare state can be considered not only the leading role of the social function in the system of internal functions of the state, but also the predominance of the middle class in the population. The general question of the state (development, level) of solidarity in Russian society, the degree of its consolidation, cohesion, as a «response» to its sociality, is becoming more relevant. Social justice is a kind of «nodal point» of sociality and solidarity in Russian society. However, historically, the idea of a welfare state was initially associated not with the problem of social justice and not with the leading role of a social function, but with the problem of social stability (and class peace). And since, as a rule, there is no absolute unity in society, but a certain majority and a certain minority are formed, then we can talk about two basic principles of solidarity: confrontational and consolidation, which can manifest themselves and be realized simultaneously (in parallel) in appropriate historical conditions. The factors of solidarity and solidarization (as well as what prevents them) can be divided into «burning everyday» (concerning the daily life of people) and «global perspective» (determining mainly the future of society and the state). Solidarity is practically inseparable from social activism, one of the most important and visible manifestations of which is the movement of volunteerism – and not only in connection with the Special Military Operation of Russia. In civil society (including in the scientific community), certain ideas and requests inevitably arise and will continue to arise regarding the structure of society and the state, regarding ways to solve certain social problems. But the main vector has been determined – the development and strengthening of the sociality of the Russian state.

Keywords: sociality, solidarity, justice, generational solidarity, consolidation, solidarization, welfare state.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2026_3_218

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ПОЗИЦИИ В ОТНОШЕНИЯХ ВЛАСТИ И УВАЖЕНИЯ В САМООЦЕНКАХ ЖЕНЩИН ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004–2023 гг.)

© 2026 г.

О.Д. Натсак, Т.И. Горина

Натсак Органа Доржуевна, к.филос.н.; ученый секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Кызыл
nod695596@gmail.com
Горина Татьяна Ивановна, научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва
gorina@cpri.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.2026
Статья принята к публикации 31.07.2026

Анализируются субъективные оценки женщин с детьми, состоящих и не состоящих в браке, своего материального положения, статуса во властных отношениях, степени уважения к ним в обществе на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS–HSE, 2004–2023 гг.).

Использовались методы анализа частотных распределений, таблиц сопряженности и корреляционного анализа с применением коэффициентов Пирсона.

Материалы РМЭЗ НИУ ВШЭ, одного из важнейших источников данных по экономике, социальному положению и здоровью российских семей, в динамическом срезе показывают устойчивое доходное неравенство между полными и неполными семьями, более высокий удельный вес женщин из неполных семей, находящихся, по их самооценкам, на нижних стратах по материальному положению и во властных отношениях, дистанцию преимущественной части исследуемой совокупности от меньшинства, обладающего богатством и властью. Власть является наиболее дефицитным ресурсом, доступ к которому затруднен для большинства женщин вне зависимости от брачного статуса. Это та сфера, где хуже всего себя оценивают респонденты, причём особых колебаний по годам в оценках не наблюдается.

На основе анализа самоидентификации женщин в указанных областях в динамическом срезе 2004–2023 гг. сделаны выводы, что более низкие оценки своего социального положения одинокими матерями являются устойчивым социальным фактом, который необходимо учитывать в социальной работе с семьями разных структурных типов. В социальных отношениях женщины, вне зависимости от брачного состояния, склонны высоко оценивать уважение к ним, что указывает на отсутствие в общественном мнении неодобрения, осуждения одинокого материнства и неполных семей.

Исследование показало высокую положительную корреляцию между материальным положением и властью, а также слабую связь материального положения с уважением. Эти закономерности характерны для женщин из обеих исследуемых групп.

Ключевые слова: неполные семьи, одинокие матери, социальное положение, материальная самооценка, самооценки женщин в социальном пространстве, субъективные оценки правового положения, самооценка уважения.

Введение

Говоря об обществе риска, в котором живет современное поколение, немецкий социолог У. Бек отмечал, что еще в 60-е гг. прошлого века семья, брак и профессия как соединение жизненных планов, положений и биографий были во многом обязательны, но на современном этапе по всем позициям выявились возможности и принуждения выбора, которые можно рассматривать как разъединение и расчленение элементов жизни и поведения, сосредоточенных некогда в семье и браке [1, с. 149]. Вместе с тем он же признавал, что есть противоположный тренд – выросшему до трети числу разводов противостоят две трети нераспавшихся браков и семей [1, с. 50]. Неполные семьи стали неотъемлемой частью семейной структуры современных обществ. Исследовательский интерес ученых в этой связи направлен не только на изучение причин и разных аспектов их жизнедеятельности, но и на влияние структуры семьи на жизненные

шансы детей, воспитываемых в них, на социальное самочувствие и положение матерей с детьми.

Цель исследования – анализ особенностей идентификации женщинами, воспитывающими детей в одиночку и в браке, своих позиций в социальном пространстве современного российского общества. Были определены следующие исследовательские задачи: анализ субъективных оценок женщин с детьми из полных и неполных семей своего материального положения, определения своего статуса во властных отношениях и степени уважения к ним со стороны общества. Выбор этих показателей был связан с тем, что их анализ позволит выявить субъективные механизмы социального неравенства. Самооценки материального положения, места во властных отношениях являются важнейшими субъективными маркерами социальной стратификации, неравного доступа к материальным благам и принятию решений на разных уровнях, а изучение оценок женщинами уважения к ним показывает, насколько восприятие собственной социальной ценности зависит от их брачного статуса. В совокупности эти измерения могут помочь выявить новые аспекты в дифференцированном социальном положении женщин, состоящих и не состоящих в браке.

Эмпирической базой исследования стали данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ «ВШЭ» (RLMS-HSE)[1] (далее – РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS–HSE) 2004–2023 гг.

Объектом анализа выступили женщины, воспитывающие детей до 18 лет в условиях полных и неполных семей. Под полными семьями мы понимаем семьи, состоящие из двух родителей и детей, под неполными – семьи, состоящие из одного родителя и детей, вне зависимости от причин и оснований их формирования.

В качестве материала для анализа были использованы ответы женщин с разным брачным статусом на следующие вопросы из опросника РМЭЗ: *Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?*; *А теперь представьте себе, пожалуйста, лестницу, из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?*; *И еще одна лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей – те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?*

В исследовании использовались методы анализа частотных распределений, таблиц сопряженности и корреляционного анализа с применением коэффициентов Пирсона.

Основная гипотеза исследования: зарегистрированный брак и полная семья являются важными статусными маркерами для женщин с детьми в общественном мнении, а материальное положение одинокой матери, воспитывающей детей в неполной семье вне зависимости от причины её образования, является более низким по сравнению с женщинами из полных семей и влияет на оценки женщинами своей социальной позиции во властных отношениях и уважения к ним в обществе.

Описание базы данных исследования и обзор литературы

РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS–HSE) является лонгитюдным исследованием, материалы которого содержат сведения по домохозяйствам и индивидам. В настоящее время для исследователей доступны данные 32 волн исследования (1994–2023 гг.)[2]. Ценность данного массива данных заключается в длительном и панельном характере, репрезентативности в масштабах страны.

Работы российских учёных, основанные на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS–HSE), имеют разные исследовательские направления, отличаются методологическими подходами, методами обработки данных и подготовлены с опорой на разные волны мониторинга. На основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS–HSE) 2009, 2013 гг. С.В. Арженовский исследовал влияние брачно-семейного статуса на субъективное благополучие индивидов [2, с. 84]. А.Б. Синельников, используя результаты мониторинга 2016 г., анализировал уровень благополучия респондентов, имеющих разное брачное положение [3, с. 101–103]. Т.А. Гурко исследовала влияние брачного статуса на благополучие, удовлетворённость жизнью и здоровье индивидов [4; 5].

Что касается анализа социального положения россиян на основе их самооценок материального положения, позиций во властном пространстве и степени уважения других, такие исследования на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) были проведены П.М. Козыревой и А.П. Смирновым [6; 7].

Сравнительное исследование субъективных оценок социального положения женщин из полных и неполных семей с позиции материального

положения, властного статуса и уважения ранее не предпринималось. С этой точки зрения исследование имеет элементы научной новизны.

Методология

Объектом анализа выступают женщины, имеющие детей до 18 лет. Группа женщин из неполных семей была сформирована путем выделения респондентов, которые никогда не состояли в браке, а также разведённых и вдов. Во вторую группу женщин, представляющих полные семьи, включены те, кто состоит в зарегистрированном и незарегистрированном браке.

Выборочная совокупность составила в общем массиве 30802 наблюдения за период 2004–2023 гг.

Все вопросы из опросника РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS–HSE), которые анализируются, связаны с идентификацией респондентами своей социальной позиции и показывают, насколько они дистанцируются от крайних проявлений того или иного признака, будь то материальное благополучие или обладание властью. Сравнение ответов женщин из двух групп, разделяющим критерием для которых является состояние в браке, в контексте их социальных характеристик направлено на определение того, какие факторы играют определяющую роль в статусной самоидентификации в социальном пространстве, насколько глубоким является социальное неравенство в обществе.

Специфика этих вопросов в том, что респонденты сами определяют свою социальную позицию в 9-ступенчатой шкале, в которой высшая ступень как максимальное проявление признака выступает показателем принадлежности к элите (экономической, политической), низшая ступень – к группе, обладающей наименьшими капиталом, престижем, властью, – низшим стратам в обществе.

Акцент на крайних ступенях в анализе данных позволяет выявить наиболее выраженные различия в восприятии женщинами своего материального положения, властных позиций и степени уважения.

Для упрощения анализа 9-ступенчатой шкалы она была укрупнена до 3 групп: первая группа объединила нижние 1–3-ю ступени; вторая – средние 4–6-ю ступени; третья – высокие 7–9-ю ступени.

Теоретико-методологической основой исследования послужила концепция социального пространства и теория капиталов П. Бурдье. Социальный мир, по мнению П. Бурдье, можно изобразить в форме многомерного пространства, который построен по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств. Эти свойства способны придавать его владельцу силу и власть и являются различными видами власти и капиталов, которые имеют влияние в различных полях [8, с. 15]. Таким образом, индивиды и группы в зависимости от объема капиталов имеют неравные позиции в социальном пространстве. Как он полагал, неравное распределение капитала представляет собой структуру поля [9].

П. Бурдье выделял три вида капитала, на неравном обладании которыми формируется социальная стратификация: экономический, культурный, социальный. Он считал, что разные виды капитала имеют свойство взаимной конвертации, а экономический капитал образует основу всех других типов капитала [9, с. 71]. Однако отмечал, что неэкономические виды капитала имеют специфическое действие и не могут быть полностью сведены к экономическим. Указывал, что «на одной стороне находится экономизм, игнорирующий специфическое действие других видов капиталов на том основании, что любой из них в конечном итоге сводится к экономическому капиталу. На другой стороне – семиотизм, который сводит социальные обмены к коммуникационным явлениям и игнорирует универсальное сведение всех форм к экономическому основанию» [9, с. 71].

Основываясь на ресурсном подходе П. Бурдье к капиталам, мы допускаем, что тип семьи детерминирует объем капиталов, которым она обладает, и это ведет к структурному неравенству в обществе. Полные и неполные семьи могут иметь групповые характеристики, связанные с разной мерой обладания капиталами, их соотношением, и это дифференцирует их позиции в социальном пространстве. Сравнивая субъективные оценки женщин своего материального положения, мы также анализируем, насколько экономический капитал конвертируется в неэкономические – политический, во власть, а также в символический капитал, к которому относится феномен уважения.

Социально-демографические характеристики женщин из полных и неполных семей[3]

Данные между самооценками дохода, власти, уважения и социально-демографическими характеристиками получены на основе анализа общей

выборочной совокупности женщин из полных и неполных семей за рассматриваемый период.

В общей совокупности женщин, имеющих детей до 18 лет, по данным РМЭЗ 2004–2023 гг., доля женщин из неполных семей составляла 17%–24%, женщин из полных семей – 76%–83%.

Высокая степень удовлетворённости материальным положением характерна для женщин из полных семей (16–24% против 6–17% в неполных семьях), как и степень неудовлетворенности материальным положением у женщин из неполных семей (57–81% против 47–66% в полных семьях).

Женщины из неполных семей отличаются малодетностью, они чаще воспитывают одного ребенка (73–88%), тогда как в группе женщин из полных семей доля однодетных матерей составляет 53–67%. Двухдетными являются 26–36% матерей, состоящих в браке, и 11–21% матерей, воспитывающих детей без партнера. Троих и более детей имеют 4–13% женщин из полных семей и 1–5% из неполных. Таким образом, потенциал рождаемости в большей степени реализуется в полных семьях.

Женщины из полных семей имеют более высокий уровень образования, 24–44% из них окончили вузы. Доля имеющих высшее образования среди женщин из неполных семей составляет 19–36%. Распространенность среднего профессионального и общего среднего образования (в категорию включены все виды неполного среднего образования) примерно одинаковая, статистически значимых различий не наблюдается.

Женщины из неполных семей в среднем на 1.7 года старше женщин, состоящих в браке, – 37.6 и 35.9 лет соответственно. Молодые матери в возрасте 15–24 года составляют незначительную долю в обеих группах (2–8%). В возрасте 25–34 лет доля женщин больше в полных семьях (23–42%) по сравнению с неполными (18–34%). Основная часть женщин относится к возрастной категории 35–44 года: в неполных семьях таковых 37–54%, в полных – 35–52%. В возрастной группе старше 45 лет больше женщин из неполных семей (14–31% против 10–22% в полных).

Уровень занятости женщин из неполных семей (70–79%) выше, чем среди женщин из полных семей (60–67%). В декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком до 3 лет находится больше женщин из полных семей (6–13% против 1.8–7% в неполных). Безработные женщины чаще встречаются в полных семьях (23–30% против 17–25% в неполных).

Наибольшая концентрация женщин из неполных семей наблюдается в городах, в меньшей степени – в сельских населенных пунктах.

Таким образом, женщины из неполных семей составляют менее четверти всех женщин, имеющих детей до 18 лет, как правило, имеют малодетный состав семьи, по уровню образования, культурному капиталу уступают женщинам из полных семей, больше работают и живут преимущественно в городах.

Оценка материального положения женщинами из полных и неполных семей с детьми

На различия в социально-демографических характеристиках одиноких матерей и женщин с детьми, состоящих в браке, указывают многие авторы. Неполные семьи, возглавляемые одинокими матерями, зачастую имеют материальные трудности, низкие доходы, что отрицательно влияет на уровень благополучия одиноких родителей и детей [10; 11, с. 769; 12, с. 147]. Исследователи отмечают долгосрочные последствия для детей пребывания в неполной семье, а именно – во взрослой жизни они зачастую имеют более низкий социально-экономический статус [13, с. 13].

В ходе исследования выявлено, что доля женщин из неполных семей, оценивающих свой материальный статус как низшую ступень, в два раза превышает аналогичную долю женщин, состоящих в браке. Низшая ступень приравнивается к нищим, а нищие в социальном и экономическом понимании — это те, чьи доходы позволяют удовлетворять лишь базовые физические потребности для выживания.

В 2004 г. 5% женщин из неполных семей и 1.6% женщин из полных семей идентифицировали свое материальное положение с низшей ступенью, в 2023 г. – 3.8% и 1.6% соответственно. С 2019 по 2021 г. шли процессы снижения доли женщин, кто свое материальное положение приравнивал к нищим, но в 2022 г. вновь наметился рост, который был характерен в том году и для женщин из полных семей. Максимальных значений этот показатель у женщин из неполных семей достигал в 2007 г. (7.9%), минимальных – в 2011 г. (2.6%). Среди женщин с детьми, состоящих в браке, самый высокий показатель самоидентификации как нищих – 3.6% – был отмечен в 2016 и 2020 г., самые низкие значения – 1% – в 2021 г. Одинокие женщины почти в два раза чаще приравнивают свое

Таблица 1

Материальная самооценка женщин по 9-ступенчатой шкале в 2004–2023 гг.

Ступени	Женщины из неполных семей	Женщины из полных семей
Низшая ступень	5.5	2.6
2	13.7	8.0
3	24.5	20.2
4	23.3	25.7
5	21.2	26.5
6	7.0	10.2
7	2.8	4.2
8	0.6	0.7
Высшая ступень	0.1	0.1

Источник: РМЭЗ (RLMS–HSE).

материальное положение к нищете по сравнению с теми, кто воспитывает детей в полной семье.

К богатым себя относят единицы. Из анализируемых 19 лет мониторинга 14 лет женщины из неполных семей показывали нулевые показатели по идентификации себя с богатыми, максимальное значение, демонстрируемое ими, было в 2023 г. – 1.7%. Женщины из полных семей не причисляли себя к богатым в общей сложности 6 лет мониторинга, их самый высокий показатель был в 2009 г. – 1%.

В целом по всем рассматриваемым годам 5.5% женщин из неполных семей и 2.6% женщин из полных семей отнесли свое материальное положение к низшей ступени (табл. 1).

К богатым (к 9-й ступени) себя относит ничтожная доля женщин из обоих типов семей – 0.1%.

Наибольшая доля женщин из неполных семей считает, что они по материальному положению находятся на 3-й ступени (24.5%), женщины из полных семей – к 5-й ступени (26.5%). Основная часть женщин из полных семей концентрируется на ступенях ближе к середине, из неполных семей – на низких ступенях.

В целом по всем годам к первой группе, включающей нижние 1–3-ю ступени, причисляло себя 44.2% женщин из неполных и 31.3% из полных семей. Наибольшая часть женщин из неполных и полных семей сконцентрирована посередине – во второй группе (4–6-я ступени) – 52.3% и 63.5% соответственно. К третьей группе (7–9-я ступени), отражающей наиболее благополучное материальное положение, относило себя 3.5% одиноких женщин с детьми и 5.2% женщин, воспитывающих детей в браке.

В течение анализируемых лет происходило снижение доли женщин из неполных семей, которые приравнивали себя к нижним 1–3-й ступеням – с 45.5% в 2004 г. до 36.2% в 2023 г. (рис. 1).

Все больше одиноких матерей причисляло себя ко второй группе материального благополучия (4–6-й ступеням), в 2004 г. таковых было 50.5% в 2023 г. – 56.6%. Наблюдается сокращение женщин из неполных семей, связывающих свое положение с нижними доходными стратами. На более высоких ступенях (7–9) произошёл рост доли тех, кто высоко оценивал свое материальное положение, – с 4% в 2004 г. до 7.2% в 2023 г.

Среди женщин, состоящих в браке, происходили аналогичные процессы (рис. 2).

Вне зависимости от брачного состояния женщины все реже выбирают ответы, идентифицирующие их с представителями нижних доходных групп, а также всё более заметен их переход в среднюю группу. Крайние позиции на шкале материального положения – состояния нищеты и богатства несвойственны для большинства респондентов. Вместе с тем материальная дифференциация между женщинами, состоящими и не состоящими в браке, носит устойчивый характер, восходящая доходная мобильность более характерна для женщин, живущих в браке.

Женщины из неполных семей во всех возрастных группах чаще относят себя к низкому уровню дохода (1–3-я ступени) по сравнению с полными семьями. В неполных семьях доля таких женщин варьируется от 42.9% (25–34 года) до 47.5% (старше 45 лет), тогда как в полных семьях этот показатель ниже – от 29.8% (25–34 года) до 34.6% (15–24 и старше 45 лет). Средний уровень дохода (4–6-я ступени) наиболее распространен в обеих группах, но в полных семьях его доля выше: от 60.3% (старше 45 лет) до 65.3% (25–34 года) против 48.5%–53.4% в неполных семьях. Высокий доход (7–9-я ступени) встречается

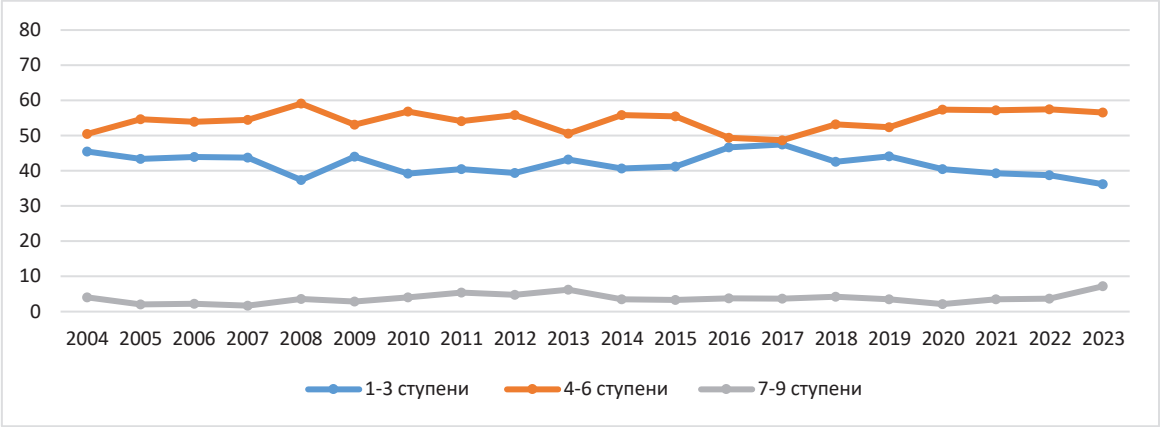

Рис. 1. Субъективные оценки женщинами из неполных семей своего материального положения по 9-ступенчатой шкале в 2004–2023 гг.

Источник: РМЭЗ (RLMS–HSE)

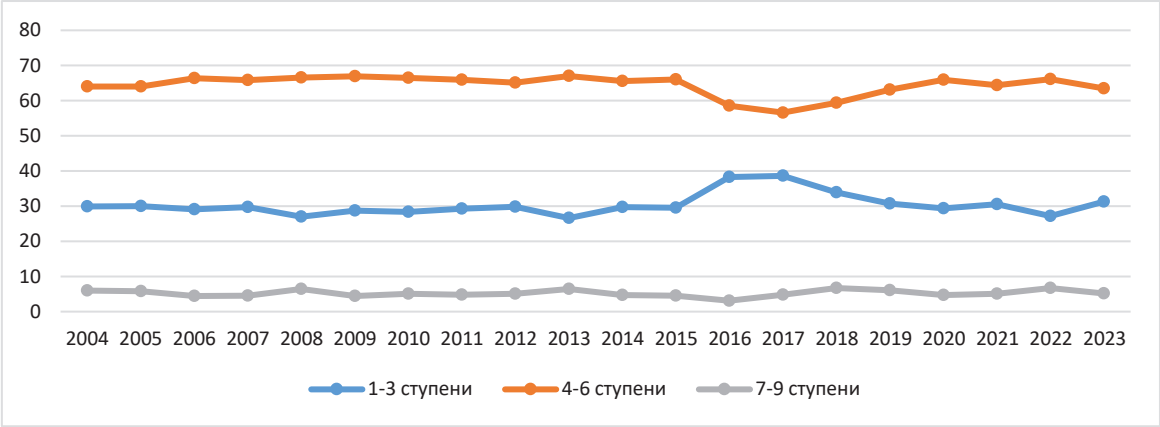

Рис. 2. Субъективные оценки женщинами из полных семей своего материального положения по 9-ступенчатой шкале в 2004–2023 гг.

Источник: РМЭЗ (RLMS–HSE)

редко, но в полных семьях его доля стабильно выше: от 4.5% (15–24 года) до 5.5% (35–44 года) против 2.8%–4.0% в неполных семьях. Таким образом, женщины из полных семей во всех возрастных группах чаще оценивают свой доход как средний или высокий, тогда как в неполных семьях преобладает самооценка низкого дохода.

Чем выше уровень образования, тем выше самооценка дохода. С ростом уровня образования доля женщин, относящих себя к низкому доходному уровню, уменьшается, а к среднему и высокому – увеличивается. Разница между полными и неполными семьями особенно заметна в низком доходном сегменте. В группе со средним образованием разница в самооценке низкого дохода между полными и неполными семьями составляет почти 17%. В группе с высшим образованием этот разрыв снижается до 8.7%, что говорит о том, что высшее образование частично сглаживает влияние семейного статуса на самооценку дохода.

В неполных семьях уровень дохода практически не зависит от количества детей. Без учета количества детей около 48% всех женщин из неполных семей относят себя к низкому уровню дохода (1–3-я ступени), а лишь 3.1–3.6% – к высокому (7–9-я ступени).

Среди работающих женщин доля тех, кто оценивает свой доход как низкий (1–3-я ступени), выше у неполных семей – 41.1% против 30.2% у полных семей. Занятые женщины из полных семей чаще относят себя к среднему и высокому уровню дохода (64.5% на 4–6-й ступенях и 5.3% на 7–9-й ступенях, против 55% и 3.8% у неполных семей).

Безработные женщины из неполных семей значительно чаще относят себя к низкому уровню дохода (54.9% против 34.8% у полных семей), а из полных семей – чаще оценивают свой доход как средний или высокий.

В городах и областных центрах разрыв в доходах между полными и неполными семьями наиболее заметен, тогда как в сельской местности различия менее выражены, но уровень дохода по сравнению с городами в целом ниже.

Различия в самооценках материального положения в исследуемых группах женщин детерминированы объективным дефицитом ресурсов в неполных семьях.

Субъективные оценки женщинами из полных и неполных семей своего положения во властных отношениях

Н. Луман считал, что власть представляет жизненно-мировую универсалию существования общества [14, с. 139].

М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль выделяли три важнейших аспекта (измерения) власти: господство, обеспечивающее выполнение приказа, директивы, власть – это то, что дает возможность осуществить свою волю путем введения в дело ресурсов; функциональный аспект – понимание власти как способности и умения практически реализовать функцию общественного управления; коммуникативный аспект власти – власть так или иначе реализуется через общение, определенный язык, понятный обеим сторонам общественного отношения власти [15, с. 58–59].

Считается, что потребность власти является обязательно и необходимо присущей каждому человеку без исключения, но с разной степенью интенсивности [16, с. 348].

Я. Щепаньский отмечал, что система оценок значимости и возможности действия создают в каждом обществе иерархию ценностей и неравенство ролей, социальных позиций и должностей [17, с. 169]. С этой позиции самооценки во властном пространстве есть суть восприятия респондентами неравенства в распределении и доступе к власти, ресурсам и благам в обществе и определение в нем своего места, а также принадлежности к соответствующей группе.

Указанные измерения власти показывают, что властный статус индивида не может быть перманентным и одним и тем же на разных уровнях коммуникации: обладая супружеской или родительской властью в семье, субъект власти может иметь низкий статус в административной и политической иерархии. Значимый объём власти на профессионально-организационном уровне не означает, что индивид в семье является носителем такого объема власти. Индивиды в обществе все без исключения являются участниками разноуровневых и асимметричных субъект-объектных властных отношений. При этом потребность во власти свойственна всем индивидам, которые обладают разным уровнем ресурсов для ее реализации.

Анализируя самооценки женщин с разным брачным статусом во властных отношениях, необходимо учитывать гендерные аспекты политической культуры. В рамках гендерного дискурса во многих работах отечественных исследователей отмечены иерархичность отношений между мужчинами и женщинами, неравное распределение власти, ресурсов, а также показаны количественные и качественные диспропорции в представленности мужчин и женщин в политике и власти, несмотря на позитивную динамику внедрения женщин в элитные группы [18, с. 120; 19, с. 20]. По данным исследования О.В. Крыштановской и И.А. Лаврова, в современной России женщины составляют 18.7% высшего класса [20, с. 21]. По мнению некоторых авторов, гендерная асимметрия в публичной и приватной сферах создает серьезные риски, которые проявляются в том числе в горизонтальной и вертикальной сегрегации, при которой даже в феминных отраслях экономики мужчины чаще оказываются на более высоких статусных позициях [21, с. 459, 468]. Причины такого положения ученые усматривают в дефиците социального капитала, отсутствии поддержки со стороны как общества, так и власти [19, с. 24]. Эмпирические исследования показывают, что население склонно в политике в большей степени доверять мужчинам, чем женщинам [22, с. 28]. Кроме недостатка социального, финансового капиталов для женщин в целом и в особенности для женщин, имеющих детей, критическим на пути во власть является дефицит такого ресурса, как время. Выполнение репродуктивных функций, забота и воспитание детей, активность на рынке труда формируют сверхзанятость современных женщин, которая не способствует росту их вовлечённости и конкурентности в сферах политики и власти. По объективным причинам, связанным с отсутствием или меньшим участием второго родителя в материальном обеспечении семьи, уходе за детьми, женщины из неполных семей сталкиваются с большими трудностями в вертикальной социальной мобильности.

На микроуровне одинокие матери в рамках своей семьи могут обладать фактически большим семейным авторитетом, уважением и

Таблица 2

Идентификация женщинами своего положения на 9 ступенях обладания властью в 2004–2023 гг.[4]

Ступени	Женщины из неполных семей	Женщины из полных семей
Низшая ступень	7.9	5.7
2	15.0	10.9
3	21.8	19.4
4	20.1	21.3
5	19.9	24.0
6	8.0	9.7
7	3.7	5.1
8	1.1	1.4
Высшая ступень	0.3	0.4

Источник: РМЭЗ (RLMS–HSE)

властью в силу отсутствия в семье мужчины. В этом случае межличностный статус одинокой матери в малой группе – семье является высоким, поскольку авторитет и власть старших, которые в полной семье распределяются между двумя родителями, в неполной семье сосредоточены в руках матери, выполняющей функции главы семьи и субъекта принятия решений.

Вместе с тем в полных семьях распределение властных полномочий может быть индивидуальным, даже при наличии мужчины в семье власть в ней по разным причинам может быть матриархальной.

Социологи давно отмечают, что в современных семьях происходит снижение авторитета отца и усиление авторитета матери, и этот перекос обусловлен, кроме эмансипации, перевесом женских поколений над мужскими [23, с. 143].

Однако личный статус женщин в малой группе не совпадает со статусом в больших группах, который зависит от наличия или отсутствия, комбинации разных видов капитала. Власть связана преимущественно с символическим капиталом, который является всеобщей формой капиталов и условным выражением всех капиталов (экономического, политического, культурного), способных конвертироваться друг в друга. Символический капитал воплощается в таких ценностях, как престиж, репутация, имя [24, с. 103].

Принимая, что неполные семьи подвержены бедности и имеют более низкие доходы и экономический капитал по сравнению с полными семьями, можно допустить, что одинокие матери имеют невысокие позиции по шкале власти.

Наше исследование показало, что к низшей (1-й) ступени во властных отношениях относит себя 7.9% одиноких матерей и 5.7% матерей, состоящих в браке, которые считают себя наиболее бесправными в обществе и обладающими наименьшей властью. За анализируемый период наблюдается снижение доли женщин в обеих группах, отмечающих свое положение как бесправное. К низшей ступени самых бесправных себя в большей степени относили одинокие матери.

К высшей (9-й) ступени власти в обществе относят себя 0.3% женщин из неполных семей и 0.4% женщин из полных семей. Статистически значимых различий и особых колебаний показателя не было. Обе группы демонстрируют стабильные и крайне низкие показатели. Максимальные значения доли женщин из неполных семей в этом сегменте наблюдались в 2017 г. – 1.1%, из полных семей в 2008 г. – 1.2%. Нулевые значения у женщин из неполных семей отмечались 9 раз, женщин из полных семей – 5 раз.

Женщины мало идентифицируют себя с властью. Чем выше ступень, тем меньше становится доля женщин, связывающих с ней свое положение. Это в целом связано с гендерной асимметрией в российской политике и власти. Ранг статуса, к которому себя причисляют наибольшая доля женщин из полных семей, – 5-я ступень, женщин из неполных семей – 3-я ступень (табл. 2). В этом вопросе более чётко видна социальная дистанция в самооценках женщин с разным брачным статусом, чем в вопросе, касающемся уважения в обществе. На более высоких ступенях по величине своей доли лидируют женщины из полных семей, на низких – женщины из неполных семей.

Как показано в таблице 2, к низшей ступени шкалы власти относят себя 45.7% женщин из неполных семей и 36.7% женщин из полных семей. Наблюдаемая разница является статистически значимой. Данная группа характеризуется минимальным обладанием власти и близка к бесправию. В ней больше представлено женщин из неполных семей.

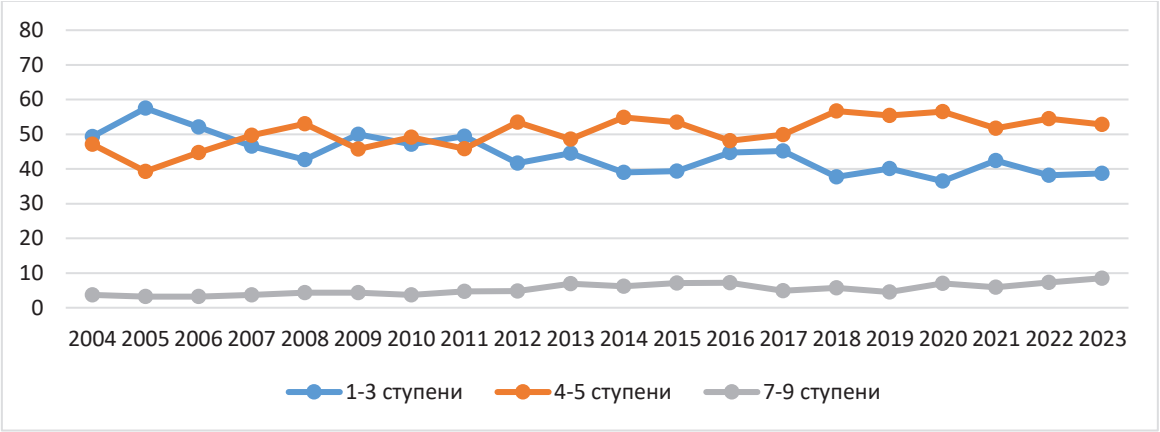

Рис. 3. Субъективные оценки женщин из неполных семей своей позиции во властных отношениях в 2004–2023 гг., %

Источник: РМЭЗ (RLMS–HSE)

Рис. 4. Субъективные оценки женщин из полных семей своей позиции во властных отношениях в 2004–2023 гг., %

Источник: РМЭЗ (RLMS–HSE)

Со второй группой, которую мы условно называем «средней», идентифицируют себя 49.1% женщин из неполных и 56.2% из полных семей. Таким образом, большая часть респондентов соотносит себя с теми, кто находится посередине между бесправными и обладающими максимальной властью.

Третья группа включает лиц, имеющих высокие позиции в пирамиде власти. В ней представлено меньшинство респондентов – 5.2% женщин из неполных семей и 7.1% из полных, различия являются статистически незначимыми.

В динамике мы наблюдаем позитивные изменения, связанные со снижением доли тех, кто соотносит себя с 1–3-й ступенями, небольшим ростом на 4–6-й и 7–9-й ступенях (рис. 3).

Для женщин из полных семей характерны аналогичные тенденции, но темп роста доли тех, кто относит себя к 4–6-й и 7–9-й ступеням, более выражен (рис. 4). В 2004 г. к 4–6-й ступеням относили себя 50.2% женщин, состоящих в браке, в 2023 г. – 59.5%, к 7–9-й ступеням в 2004 г. причисляли 5.4%, в 2023 г. – 10.5%.

За рассматриваемый период заметно сократилась доля женщин из полных семей в нижнем сегменте шкалы власти – с 44.4% в 2004 г. до 30.1% в 2023 г.

Важной является выявленная нами связь между уровнем материального благосостояния и позицией во властных отношениях. Чем выше субъективные оценки материального положения, тем выше оценивается и позиция во властных отношениях. На меньшую степень обладания властью чаще указывают те, кто имеет низкую материальную обеспеченность. Так, 73.1% оценивших свое материальное положение в рамках низкодоходных 1–3-й ступеней определяют свою социальную позицию ближе к бесправным. 72.3% идентифицирующих себя со средней группой по материальному благополучию тоже соотносят себя со средней группой во властных отношениях. И 51.5% наиболее благополучных

в материальном плане женщин отмечают себя на высоких ступенях власти.

Разница в этом вопросе между женщинами из полных и неполных семей сохраняется во всех возрастных группах, что подчеркивает влияние семейной поддержки.

Молодые женщины (15–24 года) в неполных семьях чувствуют себя наиболее бесправными. В этой возрастной группе 48.1% оценивают свою позицию как низкую (1–3-я ступень), и это выше аналогичной доли среди женщин старших возрастов.

Пик уверенности наблюдается в возрасте 25–44 лет, в обеих категориях наибольшая доля женщин (50–57%) оценивает свою власть на среднем уровне (4–6-я ступень). С возрастом у женщин в неполных семьях чаще снижается самооценка расположения на этой шкале. Среди женщин старше 45 лет доля низкой самооценки снова вырастает: 51.0% (против 44.1% в 35–44 года). В полных семьях такого заметного спада не наблюдается (39.5% в старшей группе). В неполных семьях доля женщин, оценивающих высоко свои властные возможности, держится на уровне 4.4–5.5%, в полных семьях этот показатель – 5.2–7.8%.

Чем выше уровень образования, тем выше самооценка по шкале власти. Среди женщин со средним образованием (54.2% из неполных семей и 43.4% полных) преобладает идентификация с низшей ступенью. Среди обладательниц высшего образования из неполных семей этот показатель падает до 34.9%, среди полных – до 29.4%.

В неполных семьях доля женщин, оценивающих свою властную позицию как низкую, увеличивается с ростом количества детей: 44.5% (1 ребенок), 50.2% (2 детей), 50.0% (3 и более детей). В полных семьях этот показатель стабилен (36.5–37.9%) и не зависит от количества детей. Доля женщин, идентифицирующих свою позицию со средними 4–6 ступенями, в неполных семьях снижается по мере роста количества детей: 50.4% (1 ребенок), 43.8% (2 детей), 45.2% (3 и более детей). В полных семьях этот показатель остается высоким и стабильным (55.3–56.5%), независимо от количества детей. Высокая самооценка в обеих группах минимальна и практически не зависит от количества детей (4.8–6.0% в неполных и 6.8–7.5% в полных семьях).

В группе самооценок низкого уровня обладания властью больше безработных (54.3%) и женщин в неоплачиваемом отпуске (100%). Даже среди работающих женщин в неполных семьях этот показатель довольно высок – 43.1% против 36% у полных семей. Расположение на высших ступенях шкалы власти чаще отмечают работающие женщины из полных семей (7.2%), что свидетельствует о большей финансовой стабильности в их семьях.

Женщины из неполных семей чаще ощущают себя бесправными вне зависимости от типа поселения.

В позиционных самооценках женщин из полных и неполных семей есть различия, свидетельствующие о влиянии брачного статуса на восприятие женщинами своего места во властных отношениях. Несмотря на общую удалённость от центров принятия решений, которую выражают респонденты из обеих групп, женщины, состоящие в браке, более позитивно оценивают себя по шкале власти. Выявлено существенное влияние материального положения на оценки позиций в сфере власти.

Самооценка степени уважения окружающими у женщин из полных и неполных семей

«Уважение» и его антипод «неуважение» представляют собой недостаточно изученные в социологии явления. Н.Н. Зарубина выделяет меритократическое и эгалитарное значения уважения [25, с. 12]. Первое значение связано с представлением о том, что уважения заслуживают индивиды и социальные группы за свои достоинства и заслуги, второе – с признанием за другим равного с собой достоинства и ценностей [9].

К субъективным внутренним факторам, влияющим на оценку женщиной себя как объекта уважения, относится самоуважение. Уважение и самоуважение выступают взаимопроникающими явлениями. А.Б. Купрейченко, Д.В. Дружинина считают, что здоровое самоуважение основывается на заслуженном уважении со стороны других, и потребности в самоуважении и уважении других являются высшими потребностями, связанными с престижем, признанием, статусом, оценкой и принятием [26, с. 74–75].

Измерение степени уважения к себе как субъектам социальных отношений направлено на выявление оценок респондентами своей значимости и ценности, которые признаются обществом. Эти оценки выражают субъективные представления индивидов о своих статусных характеристиках и роли в социальной среде. Для нашего исследования было важно, влияет ли брачный статус на оценки женщинами степени уважения к ним в обществе, отражаются ли представления об обязательности брака и

Таблица 3

Идентификация женщинами своего положения по 9-ступенчатой шкале уважения в 2004–2023 гг.[5]

Ступени	Женщины из неполных семей	Женщины из полных семей
Низшая ступень	0.4	0.3
2	1.2	1.0
3	3.6	2.9
4	8.4	7.2
5	20.7	19.9
6	17.3	18.2
7	21.5	22.8
8	15.4	16.8
Высшая ступень	6.7	7.0

Источник: РМЭЗ (RLMS–HSE)

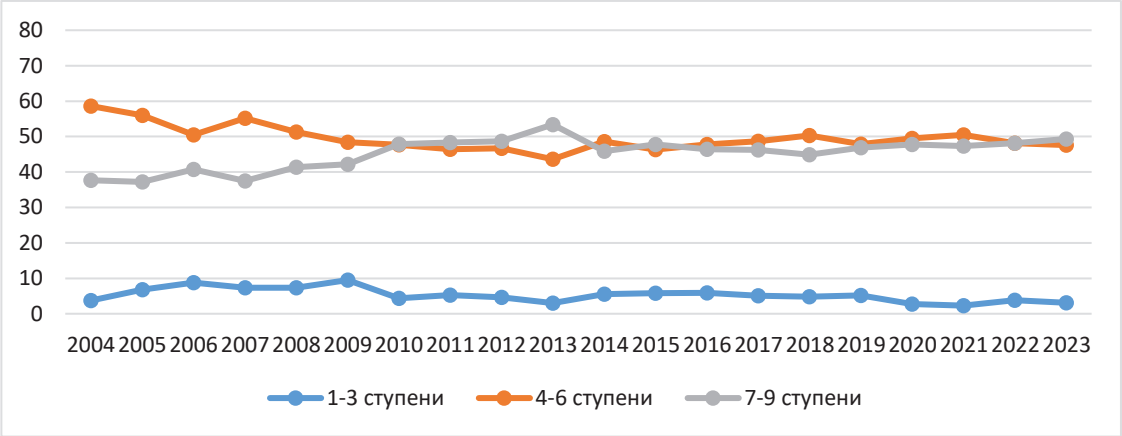

Рис. 5. Самооценки женщин из неполных семей по 9-ступенчатой шкале уважения в 2004–2023 гг., %

Источник: РМЭЗ (RLMS–HSE)

полной семьи на восприятие женщинами себя как объектов уважения.

Было выявлено, что в целом различия в самооценках женщин степени уважения к ним минимальны. Наибольшая доля женщин из неполных семей в 2004–2010 гг. идентифицировала себя по данному вопросу с 5-й ступенью. С 2011 г. они стали выше оценивать уважение к себе, что привело к смещению большей части женщин из неполных семей на 7-ю ступень. В 2023 г. преимущественная часть женщин из рассматриваемых групп, по их самооценкам, находилась на 7-й ступени.

Доля женщин из неполных семей, относящих себя к низшей ступени уважения, не превышала 1.2% на протяжении всех исследуемых лет, среди женщин из полных семей – 0.8%. Разница не является статистически значимой, что указывает на схожесть в восприятии уровня уважения женщинами из неполных и полных семей.

Что касается 9-й, высшей ступени уважения, наблюдается отсутствие линейной и однозначной картины. Если мы исходили из гипотезы, что наличие зарегистрированного брака является определяющим фактором социального статуса женщины с детьми, и, следовательно, ожидали, что женщины из неполных семей будут демонстрировать заниженную оценку того, как к ним относятся в обществе, то данные РМЭЗ показали, что доля женщин из неполных семей, идентифицирующих себя с высшей ступенью уважения, практически не отличается от показателя женщин из полных семей. С 2020 г. наблюдается рост доли женщин, которые ассоциируют себя с высшей ступенью уважения. В 2023 г. доля женщин из неполных семей в этом сегменте на один процентный пункт превысила долю женщин из полных семей.

В целом по всем годам с первой группой себя связывают 5.5% женщин, одиноко воспитывающих детей, и 4.3% женщин с детьми, состоящих в браке (табл. 3). Ко второй группе относят себя 48.7% женщин из неполных и 47.2% женщин из полных семей. В третьей группе доля одиноких матерей составила 45.8% по всем годам, среди матерей, воспитывающих детей в браке, – 48.5%.

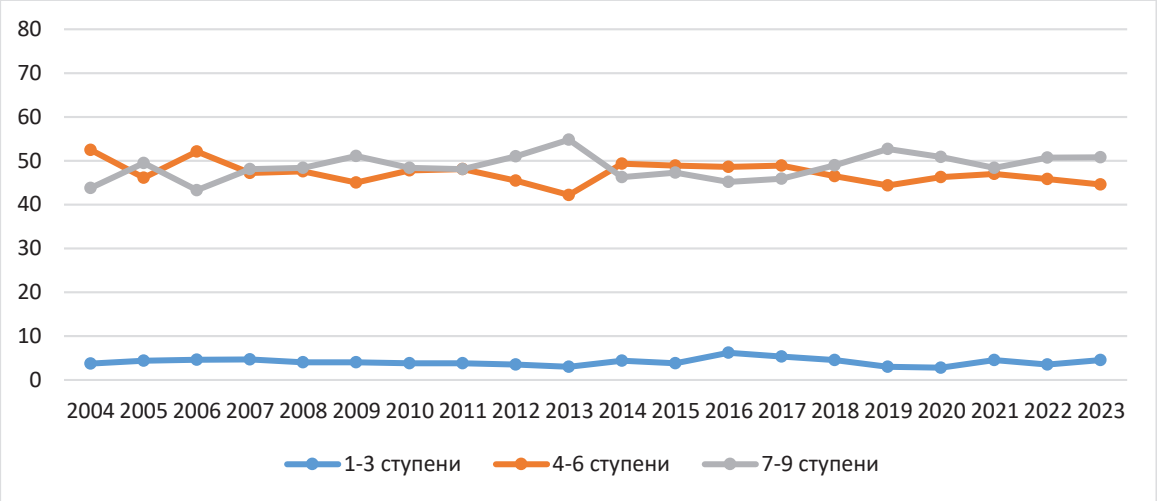

Рис. 6. Самооценки женщин из полных семей по 9-ступенчатой шкале уважения в 2004–2023 гг., %

Источник: РМЭЗ (RLMS–HSE)

По шкале уважения наблюдаются минимальные различия между женщинами с разным брачным статусом. Именно в вопросах уважения к высоким ступеням шкалы относит себя существенная часть женщин – и состоящих, и не состоящих в браке.

В динамике в группе женщин из неполных семей прослеживаются следующие тенденции: уменьшение доли в нижних позициях, рост доли на высоких ступенях, колебания на средних 4–6 ступенях (рис. 5).

Таким образом, осознание собственной значимости, достоинств, благодаря которым респонденты заслуживают уважения других, повышалось в течение рассматриваемого периода в обеих группах. По шкале уважения женщины показывают самые высокие самооценки по сравнению с субъективными оценками материального благополучия и власти.

Самый низкий уровень самооценки уважения наблюдается у молодых женщин (15–24 года), это одинаково характерно для женщин из полных и неполных семей. С возрастом уровень уважения растет в обеих группах. Женщины старше 45 лет чувствуют себя более уважаемыми, среди них 50.8% в полных семьях и 45.7% в неполных относят себя к высоким ступеням уважения. Разрыв в самооценках степени уважения между женщинами из полных и неполных семей уменьшается с возрастом.

Женщины с высшим образованием чувствуют себя наиболее уважаемыми. В неполных семьях 58.2% женщин с высшим образованием относят себя к высоким ступеням уважения (7–9), в полных семьях – 54.3%. Это самый высокий показатель среди всех категорий образования, что подчеркивает связь между образованием, социальным капиталом и самооценкой степени уважения.

Высокий уровень уважения чаще отмечают женщины с одним ребенком: 46.8% (неполные семьи) и 49.0% (полные семьи). Среди многодетных женщин этот показатель ниже: 39.2% (неполные семьи) и 44.1% (полные семьи). Женщины из неполных семей с тремя и более детьми чаще чувствуют недостаток уважения: 10.4% ставят себя на низкие ступени уважения, что выше, чем показатели однодетных (5.4%) и двухдетных (4.6%) женщин данной категории.

Женщины, у которых нет работы, чаще оказываются на низких ступенях уважения: 9.7% в неполных семьях и 6.2% в полных семьях. Женщины из неполных семей сильнее ощущают отсутствие уважения, если они не работают. Работающие женщины из разных типов семей почти в одинаковой степени ощущают высокую степень уважения к себе.

Чем больше населенный пункт, тем выше уровень субъективной оценки уважения, отмечаемый женщинами. В селах этот показатель ниже.

Зависимость самооценки женщин по шкале уважения от уровня материального положения не столь значима, как в случае самоидентификации во властных отношениях. Показательно, что 55.8% женщин, приравнивающих себя к наименее обеспеченным материально (к 1–3-й ступеням), выбирают 4–6-ю ступени шкалы уважения, 33.2% – более высокие 7–9-ю ступени уважения. 52.8% средних по материальному достатку отмечают высокую степень уважения к

ним со стороны окружающих людей. Закономерно, что 85% тех, кто оценил свой достаток высоким, полагают, что они пользуются высоким уровнем уважения (7–9-я ступени шкалы уважения).

В исследовании П.М. Козыревой и А.И. Смирнова выявлено, что положение респондентов на шкалах власти и материального благосостояния намного ниже, чем на шкале уважения, данный факт они объясняют тем, что многие россияне уважение других людей к себе не связывают со своим материальным положением и наличием или отсутствием властных полномочий [7, с. 22].

Полученные нами результаты дополняют эти выводы – брачный статус не является значимым дифференцирующим фактором в субъективных оценках женщин с детьми степени уважения к ним. Материальное благополучие повышает самооценки уважения, однако низкие позиции по шкале богатства не означают автоматического выбора таких же низких оценок по шкале уважения.

Относительно женщин из неполных семей можно сделать вывод, что достаточно высокие оценки уважения к себе со стороны других свидетельствуют об отсутствии осуждения, неодобрения по поводу их статуса одинокой матери.

Корреляционный анализ

Коэффициенты корреляции Пирсона между переменными, касающимися различных аспектов социальной позиции (самооценок материального положения, власти и уважения) женщин, состоящих и не состоящих в браке, варьировались от 0.15 до 0.72[6] за период 2004–2023 гг., что свидетельствует об умеренной связи между оценками женщин своей социальной позиции по этим трём шкалам. Наиболее сильная корреляция наблюдается между самооценками материального положения и властной позиции. Коэффициенты корреляции между ними на протяжении всего исследуемого периода остаются стабильными (0.55–0.72). Самооценки материального благосостояния и обладания властью в обществе имеют схожую динамику в обеих группах женщин, что подчеркивает близость их позиции во властном пространстве. Меньшие значения корреляции (в пределах 0.17–0.47) между самооценками материального положения и уважения свидетельствует о более слабой связи между этими переменными. Женщины не связывают напрямую уровень своего уважения в обществе с материальным благосостоянием. Слабая корреляция (в пределах 0.15–0.44) наблюдается и между самооценками властного статуса и уважения в обществе.

Женщины, которые считают себя более благополучными в материальном плане, чаще более высоко оценивают свою власть по сравнению с теми, кто находится на низких ступенях материального положения.

Эти результаты согласуются с выводами исследования П.М. Козыревой и А.И. Смирнова, в котором авторы отмечают значимую, но умеренную положительную связь между положением респондентов на шкале уважения и их положением на шкалах богатства и власти, в то время как связь между богатством и властью оказывается более выраженной [7, с. 22].

Для анализа взаимосвязи позиционирования целевой аудитории на ступенях шкал дохода, власти и уважения нами был построен динамический ряд коэффициентов корреляции внутри подгрупп.

Во всех возрастных подгруппах (15–24, 25–34, 35–44, старше 45 лет) наблюдается устойчивая связь между самооценками дохода и власти (0.61–0.64). Жительницы городов и сел демонстрируют схожие тенденции. Корреляция между доходом и властью составляет 0.60–0.66. Независимо от уровня образования наблюдается сильная связь между самооценками дохода и власти (0.58–0.64).

Сильная связь между доходом и властью у женщин, удовлетворённых своим материальным положением (0.63–0.64).

Наиболее тесная связь между доходом и властью у работающих женщин и неработающих (0.61–0.66).

Связь между доходом, властью и уважением менее выражена во всех анализируемых подгруппах (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне 0.19–0.44), что указывает на более сложную и опосредованную взаимосвязь этих аспектов социальной позиции, а также относительную независимость символического капитала от экономического и политического капиталов.

Результаты исследования свидетельствуют, что самооценки материального положения и властного статуса являются взаимосвязанными аспектами социальной позиции женщин, независимо от их брачного статуса и социально-демографических характеристик. Это может быть объяснено тем, что экономический капитал служит основой власти и влияния.

Заключение

Анализ субъективных оценок женщин с детьми, состоящих и не состоящих в браке, своего материального положения, позиций во

властных отношениях, степени уважения к ним в обществе не только показывает характеристики их социального положения, но и во многом раскрывает особенности их социального самочувствия.

Различия в субъективных оценках материального положения между женщинами из рассматриваемых групп более заметны, чем в оценках уважения и власти. К верхним ступеням материального благополучия относят себя, как и во властных отношениях, единицы.

Материальные самооценки женщин с разным брачным статусом конструируются на основе источников и уровня доходов, детерминируемых структурой семьи. Уровень материального благополучия неполных семей ниже, чем у полных семей, что свидетельствует о значимости фактора брачного статуса в этом вопросе.

С 9-й ступенью материального положения за весь рассматриваемый период идентифицировали себя не более 2% женщин из обеих групп, что указывает на избыточное доходное неравенство в современном российском обществе в целом.

По шкале власти к нижним позициям женщины относят себя чаще, чем по шкале материального благополучия. Несмотря на общие низкие самооценки женщин с разным брачным статусом, женщины из неполных семей ниже оценивают свое положение во властных отношениях. Заметна связь материального положения и власти – по мере роста доходного благополучия повышаются самооценки по шкале власти. Считаем, что финансовые ресурсы и наличие брака повышают уровень социальной субъектности женщин и влияют на их самооценки в сфере власти.

Оценки степени уважения со стороны общества, выражаемые женщинами с детьми, являются важным социальным индикатором.

Механизмы формирования представлений о себе как об объекте уважения, осознания своих достоинств, заслуг, достижений мало связаны с брачным статусом и материальным положением. В социальных отношениях женщины с детьми склонны высоко оценивать уважение к ним. Максимальные значения доли женщин, идентифицирующих себя с высокими ступенями, а также минимальные значения доли на нижних ступенях наблюдаются именно по шкале уважения. По исследуемому признаку практически нет различий между женщинами, состоящими и не состоящими в браке. Вышесказанное свидетельствует о разных явлениях: об отсутствии принижения одиноких женщин с детьми в общественном мнении; о позитивных оценках женщин своего социального окружения; о большей значимости самореализации в профессиональной и иных сферах, чем супружество; о распространённости эгалитарных представлений, согласно которым каждый человек, вне зависимости от своих социальных, экономических, статусных характеристик, достоин уважения. Исследование показало уникальность шкалы уважения как относительно автономного от брачного статуса, а также экономического, политического капиталов показателя.

В целом можно сделать вывод, что брачный статус влияет на самооценки – социальное положение женщин из полных и неполных семей различается в части материального благополучия и во властном пространстве – одинокие матери имеют более низкий статус. Гипотеза исследования подтвердилась частично – брачный статус не сильно влияет на самооценки степени уважения в обществе.

Наше исследование показало, что помимо брачного статуса значимым фактором в социальном положении является качество человеческого капитала индивидов. Женщины из неполных семей, с этой точки зрения, неоднородны, возраст, уровень образования, занятость могут усиливать или ослаблять значения негативных оценок социального положения. Незанятость и низкий уровень образования детерминируют более низкие оценки материального положения, власти и уважения. Чем больше детей, тем ниже оценки по шкале власти, чем моложе возраст, тем бесправнее себя оценивают женщины из неполных семей. Эти факты, в частности, показывают значение культурного капитала в формировании экономического, политического и символического капиталов.

Корреляционный анализ выявил, что самооценки материального благосостояния и властных полномочий воспринимаются респондентами обеих групп как взаимосвязанные аспекты социальной позиции. В то же время материальное положение, как и властный статус, не являются основными факторами, влияющими на достижение уважения в обществе. Обладание властью не всегда означает наличие высокого общественного признания. Уважение в обществе может зависеть от социального капитала, коммуникационных навыков и личностных качеств индивида.

Примечания

1. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и

ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS HSE: http://www.hse.ru/rlms и https://rlms-hse.cpc.unc.edu.

2. Данные обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ // RLMS–HSE [сайт]. URL: https://www.hse.ru/rlms/spss (дата обращения: 15.08.2024).

3. Представленные данные между самооценками дохода, власти, уважения и социально-демографическими характеристиками получены на основе анализа общей выборочной совокупности женщин из полных и неполных семей за рассматриваемый период.

4. В таблицу не включены доли ответа «затрудняюсь ответить», а также отказов от ответа, отсутствия ответов.

5. В таблицу не включены доли ответа «затрудняюсь ответить», а также отказов от ответа, отсутствия ответов.

6. Значимость здесь и далее на уровне 0.01, двусторонняя.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

2. Арженовский С.В. Эконометрическое моделирование влияния семейного статуса на субъективное благополучие. Часть II // Учёт и статистика. 2016. № 1 (41). С. 79–87.

3. Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113.

4. Гурко Т.А. Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 73–94.

5. Гурко Т.А. Эволюция и трансформация брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58–69.

6. Козырева П.М., Смирнов А.И. Человек уважаемый: динамика и особенности самоидентификации, 1994–2020 гг. // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 2. С. 8–25.

7. Козырева П.М., Смирнов А.И. Динамика субъективного властного статуса // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2. С. 13–30.

8. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

9. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–71.

10. Ifcher J., Zarghamee H. Trends in the Happiness of Single Mothers: Evidence from the General Social Survey // Journal of Happiness Studies. 2014. Vol. 15. P. 1219–1238.

11. Cheng-Xi A.E., Sabri M.F. Single Mothers' Subjective Well-Being: Empirical Evidence from Malaysia // Health Care for Women International. 2021. No. 42:4–6. P. 756–777.

12. Muarifah A., Widyastuti D.A. and Fajarwati I. The Effect of Social Support on Single Mothers' Subjective Well-Being and Its Implication for Counseling // Journal Kajian Bimbingan dan Konseling. 2019. No. 4 (4). P. 143–149.

13. Richter D., Lemola S. Growing up with a Single Mother and Life Satisfaction in Adulthood: A test of Mediating and Moderating Factors // PLoS ONE. 2017. No. 12 (6): e0179639. P. 1–15.

14. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.

15. Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть // Психология и психоанализ власти. В 2-х т. Т. 1. Самара: Бахрах-М, 1999. С. 58–80.

16. Каверин С.Б. Что такое потребность власти? // Психология и психоанализ власти. В 2 т. Т. 1. Самара: Бахрах-М, 1999. С. 335–392.

17. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Общ. ред. и послесл. акад. А.М. Румянцева. М.: Изд-во «Прогресс», 1969. 237 с.

18. Григорьева Н.С. Актуальное состояние исследований по вопросам обеспечения равенства мужчин и женщин // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21. № 4. С. 111–139.

19. Крыштановская О.В., Бальбот Н.А. Женщины и мужчины: образовательные и профессиональные лифты в политику // Женщины в российском обществе. 2024. № 3. С. 20–38.

20. Крыштановская О.В., Лавров И.А. Женщины в российском высшем классе // Женщина в российском обществе. 2025. № 3. С. 21–36.

21. Воронова К.А., Кетов И.В. Социальное положение женщин в современном российском обществе через призму социокультурных гендерных ценностей и норм // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 3. С. 459–474.

22. Герасимова Г.И., Крюкова С.А. Формирование политического капитала: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2025. № 4. С. 17–29.

23. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.

24. Артемов Г.П. Политическая социология. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. 256 с.

25. Зарубина Н.Н. Взаимное уважение в повседневной жизни россиян // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 10–18.

26. Купрейченко А.Б., Дружинина Д.В. Уважение/неуважение и доверие/недоверие как основания категоризации личностью социального окружения // Ученые записки ИМЭИ. 2012. Т. 2. № 1. С. 73–86.

SELF-ESTEEM OF THE SOCIAL STATUS OF WOMEN FROM SINGLE-PARENT FAMILIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE RLMS-HSE 2004–2023)

***O.D. Natsak*[1], *T.I. Gorina*[2]**

[1] Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva

[2] Institute of Sociology of Federal Research Sociological Center of Russian Academy of Sciences

The article analyzes the self-assessment of the social status of women from single-parent families in comparison with women from two-parent families based on the data of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health of Higher School of Economics (RLMS–HSE 2004–2023). The authors have investigated subjective assessments of mothers, married and unmarried, their financial situation, status in power relations, the degree of respect for them in society. This approach to the study of differences in the social status of women from different types of families reveals not only the problems of income, power and social inequality in general, but also the dependence of the subjective well-being of women with children on matrimonial status

The materials of the RLMS–HSE, one of the most important sources of data on the economy, social status and health of Russian families, in a dynamic cross-section show stable income inequality between the two types of families, a higher proportion of single mothers at the lower strata in terms of financial status and power relations, the distance of the predominant part from a minority with wealth and power, according to their self-assessments. Power is the most scarce resource, access to which is difficult for most women, regardless of marital status. This is the area where respondents rate themselves the worst, and there are no special fluctuations in the estimates.

An analysis of women's self-identification in these areas in a dynamic cross-section from 2004–2023 indicated lower estimates by single mothers of their social status, respectively, social well-being, and that is a stable social fact that must be taken into account in social work with families of different structural types.

In social relations, women having children, regardless of marital status, tend to appreciate highly respect for them, which indicates the absence of disapproval, condemnation of single motherhood and legitimization of single-parent families.

The authors compared the Pearson coefficients for the scales of financial status, power and respect, as well as analyzed the dynamics of correlations over the years, which showed a consistently high correlation between financial status and power, a weak relationship between financial status and respect, typical for women from both study groups and for the overall monitoring sample as a whole.

Keywords: single-parent families, single mothers, social status, material self-esteem, subjective assessments of legal status, self-esteem of respect.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2026_3_234

КАК СЕЛЬСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ФОРМИРУЕТ ГРАНИЦЫ ПРОФЕССИИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА

© 2026 г.

О.А. Парфенова, И.С. Петухова

Парфенова Оксана Анатольевна, к.соц.н.; старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург
oparfenova2023@yandex.ru
Петухова Ирина Сергеевна, к.соц.н.; старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург
irini-prz@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.01.2026
Статья принята к публикации 16.07.2026

На материалах эмпирического исследования в селах Северо-Запада концептуализируются профессиональные границы профессии социального работника в современном российском селе как результат пересечения формализованного государственного регулирования и кризисного, дефицитного сельского пространства, в котором старение протекает в условиях инфраструктурной и институциональной уязвимости. Профессиональные контуры задаются нормативами (профстандарты, индивидуальная программа предоставления социальных услуг и тарифы на услуги) и призваны обозначить границы и объем помощи и защитить как подопечного, так и соцработника. Однако нормативные рамки оказываются принципиально несоизмеримыми с эмпирической реальностью старения с «печным отоплением, водой из колодца и в сугробах по пояс». Сельское пространство влияет не только на потребности пожилых, но и на конфигурацию профессиональных норм социального работника (времени, объема и содержания работы, этики взаимодействия). На уровне практик границы профессии постоянно двигаются: социальные работники берут на себя дополнительные обязательства, превращаясь в некую гибридную фигуру между родственником, соседом и представителем государства, что одновременно смягчает социальное исключение сельских пожилых и усиливает моральную и физическую нагрузку на самих работников. Профессия социального работника в селе остается женской, с относительно свободным графиком, но низким статусом, и зачастую она является практически единственным вариантом женской занятости в селе.

Ключевые слова: социальная работа в селе, старение в селе, социальное обслуживание, социальное исключение, сельская инфраструктура, здоровье пожилых.

Введение

Профессия социального работника в России в современном варианте возникла в начале 1990-х как следствие институциализации сферы социальной работы (создание учреждений социального обслуживания, открытие образовательных программ). В 1995 г. был принят первый закон о социальном обслуживании[1], в котором были закреплены базовые понятия и контуры системы. При этом профессионализация социальной работы изначально развивалась в условиях советского организационного наследия, низких требований к квалификации, малоконкурентной оплаты труда и стигматизации клиентов социальных служб [1]. За три десятилетия произошла дальнейшая институциализация: развивалась правовая база, в том числе в направлении гуманизации норм по отношению к различным уязвимым группам [2]. Принятие Федерального закона № 442-ФЗ[2] об основах социального обслуживания в 2013 г. усилило регламентацию и привело к повышению стоимости услуг для клиентов, одновременно открыв поле для негосударственных поставщиков (НКО и социальных предприятий) и став драйвером разгосударствления системы социального обслуживания [3; 4]. Негосударственные поставщики демонстрируют более гибкий подход и широкий спектр услуг, а также готовы к внедрению инноваций в отличие от государственных сервисов, по привычке воспринимающих пожилых в качестве пассивных получателей услуг [5]. Однако в региональном разрезе распределение негосударственных поставщиков услуг выражено неравномерно.

Для самой профессии социального работника важным шагом стало утверждение профстандарта в 2013 г.[3], задавшего минимальные требования к образованию и обязанность прохождения курсов первой медицинской помощи. Впоследствии стандарт обновлялся (в 2020 г.), в нем менялась номенклатура предоставляемых услуг и появлялись новые трудовые функции и акценты. До введения стандарта обязанности и требования к соцработникам были прописаны фрагментарно, с региональными вариациями и слабым акцентом на профессиональных навыках и компетенциях, поэтому стандарт можно рассматривать как этап формализации и профессионализации, несмотря на его рекомендательный характер. Более жестким инструментом регулирования выступает ИППСУ (индивидуальная программа предоставления социальных услуг), в которой фиксируются виды и объем помощи. Жесткая регламентация услуг призвана защитить получателя, а также социального работника, действующего строго в соответствии с ней. На деле же программа остается негибкой и не учитывает в полной мере важные потребности подопечного и полный объем выполняемой работы соцработника [6].

Важным драйвером укрепления статуса профессии социального работника должны были стать «майские указы» 2012 г.[4], согласно которым средняя зарплата социальных работников к 2018 г. должна была достигнуть 100% от средней заработной платы по региону, то есть приравняться к средней зарплате в соответствующем субъекте РФ. При этом существенного роста не наблюдалось вплоть до 2022–2025 гг., когда началось повышение зарплат в рамках национальных проектов и усилился контроль за соблюдением «майских указов». Несмотря на попытку с помощью указов улучшить систему социальной защиты и повысить оплату труда отдельным профессиональным группам, реализация этих указов вызвала много вопросов и критики. Так, повышение зарплат сопровождалось сокращением работников «указных» специальностей наряду с увеличением нагрузки, региональными различиями в пользу крупных центров и долгами по зарплатам со стороны региональных властей [7, 8].

Сельские территории в этом отношении оказались в еще более сложных условиях, поскольку социальная работа в условиях села всегда была сопряжена с большей нагрузкой, ввиду инфраструктурных дефицитов в самих населенных пунктах и у получателей услуг непосредственно, удаленностью от крупных городских центров, небольшой численностью населения. Социальное обслуживание в условиях села часто сопряжено с тяжелой физической работой (принести воды, дрова, почистить снег), реальный объем работы превышает формальный список услуг, а усредненный портрет социального работника – женщина предпенсионного или пенсионного возраста, работающая на неполную ставку [9]. Сельское пространство задает определенные границы профессиональной помощи социального работника, сезонность работы, ненормированные границы потребностей клиентов, неучтенные виды помощи – все это определяет особую специфику социальной работы в сельской местности. Сельский клиент – особый клиент, границы обслуживания которого формируются кризисным дефицитным пространством села.

Наше исследование посвящено изучению роли социального работника в условиях современного села с учетом правового и социального контекстов, а также кризисности самого пространства села. Основные вопросы: какова роль сельского социального работника? Как формируются границы профессии социального работника в современном селе?

Село как особое пространство, «двигающее» профессиональные границы

Ключевым аналитическим инструментом в понимании социальной работы в селе становится концепция «места», включающая физические (расстояние, местоположение, климат) и социальные (смыслы, привязанности, эмоциональные связи) измерения [10; 11]. Географические и климатические особенности, такие как сезонность, погода и топография, оказывают прямое влияние на жизнь сельчан, в том числе и непосредственно на социальную работу в сельской местности. При этом многие характеристики сел, удаленность, специфические потребности местных жителей остаются вне внимания тех, кто разрабатывает стандарты и нормативы предоставления социальных услуг [11]. Место становится не просто фоном для практики, а активным элементом, формирующим идентичность и социальные отношения между его жителями [12].

Связь между человеком и местом его проживания является одним из основных параметров при использовании концепции социального исключения в исследованиях старения [13]. Европейские исследователи, анализируя влияние места жительства на степень социального включения, разработали концептуальную модель, интегрирующую возраст (age), пространство (space)

и социальное исключение (exclusion), и получили так называемый «ASE-треугольник» [14]. С возрастом взаимосвязь между индивидом и окружающей средой усиливается, что акцентирует фундаментальную роль места проживания в обеспечении социальной включенности пожилых людей. При этом такие проблемы, как миграционный отток, сокращение инфраструктуры, старение населения в сельской местности, пересекаются и усиливают друг друга, что увеличивает риски социального исключения пожилых жителей села [15; 16].

Границы между городом и селом формируют бинарные оппозиции («мы/они», «здесь/там», «включенные/исключенные»), сказываясь на изоляции и восприятии сельской жизни как «иной» [17]. Отличительными чертами сельской местности являются более тесные социальные связи и отношения между людьми, ограниченность ресурсов с четкой тенденцией к их уменьшению, однородность сельской социальной структуры при небольшой численности населения, минимальная инфраструктура [18; 11]. В отличие от города, где категории жителей абстрактны, в селе все конкретизировано и персонифицировано: все коллеги, соседи и так далее – это конкретные люди. Социальная организация села порой непредсказуема и нелогична, что делает ее выключенной из системы властных отношений [19]. Перечисленные характеристики в совокупности формируют специфический образ жизни и мировоззрение сельских жителей.

В России в сельской местности проживает более четверти населения (27%). Современное село уже давно не является пространством преимущественно сельского хозяйства: здесь развиваются промышленность, строительство, связь, рекреационные, туристические и экологические функции, а также новые формы проживания (дачники, фрилансеры, специалисты, живущие между городом и деревней) [20]. При этом резко усилилась региональная дифференциация – села вблизи крупных городов сильно отличаются от удаленных от агломераций и сел в национальных регионах, что требует учета локальной специфики при анализе и политике [20].

«Парадокс сельской жизни», отмечаемый в зарубежной литературе, заключается в том, что многие жители хотят стареть в селе, имея там тесные социальные связи в виде взаимопомощи и поддержки, однако их желание переплетается с инфраструктурным дефицитом и сокращенным доступом к профессиональным услугам [21; 22].

Сельские работники – социальные, медицинские, психологи – сталкиваются с рядом этических и профессиональных дилемм, описанных преимущественно в зарубежной литературе: помогающие специалисты, как правило, являются частью того же сообщества, они связаны не только профессиональными, но и личными отношениями со своими клиентами, они «заметны» в сообществе, им сложно поддерживать конфиденциальность; сотрудникам социальных и медицинских служб зачастую необходимо быть «специалистом широкого профиля»; они работают в условиях изоляции от своих городских коллег [12; 23]. Таким образом, вызовы сельской социальной работы связаны с размыванием профессиональных границ, множественностью ролей и уникальными особенностями сельского пространства. В условиях пандемии и усиления уязвимости вопрос о границах профессии социального работника стал особенно актуальным, поскольку в сельской местности эти границы часто пересекаются с личными и социальными ролями [24]. Социальные работники в селе нередко выполняют функции, выходящие за рамки их формальных обязанностей, проявляя «скрытое волонтерство» и действуя из стремления к интеграции и поддержке местного сообщества [12; 25]. Такие практики смягчают социальное исключение пожилых, но одновременно создают риски потери объективности, дополнительной нагрузки и конфликтов между личным и профессиональным [12; 25].

Вслед за исследованиями профессиональных границ работы в селе мы разграничиваем два измерения границ профессии социального работника в селе – нормативное и практическое. Нормативное измерение задается федеральным и региональным законодательством, профстандартом социального работника, ИППСУ, региональными тарифами, которые фиксируют допустимый объем помощи, распределение ответственности и правила ее оказания. Практическое измерение формируется в повседневной работе социальных работников и включает фактическое распределение ролей («социальный работник» и «сосед»/«родственник»), использование соседских и родственных ресурсов, гибкость или, напротив, жесткость временных и пространственных рамок взаимодействия, а также этические аспекты взаимодействия в условиях малых сообществ, где складывается более сложная картина взаимоотношений («все всех знают»).

Конфигурация этих измерений в сельской местности определяется не только институцио-

нальной логикой системы социального обслуживания, но и характеристиками самого места – пространственной удаленностью, инфраструктурным дефицитом, малым масштабом и высокой плотностью социальных связей. Такой подход созвучен работам, в которых профессиональные границы рассматриваются как динамическая конструкция, возникающая на пересечении формальных этических норм и контекстно обусловленных практик взаимодействия с клиентами, особенно в малых и сельских сообществах [12, 24, 25]. Модель «age – space – exclusion» позволяет рассматривать старение в сельской местности как процесс, в котором пространственные характеристики места проживания напрямую влияют на риски социального исключения пожилых людей (через доступность инфраструктуры, интенсивность социальных связей, возможности получения помощи) [13, 14]. В этой логике границы профессии социального работника являются одним из ключевых регуляторов, определяющих, насколько формализованная помощь способна компенсировать или, напротив, усилить пространственно обусловленные дефициты включенности пожилых.

В нашем исследовании мы рассматриваем, как выстраиваются границы профессии социального работника в условиях современного села на примере обслуживания пожилых как группы с высокими рисками уязвимости и социального исключения, исходя из логики привязки к дефицитному пространству.

Материалы и методы

В своем исследовании мы опираемся на качественную методологию, провели исследование в селах трех регионов – Ленинградской обл., Новгородской обл. и Республики Карелия. Все села, где собирались материалы, удалены от региональных центров и не принадлежат к городским агломерациям. Материалы включают интервью с социальными работниками, обслуживающими пожилых в селах (N=10), и руководителями социальных служб (N=2). Для анализа нормативов социальных работников мы знакомились с разными версиями ИППСУ, включающими в себя перечень услуг для конкретных благополучателей. В российском контексте мы имеем, с одной стороны, дело с постоянно усовершенствующейся нормативной базой, задающей правила социального обслуживания, а с другой – с региональными особенностями и различиями при выстраивании системы социальной поддержки. Каждый из регионов имеет свои локальные нормативные акты о социальном обслуживании и свою систему тарификации услуг. В исследовании мы не анализировали региональные различия в нормативах и тарифах (а они есть), сфокусировавшись на сопоставлении доступных благополучателям набора услуг в рамках ИППСУ и реальных функций социальных работников.

Кроме того, мы анализируем плотные описания 9 сел. В плотных описаниях, составленных по плану, зафиксирована вся имеющаяся инфраструктура сел и типичных домохозяйств наших информантов. Ввиду небольшого количества интервью, мы не делаем строгих обобщающих выводов, несмотря на то, что в рамках исследования опросили весомую часть социальных работников в пределах конкретных районов обслуживания[5], а руководители подразделений КЦСОН из Новгородской и Ленинградской областей представили нам обобщающую картину с данными по районам. Для триангуляции данных мы брали интервью с теми благополучателями, которых обслуживали интервьюированные социальные работники, и сравнивали полученную информацию. В ходе сравнения расхождения оказались «в пользу» социальных работников – пожилые чаще рассказывали о помощи «сверх» ИППСУ, которую им оказывают соцработники. Подробно интервью с обслуживаемыми пожилыми в рамках данной статьи мы не анализируем.

Анализ интервью выполнен с помощью тематического кодирования. Валидность выводов обеспечивалась методом исследовательской триангуляции, при котором транскрипты анализировались обоими авторами независимо друг от друга [26]. При цитировании интервью в статье все информанты и населенные пункты были анонимизированы. Все интервьюируемые подписали информированные согласия, в которых содержалась ключевая информация о целях исследования и планах по дальнейшему использованию данных.

Результаты исследования

Социальный работник в селе – кто он и чем занят?

Социальные работники в исследуемых нами селах – преимущественно женщины от среднего до раннего пенсионного возраста (42–63 года), часто родившиеся и прожившие жизнь в селе, что, как правило, определяет характер обслуживания и отношений между социальным работником и клиентом (все наши информанты называют своих

клиентов «подопечными»). Стаж работы варьируется от 3 до 25 лет, преимущественное большинство социальных работников пришли в профессию случайно из-за отсутствия альтернативной занятости. Многими нашими информантами профессиональная социальная работа воспринимается как вынужденная мера в условиях дефицита занятости в селе: *«Работы больше нет никакой. Надо где-то работать. Более уже привыкла здесь. И бабушки привыкли ко мне, и я к ним»* (соцработник, 50 лет, Новгородская обл.); *«Ну, нравится или не нравится, просто другого нет. Ну, в общем, в принципе, да, потому что знакомые все. Тяжело, конечно, но где-то надо работать»* (соцработник, 55 лет, Новгородская обл.).

В нашем исследовании практически все социальные работники – члены местного сообщества, знакомые и знающие своих подопечных и их родственников. Этот эффект может как усложнять обслуживание, усиливать моральное давление на социального работника, так и упрощать, например, в части выстраивания доверительных отношений, оценки деятельности социального работника.

Вход в профессию часто случайный: подсказали знакомые, освободилось место, закрылись другие предприятия, невысокая пенсия. Многие наши информанты ценят официальное оформление, удобный график, оплачиваемый отпуск.

Интервьюированные нами социальные работники имеют среднее образование, профессиональное образование – непрофильное. Профессии обучились на специальных курсах (базовые бытовые, социальные и психологические навыки), регулярно проходят повышение квалификации. Хотя само повышение навязано «сверху» – изменениями в законодательстве или в профстандартах. В целом это обучение не сильно влияет на повседневную профессиональную практику, которая в большей степени обусловлена сельским контекстом. Именно условия села, сезонность, инфраструктурные ограничения задают определенные требования к объему и характеру предоставляемых социальных услуг.

Нагрузка социального работника в селе складывается не из количества получателей, а из количества (и стоимости) оказанных социальным работником услуг. Руководитель одной из организаций отметила, что на полную ставку социальному работнику необходимо оказать услуг примерно на 100 тыс. рублей в месяц, это в среднем – 15–16 подопечных на одного социального работника. Свой доход наши информанты оценивают как невысокий, но для села – достаточный. Не у всех социальных работников получается «набрать» необходимое количество услуг, что ведет к сокращению их зарплаты. Мы встретились со случаями оформления родственников/знакомых на обслуживание, чтобы можно было «добрать» услуги, например, до целой ставки. Частота визитов варьируется от двух раз в неделю до ежедневного посещения.

Социальные работники отмечают сезонный характер обслуживания. Зима «усиливает» нагрузку на социальных работников: чистка снега, поддержание колодца/проруби для доставки воды, принос дров и топка печей, что в первую очередь связано с усилением физической нагрузки: *«Это, конечно, зимой, зимой очень, очень тяжело. Очень и с водой тяжело, и со снегом тяжело. И дров надо в два раза больше возить, носить. Зимой тяжелее. Весной, вот осенью, это попроще немножко, хотя бы не надо снег грести. А бывают такие, что сугроб, бабуся звонит, говорит, мне вообще из дома не выйти. Больше метра сугроб, за ночь нападал, берешь лопату, идешь и копаешь. Так что, а так-то, вот вода и дрова, это у нас, конечно, самое тяжелое по нашей работе»* (соцработник, 50 лет, Новгородская обл.).

В целом наши информанты не склонны очерчивать свои профессиональные границы, готовы выполнять разного рода услуги, не сильно интересуются изменениями, происходящими в сфере социального обслуживания. Однако последние нововведения, связанные с внедрением системы долговременного ухода во многих регионах, в том числе и в тех, где работают наши информанты, как бы очертили профессиональные границы: социальные работники оказывают бытовые услуги, а помощники по уходу обеспечивают личный уход. Вот как наши информанты это объясняют: *«Социальный работник, что печное отопление, дрова приносить, воду приносить, печку топить, то самое вот это – это социальный работник. А помощник по уходу – это за ней ухаживать. Памперсы одевать, мыть, убирать, готовить, кормить»* (соцработник, 60 лет, Новгородская обл.). При этом один и тот же человек может быть оформлен и как социальный работник, и как помощник по уходу для разных получателей социальных услуг.

Помощь социального работника может дополняться помощью со стороны родственников (хотя некоторые информанты отмечают конфликты с родственниками), волонтеров (1–2 раза в год), соседей. Органы местного само-

управления, со слов наших информантов, не рассматриваются как реальные субъекты помощи пожилым.

Пожилой в селе как особый клиент: влияние пространства на потребности и запросы

Инфраструктурный дефицит является ключевым контекстом, задающим рамки и характер обслуживания. Инфраструктурный дефицит проявляется на двух уровнях – на уровне села как населенного пункта и на уровне подопечных, проживающих часто в неблагоустроенном секторе. Инфраструктурный дефицит села связан с ограниченностью в доступе к объектам медицинской и социальной инфраструктуры: поликлиникам, аптекам, банкоматам, почте, магазинам и пр. Все эти объекты в разных вариантах представлены в исследуемых селах, но усредненный портрет таков, что в селе нет ФАП, почта работает один раз в неделю либо приезжает специальная почтовая «автолавка», банкоматов и аптек нет – они в ближайшем райцентре. На уровне домохозяйств неблагоустроенный частный сектор означает отсутствие централизованного водоснабжения и отопления. Несмотря на развитие автономных систем водоснабжения, канализации и отопления, в условиях села эти удобства присутствуют в основном у дачников-горожан либо у более молодых работающих сельчан. Пожилые, как правило, живут «по старинке», что влечет за собой необходимость топить печь, носить воду и т.д.

Подопечные сельских соцработников заметно различаются по мобильности, потребностям и реже по степени коммунального удобства. Сравнивая городских и сельских пожилых, информанты отмечают, что сельчане более устойчивы к жизненным трудностям, они более самостоятельны в бытовом плане, хотя обеспечить базовые нужды им сложнее, в первую очередь ввиду пересечения обозначенных нами дефицитов: *«Понимаете, город – отопление, вода, магазин вот рядом. Все как бы рядом, и куда-то что-то можно позвонить. У нас же деревня все-таки, представляете, они как-то, если есть кто-то там рядом, кооперируются. А так они более, не знаю, мы, наверное, жизнестойкие к жизни. То есть кому-то что-то нужно делать. В деревне нужно постоянно шевелиться»* (соцработник, 52 года, Новгородская обл.).

Соцработники отчетливо проблематизируют сельский дефицит, снижающий качество жизни их подопечных: *«Ничего у нас нет. Вот у нас туалет, там выгребная яма, колодец полкилометра у дороги. У нас ничего нет. Отопление у нас печное. Печи мы ставили сами. Когда совхоз тоже распался, у нас было отопление. И все. И вода вот в колонках здесь была. Совхоз закрылся. Воду отключили, кочегарку снесли. Ставили все печи домашние сами. Дрова покупаем тоже сами. У нас никаких удобств нет. Только крыша рваная. В том доме двое живут. И мы здесь двое. И плюс магазин еще в одной квартире. Остальное все. Все уехали. Просто нет, кто-то умер, кто-то уехал»* (соцработник, 55 лет, Новгородская обл.).

Таким образом, инфраструктурные трудности формируют «особого клиента» – сельского пожилого, более уязвимого, чем городской, и сталкивающегося с гораздо большими трудностями при удовлетворении базовых потребностей, ограниченного в медицине, общении, финансах, быстрее и отчетливее «стареющего» из-за трудных условий жизни и необходимости самообеспечения.

Несмотря на то что сельские социальные отношения более теплые, из-за старения населения, из-за смертности и запустения домов сельские пожилые рассматриваются социальными работниками как более одинокие, особенно в условиях оттока молодого населения. Некоторые информанты подчеркивают особую эмоциональную составляющую обслуживания одиноких пожилых: *«Вы знаете, когда я прихожу, мне так рады. Вот все равно как-то рады, чтобы с человеком посидели. У меня сейчас слезы потекут. Вот они прям как дети малые. Вот с ними чем больше говоришь, тем им больше хочется с тобой подольше времени»* (соцработник, 63 года, Новгородская обл.). В таких условиях профессиональные границы по распределению ролей между семьей, соседями и социальным сервисом де-факто сжимаются до фигуры одного социального работника, который замещает сразу нескольких акторов.

Формализация: механизм защиты и закрепощения

Набор услуг для подопечных в сельской местности призван учесть инфраструктурную специфику и включает необходимую сельчанам помощь (принести воды, дров, растопить печь, почистить снег и т.д.). Однако на практике учет порой получается неполным и неточным. Причиной является не вполне адекватная оценка условий проживания пожилых в ИППСУ. Некоторые виды услуг не тарифицируются никак, хотя являются насущными. Например, вынос жидких отходов тарифицируется как «вынос мусора» и может оказываться один раз в неделю, хотя на практике вынос жидких отходов требуется

чаще: *«Имеется в виду, уборка – это не только подмела пол там, да, а вынос мусора, причем вынос даже жидких отходов, потому что туалеты у всех, не все ходят в туалет, как этот, ходят на ведро, и мы выносим. И мусор, вот жидкое, с раковины, вот это всегда выносим. Но у нас сейчас сократили это, сделали всего 4 раза в месяц только. То есть, получается, в понедельник я пришла, вынесла ведро, а в четверг у меня нету этого. Или там в другой день, да. То есть вот как-то вот несостыковочка. Вот все время задавали этот вопрос, никто не может ответить, почему так сделали»* (соцработник, 46 лет, Ленинградская обл.).

Другой пример неполного учета помощи связан с водопроводом. При оформлении подопечного на обслуживание в программе помечается, что у него в доме есть водопровод (индивидуальный из колодца) и принос воды ему не требуется. Но в сильные морозы вода перемерзает и социальный работник сталкивается с необходимостью оказывать услуги, которые не прописаны в программе у подопечного и, соответственно, не тарифицируются при подсчете оклада: *«Вот у них проведена в дом вода, да? И в ИПСУ потом ставят, что вода есть. Не поставят вам воду. А зимой раз у нее замерзло это все. И я не имею права нести воду. То есть вот такой нюанс. То есть мы должны переделывать им ИПСУ тогда. А они говорят, мы не можем переделать, потому что у нее стоит в доме вода»* (соцработник, 46 лет, Ленинградская обл.). Эти примеры демонстрируют пересборку временных границ взаимодействия, когда норматив частоты визитов уступает место реальной инфраструктурной недоступности и потребностям пожилого человека.

При этом сами социальные работники отмечают, что в последние годы они стали более защищены в части ограничения объема работы за счет более четкой тарификации и калькуляции услуг, хотя порой она и идет вразрез с реальными потребностями подопечных: *«Раньше, когда я начинала работать, у нас не было четкого перечня услуг и какие у нас нормативы. Сейчас у нас 2 ведра воды и 2 охапки дров. Ну и представьте, как человеку я принесу 2 ведра воды на несколько дней. Это же реально мало. И дров так же мало. Соответственно, мы несем больше, но норматив у нас такой. А раньше было, сколько тебе скажут, столько и носишь. Заставят там 10 охапок принести. Идешь, несешь. Сейчас как бы нас защищают. Продуктов много и не можешь нести. Четыре, по-моему, килограмма в одни руки»* (соцработник, 46 лет, Ленинградская обл.).

Таким образом, норматив по тяжелой работе (принос воды и дров) четко задан. Но социальный работник отмечает, что по факту все равно его перевыполняет, особенно если речь идет о морозном периоде и предстоящих длительных выходных/праздниках. В некоторых случаях социальные работники более жестко регулируют границы собственного труда и настаивают на фиксации каждой дополнительной услуги сверх норматива за дополнительную плату.

Некоторые виды помощи, реально оказываемой социальными работниками, не закреплены в программах и стандартах, но по факту оказываются социальными работниками, воспринимаются как «соседская помощь», «человеческие отношения». Такие действия включают визиты в нерабочие/праздничные дни к одиноким пожилым, поддержку проруби, кормление домашних животных, присмотр за домом/огородом в отсутствие, принос ягод и пр.: *«Если меня бабушка просит. У нее есть собачка, она не может сегодня выйти, чтобы его накормить. То есть накормить собаку, кошку или принести что-то еще. Одна бабушка, она держит курочек. Но она сегодня лучше себя чувствует, она может сходить. Когда я прихожу к ней, это делаю я. Я полностью ухаживаю. Я могу и кур накормить, и собаку накормить, и кошку. Допустим, какие-то там работы. В подвал бабушке, например, надо слазить, достать там баночку какую-то с вареньем. Или же что-то еще. То есть я эти услуги делаю, хотя это совершенно не прописано в моих обязанностях. Это чисто просто мое расположение и помощь пожилым людям»* (соцработник, 53 года, Ленинградская обл.). Здесь видно, как содержательные границы профессии смещаются от списка тарифицируемых услуг к более широкому репертуару соседской помощи.

Резюмируя, стоит сказать, что формализация обслуживания, выраженная в четкой калькуляции услуг, с одной стороны, призвана защитить трудовые права социальных работников и задать понятные границы в объеме работы, а с другой – она призвана учесть потребности сельских пожилых, существенно отличающиеся от городских. Однако на практике мы имеем дело с неполным и неточным учетом и потребностей пожилых, и труда социальных работников. Это приводит к тому, что границы потребностей пожилых не совпадают с предполагаемыми границами труда соцработников и обе стороны вынуждены в каждом случае индивидуально искать решения. Сами социальные работники при этом оказываются под довольно сильным моральным давлением, когда они вынужденно

выполняют неучтенную работу, поскольку речь идет о базовых и жизненно важных потребностях подопечного (вода, тепло, гигиена) и соседских отношениях (давнего знакомства). Тем не менее само введение норматива оценивается социальными работниками как защитная мера по отношению к ним, но нуждающаяся в доработке.

Заключение

Сельское пространство выступает конституирующим основанием, задающим материальные, организационные и символические границы профессии сельского социального работника и траекторий старения в селе. Пространственные дефициты (инфраструктура, транспорт, доступ к медицине и услугам) структурируют повседневность пожилых людей и формируют специфическую конфигурацию потребностей, в которой базовое выживание (вода, тепло, передвижение) выходит на первый план. В этой логике сельский пожилой человек предстает «особым клиентом» – одновременно более жизнестойким и более уязвимым по отношению к рискам социального исключения, чем городской пожилой.

Вместе с тем наше исследование показывает, что профессиональные границы профессии социального работника в селе являются подвижными и постоянно переопределяются на пересечении формализованных нормативов (ИППСУ, профстандарты, тарифы) и неформальных практик «скрытого волонтерства», соседской помощи и моральных обязательств перед «своими». Формализация призвана защитить труд социального работника, но в условиях кризисного и дефицитного сельского пространства она неизбежно дает сбои, порой оставляя без учета ключевые практики заботы, жизненно значимые для пожилых. В результате социальная работа в селе выступает как пространственно обусловленная практика заботы, в которой социальный работник, будучи агентом государства, вносит свой вклад в заботу наряду с семьей и соседским сообществом, смягчая эффекты социального исключения, но одновременно испытывая на себе бремя, определяемое самим сельским местом. Таким образом, сельское пространство влияет не только на потребности пожилых, но и на конфигурацию профессиональных норм социального работника (времени, объема и содержания работы, этики взаимодействия).

Примечания

1. Федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».
3. Приказ Минтруда России от 18.11.2013 № 677н «Об утверждении профессионального стандарта «Социальный работник».
4. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».
5. Например, в районе Новгородской области из 10 работающих в селах социальных работников мы взяли интервью у 5.

Список литературы

1. Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. «A salary is not important here»: the professionalization of social work in contemporary Russia // Social Policy & Administration. 2002. V. 36. № 2. P. 123–141.
2. Григорьева И.А. Развитие социальной работы в России и возможности улучшения профессионального образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2011. № 9. С. 253–256.
3. Парфенова О.А. Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 2. С. 165–186.
4. Григорьева И.А., Парфенова О.А. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 1. С. 7–22.
5. Саралиева З.Х., Петрова И.Э. Пожилые в российской негосударственной социальной работе // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 1. С. 95–108.
6. Парфенова О.А., Петухова И.С. Трансформация социального обслуживания пожилых граждан в российских регионах в условиях стареющего общества и меняющегося законодательства // Старения больше не будет: Монография / И.А. Григорьева [и др.]. СПб.: Астерион, 2018. С. 58–102.
7. Matveev I., Novkunskaya A. Welfare restructuring in Russia since 2012: National trends and evidence from the regions // Europe-Asia Studies. 2022. V. 74. № 1. P. 50–71.
8. Музычук В.Ю. Занятость и оплата труда в сфере культуры: итоги бюджетной реформы и реализации «майских указов» // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 4. С. 501–514.
9. Петухова И.С. Социальное обслуживание пожилых в сельской местности // Клиническая геронтология. 2022. Т. 28. № 9–10. С. 3–6.
10. Duncan J.S. The city as text: The politics of landscape interpretation in the Kandyan Kingdom. Cambridge University Press, 2004.

11. Castleden H., Crooks V.A., Schuurman N., Hanlon N. «It's not necessarily the distance on the map…»: Using place as an analytic tool to elucidate geographic issues central to rural palliative care // Health & Place. 2010. V. 16. № 2. P. 284–290.

12. Helbok C. The practice of psychology in rural communities: Potential ethical dilemmas // Ethics & Behavior. 2003. V. 13. № 4. P. 367–384.

13. Walsh K., Scharf T., Van Regenmortel S., Wanka A. Social exclusion in later life: Interdisciplinary and policy perspectives. Cham: Springer International Publishing, 2020. 278 p.

14. Wanka A., Moulaert T., Drilling M. From environmental stress to spatial expulsion: Rethinking concepts of socio-spatial exclusion in later life // International Journal of Ageing and Later Life. 2018. V. 12. № 2. P. 25–51.

15. Walsh K., O'Shea E., Scharf T., Shucksmith M. Exploring the impact of informal practices on social exclusion and age-friendliness for older people in rural communities // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2014. V. 24. P. 37–49.

16. Dahlberg L., McKee K. J. Social exclusion and well-being among older adults in rural and urban areas // Archives of Gerontology and Geriatrics. 2018. V. 79. P. 176–184.

17. Newman D. The lines that continue to separate us: borders in our "borderless" world // Progress in Human Geography. 2006. V. 30. № 2. P. 143–161.

18. Ильин В.И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 25–47.

19. Гололобов И.В. Деревня как неполитическое сообщество: социальная (дис)организация мира собственных имен // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 2. С. 40–54.

20. Toshchenko Z.T. What is the modern Russian village? // Sociological Research. 2019. V. 58. № 1–2. P. 55–66.

21. Skinner M.W. Voluntarism and long-term care in the countryside: The paradox of a threadbare sector // The Canadian Geographer / Le Géographe canadien. 2008. V. 52. № 2. P. 188–203.

22. Manthorpe J., Malin N., Stubbs H. Older people's views on rural life: A study of three villages // Journal of Clinical Nursing. 2004. V. 13. P. 97–104.

23. Sharman Z. Recruitment and retention of home support workers in rural communities // Home Health Care Services Quarterly. 2014. V. 33. № 4. P. 229–243.

24. Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская-Смирнова В.Н. Жизненный мир помогающей профессии в период пандемии: переосмысление символических границ // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 112–122.

25. Hanlon N., Halseth G., Clasby R., Pow V. The place embeddedness of social care: Restructuring work and welfare in Mackenzie, BC // Health & Place. 2007. V. 13. № 2. P. 466–481.

26. Denzin N.K. Triangulation 2.0 // Journal of Mixed Methods Research. 2012. V. 6. № 2. P. 80–88.

HOW RURAL SPACE SHAPES THE BOUNDARIES OF A SOCIAL WORKER'S PROFESSION

O.A. Parfenova, I.S. Petukhova

Sociological Institute of FCTAS RAS

Drawing on empirical research conducted in villages of Russia's North-West, the article conceptualizes the professional boundaries of social work in contemporary rural Russia as an outcome of the intersection between formalized state regulation and a crisis-ridden, resource-scarce rural space where ageing unfolds under conditions of infrastructural and institutional vulnerability. These professional contours are shaped by regulatory norms (professional standards, individual programmes of social service provision and service tariffs) designed to delineate the scope and limits of assistance and to protect both clients and social workers, yet they prove fundamentally incommensurable with the empirical realities of ageing «with stove heating, well water and waist-deep snowdrifts». Rural space affects not only the needs of older people but also the configuration of professional norms governing social workers' time, workload, scope of practice and ethics of interaction. At the level of everyday practice, professional boundaries are constantly shifting: social workers take on additional obligations and become hybrid figures oscillating between kin, neighbour and state representative, which simultaneously mitigates the social exclusion of rural older people and intensifies the moral and physical burden on the workers themselves. In rural areas, social work remains a feminized occupation, characterised by relatively flexible schedules but low status and often constituting virtually the only form of paid employment available to women in the village.

Keywords: social work in the rural area, aging in the rural area, social services, social exclusion, rural infrastructure, health of older people.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2026_3_243

ПРОТИВОРЕЧИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КАТЕГОРИИ ФРАГМЕНТИРОВАННОСТИ

© 2026 г.

А.И. Кислов

Кислов Арсений Игоревич, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kislov.arseny@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.03.2026
Статья принята к публикации 28.07.2026

Социальная работа рассматривается как современный социальный институт и профессия, которая выполняет важные социальные и гуманитарные функции в жизни российского общества. Специфические черты, характерные для данной профессии, анализируются через призму категории фрагментированности. С опорой на логику структурного функционализма и подхода к исследованию профессий Э. Эбботта дается характеристика проявлений фрагментированности социальной работы. Затрагиваются проблемы, связанные с разрывом между профессиональной подготовкой и профессиональной практикой, развитием «квазирынка» социальных услуг и трудностями межсекторного и межведомственного взаимодействия, методологической неоднородностью и полипарадигмальностью, а также географической неравномерностью распределения ресурсов. Образовательный аспект фрагментации анализируется на основе результатов анкетного опроса студентов бакалавриата и магистратуры, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа» в ННГУ им. Н.И. Лобачевского (n=100), проведенного в 2024–2025 гг. Выдвигается предположение о существовании механизма, обеспечивающего устойчивость и воспроизводство фрагментированности структуры профессии, в котором система профессиональной подготовки играет ключевую роль.

Ключевые слова: социальная работа, фрагментация, профессиональная подготовка, профессиональная идентичность, социология профессий.

Введение

Социальная работа в России – сравнительно молодой социальный институт, легитимация которого началась в 1991 г., когда в перечне профессий были утверждены соответствующие специальности: специалист по социальной работе, социальный работник. На эту профессию возложены важные социальные, гуманитарные функции [1, с. 297], эффективное выполнение которых приобретает все более весомое значение в контексте новых вызовов и обостряющихся социальных проблем. Расширение круга уязвимых групп (например, участники специальной военной операции и члены их семей; лица, перенесшие COVID-19) и вместе с этим появление новых направлений деятельности в рамках социальной работы [2] указывают на возрастающую общественную значимость и востребованность профессии. В этом контексте приобретают актуальность исследования, направленные на анализ системных противоречий и оценку того, в какой мере сложившаяся структура социальной работы соответствует современным социальным вызовам.

Социальная работа в России – сфера трудовой деятельности, для которой характерен ряд специфических особенностей и вместе с тем противоречий. С одной стороны, профессия формально закреплена нормативно, представлена в системе высшего и среднего профессионального образования, является частью социальной политики. С другой стороны, анализ публикаций (например, И.М. Воротилкиной) позволяет утверждать, что «профессиональный компонент» деятельности в смысле автономности, целостности, субъектности профессионального сообщества начал активно развиваться только недавно [3]. Кроме того, наблюдаются расхождения в понимании содержания деятельности, размытость границ компетенций, различия в статусе и условиях труда специалистов, что в том числе отражено в публикациях У.В. Трохировой [4]. Обозначенные противоречия могут указывать на существование разрыва в структуре социальной работы – системного явления, которое может стать предметом социологического анализа.

Различные аспекты функционирования института социальной работы находятся в центре внимания исследователей. Разработаны вопросы, касающиеся профессионализации [5] и институциализации [6] данной сферы деятельности, профессиональной подготовки [7] и профессионального статуса [8], профессиональной идентичности [9], личных и профессиональных качеств социального работника [10]. Исследователи активно изучают технологии и практики социальной работы [11], в том числе обращают внимание на феномен фрагментации [12]. Тем не менее до сих пор в исследовательском дискурсе социальная работа предстает скорее как сервисная функция государства, а не самостоятельная профессия. Вследствие этого наблюдается недостаток исследований, акцентирующих внимание на выявлении закономерностей развития и анализе структурных противоречий, характерных для данной сферы деятельности. Данное исследование ориентировано на восполнение обозначенного пробела, что позволит приблизиться к пониманию внутренней логики функционирования системы социальной работы.

Цель данной работы – охарактеризовать противоречия, характерные для системы социальной работы, через призму категории фрагментированности. Данное исследование представляется как попытка систематизации знаний о проявлениях предполагаемых структурных разрывов. Отдельное внимание уделяется фрагментации структуры социальной работы как профессии с акцентом на особенности функционирования системы профессиональной подготовки. Образовательный аспект рассматривается с опорой на результаты эмпирического исследования профессиональных установок и мотивации студентов, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа».

Фрагментация как социологическая категория

В современной социологии не сформировалась единая теоретическая концепция, систематически описывающая фрагментацию как самостоятельный социальный феномен. Вместе с тем фрагментация может быть рассмотрена как производная от фундаментальных социологических проблем, связанных с анализом социального порядка и соотношения целого и части. Настоящее исследование не ориентировано на всеобъемлющий обзор теоретических интерпретаций фрагментации. Вместе с тем представляется необходимым обозначить ключевые теоретические подходы, в рамках которых формировались основания для осмысления данного феномена.

Для классического периода социологии не характерно прямое использование категории «фрагментация». Тем не менее Э. Дюркгейм в своих работах «О разделении общественного труда» [13] и «Самоубийство» [14] анализирует феномены солидарности и аномии, концептуально связанные с проблемой социальной целостности. Переход от механической к органической солидарности сопровождается ослаблением коллективного сознания и ростом индивидуализма, что позднее, как отмечает П.А. Абрамова, З. Бауман и У. Бек назвали первопричиной фрагментации [15]. Аномия, в свою очередь, подразумевает состояние нормативного вакуума, это ситуация, когда старые нормы и ценности ослабли, а новые еще не сформировались. Распад связующих норм – это один из аспектов фрагментации.

Исследователи отмечают близость фрагментации с системной теорией Н. Лумана [15]. При этом сам Н. Луман не рассматривал данный феномен и анализировал функциональную дифференциацию систем в контекстах множественности, релятивизма и плюрализма [16]. Иными словами, функциональная дифференциация в его интерпретации не приводит к фрагментации в смысле негативного процесса утраты социальной целостности, а скорее, наоборот, развивает богатство и многообразие форм. В этом контексте системная теория скорее противопоставляется теории фрагментации. Тем не менее идеи «различения», «от-дифференциации» могут быть полезны при исследовании феномена фрагментации в контексте социальных систем.

В работах Г. Зиммеля фрагментация затрагивается на микроуровне анализа. Описывая положение индивида в условиях городской жизни, автор вводит понятие «блазированного отношения» (blase attitude), характеризующее эмоциональную дистанцированность и отчуждённость от устойчивых социальных связей. Это описание фрагментации на микроуровне отдельного индивида, когда он «самофрагментируется» из социальной жизни вследствие переизбытка стимулов, характерного для городской жизни [17]. В рамках современных социологических теорий фрагментация нередко интерпретируется как следствие радикальной индивидуализации и ослабления устойчивых социальных структур. С этой точки зрения фрагментация проявляется в сокращении участия людей в общественных организациях, росте недоверия к социальным институтам [18]. Это утрата горизонтальных

связей и атомизация индивидов, которую, как отмечает Г. Агиар, Р. Патмэн связывает со снижением уровня социального капитала [19]. В рамках теории общества риска У. Бека фрагментация – это результат вынужденной индивидуализации, при которой индивиды оказываются лишёнными коллективных оснований идентичности и вынуждены выстраивать индивидуальные стратегии в условиях глобальных рисков [20].

В современных исследованиях все больше внимания уделяется информационному аспекту фрагментации [21]. К. Санстейн [22] выдвинул ряд идей, которые можно обозначить как фрагментацию алгоритмами. В условиях персонализированного медиапотребления индивиды оказываются включёнными в ограниченные информационные среды, поддерживающие уже существующие взгляды и установки. Это выражается в идеях «эхокамер» и «информационных коконов», когда общество дробится на непересекающиеся кластеры реальности. По мнению К. Санстейна, подобные процессы ведут к групповой поляризации и фрагментации общего смыслового поля, усиливая социальную изоляцию и межгрупповую враждебность.

В настоящем исследовании фрагментация рассматривается преимущественно в структурном измерении как нарушение функционального единства системы. Это постепенный процесс, который приводит к тому, что социальный институт распадается на разрозненные, лишенные смыслового единства социальные практики.

Институциональные проявления фрагментации социальной работы

Фрагментация социальной работы представляется как явление, затрагивающее различные аспекты функционирования данного социального института. Эти проявления уже описаны в научной литературе, что позволяет представить обобщенную характеристику фрагментации социальной работы.

1. Разрыв между теоретической подготовкой и реальной практикой. В высших учебных заведениях преподавание социальной работы базируется на теоретических и методологических подходах, сформированных в международном профессиональном и академическом контексте (например, empowerment-подход, психосоциальная работа, кейс-менеджмент и субъект-субъектные отношения) [23]. В то же время выпускники, как правило, попадают в государственную систему социальной защиты, обеспечения и обслуживания, основанную на принципах патернализма и высокого административного контроля с ограниченными возможностями для профессиональной автономии [24]. В результате знания и навыки, формируемые в процессе обучения, оказываются слабо востребованными в реальной профессиональной практике [25], что указывает на внутренний разрыв и ослабление целостности социальной работы как профессии.

Дополнительным фактором, подтверждающим наличие разрыва между профессиональной подготовкой и профессиональной практикой (и, шире, социальным запросом к профессии), является устойчивое снижение числа выпускников – социальных работников при возрастающей потребности в профильных специалистах. После достижения максимальных значений в 2015–2016 гг., когда ежегодно выпускалось почти шесть тысяч бакалавров социальной работы, наблюдается значительное снижение данного показателя. В 2023 году выпуск по данной специальности составил 2744 человека, что представляет собой более чем двукратное уменьшение по сравнению с пиковыми значениями [26].

2. Фрагментация социальной работы проявляется в форме так называемого «квазирынка» социальных услуг [27], включающего государственный сектор, сектор социально ориентированных некоммерческих организаций и социальных предпринимателей. Государственные учреждения социальной защиты, обладая относительно стабильным ресурсным обеспечением, ориентированы преимущественно на выполнение формализованных функций социального обеспечения и обслуживания, что ограничивает возможности для внедрения гибких и инновационных профессиональных практик. Некоммерческие организации, напротив, чаще демонстрируют методологическую и организационную гибкость, а также способность работать с социальными группами, недостаточно охваченными государственной системой [28]. Однако их деятельность в значительной степени зависит от грантового финансирования [29] и носит нестабильный характер, что препятствует формированию устойчивой профессиональной среды.

Отсюда следует проблема межсекторного и межведомственного взаимодействия и трудности координации социальной помощи [30]. Учреждения и организации, в которых реализуется социальная работа, зачастую функционируют в разных логиках, вследствие различной ведомственной и секторной принадлежности, специфики организационной формы, несогласо-

ванности регламентов [12]. Данный аспект непосредственно сказывается на эффективности социальной помощи. Так, британские исследователи социальной работы отмечают, что фрагментация системы приводит к непоследовательности и ненадёжности услуг, а также к формированию поверхностных отношений с клиентом [31].

3. Методологическая неоднородность и полипарадигмальность социальной работы традиционно рассматривались как проявление гибкости и широты профессионального инструментария. Однако в современных условиях данная характеристика всё чаще приобретает черты методологического эклектизма. В терминах П. Бурдье [32], социальную работу можно описать как профессиональное поле, в котором не до конца определены позиции акторов, правила взаимодействия и ценность различных форм капитала. В результате воспроизводятся разнородные практики, объединяемые общим институциональным обозначением «социальная работа». Кроме того, полипарадигмальность в некотором смысле противоречит классическим представлениям социологии профессий [33] о необходимости относительно унифицированного корпуса профессионального знания.

В целом специфика профессионального знания является одним из оснований фрагментированности практики социальной работы. В деятельности социального работника большую роль играет личный опыт, «практическое знание», отличающееся слабой структурированностью, субъективностью и ситуативностью [34]. Исследования показывают, что обучение на рабочем месте является одним из ключевых механизмов развития профессионализма в социальной работе [25, с. 63], что одновременно свидетельствует о слабой институциональной связи между системой профессионального образования и реальной практикой социальной работы.

4. Дополнительным измерением фрагментации может выступать региональный аспект. Как отмечает Н.В. Зубаревич, объем и качество социальных услуг критически зависят от бюджетной обеспеченности региона, и Россия в этом отношении очень разнообразна [35]. Из этого следует, что существует множество региональных систем социальной работы, различающихся по уровню институционального развития, ресурсной базе и степени активности некоммерческого сектора.

Описанные проявления фрагментации находятся в сложной взаимосвязи и зачастую являются проблемами системы социальной работы. Иными словами, фрагментированность, с этой точки зрения, не просто совокупность отдельных противоречий, а характеристика системы, отражающая актуальный уровень развития социальной работы, в том числе как профессии.

Эмпирические свидетельства фрагментации профессиональной подготовки

Опираясь на теорию профессий Э. Эбботта [36], социальную работу можно представить через три взаимосвязанных компонента: систему профессиональной подготовки, поле профессиональной практики и профессиональные сообщества. Каждый из этих элементов выполняет специфические функции, обеспечивающие воспроизводство и стабильность профессии.

1. Система профессиональной подготовки выступает ключевым институциональным компонентом [37] любой профессии, обеспечивая накопление, сохранение, формализацию и трансляцию профессионального знания, а также воспроизводство членов профессиональной группы.

2. Поле профессиональной практики социальной работы включает совокупность организаций и учреждений, в рамках которых осуществляется профессиональная деятельность социальных работников. К ним относятся государственные учреждения социальной защиты и социального обслуживания населения, образовательные и медицинские учреждения, коммерческие и некоммерческие организации, благотворительные фонды [38]. Именно в этих институциональных пространствах реализуются функции социальной работы и формируются возможности для профессиональной самореализации специалистов.

3. Профессиональные сообщества представляют собой важный компонент профессии как некоторой независимой, автономной структуры. Формальные и неформальные объединения специалистов выполняют функцию нормативной регуляции профессиональной деятельности: устанавливают этические стандарты, сертифицируют специалистов, влияют на содержание образовательных программ. Профессиональные сообщества являются связующим звеном между системой профессиональной подготовки и профессиональной практикой [39].

В условиях институциональной целостности указанные компоненты профессии находятся в устойчивом взаимодействии, обеспечивая согласованность профессионального знания, практики и профессиональной идентичности. Однако в ситуации фрагментации

данные элементы функционируют скорее автономно.

Признаки фрагментации системы профессиональной подготовки в области социальной работы были выявлены в ходе эмпирического социологического исследования. Эмпирической базой исследования послужили данные анкетного опроса студентов, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа» в ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Сплошной опрос проводился в период с апреля 2024 г. по март 2025 г. и охватывал студентов 1–4-го курсов бакалавриата и 1–2-го курсов магистратуры. Общий объём выборки составил 100 респондентов ($n = 100$).

На фрагментацию системы профессиональной подготовки указывает следующее.

1. Нежелание студентов трудиться по профессии после окончания обучения. Результаты исследования указывают на то, что система профессиональной подготовки функционирует таким специфическим образом, что у студентов либо изначально отсутствует и не формируется, либо утрачивается мотивация работать по профессии.

Результаты опроса свидетельствуют, что студенты относятся к будущей профессии скорее скептически. Более половины респондентов (56%) не согласны с утверждением *«Социальная работа пользуется уважением в обществе и имеет высокий профессиональный статус»;* 49% респондентов согласны, что *«социальная работа имеет довольно низкий профессиональный статус»*; 41% респондентов не согласны с тем, что *«социальная работа – востребованная профессия».* Пессимистичное отношение к своей будущей профессии подтверждается и результатами исследований других авторов. Так, например, М.В. Придатченко и И.В. Ситникова отмечают, что уже на начальных этапах обучения студенты социальной работы уверены в отсутствии карьерных и финансовых перспектив, если они будут работать по профессии [40].

На невысокий уровень профессиональной идентификации указывают данные о неудовлетворённости выбором направления подготовки. Около трети респондентов (31%) сожалеют, что поступили на обучение по направлению подготовки «Социальная работа», а 39% студентов говорят о том, что сменят направление подготовки, как только им представится такая возможность.

Такие пессимистичные оценки находят свое отражение и в планах дальнейшей профессиональной деятельности. Для более точной оценки профессиональных намерений респондентам было предложено оценить степень согласия с несколькими утверждениями, которые касаются профессиональных планов в прямой и косвенной форме. Это необходимо для более точной оценки и перепроверки результатов, поскольку в данном случае тема «личного будущего» может обладать повышенной «чувствительностью».

Только 31% опрошенных планируют работать по специальности и согласны с утверждением *«После окончания обучения я планирую работать по специальности»*; а 66% респондентов согласны с утверждением *«Многие студенты из моей группы не планируют работать по профессии»;* 27% студентов согласны с утверждением *«Я думаю, что большую часть своей жизни буду трудиться в социальной сфере»*. Таким образом, можно утверждать, что более половины студентов не планируют работать по профессии. В совокупности данные результаты позволяют говорить о выраженном разрыве между процессом профессиональной подготовки и формированием устойчивых профессиональных намерений.

2. Обучение как способ накопления культурного капитала, но не профессиональная подготовка. Обучение социальной работе для студентов – это не просто способ получения профессиональных знаний, навыков и умений для «входа» в профессию. Результаты опроса свидетельствуют, что зачастую студенты преследуют другие цели. Так, 70% опрошенных согласны с утверждением *«Многие обучаются социальной работе, только чтобы получить диплом о высшем образовании»;* 76% студентов согласились с тем, что *«на социальную работу было проще всего поступить, поэтому многие здесь и учатся»*. Обучаясь социальной работе, студенты *«получают много полезных знаний, навыков и умений»*, с этим согласны 62% опрошенных. Кроме того, более половины (55%) респондентов считают, что *«диплом специалиста по социальной работе дает возможность работать во многих сферах деятельности».*

Для значительной части студентов обучение по направлению «Социальная работа» приобретает инструментальный характер и рассматривается преимущественно как способ получения диплома о высшем образовании и универсальных компетенций, потенциально применимых в различных сферах занятости. В терминах П. Бурдье, данная образовательная траектория может быть интерпретирована как относительно доступный способ накопления культурного капитала, не предполагающий обязательного включения в профессиональную практику социальной работы. Получение высшего образования, в том

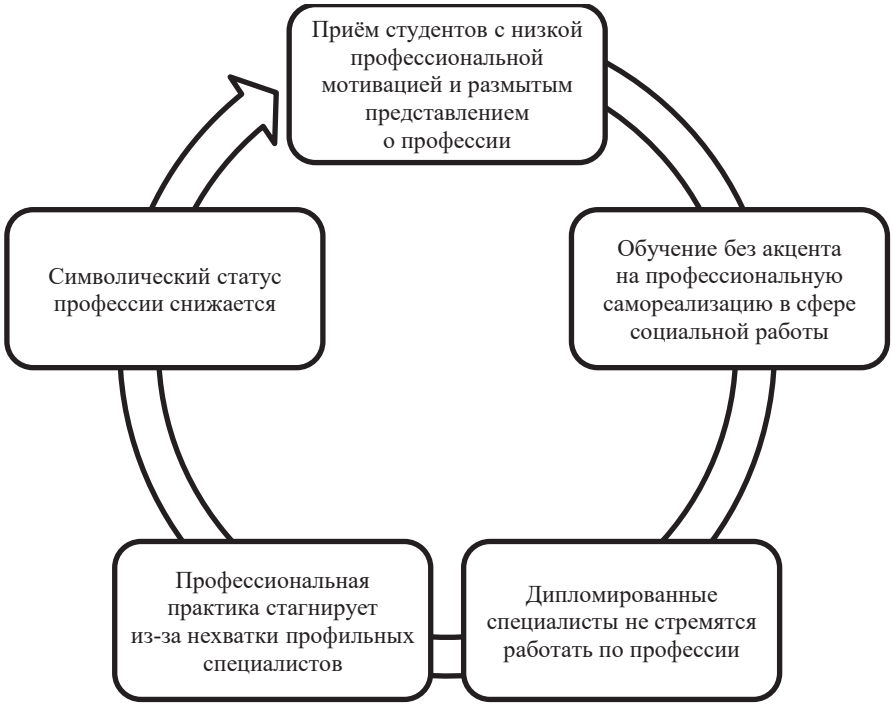

Рис. Предполагаемый механизм воспроизводства фрагментированности структуры социальной работы

числе в сфере социальной работы, – одна из адаптационных стратегий молодежи [41].

В условиях фрагментации стуктуры социальной работы система профессиональной подготовки оказывается оторванной от других её компонентов, что способствует сохранению и воспроизводству у студентов установок на дистанцирование от работы по профессии. В результате можно предположить существование механизма воспроизводства фрагментированности (см. рис.), при котором отсутствие существенного притока мотивированных молодых специалистов ограничивает развитие профессиональной практики, снижает символический статус профессии и в конечном итоге воспроизводит негативные представления о социальной работе у будущих поколений студентов. Таким образом, система профессиональной подготовки социальных работников, не обладая эффективными механизмами формирования устойчивой профессиональной идентичности и интеграции студентов в профессиональную практику, оказывается включённой в воспроизводство фрагментации социальной работы как профессиональной системы. Разрыв между образованием и практикой закрепляется институционально и препятствует формированию устойчивого профессионального сообщества.

Заключение

Фрагментированность представлена как одна из характеристик системы социальной работы в России. Проявления данного феномена зафиксированы в образовательном, организационном, методологическом и, дополнительно, территориальном аспектах. Фрагментированность системы социальной работы как профессии рассматривается как разрыв между тремя основополагающими элементами: системой профессиональной подготовки, профессиональной практикой и профессиональными сообществами.

Анализ системы социальной работы через призму категории фрагментированности обладает значительным эвристическим потенциалом, поскольку позволяет формулировать новые исследовательские вопросы. Является ли фрагментированность отражением институционального многообразия и множественности практик социальной работы или это несогласованность и хаос, который снижает эффективность социальной помощи? В какой степени компоненты системы должны быть интегрированы и какие институциональные механизмы могут это обеспечить? Эти вопросы требуют дальнейшего исследования. Тем не менее на данном этапе можно утверждать, что преодоление фрагментированности социальной работы затруднительно без

переосмысления роли системы профессиональной подготовки. Профессиональное образование выступает ключевым механизмом воспроизводства профессии. Следовательно, укрепление целостности структуры социальной работы как профессии предполагает развитие устойчивых институциональных связей системы подготовки с профессиональной практикой и профессиональными сообществами.

Список литературы

1. Саралиева З.Х. Избранное: 1964–2024. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024. 521 с.

2. Мартыненко А.В. Социальная работа как новый компонент в системе охраны здоровья (обзор литературы) // Здравоохранение РФ. 2023. № 1. С. 85–92.

3. Воротилкина И.М., Королева И.В. Университет и профсообщество соцработников как субъекты подготовки кадров // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 5. С. 161–167.

4. Трохирова У.В., Зимина Е.В. Профессионализация социальной работы в регионе: проблемы и перспективы (на примере Иркутской области) // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 45–52.

5. Сельченок А.К. Профессионализация социальной работы в России (на примере специалистов по социальной работе) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 125–127.

6. Фирсов М.В., Вдовина М.В., Черникова А.А. Институционализация социальной работы: отечественные дискурсы трансформаций // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 11 (91). С. 36–41.

7. Пайгина Е.С. Профессиональная подготовка будущих бакалавров социальной работы // Chronos. 2021. Т. 6. № 4 (54). С. 18–24.

8. Елютина М.Э., Климова С.В. Преимущества и риски социальной работы в оценках социальных работников // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 107–117.

9. Безенкова Т.А., Андриенко О.А. [и др.]. Профессиональное воспитание будущих специалистов по социальной работе в системе высшего профессионального образования // Современное педагогическое образование. 2023. № 7. С. 137–142.

10. Герций Ю.В., Сизикова В.В. [и др.]. Профессиональные компетенции социального работника и специалиста по социальной работе: настоящее и будущее профессий // ЦИТИСЭ. 2023. № 1. С. 56–69.

11. Парфенова О. Социальные сервисы для пожилых: формальные и неформальные правила и практики // Журнал исследований социальной политики. 2017. № 4. С. 573–588.

12. Оберемко О.А. Фрагментация ответственности в сфере социального сиротства // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 2. С. 223–240.

13. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.

14. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / Пер. А.Н. Ильинского; под ред. В.А. Базарова. М.: Издательство «Юрайт», 2025. 316 с.

15. Амбарова П.А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 41–51.

16. Луман Н. Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006. 317 с.

17. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4 (34). С. 1–12.

18. Савина М.В. Формирование социального капитала в современной российской экономике // Пространство экономики. 2008. № 2-2. С. 27–31.

19. Aguiar G.G. Bowling alone: The collapse and revival of American community: Robert D. Putnam // The Social Science Journal. 2002. Vol. 39. № 3. P. 489–490.

20. Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Черемных Л.Г. Общество риска // Гуманитарный вестник. 2022. № 4 (96). С. 1–12.

21. Спирчагова Т.А., Фефилов Ф.А., Газизов Р.Р. Верификация контента в публичных коммуникациях: концепции «эхо-камеры» и «пузыря фильтров» // Наука. Образование. Современность. 2023. № 1. С. 51–54.

22. Sunstein C.R. Republic.com 2.0. Princeton: Princeton University Press, 2007. 272 p.

23. Воробцова Е.С., Киселева Е.Е., Тимошевский А.А. Социальная работа в здравоохранении: от теории к практике // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2025. № 2. С. 95–100.

24. Borodkina O., Starshinova A., Borodkin M. Contradictions in the development of the welfare non-profit sector in Russia // Changing Societies & Personalities. 2023. Vol. 7. № 3. P. 45–64.

25. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная работа в современной России: анализ статуса профессиональной группы // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 60–69.

26. Шинкаренко Е.А., Кислов А.И. Образовательный аспект профессионализации социальной работы: анализ статистики // Отечественный журнал социальной работы. 2024. № 2 (97). С. 154–163.

27. Бухалова Н.А., Павлова О.А., Литвинчук В.И. Рынок социальных услуг: проблемы и перспективы развития // Вестник НГИЭИ. 2020. №3 (106). С. 112–121.

28. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Проблемы развития некоммерческого сектора социального обслуживания пожилых // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 3. С. 395–410.

29. Старшинова А.В., Бородкина О.И. Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 5. С. 221–236.

30. Больницкая А.Н. Комплексный межведомственный подход в работе с семьей и несовершеннолетними // ВЭПС. 2021. № 3. С. 134–141.

31. Carey M. The fragmentation of social work and social care: some ramifications and a critique // The British Journal of Social Work. 2015. Vol. 45. № 8. P. 2406–2422.

32. Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр. А.Т. Бикбова и др.; отв. ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

33. Ларкина Т. Что не так с социологией профессий? // Социологическое обозрение. 2025. № 1. С. 217–241.

34. Hudson J.D. A model of professional knowledge for social work practice // Australian Social Work. 1997. Vol. 50. № 3. P. 35–44.

35. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145.

36. Abbott A. The system of professions: An essay on the division of expert labor. Chicago; London: University of Chicago Press, 1988. 435 p.

37. Freidson E. Theory of professionalism: Method and substance // International Review of Sociology. 1999. Vol. 9. № 1. P. 117–129.

38. Саралиева З.Х. Система социальной работы. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024. 378 с.

39. Балашова И.С. Профессиональные ассоциации школьных социальных работников в США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 4 (28). С. 117–118.

40. Придатченко М.В., Ситникова И.В. Сравнительный анализ мотивации выбора профессионально-образовательной стратегии студентов факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 4 (80). С. 131–141.

41. Попова Е.С. Профессиональное образование как ресурс адаптации молодежи: динамика восприятия // Социологические исследования. 2025. № 10. С. 65–79.

CONTRADICTIONS OF THE SOCIAL WORK SYSTEM THROUGH THE PRISM OF THE FRAGMENTATION CATEGORY

A.I. Kislov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Social work is considered as a modern social institution and profession that performs important social and humanitarian functions in the life of Russian society. The specific features characteristic of this profession are analyzed through the prism of the fragmentation category. Based on the logic of E. Abbott's structural functionalism and approach to the study of professions, a description of the manifestations of fragmentation of social work is given. The problems related to the gap between professional training and professional practice, the development of a «quasi» market of social services and the difficulties of intersectoral and interdepartmental interaction, methodological heterogeneity and polyparadigmality, as well as geographical uneven distribution of resources are discussed. The educational aspect of fragmentation is analyzed based on the results of a questionnaire survey of undergraduate and graduate students studying in the field of Social Work at the Lobachevsky National Research University (n=100) conducted in 2024–2025. It is suggested that there is a mechanism that ensures the stability and reproduction of the fragmented structure of the profession, in which the vocational training system plays a key role.

Keywords: social work, fragmentation, professional training, professional identity, sociology of professions.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.147.31
DOI 10.52452/18115942_2026_3_251

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРОГРАММ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ «РУССКИЙ ЯЗЫК + ПРАВО» НА ПРИМЕРЕ ШАНХАЙСКОГО ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

© 2026 г.

Чжао Фэнцай

Чжао Фэнцай, д.филол.н.; доцент кафедры русского языка
Шанхайского политико-юридического университета
warmsnow123@163.com

Статья поступила в редакцию 05.03.2026
Статья принята к публикации 22.07.2026

В контексте концепции «Новое гуманитарное образование» междисциплинарная интеграция стала важным направлением реформы языкового образования в Китае. В статье на примере модели подготовки специалистов «Русский язык + право» в Шанхайском политико-юридическом университете рассматривается синергетическое образование гуманитарных дисциплин «язык + право». Руководствуясь принципом «Интеграция внутренних, отечественных и зарубежных учебных ресурсов», университет выстраивает уровнево-сопряжённую систему учебных курсов «бакалавриат + магистратура», достигая глубокой синергии языкового и юридического обучения. Посредством «внутреннего повышения квалификации + внешнего привлечения экспертов» формируется педагогический состав с междисциплинарными компетенциями. Опираясь на национальную платформу «Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай)» и международную сеть партнёрств, университет создаёт двуединую практико-ориентированную учебную среду, реализуя замкнутый цикл взаимодействия обучения, практики и международного обмена. «Вариант ШПЮУ» преодолевает междисциплинарные, межведомственные и международные барьеры, формируя учебную систему с глубокой синергией учебных курсов, педагогического состава и практических платформ. Синергетическое образование приносит значительные результаты в подготовке междисциплинарных и высококвалифицированных кадров и эффективно отвечает насущным потребностям рынка труда в комплексных специалистах.

Ключевые слова: русский язык + право; подготовка междисциплинарных специалистов; синергетическое образование; Шанхайский политико-юридический университет; Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС.

Введение

Новая эпоха предъявляет новые требования к высшему образованию. В ответ на вызов новой эпохи высшее образование в Китае продолжает адаптивные реформы. В 2018 году Министерство образования выдвинуло инициативу по развитию «Нового гуманитарного образования» [1, с. 10], подчеркивая необходимость менять подходы в соответствии с потребностями эпохи, экономическим и социальным развитием, а также новыми достижениями научно-технической революции; при этом уважать законы высшего образования и закономерности познавательной деятельности, посредством междисциплинарной и многопрофильной координации придавать импульс и обеспечивать динамику подготовки талантов [2, с. 14]. В этом контексте междисциплинарная интеграция стала важным направлением реформы языкового образования. По своей сути иностранный язык – это навык и инструмент; только в сочетании с определенной областью знаний он может сформировать специальность [3, с. 7]. В 2020 году Министерство образования КНР утвердило направление «Юридический английский язык» в рамках филологических дисциплин, а в 2022 году – направление «Иностранное право/Правовое обеспече-

ние международных связей» в рамках юридических дисциплин, что на уровне структуры дисциплин способствовало институционализации междисциплинарных программ и синергетического образования [4–5].

Основные принципы синергетического образования

В практике синергетического образования для подготовки специалистов по «иностранным языкам + праву» в вузах Китая четко сформулированы три основных принципа. Во-первых, такие специалисты должны обладать междисциплинарной компетенцией, владеть не только юридическим английским языком как международным lingua franca, но и языками ключевых регионов (скажем, юридическим русским, юридическим арабским). Используя язык как инструмент, они должны глубоко понимать и применять знания китайского и зарубежного права для решения сложных международных вопросов, а также способствовать взаимному обмену и обогащению в области правовой культуры [6, с. 7–8].

Во-вторых, подготовка таких специалистов должна напрямую служить развитию «национальной способности к правовому переводу» [7, с. 78]. Это означает необходимость акцента на формировании у студентов способности к точному межкультурному транскодированию, а также острого осознания важности защиты дискурсивной безопасности в сфере национального права.

В-третьих, подготовка таких специалистов должна поддерживать развитие «национальной способности к международной коммуникации в области верховенства права» [8, с. 363]. Это требует, чтобы обучение не ограничивалось передачей знаний, а включало развитие у студентов практических навыков использования «интерпретативного взгляда Другого» и нарративных техник для достижения ценностного резонанса и продвижения норм на международной арене.

Руководствуясь четкими принципами, в китайских вузах активно ищут пути подготовки специалистов по «иностранному языку + праву» в сочетании со спецификой своего университета. Например, взяв за основу подготовку сильных в правовом и языковом двойном отношении специалистов по иностранному праву, Китайский университет политологии и права (CUPL) открыл экспериментальный курс по подготовке талантов в области иностранного права. Кроме того, университет совместно с Пекинским университетом иностранных языков создали экспериментальный курс по иностранному праву, реализуя новую модель «четырех направлений интеграции», т.е. междисциплинарности, межуниверситетского взаимодействия, международного сотрудничества, интеграции теории и практики [9].

Что касается направления «Русский язык + право», то Институт русского языка Хэйлунцзянского университета открыл бакалаврскую программу «Русский язык + право». Северо-Западный университет политологии и права совместно с Сианьским университетом иностранных языков реализует программу бакалавриата «2+2» по направлению «Русский язык + право». Помимо этого, Китайский университет политологии и права проводит набор в магистратуру «Экспериментального курса по сравнительному правоведению», одним из направлений является российское право. Все программы ориентируются на подготовку высококвалифицированных специалистов, обладающих глубокими знаниями российского и китайского права и владеющих русским языком.

На основе трех основных принципов синергетического образования Шанхайский политико-юридический университет (далее – ШПЮУ) в полной мере использует различные ресурсы для подготовки специалистов по «русскому языку + праву». В разработке учебных программ, формировании педагогического состава и создании платформ для практики университет стремится выстроить образовательную экосистему с высокой степенью координации ресурсов и глубокой интеграцией теории и практики; нацелен на подготовку специалистов комплексного профиля, обладающих чувством сопричастности к судьбе своей страны, глобальным видением, свободно владеющих русским языком, глубокими знаниями в области права, в частности хорошо знакомых с правовыми системами и судебной практикой России, Центральной Азии и других русскоязычных государств.

Координация учебных программ в ШПЮУ

Учебные программы являются ключевым носителем синергетического образования. ШПЮУ преодолевает разрыв между уровнями бакалавриата и магистратуры, формируя четкую, системную и последовательную структуру дисциплин по направлению «Русский язык + право». Это позволяет достичь глубокого слияния языкового, юридического и практического обучения, обеспечивая баланс между теоретическими знаниями и практическими навыками, базовыми

компетенциями и профессиональной специализацией.

Бакалаврская программа «Русский язык + право» включает три категории дисциплин, формирующие целостную учебную матрицу. Первая категория − общеязыковые дисциплины, направленные на развитие у студентов базовых языковых навыков аудирования, говорения, чтения, письма и перевода. Они закладывают прочную языковую базу, обеспечивая инструментальную поддержку для изучения юридических дисциплин и международного общения, эффективно преодолевая проблему «немого русского языка» и гарантируя профессиональный уровень практического владения языком.

Вторая категория – специализированные дисциплины по юридическому русскому языку, ориентированные на изучение правовых систем, институтов и культурных особенностей русскоязычных стран. Основной акцент делается на развитие навыков использования языка в юридической сфере. В эту категорию входят такие дисциплины, как «Очерки правовой системы России», «Юридический русский язык», «Аудиовизуальный курс юридического русского языка», «Чтение юридических текстов на русском языке», «Письмо на русском языке по юридическим документам» и другие. Они помогают студентам системно освоить профессиональную терминологию, овладеть стилистическими нормами и коммуникативными техниками в правовой сфере, ознакомиться с правовой культурой русскоязычных стран и обеспечить первоначальную интеграцию языка и права.

Третья категория – факультативные юридические дисциплины, доступные для всех студентов университета неюридических специальностей. Данная категория формирует развернутую систему элективных дисциплин по праву, способствуя расширению правовых знаний студентов.

Например, реализованный университетом в рамках развития прикладных вузов с уникальной спецификой сериальный курс «Судебная практика» стал важной опорой для повышения уровня правоприменительных компетенций у студентов программы «Русский язык + право». Курс включает двенадцать юридических дисциплин: шесть теоретических (гражданское право, уголовное право, гражданское процессуальное право, предпринимательское право, экономическое право, международное право), закладывающих прочную теоретическую основу в области юриспруденции; шесть практических (судебное разбирательство и прокурорская деятельность; судебно-арбитражная практика в сфере цифровой экономики; коммерческое судопроизводство и арбитраж; практика международного судопроизводства; юридическая практика; рассмотрение сложных и нестандартных дел), ориентированных на развитие прикладных навыков правоприменительной деятельности.

В частности, все шесть практических курсов открыты для всех студентов, независимо от специальностей или на каком курсе учатся. За исключением «Судебного разбирательства и прокурорской деятельности», остальные пять курсов обучаются практикующими экспертами из судебных органов (Первый промежуточный народный суд Шанхая, Морской суд, Финансовый суд, Прокуратура района Цинпу и т.д.) и юристами известных шанхайских юридических фирм, что обеспечивает «безразрывную» связь обучения с реальной судебной практикой. Благодаря этому студенты получают возможность непосредственно ознакомиться с процедурами юридической работы и накопить практический опыт.

Кроме того, студенты могут по желанию выбирать факультативные курсы, связанные с юриспруденцией, такие как «История взаимодействия китайской и западной правовой культуры», «Избранные дела международного права», «Право и общество», «Юридическая логика и методология», «Право и кино», что позволяет дополнительно расширить основу правовых знаний и развить юридическое мышление.

В 2021 году ШПЮУ получил государственную аккредитацию на реализацию программы профессиональной магистратуры по переводу (MTI), а в 2023 году впервые осуществил набор в магистратуру по направлению «Юридический перевод (русский язык)», что способствовало преемственности уровней «бакалавриат + магистратура» и совершенствованию системы подготовки специалистов комплексного профиля. Данное направление, сфокусированное на юридическом русском языке и юридическом переводе, нацелено на подготовку высококвалифицированных переводчиков в сфере иностранного или международного права.

В части учебного плана данное направление магистратуры подчеркивает интегративный характер «перевод + право». Помимо базовых курсов, таких как теория перевода и прикладной перевод, в программу включены следующие профильные курсы: юридический русский язык, основы правовых систем русскоязычных стран, перевод юридических текстов (китайско-русский и русско-китайский перевод), судебное сотрудничество в рамках ШОС, введение в международное право и

Таблица

Система программ по направлению «Русский язык + право» в ШПЮУ

<table>
<tr><th colspan="3">На уровне бакалавриата</th><th colspan="3">На уровне магистратуры</th></tr>
<tr><th>Языковые навыки</th><th>Юридический русский язык</th><th>Факультативные дисциплины</th><th>Дисциплины по переводу</th><th>Дисциплины по праву</th><th>Практика</th></tr>
<tr><td>Практика речи</td><td>Очерки российской правовой системы</td><td>Судебная практика</td><td>Теория перевода</td><td>Юридический русский язык</td><td rowspan="2">Юридический перевод не менее 150 000 иероглифов</td></tr>
<tr><td>Аудирование</td><td>Юридический русский язык</td><td>История взаимодействия китайской и западной правовой культуры</td><td>Прикладной перевод</td><td>Основы правовых систем русскоязычных стран</td></tr>
<tr><td>Говорение</td><td>Аудиовизуальный курс юридического русского языка</td><td>Избранные дела международного права</td><td>Мастерская письменного перевода</td><td>Перевод юридических текстов</td><td rowspan="2">Диссертационный отчет по юридическому переводу</td></tr>
<tr><td>Чтение</td><td>Чтение юридических текстов на русском языке</td><td>Право и общество</td><td rowspan="2">Мастерская устного перевода</td><td>Судебное сотрудничество в рамках ШОС</td></tr>
<tr><td>Письмо</td><td rowspan="2">Письмо на русском языке по юридическим документам</td><td>Юридическая логика и методология</td><td rowspan="2">Введение в международное право</td><td rowspan="2">Обмен на юрфакультете МГУ на один семестр</td></tr>
<tr><td>Перевод</td><td>...</td><td>...</td></tr>
</table>

другие. В курсах практического характера, таких как прикладной перевод, мастерская (workshop) письменного перевода и мастерская устного перевода, основным содержанием также служит юридический перевод. Это позволяет углубить у магистрантов профессиональные юридические компетенции и развить навыки юридического перевода. Кроме этого, на практическом этапе от магистрантов требуется выполнить перевод юридических текстов с русского на китайский объемом не менее 150 000 иероглифов за время обучения, а тема отчета о переводческой практике для диссертации также должна быть связана с юридическим переводом (см. табл.). Это гарантирует, что выпускники обладают высоким уровнем практических навыков в области юридического перевода и становятся высококвалифицированными, комплексными и прикладными специалистами-переводчиками.

Координация педагогического состава в ШПЮУ

ШПЮУ придерживается двуединого подхода «внутреннее повышение квалификации + внешнее привлечение экспертов», целенаправленно формирует преподавательский коллектив, способный к интеграции специальности русского языка и правовых компетенций, тем самым сочетающий зарубежный опыт. Это позволяет преодолеть междисциплинарные барьеры и достичь глубокой интеграции преподавательских ресурсов как внутри университета, так и за его пределами, на национальном и международном уровнях.

Что касается внутреннего повышения квалификации, университет делает основной упор на формирование междисциплинарной преподавательской команды внутри кафедры русского языка. Используя свои профессиональные сильные стороны, преподаватели кафедры русского языка целенаправленно расширяют свои научно-исследовательские и педагогические компетенции в области юридического русского языка и повышают междисциплинарную квалификацию. В настоящее время один доктор филологии завершил постдокторантуру по юриспруденции в Восточно-Китайском университете политологии и права; один преподаватель, имея степень доктора филологии, получил вторую степень магистра права в российском вузе; некоторые преподаватели прошли стажировку на юридических факультетах МГУ им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета, системно изучая правовые знания и методики. Ныне более двух третей преподавателей кафедры русского языка ведут дисциплины, связанные с юридическим русским

языком, и обладают устойчивыми педагогическими компетенциями в данной области.

Кроме того, опираясь на национальную платформу при университете «Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай)» (далее − «Центр ШОС»), преподаватели имеют возможность участвовать в различных проектах устного и письменного юридического перевода, таких как «Проект перевода и создания базы правовых данных государств-членов Шанхайской организации сотрудничества», «Сборники материалов форума Ассоциации юридических вузов ШОС» и др. В практической деятельности они совершенствуют навыки применения юридического русского языка, что в дальнейшем положительно сказывается на качестве учебного процесса.

В аспекте внешнего привлечения экспертов университет делает акцент на формировании многопрофильного и междисциплинарного преподавательского состава, достигая взаимодополнения и интеграции педагогических ресурсов. Во-первых, преодолеваются междисциплинарные барьеры внутри университета путем интеграции ресурсов юридического факультета. Например, преподаватели Школы международного права приглашаются для чтения курса «Введение в международное право», а эксперты «Центра ШОС» − курса «Судебное сотрудничество в рамках ШОС». Это обеспечивает скоординированное обучение с участием преподавателей как по русскому языку, так и по праву, повышая профессиональный уровень и междисциплинарный характер учебных курсов.

Во-вторых, привлекаются отраслевые эксперты. Практикующие юристы из известных китайских юридических фирм приглашаются в качестве внешних наставников. Особое внимание уделяется отбору юристов, окончивших юридические факультеты престижных российских вузов или имеющих богатый практический опыт работы с русскоязычными странами. Они проводят тематические лекции, посвященные последним изменениям в законодательстве России и стран ШОС, а также классическим судебным делам с участием Китая и русскоязычных государств, оказывая практическую консультационную поддержку студентам вместе с внутренними научными руководителями. Это позволяет достичь глубокой интеграции учебного процесса и отраслевой практики.

В-третьих, усиливается привлечение зарубежных педагогических ресурсов. При поддержке программы привлечения международных экспертов за счет реализации таких проектов, как «Система гибкого привлечения талантов», «Программа приглашенных исследователей», университет привлек более 100 известных международных ученых и экспертов в области судебной практики [10, с. 45]. Среди них – юристы и судебные эксперты из русскоязычных стран, которые регулярно читают лекции, проводят семинары и осуществляют научные визиты в университет. Это позволяет студентам непосредственно и с разных точек зрения знакомиться с правовыми системами и судебной практикой русскоязычных стран, обогащать знания в области международного права, расширять глобальный кругозор, укреплять навыки применения языка в юридической сфере и тем самым совершенствовать систему скоординированного образования.

Координация платформ для практики в ШПЮУ

Платформы для практики являются важным носителем синергического образования. В связи с этим ШПЮУ прилагает усилия для создания всеобъемлющей системы платформ как внутри и вне университета, так и на национальном и международном уровнях. Это предоставляет студентам возможности для погружения в профессионализированную практику и обмена опытом, способствуя непрерывному повышению комплексных компетенций в области «Русский язык + право».

«Центр ШОС» и Ассоциация юридических вузов ШОС

В 2013 году на Саммите глав государств Шанхайской организации сотрудничества в Бишкеке председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что Китай создаст в Шанхайском политико-юридическом университете «Центр международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС» и готов использовать эту платформу для подготовки судебных кадров для других государств-членов ШОС [11, с. 324]. За последнее десятилетие университет, тесно ориентируясь на стратегические потребности страны, в полной мере задействовал три ключевые функции «Центра ШОС»: подготовку кадров, аналитическую работу и проведение форумов. Это позволило динамично продвигать международные обмены и сотрудничество в сфере правосудия. За это время было организовано и проведено 63 семинара по тематике, связанной с работой юристов международного профиля, по-

лицейским сотрудничеством, борьбой с терроризмом, обеспечением безопасности, судебной и правоохранительной деятельностью, в которых приняли участие 2290 слушателей. Были подготовлены элитные кадры в сфере судебной власти и правоохранительной деятельности для государств-членов ШОС, государств-наблюдателей, партнеров по диалогу и других участников инициативы «Один пояс, один путь» [10, с. 46].

В 2021 году под руководством Министерства образования и Министерства юстиции КНР ШПЮУ совместно с Северо-Западным университетом политической науки и права, Ганьсуским университетом политической науки и права и другими вузами выступил инициатором создания Ассоциации юридических вузов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Ассоциация преследовала цель создать платформу для международного обмена и сотрудничества в сфере юридического образования. В настоящее время Ассоциация объединяет 23 китайские и зарубежные организации-участницы, в том числе Санкт-Петербургский государственный университет, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Санкт-Петербургскую адвокатскую палату, Белорусский государственный университет, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (КазНУ), Таджикский национальный университет, Университет политической науки и права Китая и др. [12, с. 97]. Опираясь на эту важную площадку – «Центр ШОС», в 2023 и 2024 годах были проведены две сессии Форума Ассоциации юридических вузов ШОС, что обеспечило устойчивую поддержку академическим обменам в области юридического образования между странами-членами ШОС.

«Центр ШОС» и Ассоциация юридических вузов ШОС, являясь важными платформами и механизмами, непосредственно ориентированными на страны ШОС, используют русский язык в качестве основного рабочего языка. Это создает уникальные преимущества для осуществления скоординированной подготовки специалистов по направлению «Русский язык + право». Участвуя в различных мероприятиях, проводимых в рамках этих платформ, таких как тематические семинары, международные конференции, научные форумы и лекции, прием иностранных делегаций, студенты получают массу возможностей для практики, не покидая стен университета. А в рамках Ассоциации юридических вузов ШОС университет ежегодно направляет студентов на стажировку и обучение в страны-члены ШОС, такие как Россия, Кыргызстан, Таджикистан. Погружаясь в языковую среду русскоязычных стран, студенты непосредственно знакомятся с местной правовой культурой и социальной средой, что позволяет им последовательно повышать уровень владения русским языком и навыки применения юридического русского языка и профессиональной коммуникации.

Опираясь на национальную платформу «Центр ШОС» и международный механизм Ассоциации юридических вузов ШОС, университет не только усиливает специфику интеграции правовых знаний и иностранного языка в процессе подготовки специалистов в области иностранного права, но и постепенно формирует явные преимущества в подготовке кадров по специальности «Русский язык», способствуя развитию синергетического образования на более высоком уровне.

Зарубежные академические мобильности

ШПЮУ активно развивает систему международного скоординированного образования, планомерно расширяя сотрудничество с зарубежными партнерами. Университет установил стабильные партнерские отношения с 63 зарубежными вузами, а также с такими международными организациями, как Генеральный секретариат Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Международная торговая палата (ICC) и Международный институт по унификации частного права (УНИДРУА) [10, с. 47]. Особое внимание уделяется программам студенческого обмена с ведущими российскими вузами, в частности, с юридическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ. Это предоставляет студентам возможности для углубленного изучения права русскоязычных стран, повышения языковой и профессиональной компетенции в России.

Параллельно университет создал более 100 баз практики, охватывающих такие сферы, как международная юридическая практика и разрешение международных споров. За последние пять лет университет неоднократно получал финансирование в рамках муниципальных программ Шанхая для прохождения студентами стажировок в международных организациях, включая штаб-квартиру ШОС и Международный суд ООН в Гааге. По количеству отобранных участников университет стабильно входит в число лидеров среди вузов Шанхая. При этом значительную долю среди них составляют студенты, специализирующиеся на юридическом

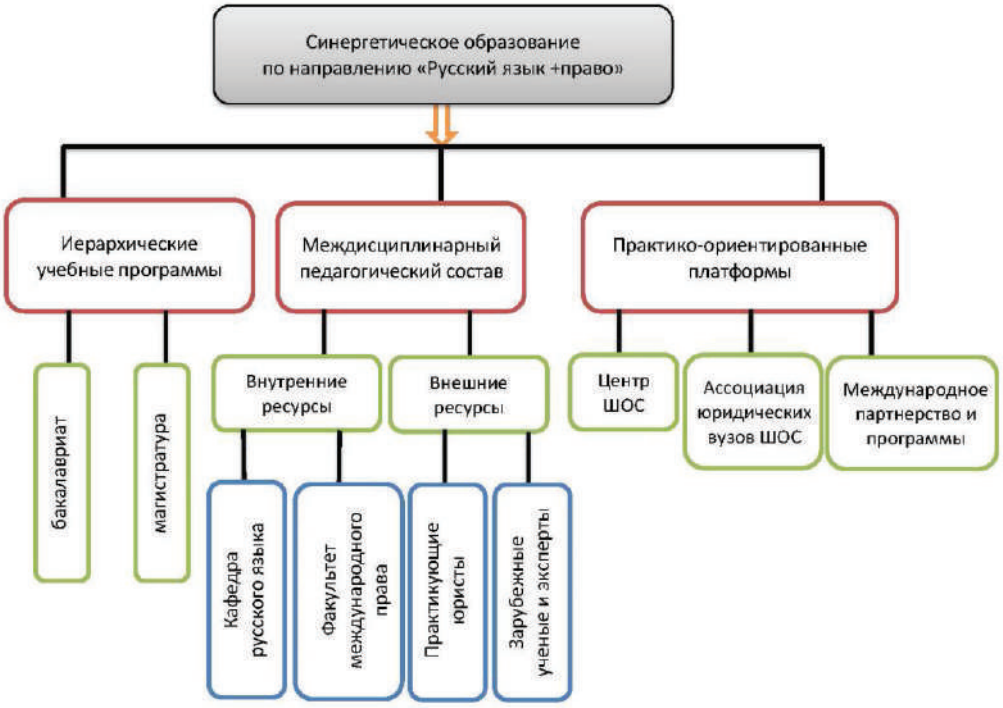

Рис. Система синергетического образования «Русский язык + право» в ШПЮУ

русском языке, что наглядно демонстрирует эффективность подготовки комплексных специалистов международного профиля по направлению «Русский язык + право».

Таким образом, в основе подготовки специалистов в ШПЮУ лежит концепция синергетического образования, реализуемая через координацию трёх ключевых компонентов: учебных программ, педагогического состава и практических платформ. В учебных программах выстроена иерархически сопряжённая система «бакалавриат + магистратура»; педагогический коллектив формируется по принципу «внутреннего повышения квалификации + внешнего привлечения экспертов»; а практическая система, ядром которой является «Центр ШОС», дополняется международными партнёрствами. Эта интегрированная структура обеспечивает замкнутый цикл обучения: «теоретическая подготовка → практическая тренировка → международные обмены», что наглядно представлено на рисунке.

Заключение

Представленная в статье модель подготовки специалистов «Русский язык + право» в Шанхайском политико-юридическом университете демонстрирует эффективность синергетического подхода в рамках концепции «Новое гуманитарное образование». Анализ показывает, что ключевым фактором успеха является не просто механическое объединение двух дисциплин, а выстраивание глубокой, уровнево-сопряжённой системы, охватывающей все этапы обучения – от языковой базы на младших курсах до профильной юридико-переводческой специализации в магистратуре.

Результаты внедрения этой модели выражаются в формировании у выпускников устойчивых междисциплинарных компетенций. С одной стороны, они демонстрируют прочное владение русским языком как инструментом профессиональной коммуникации; с другой – обладают систематизированными знаниями в области российского, международного и национального права. Это позволяет им свободно использовать юридический русский язык для выполнения широкого спектра задач: от перевода и экспертного консультирования до участия в судебно-правовых коммуникациях и международных проектах. Опыт ШПЮУ подтверждает, что синергетическое образование приносит значительные результаты в подготовке востребованных рынком высококвалифицированных кадров и может служить практической моделью для других вузов, развивающих междисциплинарные программы.

Работа выполнена при поддержке проекта Государственного комитета по языковой политике «Исследование развития и планирования подготовки национальных кадров по русскому языку,

отвечающих потребностям внешней политики Партии и государства» (Проект № WT145-64).

Список литературы

1. Fan Liming, Yang Canming, Ma Xiao, et al. The Connotation and Development Path of New Liberal Arts Construction // China Higher Education Research. 2019. № 10. P. 10–13.

2. Ning Qi. Social Demands and the Core Tasks of New Liberal Arts Construction // Journal of Shanghai Jiao Tong University (Philosophy and Social Sciences Edition). 2020. № 2. P. 13–17.

3. He Qixin. Cultivating Foreign Language Professionals for the 21st Century: The Revision Process and Main Features of the New Syllabus // Foreign Language World. 2001. № 1. P. 4–8.

4. Ministry of Education of the People's Republic of China. Undergraduate Programs Catalog of Regular Higher Education Institutions (2020 Edition). Beijing: Higher Education Press, 2020. 36 p.

5. Ministry of Education of the People's Republic of China, Undergraduate Programs Catalog and Program Descriptions of Regular Higher Education Institutions (2022 Edition). Beijing: Higher Education Press, 2022. 50 p.

6. Zhang Falian. Several Issues to be Clarified in the Cultivation of Foreign-Related Rule of Law Professionals // New Liberal Arts Education Research. 2021. № 4. P. 5–15; 141.

7. Zhang Falian. Legal Translation Teaching from the Perspective of National Translation Capacity // Chinese Translators Journal. 2023. № 2. P. 78–86; 190.

8. Chen Xiaochun, Qin Saiyi.Telling China's Rule of Law Stories Well: Theory, History and Practice of Legal Reporting. Beijing: Social Sciences Academic Press, 2023. 433 p.

9. China University of Political Science and Law Creates a «Four-Cross Training» New Model for Foreign-Related Rule of Law Talents. URL: http://zw.china.com.cn/2025-03/17/content_117769935.shtml (accessed: 17.03.2025).

10. Ge Weihua. Serving National Needs, Advancing Model Innovation, and Enhancing China's International Communication Capacity in the Rule of Law: A Case Study of Shanghai University of Political Science and Law // Legal Education Research. 2024. № 2. P. 41–50.

11. Introduction to the China-Shanghai Cooperation Organization International Judicial Exchange and Training Base // Legal Research on the Belt and Road. 2021. № 3 (01). P. 324.

12. Цзян Сыюань. Изучение сотрудничества в области юридического образования в рамках ШОС // Государственная служба. 2022. № 4. С. 97–102.

IMPLEMENTATION OF INTERDISCIPLINARY TRAINING PROGRAMS FOR «RUSSIAN + LAW» SPECIALISTS – A CASE STUDY OF SHANGHAI UNIVERSITY OF POLITICAL SCIENCE AND LAW

Zhao Fengcai

Shanghai University of Political Science and Law

Within the context of the «New Humanities» initiative, interdisciplinary integration has become a key direction in the reform of language education in China. The article examines the collaborative education model of «Language + Law» within the humanities, using the «Russian + Law» specialist training program at Shanghai University of Political Science and Law (SHUPL) as a case study. Guided by the principle of «Integrating Internal, Domestic, and International Educational Resources», the university has constructed a vertically integrated «Bachelor's + Master's» curriculum system, achieving a deep integration of language and legal education. Through an «Internal training + External recruitment of experts» approach to faculty development, a teaching staff with interdisciplinary competencies has been formed. Leveraging the national platform of the «China National Institute for SCO International Exchange and Judicial Cooperation» and an international network of partnerships, the university has created a dual practical training environment, establishing a closed-loop model integrating teaching, practice, and international exchange.The SHUPL's approach overcomes interdisciplinary, interdepartmental, and international barriers, forming an educational system with deep synergy among its curriculum, teaching staff, and practical platforms. Synergistic education has yielded significant results in cultivating interdisciplinary and highly skilled talents, effectively meeting the urgent demand of the job market for versatile, highly-skilled professionals.

Keywords: Russian + Law; interdisciplinary specialist training; coordinated education; Shanghai University of Political Science and Law; China National Institute for SCO International Exchange and Judicial Cooperation.

УДК 378
DOI 10.52452/18115942_2026_3_259

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

© 2026 г.

А.А. Андреева

Андреева Антонина Андреевна, к.пед.н.; доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого;
доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
andreeva9689@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.04.2026
Статья принята к публикации 28.07.2026

Статья посвящена разработке и апробации подхода к оценке эффективности программ дополнительного профессионального образования в условиях гибридной образовательной среды с использованием технологий искусственного интеллекта. В основе исследования лежит квазиэкспериментальный дизайн с повторными измерениями, включающий сопоставление входных и итоговых данных, а также анализ продуктов деятельности слушателей. Эмпирическую базу составила авторская программа повышения квалификации, реализованная в 2024–2026 годах с участием 78 преподавателей. Эффективность программы оценивалась по четырем критериям: когнитивному, практическому, поведенческому и рефлексивному. Полученные результаты показывают, что наибольшая динамика наблюдается на поведенческом уровне, где зафиксирован переход от эпизодического использования ИИ к его регулярному внедрению в профессиональную деятельность. Установлено, что ключевым фактором эффективности выступает не наличие технологий, а степень их педагогической интеграции. Научная новизна исследования заключается в интерпретации эффективности как многомерного процесса, отражающего трансформацию профессиональной деятельности преподавателя.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, искусственный интеллект в образовании, оценка эффективности обучения, ИИ-компетенция преподавателя.

Введение

Современная система дополнительного профессионального образования (ДПО) развивается в условиях ускоренной трансформации, при которой темпы изменений в профессиональной деятельности опережают обновление образовательных моделей. Усиливается требование к гибкости обучения, возрастает значимость практической применимости результатов, а образовательные запросы взрослых обучающихся смещаются в сторону персонализированных и адаптивных решений. В этих условиях линейные и статичные программы теряют эффективность и постепенно трансформируются в гибридные форматы, сочетающие очное и цифровое взаимодействие, синхронные и асинхронные формы обучения, а также традиционные педагогические подходы и технологии искусственного интеллекта. Данная трансформация соответствует логике развития смешанного обучения как организационно-дидактической системы, ориентированной на вариативность образовательных траекторий и усиление самостоятельной деятельности обучающихся [1].

Усложнение образовательной среды приводит к пересмотру подходов к оценке эффективности программ. Традиционные модели, основанные на итоговом контроле знаний, оказываются недостаточными, поскольку фиксируют лишь результат усвоения содержания и не отражают изменения в профессиональной деятельности слушателей. В международных исследованиях подчеркивается, что оценка качества гибридного обучения должна учитывать не только образовательные результаты, но и условия реализации программ, особенности педагогического дизайна и механизмы поддержки обучающихся. Так, в совместном аналитическом документе Министерства образования и профессиональной подготовки, Агентства по качеству и стандартам высшего образования и Мельбурнского центра изучения высшего образования «Инструментарий обеспечения качества онлайн-обучения Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества» (APEC Quality

Assurance of Online Learning Toolkit) отмечается необходимость комплексного анализа образовательной системы, включающего управление программой, ресурсы, содержание обучения и результаты, что свидетельствует о переходе к системному пониманию качества [2]. Аналогичный подход представлен в исследовании Ю. Хуанга и Д. Марсиала, где эффективность обучения рассматривается как результат взаимодействия факторов, определяющих образовательный опыт обучающихся [3].

Дополнительное усложнение связано с активной интеграцией технологий искусственного интеллекта (ИИ) в образовательный процесс. С одной стороны, ИИ расширяет возможности персонализации обучения, обеспечивает автоматизацию обратной связи и позволяет использовать данные образовательной аналитики для принятия педагогических решений. С другой стороны, его внедрение сопровождается рисками, связанными с качеством генерируемого контента, этическими аспектами использования и изменением роли преподавателя. В систематическом обзоре исследований в области применения ИИ в высшем образовании отмечается, что развитие технологий опережает формирование педагогических моделей их использования, в результате чего преподаватели часто оказываются не готовыми к их системной интеграции [4]. Вместе с тем развитие аналитики образовательных данных и автоматизированной обратной связи демонстрирует значительный потенциал повышения качества обучения при условии их педагогически обоснованного применения [5].

В международных нормативных и рекомендательных документах подчеркивается необходимость человекоцентрированного использования технологий ИИ. Согласно рекомендациям ЮНЕСКО, цифровые инструменты должны усиливать педагогическую деятельность, а не подменять ее, при сохранении ответственности преподавателя за принимаемые образовательные решения [6; 7]. В рамках компетентностных моделей для преподавателей и обучающихся акцент делается на способности не только использовать инструменты ИИ, но и критически оценивать их, учитывать этические аспекты и осознанно интегрировать в образовательный процесс [8; 9].

В российской образовательной практике развитие ДПО регламентируется нормативными требованиями, ориентированными на обеспечение качества, практической направленности и соответствия образовательных результатов профессиональным задачам [10]. При этом существующие подходы к оценке качества программ ДПО преимущественно сосредоточены на организационных и формальных показателях, что ограничивает возможности анализа их реальной эффективности и не позволяет зафиксировать изменения в профессиональной деятельности слушателей [11].

Выявляется противоречие между возрастающей сложностью и гибридным характером программ ДПО и сохранением традиционных подходов к их оценке, не учитывающих динамику профессиональных изменений обучающихся. Указанное противоречие определяет научную задачу исследования. *Целью настоящего исследования* является разработка и апробация подхода к оценке эффективности программ ДПО в условиях гибридной образовательной среды с использованием технологий ИИ. Научная новизна исследования заключается в том, что эффективность рассматривается как многомерная характеристика, включающая *когнитивные*, *практические*, *поведенческие* и *рефлексивные* изменения в профессиональной деятельности слушателей, а также анализ роли ИИ как инструмента трансформации образовательного процесса.

Методы исследования

Дизайн исследования выстроен в логике фиксации и анализа изменений, происходящих в профессиональной деятельности слушателей в процессе обучения. В отличие от традиционных подходов, ориентированных на итоговый контроль знаний, в настоящем исследовании эффективность рассматривается как динамический процесс, включающий переход от освоения технологий к их практическому применению и дальнейшей интеграции в педагогическую деятельность. В качестве исследовательской модели использован квазиэкспериментальный дизайн с повторными измерениями, основанный на сопоставлении данных, полученных до начала обучения и после его завершения. Операционализация уровней сформированности ИИ-компетенции (начальный, средний, продвинутый) осуществлялась на основе адаптации прогрессивной модели рамки ЮНЕСКО (Acquire, Deepen, Create), что обеспечило валидность используемого конструкта.

Эмпирическую базу составила авторская программа ДПО «Нейросети в обучении иностранным языкам»[1], реализованная в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого в гибридном формате. Обучение включало синхронные занятия, работу в системе дистанционной поддержки на базе Moodle

и самостоятельную деятельность слушателей. Такое сочетание форм обеспечивало возможность индивидуализации темпа обучения при сохранении единой логики курса и педагогического сопровождения. В исследовании, проведенном в 2024–2026 гг., приняли участие 78 слушателей. Выборка носила гетерогенный характер и включала преподавателей высшей школы, школьного образования, системы среднего профессионального образования, а также специалистов, осуществляющих индивидуальную педагогическую практику. Участники различались по уровню квалификации и профессиональному опыту, что позволило рассматривать полученные результаты как отражающие реальные условия функционирования системы ДПО.

Сбор данных осуществлялся в несколько этапов. На начальном этапе проводилось входное анкетирование, направленное на выявление уровня цифровой подготовки, опыта использования технологий ИИ и отношения к ним. По завершении программы проводилось итоговое анкетирование, фиксирующее изменения в уровне понимания технологий, готовности к их применению и фактическом использовании в профессиональной деятельности. Дополнительно анализировались открытые ответы слушателей, позволяющие выявить их рефлексивные оценки и субъективное восприятие происходящих изменений. Ключевым элементом эмпирического анализа выступили продукты деятельности слушателей. В рамках каждого модуля участники выполняли практические задания, ориентированные на создание образовательных материалов с использованием технологий ИИ. Итоговая аттестация реализовывалась в форме разработки и апробации фрагмента учебного занятия, что позволило зафиксировать степень переноса результатов обучения в профессиональную практику и оценить поведенческие изменения.

Обработка эмпирического материала строилась на сочетании количественной и качественной логики анализа. Количественный этап включал подсчет частот и долей, а также сопоставление данных, полученных на входе и по завершении обучения. Для выявления направленности и выраженности изменений использовались показатели прироста, в том числе разность долей и коэффициент роста (Кр = Р_после / Р_до), что дало возможность оценить динамику результатов в относительном измерении. Качественная обработка данных опиралась на процедуру методологической триангуляции, обеспечивающую перекрестную верификацию результатов анкетирования. Механизм оценки по каждому критерию включал четкую последовательность действий. Когнитивные изменения фиксировались через сравнительный анализ закрытых пунктов анкеты и качественную интерпретацию открытых ответов. Практическая сформированность оценивалась экспертным методом: продукты деятельности слушателей и разработанные фрагменты учебных занятий проверялись по единой аналитической рубрике, включавшей параметры педагогической интеграции, методической обоснованности и технической адаптации. Оценка проводилась двумя независимыми исследователями; при расхождении баллов применялось согласительное обсуждение до достижения консенсуса. Поведенческие изменения отслеживались через анализ самоотчетов, верифицируемых обязательным приложением конкретных кейсов внедрения, а в перспективе могут отслеживаться через цифровые маркеры в СДО Moodle (активность загрузки проектов, частота обращений к ИИ-инструментам и пр.). Рефлексивная динамика выявлялась методом тематического кодирования текстовых ответов с выделением устойчивых смысловых кластеров (например, «критическая проверка результатов», «этическая ответственность», «сохранение роли преподавателя»).

При интерпретации результатов акцент делался на фиксацию направленных сдвигов по каждому из четырёх критериев, что позволило операционализировать понятие «эффективность» как многомерную динамику: *когнитивный сдвиг* проявлялся в переходе от фрагментарных представлений об ИИ к функциональному пониманию его педагогического потенциала и ограничений; *практический сдвиг* фиксировался через освоение конкретных приёмов адаптации готовых ИИ-инструментов под учебные задачи (от генерации материалов к дидактически обоснованному проектированию); *поведенческий сдвиг* отражал переход от эпизодического к регулярному использованию технологий в профессиональной практике, верифицируемый через самоотчёты с приложением кейсов внедрения; *рефлексивный сдвиг* выражался в формировании критической позиции: от доверия к результату по умолчанию – к осознанной проверке, учёту этических рисков и сохранению педагогического контроля.

В силу квазиэкспериментального дизайна и отсутствия контрольной группы применение параметрических тестов статистической значимости не является методологически корректным. Достоверность зафиксированных сдвигов обеспечивается процедурой триангуляции и расчетом размера эффекта: для ключевого поведенческого индикатора рассчитан коэффициент Коэна

Таблица

Критерии и индикаторы оценки эффективности программы ДПО

Критерии	Содержание критерия	Индикаторы	Источники данных	Методы оценки
Когнитивный	Уровень понимания возможностей и ограничений технологий ИИ	Понимание функций ИИ; знание инструментов; осознание ограничений и рисков	Входное и итоговое анкетирование; открытые ответы	Сравнительный анализ входных и итоговых данных; качественный анализ ответов
Практический	Способность применять ИИ в профессиональной деятельности	Создание учебных материалов; разработка заданий; использование ИИ в подготовке занятий	Практические задания; итоговые проекты	Экспертная оценка продуктов; качественный анализ работ
Поведенческий	Фактическое внедрение ИИ в образовательную практику	Регулярность использования ИИ; разнообразие применяемых инструментов; внедрение в занятия	Итоговое анкетирование; отзывы слушателей; кейсы применения	Анализ самоотчетов; качественный анализ примеров внедрения
Рефлексивный	Осознанность и критическое отношение к использованию ИИ	Понимание этических аспектов; способность оценивать риски; сформированность профессиональной позиции	Открытые ответы; рефлексивные комментарии	Тематический анализ; интерпретация высказываний

(≈ 1.66), что значительно превышает порог «большого эффекта» (0.8) и свидетельствует о высокой педагогической результативности программы. Такое сочетание инструментов позволило перейти от фиксации декларативных изменений к объективному анализу механизмов профессиональной трансформации.

Эффективность программы оценивалась по четырем взаимосвязанным критериям (см. табл.): когнитивный критерий отражал, насколько слушатели понимают возможности и ограничения технологий ИИ; практический критерий позволял судить о том, в какой мере они способны использовать ИИ для решения профессиональных задач; поведенческий критерий был связан с фактическим включением технологий в образовательную практику; рефлексивный критерий характеризовал степень осознанности использования ИИ, включая понимание его ограничений, рисков и этических аспектов. Система критериев и соответствующих индикаторов представлена в таблице.

Такое сочетание методов дало возможность увидеть результаты обучения не в одном измерении, а в их целостности, и соотнести особенности педагогического дизайна программы с теми изменениями, которые были зафиксированы в профессиональной деятельности слушателей.

Результаты исследования

Результаты исследования представлены на основе сопоставления входных и итоговых данных, а также анализа продуктов деятельности и рефлексивных ответов слушателей. Такая логика позволила зафиксировать не только изменение уровня знаний, но и характер трансформации профессиональной деятельности.

1. *Исходный уровень*. Анализ входного анкетирования позволил зафиксировать исходное состояние слушателей как количественно и качественно определяемую совокупность показателей, отражающих уровень сформированности ИИ-компетенции преподавателя. Распределение слушателей по уровням сформированности ИИ-компетенции, соотнесённое с прогрессивной моделью рамки ЮНЕСКО (см. рис. 1), представлено следующим образом: начальный уровень 16 человек (20.5%), средний уровень – 48 человек (61.5%), продвинутый уровень – 14 человек (17.9%). Уровни операционализированы в соответствии с тремя ступенями профессионального развития, закреплёнными в международной рамке:

– начальный уровень (Acquire/Освоение) характеризуется формированием базовой ИИ-грамотности: преподаватели осведомлены о ключевых возможностях и рисках технологий, владеют навыками утилитарного использования валидированных инструментов, однако применяют их фрагментарно, преимущественно для решения рутинных задач, без системной методической интеграции в образовательный процесс;

– средний уровень (Deepen/Углубление) отражает способность к осознанной педагогической интеграции: слушатели демонстрируют навыки безопасного и этичного применения ИИ,

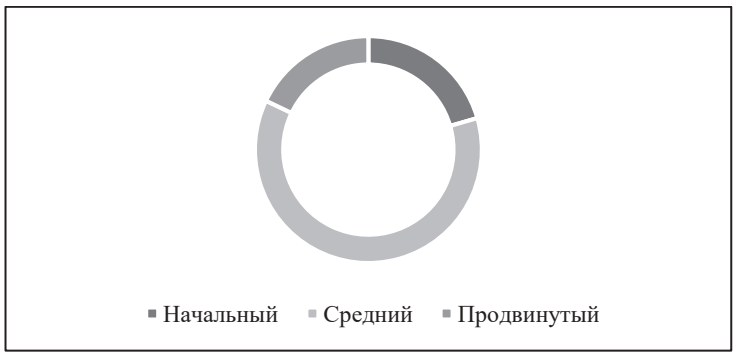

Рис. 1. Исходный уровень сформированности ИИ-компетенции у слушателей программы
Источник: авторская разработка

эффективно внедряют технологии в проектирование учебных сценариев, обеспечивают дифференциацию обучения и используют аналитические возможности инструментов для развития собственной профессиональной практики;

– продвинутый уровень (Create/Создание) свидетельствует о готовности к педагогической трансформации: педагоги способны критически оценивать воздействие ИИ на образовательные результаты, кастомизировать и адаптировать цифровые решения под специфику дисциплины, участвовать в формировании локальных этических стандартов и транслировать инновационный опыт в профессиональном сообществе.

Более 60% выборки находятся на среднем уровне, что подтверждает наличие у большинства слушателей базовых представлений о технологиях при сохранении потребности в переходе к их системной педагогической интеграции [8].

Анализ практики использования ИИ выявил выраженный разрыв между уровнем осведомленности и фактическим применением. Распределение ответов показало: регулярное использование – 17 человек (21.7%); эпизодическое использование – 38 человек (48.7%); отсутствие опыта при наличии намерения – 23 человека (29.4%). Следовательно, 78.1% слушателей не имеют устойчивых практик применения ИИ в профессиональной деятельности.

Одновременно зафиксирован высокий уровень мотивации: 74 из 78 участников (94.8%) выразили готовность использовать ИИ. Сопоставление данных позволяет выявить принципиальное расхождение между высокой мотивационной готовностью и низким уровнем практической реализации. Данное расхождение является ключевой характеристикой исходного состояния и определяет необходимость педагогического вмешательства.

Анализ барьеров внедрения ИИ позволил количественно зафиксировать структуру затруднений (недостаток знаний – 70 ответов; недоверие к технологиям – 32 ответа; этические вопросы – 31 ответ; технические ограничения – 29 ответов) (см. рис. 2). Если нормировать данные относительно объема выборки, то недостаток знаний как барьер проявляется у 89.7% участников, что указывает на дефицит именно методической и инструментальной подготовки, а не общей цифровой грамотности.

Дополнительный анализ показал, что выборка сформирована на основе пяти потоков программы в 2024–2026 гг. Это обеспечивает вариативность данных по возрасту, профессиональному опыту, институциональной принадлежности и уровню знакомства с технологиями ИИ, что повышает обобщаемость результатов и снижает влияние локальных факторов. Содержательный анализ ожиданий слушателей подтверждает выявленную структуру дефицитов. Распределение ответов показало: практические навыки – 83 ответа, ИИ-грамотность – 65 ответов, понимание дидактики ИИ – 63 ответа, готовые решения и сценарии – 41 ответ. Доминирует запрос на деятельностный и прикладной формат обучения, ориентированный на немедленное применение результатов.

Обобщение количественных и качественных данных позволяет определить исходное состояние слушателей как переходное. Оно характеризуется сочетанием трех признаков: (1) наличие базовой ИИ-грамотности; (2) высокий уровень мотивации к применению; (3) отсутствие системных практик и методических ориентиров. Иными словами, слушатели находятся на этапе перехода от эпизодического использования технологий ИИ к необходимости их профессиональной интеграции в образовательный процесс.

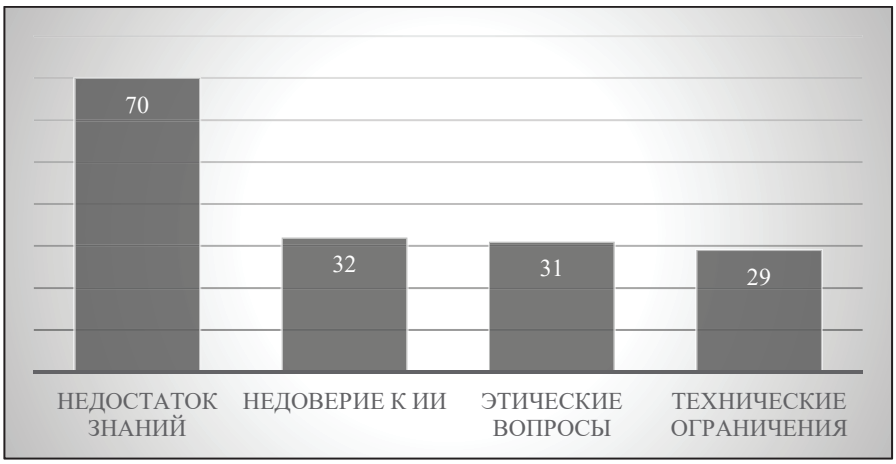

Рис. 2. Основные затруднения слушателей при работе с ИИ
Источник: авторская разработка

2. *Когнитивный критерий оценки*. Анализ итогового анкетирования позволил зафиксировать системные изменения в когнитивном эффекте обучения, выражающиеся в переходе от фрагментарного представления о технологиях к их осмысленному профессиональному пониманию. На исходном этапе ИИ воспринимался преимущественно как вспомогательный инструмент генерации текстов и отдельных материалов. Представления носили описательный характер и не включали понимания дидактического потенциала технологий. По завершении обучения наблюдается качественно иное состояние когнитивной сферы, связанное с формированием функционального понимания ИИ как средства решения педагогических задач. Динамика когнитивного изменения может быть описана как переход от неструктурированного знания к инструментально ориентированному пониманию и далее к профессиональной интерпретации. Эмпирическим подтверждением данного перехода являются устойчивые смысловые конструкции, зафиксированные в ответах слушателей: *«могу подобрать инструмент под задачу»*; *«понимаю ограничения и необходимость проверки»*; *«использую ИИ осознанно»*. Данные формулировки отражают изменение когнитивной позиции, при котором происходит соотнесение возможностей технологий с целями обучения и условиями их применения. Когнитивный эффект проявляется в трех взаимосвязанных изменениях: (1) расширение объема знаний о технологиях; (2) структурирование представлений о функциях ИИ; (3) переход к их профессиональной интерпретации.

3. *Практический критерий оценки*. Анализ продуктов деятельности слушателей позволил количественно и содержательно зафиксировать практический эффект обучения, выражающегося в способности использовать технологии ИИ для решения профессиональных педагогических задач. В качестве эмпирической базы рассмотрены работы слушателей, отражающие результаты выполнения практических заданий и итоговой аттестации. Важно отметить, что слушатели программы не занимались программированием моделей с нуля, а фокусировались на педагогически ориентированной адаптации готовых генеративных сервисов и визуальных конструкторов. В работе использовались преимущественно следующие инструменты:

– генеративные текстовые модели (ChatGPT, DeepSeek, Qwen, YandexGPT, Perplexity и пр.) для создания учебных текстов, заданий, промптов и методических комментариев;

– дидактические сервисы (Twee, Diffit, Edcafe, Magic School AI и пр.) для генерации упражнений, адаптации текстов под уровень владения языком, создания викторин;

– инструменты для развития устной речи (Gliglish, Speechace, SmallTalk2Me и пр.) для организации диалоговой практики с ИИ-собеседником;

– платформы для создания чат-ботов (Coze, Edcafe и пр.) для проектирования интерактивных учебных ассистентов;

– мультимедийные и презентационные инструменты (Gamma, AhaSlides, HeyGen, Kandinsky и пр.) для визуализации контента и создания аватаров.

Конкретные примеры педагогического использования инструментов подтверждают практическую направленность результатов. Слушатели программы не занимались программированием

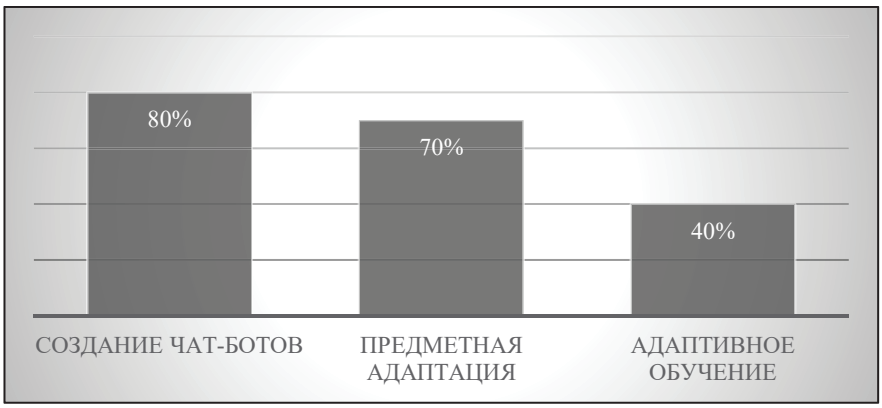

Рис. 3. Применение слушателями ИИ для решения педагогических задач
Источник: авторская разработка

моделей с нуля, а фокусировались на педагогически ориентированной настройке и адаптации готовых сервисов под задачи учебных дисциплин. Так, один из участников сконфигурировал чат-бот на платформе Coze для отработки диалогической речи на тему «Приём у врача»: агент задавал вопросы на английском языке, автоматически выявлял грамматические ошибки и предоставлял обратную связь. Другой слушатель использовал дидактическую нейросеть Brisk для адаптации аутентичного англоязычного текста уровня C1 до уровня A2, сгенерировав при помощи другой дидактической нейросети Diffit комплект вопросов на понимание и лексических упражнений, интегрированных в рабочий лист для аудиторного занятия. Третий пример – применение AhaSlides для создания интерактивной презентации по теме «Этика ИИ в академической среде», где каждый смысловой блок сопровождался проверочным заданием, автоматически сформированным через ИИ-расширение сервиса с заданными рубриками оценивания. Все примеры демонстрируют переход от утилитарного использования интерфейсов к их осмысленной интеграции в педагогический дизайн.

Количественный анализ работ позволяет выделить устойчивые характеристики практического применения ИИ (см. рис. 3): в 80% работ реализованы чат-боты или интерактивные обучающие системы; в 70% работ зафиксирована предметная адаптация под конкретную дисциплину; в 40% работ присутствуют элементы адаптивного обучения. Данные показатели свидетельствуют о переходе от универсального использования инструментов к их предметно ориентированной и дидактически обоснованной интеграции.

Содержательный анализ работ подтверждает данный вывод. В ряде случаев реализуется полная дидактическая модель обучения, включающая объяснение, практику и обратную связь. Так, в одной из работ указано, что разработанный чат-бот *«объясняет правило, предлагает практику и корректирует ответы»*, что отражает завершенную учебную цепочку. В других работах реализуются элементы адаптивности, например *«система определяет уровень обучающегося и предлагает задания разной сложности»*, что указывает на формирование навыков индивидуализации обучения. Практический эффект обучения проявляется в качественном изменении характера деятельности слушателей. Если на исходном этапе ИИ использовался преимущественно как инструмент поиска и генерации отдельных материалов, то по завершении программы он начинает выступать как средство педагогического проектирования. Зафиксированный переход можно описать как движение от инструментального использования к операциональному применению и далее к педагогической интеграции. Это подтверждает, что в результате обучения формируются не только отдельные навыки работы с ИИ, но и способность включать его в структуру образовательного процесса, обеспечивая разработку учебных материалов, организацию обратной связи и создание интерактивных образовательных решений.

4. *Поведенческий критерий оценки*. Наиболее заметные изменения были выявлены на уровне поведения слушателей, то есть в их реальных профессиональных действиях. Если до начала обучения регулярное использование технологий ИИ отмечалось у 17 человек, что составляет 21.7% выборки, то после завершения программы уже 74 из 78 участников сообщили о регулярном или планируемом применении ИИ в своей практике. Таким образом, итоговый показатель достиг 94.9%. Сопоставление значений до и после

обучения показывает абсолютный прирост в 73.2 п.п. (с 21.7% до 94.9%). Для оценки относительной динамики рассчитывался коэффициент роста (Кр) по формуле: Кр = Рпосле / Рдо, где Рпосле и Рдо – доли слушателей, регулярно использующих ИИ, после и до обучения соответственно. Таким образом, Кр = 94.9 / 21.7 ≈ 4.37. Данный показатель носит описательный характер и демонстрирует кратность увеличения доли педагогов, интегрировавших технологии в повседневную практику. Критерием положительной динамики выступал устойчивый переход слушателей из категории *эпизодическое/отсутствующее использование* в категорию *регулярное/системное внедрение*, верифицируемый через самоотчёты с приложением конкретных кейсов. Для оценки практической значимости выявленных сдвигов дополнительно рассчитан размер эффекта по Коэну для ключевого поведенческого индикатора: h ≈ 1.66, что значительно превышает порог большого эффекта (0.8) и свидетельствует о высокой педагогической результативности программы. Важно отметить, что коэффициент роста и размер эффекта не являются тестами статистической значимости в строгом смысле; их интерпретация осуществляется в комплексе с качественными данными, что соответствует логике смешанных исследований в педагогике [5]. Количественные результаты подтверждаются содержанием ответов. В рефлексивных комментариях устойчиво повторяются формулировки, указывающие на практическое применение технологий: *«использую на занятиях»*, *«внедрила чат-бот»*, *«применяю регулярно»*, *«рекомендую студентам»*. Важно, что речь идет не о намерениях, а о действиях, уже включенных в педагогическую практику. Зафиксирован переход от заявленной готовности к использованию ИИ к его реальному внедрению, а затем к закреплению в виде устойчивых профессиональных решений.

5. *Рефлексивный критерий оценки*. Анализ открытых ответов итогового анкетирования и продуктов деятельности слушателей позволил зафиксировать формирование рефлексивного эффекта обучения, отражающего степень осознанности и критичности использования технологий ИИ в профессиональной деятельности. На исходном этапе отношение слушателей к ИИ носило преимущественно инструментальный и в ряде случаев некритичный характер. По завершении программы наблюдается качественное изменение рефлексивной позиции, связанное с осознанием ограничений технологий, условий их эффективного применения и роли преподавателя как субъекта педагогического контроля. Контент-анализ ответов позволил выделить устойчивые смысловые категории: необходимость проверки результатов; ограниченность функционала инструментов; зависимость качества результата от формулировки запроса; этические аспекты использования технологий. Данные категории подтверждаются конкретными высказываниями слушателей: *«инструмент требует комментариев преподавателя, иначе студент не поймет»*; *«часть перевода требует доработки человеком»*; *«необходимо проверять результаты»*; *«ИИ не заменяет преподавателя»*; *«ИИ экономит время, но требует контроля»*; *«понимаю ограничения ИИ»*. Приведенные формулировки отражают изменение характера взаимодействия с технологиями, при котором происходит переход от доверия к результату по умолчанию к его критической оценке и педагогической интерпретации. Рефлексивная динамика может быть описана как переход от некритичного использования к осознанному применению и далее к профессиональному контролю. Содержательный анализ практических работ подтверждает данный переход. В большинстве случаев слушатели не только используют инструменты ИИ, но и фиксируют их ограничения, указывают на необходимость доработки результатов и формулируют условия их корректного применения в образовательном процессе. Рефлексивный эффект обучения проявляется в формировании устойчивой профессиональной позиции, включающей осознание границ применимости технологий, учет этических аспектов и сохранение ведущей роли преподавателя в организации и оценке образовательного процесса.

Заключение

Результаты исследования позволяют уточнить понимание оценки эффективности программ ДПО как характеристики, связанной не с отдельными образовательными результатами, а с динамикой профессиональных изменений слушателей. В отличие от традиционных подходов, ориентированных на контроль знаний, эффективность в условиях гибридной образовательной среды проявляется через трансформацию профессиональной деятельности.

Полученные данные эмпирически подтверждают положения международных исследований о необходимости комплексной оценки качества обучения, включающей условия, процессы и результаты [2; 3]. При этом установлено, что ключевым фактором эффективности выступает

не сама технология, а степень ее педагогической интеграции. Использование ИИ становится результативным только в том случае, если оно встроено в структуру учебной деятельности и сопровождается практико-ориентированным педагогическим дизайном. Наиболее значимым результатом является выявленный поведенческий эффект, отражающий переход от намерения к устойчивому использованию технологий в образовательной практике. Это согласуется с подходами к аналитике образовательных данных, акцентирующими внимание на поведении обучающихся как индикаторе эффективности [5]. Одновременно зафиксировано формирование рефлексивной позиции, включающей осознание ограничений технологий и необходимость педагогического контроля, что соответствует человекоцентрированному подходу, представленному в документах ЮНЕСКО [6; 7].

Установлена связь между структурой программы и характером достигаемых эффектов. Модульная организация обучения, обеспечивающая последовательный переход от освоения инструментов к их интеграции, способствует формированию устойчивых профессиональных практик, что согласуется с положениями теории смешанного обучения. В контексте российской системы образования результаты исследования позволяют обосновать необходимость смещения акцента в оценке программ ДПО с формальных показателей на анализ профессиональных изменений обучающихся. Указанный дизайн исследования, соответствующий логике формирующего квазиэксперимента, не предполагает применения параметрических тестов значимости различий. В связи с этим достоверность выявленных сдвигов обеспечивалась не статистической проверкой гипотез, а процедурой методологической триангуляции: перекрёстным сопоставлением количественных показателей прироста с качественными данными (экспертная оценка продуктов, контент-анализ открытых ответов, цифровые следы в СДО). Такой подход соответствует рекомендациям для исследований на ранних стадиях внедрения инноваций, когда приоритет отдаётся глубине интерпретации механизмов изменений, а не формальной проверке статистических гипотез [5; 11]. В перспективе, при расширении выборки и включении контрольной группы, планируется верификация результатов с применением критерия Макнимара для парных категориальных данных и расчётом размера эффекта.

Примечания

1. Авторская программа повышения квалификации «Нейросети в обучении иностранным языкам». URL: https://do.spbstu.ru/pk/iskusstvennyj-intelllekt-ii-i-nejroseti-v-obuchenii-inostrannym-yazykam/

Список литературы

1. Блинов В.И., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Модели смешанного обучения: организационно-дидактическая типология // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 5. С. 44–64. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-5-44-64.

2. APEC Quality Assurance of Online Learning Toolkit 2019. URL: https://www.apec.org/docs/default-source/Publications/2019/12/APEC-Quality-Assurance-of-Online-Learning-Toolkit/219_HRD_Quality-Assurance-of-Online-Learning-Toolkit.pdf (дата обращения: 31.03.2026).

3. Huang Y., Marcial D.E. Evaluating the quality of hybrid learning in higher education: stakeholder perspectives from a Chinese university // Frontiers in Education. 2025. Vol. 10. Art. 1615020. DOI: 10.3389/feduc.2025.1615020.

4. Zawacki-Richter O., Marín V.I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16. Art. 39. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.

5. Siemens G. Learning analytics: The emergence of a discipline // American Behavioral Scientist. 2013. Vol. 57, № 10. P. 1380–1400. DOI: 10.1177/0002764213498851.

6. UNESCO. Guidance for generative AI in education and research / Fengchun Miao, Wayne Holmes; UNESCO. Paris: UNESCO, 2023. 44 p. DOI: 10.54675/EWZM9535.

7. UNESCO. AI and education: Guidance for policymakers. Paris: UNESCO, 2021. DOI: 10.54675/PCSP7350.

8. UNESCO. AI competency framework for teachers / Fengchun Miao, Mutlu Cukurova; UNESCO. Paris: UNESCO, 2024. 60 p. DOI: 10.54675/ZJTE2084.

9. UNESCO. AI competency framework for students / Fengchun Miao, Kelly Shiohira, Natalie Lao; UNESCO. Paris: UNESCO, 2024. 80 p. DOI: 10.54675/JKJB9835.

10. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.03.2026). Ст. 76 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 31.03.2026).

11. Лебедев В.В., Мансурова С.Е., Расташанская Т.В., Табаровская К.А. Рекомендации по обеспечению качества дополнительных профессиональных программ / ГАОУ ВО «Московский институт открытого образования». 4-е изд., перераб. и доп. М.: МИОО, 2016. 98 с. URL: https://www.dpomos.ru/upload/iblock/d59/Rekomendatsii_po_obespecheniyu_kachestva_DPP.pdf (дата обращения: 31.03.2026).

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION PROGRAMS IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTEGRATION

A.A. Andreeva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; Herzen State Pedagogical University of Russia

The article focuses on the development and validation of an approach to evaluating the effectiveness of continuing professional education programs in a hybrid learning environment with the integration of artificial intelligence technologies. The study is based on a quasi-experimental design with repeated measurements, including the comparison of pre-course and post-course data as well as the analysis of participants' learning products. The empirical basis of the research is an author-designed professional development program implemented in 2024–2026 with 78 educators. Program effectiveness was assessed using four criteria: cognitive, practical, behavioral, and reflective. The findings demonstrate that the most significant changes occur at the behavioral level, where a shift from episodic use of AI to its regular integration into professional practice is observed. The study reveals that the key factor of effectiveness is not the availability of technologies but the degree of their pedagogical integration. The novelty of the research lies in interpreting effectiveness as a multidimensional process reflecting transformations in teachers' professional activity.

Keywords: continuing professional education, artificial intelligence in education, learning effectiveness evaluation, AI competency of teachers.

УДК 378.147.31
DOI 10.52452/18115942_2026_3_269

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КУРСА «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»)

© 2026 г.

Лю Цзинцзюань, Сун Шэннань, А.И. Горылев

Лю Цзинцзюань, д.филол.н.; доцент Института языков и культур
Шанхайского политико-юридического университета
jingjuan1203@163.com
Сун Шэннань, д.ю.н.; доцент Института языков и культур
Шанхайского политико-юридического университета
3228770988@qq.com
Горылев Александр Иванович, к.ю.н.; доцент кафедры конституционного и муниципального права
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
gorylev@unn.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.2026
Статья принята к публикации 31.07.2026

Рассматривается интеллектуальная модель обучения в рамках курса «История русской литературы», которая предусматривает сочетание онлайн- и офлайн-методов с использованием искусственного интеллекта и цифровых технологий. Особое внимание уделяется построению образовательной экосистемы, укреплению историко-литературной базы знаний, усвоению литературной теории, практике анализа и интерпретации текстов, а также развитию критического мышления и творческих умений через литературные творческие мастерские. Значимым элементом обучения является межкультурный обмен, способствующий формированию глобального образовательного сообщества. Внедрение ИИ оптимизирует смешанное обучение, обеспечивает достижение практических результатов, укрепляет международное академическое взаимодействие и трансформацию культурных продуктов, демонстрируя большой потенциал для дальнейшего развития гуманитарного образования в цифровую эпоху.

Ключевые слова: информационные технологии, искусственный интеллект, смешанное обучение, курс «История русской литературы».

Введение

В последние годы развитие и использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) привело к значительным изменениям в сфере образования. Можно сказать, что глубокая интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс приводит к созданию новых педагогических подходов, и это является неизбежной тенденцией в условиях современного развития образования. Инновационная модель смешанного обучения, реализуемого на основе ИИ, становится все более актуальной среди академического сообщества.

Применение искусственного интеллекта в образовательной сфере можно классифицировать на три типичные модели: 1) компенсирующее образование для особых групп; 2) заместительное образование для упрощения повседневного обучения и 3) адаптивное образование для поддержки индивидуального развития. Выделяют также следующие ситуации применения искусственного интеллекта в указанной сфере: интеллектуальное управление процессом обучения; автоматизированное оценивание; поиск решений по фото; подготовка учебных работ; интеллектуальная проверка заданий, персонализированное обучение; дифференцированное планирование занятий; мониторинг успеваемости обучающихся [1, с. 1].

Очевидно, искусственный интеллект играет ключевую роль в смешанном обучении, способствуя интеграции цифровых и интеллектуальных современных образовательных ресурсов, эффективному сочетанию онлайн- и офлайн-форматов обучения, а также значительно стимулирует непосредственное активное участие студентов в процессе обучения. Несмотря на то, что существующие научные исследования уже доказали актуальность использования цифрового интеллектуального обеспечения в смешанном обучении, в реформировании моделей подготовки специалистов

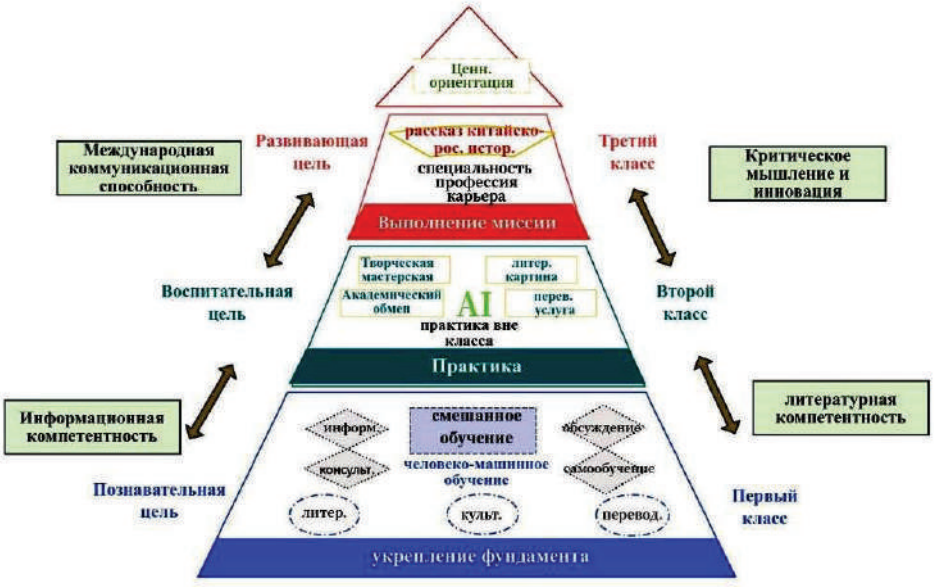

Рис. Учебные цели и контент курса

и повышении качества образования, вопрос о взаимодействии человека и ИИ требует дальнейшего рассмотрения и изучения. Со своей стороны мы хотим продемонстрировать разработанную интеллектуальную модель преподавания учебного курса «История русской литературы», созданную на основе реформирования смешанного обучения путем внедрения элементов искусственного интеллекта в образовательный процесс. Мы попытаемся оценить эффективность использования ИИ в данной сфере. Полученные результаты можно рассматривать как практические рекомендации другим преподавателям при реформировании ими своих учебных дисциплин с использованием ИИ в образовательном процессе.

Интеллектуальная модель обучения по учебному курсу «История русской литературы»

А. *Цели курса*

Курс «История русской литературы» является обязательной дисциплиной для студентов по специальности «Русский язык» в вузах Китая. Он представляет собой последовательное рассмотрение этапов развития русской литературы XI–XX веков для достижения четырёх взаимосвязанных целей: 1) укрепление базовых знаний, 2) развитие у студентов практическим умений, 3) развитие инновационного мышления у студентов и 4) формирование у студентов высоконравственной системы ценностей. С учётом трёх ключевых аспектов – ценностные ориентации, цифровое интеллектуальное обеспечение и интеграция образования с промышленностью – в рамках курса выстраиваются структурные связи между познавательными, воспитательными и развивающими целями в процессе подготовки специалистов, ориентированных на инновации в разных сферах жизни общества. Особое внимание уделяется развитию у студентов критического и инновационного мышления, межкультурных коммуникативных компетенций, а также способности профессионально излагать информацию о китайско-российском сотрудничестве на международной арене.

Данный подход способствует всестороннему развитию высококвалифицированных международных специалистов в области иностранных языков в рамках концепции «Всестороннее развитие личности». Иерархия учебных целей и контент учебного курса представлены на рисунке.

Б. *Особенности учебного курса*

(I) Интеллектуально обеспеченная повсеместная аудитория: преодоление пространственно-временных ограничений

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта открывает новые возможности в создании смешанной модели обучения, позволяя создать подлинно повсеместную учебную среду, которая разрушает пространственно-временные барьеры традиционного обучения. Благодаря органичной интеграции интеллектуальных образовательных платформ,

технологий виртуальной реальности (VR) и мультимодальных AI-инструментов преподаватели и студенты могут преодолевать ограничения времени и пространства, обеспечивая интерактивное обучение и взаимодействие в любое время и в любом месте.

Например, технологии VR позволяют воссоздавать высокореалистичные виртуальные учебные среды, в которых студенты могут погрузиться в атмосферу исторических событий, литературных сюжетов или культурных пространств, что способствует усилению интереса к обучению и углублению понимания учебного материала.

Кроме того, основанный на AI анализ данных и интеллектуальная обратная связь позволяют в режиме реального времени отслеживать учебное поведение и когнитивное состояние студентов. Это даёт возможность преподавателям оптимизировать стратегии обучения на основе актуальных данных, достигая подлинной персонализации и дифференциации в образовательном процессе. Важно и то, что технологии искусственного интеллекта способствуют развитию критического мышления и способности к творческому решению проблем, позволяя студентам не только овладевать знаниями, но и учиться мыслить критически и применять полученные знания на практике. Это способствует подготовке специалистов нового поколения с глобальным видением и инновационными умениями.

(II) Системный подход к построению инновационной экосистемы интеграции образования и производства

Ключевым фактором для повышения качества подготовки талантливых студентов в вузах становится развитие интеграции образования и производства. На основе платформенного, проектного и экосистемного подходов особенно важно создать инновационную экосистему интеграции образования и производства на принципах сотрудничества и симбиоза. С опорой на интеллектуальные образовательные платформы создается мультиагентная площадка совместного использования, которая устраняет информационные барьеры между университетами и индустрией и способствует взаимному использованию ресурсов. Центральным элементом становится проектно-ориентированное обучение: через литературные креативные мастерские, туристические маршруты по литературным локациям, межкультурные обмены и другие формы проектной деятельности обеспечивается взаимосвязь теории и практики, что способствует развитию у студентов инновационного мышления и практических умений.

Кроме того, экосистемная модель интеграции образования и производства выходит за рамки традиционного обучения в аудитории, охватывая также социальное обслуживание и культурную коммуникацию. Это позволяет студентам в реальных жизненных ситуациях погружаться в решение сложных проблем, что, в свою очередь, развивает их способности к междисциплинарной интеграции и межкультурной коммуникации.

(III) На основе ценностно ориентированного подхода важно эффективно представлять китайско-российские нарративы, реализуя миссию высшего образования по формированию глобального взаимовыгодного сотрудничества

В современную эпоху высшее образование выполняет не только функцию подготовки специалистов, но и несёт историческую миссию культурного развития и международного обмена. Для этой цели инновационная модель смешанного обучения открывает новые возможности. Опираясь на мировоззренческие ценности, преподаватели должны уделять особое внимание сравнительному анализу китайской и российской литературы в процессе обучения. Посредством ярких примеров и разнообразных форм межкультурного обмена студенты должны получать возможность глубже понимать новые парадигмы, подходы и перспективы в исследовании китайско-российской литературной традиции. Кроме того, с использованием интеллектуальных образовательных платформ и технологий виртуальной реальности (VR) историко-культурные и современные события в Китае и России могут быть визуализированы. Это позволяет студентам по всему миру более наглядно и живо воспринимать культурные взаимосвязи и социальные трансформации двух стран. Такой формат иммерсивного сравнительного обучения способствует укреплению взаимопонимания между китайскими и российскими студентами, совместному осмыслению многогранности китайско-российских отношений и в конечном счёте формирует основы для глобального взаимовыгодного сотрудничества.

В. *Конструирование учебного контента на основе человеко-машинного взаимодействия*

Построение учебного контента курса осуществляется на основе научного использования генеративного искусственного интеллекта (Gen AI). В рамках модели смешанного (онлайн и офлайн) обучения реализуется последовательное поэтапное развитие по шести взаимосвязанным уровням: укрепление историко-литературной основы знаний; понимание литературной

теории; практика анализа, перевода и интерпретации литературных произведений; развитие критического мышления; совместное создание литературных творческих мастерских и межкультурный обмен.

Человеко-машинные модели взаимодействия по каждому из данных направлений выглядят следующим образом.

(I) Укрепление историко-литературной основы знаний

В рамках рассматриваемого этапа студенты, опираясь на учебные задания по главам, размещённым на онлайн-платформе, используют возможности генеративного искусственного интеллекта (Gen AI) для самостоятельного поиска и изучения материалов по истории русской литературы. В процессе офлайн-занятий преподаватель организует интерактивные учебные активности, анализирует результаты самостоятельной работы, даёт комментарии и проводит необходимые консультации. Таким образом, сочетание автономного изучения материалов с поддержкой Gen AI в онлайн-среде и глубоких тематических дискуссий в офлайн-формате создаёт замкнутый цикл обучения, обеспечивающий непрерывное получение и закрепление знаний.

(II) Понимание литературной теории

После изучения студентом соответствующего онлайн-контента преподаватель в очном формате подробно объясняет теоретические основы литературного анализа, оценки и перевода, акцентируя внимание на том, что материалы, созданные с помощью генеративного ИИ, могут носить неофициальный и неакадемический характер. Студентов при этом предупреждают о необходимости соблюдения академической этики.

(III) Практика анализа, перевода и интерпретации литературных произведений

На офлайн-занятиях в аудитории преподаватель непосредственно направляет студентов при анализе, переводе и интерпретации литературных произведений на русском языке. При методическом сопровождении и взаимодействии происходит комплексная оценка качества и уровня работ по литературному анализу, критике и переводу произведения, выполненных с использованием генеративного ИИ.

(IV) Развитие критического мышления

На офлайн-занятиях преподаватель стимулирует студентов подвергать сомнению отдельные примеры литературного анализа, оценки и перевода рассматриваемого произведения. Опираясь на многообразие изучаемых материалов, студенты осуществляют рефлексию и пытаются получить ответы на вопросы:

– насколько приемлемы методы генерации текстов?

– как снизить риски, связанные с использованием ИИ в написании?

– каким образом достичь подлинной инновации?

(V) Совместное создание литературных творческих мастерских

На базе офлайн-обучения с продвинутой поддержкой ИИ преподаватели и студенты совместно создают литературные творческие мастерские. Студентам предлагается всесторонне изучать публикуемые двуязычные (китайско-российские) литературные материалы и на основе тематических исследований разрабатывать новые идеи, например: превращение произведений классической русской литературы (как объектов интеллектуальной собственности) в конкретные культурные продукты (фильмы, игры, сувениры и т.п.), развитие литературного туризма по произведениям русских писателей, создание виртуального музея русской литературы, разработка виртуальных игровых карт по сюжетам русской литературы. Всё это формирует новую парадигму трансформации литературных произведений в культурные продукты.

(VI) Проведение межкультурного обмена

Данная составляющая включает в себя как онлайн-модуль «Мнение экспертов» с серией видеолекций на тему «Эффективное повествование китайско-российской истории и содействие цивилизационному обмену», так и практическое взаимодействие студентов с генеративным ИИ через плагин Voice Control for ChatGPT, позволяющий вести диалоги и показывать культурно-философские особенности Китая и России. Кроме того, в рамках офлайн-занятий, выстроенных по модели «один курс – несколько преподавателей», приглашаются эксперты из других университетов, а также иностранные студенты для проведения совместных дискуссий и обмена опытом. Студентов стимулируют участвовать в международных конференциях, способствующих развитию культурного диалога и взаимопонимания между Китаем и Россией.

Способы инновационного реформирования смешанного обучения при использовании ИИ

В академической среде широко признаётся, что цифровое интеллектуальное обеспечение становится важным фактором стимулирования использования инноваций в высшем образовании

[2–4]. Следует отметить, что цифровые интеллектуальные технологии не только выступают в качестве инструмента передачи знаний, но и могут эффективно интегрироваться в различные формы тематического обучения, такие как проблемное, исследовательское и проектное, выполняя функции генерации контента, создания учебных ситуаций, развития мышления и поддержки исследовательской деятельности [5].

Многие исследователи обращают внимание на изучение способов реформирования смешанного обучения в условиях интеллектуально-цифрового расширения возможностей образовательного процесса. Так, Лэн Сюэфэн подчёркивает органичную интеграцию онлайн- и офлайн-обучения как ключевого элемента модели смешанного обучения, реализуемой при поддержке открытых онлайн-курсов [6, с. 68]. Лян Шаолинь анализирует практику применения интеллектуальных образовательных платформ в контексте интеллектуально-цифрового опосредованного смешанного обучения и предлагает конкретные механизмы интеграции онлайн и офлайн образовательных ресурсов [7, с. 152].

Опираясь на результаты указанных исследований, в данной статье предлагается собственный инновационный способ, ориентированный на дальнейшее углубление интеллектуально-цифрового расширения возможностей смешанного обучения.

А. *Инновации учебной модели в условиях интеллектуально-цифровой трансформации образовательного процесса*

Учебный курс «История русской литературы» охватывает траекторию её развития от периода Киевской Руси до современной эпохи и характеризуется насыщенным содержанием. В рамках традиционной модели обучения студентам затруднительно в полной мере осмыслить сложную динамику историко-литературной эволюции и многообразие характеристик литературных направлений. В этой связи реформирование учебного процесса на основе педагогической модели, опирающейся на интеллектуально-цифровое расширение возможностей, становится ключевым путём повышения эффективности преподавания и оптимизации учебного процесса. Во-первых, интеграция мультимодальных учебных ресурсов на основе интеллектуальной образовательной платформы выступает ядром реформирования учебной модели в условиях интеллектуально-цифровой трансформации образовательного процесса. Интеллектуальная платформа предоставляет цифровые ресурсы, охватывающие хронологию литературного процесса, биографии писателей, их ключевые произведения, культурно-исторический контекст написания литературного произведения и мультимедийные навигационные материалы, что позволяет студентам осуществлять самостоятельную предварительную подготовку к занятию и с помощью интерактивных ментальных карт структурировать историческую логику и взаимосвязи литературных явлений. Так, например, при изучении темы «Золотой век русской литературы XIX века» студенты могут посредством динамической хронологической системы платформы ознакомиться с временными периодами творческой деятельности и социально-историческим фоном творчества таких авторов, как Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, а также осуществлять текстуальный анализ и углублённое чтение их произведений. Платформа также поддерживает функцию синхронной аннотации и совместного обмена заметками, что способствует структурированию знаний и усилению их интерактивного характера. Во-вторых, внедрение технологий виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) преодолевает пространственные ограничения традиционного аудиторного обучения и усиливает ситуационно-контекстуализированный характер преподавания истории русской литературы в условиях интеллектуально-цифровой трансформации образовательного процесса. Так, при изучении романа Л.Н. Толстого «Война и мир» посредством VR-погружения студенты получают возможность «оказаться» на поле Бородинского сражения, пережить атмосферу военных действий и глубину осмысления человеческой природы, отражённую в художественном мире писателя; при изучении романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» технологии AR позволяют воссоздать в учебном пространстве образы петербургского вокзала, театра и усадебного ландшафта, формируя эффект присутствия и способствуя более глубокому пониманию социально-исторической среды, в которой жили персонажи, и их судьбы. Данный формат иммерсивного обучения не только углубляет интерпретацию контекстуальных аспектов произведений, но и стимулирует познавательную мотивацию и развитие критического мышления у студентов, трансформируя процесс усвоения истории русской литературы из абстрактного накопления знаний в конкретизированный опыт переживания событий, описываемых в художественном произведении. В-третьих, согласованное взаимодействие онлайн- и офлайн-компонентов смешанного обучения в условиях интеллектуально-цифровой

трансформации образовательного процесса способствует дальнейшему преодолению замкнутости традиционного аудиторного пространства. Студенты усваивают в аудитории основные историко-литературные линии и осуществляют текстуальный анализ художественных произведений, тогда как во внеаудиторное время посредством интеллектуальной платформы они выполняют расширенное чтение и проходят онлайн-тестирование. На основе аналитических данных платформы преподаватель получает возможность оперативно выявлять уровень усвоения учебного материала студентами и проблемные аспекты, с которыми они сталкиваются, а также посредством персонализированных онлайн-консультаций, тематических дискуссий и группового взаимодействия реализовывать прецизионное управление учебным процессом и осуществлять его динамическую коррекцию. Действие данного циклического механизма «преподавание – обратная связь – оптимизация» существенно повышает качество преподавания курса «История русской литературы» и значительно обогащает образовательный опыт студентов.

Б. *Новая модель реализации обучения, ориентированная на результаты и практическую координацию*

Как отмечают исследователи, развитие технологий искусственного интеллекта предъявляет новые требования к роли преподавателя в аудитории [8, с. 96; 9, с. 104]. Поэтому реформа смешанного обучения курсу «История русской литературы» направлена не только на улучшение передачи знаний, но и на перевод знаний в практическую плоскость. В рамках данной концепции модель обучения по курсу выстраивается на основе многоуровневой системы взаимосвязанных практик, включающих литературные творческие мастерские, формы межкультурного взаимодействия и семинарские занятия, что способствует органичной интеграции теоретического усвоения и практической деятельности студентов. Следует отметить, что литературные творческие мастерские выступают ключевой формой реализации результативно- и проектно-ориентированного обучения, направленного на формирование комплексных профессиональных и коммуникативных компетенций у обучающихся. В процессе изучения литературных направлений «Русский символизм и футуризм» студенты с опорой на интеллектуальную образовательную платформу, работая в группах под методическим руководством преподавателя, создают многоязычный литературный сборник, включающий символистскую поэзию, футуристическую прозу, а также визуально-художественные компоненты (в частности, авторские иллюстрации). В структуру мастерских интегрируются инструменты AI-ассистированного письма и цифровой публикации, обеспечивающие мультимодальную репрезентацию и электронное издание студенческих работ, а также их профессиональное обсуждение и рефлексивную оценку в формате онлайн-сессий обратной связи. Подобная практико-ориентированная модель, базирующаяся на схеме «создание творческого продукта – презентация – рефлексия – совершенствование», способствует не только развитию литературно-эстетической восприимчивости и творческого потенциала студентов, но и формированию их компетенций в сфере мультимодального выражения, межкультурной коммуникации и межмедийной репрезентации, а также развитию умений командного взаимодействия и сотрудничества при создании проектов. Кроме того, межкультурное взаимодействие и международные академические обсуждения выступают важнейшим инструментом формирования глобального образовательного горизонта студентов. При поддержке интеллектуальной образовательной платформы данный учебный курс реализует модели онлайн-кооперации и международного академического диалога с вузами России и ряда других европейских стран. Так, например, в рамках тематического модуля «Мировое влияние русской литературы» китайские студенты совместно с обучающимися из зарубежных университетов, специализирующимися в области русской филологии, принимают участие в сетевых научных дискуссиях, посвящённых проблематике интерпретации творчества Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других представителей русской классической литературы в западном культурном пространстве. Мы также считаем, что интеллектуальные образовательные платформы могут стать основой для создания и реализации совместных образовательных программ университетами из разных стран [10].

Конечно же, практика межкультурного академического взаимодействия способствует расширению интерпретационного поля анализа художественного текста, формированию умений полиперспективного прочтения, а также развитию компетенций в сфере межкультурной коммуникации и критической рефлексии, что в совокупности укрепляет международно-ориентированное гуманитарное мышление студентов. К

тому же в структуру курса интегрируются проекты выездных литературно-исторических исследований, реализуемые в формате VR-экскурсий и посещения цифровых музейных пространств, что позволяет студентам в онлайн-режиме посещать такие знаковые культурные объекты, как Российская государственная библиотека, музей Л.Н. Толстого, дом-музей Н.В. Гоголя и другие памятники литературного наследия. Посредством интеллектуально-цифровых технологий студенты погружаются в пространство историко-литературных локаций, переживая взаимопроникновение художественного текста и исторического контекста. Данный формат обучения не только компенсирует пространственно-географические ограничения традиционного аудиторного образования, но и усиливает эффект исторической иммерсии, наделяя процесс усвоения истории литературы более глубоким чувством культурной сопричастности и вовлечённости в исторические события.

В. *Новая модель междисциплинарной интеграции и трансформации культурных продуктов*

Смешанное обучение, основанное на цифровом и интеллектуальном сопровождении, не только способствует глубокому обновлению моделей преподавания и форм практической деятельности, но и открывает новые пути междисциплинарной интеграции и трансформации культурных продуктов в рамках учебного курса «История русской литературы». При поддержке цифровых технологий курс предусматривает всестороннее изучение междисциплинарного взаимодействия литературы с философией, кинематографом, игровым дизайном и искусством, формируя образовательное пространство с ярко выраженным эффектом «выхода за рамки дисциплины» и способствуя инновационной трансляции и ценностному переосмыслению литературно-исторических знаний в различных медиасредах. С одной стороны, интеграция литературы и киноискусства способствует визуализации классических текстов. В процессе изучения романа «Война и мир» студентам предлагается адаптировать литературный материал в формате коротких сценариев и реализовать их в форме видео с использованием цифровых инструментов интеллектуальной платформы. Функции видеомонтажа, виртуального сценографического моделирования и постпродакшена позволяют студентам глубже осмыслить нарративную структуру произведения и систему образов, а также укрепляют их понимание исторического контекста и культурных смыслов, усиливая эффект погружения в исторические события. С другой стороны, сочетание литературы и игровых технологий значительно повышает интерактивность и вовлечённость студентов. В модуле «Русская литература и революционная мысль» студенты на основе интеллектуальной платформы создали интерактивную игру «Петербургский лабиринт», в которой игрокам необходимо, опираясь на литературные знания и исторические подсказки, последовательно выполнять задания и постигать процесс формирования литературных кружков в Петербурге того времени и способы распространения революционных идей. Геймификация обучения не только укрепляет понимание хронологической логики литературного процесса и идейной эволюции, но и стимулирует развитие умений самостоятельного поиска и конструктивной когнитивной деятельности. Кроме того, междисциплинарная практика на стыке литературы и художественного творчества расширяет пространство практической реализации учебного курса. На основе произведений Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и других классиков литературы студенты разрабатывают культурно-креативные продукты, такие как тематические блокноты, художественные открытки и цифровые иллюстрации, представляя их на трансграничных электронных торговых платформах. Процесс вторичной репрезентации литературной классики в форме культурных продуктов не только демонстрирует трансформацию механизмов передачи знания под воздействием цифровых технологий, но и обеспечивает современную интерпретацию и актуализацию исторической ценности русской литературы.

Эффективность реформирования смешанного обучения с использованием ИИ

Опираясь на концепцию OBE (образование, ориентированное на результаты обучения), посредством внедрения интеллектуальной образовательной платформы, технологий виртуальной реальности (VR), технологий дополненной реальности (AR) и мультимодальных образовательных ресурсов была выстроена модель смешанного обучения, интегрирующая онлайн- и офлайн-форматы. В рамках данной модели комплексно объединены динамические хронологические таблицы[1] и литературные карты, мультимедийные экскурсии и видеолекции, онлайн-дискуссии и интерактивные вопросы-ответы, VR-туры, AR-ситуационное обучение, литературные творческие мастерские, международное академическое взаимодействие и совместные

Таблица

Показатель	Контрольная группа (*n*=38)	Экспериментальная группа (*n*=35)	*t*-значение	*df*	*p*-значение	Cohen's *d*
Понимание литературных знаний	70.2 ± 11.8	86.3 ± 10.5	6.23	71	<0.001	1.48
Активность студентов на занятиях	64.5 ± 13.2	84.5 ± 12.0	6.83	71	<0.001	1.62
Способность к анализу, оценке и переводу литературных произведений	67.8 ± 12.5	86.1 ± 11.3	6.51	71	<0.001	1.55
Частота обратной связи и взаимодействия после занятий	59.3 ± 14.0	84.2 ± 12.8	7.96	71	<0.001	1.89
Удовлетворённость курсом (в процентах)	68.0 ± 12.0	88.0 ± 9.5	7.91	71	<0.001	1.88
Участие в международном академическом обмене	50.0 ± 13.5	57.5 ± 12.8	2.46	71	0.016	0.58
Производство креативных работ	62.1 ± 14.2	85.1 ± 12.6	7.31	71	<0.001	1.74

научные семинары. Такая системная организация учебного процесса обеспечила оптимизацию передачи знаний, интерактивного опыта и результативно ориентированной деятельности, способствуя существенному повышению у студентов способностей к литературному анализу, интерпретации и переводу, а также к развитию межкультурных компетенций и умений практической трансформации литературных знаний.

Для проверки эффективности данной модели были сформированы экспериментальная группа (35 человек, участвующие в смешанном обучении) и контрольная группа (38 человек, участвующие в традиционном обучении). По всем показателям учебной деятельности был проведен независимый *t*-тест для двух выборок, а также рассчитан размер эффекта (Cohen's *d*). Все статистические анализы выполнялись с использованием SPSS 26.0, уровень значимости $\alpha = 0.05$. Сравнение результатов обучения двух групп представлено в таблице.

Анализ статистических результатов:

По всем семи показателям экспериментальная группа показала результаты, значительно превосходящие контрольную группу. В частности, разница по показателю участия в международном академическом обмене является статистически значимой ($t(71) = 2.46$, $p = 0.016$, Cohen's $d = 0.58$), при этом размер эффекта является средним. По остальным шести показателям различия высокозначимы ($p < 0.001$), а размер эффекта во всех случаях является большим ($d > 0.8$): наибольший эффект наблюдается по показателю частоты обратной связи и взаимодействия после занятий ($d = 1.89$), далее следуют удовлетворенность курсом ($d = 1.88$), производство креативных работ ($d = 1.74$), активность студентов на занятиях ($d = 1.62$), способность к анализу, оценке и переводу ($d = 1.55$) и понимание литературных знаний ($d = 1.48$). Приведённые результаты свидетельствуют о том, что модель смешанного обучения с цифровой и интеллектуальной поддержкой имеет существенные преимущества по сравнению с традиционным обучением. Кроме того, данные образовательной платформы и качественная обратная связь от студентов дополнительно подтверждают приведенные количественные результаты.

На основе данных, приведенных в таблице, можно сделать следующие выводы.

1) Значительно повышается уровень теоретических знаний литературных понятий.

Интеллектуальная образовательная платформа интегрирует такие виды учебной деятельности, как литературная хронология, исторические события, мультимедийные экскурсии, VR-прогулки и AR-ситуативные переживания, что обеспечивает многомерную визуализацию литературного контекста. В условиях традиционного обучения студенты, как правило, вынуждены опираться лишь на текстуальное запоминание сложных литературно-исторических линий развития и лишены возможности их наглядного восприятия. Интеллектуальная платформа, напротив, посредством временной шкалы, литературных карт-навигаторов и мультимедийных материалов позволяет органично соединить литературный процесс с историческим фоном и сформировать динамичную интерактивную модель обучения. Например, при изучении литера-

туры Серебряного века динамическая хронологическая шкала на образовательной платформе демонстрирует эволюцию символизма, акмеизма и футуризма. К тому же в рамках этого модуля была разработана AR-сессия «виртуального петербургского маршрута». С помощью смарт-очков студенты получали возможность погрузиться в поэтическое пространство А. Блока, «прогуляться» по петербургским улицам, в том числе по Невскому проспекту, и взаимодействовать с виртуальными персонажами, что способствовало более глубокому осмыслению метафорической структуры и социально-культурной атмосферы литературных произведений. Данная форма ситуационного обучения значительно повысила умения внимательного анализа текста: в итоговых письменных работах заметно возросла глубина интерпретации символических приёмов – 80% студентов смогли самостоятельно выполнить межкультурное сопоставление и анализ образной системы символизма. Согласно данным образовательной платформы, у студентов, участвовавших в AR-обучении, уровень усвоения фоновых знаний по результатам аудиторных мини-тестов в среднем повысился на 23%. В итоговых письменных работах показатели понимания исторического контекста произведений русского символизма, акмеизма и футуризма увеличились на 17%. Кроме того, более 87% студентов отметили, что формат виртуального литературного маршрута способствовал более наглядному осмыслению хронологической логики литературного процесса и его социально-исторического фона.

2) Существенно усиливается международное академическое взаимодействие и межкультурное сотрудничество.

В рамках традиционного учебного курса «История русской литературы» международное академическое взаимодействие в основном осуществлялось через краткосрочные обмены и программы академической мобильности, что существенно ограничено временными и пространственными факторами. Реформирование данного учебного курса на основе цифровых и интеллектуальных технологий и создание соответствующей образовательной платформы дает возможность синхронного взаимодействия и совместного обучения с рядом российских университетов. Это позволяет преодолеть пространственно-временные ограничения и сформировать условия для непрерывного межкультурного диалога и академического обсуждения, доступного студентам в любое время. Например, в рамках тематического семинара «Диалог литератур Востока и Запада» была организована синхронная онлайн-дискуссия со студентами по специальности «Русский язык и русская литература» из других университетов, в ходе которой совместно обсуждались особенности восприятия в Восточной и Западной цивилизации произведений Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и других писателей. Студенты представляли свои научные работы на интеллектуальной образовательной платформе, участвовали в онлайн-рецензировании и академических дебатах. Подобная форма углублённого взаимодействия существенно способствовала развитию у студентов межкультурного понимания и умений литературно-критического анализа.

Данные образовательной платформы показывают, что у студентов, участвовавших онлайн в международном академическом общении, показатель правильных ответов на понимание содержания русских произведений повысился на 18%. В курсовых работах межкультурный сравнительный анализ русской и китайской литературы стал более углублённым и всесторонним. Кроме того, 90% студентов в своих отзывах выразили желание в дальнейшем расширять практики межкультурного взаимодействия и онлайн-сотрудничества в учебном процессе.

3) Повышается уровень трансформации практических результатов, ориентированных на продуктивную деятельность.

Реформированная модель обучения ориентирована не только на совершенствование способов передачи знаний, но, в большей степени, на развитие у студентов практических умений. Литературная творческая мастерская, выступающая важным звеном учебной практики, с опорой на интеллектуальную образовательную платформу и цифровые инструменты творчества позволяет студентам трансформировать литературные произведения в цифровые и мультимедийные культурные продукты. В процессе изучения модуля «Литература XIX века» студенты, работая в группах, создали виртуальный литературный ландшафт по роману «Анна Каренина», воссоздав с помощью технологий AR петербургский железнодорожный вокзал и усадьбу, описанную в произведениях Л.Н. Толстого. Таким образом, студенты не только изучали текст произведения, но и наглядно продемонстрировали его понимание. После размещения на интеллектуальной образовательной платформе данные виртуальные ландшафты были интегрированы в локальные культурно-туристические AR-проекты, что способствовало выходу за рамки академической аудитории и расширению каналов распространения литературных произведений.

В осеннем семестре 2024 года студенческая команда разработала проект «Виртуальная выставка русской литературы», включающий интерактивное воспроизведение ключевых сцен из произведений Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.А. Блока и других писателей. С использованием технологий AR данные экспозиции позволяли в интерактивной форме представить исторический и культурный контексты, запечатлённые в литературных текстах. В рамках онлайн-экспозиции на интеллектуальной образовательной платформе данный проект привлёк более 5000 просмотров и был представлен на местном культурном фестивале, получив широкое признание у простых обывателей. Более 70% студентов – участников проекта отметили в отзывах, что подобная практика цифрового творчества существенно усилила их способность к восприятию литературного текста и развитию творческих умений. Данные интеллектуальной образовательной платформы свидетельствуют о том, что доля успешного прохождения итоговой презентации работ у студентов, участвовавших в литературной творческой мастерской, достигла 95%. В проектах виртуального путешествия и AR-презентаций уровень воспроизведения литературных сцен и способность к детальной интерпретации повысились на 27%. Более 83% обучающихся отметили, что подобные формы творческой практики способствовали углублённому пониманию текста и развитию умений межкультурного самовыражения.

Заключение

Внедрение стремительно развивающихся цифровых и интеллектуальных технологий открывает новые перспективы для развития смешанных форм обучения. На примере учебного курса «История русской литературы» нами было продемонстрировано, что за счёт сочетания онлайн- и офлайн-форм обучения и активного использования интеллектуальных технологий удаётся значительно повысить уровень интерактивности образовательного процесса и качество образования в целом. Данные технологии не только способствуют совершенствованию содержания курса, но и оптимизируют учебный опыт студентов, усиливая их вовлечённость и активное участие в процессе обучения. При этом преподаватели получают возможность более точно отслеживать динамику учебной деятельности студентов, осуществлять персонализированное руководство и обратную связь, тем самым содействуя более эффективной реализации требований «новых гуманитарных наук» в преподавании истории литературы и достижению фундаментальной задачи воспитания личности и формирования высоконравственных ценностей.

Кроме того, интеграция цифровых и интеллектуальных технологий обеспечивает надежную эмпирическую базу для оценки и рефлексии учебного процесса, что позволяет осуществлять всестороннее научно обоснованное и созидательное совершенствование преподавательской деятельности. Апробация и внедрение показанной модели обучения не только предлагают новые подходы к реформированию преподавания литературных дисциплин, но и обладают значительным методологическим потенциалом для интеллектуально-цифровых инноваций в других гуманитарных науках. В будущем, по мере дальнейшего развития информационных технологий, смешанное обучение станет более интеллектуальным, персонализированным и эффективным. Оно будет способствовать непрерывному повышению качества образования в высшей школе, полностью перестраивая элементы, процессы и сценарии в системе среднего профессионального образования, а также стимулировать создание новой, устойчивой экосистемы цифрового образования [11, с. 10].

Работа выполнена при поддержке проекта «Ключевые курсы вузов города Шанхай на 2025 год».

Примечание

1. Динамические хронологические таблицы – это интерактивные временные шкалы, которые позволяют студентам в цифровом формате прослеживать хронологию литературных событий и «кликать» на элементы для получения дополнительной информации.

Список литературы

1. Yan X. M. Innovative Integration of Artificial Intelligence and Education // Educator. 15.7.2019. No. 21. P. 1.

2. Fang Z. Historical Opportunities and Implementation Pathway of High-Quality Development of College English Education under the Background of Digital Intelligence Empowerment // Modern English. 2024. No. 23. P. 55–57.

3. Jiang L.M. A study on English Learning Efficiency of College Students Empowered by Smart Learning Tools in the Context of Digital Intelligence // Contemporary Foreign Language Studies. 2025. No. 4. P. 98–108.

4. Davis F.D., Bagozzi R.P. Warshaw P.R. User Acceptance of Computer Technology: A Comparison of Two Theoretical Models // Management Science. 1989. No. 35 (8). P. 982–1003.

5. Zhu Z.T., Zhao X.W., Shen S.S. Convergent Intelligence Classroom: An Innovative Classroom Form

with AI LLIs // e-Education Research. 2024. No. 45 (12). P. 5–12; 36.

6. Leng X.F. Exploration on the Blended Teaching Mode Based on Online Open Courses // China Modern Educational Equipment. 2022. No. 23. P. 67–70.

7. Liang S.L. Exploration of Online-Offline Blended Teaching Model Based on Intelligent Teaching Platform // Computer Knowledge and Technology. 2021. No. 17 (1). P. 152–153; 158.

8. Yang F. Teacher's Role Change – The Necessity of Multimedia Teaching // Education Exploration. 2002. No. 12. P. 96–98.

9. Lyu N. Research on the Role Transformation of English Teachers in the Era of Artificial Intelligence // Journal of International Social Science. 2025. V. 2. No. 11. P. 104–108.

10. Горылев А.И. Методика разработки и реализации международных совместных программ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 3 (55). С. 168–174.

11. Zhou J.R., Tang Y.B., Wang H.Y. and Lliu J. Empowered by Digital Intelligence: Constructing a New Digital Education Ecosystem in Higher Vocational Education Taking Nanchong Vocational and Technical College as an Example // Innovation Humanities and Social Sciences Research. 2025. V. 21. No. 12. P. 10–17.

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES FOR IMPLEMENTING BLENDED LEARNING – A CASE STUDY OF THE COURSE «HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE»

***Liu Jingjuan*[1], *Sun Shengnan*[1], *A.I. Gorylev*[2]**

[1] Shanghai University of Political Science and Law
[2] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article examines an intelligent learning model for the course «History of Russian Literature», which implements a combination of online and offline methods using artificial intelligence and digital technologies. Special attention is paid to building an educational ecosystem, strengthening the historical and literary knowledge base, mastering literary theory, practicing text analysis and interpretation, as well as developing critical thinking and creative skills through literary creative workshops. An important element of the learning process is intercultural exchange, which contributes to the formation of a global educational community. The implementation of AI optimizes blended learning, ensures the achievement of practical results, strengthens international academic interaction and the transformation of cultural products, demonstrating great potential for the further development of humanities education in the digital era.

Keywords: information technologies, artificial intelligence, blended learning, course «History of Russian Literature».

УДК 378.011.3-051:616:055.32+005.336
DOI 10.52452/18115942_2026_3_280

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

© 2026 г. ***Н.В. Провоторова, Т.М. Приставко, И.В. Прихода, П.К. Бойченко***

Провоторова Наталия Викторовна, к.психол.н., доц.; доцент кафедры психологии Луганского государственного педагогического университета
provotorova.natalija@yandex.ru
Приставко Татьяна Михайловна, к.мед.н., доц.; заведующая кафедрой оториноларингологии и офтальмологии Луганского государственного медицинского университета им. Святителя Луки
t_pristavko@mail.ru
Прихода Игорь Викторович, д.пед.н., доц.; профессор кафедры психологии и конфликтологии Луганского государственного университета им. Владимира Даля
ip-doctor@yandex.com
Бойченко Павел Константинович, д.мед.н., проф.; заведующий кафедрой медицинской химии Луганского государственного медицинского университета им. Святителя Луки
aveldi99@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14.04.2026
Статья принята к публикации 15.07.2026

Поднимается проблема профессиональной подготовки будущих медицинских работников в условиях социальной нестабильности. Целью статьи является научное обобщение и системный анализ особенностей профессиональной подготовки медицинских работников, а также роли профессиональных ценностей в профессиональной деятельности будущих медиков и их места в процессе профессиональной подготовки. Акцентируется внимание на необходимости профессиональной подготовки будущих медицинских работников, готовых к профессиональной деятельности в меняющихся объективных реалиях настоящего времени, способных оперативно и гибко реагировать на непредвиденные ситуации.

Представлен теоретический анализ понятий «профессиональная подготовка будущих медицинских работников» и «профессиональные ценности медицинских работников». Уделяется внимание проблеме подготовки медицинских работников, анализу их профессиональных ценностей. Предложена авторская классификация профессиональных ценностей будущих медицинских работников, включающая медико-профессиональные, этико-профессиональные и нравственно-профессиональные ценности.

Установлено, что профессиональные ценности являются необходимым условием эффективности профессиональной деятельности в условиях социальной нестабильности, а также основанием для формирования профессионально значимых качеств будущих медицинских работников. Это свидетельствует о необходимости пересмотра и реализации инновационных форм и методов профессиональной подготовки будущих медицинских работников, направленных на формирование социально-профессиональных ценностей будущих медицинских работников, способствующих эффективности их профессиональной деятельности в объективных реалиях настоящего времени.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, социально-профессиональные ценности, ценностные ориентиры, профессионально значимые качества, будущие медицинские работники, условия социальной нестабильности.

Актуальность исследования

Современные социально-политические условия и инновационные преобразования в сфере здравоохранения выдвигают новые требования к компетенциям, профессиональным и личностным качествам современных медицинских работников. Медицинские работники, работающие в новых регионах Российской Федерации, в частности в Луганской и Донецкой народных республиках, в переходный период испытывают ряд объективных трудностей, в частности: продолжающиеся военные действия на территориях республик, крайне сложные условия работы, выраженная нехватка медицинского персонала, сохраняющаяся угроза жизни, здоровью и безопасности, высокий риск развития посттравматических стрессовых расстройств, незавершённый

процесс интеграции в российское правовое поле сферы практического здравоохранения, медицинской науки и медицинского образования, активная цифровизация процесса оказания медицинских услуг широким слоям населения.

В связи с этим возникает острая необходимость в профессиональной подготовке будущих медицинских работников, готовых к профессиональной деятельности в меняющихся, непредсказуемых условиях, способных оперативно и гибко реагировать на непредвиденные ситуации, нестандартно и творчески подходить к решению возникающих проблем в объективных реалиях настоящего времени. Особую актуальность приобретает проблема определения места и роли профессиональных ценностей как в деятельности медицинских работников, так и в процессе их профессиональной подготовки.

Проблема профессиональной подготовки будущих медицинских работников в современных исследованиях

Тема профессиональной подготовки медицинских работников довольно широко исследуется в современной психолого-педагогической науке. Современные учёные акцентируют внимание на проблемных вопросах, связанных с изучением:

– нововведений в систему профессиональной подготовки медицинских работников (О.А. Александрова, А.В. Ярашева) [1];

– профессиональной готовности будущих медицинских работников к практической деятельности в объективных реалиях новых российских регионов (Н.В. Провоторова, И.В. Прихода, П.К. Бойченко) [2];

– психологической готовности к профессиональной деятельности будущих медицинских работников в условиях неопределённости (Н.В. Провоторова, Т.М. Приставко, И.Е. Берест) [3];

– перспектив современного медицинского образования (В.С. Иванова, С.А. Кораблёва) [4];

– качества современного медицинского образования (Л.М. Мухарямова, А.Г. Жидяевский, К.П. Токранова) [5];

– профессионально значимых личностных характеристик будущих медицинских работников (Н.П. Головяшкина, Е.А. Давыдова, О.В. Пугачева) [6];

– гуманитарных проблем в современном медицинском образовании (Н.Н. Седова) [7].

Учитывая, что проблема профессиональной подготовки будущих медицинских работников детально рассматривалась в наших предыдущих публикациях [2; 3], в данной статье мы не будем уделять данному вопросу пристальное внимание. Отметим, что профессиональную подготовку будущих медицинских работников к профессиональной деятельности в условиях социальной нестабильности мы рассматриваем как структурированный процесс формирования готовности (мотивационной, когнитивной, процессуальной, личностной) к осуществлению профессиональной деятельности в условиях меняющейся реальности, направленный на становление профессиональных ценностей, мотивов, знаний, умений, навыков, профессионально значимых качеств, способствующих профессиональной реализации специалиста в новых реалиях.

Отметим, что научное обобщение и системный анализ современных исследований по различным проблемам профессиональной подготовки будущих медицинских работников убедительно свидетельствуют о том, что все они содержат довольно большой и достаточно разнообразный теоретический и эмпирический материал. При этом исследование специфики профессиональных ценностей в процессе профессиональной подготовки будущих медицинских работников в условиях социальной нестабильности не было предметом специального исследования.

Таким образом, тема исследования обусловлена высокой социальной значимостью и недостаточной научной разработанностью вышеуказанной проблемы.

Профессиональные ценности современных медицинских работников

Проблема ценностей, ценностных ориентаций, смысловых ориентиров и развития личностных особенностей в процессе профессиональной подготовки будущих медицинских работников выходит на первый план во многих исследованиях.

Так, З.В. Лукьянова акцентирует внимание на ряде существенных пробелов в формировании ценностно-смысловых компонентов личности будущих медицинских работников в процессе их профессиональной подготовки, в частности на «неизученности механизмов формирования ценностно-смысловых компонентов личности в процессе профессиональной подготовки будущего медицинского работника и развития готовности учащихся к выбору профессии» [8].

Необходимость изменения вектора направленности образовательного процесса на

формирование профессиональных ценностей у студентов-медиков, способствующих их эффективному профессиональному взаимодействию и саморазвитию, отмечает Л.Н. Михайлова [9].

На преобладании у современных медицинских работников личностно значимых ценностей над профессиональными и необходимости формирования последних у студентов-медиков акцентирует внимание Т.А. Корнаухова [10].

Результаты исследования Е.Б. Брежневой, Е.А. Марусенко и И.В. Приходы показывают, что духовно-нравственные ценности в мировоззренческой системе будущих врачей значительно уступают материальным, при этом будущие медики воспринимают духовно-нравственные ценности как нечто не имеющее первостепенной важности в профессиональной деятельности медицинского персонала [11].

Вышесказанное свидетельствует о необходимости глубокого анализа профессиональных ценностей в профессиональной подготовке будущих медицинских работников к деятельности в условиях социальной нестабильности.

Ценности являются одним из важнейших компонентов структуры личности, определяющим её направленность, поскольку ценности представляют собой отражение культуры человечества [12]. Ценности – это относительно устойчивое, социально обусловленное избирательное отношение человека, являющееся «фундаментом» отношения к миру, к самому себе и оказывающее влияние на направленность и содержание социальной инициативности. Ценностные ориентации личности определяют направление саморазвития и личностного роста, а также выбор профессиональной деятельности и профессионального совершенствования. Формирование ценностей происходит на протяжении всей жизни человека, однако в студенческом возрасте данный процесс происходит более интенсивно, так как этот период связан с самопознанием и самопониманием, с поисками молодыми людьми смысла жизни и своего предназначения (О.Е. Ерёмина) [12].

Проблемы ценностей и ценностных ориентаций достаточно полно отражены в современной науке (Е.С. Волков, А. Маслоу, С.Л. Рубинштейн, Э. Фромм, Э. Шпрангер, В.А. Ядов и др.), в связи с этим мы в данной статье не будем уделять внимание анализу данной категории, а перейдем к вопросу профессиональных ценностей.

Под профессиональными ценностями современные ученые в целом понимают:

– потребность, выражающуюся в служении выбранной профессии на благо общества и людей и являющуюся движущей силой в целях достижения выбранной цели (Н.Б. Шмелёва) [13];

– ориентиры, являющиеся основой выбора и овладения профессиональной деятельностью (О.И. Курдуманова, Т.А. Уварова) [14].

Профессиональные ценности медицинских работников исследователями трактуются как «комплекс взаимосвязанных морально-нравственных установок общекультурного и профессионально-этического плана пространства медицины, обладающий универсальными характеристиками гуманистической направленности и приоритета общественного служения и вариативными характеристиками культурной и социальной обусловленности, выступающий в качестве основы диалектической системы практик нормирования и преобразования, регулятора ролевого взаимодействия в профессиональной медицинской среде, а также базового механизма личностно-профессионального развития медицинского работника» (Т.А. Корнаухова) [15].

По мнению исследователей, выбор профессиональных ценностей, формирование ценностного отношения к профессиональной деятельности происходит в результате ценностного профессионального самоопределения (Н.Б. Шмелёва) [13]. Ученые акцентируют внимание на том, что ценностное отношение будущих медицинских работников к профессиональной деятельности формируется на основе отношения человека к традиционным ценностям (права и свободы человека, жизнь, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы) (Т.А. Корнаухова, Н.Н. Седова) [7; 15]. Другими словами, профессиональные ценности определяют смысл, характер и цель профессиональной деятельности медицинских работников и основываются на традиционных ценностях.

В качестве основных традиционных ценностей современные ученые выделяют следующие:

– гуманизм и альтруизм (Н.Н. Седова) [7];

– жизнь, достоинство человека, гуманность, добро, любовь, благополучие людей, справедливость, ответственность (Е.А. Бобер) [16];

– конфиденциальность, пациентоориентированность, профессионализм, честность, сотрудничество, толерантность, самоотдача и самосовершенство (Э.Л. Исаева, Н.У. Ярычев) [17];

– истина, добро, красота, познание, человек, труд, счастье, творчество и др. (А.В. Кирьякова) [18];

– профессионализм, доброта, доброжелательность, аккуратность, ответственность, опрятность, добросовестность, человеколюбие, вежливость, внимательность, исполнительность (И.В. Островская) [19];

– любовь к людям, к больному человеку, доброта, милосердие, сострадание (А.А. Лещинский) [20].

Анализ исследований профессиональных ценностей будущих медицинских работников показал наличие ряда классификаций данного явления, отличающихся оригинальными авторскими подходами, в частности ученые выделяют:

− компетентностные (теоретические и практические знания и умения), познавательные (самосовершенствование и саморазвитие), этические (гуманизм, милосердие), личностные (профессия, коллектив, здоровье) ценности (О.В. Политаева) [21];

− базовые («жизнь, здоровье, личность, общество, благополучие, равенство, защита, спасение, забота, любовь»), профессионально-групповые («уважение личности пациента, ответственность, толерантность, честность, открытость, профессиональная компетентность, коммуникативная компетентность, социальная солидарность») и личностно-профессиональные («любовь к людям, долг, эмпатия, ассертивность, оптимизм, саморазвитие») ценности (Т.А. Корнаухова) [10].

Мы в целом разделяем вышеизложенные научные позиции авторов и предлагаем собственную содержательную структуру профессиональных ценностей будущих медицинских работников, свидетельствующих об их готовности к деятельности в условиях социальной нестабильности, включающую 3 основные группы:

– медико-профессиональные (теоретические знания, практические умения и навыки, начальный опыт профессиональной деятельности в условиях неопределенности);

– этико-профессиональные (тактичность, корректность, деликатность, ответственность, дисциплинированность, законопослушность, чувство долга, самообладание, сдержанность);

– нравственно-профессиональные (ценности служения, гуманность, эмпатия, доброта, порядочность, добросовестность, честность, терпимость, уступчивость, милосердие, сопереживание, сострадание).

Отметим, что формированию ценностей служения государству и народу при подготовке медиков к деятельности в условиях неопределенности и социальной нестабильности мы уделяем особое внимание в своих исследованиях [2; 3; 11].

Формирование профессиональных ценностей в процессе подготовки медицинских работников в условиях социальной нестабильности является не только педагогической задачей, но и «стратегическим ориентиром развития современного российского образования» [10, с. 3]. Мы согласны с Э.Л. Исаевой, Н.У. Ярычевым в том, что ценностные установки, являясь основой общепрофессиональных компетенций и профессионально-нравственных качеств, играют важную роль в их формировании в процессе подготовки специалистов-медиков [17]. Схожего мнения придерживаются А.Р. Сивцева, Л.А. Гаврильева, М.Н. Лукина, полагая, что специфика профессиональной деятельности в условиях неопределенности требует от будущих медицинских работников таких компетенций и качеств, как «сформированность профессиональной мотивации медицинского работника, основанной на нравственно-этических ценностях, высокая профессиональная грамотность, интеллектуальные и нравственные умения будущего врача, творческое отношение к поставленным профессиональным задачам, связанным со спасением жизни пациентов, толерантность; ответственность, добросовестность, развитая эмпатия и др.» [22, с. 83]. О.О. Лямова, анализируя компетенции и качества медицинских работников, основанные на социально-профессиональных ценностях, акцентирует внимание на качествах, формирующих гуманное отношение врачей к человеку, находящемуся в трудной жизненной ситуации, и выделяет следующие группы необходимых компетенций и качеств: гуманность (человеколюбие, гуманистическая направленность, эмпатия, милосердие); толерантность (терпимость, уступчивость); коммуникативная компетентность (ораторские качества, общительность); эмоциональная устойчивость (самообладание, сдержанность, саморегуляция); воспитанность (тактичность, деликатность, порядочность, ответственность, дисциплинированность) [23].

Стоит учитывать влияние на ценностно-смысловую сферу будущих медицинских работников внедрения и реализации различных нововведений в систему здравоохранения. Немаловажное значение имеет рост цифровизации. Активное внедрение и широкое использование современных цифровых технологий в сфере охраны здоровья и оказания медицинской помощи неизменно влечёт за собой изменение как специфики знаний, умений и навыков, профессионально важных качеств будущих медицинских работников, так и их ценностно-смысловой сферы [24].

Так, О.А. Корнилова и Е.А. Авдеева выделили 3 основных блока профессионально важных качеств медицинского работника в условиях цифровизации, которые определяют трансформацию когнитивной и ценностной составляющей их профессиональной деятельности и способствуют формированию необходимых компетенций: первый блок включает качества, способствующие «формированию профессиональной и цифровой культуры» медицинских работников, второй содержит качества, «необходимые для работы с информацией», третий включает качества, «способствующие социальной отзывчивости специалистов» [25]. Результаты исследования дают ученым основания утверждать, что будущим медикам недостает цифровой культуры, знаний цифрового этикета, сформированности цифровых компетенций, при этом исследователи подчеркивают, что в процессе развития цифровой медицины утрачивается ценность эмоционального и духовного контакта врача с пациентом, что влияет на результаты лечения. Это подтверждает тот факт, что цифровизация, наряду с несомненным инновационным потенциалом современных цифровых (и других) технологий, в значительной степени решающих различные насущные проблемы практического здравоохранения, медицинской науки и медицинского образования, порождает новую, не менее важную (а возможно, даже более важную!), проблему – постепенное, но неуклонное обезличивание врача (специалиста и человека) как ведущего субъекта взаимоотношений в системе «врач–пациент», существенно оптимизируя (а по сути, значительно сокращая) время непосредственного контакта врача с пациентом.

Резюмируя вышесказанное, отметим: развитие ценностно-смысловой сферы будущих медиков в процессе их профессиональной подготовки способствует формированию мотивационной, когнитивной, процессуальной, личностной готовности к деятельности в условиях социальной нестабильности.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что исследование профессиональных ценностей в процессе профессиональной подготовки будущих медицинских работников в условиях социальной нестабильности представляет собой актуальную проблему психолого-педагогической теории и практики, успешное и своевременное решение которой требует активного поиска новых научно-теоретических, методологических и технологических подходов, а также проведения комплексных научно-практических психологических и педагогических исследований.

На сегодняшний день формирование профессиональных ценностей является необходимым условием профессиональной подготовки будущих медицинских работников для успешной профессиональной реализации в современных реалиях, что, в свою очередь, настоятельно требует кардинального пересмотра и эффективной модернизации существующей системы медицинского образования, активной и результативной разработки и реализации инновационных форм и методов профессиональной подготовки будущих медицинских работников, направленных как на формирование их ценностно-смысловой сферы, так и профессионально значимых нравственных качеств.

В связи с этим перспективы наших дальнейших исследований состоят в научном обосновании, теоретической разработке, экспериментальном внедрении и практической реализации авторской психолого-педагогической модели формирования профессиональных ценностей в процессе профессиональной подготовки будущих медицинских работников в условиях социальной нестабильности.

Список литературы

1. Александрова О.А., Ярашева А.В. Экспертные оценки проблем профессиональной подготовки врачей // Здоровье мегаполиса. 2020. № 1. С. 31–37.

2. Провоторова Н.В., Прихода И.В., Бойченко П.К. Готовность будущих медицинских работников к лечебно-профилактической деятельности в объективных реалиях современного Донбасса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 1 (77). С. 215–220.

3. Провоторова Н.В., Приставко Т.М., Берест И.Е. Психологическая готовность к профессиональной деятельности будущих медицинских работников в условиях неопределённости // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Педагогические науки. Филологические науки. 2024. № 9 (192). С. 70–78.

4. Иванова В.С., Кораблёва С.А. Перспективы медицинского образования в оценках студентов-медиков // Gaudeamus Igitur. 2018. № 3. С. 13–16.

5. Мухарямова Л.М., Жидяевский А.Г., Токранова К.П. Качество высшего образования в медицинских вузах России: представления и оценки студентов // Интеграция образования. 2020. № 2 (99). С. 235–251.

6. Головяшкина Н.П., Давыдова Е.А., Пугачева О.В. Исследование динамики профессионально значимых личностных характеристик студентов медицинского института // Вестник Пензенского государственного университета. 2022. № 4 (40). С. 49–58.

7. Седова Н.Н. Гуманитарные проблемы в медицинском образовании современной России // Медицинская этика. 2023. № 2. С. 4–8.

8. Лукьянова З.В. Формирование системы профессиональных ценностей личности будущего медицинского работника // Вестник Башкирского университета. 2007. № 4. С. 216–218.

9. Михайлова Л.Н. Формирование профессиональных ценностей у будущих медицинских работников // Образовательная социальная сеть: nsportal.ru. URL: https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2020/04/02/2020-statya-na-npk-g-ulan-ude-formirovanie (дата обращения: 18.08.2025).

10. Корнаухова Т.А. Формирование нравственно-профессиональных ценностей у будущего медицинского работника в процессе обучения в колледже: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Корнаухова Татьяна Александровна; [Место защиты: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина]. Елец, 2015. 22 с.

11. Брежнева Е.Б., Марусенко Е.А., Прихода И.В. Духовно-нравственные ценности в мировоззренческой системе будущих врачей // Украинский медицинский альманах. 2006. Т. 9, № 2. С. 20–22.

12. Ерёмина О.Е. Воспитание у студенческой молодёжи ценностного отношения к жизни // Педагогика и психология: теория и практика. 2018. № 3 (11). С. 99–103.

13. Шмелёва Н.Б. Ценностные ориентации, мотивации и психологические установки в профессиональной подготовке социального работника // Российский журнал социальной работы. 1997. № 1. С. 215–124.

14. Курдуманова О.И., Уварова Т.А. Особенности формирования профессиональных ценностей в медицинском вузе // Дискуссия. 2012. № 8. С. 137–141.

15. Корнаухова Т.А. Нравственно-профессиональные ценности будущего медицинского работника: сущность, содержание, структура // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3-2. С. 44–49.

16. Бобер Е.А. Становление профессиональных ценностных ориентаций студентов медицинского колледжа в образовательном процессе: Автореф. дис.... канд. пед. наук: 13.00.08 / Бобер Екатерина Александровна; [Омский гос. пед. ун-т]. Омск, 2014. 24 с.

17. Исаева Э.Л., Ярычев Н.У. Основы формирования профессионально-нравственных ценностей в медицинском вузе // МНКО. 2024. № 1. С. 398–401.

18. Кирьякова А.В. Теория ориентаций личности в мире ценностей: Монография. Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного педагогического университета, 1996. 190 с.

19. Островская И.В. Психологические особенности обучения общению учащихся медицинских училищ: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Островская Ирина Владимировна; [Место защиты: Московский государственный областной университет]. М., 2004. 21 с.

20. Лещинский А.А. Медицинская этика и деонтология: Учебное пособие. Ижевск: Изд-во «Экспертиза», 2002. 116 с.

21. Политаева О.В. Формирование профессиональных ценностей у будущих медицинских работников // Профобразование России и стран СНГ. 2019. № 11. URL: https://проф-обр.рф/blog/2019-11-30-1468 (дата обращения: 18.08.2025).

22. Сивцева А.Р., Гаврильева Л.А., Лукина М.Н. Нравственные качества студентов как основа формирования профессиональной медицинской этики // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 7. С. 82–87.

23. Лямова О.О. Нравственные качества личности будущего врача как основа проявления гуманного отношения к человеку // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1: Психологические и педагогические науки. 2018. № 2. С. 843–852.

24. Дудин М.Н., Голышко П.В., Вашаломидзе Е.В. [и др.]. Развитие цифровых компетенций медицинских работников в контексте всеобщей цифровизации российского здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. № 5. С. 843–852.

25. Корнилова О.А., Авдеева Е.А. Как меняется востребованность профессионально-важных качеств будущего врача в условиях цифровизации? // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2022. № 1. С. 16–25.

THE ROLE OF PROFESSIONAL VALUES IN THE TRAINING OF FUTURE MEDICAL WORKERS IN CONDITIONS OF SOCIAL INSTABILITY

***N.V. Provotorova*[1], *T.M. Pristavko*[2], *I.V. Prikhoda*[3], *P.K. Boichenko*[2]**

[1] Lugansk State Pedagogical University
[2] Saint Luka Lugansk State Medical University
[3] Lugansk State University named after Vladimir Dahl

The publication raises the problem of professional training of future medical workers in conditions of social instability. The purpose of the article is to provide a scientific summary and systematic analysis of the features of professional training of medical workers, as well as the role of professional values in the professional activities of future medical workers and their place in the process of professional training. The article focuses on the need for professional training of future medical workers who are ready for professional activities in the changing objective realities of the present time, and who are able to respond quickly and flexibly to unexpected situations.

The article presents a theoretical analysis of the concepts of «professional training of future medical workers» and «professional values of medical workers». Attention is paid to the problem of training medical workers and the analysis of their professional values. The author proposes a classification of the professional values of future medical workers, which includes medical-professional, ethical-professional, and moral-professional values.

It has been established that professional values are a necessary condition for the effectiveness of professional activity in conditions of social instability, as well as a basis for the formation of professionally significant qualities in future medical professionals. This indicates the need to review and implement innovative forms and methods of professional training for future medical professionals, aimed at the formation of socio-professional values in future medical professionals, which contribute to the effectiveness of their professional activity in the current objective realities.

Keywords: professional training, socio-professional values, value orientations, professionally significant qualities, future medical professionals, and conditions of social instability.

УДК 378.1
DOI 10.52452/18115942_2026_3_287

ПОТЕНЦИАЛ БЕРЕЖЛИВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ БЕРЕЖНОГО СОЗНАНИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАНИЯ В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

© 2026 г. ***Т.Т. Щелина, И.С. Беганцова, Н.В. Гусева, С.О. Степанова***

Щелина Тамара Тимофеевна, д.пед.н.; проф.; директор
Арзамасского гуманитарно-педагогического института им. А.П. Гайдара –
Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ppf@arz.unn.ru
Беганцова Ирина Серафимовна, к.психол.н., доц.; декан психолого-педагогического факультета
Арзамасского гуманитарно-педагогического института им. А.П. Гайдара –
Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
bis@arz.unn.ru
Гусева Наталья Валерьевна, к.пед.н.; доцент кафедры общей педагогики
и педагогики профессионального образования
Арзамасского гуманитарно-педагогического института им. А.П. Гайдара –
Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
guseva@arz.unn.ru
Степанова Светлана Олеговна, к.психол.н.; доцент кафедры общей и практической психологии
Арзамасского гуманитарно-педагогического института им. А.П. Гайдара –
Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
schelina@arz.unn.ru

Статья поступила в редакцию 15.04.2026
Статья принята к публикации 22.07.2026

Обосновывается актуальность проблемы организации целенаправленного процесса формирования бережного сознания у субъектов образования (обучающихся, педагогов, руководителей образовательных организаций). Анализируются современные социально-экономические и культурные вызовы, актуализирующие потребность в бережливом отношении к ресурсам и оптимизации как организационных процессов образовательной организации, так и учебной деятельности, а также в бережном отношении к культурному наследию и человеческому капиталу. Рассматриваются теоретические предпосылки исследования, выявляются противоречия в существующей практике и определяются перспективные направления научного поиска, также представлен эмпирический материал, включающий статистический анализ динамики формирования бережного сознания субъектов образования, выявляющий достоверный рост показателей по всем исследуемым параметрам при величине эффекта, превышающей средний уровень.

Ключевые слова: бережное сознание, бережливые технологии, субъекты образования, учебно-воспитательный процесс, образовательная среда вуза, ценностные ориентации, педагогические условия.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется сложным комплексом глобальных вызовов, среди которых особое место занимают экологический кризис, истощение природных ресурсов, утрата культурного наследия и девальвация традиционных ценностей. В этих условиях проблема формирования бережного сознания у подрастающего поколения приобретает не только педагогическое, но и общекультурное, цивилизационное значение.

Особая роль в решении данной задачи принадлежит системе образования, которая призвана не только транслировать знания, но и формировать ценностно-смысловые основания личности. Однако, как показывает анализ научной литературы и образовательной практики, проблема организации целенаправленного процесса формирования бережного сознания у субъектов образования остается недостаточно разработанной. Возникает противоречие между объективной потребностью общества в личности с бережливым (бережным)

типом сознания и отсутствием научно обоснованных моделей, технологий и условий, обеспечивающих эффективное формирование данного качества в образовательном процессе [1].

Бережливое производство исторически возникло как производственная система Toyota, но уже к началу XXI века трансформировалось в философскую концепцию, выходящую за пределы заводских цехов. Ключевая особенность этой философии заключается в понимании того, что простое заимствование инструментов (5S, канбан, картирование потока создания ценности) без изменения мышления сотрудников приводит лишь к имитации бережливости и неизбежному разочарованию [2].

Как отмечается в современных исследованиях, бережливое производство следует рассматривать в триединстве трех взаимосвязанных элементов: эффективного управления производством, формирования соответствующего мышления в образовательном процессе и проявления отношения к социальному капиталу. Именно второй элемент – формирование мышления – непосредственно связан с категорией бережного сознания.

В философии кайдзен, составляющей основу бережливого производства, подчеркивается, что подлинные изменения начинаются с сознания человека [3]. Занимаясь бережливыми проектами, мы меняем себя и окружающий мир, по-другому смотрим на людей и возможности что-то сделать для них. Эта мысль директора проектного офиса Госкорпорации «Росатом» точно отражает суть: бережливое производство требует не просто освоения технологий, а глубинной личностной трансформации.

Исследователи выделяют трехступенчатую схему эволюции предприятия, переходящего на принципы философии кайдзен и концепции бережливого производства. На первом этапе должно быть сформировано бережливое мышление (lean thinking) – культура постоянного совершенствования, основанная на вовлеченности персонала и вере в результативность новых подходов. Только после этого возможно внедрение инструментов бережливого производства и, на следующем этапе, создание бережливого предприятия. Таким образом, бережливое сознание (мышление) выступает необходимым предварительным условием для успешной реализации всей концепции. «Ключевым фактором успеха при переходе к инновационным технологиям управления» является мотивация, вовлеченность и вера персонала в результативность.

В последние годы происходит активная экспансия философии бережливости в непроизводственные сферы – образование, здравоохранение, государственное управление. В этом контексте бережливое сознание приобретает особое значение как механизм адаптации производственных принципов к гуманитарной среде. Как отмечается в научной литературе, в настоящее время концепция бережливого производства внедряется во все сферы общества, и одним из ее структурных компонентов становится «формирование соответствующего мышления в образовательном процессе». Это означает, что бережливое сознание перестает быть только характеристикой работника промышленного предприятия и становится универсальным качеством современного человека [4], приобретая черты не только рачительного хозяйствования, но и свойства бережного отношения к гуманитарной составляющей любого производственного процесса в любой сфере, проявляясь в миссии организации, ценностях и традициях коллектива, особенностях корпоративной культуры и т.д.

Актуальность исследования проблемы организации процесса формирования бережного сознания у субъектов образования определяется рядом взаимосвязанных факторов.

Социально-экономический контекст. Современное общество вступило в эпоху ограниченных ресурсов, что требует пересмотра потребительских установок и формирования новых моделей поведения, основанных на принципах ресурсосбережения, рационального использования природных и материальных благ. Это нашло отражение в концепции устойчивого развития, принятой мировым сообществом, и в национальных проектах Российской Федерации. Образование как институт социализации призвано готовить личность к жизни в новых условиях, формируя у нее соответствующие ценностные ориентации и поведенческие паттерны.

Культурно-исторический контекст. В современной России актуализировалась проблема сохранения культурно-исторического наследия, традиционных ценностей, исторической памяти. Бережное отношение к прошлому становится условием сохранения национальной идентичности и суверенитета. Исследования показывают, что значительная часть молодежи имеет недостаточный уровень знаний об объектах культурного наследия, что требует усиления просветительской и воспитательной работы.

Психолого-педагогический контекст. Формирование бережного сознания невозможно без учета возрастных и индивидуальных особенностей субъектов образования. Особую значимость приобретает работа с педагогами как трансляторами ценностных установок. Исследования Т.В. Бугайчук и соавторов показывают, что эффективность воспитательной среды вуза зависит от согласованности ее компонентов и учета типа субъектной связи личности со средой. Выявлена негативная динамика вовлеченности студентов от младших курсов к старшим, что требует специальных усилий по поддержанию ценностного отношения к наследию на протяжении всего периода обучения [5, 6].

Организационно-методический контекст. Анализ практики образовательных организаций показывает, что работа по формированию бережного сознания часто носит фрагментарный, эпизодический характер, не обеспечена необходимым методическим инструментарием.

На основе анализа научной литературы и образовательной практики можно выделить ряд противоречий, требующих разрешения:

– между социальным заказом на формирование личности с бережным типом сознания и недостаточной разработанностью теоретико-методологических оснований этого процесса в образовательных организациях;

– между наличием фундаментальных исследований в смежных областях (экологическое сознание, педагогическая аксиология, средовой подход) и отсутствием интегративных моделей, объединяющих эти подходы применительно к формированию бережного сознания;

– между потребностью в системной работе по формированию бережного сознания у всех субъектов образования (обучающихся, педагогов, руководителей) и фрагментарностью, эпизодичностью такой работы в реальной образовательной практике;

– между необходимостью оценки эффективности процесса формирования бережного сознания и отсутствием валидного диагностического инструментария, позволяющего отслеживать динамику данного качества;

– между наличием успешных практик формирования бережного сознания (в том числе в рамках проектной деятельности) и недостаточным их научным обобщением, отсутствием моделей трансляции этого опыта в массовую практику [7].

В связи с вышеизложенным целью нашего исследования является теоретико-методическое обоснование и описание системы организации процесса формирования бережного сознания у субъектов образования в единстве его когнитивного, эмоционально-ценностного и деятельностного компонентов, апробированной на базе Арзамаского гуманитарно-педагогического института им. А.П. Гайдара (Арзамасского филиала ННГУ) в процессе реализации целого ряда проектов.

Система организации процесса формирования бережного сознания у субъектов образования через внедрение бережливых технологий в учебно-воспитательный процесс вуза

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько направлений исследований, значимых для понимания проблемы формирования бережного сознания.

Первое направление связано с изучением феномена бережливого производства (lean production) и его адаптации к образовательной среде. Исследования Дж. Вумека, Д. Джонса [3], а в отечественной науке – В.А. Разумовского, Э.Р. Гайнеева, А.Р. Масалимовой раскрывают возможности применения принципов бережливости для повышения эффективности образовательного процесса и формирования у обучающихся установок на рациональное использование ресурсов [8, 9].

Второе направление представлено работами в области экологической психологии и педагогики. В.А. Ясвин, С.Д. Дерябо разработали концепцию субъективного отношения к природе, показав пути формирования экологического сознания как основы бережного отношения к окружающему миру [10]. А.А. Свидерский исследовал ценностно-нормативные основания взаимодействия общества и природы, обосновав необходимость аксиологического подхода к экологическому образованию [11].

Третье направление связано с педагогической аксиологией. В трудах В.А. Сластенина, Г.И. Чижаковой, В.А. Караковского, Н.Е. Щурковой раскрыты механизмы формирования ценностных отношений личности, разработаны концепции воспитания на основе общечеловеческих ценностей. Эти исследования создают теоретическую базу для понимания ценностного компонента бережного сознания [12].

Четвертое направление – исследования в области средового подхода (Ю.С. Мануйлов, И.Н. Емельянова, В.А. Ясвин), показывающие, что формирование личностных качеств происходит в специально организованной образовательной среде, выступающей средством воспитания [13].

Таблица 1

Соотношение понятийно-категориального аппарата: понятие, сущность, соотношение с бережным сознанием

Понятие	Сущность	Соотношение с бережным сознанием
Экологическое сознание	Совокупность представлений о взаимосвязях в системе «человек–природа» и отношения к природным объектам	Является компонентом бережного сознания, но последнее шире и включает отношение к культурному и социальному наследию
Нравственное сознание	Форма общественного сознания, отражающая нравственные нормы и регулирующая поведение человека	Выступает ценностно-нормативной основой бережного сознания
Ценностное отношение	Субъективная значимость объектов и явлений для личности	Эмоционально-ценностный компонент бережного сознания
Ресурсосберегающее поведение	Система действий, направленных на экономное использование ресурсов, оптимизация различных процессов жизнедеятельности человека с целью сбережения временных, материальных и других ресурсов	Внешнее проявление деятельностного компонента бережливости, активное использование в жизни инструментов и принципов бережливого производства
Бережливость как черта личности	Качество личности, проявляющееся в стремлении к экономии и рациональному использованию средств, сформированные навыки и умения	Узкое понимание, не включающее ценностное отношение к наследию

Пятое направление – работы по психологии и педагогике проектной деятельности (Дж. Дьюи, В.В. Давыдов, Н.В. Матяш, В.П. Скворцова), в которых обосновано, что проектная деятельность является эффективным средством формирования сознания через преобразовательное отношение к действительности [14].

Несмотря на наличие фундаментальных исследований в смежных областях, проблема организации целенаправленного процесса формирования бережливого сознания у субъектов образования (обучающихся, педагогов, руководителей) в единстве его когнитивного, эмоционально-ценностного и деятельностного компонентов остается недостаточно разработанной. Отсутствуют модели, описывающие поэтапное формирование данного качества, не определены педагогические условия, обеспечивающие эффективность этого процесса, не разработаны критерии и показатели его результативности.

В современном научном дискурсе понятие «бережное сознание» находится в стадии активного становления и концептуализации. Анализ психолого-педагогической, философской и социологической литературы позволяет выделить два основных подхода к пониманию данного феномена [15].

Первый подход (экономический/производственный) восходит к концепции «бережливого производства» (lean production) и трактует бережливое сознание как совокупность установок на рациональное использование ресурсов, оптимизацию деятельности, исключение потерь. Акцент делается на эффективности, практической целесообразности и экономии (Дж. Вумек, Д. Джонс, В.А. Разумовский).

Второй подход (психолого-педагогический и культурологический) связывает бережное сознание с категорией «отношение» и понимает его как ценностное, эмоционально окрашенное, заботливое отношение к объектам природного и культурного наследия, к другим людям, к самому себе. Ключевым здесь выступает морально-нравственная составляющая (В.А. Ясвин, Н.Е. Щуркова, А.А. Свидерский).

Для уточнения понятийно-категориального аппарата необходимо разграничить близкие, но не тождественные понятия.

Говоря о соотношении понятий «бережливое сознание», «бережливая личность», «бережное сознание личности» важно понимать, что первое связано с описанием концепции, направленной на устранение потерь в деятельности; второе связано с изучением человека, обладающего совокупностью психологических качеств и приобретённым набором компетенций, позволяющим эффективно реализовывать свои намерения в различных жизненных сферах; третье рассматривает состояние, при котором человек осознанно и привычно каждый день применяет принципы бережливости как бережного, позитивно эмоционально окрашенного отношения ко всему, что происходит в его жизни [4, 6, 16].

В структуре бережного сознания личности мы выделяем три взаимосвязанных компонента,

Таблица 2

Сравнительные результаты экспериментального исследования динамики формирования бережного сознания субъектов образования в учебно-воспитательном процессе вуза с использованием бережливых технологий

Показатель	До эксперимента (M±SD)	После эксперимента (M±SD)	Статистическая значимость (*p*-уровень)	Величина эффекта (*d* Коэна)
Когнитивный компонент (знание принципов бережливости, шкала 1–5)	3.2±0.4	4.3±0.3	$p<0.001$	0.75
Эмоционально-ценностный компонент (шкала 1–5)	3.1±0.5	4.1±0.4	$p<0.001$	0.68
Деятельностный компонент (самооценка, шкала 1–5)	2.9±0.6	3.9±0.5	$p<0.01$	0.72

соответствующих классической триаде «сознание – отношение – поведение», разработанной в педагогической аксиологии (В.А. Сластенин, Г.И. Чижакова).

Содержание и уровень сформированности бережливого сознания имеют свою специфику в зависимости от позиции субъекта в образовательном процессе.

У обучающихся бережливое сознание выступает, с одной стороны, как цель образовательного процесса, с другой – как условие их личностного развития. Исследования показывают, что у значительной части обучающихся (88%) недостаточно сформирован когнитивный компонент (знания о понятии «бережливость», принципах «бережливого производства», о культурно-историческом наследии), при относительно высоком уровне ценностного отношения (74% признают ценности сохранения природы и уважения к истории приоритетными, но не имеют знаний и навыков для осуществления данного процесса). При этом деятельностный компонент сформирован лишь у 8% респондентов [7, 17].

Педагоги выступают ключевыми трансляторами ценностей бережного отношения. Специфика бережного сознания педагога заключается в необходимости: личной сформированности всех компонентов бережного сознания (педагог не может транслировать то, чем не обладает сам), владения принципами и инструментами бережливого производства; владения методиками формирования бережного сознания у обучающихся; способности проектировать образовательную среду, способствующую становлению бережного сознания; готовности к реализации проектной и исследовательской деятельности с обучающимися в данной области.

У руководителей образовательных организаций бережное сознание проявляется на организационно-управленческом уровне и включает: владение знаниями, умениями и навыками в области философии бережливого производства; понимание стратегической значимости формирования бережного сознания как компонента организационной и воспитательной системы; способность создавать условия для работы образовательного учреждения с использованием принципов и инструментов бережливого производства; готовность применять принципы бережливого управления для оптимизации ресурсов образовательной организации; умение мотивировать педагогический коллектив к деятельности по формированию бережного сознания [18].

Исследователи считают, что бережное сознание должно стать одной из важных компетенций педагога. По мнению Т.Т. Щелиной, педагог с бережным сознанием – это человек, который внимателен к любым видам потерь: неоправданным затратам времени, энергии, ресурсов. При этом принципы бережливости должны распространяться не только на организацию учебного процесса, но и на отношение педагога к собственной личности: бережное отношение к себе – один из краеугольных камней бережливого сознания [19].

На базе Арзамасского гуманитарно-педагогического института им. А.П. Гайдара (Арзамасский филиал ННГУ) в 2020–2023 гг. в рамках реализации целого ряда проектов было проведено исследование динамики формирования бережного сознания субъектов образования в учебно-воспитательном процессе вуза с использованием бережливых технологий.

Экспериментальное исследование динамики формирования бережного сознания у субъектов образования проводилось на выборке из 120 человек (случайная стратифицированная выборка). Диагностика осуществлялась по схеме

«до – после» с использованием валидизированных и авторских методик, направленных на оценку трёх компонентов бережного сознания: когнитивного, эмоционально-ценностного и деятельностного.

Для оценки использовались: наблюдение, авторская анкета, модифицированная шкала М. Рокича (ценности), а также анализ продуктов проектной деятельности (чек-листы экспертной оценки).

Статистический анализ выявил достоверный рост показателей по всем исследуемым параметрам при величине эффекта, превышающей средний уровень (0.68–0.75 по *d* Коэна). Это свидетельствует о существенном влиянии формирующего воздействия (бережливых технологий) на изучаемые характеристики, что позволяет говорить о сбалансированной эффективности применённого педагогического подхода.

По когнитивному компоненту зафиксирован наиболее выраженный прирост: средний балл увеличился с 3.2±0.4 до 4.3±0.3 ($p<0.001$, $d=0.75$). Величина эффекта приближается к границе большого эффекта, что свидетельствует о том, что использование бережливых технологий в учебно-воспитательном процессе вуза эффективно формирует знания о принципах бережливости.

Эмоционально-ценностный компонент также показал статистически значимый рост ($p<0.001$) со значением эффекта $d=0.68$. Среднее значение увеличилось с 3.1±0.5 до 4.1±0.4. Это отражает формирование устойчивой мотивации к ресурсосбережению и постепенное встраивание соответствующих ценностей в систему личностных приоритетов субъектов образования. В ответах на ценностные дилеммы заметно возросла доля решений, в которых приоритет отдавался не сиюминутной выгоде, а долгосрочной эффективности и рациональному использованию ресурсов.

По показателю деятельностного компонента наблюдался достоверный прирост ($p<0.01$, $d=0.72$) – с 2.9±0.6 до 3.9±0.5. Величина эффекта, превышающая средний уровень, свидетельствует о формировании у субъектов образования способности выявлять проблемы и предлагать пути их решения. Самый важный результат – существенное изменение поведенческих установок. Готовность к активному преодолению трудностей выросла.

Полученные данные позволяют сделать вывод о высокой эффективности использования бережливых технологий в учебно-воспитательном процессе вуза как средства формирования бережного сознания. Величина эффекта в диапазоне 0.68–0.75 указывает на реалистичный прирост показателей.

Статистическая обработка включала *t*-критерий Стьюдента для зависимых выборок (для шкалированных показателей) и критерий Макнемара (для дихотомических данных о вовлечённости). Все изменения признаны статистически значимыми.

Результаты согласуются с положениями деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) и подтверждают, что активное включение субъектов образования в реальную деятельность по использованию бережливых технологий в учебно-воспитательном процессе вуза способствует интеграции знаний, ценностей и практических навыков в единую систему бережливого мышления личности и ее бережного сознания в целом.

Арзамасский гуманитарно-педагогический институт им. А.П. Гайдара (Арзамасский филиал ННГУ) на протяжении ряда лет реализует комплекс грантовых проектов, направленных на оптимизацию различных аспектов образовательной, воспитательной и управленческой деятельности. Данные проекты объединены общей методологией – применением принципов бережливого производства и проектного подхода к решению конкретных задач функционирования образовательной организации и представляют собой определенную систему организации процесса формирования бережного сознания у субъектов образования в учебно-воспитательном процессе вуза.

Полученные результаты реализации проектной деятельности можно объединить в следующие основные ключевые направления оптимизационной работы.

1. Оптимизация процессов функционирования организации.

В рамках данного направления были реализованы три проекта. Проект «Совершенствование системы навигации по главному корпусу Арзамасского филиала ННГУ» (№ 21-Ш-000157, победитель 2021 года, грантовая поддержка от Благотворительного фонда прп. Серафима Саровского) был направлен на оптимизацию системы навигации внутри вуза с целью экономии времени студентов и преподавателей. Главный корпус филиала имеет сложную архитектурную планировку, что затрудняет ориентацию в нём для абитуриентов, впервые поступающих студентов, участников мероприятий и гостей вуза. Отсутствие понятной навигационной системы приводило к временным потерям и снижению комфортности пребывания в здании. В ходе реализации проекта была разработана и

внедрена комплексная система навигации, включающая: аудит существующих информационных потоков и маршрутов перемещения; разработку дизайн-концепции навигационных элементов в едином стиле; создание системы указателей, информационных стендов и маршрутизации; внедрение цифровых элементов навигации (QR-коды с планами этажей). Результатом стало существенное сокращение времени ориентации в здании, повышена удовлетворенность посетителей, создана современная навигационная среда, соответствующая бренду вуза.

В рамках реализации проекта «Оптимизация информационных потоков, обслуживающих обучающихся, по принципу «одного окна» (№ 23-Ш-1000047, победитель 2023 года, грантовая поддержка от Благотворительного фонда прп. Серафима Саровского) посредством создания студенческого многофункционального центра была осуществлена оптимизация информационных потоков. Был реализован принцип «одного окна» – организации единого пункта приема и обработки обращений обучающихся. Мероприятия включали: анализ типовых запросов и маршрутов их обработки; разработку регламентов межведомственного взаимодействия; создание физического пространства (окна приема) с необходимой инфраструктурой; внедрение системы электронных заявок и отслеживания статуса их выполнения.

Решение проблемной ситуации, при которой обучающиеся филиала сталкивались с необходимостью обращения в различные структурные подразделения (учебный отдел, деканат, бухгалтерию, отдел кадров) для решения типовых вопросов, что приводило к временным потерям и создавало неудобства, привело к сокращению времени обработки обращений обучающихся. К настоящему времени повышена прозрачность процессов, снижена нагрузка на профильные подразделения.

В рамках реализации проекта «Оптимизация процесса организации экскурсионных программ и образовательных мероприятий на базе Аптекарского огорода» (№ 23-Ш-1000114, победитель 2023 года, грантовая поддержка от Благотворительного фонда прп. Серафима Саровского) была осуществлена оптимизация процесса посещения широким кругом лиц уникального объекта Нижегородской области «Аптекарский огород Арзамасского филиала ННГУ», который является уникальной площадкой для проведения образовательных и просветительских мероприятий. Однако процесс организации экскурсий и занятий требовал оптимизации в связи с растущим количеством заявок. В ходе реализации проекта осуществлена разработка типовых маршрутов и программ с учетом различных целевых групп (школьники, студенты, взрослые); создана система предварительной записи и маршрутизации потоков посетителей; подготовлены волонтеры-экскурсоводы из числа студентов; разработаны методические материалы для проведения занятий на базе Аптекарского огорода; внедрена система обратной связи и оценки качества проводимых мероприятий – все это позволило увеличить пропускную способность площадки, повысить качество проводимых мероприятий, расширить охват целевых аудиторий.

2. Другая группа реализованных проектов связана с процессом формирования компетенций у субъектов образования, бережного сознания личности в сфере применения принципов бережливого производства.

Реализация проекта «Оптимизация процесса подготовки специалистов помогающих профессий в условиях карантинных мероприятий» (№ 20-1-000029, победитель 2020 года, грантовая поддержка от Благотворительного фонда прп. Серафима Саровского) позволила в период введения карантинных ограничений, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), когда требовалось экстренно перевести образовательный процесс в дистанционный формат, вскрыть области, требующие трансформации. Наибольшие сложности возникли при подготовке специалистов помогающих профессий (педагогов-психологов, социальных педагогов), чья профессиональная компетентность предполагает формирование практических навыков взаимодействия, требующих непосредственного контакта с благополучателями. Арзамасским филиалом ННГУ в рамках грантового проекта была разработана и внедрена модель смешанного обучения, которая сочетала в себе: синхронные онлайн-занятия с использованием платформ видео-конференц-связи; асинхронное усвоение теоретического материала через систему дистанционного обучения; практико-ориентированные задания, адаптированные для выполнения в домашних условиях с последующим видеоанализом; супервизию и групповые обсуждения в формате онлайн, разработку методического инструментария для организации деятельности субъектов образовательного процесса.

Результатом данной деятельности явилась воспроизводимая модель организации образовательного процесса для специалистов помогаю-

щих профессий в условиях ограничений, позволяющая сохранить качество практической подготовки.

В рамках реализации проекта «Оптимизация процесса отработки навыков и технологий медиации (примирения) в образовательной среде» (№ 21-Ш-000156, победитель 2021 года, грантовая поддержка от Благотворительного фонда прп. Серафима Саровского) была создана комплексная психологическая лаборатория для оптимизации процесса отработки навыков и технологий медиации (примирения) педагогами на основе применения принципов и инструментов бережливого производства, функционирование которой позволило повысить эффективность работы школьных служб примирения.

Развитие школьных служб примирения и внедрение восстановительных практик в образовательных организациях требуют качественной подготовки специалистов, владеющих технологиями медиации. Проект был направлен на создание эффективной системы отработки навыков медиации, включающей: разработку кейсов и учебных ситуаций, моделирующих реальные конфликты в образовательной среде; организацию тренинговых площадок с использованием игровых и имитационных методов; создание системы супервизии и анализа проведенных медиативных сессий; внедрение технологии видеоанализа для рефлексии профессиональных действий, разработку теоретических и методических основ данной деятельности. За период реализации гранта был разработан устойчивый алгоритм подготовки медиаторов, позволяющий за ограниченное время сформировать у обучающихся (педагогов-психологов, социальных педагогов, учителей и других специалистов образовательных учреждений) необходимые практические компетенции.

По мере приобретения практического опыта в области реализации рассмотренных нами проектов назрела необходимость оформить полученный опыт в виде учебно-методических пособий и транслировать его в рамках курсов повышения квалификации.

Это было сделано в рамках реализации проекта «Оптимизация процессов подготовки руководителей сферы образования и педагогических кадров к реализации принципов бережливого производства в профессиональной деятельности» (№ 23-Ш-1000046, победитель 2023 года, грантовая поддержка от Благотворительного фонда прп. Серафима Саровского), цель которого заключалась в создании инновационной модели подготовки руководителей сферы образования и педагогических кадров к реализации принципов бережливого производства в профессиональной деятельности, базирующейся на понимании того, что внедрение принципов бережливого производства в образовательных организациях невозможно без специальной подготовки руководящих и педагогических кадров. В результате была разработана и реализована программа повышения квалификации, направленная на формирование у руководителей и педагогов: понимания философии и принципов бережливого производства; способности идентифицировать потери в образовательных процессах; владения инструментами бережливого производства (5S, картирование потока создания ценности, визуализация, стандартизация); готовности к применению полученных знаний в своей профессиональной деятельности.

В настоящее время более 1200 человек прошли обучение по данной программе. Подготовлена группа специалистов, способных выступать внутренними тренерами по внедрению бережливых технологий в образовательных организациях региона.

Таким образом, представленная система организации процесса формирования бережного сознания у субъектов образования через внедрение бережливых технологий в учебно-воспитательный процесс вуза способствует формированию бережливости как интегративного личностного качества, включающего осознание ценности природных, культурных и социальных ресурсов, эмоционально-ценностное отношение к ним и готовность к практической деятельности по их сохранению и приумножению.

Заключение

Проблема организации процесса формирования бережного сознания у субъектов образования является актуальной и своевременной. Ее решение требует интеграции достижений различных научных направлений (психологии, педагогики, философии, культурологии), учета современных социально-экономических и культурных вызовов, а также обобщения успешных практик, реализуемых в образовательных организациях.

В статье теоретически обоснована проблема актуальности формирования бережного сознания у субъектов образования в контексте современных социально-экономических и культурных вызовов и выявлены ключевые противоречия в существующей практике.

Уточнен понятийно-категориальный аппарат: разграничены понятия «бережное сознание», «экологическое сознание», «нравственное

сознание» и др.; бережное сознание трактуется как интегративное качество личности, включающее в себя когнитивный, эмоционально-ценностный и деятельностный компоненты.

Экспериментально подтверждена эффективность внедрения бережливых технологий в ходе исследования, проведенного на базе Арзамасского гуманитарно-педагогического института, в результате которого зафиксирован статистически значимый рост показателей по всем компонентам бережного сознания.

Апробированы и внедрены практические механизмы формирования бережного сознания субъектов образования в учебно-воспитательном процессе вуза в процессе использования бережливых технологий (оптимизация навигации и информационных потоков в вузе, организация экскурсионных программ и др.), а также разработана и реализована программа повышения квалификации для педагогов и руководителей (обучены свыше 1200 человек) с освоением инструментов бережливого производства.

Обоснована транслируемость и устойчивость полученных результатов: разработанные модели и учебно-методические материалы могут быть адаптированы для других образовательных организаций. Разработка научно обоснованной системы формирования бережного сознания у субъектов образования через внедрение бережливых технологий в учебно-воспитательный процесс вуза позволит повысить эффективность воспитательной работы, будет способствовать сохранению культурно-исторического наследия, формированию у подрастающего поколения ценностного отношения к природным и социальным ресурсам, что в конечном итоге отвечает стратегическим задачам развития российского общества.

Таким образом, опыт формирования бережного сознания субъектов образования, имеющийся у Арзамасского гуманитарно-педагогического института им. А.П. Гайдара (Арзамасский филиал ННГУ), может быть использован в различных регионах РФ, так как, во-первых, он имеет системный характер (представленные проекты охватывают различные аспекты деятельности образовательной организации: образовательный процесс, воспитательную работу, управление, взаимодействие с внешними партнерами, что свидетельствует о системном подходе к оптимизации); во-вторых, он имеет методологическое единство (все проекты реализованы на основе единой методологии – применения принципов бережливого производства и проектного подхода к решению конкретных проблем); в-третьих, он показывает устойчивость результатов (грантовая поддержка позволила не только реализовать разовые мероприятия, но и создать устойчивые механизмы, воспроизводимые в дальнейшей деятельности филиала).

Список литературы

1. Проект документа «Ключевые направления развития российского образования для достижения Целей и задач устойчивого развития в системе образования до 2035 г.». URL: http://edu2035.firo-nir.ru/index.php/stati-opublikovannye-uchastnikami-soobshchestva/86-klyuchevye-napravleniya-2035 (дата обращения: 06.02.2026).

2. Воронин А., Шехватов Д. Бережливое производство как элемент стратегии Кайдзен. URL: http://www.iteam.ru/publications/logistics/section_79/article_3093/ (дата обращения: 01.03.2026).

3. Вумек Дж.П., Джонс Д.Т. Бережливое производство. Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании / Пер. с англ. С. Турко. М., 2013. 472 с.

4. Формирование бережного сознания как способ развития гражданственности и патриотизма: Материалы науч.-практ. конф., 25 апреля 2025 г. Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2025. 102 с. URL: http://raduga-press.com/gallery/formation_of_careful_consciousness.pdf

5. Бахматова Т.Г., Бахматов М.С. Тенденции и перспективы внедрения инструментов бережливого производства // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32. № 4. С. 771–778.

6. Давыдова Н.С., Мазунина С.Д., Стаина Е.Н. [и др.]. Методические рекомендации по включению основ бережливого производства в образовательные программы среднего профессионального образования [Электронный ресурс]. URL: https://yatec.edu.yar.ru/dokumenti_na_23-24_god/meto-dicheskie-rekomendatsii-po-vklyu-cheniyu-osnov-berezhlivogo-proizvod-stva-1.pdf

7. Иванова Е.Ю. К вопросу о формировании бережливой личности // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2025. Т. 17. № 1. С. 39–47.

8. Разумовский В.А. Генезис развития идей бережливого производства в образовательном контексте // Педагогика. 2024. № 5. С. 23–31.

9. Гайнеев Э.Р., Масалимова А.Р., Молева Г.А. Развитие критического мышления в процессе освоения технологий бережливого производства // Вестник ВГУ им. А.Г. и. Н.Г. Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2025. № 4. С. 42–53.

10. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000. 456 с.

11. Свидерский А.А. Генезис ценностно-нормативной системы взаимодействия общества и природы: Монография. Брянск: Брянский ГАУ, 2023. 173 с.

12. Сластенин В.А., Чижакова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию. М.: Академия, 2003.

13. Мануйлов Ю.С. Средовой подход в воспитании. М.: Педагогика, 2008.

14. Матяш Н.В. Психология проектной деятельности школьников. Брянск, 2000. 385 с.

15. Котов Р.И., Белыш К.В. Концепция бережливого производства как инструмент совершенствования образовательного процесса // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 4. С. 232–247.

16. Давыдова Н.С. Путь бережливой личности. Особенности пути // Литрес [Электронный ресурс]. URL: https://www.litres.ru/book/nadezhda-davydova-24133753/put-berezhlivoy-lichnosti-osobennosti-puti-56934283/

17. Бугайчук Т.В., Головина И.В., Халадов Х.-А.С., Ходырев А.М. Факторы развития воспитательной среды педагогических вузов и новая типология студентов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2025. Т. 31. № 4. С. 29–38.

18. Щелина Т.Т. Преподаватель высшей школы: самоопределение и развитие в меняющихся условиях // Личностно-профессиональное и карьерное развитие: актуальные исследования и форсайт-проекты: Сб. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Л.М. Митиной. М., 2018. С. 81–84.

19. Официальный сайт Фонда «Соработничество» [Электронный ресурс]. Новость – Православная инициатива. URL: pravkonkurs.ru (дата обращения: 17.03.2026).

THE POTENTIAL OF LEAN TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF CAREFUL CONSCIOUSNESS OF SUBJECTS OF EDUCATION IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE UNIVERSITY

T.T. Shchelina, I.S. Begantsova, N.V. Guseva, S.O. Stepanova

Arzamas Humanitarian Pedagogical Institute named after A.P. Gaidar
(Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod)

This article substantiates the relevance of the problem of organizing a targeted process for developing a frugal consciousness among educational stakeholders (students, teachers, and administrators of educational organizations). It analyzes contemporary socioeconomic and cultural challenges that highlight the need for a frugal approach to resources, cultural heritage, and human capital, as well as for optimizing both the organizational processes of educational organizations and educational activities. The theoretical premises of the study are examined, contradictions in existing practice are identified, and promising areas for scientific research are identified.

Keywords: careful consciousness, lean technologies, subjects of education, educational process, educational environment of the university, value orientations, pedagogical conditions.

УДК 378
DOI 10.52452/18115942_2026_3_297

МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ КУРСАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ФСИН РОССИИ

© 2026 г.

Т.Г. Мухина, Т.В. Филиппова

Мухина Татьяна Геннадьевна, д.пед.н.; проф.; профессор РАО;
профессор кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;
профессор кафедры служебно-боевого применения сил специального назначения
факультета (сил специального назначения) Новосибирского военного
ордена Жукова института им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
tg-muhina@yandex.ru
Филиппова Татьяна Витальевна, преподаватель кафедры юридической психологии,
педагогики и организации воспитательной работы с осужденными
Университета ФСИН России, Санкт-Петербург;
соискатель Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Tatian.2010@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.2026
Статья принята к публикации 29.07.2026

Актуальность статьи обусловлена требованиями к модернизации российской системы образования, в которой непрерывное профессиональное саморазвитие специалиста является ключевым условием эффективности служебной деятельности. В статье актуализируется проблема педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России.

Цель статьи – научно обосновать и представить разработанную модель педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России, а также определить условия её эффективности. Теоретико-методологическую основу исследования составили системный, деятельностный, личностно ориентированный и индивидуальный подходы. Апробация модели осуществлялась в ходе пилотного исследования (2022–2024 гг.) с участием 475 курсантов образовательных организаций ФСИН России. В ходе работы конкретизирована структурная организация модели, включающая в себя целевой, содержательный, процессуальный и результативный блоки. Выявлена и обоснована система критериев профессионального саморазвития, позволяющая выявить уровень профессионального саморазвития курсантов.

Результаты исследования подтверждают высокую значимость исследуемой проблематики и вносят вклад в научно-методическое обеспечение профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России, расширяя соответствующие теоретические представления.

Ключевые слова: модель педагогического обеспечения профессионального саморазвития, педагогическое обеспечение, педагогическое сопровождение, профессиональное саморазвитие, курсанты, кураторство, наставничество, образовательные организации ФСИН России.

Введение

Проблематика развития и саморазвития обучающихся в образовательном процессе вуза традиционно занимала особое место в педагогической науке. В современных условиях в системе высшего образования России наблюдается концептуальный сдвиг от традиционной модели образования к парадигме непрерывного образования, самообразования и профессионального саморазвития. Данная трансформация отражает одну из доминирующих тенденций развития педагогической теории и практики. В этом контексте обучающиеся вузов, включая курсантов ведомственных образовательных организаций, рассматриваются как активные субъекты образовательной деятельности, самостоятельно осуществляющие планирование, организацию, ре-

гулирование и реализацию собственного профессионального маршрута на базе образовательных организаций.

Цель статьи – научно обосновать и представить разработанную модель педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России, а также определить условия её эффективности.

Создание модели педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России определяется социальным заказом на специалиста – выпускника высшей школы. Заказ государства сформулирован в нормативных и нормативно-правовых актах, таких как закон «Об образовании в РФ», ФГОС ВО в виде универсальных требований к выпускнику вуза (в число которых входят и курсанты), готового не только к адаптации к условиям постиндустриального общества, но и к реализации социальных функций в своей профессиональной деятельности. То есть предполагается, что выпускник вуза должен обладать профессиональным саморазвитием. Кроме того, формирование у курсантов направленности на профессиональное саморазвитие приобретает стратегическое значение в сфере комплектования кадрового состава ФСИН России, что обусловливает необходимость разработки новых подходов к организации, диагностике и сопровождению данных процессов.

Методы исследования

Как справедливо отмечает В.И. Писаренко, моделирование представляет собой наиболее широко используемый инструмент педагогического исследования и научного поиска. Междисциплинарный характер моделирования придает самому процессу моделирования новые грани, открывая в нем новые аспекты изучаемой темы.

В.В. Краевский полагал, что моделью является система элементов, которые воспроизводят стороны, связи и функции предмета исследования. Предметом изучения Е.А. Солодовой и Ю.П. Антонова являются модели макроуровня и среднего уровня. Данные исследователи предлагают рассматривать модель в образовании как объект, задающий цели, систему, последовательность операций [1].

Для того чтобы определить, какой именно тип педагогической модели является наиболее адекватным применительно к изучению педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов ФСИН России, обратимся к работе Е.А. Лодатко [2].

Значимым с точки зрения конструирования модели педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России выступает обоснование теоретико-методологической основы исследования:

– возможность теоретико-методологических подходов решать изучаемую проблему комплексно;

– выбранные подходы должны быть взаимодополняемыми, соответствовать философской основе изучаемого процесса саморазвития личности;

– применение подходов должно позволить выявить содержание и структурные связи изучаемого процесса.

О.Р. Кудаков отмечает, что категория «исследовательский подход» выступает в двух значениях. В первом – «как некоторый исходный принцип, исходная позиция, основное положение или убеждение», во втором – «направление изучения предмета исследования» [3]. Для моделирования педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России мы обращаемся к положениям системного, деятельностного, личностно ориентированного и индивидуального подходов.

Краткое описание подходов (системный, деятельностный, личностно ориентированный, индивидуальный) представлено в таблице 1 [4–8].

Следует отметить, что отдельные подходы будут играть ведущую роль в исследовании, а некоторые – вспомогательную, но, главное, они действуют во взаимосвязи, дополняя друг друга.

Обсуждение основных результатов исследования

Модель педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов в образовательной организации ФСИН России понимается нами как средство изучения и описания педагогических аспектов процесса обучения и воспитания курсантов в части актуализации профессионального саморазвития.

Обращаясь к исследованию А.И. Тимонина, В.В. Измайловой, А.И. Кивелевича, И.В. Протасовой, можно сделать вывод, что педагогическое обеспечение представляет собой специфическую педагогическую деятельность по управлению функционированием и развитием системной совокупности ресурсов, привлекаемых для

Таблица 1

Подход	Сущность подхода	Основные представители	Цель педагогического обеспечения
Системный	«Система» – «целое, соединение» – «множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, единство», «структура, представляющая собой единство взаимосвязанных частей», где «структура» понимается как «строение, устройство»	И.В. Блауберг, Э.П. Юдин, В.Г. Афанасьев, В.П. Кузьмин, К.К. Платонов	Формирование целостной, устойчивой и динамичной системы профессионального саморазвития курсанта в рамках образовательной и социальной среды
Деятельностный	«Деятельность признаётся как основа, средство и условие развития личности, это целесообразное преобразование модели окружающей действительности»	А.А. Вербицкий, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн	Обеспечение развития личности курсанта через включение в активную профессионально значимую деятельность
Личностно ориентированный	Актуализация и реализация личностных возможностей, способствующих признанию своей личности в качестве активного субъекта своего развития	К.Д. Ушинский, А. Маслоу, К. Роджерс, В.В. Сериков, Е.В. Бондаревская, И.С. Якиманская	Создание условий для раскрытия субъектности, ценностных ориентаций и профессиональной самоактуализации курсанта
Индивидуальный	Глубокое знание черт личности человека и условий жизни – основа его развития; обучение и воспитание могут персонифицированно учитывать индивидуальность каждого обучающегося	Л.С. Выготский, Е.В. Бондаревская, А.А. Кирсанов, Е.С. Рабунский, И.П. Подласый, В.Д. Шадриков, Е.А. Ямбург, И.С. Якиманская	Обеспечение профессионального саморазвития курсанта с учётом его индивидуальных особенностей, темпа, стиля деятельности и зоны ближайшего развития

осуществления процесса формирования личностно-профессиональной позиции индивида (А.И. Тимонин). На данное определение мы опирались в нашем исследовании.

Непосредственно содержанием обеспечивающей деятельности является разрешение противоречия между наличием ресурса как такового и актуализацией его потенциальных и реальных возможностей в определенных организационных формах. Педагогическое обеспечение является взаимосвязанным и взаимообусловленным единством двух системообразующих элементов: ресурсного и средового (профессиональная среда). В то время как педагогическое обеспечение профессионального саморазвития курсантов основывается на системном взаимодействии трех компонентов: системно-организационного (учреждение), средового (развивающая образовательная среда) и личностного (субъектный потенциал и активность обучающихся).

Для решения конкретных задач предполагается использование личностных, институциональных ресурсов, а также ресурсов среды (В.В. Измайлова). В представленной системе куратор выступает ключевым субъектом педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов, который выполняет роль медиатора между ресурсным потенциалом образовательной среды и индивидуальной траекторией профессионального становления курсантов. А.И. Кивелевич акцентирует внимание на том, что активизация личностных ресурсов составляет ядро педагогического процесса.

В связи с чем авторы поддерживают позицию И.В. Протасовой, которая обосновывает необходимость включения в систему педагогического обеспечения следующих элементов:

– соответствующая образовательная среда;

– тесное взаимодействие всех участников образовательного процесса;

– партнерские отношения субъектов и объектов образовательной деятельности [4].

Авторами статьи обращается внимание на то, что деятельность по педагогическому обеспечению профессионального саморазвития курсантов является сложноорганизованной, регулируется и обеспечивается сотрудниками образовательной организации. В связи с чем особое внимание в

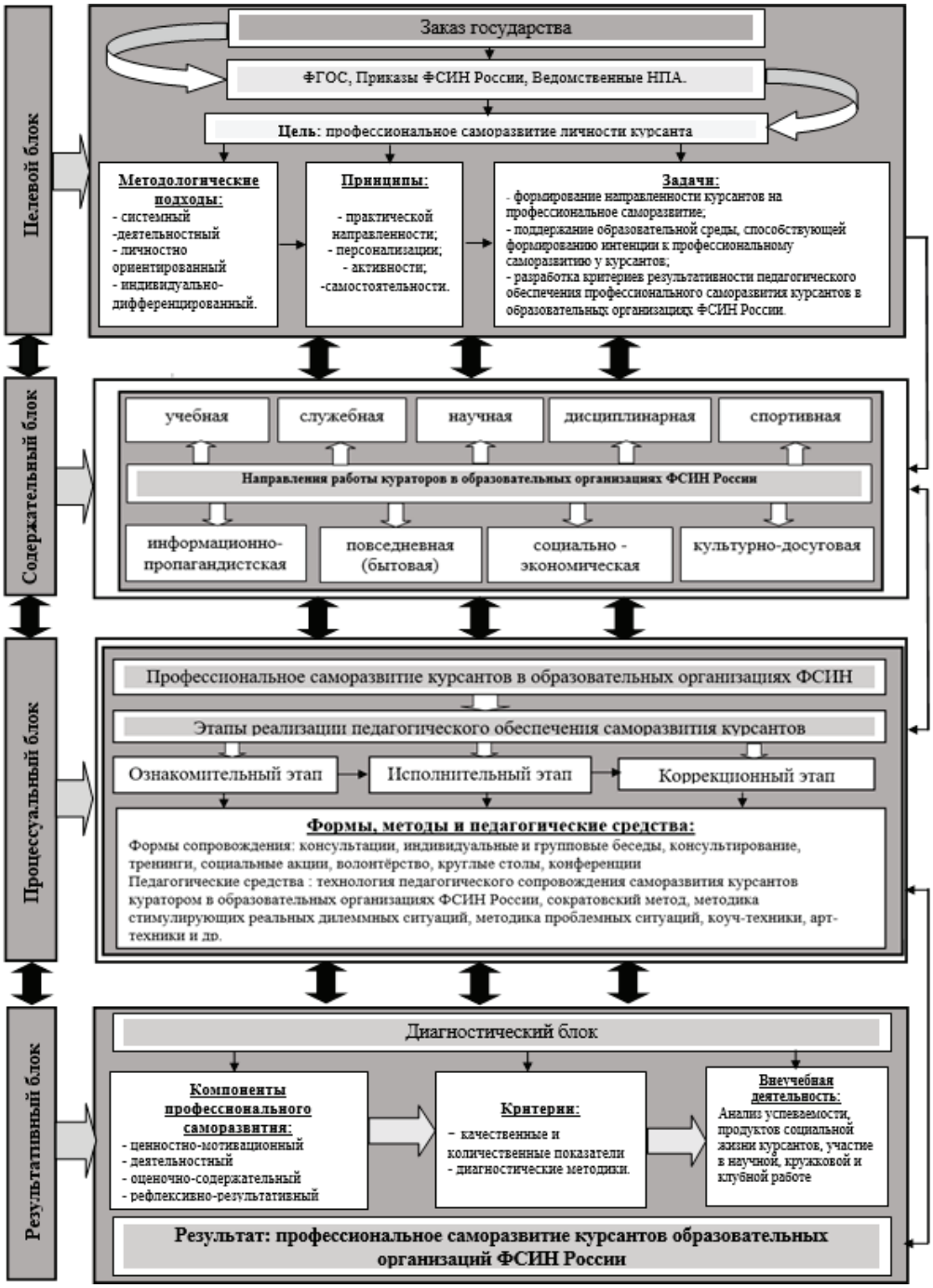

Рис. 1. Модель педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России

рамках функционирования и реализации модели уделено сотрудникам из числа профессорско-преподавательского состава – кураторам. Фактически функции кураторов исполняют практически все сотрудники профессорско-преподавательского состава, за редким исключением из числа руководителей.

Таким образом, применительно к нашему исследованию, педагогическое обеспечение профессионального саморазвития курсантов в образовательных организа циях ФСИН России мы рассматриваем как целенаправленную педагогическую деятельность профессорско-преподавательского состава по координации и управлению академическими ресурсами образовательной организации и активизации личностных ресурсов курсантов в ходе интегративно-дифференцированного педагогического взаимодей-

ствия, способствующую упорядоченному и целенаправленному совершенствованию курсантов в сфере профессионального саморазвития.

Модель педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России представлена на рисунке 1.

Авторская модель предполагает координацию академических ресурсов образовательной организации, которые возможно представить в виде четырех последовательных блоков: целевой, содержательный, процессуальный и результативный, содержание которых подробно представлено далее по тексту.

1. *Целевой блок* объединяет нормативно-правовую базу, цель, методологические подходы, принципы и задачи педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Подготовка кадров для ФСИН России осуществляется в соответствии:

– с Конституцией Российской Федерации;

– с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»;

– с Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) высшего образования по специальностям, утвержденным приказами Министерства науки и высшего образования Российской Федерации;

– с Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации»;

– с Приказом ФСИН России от 13.06.2023 № 382 «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации»;

– с Приказом ФСИН России от 21 декабря 2022 г. № 888 «Об утверждении квалификационных требований к специальной профессиональной подготовке выпускников федеральных государственных образовательных организаций, подведомственных ФСИН России»;

– с Приказом ФСИН России от 28 марта 2022 г. № 162 «Об утверждении особенностей организации и осуществления образовательной деятельности по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, дополнительным профессиональным программам и основным программам профессионального обучения, особенностей организации и осуществления методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки кадров в интересах обеспечения законности и правопорядка, а также деятельности федеральных государственных организаций, осуществляющих образовательную деятельность и подведомственных ФСИН России»;

– с Приказом ФСИН России от 28 марта 2022 г. № 162 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, реализуемым в интересах обеспечения законности и правопорядка в федеральных государственных образовательных организациях, подведомственных ФСИН России» и иными нормативно-правовыми актами, а также локальными нормативными актами, разрабатываемыми в образовательных организациях ФСИН России по основным вопросам организации и осуществления образовательной деятельности.

Методологическим основанием реализации образовательной деятельности выступают системный, деятельностный, личностно ориентированный и индивидуально-дифференцированный подходы, в соответствии с которыми профессиональное саморазвитие рассматривается не как пассивное усвоение нормативных требований, а как целенаправленная субъектная активность курсантов, а также комплекс принципов:

– практической направленности (К.Д. Ушинский, П.П. Блонский, М.Н. Скаткин, И.Я. Лернер, А.В. Хуторской, И.А. Зимняя) – образовательный процесс должен быть тесно связан с реальной жизнью, профессиональной деятельностью и социальной практикой; усвоенные знания и умения должны находить применение в реальных жизненных и профессиональных ситуациях;

– персонализации (Я.А. Коменский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, И.С. Якиманская, В.В. Сериков, Е.В. Бондаревская) – обучение строится с учётом индивидуальных особенностей, интересов, жизненного опыта, когнитивных стилей и потенциала каждого обучающегося; цель – раскрытие субъектности личности и создание условий для её самореализации и развития;

– активности (Ж.Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинский, Дж. Дьюи, С.Т. Шацкий, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин, П.И. Пидкасистый) – курсант выступает как активный субъект познавательной и учебной деятельности, проявляя инициативу, включенность, поисковую деятельность, критическое мышление и способность к рефлексии;

– самостоятельности (А. Дистервег, К.Д. Ушинский, Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, П.И. Пидкасистый, А.В. Мудрик, А.В. Хуторской, Е.С. Полат) – предусматривает формирование у курсантов способности самостоятельно планировать, организовывать, контролировать и оценивать свою учебную и познавательную деятельность в профессиональной сфере; самостоятельность рассматривается как основа профессионального саморазвития [4–8].

Задачами педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России обозначены:

– формирование направленности курсантов на профессиональное саморазвитие;

– поддержание образовательной среды, способствующей формированию интенции к профессиональному саморазвитию у курсантов;

– разработка критериев результативности педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России.

Таким образом, целевой блок представленной модели выступает концептуальным основанием, отражающим стратегическую направленность педагогического обеспечения на формирование у курсантов устойчивой субъектной позиции в рамках профессионального саморазвития. В данном блоке конкретизированы цель, задачи и методологические ориентиры, согласованные с требованиями социально-государственного заказа и ведомственных стандартов подготовки кадров ФСИН России.

2. *Содержательный блок* включает в себя педагогическое обеспечение деятельности курсантов в образовательных организациях ФСИН России.

Исходим из того, что основу педагогического обеспечения образует системное взаимодействие трех компонентов: личностного (субъектной потенциал и активность обучающихся), социальной организации (учреждение) и средового (развивающая образовательная и социокультурная среда). Характерной чертой педагогического обеспечения является сопровождение процессов развития и саморазвития профессиональных качеств личности курсантов, а также сопровождение профессиональной и повседневной деятельности курсантов [9].

В данном исследовании авторами статьи систематизированы и представлены ключевые направления профессионального саморазвития курсантов в среде образовательных организаций ФСИН России:

– учебная деятельность (освоение материала в рамках учебного процесса направлено, прежде всего, на индивидуальное личностное и профессиональное развитие курсантов; предполагает не только развитие внутреннего потенциала личности);

– научная деятельность (является продолжением и углублением учебного процесса, актуализирует познавательные потребности и активность курсантов, предполагает развитие и саморазвитие в русле формирования актуальных профессиональных ориентиров);

– служебная деятельность (несение службы в нарядах, соблюдение профессионального этикета, участие в ритуалах формирует такие личностные качества, как ответственность, дисциплинированность, требовательность к себе, самообразование и самостоятельность);

– дисциплинарная деятельность (формирование у курсантов профессиональных качеств, базирующихся на основополагающих принципах законности и выражающихся в дисциплине, высоких моральных качествах, этических взглядах, понимании важности занимаемого положения в обществе и государстве);

– спортивная деятельность (физическое совершенствование и самосовершенствование курсантов в части развития и саморазвития таких профессионально значимых качеств, как сила, скорость, выносливость, ловкость и т.д.);

– информационно-пропагандистская деятельность (утверждает в сознании и поведении курсантов общественно значимые идеалы, идеи патриотизма, мотивы, интересы и ценности профессионализма, формирует высокие морально-психологические качества);

– повседневная (бытовая) деятельность (проживание в казарменно-жилищном фонде; соблюдение распорядка дня, ношение форменного обмундирования способствует развитию навыков самообслуживания, уборка развивает ответственность и коллективизм);

– социально-экономическая деятельность (предполагает развитие навыков и умений рационального распоряжения денежным довольствием, самостоятельного планирования и расходования бюджета);

– культурно-досуговая деятельность (способствует раскрытию творческого потенциала, удовлетворению потребностей в самовыражении, направлена на восстановление физических и психических сил).

Особо стоит отметить, что реализация представленных направлений профессионального саморазвития опирается на ресурсную базу пе-

дагогического обеспечения, которая структурирует образовательную среду, актуализирует потенциал обучающихся и является совокупностью условий, реализация которых способствует становлению и дальнейшему развитию курсантов в профессиональной сфере.

Таким образом, содержательный блок выступает структурно-смысловым ядром модели, определяет направления деятельности, которые подлежат освоению курсантами образовательных организаций ФСИН России в целях интериоризации механизма профессионального саморазвития. Функциональное назначение содержательного блока заключается в управлении ресурсной базой для последующей процессуальной реализации.

3. *Процессуальный блок* – раскрывает особенности взаимодействия кураторов и курсантов в процессе профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России. Именно работа кураторов путем организации взаимодействия в разных формах и различными методами, на основании указанной модели, с учетом текучего состояния определенного объекта или системы способствует интенсификации профессионального саморазвития курсантов в рамках образовательной среды.

Ознакомительному этапу присуще внешнеэмоциональное восприятие куратором своих воспитанников. Как правило, коммуникация имеет неустойчивый вид, курсантами приобретаются стереотипные знания о функционировании образовательной организации, а также особенностях своей жизнедеятельности в образовательной среде вуза. По окончании данного этапа предполагается, что курсант адаптируется к особенностям образовательной организации, начинает процесс изучения своих сильных и слабых сторон личности, знакомится с зонами личностного и профессионального роста, которые предоставляет образовательная организация, формирует первоначальные личностные интересы и потребности применительно к профессиональной сфере.

Второй этап – исполнительный – ориентирует на осуществление совместной деятельности куратора и обучающихся. В рамках данного взаимодействия при содействии куратора происходит реализация курсантами индивидуальной программы профессионального саморазвития путем систематической практической деятельности, представленной в содержательном блоке модели.

По окончании данного этапа предполагается, что у курсанта формируется направленность на профессиональное саморазвитие, курсант демонстрирует навыки самоорганизации, активно способствует самоформированию профессионально важных качеств путем участия в жизни образовательной организации. Говоря об этапах педагогического обеспечения, целесообразно обратиться к работе Н.И. Киселевой, которая придерживается идеи, что «с каждым последующим этапом участие педагога в данном процессе уменьшается, его основной задачей становится управление развитием ресурсов и помощь в преодолении трудностей самоорганизации» [10].

Третий этап – коррекционный – характеризуется целенаправленным педагогическим и психологическое воздействием куратора на обучающихся, которое реализуется в различных областях жизнедеятельности при применении различных педагогических и психологических методов, с целью обеспечения полноценного функционирования курсанта и укрепления его в профессиональной сфере. Кроме того, на данном этапе осуществляется анализ достигнутых результатов, корректировка траектории профессионального саморазвития, закрепление положительных изменений.

Таким образом, именно деятельность кураторов учебных групп как направляющей силы поэтапно придает профессиональному саморазвитию курсантов черты целенаправленности, организованности и системности [10].

По окончании данного этапа предполагается, что курсант способен адекватно оценивать себя, осознанно корректировать свою профессиональную деятельность, готов к дальнейшему профессиональному росту и развитию в УИС.

Системное применение кураторами таких педагогических средств, как беседа, консультирование, технологии педагогического сопровождения и поддержки, сократовский метод, методика стимулирующих реальных дилеммных ситуаций, методика проблемных ситуаций, арт-педагогические техники и др., формирует развивающую образовательную среду, активизирующую деятельность курсантов в сфере профессионального саморазвития. В этой связи логика модели закономерно переходит от описательной части к оценке результативности методов воздействия и фиксации качественных результатов.

4. *Результативный блок*

Проблема измерения профессионального саморазвития связана с задачей выработки критериев, т.е. признаков, на основании которых осуществляется их оценка. В психологической и пе-

дагогической литературе существуют следующие основные требования к выделению и обоснованию критериев:

– критерии должны отражать основные закономерности формирования личности и динамику во времени и педагогическом пространстве;

– с их помощью должны устанавливаться связи между всеми компонентами исследуемой системы, причем качественные показатели должны выступать в единстве с количественными;

– раскрываются через совокупность качественных признаков (показателей), на основании которых можно судить о большей или меньшей степени выраженности данного критерия (Т.М. Давыденко, И.Ф. Исаев, И.А. Шаршов) [11].

В результативном блоке представлены компоненты и критерии профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России. Каждый критерий состоит из показателей, которые позволяют установить уровень профессионального саморазвития курсантов.

Компоненты, критерии и качественные и количественные показатели, диагностический инструментарий профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России представлены в таблице 2.

Таким образом, результативный блок выполняет в модели педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов оценочно-диагностическую и рефлексивную функции. Его структуру составляет диагностический инструментарий, позволяющий выявить направленность курсантов на профессиональное саморазвитие. На основе интерпретации диагностических данных возможно осуществлять корректировку деятельности субъектов образовательно-воспитательного процесса в рамках содержательного и/или процессуального блоков модели.

Представленная модель задает структурное и содержательное наполнение, однако ее практическая реализация и достижение целевых ориентиров возможны лишь при соблюдении комплекса следующих педагогических условий.

1. *Реализация модели осуществляется в образовательных организациях ФСИН России с учетом ресурсов конкретной образовательной среды.*

Образовательная среда представляет собой сферу жизнедеятельности курсанта, которая включает в себя насыщенность социальных связей, партнерских взаимоотношений, богатство культуры, ресурсов для развития и профессионального саморазвития. Образовательная среда образовательных организаций ФСИН России обладает особой спецификой, которая отличает ее от образовательной среды гражданских вузов:

– строгая дисциплина; иерархическое подчинение младших по званию старшим,

– четкий распорядок всей жизнедеятельности вуза;

– коллективное проживание в условиях казармы;

– преобладание авторитарного стиля руководства;

– стирание гендерных различий, когда невзирая «на абсолютно разные физические, физиологические и психологические характеристики, курсанты – девушки и юноши – выполняют сходные социальные роли, решают общие для них профессиональные задачи», что отражается как на особенностях формируемой личности, так и на структуре и содержании взаимоотношений обучающихся (Р.Б. Жалмурзин) [12].

Согласно исследованиям А.И. Тимонина, социальная среда оказывает значительное, если не решающее, влияние на формирование и развитие личности, что сближает его позицию с представителями деятельностного подхода в психологии. Ресурсы среды представлены образовательной средой организации, наличием партнерских отношений с иными учреждениями, общественными организациями, административными органами в целях оптимизации процесса профессионального становления и развития личности [13].

В настоящее время в России функционируют 9 образовательных организаций высшего образования и 3 образовательные организации дополнительного профессионального образования ФСИН России. В связи с чем стоит учитывать, что ресурсы, например, Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний и Академии ФСИН России, такие как местоположение, наличие партнерских отношений с иными учреждениями, общественными организациями, взаимодействие с административными органами в целях оптимизации процесса профессионального становления и развития личности, будут отличаться друг от друга, при сохранении общей задачи – обучение по программам высшего образования на бюджетной основе. Обучение направлено на подготовку сотрудников для службы в уголовно-исполнительной системе (УИС) и доступно в очной и заочной формах. Курсанты обучаются бесплатно,

Таблица 2

Компоненты	**Критерии**	**Качественные и количественные показатели**	**Диагностический инструментарий**
Ценностно-мотивационный	– Интерес к саморазвитию; – осознанная потребность в саморазвитии	– Общая способность к саморазвитию; – способность ставить цели при саморазвитии и планомерно реализовывать их в жизни; – потребность в самоизменениях соотносится с содержательными характеристиками личности (потребности, ценности, мотивы) и отвечает на вопрос, насколько личность стремится к изменениям; – показатель психической ригидности, ограничивающей индивидуальные возможности изменяемости; – вера в потенциал саморазвития (влияние установок, убеждений, имплицитных концепций, влияющих на саморазвитие)	Опросник для диагностики потенциала самоизменений личности В.Р. Манукян, И.Р. Муртазина, Н.В. Гришина Тест готовности к саморазвитию В. Павлова
Деятельностный	– Способность к активной деятельности и самоорганизации; – коммуникативные и организационные навыки	– Способность к планомерной деятельности, целеустремленность, настойчивость; – склонность к приложению волевых усилий для завершения начатого дела и упорядочения активности; – самоорганизация как склонность к использованию внешних средств организации деятельности; – ориентация на настоящее; – способность к эффективному общению и организационной деятельности	Шкала общей самоэффективности (General Self-Efficacy Scale, GSE) Методика выявления коммуникативных и организаторских способностей (КОС-2)
Оценочно-содержательный	– Самопонимание, самопознание – обобщенный образ «Я» – «Я»-концепция	– Глобальное самоотношение; – уровень самоуважения и аутосимпатии; – ожидания отношения; – самоинтерес; – ожидания отношения других; – самоуверенность; – самопринятие; – самопоследовательность; – самообвинение. Образ «Я», образ профессионала – сотрудника ФСИН России	Методика исследования самоотношения В.В. Столина, Р.С. Пантелеева Методика психосоматической диагностики скрытой мотивации (ПДСМ), разработанная И.Л. Соломиным (адаптированная Т.В. Филипповой , Т.Г. Мухиной)
Рефлексивно-результативный	– Способность к рефлексии и планированию	– Владение навыками определения собственной эффективности; – осознание процесса и результата саморазвития; – выполнение программы профессионального саморазвития	Опросник самоорганизации деятельности, ОСД Е.Ю. Мандрикова Шкала общей самоэффективности (General Self-Efficacy Scale, GSE)

заключая контракт о службе в УИС. Им предоставляются все установленные для сотрудников льготы, включая денежное довольствие, питание и проживание в общежитии.

2. *Педагогическое обеспечение профессионального саморазвития курсантов выделено в качестве отдельной задачи в воспитательном и образовательном процессах, происходящих в образовательной среде ведомственной образовательной организации.*

Реализация потенциала педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России возможна лишь при условии осознания его ценности всеми субъектами и участниками образовательной организации. Формирование ценностного поля, в котором педагогическое обеспечение профессионального саморазвития воспринимается не как внешняя задача, а как внутренний ресурс развития, выступает

ключевым условием достижения целевого блока модели.

В условиях высшего образования происходит качественная трансформация личности обучающегося: возрастает уровень личностной и академической автономии, что актуализирует субъектную роль обучающегося в конструировании собственной профессиональной траектории [14]. В этой связи именно самостоятельная образовательная и профессиональная деятельность становится ведущим фактором организации жизнедеятельности. На начальных этапах обучения курсантов воспитательное воздействие играет ключевую роль, когда они, обладая ограниченным профессиональным опытом, находятся на начальной ступени профессионального развития и адаптируются к среде образовательной организации. Ключевым условием успешного профессионального становления и дальнейшего развития выступает функционирование образовательной среды, способствующей развитию профессиональных мотивов и интересов, мотивационно-ценностного отношения к профессиональному росту, что обеспечивает устойчивую интенцию курсантов на профессиональное саморазвитие. Вместе с тем необходимо отдавать отчет в том, что речь идет именно о создании и управлении благоприятными условиями, а не о развитии исключительно усилиями представителей образовательной среды – профессорско-преподавательского состава, так как каждый курсант должен самостоятельно наметить пути и определить средства, необходимые для формирования профессиональных качеств, установить цели и задачи саморазвития, сформировать жизненную позицию и принципы, которым необходимо следовать в профессиональной сфере.

3. *Включение курсантов в различные направления аудиторной и внеаудиторной деятельности.*

Саморазвитие курсантов неразрывно связано с осознанным использованием ресурсов образовательной среды и ее потенциала. А.В. Хуторской следующим образом понимал принцип открытого содержания образовательной среды вуза: как «предполагающий не усвоение учеником образовательной среды во всей ее необъятности и великом многообразии, а умение действовать в ней продуктивно, опираясь на собственную позицию и выстраивая индивидуальную образовательную траекторию» [15]. Представляет интерес позиция Е.А. Щурова, который определяет следующие условия саморазвития курсантов, т.е. развития позитивной мотивации в сфере саморазвития и самообразования:

– интерес к формам и методам обучения;

– создание ситуаций успеха; актуальность и практическая значимость предметного содержания;

– постоянное обновление содержания учебных дисциплин; оптимальное соотношение теории и практики в содержании обучения [14].

Внеаудиторная деятельность курсантов осуществляется в свободное от аудиторных занятий время (чаще всего во время или вместо самоподготовки) и является важной составляющей образовательного процесса, неразрывно связанной с аудиторной деятельностью образовательных организаций ФСИН России. Курсанты имеют возможности реализовать свои интересы и потребности в образовательной среде следующим образом:

– онлайн-курсы и образовательные ресурсы (современные технологии позволяют курсантам самостоятельно повышать свой профессиональный уровень, изучать новые темы и получать знания через онлайн-платформы: курсы, вебинары, видеолекции и другие образовательные ресурсы);

– самооценка и рефлексия (самостоятельно либо при содействии куратора анализировать свои достижения и ошибки в учебной и внеучебной деятельности, задавать себе вопросы о своих сильных и слабых сторонах, разрабатывать планы, а также определять направления для своего дальнейшего профессионального саморазвития);

– работа со специализированной литературой (изучение учебников, научных статей, журналов и других источников информации, связанных со сферой профессиональных интересов, и, при желании или необходимости, обсуждение полученной информации с куратором);

– участие в научных конференциях, семинарах, симпозиумах и т.д. (курсант может самостоятельно или при содействии профессорско-преподавательского состава принимать участие в мероприятиях, организованных в области его профессиональных или личностных интересов);

– участие в научно-исследовательской деятельности (самостоятельное осуществление исследований способствует индивидуальному развитию и профессиональному саморазвитию, расширению знаний, совершенствованию аналитических и исследовательских навыков);

– практическое обучение и стажировка (в процессе обучения в образовательных организациях ФСИН России предусмотрено наличие учебных практик в территориальных органах и подразделениях ФСИН России, где курсант

сможет получить практический опыт работы и применить свои знания на практике, а также построить траекторию дальнейшей профессиональной деятельности);

– общение с опытными профессионалами в рамках процесса обучения и воспитания (научные кружки, спортивные и различные воспитательные мероприятия; изучение опыта и знаний более опытных и квалифицированных специалистов в своей области, общение с ними, получение рекомендаций и иных форм поддержки и т.д.).

Как правило, именно в научно-исследовательском направлении воздействие профессорско-преподавательского состава на личность курсанта приобретает наиболее персонифицированный характер. Именно при данной форме взаимодействия особенно проявляется субъект-субъектный подход во взаимодействии педагога и курсанта, а также создаются связи учитель – ученик, наставник – наставляемый [16].

4. *Педагогическое обеспечение профессионального саморазвития курсантов осуществляется куратором из числа профессорско-преподавательского состава образовательной организации.*

В структуре предложенной модели профессорско-преподавательский состав – кураторы/наставники позиционируются как ключевая категория педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России, так как именно деятельность кураторов имеет системообразующее значение в рамках образовательного и воспитательного процессов, в силу реализации ряда интегративных функций, обеспечивающих целостность, управляемость и результативность педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов.

Содержание деятельности куратора определяется комплексом задач как традиционных, так и определяемых в реальном времени:

– ценностно-ориентационная (куратор осуществляет трансляцию традиций служебной деятельности, тем самым способствует интериоризации курсантами профессиональных ценностей и формированию профессиональной идентичности, способствует реализации задатков, способностей курсантов в образовательной организации);

– интегративно-координационная деятельность (куратор выступает связующим звеном между субъектами образовательной организации – администрацией образовательной организации, профессорско-преподавательским составом и обучающимися, способствует осуществлению подлинного диалога между субъектами образовательного процесса, созданию и укреплению действующих социальных связей на каждом новом этапе развития обучающихся);

– адаптационно-социализирующая (куратор обеспечивает поэтапную социальную адаптацию и профессиональную социализацию курсантов, что способствует выработке траектории личностно-профессионального развития);

– диагностико-коррекционная (куратор имеет доступ и ресурсы для осуществления мониторинга не только индивидуально-психологических особенностей курсантов, но и академических, а также коммуникативных/социальных особенностей своих подшефных, что позволяет оперативно разрешать конфликты и организационные противоречия, неизбежно возникающие в процессе профессионального саморазвития; своевременно корректировать воспитательные воздействия с целью педагогического управления процессом профессионального саморазвития курсантов).

Модель педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России обладает системной завершенностью, отражает и воспроизводит структуру, свойства, взаимосвязи и отношения, а также этапы реализации педагогического обеспечения. Теоретическая обоснованность и структурная завершенность модели педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России подвергалась эмпирической проверке, позволяющей установить степень соответствия разработки реальным образовательным запросам и ресурсным особенностям образовательных организаций ФСИН России. В качестве апробации модели педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России в 2022–2024 гг. авторами было осуществлено пилотное исследование в виде анкетирования. Исследование было проведено среди 475 курсантов ФСИН России (Академия ФСИН России, Университет ФСИН России, Воронежский институт ФСИН России). Из них 272 – юноши, 203 – девушки. Возраст респондентов составил от 18 до 23 лет. Авторская анкета содержала 16 вопросов в формате открытых и закрытых ответов, которые были предложены для выявления актуальности темы профессионального саморазвития для курсантов, взаимодействия курсантов с офицерами в учебном заведении. Часть вопросов была задана таким об-

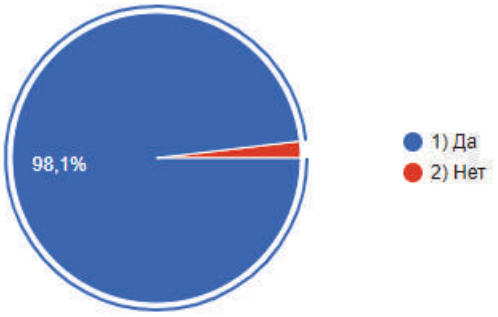

Рис. 2. Значима ли тема саморазвития в ходе Вашего обучения?

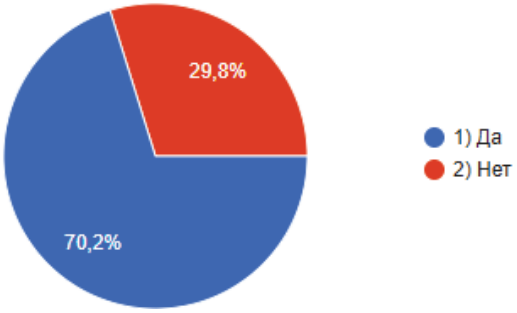

Рис. 3. Значима ли тема кураторства/наставничества в рамках учебного процесса?

разом, чтобы получить информацию о реализации всех структурных компонентов модели педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Результаты опроса представлены на рисунках 2–6.

98.1% курсантов отметили значимость и важность темы профессионального саморазвития в процессе обучения, что подтверждает актуальность исследовани я, а также формирования целевого и результативного блоков модели профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России. Данные результаты позволяют сделать вывод о выраженности ценности саморазвития у курсантов, а также о наличии ярко выраженной потребности у курсантов в овладении инструментами саморазвития в рамках первичной профессионализации в образовательных организациях ФСИН России.

Доминирующая тенденция в выборке – 70.2% курсантов – эмпирически подтверждает необходимость закрепления кураторства как системообразующего механизма в содержательном и процессуальном блоках модели педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России.

68% курсантов указали, что испытывают потребность в кураторе, наставнике, что отражает открытый запрос обучающихся на содействие профессиональному саморазвитию со стороны профессорско-преподавательского состава. Вместе с тем стоит отметить, что обучающиеся, в силу различных причин, не всегда могут грамотно оценить свой личностный потенциал и зачастую именно ценностно-ориентационная деятельность профессорско-преподавательского состава способствует профессиональному саморазвитию курсантов в образовательной среде вуза, что дополнительно актуализует содержательный блок представленной модели.

Рассматривая вопрос о значимости фигуры куратора, 85.6% курсантов указали, что наставник-офицер является для них таковой. 59.3% указали на значимость наставника-курсанта (рис. 5, 6). Данные результаты способствовали конкретизации модели профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России и исключению из модели педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов-наставников, деятельность которых способствует трансляции традиций служебной деятельности, однако не носит системный характер, сосредотачиваясь на адаптации к условиям обучения в образовательной организации курсантов младших курсов.

Таким образом, педагогическое обеспечение профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России –

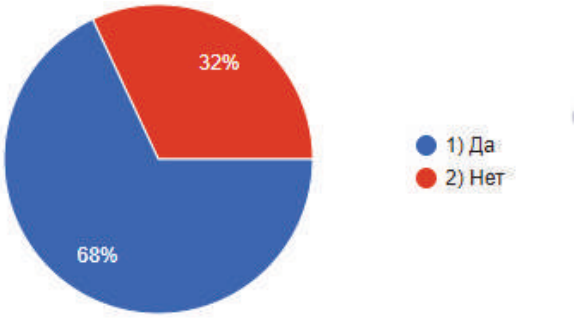

Рис. 4. Испытываете ли Вы потребность в кураторе/наставнике?

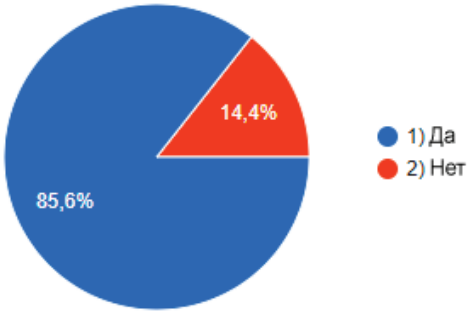

Рис. 5. Является для Вас значимым куратор/наставник в образовательном учреждении?

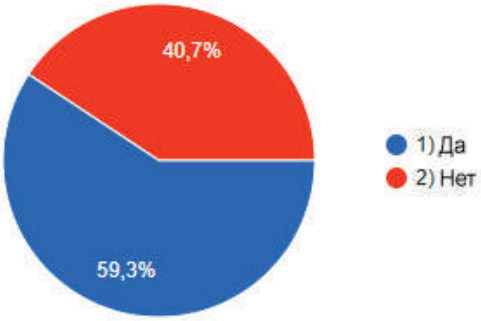

Рис. 6. Является для Вас значимым наставник-курсант в образовательном учреждении?

это актуальная и важная задача, которая требует совместных действий со стороны всех субъектов, включенных в образовательную среду: педагогов, воспитателей, курсантов и т.д. Важно отметить, что формирование устойчивой интенции к профессиональному саморазвитию у курсантов в педагогическом плане должно закладываться с самого начала получения профессионального обучения и является одной из важных задач при подготовке кадрового состава ФСИН России.

Выводы

На основе анализа научной литературы, системного, деятельностного, личностно ориентированного и индивидуального научных подходов к проблеме профессионального саморазвития, исследования основополагающих нормативно-правовых документов Российской Федерации, ФСИН России, а также моделирования выявлены возможности педагогического обеспечения, дополняющие современные научные представления о профессиональном саморазвитии курсантов в образовательных организациях ФСИН России; разработана модель педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России и выявлены организационные условия для ее реализации.

Модель педагогического обеспечения профессионального саморазвития курсантов позволяет: обосновать сущность и структуру процесса профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России; определять имеющиеся взаимосвязи в компонентах моделируемого процесса; диагностировать, давать оценку, а также сравнивать прогнозируемые в будущем и уже достигнутые результаты профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России.

Педагогическое обеспечение профессионального саморазвития курсантов образовательных организаций ФСИН России выступает условием устойчивого функционирования образовательной организации, реализуя социально-государственный заказ на подготовку высококвалифицированных кадров. В контексте ведомственной подготовки оно направлено на утверждение курсанта в позиции активного субъекта профессиональной деятельности, способного к целенаправленному профессиональному саморазвитию, рефлексивному осмыслению служебной деятельности и адаптации к динамичным требованиям путем управления процессами профессионального саморазвития.

Список литературы

1. Писаренко В.И. Педагогические модели: типология и особенности // Проблемы современного образования. 2024. № 1. С. 58–76.

2. Лодатко Е.А. Типология педагогических моделей // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 1 (16). С. 126–128.

3. Кудаков О.Р. Методологические подходы в российском образовании: Предпосылки теории подходов. Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2017. 176 с.

4. Методы системного педагогического исследования: Учеб. пособие / Н.В. Кузьмин и др. М.: Нар. образование, 2002. 207 с.

5. Мухина Т.Г., Филиппова Т.В. Теоретические аспекты психолого-педагогического обеспечения наставничества в уголовно-исполнительной системе // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 1 (38) С. 38.

6. Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепции и технологии: Монография. Волгоград: Перемена, 1994. 150 с.

7. Подласый И.П. Педагогика: Новый курс: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 кн. М.: Владос, 2001. Кн. 1: Общие основы. Процессы обучения. 576 с.

8. Селевко Г.К. Педагогические технологии на основе информационно-коммуникативных средств. М.: НИИ школьных технологий, 2005. 208 с.

9. Филиппова Т.В. К вопросу о педагогическом обеспечении в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2020. № 20. С. 154–157.

10. Киселева Н.И. Научно-практические основы оптимизации социально-педагогической деятельности куратора в условиях модернизации образования: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2013. 30 с.

11. Шаршов И.А. Система критериев, показателей и уровней процесса профессионально-творческого саморазвития субъектов в вузе // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2008. Т. 1, № 13. С. 9–17.

12. Жалмурзин Р.Б. Воспитательная среда ведомственного вуза как средство формирования личности курсанта // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 3. С. 241–245.

13. Тимонин А.И. Концептуальные основы социально-педагогического обеспечения профессионального становления студентов вуза. Кострома, 2007.

14. Щуров Е.А. Саморазвитие курсантов в процессе профессиональной подготовки // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 4 (51). С. 33–36.

15. Хуторской А.В. Современная дидактика: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 2007. 638 с.

16. Филиппова Т.В., Мухина Т.Г. Педагогические аспекты обеспечения профессионального саморазвития курсантов в образовательных организациях ФСИН России // Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты: Сборник трудов конференции. Рязань, 07 февраля 2025 года. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2025. С. 228–231.

MODEL OF PEDAGOGICAL SUPPORT FOR PROFESSIONAL SELF-DEVELOPMENT OF CADETS IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

T.G. Mukhina, T.V. Filippova

The relevance of the article stems from the modernization of Russian education, where continuous professional self-development is necessary for effective professional practice. The article addresses the issue of pedagogical support for the professional self-development of cadets at education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia.

The purpose of this study is to substantiate the developed model of pedagogical support for this self-development and to determine the conditions for its effectiveness. The study is based on systems approach, activity-based, person-centered, and individual approaches. The model was tested in a pilot study (2022–2024) involving 475 cadets at universities of the Federal Penitentiary Service. The study describes the structure of the model, which comprises objective, content, procedural, and outcome components. A system of criteria for assessing the level of cadets' professional self-development has also been developed. The results confirm the significance of the research area and contribute to the scientific and methodological support of cadets' self-development.

Keywords: model of pedagogical support for professional self-development, pedagogical support, professional self-development, cadets, mentoring, educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia.

УДК 811.1/.8:378.14
DOI 10.52452/18115942_2026_3_312

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРЕЗЕНТАЦИОННЫМ И ДИСКУССИОННЫМ ФОРМАТАМ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ, ИЗУЧАЮЩИХ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ

© 2026 г.

Л.М. Зиннатуллина

Зиннатуллина Лилия Махарямовна, к.филол.н., доц.; доцент кафедры иностранных языков Казанского национального исследовательского технологического университета
globuskazan@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.04.2026
Статья принята к публикации 21.07.2026

Рассматриваются прагматические стратегии обучения презентационным и дискуссионным форматам на иностранном (английском) языке для инженерных специальностей в качестве средства развития навыков публичного выступления и проектной коммуникации будущих инженеров. Автор предлагает модель обучения публичным выступлениям, основанную на прагматических стратегиях, интегрированную в стандартный формат обучения. Интеграция коммуникативного подхода с прагматическими стратегиями иноязычного обучения позволяет формировать у студентов умения аргументированного представления инженерных решений, участия в командных обсуждениях и публичной защиты проектов. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований предложена модель учебного курса, включающая последовательность заданий по поэтапному формированию навыков презентации и межкультурной дискуссии в профессиональном контексте. Представлены результаты научно-экспериментальной работы со студентами технического университета, подтверждающие эффективность целенаправленного формирования прагматических стратегий (структурирования высказывания, управления вниманием аудитории, речевого вежливого несогласия, смягчения критики и др.).

Ключевые слова: прагматические стратегии, презентация, дискуссионный формат, профессиональная среда, инженерное образование.

Введение

Для современного инженерного образования характерно усиление роли коммуникативной составляющей профессиональной подготовки, связанной с необходимостью участия инженеров в международных проектах, сетевых коллаборациях и публичной защите результатов исследований. Иноязычная, в частности англоязычная, подготовка в техническом вузе сегодня не ограничивается формированием общих языковых навыков, а рассматривается как полноценный инструмент включения будущего инженера в глобальную профессиональную среду. Одним из ключевых требований к выпускнику инженерного направления становится способность ясно и убедительно презентовать проектные решения, аргументировать позиции в междисциплинарных командах и конструктивно вести дискуссию на английском языке. Исследователи отмечают, что актуальность данной темы сегодня широко признается: в доктрине «Национально-технологическая инициатива до 2035 года» подчеркивается, что инженеры нового поколения должны быть способны к работе в экспортно ориентированном секторе экономики страны, что предполагает усиление роли иностранного языка у студентов инженерного профиля [1, с. 3].

Как отмечает Ю.Ю. Ковалева, студенты испытывают наибольшие затруднения в осуществлении иноязычной коммуникации в научно-исследовательской сфере общения; их речь, как утверждает исследователь, ограничивалась простыми ответами на вопросы о том, где они получили образование, какой специальностью владеют [2, с. 197]. Многочисленные исследования (Ковалева, 2016; Воякина, 2020; Жарова, 2024; и др.) подтверждают недостаточную сформированность навыков публичного выступления у студентов неязыковых вузов, а также преобладание формального подхода к подготовке презентаций

и докладов. В результате иноязычная публичная речь часто сводится к чтению текстов со слайдов, отсутствию взаимодействия с аудиторией и неумению реагировать на вопросы и возражения.

Цель данной статьи, таким образом, заключается в теоретическом обосновании и экспериментальной проверке системы обучения презентационным и дискуссионным форматам в инженерных специальностях на основе комплекса прагматических стратегий, направленных на развитие навыков публичного выступления и проектной коммуникации студентов-инженеров.

Материалы и методы

Исследования, посвящённые иноязычной подготовке студентов инженерных специальностей, подчёркивают значимость профессионально ориентированной коммуникации и проектной деятельности как условий формирования комплексной коммуникативной компетенции.

Согласно исследованиям сервисов «Работа.ру» и «СберПодбор», в 2026 году 65% работодателей назвали рабочие профессии наиболее востребованными, при этом 45% подчёркивали важность инженеров и технических специалистов [3].

Исследователи, как российские, так и зарубежные, отмечают, что в условиях постиндустриальной революции деятельность инженера расширяется, усложняется и уже не сводится к набору лишь фундаментальных знаний и навыков [4]. Сегодня это растущая сложность продукции, которая производится в мире, и усложнение технологических процессов, и проникновение в инженерию задач из разных сфер жизнедеятельности, включая социальную и гуманитарную.

Современный инженер должен обладать комплексом знаний и навыков, которые позволяют эффективно работать в различных условиях – так называемые VUCA: Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity (пер. – Нестабильность, Неопределенность, Комплексность, Неоднозначность) [5, 6]. К таким требованиям относятся: фундаментальные знания (естественнонаучные основы: математика, физика, химия, информатика); междисциплинарные знания (в данную категорию зачастую относят не только знания из смежных дисциплин, как физика, химия и др., но и порой – социально-гуманитарные знания); критическое мышление; способность решать неструктурированные задачи. Помимо данных задач, для успешной работы инженеру необходимы и способность к быстрой адаптации и социально-профессиональной мобильности, и главное – навыки коммуникации и сотрудничества [7].

Е.Ю. Воякина, анализируя коммуникативные навыки студентов неязыковых вузов России и трудности, с которыми они сталкиваются, приходит к выводу, что проблемы, связанные с обучением говорению и публичному выступлению, в частности, можно разделить на четыре группы: стеснение студентов говорить на английском языке (исследователь связывает это со страхом ошибиться, подвергнуться критике и высмеиванию); ограниченность языковых ресурсов для решения коммуникативной задачи – ограниченность словарного запаса, недостаточная развитость коммуникативной компетенции; ограниченность объема информации по обсуждаемым темам даже на родном языке; низкая мотивированность к иноязычному общению [8, с. 127].

Наибольшую проблему для обучения студентов говорению и публичному выступлению представляет языковой барьер, психологическая установка студентов, часто возникающий из-за низкой самооценки студента, недостаточного уровня знаний на изучаемом языке, боязни насмешек и критики. Исследователи сходятся во мнении, что основным способом избавления от языкового барьера могут стать повышение мотивации к использованию иностранного языка, упражнения, базирующиеся на творческих или командных работах, которые способны вызвать интерес у обучающихся, а также предоставление студентам различных видов языкового материала, включая моделирование различных коммуникативных ситуаций [9].

Российские авторы, анализирующие развитие навыков публичного выступления в техническом вузе, отмечают, что традиционные упражнения (монологические сообщения, чтение рефератов) не обеспечивают достаточного уровня сформированности умений управления голосом, использования невербальных средств, структурирования выступления и работы с аудиторией (Воякина, 2020; Кирюшина, 2024; Киселева, 2023). Предлагаются поэтапные модели формирования навыков публичного выступления на иностранном языке, включающие знакомство с жанром, целенаправленную отработку языковых и риторических средств, тренинг невербального поведения и рефлексию [10].

Отдельное направление исследований связано с проектной деятельностью студентов-инженеров при обучении английскому языку, где презентация рассматривается как завершающая стадия

проектного цикла и средство формирования профессиональной идентичности будущего специалиста [11]. Исследователи отмечают, что участие в проектной работе на иностранном языке способствует практическому применению полученных знаний, освоению специальной терминологии, развитию навыков публичной защиты результатов, повышению мотивации к изучению языка, развитию критического мышления [12, с. 3].

Более широкий подход в педагогике и риторике описывает универсальные принципы успешной презентации: чёткое определение цели, ориентация на запросы аудитории, логическая структура выступления, визуальная лаконичность и акцент на ключевых смыслах [13]. Исследования по развитию коммуникативной иноязычной компетенции подчёркивают важность прагматических стратегий вежливости, смягчения несогласия, аргументации и управления взаимодействием в обсуждении сложных профессиональных вопросов [14].

Под прагматическими стратегиями в контексте обучающего курса понимается совокупность осознанно формируемых способов организации и интерпретации высказывания, направленных на достижение коммуникативной цели в условиях публичного выступления или дискуссии. Прагматика, как отмечают исследователи, описывает факты языка в аспекте человеческой деятельности, изучает язык в плане его функционального употребления, то есть в задачу прагматики входит раскрыть, в каких условиях и с какой целью в данном случае говорит человек [15, с. 192]. В контексте преподавания иностранного языка, для формирования прагматической компетенции необходимо обеспечить понимание и знание того, какие языковые средства уместны при каких речевых обстоятельствах. Коммуникативная компетенция не может быть достигнута полноценно без развития прагматической компетенции – фоновых знаний, которые объяснят, что, зачем и когда уместно говорить.

Основываясь на работах современных исследователей (Горгадзе, Грицай, 2016; Воякина, 2020; Волчек, 2025), мы выделили следующие стратегии, необходимые для введения прагматической составляющей в инженерное образование:

1) Стратегии структурирования выступления, которые включают в себя обозначение цели и плана выступления; логическую маркировку переходов между частями [16]; выделение ключевых выводов и рекомендаций;

2) Стратегии управления вниманием аудитории: подготовка и использование вопросов к аудитории, кратких примеров и кейсов для разбора, визуальных акцентов; тренировка темпа и интонации, паузы перед ключевыми тезисами, что требует дополнительной подготовки при помощи преподавателя, в частности, для правильного введения иноязычной (английской) интонации и паузации; формулирование и введение проблемной ситуации в начале презентации;

3) Стратегии аргументации, что подразумевает построение логически связной аргументации, для которой в свою очередь необходима подготовка фактологической базы: данных экспериментов, расчётов и стандартов; подготовка и использование языковых средств выражения причинно-следственных связей и выводов (например, «Due to safety concerns», «as a consequence of»; «as a result, the efficiency of the process decreases», «this suggests that»);

4) Стратегии вежливого несогласия и смягчения критики в дискуссии, которые важны не только для выступающих, но и для слушателей, в частности во время подготовки выступлений в связке студент–студент [17]. Данный пункт подразумевает введение преподавателем формул косвенного несогласия и уточнения позиции собеседника («I see your point, but I’m not sure this approach is», «That’s a good point, but», «With all due respect, I would question the assumption that»); лингвистических средств смягчения критических замечаний с помощью модальных конструкций и оговорок («This solution might be a bit too costly for the pilot stage», «From my perspective, the control system might be overly complex»);

5) Стратегии сотрудничества в проектной коммуникации, которые помимо выполнения основной задачи так же помогут в развитии стратегий командной работы, которая, как часть гибких навыков, является одной из основополагающих целей для подготовки конкурентоспособных инженеров [18]. Данный пункт включает в себя распределение ролей в подготовке презентации; использование включающих форм («we suggest», «our team proposes») для репрезентации командной ответственности; рефлексивное обсуждение результатов и перспектив дальнейшей работы в финале выступления.

Данные стратегические компоненты могут быть интегрированы в систему заданий, где каждый этап курса нацелен на отработку определённого блока прагматических умений с последующим их синтезом в формате итоговой проектной защиты.

Результаты и обсуждения

Научно-экспериментальная работа проведена со студентами-бакалаврами первого курса Казанского национального исследовательского технологического университета, кафедры профессиональной коммуникации по направлениям подготовки: «Химическая технология», «Управление качеством», «Техносферная безопасность», по дисциплине «Иностранный язык» с уровнем владения английским языком A1, A2, B1, проходящими дисциплину в течение трех семестров. Работа включала в себя два этапа, первый был посвящен теоретическому исследованию по проблеме, составлению плана занятий, второй – опытно-экспериментальной работе со студентами, где вводились три взаимосвязанных модуля: «Основы публичного выступления», «Проектная презентация» и «Дискуссия и Q&A в инженерном контексте».

Модуль 1. Основы публичного выступления

На данном этапе студенты знакомились с жанром инженерной презентации, анализировали образцы успешных выступлений (в том числе видеозаписи докладов на технических конференциях, научные лекции в университетах по направлению инженерной подготовки, научно-популярные лекции с последующими дискуссиями), выделяли их структурные и прагматические особенности.

Для данного модуля важно выполнение упражнений на развитие следующих навыков: самопрезентация, формулирование целей выступления и ключевого сообщения, использование средств логической организации, базовые навыки невербального поведения и работы с голосом.

Нами были отобраны следующие упражнения в данном модуле.

1. *Самопрезентация*

Упражнение – «Самопрезентация в контексте проекта».

Цель: представить себя в роли участника инженерной команды.

Студентам раздаются карточки с ролями: project manager, process engineer, safety engineer, data analyst и т.п. В малых рабочих группах каждый готовит самопрезентацию «в роли» (who I am, what I'm responsible for, what my main challenge is). После выступления каждый слушатель задаёт один уточняющий вопрос (Q&A на 1–2 минуты).

2. *Средства логической организации*

Упражнение – «Рассыпавшаяся презентация».

Цель: отработать маркеры структуры (first, then, however, as a result и т.п.).

Студентам раздаются карточки, на которых разобранная на отдельные куски техническая презентация. Задача студентов в группах – восстановить порядок и добавить логические связки. Примеры вводимой лексики: First/The aim of this presentation is…; Next/Then/After that…; However/On the other hand…; Finally/To sum up/In conclusion…

3. *Невербальное поведение*

Упражнение – «Три версии тела».

Цель: почувствовать разницу между закрытой, нейтральной и открытой позой.

Студентам даются объяснения о невербальном общении, преподаватель показывает и объясняет значения трех поз: закрытой (скрещенные руки, взгляд вниз); нейтральной (руки спокойно, минимальная жестикуляция); открытой (раскрытые ладони, ровная осанка, зрительный контакт). После этого студенты выступают в группах по три человека: один говорит 30 секунд о нейтральной теме («My typical study day»), меняя позу по сигналу преподавателя (closed → neutral → open). Слушатели после каждого варианта кратко описывают ощущения: доверие/интерес/скука/напряжение.

Модуль 2. Проектная презентация

Студенты работают в мини-группах над небольшими проектами (в частности, мы выделяли такие темы, как разработка упрощённой технологической схемы, предложение инженерного решения прикладной задачи), готовя отчёт и презентацию на английском языке.

На данном этапе нами были отработаны навыки построения аргументации, выбора релевантных данных и визуализации результатов, распределение ролей в командном выступлении, построения сценария презентации с учётом ограничений по времени.

Модуль 3. Дискуссия и Q&A

Данный модуль смещает фокус к освоению дискуссионных форматов: короткой панельной дискуссии по результатам проектов, сессии вопросов и ответов, ролевого моделирования проектных совещаний.

На данном этапе тренируются такие навыки, как стратегии вежливого несогласия и уточнения позиции партнёров; умения задавать уточняющие и критические вопросы; удержание профессионально-делового тона общения при конфликте точек зрения.

По завершении работы по всем трем модулям среди студентов было проведено анкетирование с целью выяснить их отношение к

Таблица

Модуль	Доволен работой	Нейтральное отношение	Не доволен работой
Модуль 1. Основы публичного выступления	71%	12%	17%
Модуль 2. Проектная презентация	24%	42%	34%
Модуль 3. Дискуссия и Q&A	47%	32%	21%

данному проекту. Наиболее интересным для студентов стал Модуль 1: 71% обучающихся отметили, что задания им понравились, в частности многие (35%) выделили информацию по невербальному общению. Модуль 2, где было необходимо собрать саму презентацию и выступить с ней, студентам понравился меньше (24% ответили, что удовлетворены результатами работы), однако 74% признали, что подобные занятия полезны и многому способны их обучить. Часть студентов (27%) отметили, что чувствуют себя некомфортно, выступая перед публикой. Модуль 3 также оказался успешным: 47% обучающихся выделили его пользу, 62% отметили, что познакомились с новой лексикой. Кроме того, формат Q&A показался студентам интересным и необычным. Результаты по трем модулям для наглядности представлены в таблице.

Вторым этапом нашей научно-экспериментальной работы стал эксперимент по подготовке выступления в небольших группах. Контрольные группы занимались по традиционному подходу с уделением большего количества времени на лексико-грамматическую подготовку доклада, подготовку текста. Экспериментальная группа занималась по вышеописанной системе.

Анализ результатов показал, что в экспериментальной группе доля студентов (64%), продемонстрировавших высокий уровень структурной организации выступления и эффективного взаимодействия с аудиторией, значительно увеличилась по сравнению с контрольной группой (36%), обучавшейся по традиционной программе. Участники экспериментальной группы также чаще использовали маркеры структурирования, средства смягчения несогласия и более разнообразные аргументативные конструкции в ответах на вопросы.

Заключение

Полученные результаты подтверждают тезис о том, что целенаправленное формирование прагматических стратегий при обучении презентационным и дискуссионным форматам способствует комплексному развитию навыков публичного выступления и проектной коммуникации будущих инженеров. В отличие от традиционных подходов, уделяющих основное внимание лексико-грамматической стороне речи и подготовке текстов докладов, предложенная модель акцентирует внимание на осмысленном управлении коммуникативной ситуацией, аудитории и взаимодействии в команде.

Опытно-экспериментальная работа со студентами показала прирост уровня организации выступлений, командной работы и эффективности взаимодействия с аудиторией. Кроме того, внедрение экспериментальных заданий оказало влияние на рост мотивации у студентов, занимавшихся по экспериментальной программе, по сравнению с традиционным подходом у контрольной группы.

Отметим также, что важным показателем эффективности нашей программы стала встроенность в профессиональный контекст: тематика проектов, терминология и типы визуализации были непосредственно связаны с инженерными задачами студентов. Подобная интеграция обеспечивает высокую мотивацию и позволяет рассматривать презентацию не как формальное учебное задание, а как важный инструмент профессиональной самореализации.

Таким образом, исследование показывает, что внедрение комплекса прагматических стратегий в систему обучения английскому языку у студентов инженерных специальностей позволяет повысить качество подготовки в области публичных выступлений и подготовки презентаций. Кроме того, в процессе студенты учатся техникам самопрезентации, тренируют лексические связки и умение высказывать критику в призме прагматики английского языка. Разработанная модель курса, основанная на сочетании коммуникативного и прагматического подходов, способствует

формированию у будущих инженеров умений структурированного представления инженерных решений, аргументации, ведения дискуссии, высказывания критических замечаний и взаимодействия с аудиторией в условиях профессиональной иноязычной коммуникации.

Список литературы

1. Жарова Ю.В. Обучение студентов инженерного профиля иноязычной публичной речи на основе междисциплинарного проекта: Дис. ... кандидата педагогических наук: 5.8.2 / Жарова Юлия Витальевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»; Диссовет 24.2.344.01 (Д 212.163.02)]. Томск, 2024. 197 с.

2. Ковалева Ю.Ю. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции будущего инженера в сфере научно-исследовательской деятельности средствами проектной работы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56). С. 197–200.

3. Исследование наиболее востребованных профессий в ближайшие годы. URL: https://ria.ru/20260119/professiya-2068671120.html (дата обращения: 25.05.2026).

4. Чучалин А.И. Инженерное образование в эпоху индустриальной революции и цифровой экономики // Высшее образование в России. 2018. № 10. С. 47–62.

5. Kamp A. Engineering education in the rapidly changing world: rethinking the vision for higher engineering education. 2nd rev. ed. Delft, 2016. 88 p.

6. Rauf A.S. et al. MOOCs in Engineering Education – a literature review // Regional Conference in Engineering Education 2016. Kuala Lumpur, Malaysia. P. 1–5.

7. Ануфриева Т.Н. Компонентный состав гибких навыков современного инженера. Научно-педагогическое обозрение // Pedagogical Review. 2023. № 4 (50). С. 7–16. DOI: 10.23951/2307-6127-2023-4-7-16.

8. Воякина Е.Ю. Формирование навыков публичного выступления на иностранном языке у студентов неязыковых вузов // Педагогика. Теория и методика профессионального образования. Университет им. В.И. Вернадского. 2020. № 1 (75). С. 125–134.

9. Дронова С.Ю. Преодоление языкового барьера у студентов при развитии коммуникативной компетенции в иностранном языке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 29 (3). С. 596–607. DOI: 10.20310/1810-0201-2024-29-3-596-607.

10. Сарханова Ш.И., Кирюшина О.В. Развитие навыков публичных выступлений в процессе обучения иностранному языку на уровне общего образования // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2024. № 06 (95).

11. Волчек О.С. Проектная работа студентов инженерных специальностей на уроках английского языка // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 7–2 (106). С. 75–80. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-7-2-75-80.

12. Саитова Н.А. Проектная деятельность как способ формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2022. № 2 (29). С. 1–7.

13. Гниненко Ю.И. Презентация как вид устного публичного выступления: Presentation as a type of oral public speech // Вектор научной мысли. 2026. № 1 (30). С. 483–487. DOI: 10.58351/2949-2041.2026.30.1.004.

14. Исраилова Л.Ю., Эльжуркаева М.Я. Развитие прагматической компетенции студентов при использовании коммуникативных стратегий вежливости в английском языке // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 15 (6-2). С. 43–53. DOI: 10.25726/s0709-4464-0153-r.

15. Горгадзе Л.Н., Грицай И.П. Прагматический подход в преподавании иностранного языка студентам неязыкового вуза // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 9. С. 191–193.

16. Левчаева Н.В. Этапы формирования публичного выступления и его композиционные части // Мир науки и образования. 2016. № 3 (7). С. 19.

17. Филиппов К.А. К вопросу о прагматике вежливого несогласия с партнером по коммуникации (на материале немецкого языка) // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. Т. 13. С. 330–345.

18. Зиннатуллина Л.М. Развитие навыка командной работы на занятиях по иностранному языку в инженерном образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 3 (79). С. 244–249.

PRAGMATIC STRATEGIES FOR TEACHING PRESENTATION AND DISCUSSION FORMATS IN ENGINEERING SPECIALTIES

L.M. Zinnatullina

Kazan National Research Technological University

This article examines pragmatic strategies for teaching presentation and discussion formats in a foreign language (English) for engineering majors as a means of developing public speaking and project communication skills in future engineers. The author proposes a model for teaching public speaking based on pragmatic strategies, integrated into a standard educational format. Integrating a communicative approach with pragmatic strategies in foreign language teaching helps develop students' skills in presenting engineering solutions in a reasoned manner,

participating in team discussions, and publicly defending projects. Based on an analysis of domestic and international research, a model course is proposed that includes a sequence of assignments for the step-by-step development of presentation skills and intercultural discussion in a professional context. The results of a scientific and experimental study with students at a technical university are presented, confirming the effectiveness of the targeted development of pragmatic strategies (structuring statements, managing audience attention, polite verbal disagreement, mitigating criticism, etc.).

Keywords: pragmatic strategies, presentation, discussion format, professional environment, engineering education.

УДК 372.8
DOI 10.52452/18115942_2026_3_319

МЕЖПРЕДМЕТНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ФИЗИКИ И МАТЕМАТИКИ В РАМКАХ ПРОПЕДЕВТИЧЕСКОГО ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ

© 2026 г. ***С.В. Полушкина, А.А. Зуборева, Т.И. Овсецина, М.Р. Каткова***

Полушкина Светлана Владимировна, к.пед.н.; доцент кафедры кристаллографии и экспериментальной физики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Polushkina@phys.unn.ru
Зуборева Анастасия Алексеевна, учитель физики и математики Школы № 128, Нижний Новгород
anastasiazuboreva@yandex.ru
Овсецина Татьяна Ивановна, к.ф.-м.н.; доцент кафедры кристаллографии и экспериментальной физики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ovsetsina@yandex.ru
Каткова Мария Ридовна, к.ф.-м.н.; доцент кафедры кристаллографии и экспериментальной физики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
maryinform@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.05.2026
Статья принята к публикации 16.07.2026

Рассматривается роль межпредметных связей физики и математики в школьном образовании. Обосновывается важность интеграции этих двух предметов для формирования у учащихся целостного представления о мире, развития их логического мышления и умения применять математические методы при решении физических задач. В рамках исследования поднимается вопрос о временном несоответствии учебных программ по физике и математике в основной школе. Для решения этой проблемы предлагается разработать и внедрить специализированный элективный курс на базе 6–7-х классов, который будет направлен на устранение разрывов в знаниях между этими предметами и повышение мотивации учеников к изучению междисциплинарных связей. В разработанном элективном курсе авторы выделили три последовательных этапа: подготовительный, этап воспроизведения и этап активного использования знаний. Реализация предложенной методики представлена на примере урока «Степень числа и свойства степени числа на уроках математики и физики». Внедрение данного курса в общеобразовательной школе № 128 привело к повышению уровня усвоения учебного материала по обеим дисциплинам.

Ключевые слова: межпредметные связи, элективный курс, обучение физике, обучение математике, степень числа.

Введение

Современные научные и технологические достижения задают направление развитию общества, что делает интеграцию различных областей знания в образовательном процессе особенно важной. Реализация межпредметных связей в процессе обучения является важным аспектом формирования всесторонне развитой личности учащихся. Она позволяет комплексно использовать знания из разных наук и создать условия для применения этих знаний в реальной жизни.

Проблема межпредметных связей была рассмотрена классиками: Я.А. Коменским [1], И.Г. Песталоцци [2], К.Д. Ушинским [3]. Они обосновывали в своих работах необходимость использования межпредметных связей для создания целостности системы знаний и мировоззрения у учеников.

Я.А. Коменский придавал большое значение межпредметным связям в образовательном процессе. Он полагал, что изолированное преподавание школьных предметов вредит полному и основательному образованию. Коменский утверждал, что пока каждый педагог учит только отдельному кусочку знаний, ученики будут видеть их как «кучу дров или хвороста, и никто не сможет понять, как они связаны между собой» [1, с. 115].

Мысль Я.А. Коменского о вреде изолированного преподавания нашла отклик в творчестве других педагогов, в том числе швейцарского педагога-демократа И.Г. Песталоцци, который

ставил перед собой задачу: «Приведи в своем сознании все по существу взаимосвязанные между собой предметы в ту именно связь, в которой они действительно находятся в природе» [2, с. 175].

Педагог и психолог К.Д. Ушинский подчеркивал важность межпредметных связей в обучении с психологической точки зрения. Он утверждал, что такие связи формируются через ассоциации, которые играют ключевую роль в процессе обучения и способствуют более глубокому пониманию и запоминанию материала [3].

В последние годы научный интерес к данной проблеме существенно возрос – это подтверждается большим числом публикаций и диссертационных работ, в которых рассматриваются возможные пути её разрешения. Например, Н.В. Егорова [4], О.В. Засядко [5] и др. в своих статьях рассматривают способы интеграции физики с другими предметами в школьном образовании с целью улучшения эффективности обучения. Авторы статей рассматривают различные стратегии и методы взаимодействия физики с другими предметами, ресурсы для совершенствования обучения и показывают, как межпредметные связи могут помочь ученикам лучше усваивать физику и смежные научные дисциплины.

Проблема активно изучается в диссертационных исследованиях (например, работы Н.М. Бурцевой [6], И.И. Масалиды [7], А.И. Гурьева [8] и др.). Авторы рассмотрели роль педагогических технологий в формировании межпредметных связей и описали результаты исследования, в котором выяснили, что межпредметные связи способствуют развитию учебно-познавательной активности учащихся. Диссертации также содержат примеры методик и рекомендаций для улучшения реализации межпредметных связей в школьной практике.

Одним из ключевых факторов успеха реализации межпредметных связей является соответствие данного подхода требованиям современного Федерального государственного образовательного стандарта [9]. Стандарт акцентирует внимание на формировании метапредметных результатов у учащихся, включающих межпредметные связи и понятия в учебном процессе.

Однако большинство научных работ ориентировано на старшую и высшую школу, где образовательный процесс обладает рядом специфических черт, отличающих его от обучения в основной школе.

Изучение физики в 7-м классе предполагает интеграцию знаний из смежных дисциплин, прежде всего математики. Тем не менее на ранних этапах обучения выявляются существенные пробелы в математических компетенциях школьников. Это создаёт когнитивные барьеры при усвоении физических понятий и ведёт к снижению познавательной активности.

Анализ бесед с учащимися показал, что затруднения в понимании отдельных тем по физике напрямую связаны с недостаточным владением математическим аппаратом: навыками составления и решения систем уравнений, выполнения алгебраических преобразований и геометрических построений. Наш эксперимент подтвердил, что лишь 16% семиклассников осознают взаимосвязь физики и математики, в то время как остальные испытывают трудности с переносом математических знаний в область физических задач (рис. 1).

На первом этапе решения сложившейся проблемы мы выполнили анализ учебных программ, календарных и поурочных планирований учителей физики и математики. Особенное значение придавалось последовательности изучения тем по физике и математике в основной и средней школе, начиная с 5-го класса. Была выявлена рассогласованность программ физики и математики, как во временном, так и понятийном несоответствии, которую из-за недостатка урочного времени невозможно компенсировать на уроках физики [10]. Эта застарелая проблема не может быть решена односторонними действиями учителя, как физики, так и математики. Мы предлагаем решить проблему внедрением в учебный процесс пропедевтического элективного курса, который сможет реализовать и укрепить межпредметную связь между физикой и математикой. Поскольку учителями было отмечено, что в ходе работы им приходится сталкиваться с недостатком методических разработок по реализации межпредметных связей на уроках физики и математики, поэтому наш курс снабжен детальным описанием методики его проведения. Конечной целью курса является повышение эффективности обучения как физике, так и математике.

Разработанная методика внедрения элективного курса в учебный процесс представлена на рисунке 2.

В основе методики реализации межпредметных связей физики и математики лежит пропедевтический элективный курс, помогающий учащимся 6-го класса изучить математическую основу, необходимую для дальнейшего эффективного изучения физики в 7-м классе. Идея

Рис. 1. Результаты констатирующего эксперимента

Рис. 2. Методика реализации межпредметных связей физики и математики для учащихся 6–7 классов в рамках пропедевтического элективного курса

курса состоит в устранении разобщенности изучения физики и математики до появления в школьной программе предмета «Физика», поэтому необходимо начинать дополнительные занятия с 6-го класса.

Элективный курс рассчитан на 34 академических часа, занятия проводятся один раз в неделю и проходят в форме урочной и внеурочной деятельности в 6–7-х классах.

Задачи курса:

✓ закрепление межпредметных связей, демонстрация синтеза различных наук;

✓ расширение математических знаний учащихся для повышения эффективности изучения физики;

✓ формирование познавательного интереса к физике;

✓ ориентация учащихся на выбор профиля, предусматривающего углубленное изучение физики [11].

При разработке элективного курса нами выделено три ключевых уровня: подготовительный, воспроизводящий и уровень активного применения знаний.

На начальном, подготовительном этапе учащимся необходимо повторить знания из курса математики 5-го класса, требуемые для дальнейшего изучения физики. Это действия с натуральным числом, простые и десятичные дроби, тела и фигуры в пространстве и т.д. Однако при решении задач учителю необходимо использовать не только математические величины, например x и y, но и обозначения, принятые в физике, что не меняет суть задачи, но вносит пропедевтический интерес учащихся к новому предмету. Данный этап проводится в III четверти 6-го класса.

Следующий, воспроизводящий этап элективного курса начинается в четвертой четверти 6-го класса, на уроках которой учителем вводится новый материал по математике. На этом этапе учащимися осваиваются полученные знания, но не только при решении математических задач, но и задач с элементами физического содержания, несущих пропедевтический характер, что соответствует возрастным особенностям восприятия данного материала [12].

Заключительный этап – это фаза активного применения полученных математических знаний на уроках физики, для учащихся данный этап наступает при переходе в 7-й класс.

Рассмотрим реализацию модели на примере урока элективного курса на тему «Степень числа и свойства степени числа на уроках математики и физики».

Для актуализации предложенного примера рассмотрим задание по физике для учащихся 7-го класса. На первых страницах учебника учащимся предлагается решить задачу: «За сколько лет молекулы воздуха покинут ограниченный объем, если их число составляет – $2{,}7 \cdot 10^{19}$ в 1 $см^3$? Молекулы просачиваются через щель по миллиону молекул в секунду» [13]. Данное задание предполагает умение работать со свойствами степеней, с которыми учащиеся познакомятся на уроках математики лишь в 8-м классе. Соответственно, учащимся 7-го класса в самом начале обучения физике достаточно трудно самостоятельно справиться с подобным заданием, что в первую очередь вызывает затруднение в понимании физики и снижает мотивацию и познавательную активность учащихся к изучению нового для них предмета.

Разработанный урок элективного курса направлен на достижение трех основных целей: обучающей, развивающей и воспитательной. Обучающая цель заключается в формировании у школьников навыков мыслительной деятельности при выявлении межпредметных связей физики и математики, а также умений применять свойства числа при решении физических задач. Развивающая и воспитательная цели урока предполагают совершенствование умений учащихся применять теоретические знания при решении практических задач, повышать познавательный интерес к физике и математике, расширяют метапредметный кругозор обучающихся.

Интегрированный урок направлен на формирование у учащихся ключевых математических понятий (степень числа, свойства степеней, пропорции) в контексте их практического применения при решении задач физического содержания. В ходе урока предусматривается закрепление навыков оформления задач и отработка умений применять свойства степеней на практике.

На этапе актуализации опорных знаний и умений учащихся (работа в группах) выполняются задания вида «Найдите ошибку в следующих математических выражениях с числами со степенями», «Вычислите неизвестный член пропорции». Учащиеся вместе с учителем освежают знания, которые будут применяться при решении физических задач.

Изучение нового материала начинается с примеров с элементами физического содержания: перевести величины скорости из км/ч в м/с, перевести значения физических величин из одной системы единиц измерения в другую (масса, сила, плотность), привести к выражению, содержащему степень, выразить компоненты из физических формул с помощью пропорции.

Первичное применение знаний происходит на основе решения задач. Каждой группе учащихся раздается карточка с задачей, на решение задач отводится ограниченное время, представители от групп у доски оформляют задачи. Оцениваются правильное и аккуратное оформление задачи и решение. Примеры задач: «За какое время солнечный свет достигает Земли, если расстояние от Земли до Солнца составляет примерно $150 \cdot 10^6$ км?» или «Скорость первого искусственного спутника Земли, запущенного в СССР в 1957 г., составляла примерно 28 080 км/ч. Определите путь, пройденный этим спутником за 5 минут» [14].

Рис. 3. Результаты итогового контроля

На этапе рефлексии подводятся итоги урока. Учитель обсуждает с учащимися, что проведенный урок является некоторым «мостом» между такими предметами, как математика и физика. Школьники видят, что математический аппарат является основой при изучении физики. В качестве объекта самостоятельного применения знаний и рефлексии уровня усвоения предлагается задача: «Масса Земли – $6 \cdot 10^{24}$ кг, масса Луны – $7.35 \cdot 10^{22}$ кг. Во сколько раз масса Земли больше массы Луны?»

Результаты и их обсуждение

Апробация разработанного элективного курса была проведена учителем физики и математики школы № 128 города Нижнего Новгорода А.А. Зуборевой. В эксперименте принимали участие 54 учащихся 6-х классов. Учащиеся экспериментальной группы посещали дополнительные занятия, которые проводились по разработанной методике, а ученики контрольной группы обучались по стандартной программе.

На начальном этапе для оценки уровня математических знаний учащихся обоих классов был проведен входной контроль, на котором проверялись базовые навыки вычислений, умение работать с дробями и решать геометрические задачи на нахождение периметра и площади фигур и т.п. Результаты показали, что 58% учащихся экспериментального класса успешно справились с заданиями, в контрольном классе процент успешности составил 61%. Наиболее успешно обе группы справились с заданиями на арифметические действия, трудности вызвали задачи по решению уравнений. Статистическая обработка результатов с помощью U-критерия Манна–Уитни подтвердила, что уровень математических знаний школьников не имеет значимых различий (Uэмп=337.6, что больше Uкр=268, при уровне значимости 0.05). Также школьники обоих классов показали низкие результаты при решении задач математического характера, которые станут основой для изучения ими физики в следующем году (преобразование формул, перевод единиц измерения, работа с графиками).

Далее в экспериментальном классе были проведены интегрированные уроки в рамках элективного курса с опорой на специально разработанные конспекты. Полученные знания отрабатывались на заданиях чисто математического содержания, а также с помощью задач, сочетающих математические методы с элементами физического содержания.

С нового учебного года ученики экспериментальной группы приступили к активному применению на уроках физики тех математических знаний и умений, которые они получили при посещении занятий элективного курса. В качестве итоговых результатов была проведена контрольная работа по окончании первой четверти 7-го класса с целью оценки эффективности реализованного курса. Для оценивания успешности выполнения работы использовался коэффициент усвоения материала: $К = \frac{M}{N}$, где M – средний балл учащегося, N – максимальный балл за работу. Если коэффициент лежал в интервале от 0 до 0.45 – ученик не справился с заданиями, больший коэффициент резюмировал успешность выполнения работы. Результаты итогового контроля представлены на рис. 3.

Из диаграмм видно, что учащиеся экспериментального класса справились с заданиями успешнее, чем учащиеся, которые данный курс не посещали. Применение U-критерия Манна–Уитни выявило статистически значимые различия между группами, так как полученное значение оказалось ниже критического порога для уровня значимости 0.05 (Uэмп=138.5<Uкр=268), что свидетельствует о более высоком уровне знаний в экспериментальной группе.

При устной беседе ученики, посещавшие пропедевтический элективный курс, отмечали, что при изучении физики не испытывают допол-

нительных трудностей с математическими операциями. В экспериментальном классе заметно снизился процент типичных ошибок: например, ошибок при переводе единиц измерения – в 1.8 раза меньше, чем в контрольной группе. Наблюдался более высокий уровень мотивации: 85% учащихся экспериментального класса отметили, что задания показались им интересными и полезными для понимания физики.

Заключение

Полученные результаты подтверждают эффективность разработанного пропедевтического элективного курса не только в контексте углубления математических знаний, но и в целенаправленной подготовке к изучению физики. Курс успешно реализует и укрепляет межпредметную связь между физикой и математикой. Это открывает перспективы внедрения аналогичных курсов в учебные планы для других классов и параллелей.

Список литературы

1. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения / Под ред. А.А. Красновского. М.: Просвещение, 1955. 652 с.

2. Песталоцци И.Г. Избранные произведения в трех томах / Под ред. М.В. Шабаевой, Т. 2. М.: Просвещение, 1963. 564 с.

3. Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 8. М.-Л., АПН РСФСР, 1950. 776 с.

4. Егорова Н.В. Реализация межпредметных связей в образовательном процессе по физике // Проблемы создания образовательной среды по физике в условиях реализации новых стандартов. Общеобразовательные учреждения, педагогические вузы: Доклады научно-практической конференции, Москва, 13–14 апреля 2016 года. М.: Московский государственный областной университет, 2016. С. 105–108.

5. Засядко О.В. Интеграция математики с различными школьными курсами (на примере физики) // Colloquium-Journal. 2020. № 11-5 (63). С. 72–79.

6. Бурцева Н.М. Межпредметные связи как средство формирования ценностного отношения учащихся к физическим знаниям: Автореф. дис. ... к.пед.н. СПб., 2001. 18 с.

7. Масалида И.И. Методика осуществления межпредметных связей физики с математикой в условиях комплексной технологии обучения студентов педвуза: Автореф. дис. ... к.пед.н. Горно-Алтайск, 2004. 21 с.

8. Гурьев А.И. Методологические основы построения и реализации дидактической системы межпредметных связей в курсе физики средней школы: Автореф. дис. ... д.пед.н. Челябинск, 2002. 35 с.

9. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/ (дата обращения: 21.10.2023).

10. Атанасян Л.С., Бутузов В.Ф., Кадомцев С.Б. и др. Геометрия. 7–9 классы: Учеб. для общеобразоват. организаций. 2-е изд. М.: Просвещение, 2014. 383 с.

11. Полушкина С.В., Зуборева А.А. Методика реализации межпредметных связей на уроках физики // В сб.: Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых. Материалы XVII Международной научной конференции. М.–Иваново–Шуя, 2024. С. 105–107.

12. Виленкин Н.Я. и др. Математика. 5 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 частях. М.: Мнемозина, 2019.

13. Перышкин А.В. Физика. 7 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений. 3-е изд. М.: Дрофа, 2023. 221 с.

14. Рымкевич А.П. Физика. Задачник. 10–11 кл.: Пособие для общеобразоват. учеб. заведений. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2000. 208 с.

INTERDISCIPLINARY INTEGRATION OF PHYSICS AND MATHEMATICS AS PART OF A PROPAEDEUTIC ELECTIVE COURSE IN SECONDARY SCHOOL

***S.V. Polushkina*[1], *A.A. Zuboreva*[2], *T.I. Ovsetsina*[1], *M.R. Katkova*[1]**

[1] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2] Secondary School No. 128

The article examines the role of interdisciplinary connections between physics and mathematics in school education. It substantiates the importance of integrating these two subjects to form a holistic view of the world among students, develop their logical thinking, and the ability to apply mathematical methods in solving physical problems. Within the framework of the study, the issue of temporary inconsistency between the curricula for physics and mathematics in primary school is raised. To solve this problem, it is proposed to develop and implement a specialized elective course based on grades 6-7, which will aim to eliminate gaps in knowledge between these subjects and increase students' motivation to study interdisciplinary connections. In the developed elective course, the authors identified three consecutive stages: preparatory, reproduction stage, and the stage of active use of knowledge. The implementation of the proposed methodology is presented on the example of the lesson «The Power of a Number and the Properties of the Power of a Number in Mathematics and Physics Lessons». The introduction of this course in comprehensive school No. 128 led to an increase in the level of mastering educational material in both disciplines.

Keywords: interdisciplinary connections, elective course, physics education, mathematics education, power of a number.

УДК 377
DOI 10.52452/18115942_2026_3_325

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ МНОГОПРОФИЛЬНОГО КОЛЛЕДЖА

© 2026 г.

С.Н. Байбекова, М.А. Родионов

Байбекова Саида Наильевна, старший преподаватель кафедры информационных систем и цифровых технологий Пензенского казачьего института технологий – филиала Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского
saidabeibekova@mail.ru
Родионов Михаил Алексеевич, д.пед.н., проф.; профессор кафедры информатики и методики обучения информатике и математике Педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета
do7tor@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2026
Статья принята к публикации 30.07.2026

Статья посвящена подготовке специалистов среднего звена на базе основного общего образования по специальности 38.02.08 «Торговое дело» в многопрофильном колледже. Рассматривается потенциал искусственного интеллекта в плане бесшовного включения технологий ИИ в образовательную среду для улучшения качества обучения и формирования актуальных на сегодняшний день профессиональных компетенций (адаптивные обучающие системы, генеративные нейросети для создания учебных материалов, симуляторы продаж, анализ больших данных о скрытых закономерностях в обучении). Отдельное внимание уделяется возможностям плановой переподготовки преподавателей, работе с ИИ-инструментами. Описываются примеры работы с этими инструментами, которые можно непосредственно применять на занятиях по специальным дисциплинам. В частности, рассмотрены результаты внедрения чат-бота на простой языковой модели в курс «Документационное обеспечение торговли» в колледже при Пензенском казачьем институте технологий, на основе которых выделены риски и ограничения, с которыми на практике сталкиваются и преподаватели, и сами обучающиеся.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, специалист торгового дела, многопрофильный колледж, искусственный интеллект, информационная образовательная среда, цифровые компетенции, адаптивное обучение.

Введение

Как известно, рынок труда в России в последние годы претерпевает серьезные качественные изменения. Торговля, как одна из самых динамичных сфер, оказывается сегодня под двойным прессингом. С одной стороны, происходит мощная цифровая трансформация бизнеса, с другой – покупатели все больше заинтересованы в персонализированном сервисе. Большинство колледжей, которые занимаются подготовкой кадров для этого сектора, оказались перед жёстким выбором. Они вынуждены кардинально пересматривать содержание и методы обучения, целенаправленно включать в программу современные информационные технологии, и в первую очередь инструменты ИИ [1].

Когда мы говорим об электронной информационной образовательной среде (ЭИОС) в многопрофильном колледже, то понятно, что она не ограничивается наличием компьютеров и интернета. Информационная среда многопрофильного колледжа должна выступать не просто как набор технических инструментов, а как пространство профессионального становления, где студенты учатся мыслить системно, работать в условиях неопределенности, находить баланс между технологиями и человеческим фактором [2]. Согласно федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС) – это совокупность: информационных технологий, технических средств, электронных информационных ресурсов, электронных образовательных ресурсов, которые содержат электронные учебно-методические материалы, государственных информационных систем (в случаях, предусмотренных законом) [3].

ЭИОС применительно к подготовке специалистов торгового дела – это сложная система:

электронные библиотеки, облачные сервисы для совместной работы, дистанционные системы Moodle, базы данных с реальными кейсами из торговой практики. В некоторых профильных учебных заведениях уже сегодня появляются инструменты создания виртуальной реальности для отработки выкладки товара, тренажёры кассовых узлов, которые, в частности, имитируют возможные конфликты с покупателями [4].

В этих условиях недостаточно просто добавить пару занятий по нейросетям в учебный процесс. Необходимо органично вписать ИИ в ту во многом специфическую информационную среду, которая уже сложилась в том или ином колледже. Данной тематике в настоящее время посвящен ряд публикаций [4–9]. Их изучение и наш собственный опыт позволяет сформулировать ряд общих проблем:

– Что может дать искусственный интеллект будущему специалисту торгового дела?

– Как преподавателю торговых дисциплин (а он и сам порой только осваивает цифровые инструменты) продуктивно использовать нейросети без потери академического качества?

– Не пропадёт ли при такой автоматизации «человеческое измерение» (ведь работа специалиста торговли – это всегда живое общение с покупателями [10])?

У многопрофильных колледжей, где учат одновременно поваров, системных администраторов, пожарных и специалистов торгового дела, есть своя особенность: среда должна быть модульной и достаточно гибкой [2]. Например, студентам специальности 38.02.08 «Торговое дело» нужен доступ к системам учёта товаров, к аналитическим панелям (дашбордам), к обучающим видео с реальных площадок [11]. Но на практике часто возникает разрыв преемственности в изучении смежных дисциплин. Например, теорию по дисциплине «Организация и осуществление продаж» читают в обычной аудитории, а навыки работы с искусственным интеллектом (например, с чат-ботами для консультаций) дают факультативно, без привязки к общей цифровой среде. Такое временное и содержательное рассогласование снижает дидактический потенциал обеих составляющих и отрицательно сказывается на общих результатах профессиональной подготовки. Соответственно, интеграция ИИ в подготовку специалистов торгового дела не должна быть точечной. Нужно пересмотреть всю архитектуру ЭИОС: от списка программ до способов оценки, чтобы не возникало ситуации, в которой нейросети «проходят» на информатике, а на профильных дисциплинах про них благополучно забывают.

Поиску решений указанных проблем и посвящена данная работа.

Целью работы является определение базовых детерминантов использования возможностей искусственного интеллекта в условиях информационной образовательной среды при подготовке специалистов торгового профиля в многопрофильном колледже.

Общая характеристика проблемы

В рамках проведенного исследования под эффективностью применения инструментов искусственного интеллекта будем понимать комплексный показатель, включающий три взаимосвязанных компонента: дидактический, организационно-управленческий и мотивационный. Под дидактическим показателем рассмотрим повышение качества освоения профессиональных компетенций, таких как глубина понимания, скорость формирования навыка, снижение количества ошибок в типовых профессиональных задачах. Организационно-управленческий направлен на оценку оптимизации временных и трудовых затрат преподавателя, таких как высвобождение ресурса для индивидуальной работы и творческого взаимодействия при сохранении или улучшении академических результатов группы в целом. Мотивационно-адаптивный – это рост субъективной удовлетворённости студентов процессом обучения и их готовности к самостоятельной работе в цифровой среде, что проявляется в снижении тревожности при столкновении с нестандартными профессиональными запросами.

Таким образом, мы рассматриваем эффективность не как абстрактное «улучшение», а как достижение измеримого прироста по этим трём параметрам при условии сохранения баланса между автоматизацией и «живым» педагогическим общением.

Интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс многопрофильного колледжа стала объективной потребностью цифровой эпохи [12], это подтверждает анализ современных научных исследований Е.В. Славутской, Л.А. Славутского, М.И. Колдиной, М.В. Фирсова. Р.А. Амиров, У.М. Билалова выделяют ключевые направления внедрения ИИ: интеллектуальные поисковые системы, автоматизированный мониторинг учебных достижений, оптимизация расписания и элементы геймификации [13]. В исследованиях М.А. Измайловой и Ю.В. Сибиряковой анализируется влияние искусственного интеллекта на систему образования, включая как положительные, так и

отрицательные стороны. М.А. Измайлова выделяет такие преимущества, как возможность более гибкого и индивидуализированного обучения, но при этом обращает внимание на возникающие этические проблемы, которые требуют особого рассмотрения [14]. В свою очередь, Ю.В. Сибирякова сосредотачивает внимание на социальных и педагогических трудностях, в частности на вопросе цифрового неравенства, которое приводит к нарушению принципа равных возможностей в образовании [8].

В настоящее время появились реальные, уже доступные инструменты ИИ, которые мы можем использовать в образовательном процессе. Эти инструменты – не замена преподавателя, а качественное расширение его педагогического арсенала. Некоторые из них активно используются нами в реальном учебном процессе многопрофильного колледжа.

1) Адаптивные обучающие системы [5]

В качестве таких систем можно привести несколько конкретных образовательных платформ, реализующих подобный подход. Одной из них является инновационная российская образовательная платформа Stepik, предлагающая массовые открытые онлайн-курсы от ведущих специалистов различных областей [9]. Основными возможности искусственного интеллекта на Stepik: технология автоматизированной проверки, рекомендательные системы, поиск проблемных мест в курсах, проведение олимпиад и конкурсов, коммуникация и обратная связь, адаптивное обучение. Stepik активно развивает направление адаптивного обучения [9]. Используя алгоритмы искусственного интеллекта, платформа анализирует уровень знаний и прогресс каждого студента, создавая персонализированный план обучения. Stepik показывает практическое применение ИИ в онлайн-образовании. Платформа автоматизирует проверку заданий и адаптирует обучение под каждого студента [15]. Эти подходы можно адаптировать для повышения эффективности собственных курсов.

Приведем конкретный пример. При рассмотрении тем «Ассортиментная политика» и «Управление запасами» если система видит, что студент регулярно ошибается в расчётах оборачиваемости, то автоматически предлагает ему дополнительные задания, объяснения на другом уровне сложности, ссылки на видео. В торговле, где огромное количество расчётов – наценка, рентабельность, точка безубыточности, такая адаптивность критически важна [10]. Система не ждёт, пока педагог вручную проверит домашнее задание. Она действует в реальном времени, а преподаватель освобождается для более сложной аналитической работы.

2) Генеративные нейросети для создания учебных материалов, в частности для создания вариантов ситуационных задач [6]

Если, например, группе из двадцати человек нужно выдать разные кейсы про возврат бракованного товара или про урегулирование конфликта с агрессивным покупателем, преподавателю приходилось тратить на это несколько часов. Сейчас мы задаем нейросети параметры – корректный промпт: «создай десять сценариев по закону о защите прав потребителей, где покупатель требует замены, а магазин ссылается на истечение гарантии». Нейросеть генерирует варианты с разными нюансами: чек утерян, товар был в употреблении, талон не заполнен. Студенты разбирают кейсы, а педагог только обсуждает и корректирует неудачные формулировки.

3) Виртуальные симуляторы продаж на базе ИИ [7]

При их использовании студент надевает наушники, запускает программу – и перед ним оживает виртуальный покупатель. Со своим темпераментом, бюджетом, возражениями. Система оценивает здесь не только правильность ответов, но и скорость реакции, вежливость, профессиональную лексику. Однако здесь есть в настоящее время техническая проблема: лицензии дорогие, далеко не каждый многопрофильный колледж их «потянет». Но в настоящее время активно разрабатываются бюджетные отечественные аналоги, которые можно будет эффективно применять в работе в массовом формате.

4) Анализ больших данных об учёбе [16]

Системы с элементами ИИ в настоящее время могут выявлять «скрытые» закономерности образовательного процесса. Например, что студенты, которые вечерами систематически просматривают профильные электронные библиотеки, лучше сдают экзамен по управлению торговой организацией или что их успеваемость падает, если лекции по мерчандайзингу ставят после физкультуры. На основе выделенных закономерностей система может корректировать расписание, формы подачи материала и даже состав академических групп.

Результаты внедрения инструментов ИИ в учебный процесс многопрофильного колледжа и их обсуждение

В многопрофильном колледже при Пензенском казачьем институте технологий в 2024/25 учебном году нами был внедрен специализированный авторский чат-бот на простой языковой

модели в курс «Документационное обеспечение торговли». Бот отвечал на стандартные вопросы по курсу: какие формы первичной документации нужны для оприходования, сроки хранения накладных, как заполнить акт о расхождении груза и др. Основная исходная идея бота – разгрузить преподавателя от сотни однотипных запросов, а студентов научить самостоятельно находить соответствующие регламенты.

В результате внедрения были сделаны следующие выводы: перед внедрением ИИ-инструментов нужно провести тестирование на ограниченной группе, при этом преподаватель обязательно должен непосредственно участвовать в настройке базы знаний. Другими словами, бот не может быть единственным каналом информации, живое общение с педагогом должно обязательно дополнять взаимодействие с ним. Учитывая сложности в формировании запросов, использование чат-бота дополнили рубрикой «Ошибки бота».

Обращаясь к ключевому тезису об оценке эффективности использования ИИ-инструментов в учебном процессе, отметим, что в нашем понимании качество подготовки специалистов торгового дела в условиях цифровизации проявляется не в сумме заученных нормативов, а в способности оперативно ориентироваться в меняющихся информационных потоках и принимать обоснованные решения.

Внедрённый чат-бот, несмотря на свою техническую простоту, позволил перераспределить учебную нагрузку следующим образом: преподаватель перестал тратить время на ответы по 15–20 повторяющимся вопросам за занятие (что фиксировалось в журнале учёта обращений) и направил высвободившиеся 25–30 минут академического времени на разбор нетипичных кейсов, например спорные ситуации при возврате товара, где бот бессилен, так как требуется человеческая интерпретация. Именно это переключение с «технической» рутины на «смысловую» аналитику мы считаем главным механизмом роста качества. В контрольных группах, где бот не использовался, преподаватель физически не успевал уделить достаточно внимания сложным вопросам, что подтверждается более низкими результатами выполнения текущих проектных заданий (разница в 15% в пользу экспериментальной группы).

Следовательно, эффективность организационно-управленческого компонента внедряемого ИИ-инструмента обеспечивается не самим фактом его наличия, а перестройкой педагогического взаимодействия: рутинные операции делегируются алгоритму, а человеческий капитал преподавателя концентрируется на развитии гибких навыков (soft skills) и критического мышления, что в конечном счёте и определяет качество подготовки специалиста, востребованного на рынке труда.

Студенты сами сообщали о неточностях и получали за это дополнительные бонусные баллы. То есть обнаруженный недостаток трансформировался в учебный инструмент – ребята учились адекватно оценивать выводы искусственного интеллекта, а систематический поиск и анализ ошибок бота позволил сформировать устойчивый навык критического мышления в плане проверки источников, выявления логических несоответствий и рефлексии собственного понимания изучаемой темы.

Для оценки дидактической составляющей эффективности чат-бота были проанализированы результаты итогового тестирования по разделу «Документационное обеспечение» в экспериментальной группе (с ботом) и контрольной (традиционное обучение). Средний балл за задания, связанные с поиском и интерпретацией нормативных документов, в экспериментальной группе оказался на 11% выше, при этом количество грубых ошибок в оформлении первичной документации сократилось в 1.8 раза. Это позволяет говорить не только об экономии времени (организационный компонент), но и о более качественном усвоении регламентов.

Что касается мотивационно-адаптивного компонента, то 30% студентов игнорировали применение бота, а 70% отметили в анкетах, что самостоятельный поиск информации через бот повысил их уверенность при выполнении заданий. Число обращений к преподавателю в экспериментальной группе по формальным вопросам упало на 60%. Студенты стали быстрее справляться с практикой, особенно те из них, кто не боялся общаться с ботом. В контрольной же группе большинство студентов вообще отвергли целесообразность использования чат-ботов в учебном процессе. Они предпочитали «по старинке» спрашивать у соседа или преподавателя.

Однако в ряде случаев треть экспериментальной группы сознательно игнорировала бота. На опросе выяснилось, что этим студентам не хватает уверенности в корректности ответов бота. Например, бот иногда «фантазировал» насчёт СанПиН к торговому оборудованию, выдавая устаревшие нормы. Кроме того, у них возникали сложности в формулировке запросов, которые тоже дезориентировали чат-бот. Преподавателю потом приходилось дополнительно разбирать эти ошибки. Таким образом, даже при наличии

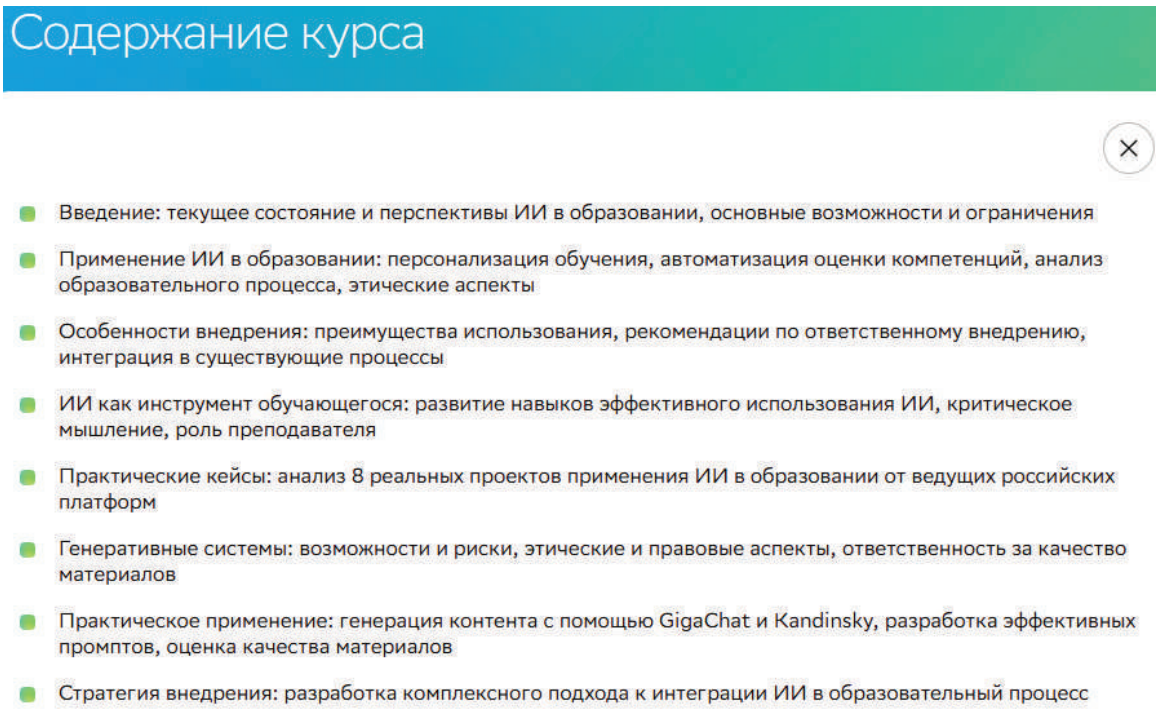

Рис. Содержание курса «Искусственный интеллект в образовании»

технических сбоев (риск «галлюцинаций») у части обучающихся экспериментальной группы сформировался первичный навык критической оценки ИИ-выводов, что мы относим к относительно позитивным эффектам, поскольку данный факт напрямую коррелирует с требованиями профессионального стандарта к работе с информацией.

Анализ результатов внедрения позволил уточнить риски, с которыми можно столкнуться при введении искусственного интеллекта в образовательный процесс.

Риск первый – дегуманизация. Торговля, как известно, держится на межчеловеческих отношениях. Если мы научим студентов общаться только с чат-ботами и симуляторами, они растеряют эмпатию, интуицию, способность считывать невербальные сигналы клиента. Поэтому доля «живых» тренингов, ролевых игр и стажировок в реальных магазинах не должна сокращаться. ИИ – это тренажёр для отработки базовых алгоритмов, а не замена реального общения [17].

Риск второй – цифровое неравенство. Колледж обязан дать равный доступ к ИИ-инструментам всем обучающимся независимо от их материальных и технических возможностей: либо в компьютерных классах колледжа, либо через облачные лицензии на всё заведение.

Условия эффективного внедрения инструментов ИИ в учебный процесс

Исходя из нашего опыты использования инструментов ИИ в образовательном процессе выделим несколько рекомендаций, обеспечивающих эффективность такого использования.

Во-первых, нужно пересмотреть фонды оценочных средств. Если мы используем ИИ для подготовки студента, то и оценивать знания должны с учётом работы с этими инструментами. Студент, умеющий грамотно формулировать запросы для нейросети, может за минуту получить идеально структурированный план переговоров с поставщиком или три варианта ответа на сложное возражение покупателя. Это часто полезнее, чем буквальный пересказ параграфа. Понятно, что вся учебная работа не может ограничиваться использованием нейросетей. Поэтому в локальных актах колледжа следует зафиксировать уровни допустимого использования искусственного интеллекта, что снимает неопределённость в определении рационального методического обеспечения дисциплины и снижает риски возможных академических злоупотреблений.

Во-вторых, для успешного внедрения ИИ в образовательный процесс нужна плановая переподготовка преподавателей. Не разовый семинар, а долгосрочная программа достаточно боль-

шого объема, где педагоги различных дисциплин сами учатся писать запросы для генерации кейсов и читать аналитические отчёты ИИ, осваивают интерфейсы симуляторов. Примером такой программы может являться программа ДПО от «СберУниверситета» «Искусственный интеллект в образовании». Программа рассчитана на преподавателей всех уровней образования, специалистов в области образовательных технологий, методистов и разработчиков образовательных программ, администраторов образовательных учреждений [9]. Нет ограничений по времени обучения, учиться можно самостоятельно в любое время, курс является бесплатным. Содержание курса представлено на рисунке. Понятно, что это содержание должно быть дополнительно адаптировано к соответствующему профилю обучения.

В-третьих, важна методическая и психологическая поддержка студентов.

Внедрение инструментов ИИ не должно создавать лишний стресс. У многих ребят из небольших городов, которые приходят в колледж, цифровые навыки часто ограничены общением в соцсетях. Они могут растеряться, увидев, например, требование преподавателя «использовать нейросеть для анализа торговой наценки». Поэтому параллельно с профильными дисциплинами предлагается ввести короткие модули по ИИ-грамотности на 6–8 часов, на которых студенты научатся отличать достоверную информацию от «галлюцинаций» нейросети, проверять расчёты алгоритмов, формируя базовую информационную культуру обучающихся. Для этих целей мы в зависимости от дисциплины и образовательных возможностей студентов целенаправленно используем следующие Web-сервисы: комплекс образовательных онлайн-курсов по работе с нейросетью «ГигаЧат в учебе и карьере» от «Сбера», который посвящен использованию возможностей нейросети для проектирования учебных и исследовательских проектов [9]; курс «Простые способы использования ИИ» на платформе Stepik, который сфокусирован на решении конкретных и понятных профессиональных задач без сложных технических деталей, что снижает порог входа для новичков [18]; курс «ИИ для студентов – эффективное и ответственное использование в обучении» на платформе «Открытое образование», который дает системное понимание технологий и учит грамотно взаимодействовать с ИИ [19].

Заключение

Таким образом, подтвердилось, что подготовка специалистов торгового дела сегодня может быть гораздо более эффективной при системном использовании инструментов ИИ в информационной образовательной среде многопрофильного колледжа. Но эффективность напрямую зависит от того, насколько продуманно при этом решаются организационные, методические и этические вопросы. ИИ не должен быть модной игрушкой или способом тотально автоматизировать учение – это рабочий инструмент, выполняющий вполне определенные учебные функции: генерацию заданий, проверку типовых ответов, текущее консультирование.

Проведённый анализ и эмпирические данные позволяют утверждать, что заявленная эффективность достигается при соблюдении следующих условий: наличие чётких критериев оценки (время выполнения типовых операций, глубина понимания нормативной базы, количество самостоятельных исправлений ошибок), плановая подготовка преподавателя к интерпретации данных, полученных от ИИ-систем, и обязательное сохранение роли наставника за педагогом. Было частично подтверждено, что при таком подходе качество усвоения профессиональных компетенций (измеренное через сравнительный анализ срезовых работ) не снижается, а в ряде аспектов (работа с документацией, поиск информации) – статистически значимо растёт, что позволяет говорить о практической ценности предложенной модели для многопрофильных колледжей. При этом одновременно высвобождается время преподавателя для решения более сложных учебных задач: наставничества, профессиональных деловых игр, индивидуальной работы с отстающими.

В ближайшие годы мы предполагаем активно подключать возможности ИИ-инструментов для проектирования персонализированных учебных траекторий будущих специалистов торгового дела. При этом нейросети должны в реальном времени подстраивать и сложность, и содержание заданий под каждого конкретного студента. Кроме того, имеют большие перспективы полностью автономные симуляторы переговоров с покупателями, которые не просто оценивают ответы, но и могут генерировать уникальные психологические портреты клиентов. Системы анализа больших данных позволят преподавателям и администрации колледжа прогнозировать успешность выпускника в реальной торговле ещё на этапе обучения и сразу давать рекомендации, как своевременно «прокачать» такие навыки, как коммуникация и стрессоустойчивость.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-20417, http://rscf.ru/project/25-28-20417/).

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № 25-28-20417, http://rscf.ru/project/25-28-20417/).

Список литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 38.02.08 «Торговое дело»: Приказ Минпросвещения России от 19.07.2023 № 548 (ред. от 03.07.2024): зарегистрировано в Минюсте России 22.08.2023 № 74906 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455379/ (дата обращения: 08.05.2026).

2. Байбекова С.Н., Родионов М.А. Профессиональная подготовка специалистов торгового дела в информационной среде многопрофильного колледжа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. № 4 (80). С. 181–185. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=85611928 (дата обращения: 18.05.2026).

3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.04.2026) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 16.05.2026).

4. Романовский Н.А., Садриев Р.Р., Столяров И.С. Применение VR и AR в образовании и тренингах: создание иммерсивных обучающих сред // CETERIS PARIBUS. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-vr-i-ar-v-obrazovanii-i-treningah-sozdanie-immersivnyh-obuchayuschih-sred (дата обращения: 18.05.2026).

5. Рощин С.П., Барциц Р.Ч., Цзидун Х. Адаптивные методы преподавания в современном образовательном пространстве // МНИЖ. 2024. № 5 (143). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnye-metody-prepodavaniya-v-sovremennom-obrazovatelnom-prostranstve (дата обращения: 16.05.2026).

6. Малышев И.О., Смирнов А.А. Обзор современных генеративных нейросетей: отечественная и зарубежная практика // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 1-2 (88). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-sovremennyh-generativnyh-neyrosetey-otechestvennaya-i-zarubezhnaya-praktika (дата обращения: 16.05.2026).

7. Жучков К.С. AI-персон-симуляторы как инструмент тренинга продаж: сценарии и метрики эффективности // Universum: технические науки. 2025. № 8 (137). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ai-person-simulyatory-kak-instrument-treninga-prodazh-stsenarii-i-metriki-effektivnosti (дата обращения: 16.05.2026).

8. Сибирякова Ю.В. Использование технологий искусственного интеллекта в сфере образования: риски и перспективные направления // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура: Сборник научных трудов / Науч. ред. Т.И. Грабельных. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. С. 211–214.

9. СберУниверситет – платформа дистанционного обучения [Электронный ресурс]. URL: https://study.sberuniversity.online/ (дата обращения: 18.05.2026).

10. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области товароведения и товарной (товароведческой, товароведной) экспертизы»: Приказ Минтруда России от 02.04.2024 № 172н: зарегистрировано в Минюсте России 14.05.2024 № 78127 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476416/ (дата обращения: 16.05.2026).

11. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере закупок»: Приказ Минтруда России от 10.09.2015 № 625н: зарегистрировано в Минюсте России 07.10.2015 № 39210 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187278/ (дата обращения: 16.05.2026).

12. Филатова О.Н., Булаева М.Н., Гущин А.В. Применение нейросетей в профессиональном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-3. С. 243–245.

13. Амиров Р.А., Билалова У.М. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Управленческое консультирование. 2020. № 3 (135). С. 80–88.

14. Измайлова М.А. Возможности и угрозы искусственного интеллекта в образовании // Психология обучения. 2020. № 3. С. 84–94.

15. Каталог онлайн-курсов – Stepik [Электронный ресурс]. URL: https://stepik.org/catalog (дата обращения: 18.05.2026).

16. Утёмов В.В., Горев П.М. Развитие образовательных систем на основе технологии Big Data // Концепт. 2018. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-obrazovatelnyh-sistem-na-osnove-tehnologii-big-data (дата обращения: 16.05.2026).

17. Клейберг Ю.А. Десоциализация и дегуманизация личности в ситуации социальной турбулентности: психолого-девиантологический дискурс // Вестник КРУ МВД России. 2017. № 1 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/desotsializatsiya-i-degumanizatsiya-lichnosti-v-situatsii-sotsialnoy-turbulentnosti-psihologo-deviantologicheskiy-diskurs (дата обращения: 16.05.2026).

18. Простые способы использования ИИ [Электронный ресурс]. URL: https://stepik.org/course/262667/promo (дата обращения: 18.05.2026).

19. ИИ для студентов: эффективное и ответственное использование в обучении [Электронный ресурс]. URL: https://openedu.ru/program/spbu/AIFORSTUDENTS/ (дата обращения: 18.05.2026).

20. Mkrttchian V., Vishnevskaya G., Rodionov M. Avatar-based Learning and Teaching in Modern Educational Environments: Emerging Research and Opportunities. – Information Science Reference, 2019. 227 p. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=41285721 (дата обращения: 18.05.2026).

THE POSSIBILITIES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS IN THE INFORMATION EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A MULTIDISCIPLINARY COLLEGE

S.N. Baibekova [1]***, M.A. Rodionov*** [2]

[1] K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (First Cossack University)
[2] Penza State University

The article is devoted to the training of mid-level specialists on the basis of basic general education in the specialty 38.02.08 Trading business at a multidisciplinary college. The potential of artificial intelligence is considered in terms of the seamless integration of AI technologies into the educational environment to ensure the improvement of the quality of education and the formation of relevant professional competencies (adaptive learning systems, generative neural networks for creating educational materials, sales simulators, analysis of big data on hidden patterns in learning). Special attention is paid to the possibilities of planned retraining of teachers to work with AI tools. Examples of working with these tools are described, which can be directly applied in classes in special disciplines. In particular, the results of the introduction of a chatbot based on a simple language model into the course «Trade Documentation» at the Penza Cossack Institute of Technology (branch) of the Razumovsky Moscow State University of Technology and Management were considered, on the basis of which the risks and limitations faced by teachers in practice were highlighted, and the students themselves.

Keywords: professional training, trade specialist, multidisciplinary college, artificial intelligence, information educational environment, digital competencies, adaptive learning.

УДК 81.372.881
DOI 10.52452/18115942_2026_3_333

PROSPECTIVE COMPLEXITY THEORY APPLICATIONS TO LANGUAGE ACQUISITION IN HIGHER EDUCATION

© 2026 г.

E.S. Orlova

Орлова Елена Сергеевна, к.пед.н., доц.; заведующая кафедрой английского языка
для естественно-научных специальностей
Института филологии и журналистики
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
unn@unn.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2026
Статья принята к публикации 31.07.2026

The article discusses a general frame of reference of a complex system, towards whose values language acquisition in higher education can orient. Constituents and characteristics of the complex frame are a focus on the transphenomenal methods of applying complexity paraphernalia to educational practice. The article aims to determine the underlying possibilities of applying fundamental categories of complexity theory to language acquisition in academic settings. The study of emergence and self-organization as the main properties of complexity permits the analyst to identify the stable units inherent in them, which reflect the deep processes of language consciousness. The reliance on these units corresponds to the principle of nonlinearity of a complex system, since the invariant units integrate academic community contemplations and language models, which are adequately interpreted by language learners. Modeling the curriculum in the line of invariance makes it possible to implement the premises of complexity theory in educational technologies.

Keywords: complex systems theory (CST), language acquisition (LA), higher education, English as second/foreign language (ESL/EFL), emergence, self-organization, variance, invariance.

Introduction

The science of foreign language study in the academic environment is going through a contradictory period of its development. Language acquisition (LA) is currently taking on a new meaning and new possibilities, while at the same time facing new challenges. Currently, the field is under the influence of contradictory and opposing forces and factors, which can produce a strong beneficial as well as undermining effect on the curriculum arrangement both in the student autonomy mode and in the classroom settings. In the intricate interweaving of current approaches to teaching and learning foreign languages, two main trends stand out in particular. They are complex systems theory and state-of-the art technologies (digital communication, artificial intelligence and other form of asynchronous communication).

Although seemingly unrelated, these opposing areas compete with each other in the field of foreign language learning, especially in the scientific environment, where access to AI technologies is absolute. Paradoxically, both advances in the exploration of the complexity theory potential and AI technologies in fact equally imply high demands on a) intensive research in academic language acquisition, and b) improvement of language study in higher education and academia. This allows the possibility of combined research of both directions. However, at present, there is an unequal implementation status of both directions. The newly developed AI techniques present the largest language models ever available and right now «offer a wide range of benefits including student engagement, collaboration, and accessibility» [1, p. 228]. On the other hand, complexity theory (also *Complex Systems Theory*) has been the dominant research trend since the 1990s and opened up new possibilities, posing new challenges in language acquisition research and praxis, the latter being presented mostly in segmented forms for now. For individual language learning to withstand the pressure of AI technologies and overcome the dependence on them, new effective approaches to learning are needed. The ever-present issue of language acquisition in academic settings is how linguistic knowledge is to be input and organized in an optimally parsimonious way in order to provide learners with plausible competencies in developing

their communicative strategies and speech structuring. This is especially true for science students, as they are the ones who experience the effects of certain negative conditions and factors hindering active language study, such as a two-term course for undergraduate and graduate study, mixed ability ESL/EFL classrooms, an inflexible curriculum, students' learning differences, students' incomprehension of the immense cognitive opportunities language awareness presents to them. The complexity of second language acquisition examined from different perspectives is most facilitative for the development of an elucidative universal medium of second language acquisition. Complexity-based approaches provide a deep integration of thinking and speaking, developing the science student's ability to improve their level of language proficiency.

This article aims to evaluate the perspectives of complexity theory implementations in the first approximation, which will create the necessary basis for further theoretical and applied solutions.

Fundamental complexity theory paradigm: a background on the phenomenon

Current studies are characterized by revising, reappraising or rethinking LA fundamentals in the novel, mostly longitudinal frameworks, which highlight new perspectives of research and praxes. One of subsuming trends forming a variety of embracing schemes is undoubtedly that of complexity, whose feasibility within the LA field has been en masse analyzed and discussed in the academic discourse. The names *complexity*, *complex systems*, *Complex Systems Theory* (*CST*), or *Complex Dynamic Systems Theory* (*CDST*) are often used to make extended analogies between seemingly incompatible fields of knowledge. Originally developed in the framework of fundamental studies in information theory, computer science, dynamics, biology, evolution and other fields, CDST has powerfully evolved into a vast domain of its own instrumentality and now covers a wide interdisciplinary area, providing effective applications.

M. Mitchell and Z. Toroczkai, conclude that «essentially, complexity is a collective noun for those uneasy feelings people have when faced with a system whose components and interactions are known but whose behavior adds up to more than the sum of its parts» [2].

To reconstruct the trajectories of the victorious spread of this scientific technology, it is necessary to reproduce its essence. There are numerous authorial definitions of complexity, but none of them has yet received universal status. However, the descriptions produced contain recurring references to a number of established fundamental qualities of complex systems, which are complementary and provide an underlying framework for understanding the foundational issues raised by complex systems analytics. In particular, researchers unanimously recognize the multiplicity of interacting components as a fundamental condition for the operation of a complex system. That is, the basis for the formation of a complex system is the act of the generation or the fact of the presence of many elements interacting both with each other and with their internal and external environments [3, p. 12]. The following definitions stipulate the multiplicity of simultaneously interacting constituents as an underlying feature of the phenomenon considered. By a complex system H.A. Simon means «one made up by a large number of parts that interact in a non-simple way» [4, p. 458]. D. Rind emphasizes that «a complex system is literally one on which there are multiple interactions of many different components» [5]. M. Mitchell points out that «it is the collective actions of vast numbers of components that give rise to the complex, hard-to-predict and changing patterns of behavior» [3, p. 12]. The Publisher Summary confirms that «complex systems are systems that comprise many interacting parts with the ability to generate a new quality of macroscopic collective behavior, the manifestations of which are the spontaneous formation of distinctive temporal, spatial or functional structures» [6]. Having imagined a multitude of interacting components of a complex system as a substantiating source of its operation, it is necessary to clarify the specifics of the mentioned components.

A multitude of interacting constituents of a complex system can thus be defined as a substantiating source of its operation, which provides for the epistemic conditions in the present state of CST knowledge. The set of constituents acting upon each other operates to contribute to the development and maintenance of a system's larger whole. In this way, the general design of a complex system is established, in which the functionalist principle dominates. It is also important to note that complex systems' constituents are not uniform or unvarying. They can be categorized by the levels they operate on, the scopes within they function, the types of their patterning, etc. Understanding that a complex system is not a collection of homogeneous elements raises questions about its hierarchical structuring discussed in detail by H.A. Simon [7, p. 184–185]. By a hierarchic system, or hierarchy, the author means «a system that is

composed of interrelated subsystems, each of the latter being in turn hierarchic in structure until we reach some lowest level of elementary subsystem In most systems in nature it is somewhat arbitrary as to where we leave off the partitioning and what subsystems we take as elementary» [7, p. 184–185].

Emergence and self-organization as disposing categories of a complex system

The premise of a set of complexity system elements being an operational source of the formation and development of its functional properties implies a natural transfer to the idea of a system's attributes or characteristics, which are the functional derivatives growing out of the above source's performance. At the crossroads of research in various fields, there have been revealed analyzable qualitative characteristics, constituents, attributes and properties (the terms are used interchangeably), the presence of which in the domain under study allows us to judge about its complex nature. Thus, in the result of complex action, there appear a number of properties recurrently referred to, such as changeability, reframing, adaptation, emergence and self-organization. A more detailed analysis shows that these properties are also hierarchically ordered, exactly as the constituent elements of a system are. They are categorized depending on the degree of their influence on the formation of the outcome at the macro level. «Acts of categorization always involve acts of ordering and hierarchization, which is further reason to understand them as acts of power» [8, p. 1].

According to numerous studies, emergence and self-organization are supposed to be «complexity tops». Furthermore, emergence and self-organization co-function in a coordinative way, which makes these categories organically interconnected and interdependent. B. de Boer actually defines self-organization as «the emergence of order on a global scale through interactions on a local scale» [9, p. 123]. Thus, emergence can be assumed to be a kind of nonlinear dynamically developed outcome achieved through self-organization acting within the interior domain of the complex system and establishing its structure. To put it simply, the emergence of macroscopic phenomena turns up due to and via microscopic element interaction ordered and managed by self-organizing functions. In relation to languages learning, emergence can be interpreted as actual communication implemented on the basis of a set of rules established by the system's self-organization.

F. Kuiken states that complexity is actually somewhat similar to language proficiency and thus LA is multilayered, multifaceted and multi-dimensional in nature [10, p. 84]. In other words, LA can be designated as an initially «natural» complex system. It encompasses a diverse array of phenomena and constituents in action, which are intertwined by tangled relationships. But the question arises how researchers, practicing teachers and students should act «when everything is so connected» [11, p. 18; 12, p. 2]. Being the main parts and driving forces of the LA complex system superstructure, emergence and self-organization presumably play a leading role in finding an answer to this question.

Methods and analysis findings

In the field of language acquisition, as in education in general, the relationship between theory and practice has always been an open and debatable issue.

The language system is known to be built up by a diversity of multi-level components acting concomitantly with each other as well as with the external communication environment and the learner's internalized language framework. The individual acquisition of the language system implies the gradual assimilation of a certain part of it. C. Becker et al. specify that this kind of dynamic language cognition includes «the following: *variation* at all levels of linguistic organization; the probabilistic nature of linguistic behavior; continuous change within agents and across speech communities; the emergence of grammatical regularities from the interaction of agents in language use, and stagelike transitions due to underlying nonlinear processes» [11, p. 2].

In other words, language learning and use encompasses not only a variety of linguistic forms of different levels but also involves external factors and internal cognitive processes. «Complexity thinking cautions against simplism,» remind R.J. Sampson and R.S. Pinner. Contrariwise, the authors state that the aim of their exploration on language study is to make complexity paradigms accessible to practitioning teachers, «who also engage in research» [13, p. 5]. The apparent contradiction between these aims – complexity exteriorization through its simple objectification – suggests a compromising (trade-off) solution to the problem of the adjustment of the LA complex superstructure to the needs of actual teaching and learning with the latter preserving a nonlinear nature. Since the complex system of language acquisition is extremely comprehensive and

theoretically under-explored, some provisions for its adjustment to to the needs of language education haven been claimed but not entirely attested. A most noticeable method is that of reducing the whole complexity domain of language acquisition to its subsystems. Actually, the method consists of dividing the area of a complex language learning system into smaller subsystems according to various constituent categories. Therefore, LA can be categorized in terms of linguistics, modes of learning, the traditional four-skills model (listening, speaking, reading and writing), disciplines contributing to LA, etc. In particular, F. Kuiken refers to linguistic complexity split into grammatical complexity distinguished from lexical complexity. Moreover, «grammatical complexity can be further dissected into syntactic complexity (at the sentential, clausal and phrasal levels) and morphological complexity (inflectional and derivational). Within lexical complexity, a distinction is often made between diversity (the number of different words), density (the proportion of lexical words) and sophistication (the number of less frequent words)» [10, p. 84]. Narrowing the scope of a complex system in this way does not actually lead to its simplification as units of measurements offered are remarkably reminiscent of the traditional linear components of the known LA methods.

Can complexity be described in simple terms when applied to LA?

In this regard, S.M. Manson writes the following: «Advocates of complexity theory see it as a means of simplifying seemingly complex systems». The author skeptically clarifies: «The actual practice of complexity theory, however, is anything but simple in that there is no one identifiable complexity theory. Instead, a number of theories concerned with complex systems gather under the general banner of complexity research» [14, p. 404]. It's hard to disagree with this conclusion. Complexity theory is truly mainstream. For its further development, one more promising direction could be identified contemplatively and named a universal invariant approach.

An analytical review of the prospective complexity theory application technology involves numerous references to *diversity*, *variability*, *variance*, *variation*, the terms used interchangeably to emphasize the system's key characteristic. Little reference, though, is given to its invariant properties inherent in the main categories of the complexity domain. As any other complex system, the one designed for LA is not supposed to consist of its functional elements only, even of such as emergence or self-organization. There exist certain system-forming universal invariant grounds, which can be relied on as substantive and analytical components.

They ground deep-level mental processes of creativity forming semantic stabilization through certain fixed meaningful points implemented as complex units of measurement..It is these units that shape a stable frame of reference of the LA complex system. They are to be supported by the capacities of self-reflection, self-organization and emergence, which are precise replication mechanisms science students and explorers are supposed to possess. A plausible second language learning model broadens the awareness of both prime and foreign languages as it relies on a set of invariant constrained patterns. The development of an optimally organized parsimonious language acquisition design has always been hindered by the ever-existing problem of language non-linearity explicated by the gradient probabilistic behavior of communication. The main advantage of the invariant approach is the possibility of modeling the nonlinear conditions inherent in a complex system, with its functional categories being expressed and assessed on the basis of universal criteria.

Conclusion

There is a significant gap between the established set of general precepts of a complex system functioning and the prospective principles of their further transformation into the basis for the formation of a complex LA framework. It should be a thoroughly conceptualized complex educational technology that truly embodies the idea of complexity into the actual process of language learning. A comprehensive educational strategy is supposed to integrate the above constituents and characteristics of a complex system into a structured whole. But the elaboration of a technology expanding over the entire complex LA domain is a prospective goal on the anvil, while researchers and teachers are searching for «complexity tops» allowing for dynamical premises to be applied to actual LA activity. Establishing a provisional equilibrium between the two stances is undeniably a matter of transforming the LA complexity basics to a new conceptualization compatible with complexity principles

References

1. Cotton D.R.E., Cotton P.A. Shipway J.R. Chatting and cheating: Ensuring academic integrity in the era of ChatGPT // Innovations in Education and Teaching

International/ 2024. **61:2**. P. 228–239. DOI: 10.1080/14703297.2023.2190148.

2. Mitchell M. & Toroczkai Z. Complexity: A Guided Tour // Phys. Today. 2010. **63 (2).** P. 47–48. DOI: 10.1063/1.3326990.

3. Mitchell M. Complexity: A Guided Tour. Oxford–New York: Oxford University Press, 2009. 349 p.

4. Simon H. The Architecture of Complexity // In: Facets of Systems Science. International Federation for Systems Research, International Series on Systems Science and Engineering. Vol. 7. Boston, MA: Springer, 1991. P. 457–476.

5. Rind D. Complexity and Climate // Science. 1999. **284 (5411)**. P. 87–89. DOI: 101126science.284.5411.

6. The Publisher Summary // In: Mainzer K. Thinking in Complexity: the Computational Dynamics of Matter, Mind, and Mankind. New York, Berlin: Springer, 2007. 482 p.

7. Simon H. The Sciences of the Artificial. 3rd ed. Cambridge, MA: The MIT Press, 1996.

8. Bürki Y. & García Agüero A. The Border as an Analytical Category: Acts of Categorisation and Bordering Practices through Language // In: Y. Bürki, A. García Agüero (Eds.) Language, Borders and Bordering Practices / Lenguaje, fronteras y prácticas de fronterización: Sociolinguistic Perspectives / Perspectivas sociolingüísticas. De Gruyter. 2025. P. 1–32. https://doi.org/10.1515/9783111034225-001.

9. De Boer B. Self-organisation in language // In: Self-Organization and Evolution of Biological and Social Systems. Cambridge Univ. Press, 2005. P. 123–139 [Chapter 7].

10. Kuiken F. Linguistic complexity in second language acquisition // Linguistics Vanguard. 2023. **9 (s1)**. P. 83–93. https://doi.org/10.1515/lingvan-2021-0112.

11. Beckner C., Blythe R., Bybee J., et al. Language is a complex adaptive system: Position paper // Language Learning. 2009. **59**. P. 1–26. https://doi.org/10.1111/j.1467-9922.2009.00533.x.

12. Enfield N.J. Scale in Language // Cognitive Science. 2023. Vol. 47. Iss. 10. DOI: 10.1111/cogs.13341.

13. Sampson R.J. & Pinner R.S. (eds.) Complexity Perspectives on Researching Language Learner and Teacher Psychology. Bristol, UK: Multilingual Matters, 2021. 320 p. https://doi.org/10.21832/SAMPSO3553.

14. Manson S. Simplifying Complexity: A Review of Complexity Theory // Geoforum. 2001. **32**. P. 404–414. https://doi.org/10.1016/S0016-7185(00)00035-X.

ПЕРСПЕКТИВНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ СЛОЖНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Е.С. Орлова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В статье рассматриваются основополагающие критерии сложной системы, по значимым параметрам которой может быть организовано изучение иностранных языков в высшем образовании. Составляющие и характеристики сложной системы сосредотачиваются на трансфеноменальных методах применения атрибутики сложности в образовательной практике. Цель статьи состоит в определении принципиальных возможностей использования ведущих категорий теории сложности в обучении иностранным языкам в академической среде. Исследование эмерджентности и самоорганизации как главных свойств сложности позволяет выявить присущие им устойчивые единицы, которые отражают глубинные процессы языкового сознания. Опора на данные единицы соответствует принципу нелинейности сложной системы, так как инвариантные образования интегрируют условия академического социума и языковых моделей, адекватно интерпретируемые изучающими иностранный язык. Моделирование учебного процесса с позиций инвариантности делает возможным применение принципов теории сложности в образовательных технологиях.

Ключевые слова: теория сложных систем, изучение языка, высшее образование, английский язык как иностранный, эмерджентность, (возникновение), самоорганизация, вариативность, инвариантность.

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (83)

2026

Главный редактор
д.соц.н., проф. С.А. Судьин

Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 45,4. Усл. печ. л. 39,4. Тираж 100 экз. Заказ № 583/0223.
Дата выхода в свет: 15.09.2026
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016

Информационная продукция для детей старше 16 лет